История
КПСС
в воспоминаниях
современников

ПЕРВЫЙ ШТУРМ САМОДЕРЖАВИЯ

Политиздат

1905
1907

ИНСТИТУТ
МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
ПРИ ЦК КПСС

История КПСС в воспоминаниях современников

1905
1907

ПЕРВЫЙ ШТУРМ САМОДЕРЖАВИЯ

Москва
Издательство
политической
литературы
1989

ББК 66.61(2)253
П26

Под общей редакцией
доктора исторических наук
В. В. ЖУРАВЛЕВА

Руководитель тома —
доктор исторических наук
А. Ф. КОСТИН

Составители:
Л. Г. АНОХОВА, В. К. ГАВРИЛИНА, А. И. СЕРЕДА

П26 **Первый** штурм самодержавия, 1905—1907 годы/Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— М.: Политиздат, 1989.— 543 с.: ил.— (История КПСС в воспоминаниях современников).
ISBN 5—250—00525—X

В книге публикуются воспоминания современников революции 1905—1907 годов, принимавших непосредственное участие в событиях того времени. Написанные преимущественно в 20-е годы, они свободны от наслоений догматизма и культа личности, дают наиболее точную и достоверную картину прошлого. Каждый из трех разделов книги открывается ленинскими статьями, характеризующими роль и политику партии в революционном движении.
Адресуется широкому кругу читателей.

П $\frac{0902020000-096}{079(02)-89}$ 272—89

ББК 66.61(2)253

ISBN 5—250—00525—X

Без такой «генеральной репетиции», как в 1905 году, революция в 1917 как буржуазная, февральская, так и пролетарская, Октябрьская, были бы невозможны.

В. И. Ленин

ВВЕДЕНИЕ

Материалы настоящего тома отражают события истории КПСС периода российской революции 1905—1907 годов — первой буржуазно-демократической революции нового типа. Она проходила в условиях вступления мира в империалистическую эпоху, когда социально-экономические противоречия общественного развития достигли своего крайнего напряжения. С особой силой эти противоречия проявились в России, которая была наиболее слабым звеном в цепи империализма. Сюда перемещается центр мирового революционно-освободительного движения.

Как известно, на рубеже XIX и XX веков в России к старым противоречиям «между самодержавием и всем народом» прибавились новые — «между трудом и капиталом». Промышленный кризис 1900—1903 годов еще больше обострил социальную напряженность в стране, усугубил нараставшую зависимость от иностранных монополий и вызвал острую необходимость радикальных преобразований. Однако российский капитализм, развивавшийся на не очищенной полностью от пережитков крепостничества почве, не мог покончить с архаичной системой землевладения, которая наряду с самодержавием являлась главным источником отсталости и консерватизма. «...Самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм»[1] — так характеризовал Ленин конфликтность социально-экономической структуры страны начала XX века, объяснявшую неизбежность революции в России.

Революция 1905—1907 годов не была простым повторением буржуазных революций на Западе. Антифеодальная по своему основному содержанию, она вместе с тем принципиально отличалась от них по составу движущих сил, а также по средствам и методам борьбы. Революция проходила в изменившихся условиях общественного развития, когда гегемония, руководящая роль в освободительном движении перешла от буржуазии к пролетариату, самому передовому и последовательно революционному классу современного общества. Все это в конечном счете определило историческое своеобразие революции, ее принципиальное отличие от буржуазных революций прошлого.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 417.

Главная задача революции заключалась, по определению В. И. Ленина, в свержении царского самодержавия, ликвидации помещичьего землевладения и установлении демократической республики. Не затрагивая непосредственно буржуазных общественных отношений, революция была призвана расчистить почву от всех остатков крепостничества, создать условия для более свободного развития классовой борьбы, а также для последующего перерастания этой революции в социалистическую. Впервые в ходе революции был создан широкий демократический фронт, включавший в себя борьбу рабочего класса, крестьянскую революцию, выступления городских демократических слоев, солдат и матросов. Революция охватила всю страну — от центра до окраин. Большой размах приобрело национально-освободительное движение, сомкнувшееся с революционной борьбой пролетариата. Под его руководством складывался боевой союз всех угнетенных масс страны.

Первая российская революция носила подлинно народный характер. Выражая нужды и чаяния «нижайших низов», она пробудила к активной политической жизни самые широкие трудящиеся массы города и деревни, подняла их на решительную борьбу с самодержавием и всеми остатками крепостничества. Стремительно нараставшее массовое революционное движение характеризовалось невиданным дотоле разнообразием средств и методов борьбы, их динамизмом и эффективностью. Традиционная пролетарская стачка, ставшая главным средством раскачивания масс, сочеталась с уличной демонстрацией, а стачки и демонстрации в свою очередь нередко перерастали в вооруженное восстание. Возросший натиск пролетариата на твердыни самодержавия оказал сильное влияние на развитие крестьянской борьбы в деревне. Усилилось революционное движение в армии и на флоте.

Важную роль в развитии революции сыграл III съезд РСДРП, созванный большевиками весной 1905 года. Съезд разработал четкую тактическую линию большевистской партии в демократической революции. В качестве основных задач он выдвинул подготовку вооруженного восстания и создание временного революционного правительства, способного на деле осуществить партийную программу-минимум, стать органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Решения съезда по вопросам тактики, достигнутые в острой полемике с меньшевиками, идейно вооружали большевиков в их борьбе за полную победу революции.

Осенью революция поднялась к своему зениту. Если в январе — марте число стачечников едва превышало 800 тысяч, то в октябре — ноябре бастовало уже свыше двух миллионов рабочих и служащих. Участники массового стачечного движения, активно поддерживавшие демократические лозунги большевистской партии, требовали свержения царизма и установления демократических свобод, установления 8-часового рабочего дня и конфискации всей

имеющейся земли в пользу крестьянства. Всего в разных формах борьбы приняли участие свыше пяти миллионов рабочих, крестьян, представителей средних слоев населения, демократической интеллигенции.

Октябрьская политическая стачка, начавшаяся по решению Московского комитета РСДРП и представителей собрания большевистских организаций Казанской, Ярославской и Курской железных дорог, быстро распространилась на всю страну. В ходе забастовок явочным порядком осуществлялись требования свободы слова, собраний, печати, на предприятиях вводился 8-часовой рабочий день.

В ряде городов и поселков возникли Советы рабочих депутатов, сыгравшие важную историческую роль в революции и ставшие прообразом будущей пролетарской государственности. В 1905 году они проделали путь от органов руководства стачечным движением пролетариата до зачаточных органов революционной власти, действовавших на высшем этапе борьбы. Советы, подчеркивал Ленин, не являлись результатом кабинетного мышления революционных идеологов и не были выдуманы какой-либо партией — они представляли собой продукт самобытного народного творчества, проявления самодеятельности народа, борющегося за свое освобождение от старых полицейских пут [1].

Всероссийскую политическую стачку в октябре 1905 года В. И. Ленин назвал первой великой победой революции. Она нанесла по самодержавию удар такой силы, который заставил царское правительство временно отступить и «даровать» народу некоторые свободы. В манифесте царя, обнародованном 17 октября по старому стилю, содержалось обещание расширить избирательные права трудящихся и созвать законодательную Думу. Эта вынужденная уступка свидетельствовала о сложившемся «равновесии сил» борющихся сторон, когда царизм уже не мог подавить революцию, а революция еще не могла раздавить царизм [2].

Однако установившееся временное равновесие сил между революцией и контрреволюцией не означало ни перемирия, ни ослабления борьбы. Напротив, оно было чревато неизбежностью новых взрывов и острых классовых столкновений. В сложившейся конкретно-исторической обстановке стачка исчерпала себя и начала перерастать в вооруженное восстание.

К высшей точке революции вел весь ход массового стачечного движения в стране. В Москве, как и в большинстве городов, восстание выросло из массовой политической стачки. Московский Совет действовал как орган революционной власти. Он наводил порядок на улицах города, заботился об охране имущества граждан, регулировал торговлю, следил за бесперебойным снабжением населения продуктами питания и т. п. Но главной заботой Совета было руководство ходом нараставших боев на Пресне и в других райо-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 317.
[2] См. там же, с. 28.

нах города. В ночь на 10 декабря восставшие начали строить баррикады и одновременно развернули борьбу за войско. В строительстве баррикад участвовали тысячи москвичей — мужчин, женщин, подростков. Боевые дружины рабочих вступали в открытые столкновения с войсками и полицией.

Восставший пролетариат Москвы на протяжении девяти дней и ночей вел ожесточенные бои с превосходящими по численности и вооружению силами врага. По примеру москвичей вооруженные восстания вспыхнули во многих городах Центральной России, Украины, Северного Кавказа, Урала, Сибири, Прибалтики. Однако его отдельные очаги не были связаны между собой, и вооруженная борьба приняла, как отмечал В. И. Ленин, «форму разрозненных местных восстаний»[1]. Это облегчило царизму борьбу с ними.

Однако поражение восстаний не означало конца революции, как это можно было услышать от меньшевиков и буржуазных либералов. Революция вступила в трудную полуторагодовую полосу борьбы — сначала в условиях спада, а затем и отступления ее боевых сил. И на протяжении всего этого тяжелого революционного периода большевики находились в гуще масс: они учили массы не только наступать, но и правильно отступать. При этом были использованы как нелегальные — вооруженные, так и легальные — парламентские формы борьбы, обогатившие мировое рабочее и национально-освободительное движение ценным историческим опытом.

Важнейшая особенность первой российской революции состояла в том, что она готовилась и проходила под руководством большевистской партии во главе с В. И. Лениным. Возникшая на прочном фундаменте соединения теории марксизма с рабочим движением, наша партия уже в самом начале XX века сформировалась как в идейно-теоретическом, так и в организационно-политическом отношении. В ходе революционных битв она выросла в ведущую политическую силу. «Весной 1905 г.,— писал Владимир Ильич,— наша партия была союзом подпольных кружков; осенью она стала партией *миллионов* пролетариата»[2].

В. И. Ленин был подлинным вождем революции, ее теоретиком и организатором. В ленинском теоретическом наследии получили свое всестороннее обоснование идеи гегемонии пролетариата в демократической революции, его союза с крестьянством, роль марксистской партии как политического вождя рабочего класса и всех трудящихся. В упорной борьбе с оппортунизмом меньшевиков и их сторонников в российской и международной социал-демократии Владимир Ильич творчески развил учение Маркса и Энгельса применительно к изменившимся условиям классовой борьбы пролетариата.

Ленинские идеи и теоретические положения об особенностях буржуазно-демократической революции нового типа, ее движущих

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 229.
[2] Там же, т. 17, с. 145.

силах и революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, о путях решения аграрно-крестьянского и национального вопроса, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую явились выдающимся вкладом в сокровищницу марксизма.

Ни одна политическая партия России, претендовавшая на руководящее положение в революции, не имела такой четкой программы и тактики, какой располагала партия большевиков-ленинцев. Большевики были не только теоретиками и пропагандистами революции, но и ее практическими участниками, активными борцами. Они выступали в качестве инициаторов и организаторов рабочих стачек и вооруженных восстаний, руководили Советами, профсоюзами и другими массовыми организациями трудящихся. Благодаря революционной энергии масс, их мужеству и самоотверженности, умелому руководству большевистской партии во главе с Лениным революция 1905—1907 годов получила небывало широкий размах и обогатила мировое освободительное движение новыми формами и средствами борьбы.

Российская революция 1905—1907 годов, несмотря на поражение, составила одну из самых героических страниц нашей отечественной истории. Первый решительный штурм самодержавия при всех его недостатках явился поворотным пунктом в развитии рабочего, всего освободительного движения. Он расчистил путь к победе Великого Октября и стал могучим прологом социальных революций XX столетия.

* * *

Рассматриваемый период истории КПСС получил сравнительно широкое освещение в нашей литературе. За годы Советской власти издано немало монографических работ, научных исследований по различным вопросам жизни и деятельности партии в годы революции, сборников партийных документов, произведений публицистического и художественного характера. Свое особое место среди них занимают и воспоминания ветеранов партии, активных участников рабочего и революционно-демократического движения.

Не будет преувеличением сказать, что воспоминания современников первой российской революции, систематически публиковавшиеся в периодических изданиях 20-х годов, явились ценным пополнением источниковой базы историко-партийной литературы, ее расширением и обогащением. Живая память непосредственных участников революционного движения давала наиболее точную и достоверную информацию о событиях прошлого, способствовала повышению качества научных исследований по истории партии. К сожалению, такое благоприятное положение продолжалось недолго. Начиная с 30-х годов издание воспоминаний резко сократилось, а затем и прекратилось вовсе. При этом поступавшие в издательства рукописи искажались в духе догматических стереотипов «Краткого курса истории ВКП(б)», оказавшего негативное влияние на последующее развитие советской историографии. В

результате произошло обеднение истории КПСС как науки, ослабление ее познавательной роли и воспитательного значения.

Помещенные в книге воспоминания, извлеченные из старых, забытых и полузабытых журналов, вновь — порой через пятьдесят и более лет — становятся достоянием широкого круга советских читателей. Тем самым прошлое ставится на службу современности.

Воспоминания современников, напечатанные в томе, охватывают всю историю первой российской революции — с января 1905 по июнь 1907 года. Они расположены в хронологическом порядке, совпадающем в основном с общепринятой периодизацией. Мемуары печатаются по тексту журналов 20-х годов и других изданий, вышедших после XX съезда партии. Некоторые из них даются с небольшими сокращениями, которые касаются лишь второстепенных деталей, сюжетов, не затрагивающих основного содержания публикаций. Последние обозначаются многоточиями в тексте, а в отдельных случаях оговариваются в подстрочных примечаниях. Здесь же фиксируются изменения в названиях воспоминаний, внесенные редакцией книги.

В конце книги помещены краткие биографические сведения об авторах воспоминаний.

I
НАЧАЛО И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИИ

(январь — сентябрь 1905 года)

В. И. Ленин

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Женева, среда 25 (12) января.

Величайшие исторические события происходят в России. Пролетариат восстал против царизма. Пролетариат был доведен до восстания правительством. Теперь вряд ли возможны сомнения в том, что правительство умышленно давало сравнительно беспрепятственно развиться стачечному движению и начаться широкой демонстрации, желая довести дело до применения военной силы. И оно довело до этого! Тысячи убитых и раненых — таковы итоги кровавого воскресенья 9 января в Петербурге. Войско победило безоружных рабочих, женщин и детей. Войско одолело неприятеля, расстреливая лежавших на земле рабочих. «Мы дали им хороший урок!»,— с невыразимым цинизмом говорят теперь царские слуги и их европейские лакеи из консервативной буржуазии.

Да, урок был великий! Русский пролетариат не забудет этого урока. Самые неподготовленные, самые отсталые слои рабочего класса, наивно верившие в царя и искренне желавшие мирно передать «самому царю» просьбы измученного народа, все они получили урок от военной силы, руководимой царем или дядей царя, великим князем Владимиром.

Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни. Лозунг геройского петербургского пролетариата «смерть или свобода!» эхом перекатывается теперь по всей России. События развиваются с поразительной быстротой. Всеобщая стачка в Петербурге растет. Вся промышленная, общественная и политическая жизнь парализована. В понедельник 10 января столкновения рабочих с войском становятся ожесточеннее. Вопреки лживым правительственным сообщениям, кровь льется во многих и многих частях столицы. Поднимаются рабочие Колпина. Пролетариат вооружается и вооружает народ. Рабочие захватили, говорят, Сестрорецкий оружейный склад. Рабочие запасаются револьверами, куют себе оружие из своих инструментов, добывают бомбы для отчаянной борьбы за свободу. Всеобщая стачка охватывает провинции. В Москве 10 000 человек уже бросило работу. На завтра (четверг 13 января) назначена всеобщая стачка в Москве. Вспыхнул мятеж в Риге. Манифестируют рабочие в Лодзи, готовится восстание Варшавы, происходят демонстра-

ции пролетариата в Гельсингфорсе. В Баку, Одессе, Киеве, Харькове, Ковне и Вильне растет брожение рабочих и ширится забастовка. В Севастополе горят склады и арсенал морского ведомства, и войско отказывается стрелять в восставших матросов. Стачка в Ревеле и в Саратове. Вооруженное столкновение с войском рабочих и запасных в Радоме.

Революция разрастается. Правительство начинает уже метаться. От политики кровавой репрессии оно пытается перейти к экономическим уступкам и отделаться подачкой или обещанием девятичасового рабочего дня. Но урок кровавого дня не может пройти даром. Требование восставших петербургских рабочих — немедленный созыв учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права — должно стать требованием всех бастующих рабочих. Немедленное низвержение правительства — вот лозунг, которым ответили на бойню 9-го января даже верившие в царя петербургские рабочие, ответили устами их вождя, священника Георгия Гапона, который сказал после этого кровавого дня: «у нас нет больше царя. Река крови отделяет царя от народа. Да здравствует борьба за свободу!»

Да здравствует революционный пролетариат! — скажем мы. Всеобщая стачка поднимает и мобилизует все более широкие массы рабочего класса и городской бедноты. Вооружение народа становится одной из ближайших задач революционного момента.

Только вооруженный народ может быть действительным оплотом народной свободы. И чем скорее удастся вооружиться пролетариату, чем дольше продержится он на своей военной позиции забастовщика-революционера, тем скорее дрогнет войско, тем больше найдется среди солдат людей, которые поймут, наконец, что они делают, которые станут на сторону народа против извергов, против тирана, против убийц безоружных рабочих, их жен и детей. Как бы ни кончилось теперешнее восстание в самом Петербурге, во всяком случае оно неизбежно и неминуемо станет первой ступенью к еще более широкому, более сознательному, более подготовленному восстанию. Правительству, может быть, удастся отсрочить час расплаты, но отсрочка только сделает более грандиозным следующий шаг революционного натиска. Отсрочкой только воспользуется социал-демократия для сплочения рядов организованных бойцов и распространения вестей о почине петербургских рабочих. Пролетариат будет примыкать к борьбе, оставляя фабрики и заводы, готовя себе вооружение. В среду городской бедноты, в среду миллионов крестьянства будут шире и шире нестись лозунги борьбы за свободу. Революционные комитеты будут основываться на каждой фабрике, в каждом районе города, в каждом значительном селе. Восставший народ станет низвергать все и всяческие правительственные учреждения царского самодержавия, провозглашая немедленный созыв учредительного собрания.

Немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще, подготовка и организация революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений — вот та практическая

основа, на которой могут и должны соединиться для общего удара все и всякие революционеры. Пролетариат всегда должен идти своим самостоятельным путем, не ослабляя своей связи с социал-демократической партией, памятуя о своих великих конечных целях избавления всего человечества от всякой эксплуатации. Но эта самостоятельность социал-демократической пролетарской партии никогда не заставит нас забыть о важности общего революционного натиска в момент настоящей революции. Мы, социал-демократы, можем и должны идти независимо от революционеров буржуазной демократии, охраняя классовую самостоятельность пролетариата, но мы должны идти рука об руку во время восстания, при нанесении прямых ударов царизму, при отпоре войску, при нападениях на бастилии проклятого врага всего русского народа.

На пролетариат всей России смотрит теперь с лихорадочным нетерпением пролетариат всего мира. Низвержение царизма в России, геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара. И пусть каждый социал-демократ, пусть каждый сознательный рабочий помнит о том, какие величайшие задачи всенародной борьбы лежат теперь на его плечах. Пусть не забывает, что он представляет нужды и интересы и всего крестьянства, всей массы трудящихся и эксплуатируемых, всего народа против общенародного врага. У всех перед глазами стоит теперь пример героев-пролетариев Петербурга.

Да здравствует революция!

Да здравствует восставший пролетариат!

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 201—204

РЕВОЛЮЦИЯ УЧИТ [1]

Разногласия внутри политических партий и между политическими партиями разрешаются обыкновенно не только принципиальной полемикой, но и развитием самой политической жизни,— вернее даже будет сказать, пожалуй: не столько первой, сколько последним. В особенности разногласия, касающиеся тактики партии, т. е. ее политического поведения, исчерпываются часто фактическим переходом неправильно рассуждающих на правильный путь борьбы, под влиянием уроков жизни, под давлением самого хода событий, который вынуждает становиться на правильный путь, отодвигает просто-напросто в сторону ошибочные рассуждения, отнимает у них почву, делает их лишенными содержания, выдохшимися, ни для кого не интересными. Это не значит, конечно, чтобы принципиальные разногласия по вопросам тактики не имели серьезного значения, не требовали принципиальных разъяснений вопроса, единственно способных поддержать партию на высоте ее теоретических убеждений. Нет. Это значит лишь, что необходимо как можно чаще *проверять* заранее принятые тактические решения на основании новых политических событий. Такая проверка необходима и теоретически и практически: теоретически, чтобы убедиться на деле, на опыте в том, правильны ли и насколько именно принятые решения, какие исправления вынуждают внести в них происшедшие после их принятия политические события; — практически, чтобы научиться настоящим образом руководиться этими решениями, научиться видеть в них директивы, подлежащие непосредственному, немедленному применению на деле.

Революционная эпоха больше, чем всякая другая, дает материала для такой проверки, благодаря громадной быстроте политического развития и остроте нарастающих, обнаруживающихся и разрешающихся политических столкновений. Старая «надстройка» в революционную эпоху лопается, а новая создается у всех на глазах самодеятельностью различнейших социальных сил, показывающих на деле свою истинную природу.

[1] Статья *«Революция учит»* во всех предыдущих изданиях Сочинений В. И. Ленина публиковалась по газете «Пролетарий» № 9 от 26 (13) июля 1905 года, где она была впервые напечатана. Сохранилась рукопись этой статьи. При публикации в газете статья в своей первой части подверглась сокращениям, которые в тексте рукописи отмечены карандашом. *Ред.*

Так и русская революция дает нам чуть не каждую неделю поразительное богатство политического материала для проверки заранее выработанных нами тактических решений и для самых назидательных уроков относительно всей нашей практической деятельности. Возьмите одесские события. Одна из попыток восстания кончилась неудачей. Один из отрядов революционной армии потерпел поражение, он не уничтожен, правда, неприятелем, но оттеснен им на нейтральную территорию (подобно тому как немцы оттеснили одну французскую армию в Швейцарию в войну 1870—1871 года) и разоружен нейтральным государством. Неудача горькая, поражение тяжелое. Но какая пропасть отделяет эту неудачу в борьбе от тех неудач в торгашестве, которые сыпятся на господ Шиповых, Трубецких, Петрункевичей, Струве и всей этой буржуазной челяди царя! Энгельс сказал как-то: разбитые армии превосходно учатся [1]. Эти прекрасные слова применимы еще несравненно более к революционным армиям, пополняемым представителями передовых классов, чем к армиям той или другой нации. Пока не сметена прочь старая, прогнившая надстройка, заражающая весь народ своим гниением,— до тех пор всякое новое поражение будет поднимать новые и новые армии борцов, втягивая их в движение, просвещая их опытом их товарищей, уча их новым и высшим приемам борьбы. Конечно, есть еще гораздо более широкий коллективный опыт человечества, запечатлевшийся в истории международной демократии и международной социал-демократии, закрепленный передовыми представителями революционной мысли. Из этого опыта черпает наша партия материал для повседневной пропаганды и агитации. Но учиться непосредственно этому опыту могут лишь немногие, пока общество построено на угнетении и эксплуатации миллионов трудящихся. Массам приходится учиться больше всего на своем собственном опыте, оплачивая тяжелыми жертвами каждый урок, каждую новую ступень к освобождению. Тяжел был урок 9-го января, но он революционизировал настроение всего пролетариата всей России. Тяжел урок одесского восстания, но на почве революционизированного уже настроения он научит теперь революционный пролетариат не только бороться, но и побеждать. По поводу одесских событий мы скажем: революционная армия разбита,— да здравствует революционная армия!

В номере 7-ом нашей газеты мы говорили уже о том, как одесское восстание пролило новый свет на наши лозунги: революционная армия и революционное правительство [2]. В предыдущем номере мы говорили (статья тов. В. С.) о военных уроках восстания [3]. В настоящем номере мы останавливаемся еще раз на некоторых

---

[1] Имеется в виду статья Ф. Энгельса «Может ли Европа разоружиться?» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 413). *Ред.*

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 335—344. *Ред.*

[3] Упоминаемая В. И. Лениным статья В. С.— В. Северцева (В. В. Филатова) о военных уроках восстания под заглавием «Князь Потемкин Таврический», посвященная восстанию на броненосце «Потемкин», была опубликована в газете «Пролетарий» № 8 от 17 (4) июля 1905 года. *Ред.*

политических уроках его (статья: «Городская революция»). Теперь следует остановиться еще на проверке наших недавних тактических решений в том двояком отношении теоретической верности и практической целесообразности, о котором мы говорили выше.

Насущные политические вопросы современного момента — восстание и революционное правительство. Об этих вопросах всего больше говорили и спорили между собой социал-демократы. Этим вопросам посвящены главные резолюции III съезда РСДРП и конференции отколовшейся части партии. В области этих вопросов вращаются главные тактические разногласия внутри российской социал-демократии. Спрашивается теперь: в каком свете представляются эти разногласия *после* одесского восстания? Всякий, кто возьмет на себя труд перечитать теперь, с одной стороны, отзывы и статьи по поводу этого восстания, а с другой стороны, четыре резолюции, посвященные вопросам о восстании и о временном правительстве съездом партии и конференцией новоискровцев, увидит тотчас же, как последние под влиянием событий *фактически* стали переходить на сторону своих оппонентов, т. е. действовать не сообразно своим резолюциям, а сообразно резолюциям III съезда. Нет лучшего критика ошибочной доктрины, как ход революционных событий.

Под влиянием этих событий редакция «Искры» выпустила листок, озаглавленный: «Первая победа революции» и обращенный к «российским гражданам, рабочим и крестьянам». Вот самая существенная часть этого листка:

«Пришло время действовать смело и всеми силами поддержать смелое восстание солдат. Смелость теперь победит!

Созывайте же открытые собрания народа и несите ему весть о крушении военной опоры царизма! Где только можно, захватывайте городские учреждения и делайте их опорой революционного самоуправления народа! Прогоните царских чиновников и назначайте всенародные выборы в учреждения революционного самоуправления, которым вы поручите временное ведение общественных дел до окончательной победы над царским правительством и установления нового государственного порядка. Захватывайте отделения государственного банка и оружейные склады и вооружайте весь народ! Установите связь между городами, между городом и деревией, и пусть вооружеиные граждане спешат на помощь друг другу всюду, где помощь нужна! Берите тюрьмы и освобождайте заключенных в них борцов за наше дело: ими вы усилите ваши ряды! Провозглашайте повсюду низвержение царской монархии и замену ее свободной демократической республикой! Вставайте, граждане! Пришел час освобождения! Да здравствует революция! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует революциоиное войско! Долой самодержавие!»

Таким образом, перед нами решительный, открытый и ясный призыв к вооруженному всенародному восстанию. Перед нами столь же решительный, хотя, к сожалению, прикрытый и недоговоренный, призыв к образованию временного революционного правительства. Рассмотрим сначала вопрос о восстании.

Есть ли принципиальная разница между решением этого вопроса III съездом и конференцией? Несомненно. Мы говорили уже об этом в № 6 «Пролетария» («Третий шаг назад»)[1] и теперь со-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 317—327. *Ред.*

шлемся еще на поучительное свидетельство «Освобождения». В № 72-м его мы читаем, что «большинство» впадает в «отвлеченный революционизм, бунтарство, стремление какими угодно средствами поднять восстание в народной массе и от ее имени немедленно захватить власть». «Напротив, меньшинство, крепко держась за догму марксизма, вместе с тем сохраняет и реалистические элементы марксистского миросозерцания». Это суждение либералов, прошедших через приготовительную школу марксизма и через бернштейнианство, крайне ценно. Либеральные буржуа всегда упрекали революционное крыло социал-демократии за «отвлеченный революционизм и бунтарство», всегда хвалили оппортунистическое крыло за «реализм» их постановки вопроса. Сама «Искра» должна была признать (см. № 73, примечание по поводу одобрения г-ном Струве «реализма» брошюры тов. Акимова), что в устах освобожденцев «реалистический» означает *«оппортунистический»*. Гг. освобожденцы не знают иного реализма, кроме ползучего; им совершенно чужда революционная диалектика марксистского реализма, подчеркивающего боевые задачи передового класса, открывающего в существующем элементы его ниспровержения. Поэтому характеристика двух течений в социал-демократии, данная «Освобождением», лишний раз подтверждает доказанный нашей литературой факт, что «большинство» есть революционное, а «меньшинство» оппортунистическое крыло русской социал-демократии.

«Освобождение» решительно признает, что по сравнению со съездом «совершенно иначе относится к вооруженному восстанию конференция меньшинства». И в самом деле, резолюция конференции, во-первых, побивает самое себя, то отрицая возможность планомерного восстания (п. 1), то признавая ее (п. d), а во-вторых, ограничивается лишь перечнем *общих* условий «подготовки восстания», как-то: a) расширение агитации, b) укрепление связи с движением масс, c) развитие революционного сознания, d) установление связи между разными местностями, e) привлечение непролетарских групп к поддержке пролетариата. Напротив, резолюция съезда прямо выдвигает позитивные лозунги, признавая, что движение *уже привело* к необходимости восстания, призывая организовать пролетариат для непосредственной борьбы, принять самые энергичные меры к его вооружению, разъяснять в пропаганде и агитации «не только политическое значение» восстания (этим ограничивается, в сущности, резолюция конференции), но и практически-организационную его сторону.

Чтобы яснее представить различие того и другого решения вопроса, припомним развитие социал-демократических взглядов по вопросу о восстании со времени возникновения массового рабочего движения. Первая ступень. 1897-ой год. В «Задачах русских социал-демократов» Ленина читаем: «Решать теперь вопрос, к какому средству прибегнет социал-демократия для непосредственного свержения самодержавия, изберет ли она восстание или массовую политическую стачку, или иной прием атаки, было бы похоже на то, как если бы генералы, не собрав армии, устроили военный

совет» (стр. 18)[1]. Здесь, как мы видим, нет даже речи о подготовке восстания, а только о собирании армии, т. е. о пропаганде, агитации, организации вообще.

Вторая ступень. 1902-ой год. В «Что делать?» Ленина читаем:

«...Представьте себе народное восстание. В настоящее время (февраль 1902 года), вероятно, все согласятся, что мы должны думать о нем и готовиться к нему. Но *как* готовиться? Не назначить же Центральному Комитету агентов по всем местам для подготовки восстания! Если бы у нас и был ЦК, он таким назначением ровно ничего не достиг бы при современных русских условиях. Наоборот, сеть агентов, складывающаяся сама собой на работе по постановке и распространению общей газеты, не должна была бы «сидеть и ждать» лозунга к восстанию, а делала бы именно такое регулярное дело, которое гарантировало бы ей наибольшую вероятность успеха в случае восстания. Именно такое дело закрепляло бы связи и с самыми широкими массами рабочих и со всеми недовольными самодержавием слоями, что так важно для восстания. Именно на таком деле вырабатывалась бы способность верно оценивать общее политическое положение и, следовательно, способность выбрать подходящий момент для восстания. Именно такое дело приучало бы *все* местные организации откликаться одновременно на одни и те же волнующие всю Россию политические вопросы, случаи и происшествия, отвечать на эти «происшествия» возможно энергичнее, возможно единообразнее и целесообразнее,— а ведь восстание есть, в сущности, самый энергичный, самый единообразный и самый целесообразный «ответ» всего народа правительству. Именно такое дело, наконец, приучало бы все революционные организации во всех концах России вести самые постоянные и в то же время самые конспиративные сношения, создающие *фактическое* единство партии,— а без таких сношений невозможно коллективно обсудить план восстания и принять те необходимые подготовительные меры накануне его, которые должны быть сохранены в строжайшей тайне» (стр. 136—137)[2].

Какие положения выставляет по вопросу о восстании это рассуждение? 1) Нелепость идеи «подготовки» восстания в смысле назначения особых агентов, которые бы «сидели и ждали» лозунга. 2) Необходимость *складывающейся на общей работе* связи между людьми и организациями, делающими регулярное дело. 3) Необходимость закрепления на таком деле связей между пролетарскими (рабочие) и непролетарскими (все недовольные) слоями. 4) Необходимость совместной выработки способности оценивать верно политическое положение и «откликаться» целесообразнее на политические происшествия. 5) Необходимость фактического объединения всех местных революционных организаций.

Перед нами, следовательно, ясно выдвинут уже лозунг *подготовки восстания*, но нет еще прямого призыва к восстанию, нет

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 461. *Ред.*

[2] Там же, т. 6, с. 178—179. *Ред.*

еще признания, что движение «уже привело» к его необходимости, что необходимо тотчас вооружаться, организоваться в боевые группы и т. д. Перед нами — разбор как раз тех самых условий подготовки восстания, которые *чуть ли не буквально повторены* в резолюции конференции (в 1905 году!!).

Третья ступень. 1905-ый год. В газете «Вперед» и затем в резолюции III съезда делается дальнейший шаг вперед: *кроме* общеполитической подготовки восстания выдвигается *прямой лозунг* тотчас организоваться и вооружаться для восстания, устраивать особые (боевые) группы, ибо движение «уже привело к необходимости вооруженного восстания» (п. 2-ой резолюции съезда).

Эта небольшая историческая справка приводит к трем несомненным выводам: 1) Прямую ложь представляет из себя утверждение либеральных буржуа, освобожденцев, будто мы впадаем в «*отвлеченный* революционизм, бунтарство». Мы ставим и ставили всегда этот вопрос именно не «отвлеченно», а *на конкретную почву,* различно решая его в 1897, 1902 и 1905 годах. Обвинение в бунтарстве есть оппортунистическая фраза господ либеральных буржуа, готовящихся предать интересы революции и изменить ей в эпоху решительной борьбы с самодержавием. 2) Конференция новоискровцев остановилась на второй ступени развития вопроса о восстании. В 1905 году она повторила лишь то, что было достаточно только в 1902 г. Она года на три *отстала* от революционного развития. 3) Под влиянием уроков жизни, именно одесского восстания, новоискровцы фактически признали необходимость действовать по указаниям не своей, а съездовской резолюции, т. е. признали задачу восстания неотложной, прямые и немедленные призывы к непосредственной организации восстания и вооружения безусловно необходимыми.

Отсталая социал-демократическая доктрина сразу отстранена революцией. У нас стало еще одним препятствием меньше к практическому объединению на общей работе с новоискровцами, причем, разумеется, это не означает еще полного устранения принципиальных разногласий. Мы не можем удовлетвориться тем, чтобы наши тактические лозунги ковыляли вслед за событиями, приспособляясь к ним после их совершения. Мы должны стремиться к тому, чтобы эти лозунги вели нас вперед, освещали наш дальнейший путь, поднимали нас выше непосредственных задач минуты. Чтобы вести последовательную и выдержанную борьбу, партия пролетариата не может определять своей тактики от случая к случаю. Она должна в своих тактических решениях соединять верность принципам марксизма с верным учетом передовых задач революционного класса.

Возьмите другой насущный политический вопрос о временном революционном правительстве. Здесь мы видим, пожалуй, еще яснее, что в своем листке редакция «Искры» фактически порывает с лозунгами конференции и принимает тактические лозунги III съезда. Нелепая теория «не ставить себе целью захватить» (для демократического переворота) «или разделить власть во временном

правительстве» выброшена за борт, ибо листок прямо призывает «захватывать городские учреждения» и организовывать «временное ведение общественных дел». Нелепый лозунг «оставаться партией крайней революционной оппозиции» (нелепый в эпоху революции, хотя очень правильный для эпохи только парламентарной борьбы) фактически сдан в архив, ибо одесские события заставили «Искру» понять, что во время восстания смешно ограничиваться этим лозунгом, что надо активно звать к восстанию, к самому энергичному проведению его и использованию революционной власти. Нелепый лозунг «революционные коммуны» тоже отброшен, ибо события в Одессе заставили «Искру» понять, что этот лозунг лишь облегчает смешение демократического и социалистического переворота. А смешивать эти различнейшие вещи было бы лишь авантюризмом, свидетельствующим о полной неясности теоретической мысли и способным затруднить осуществление насущно необходимых практических мер, облегчающих рабочему классу борьбу за социализм в демократической республике.

Припомните полемику новой «Искры» с «Вперед», ее тактику «только снизу» в противоположность впередовскому «и снизу и сверху»,— и вы увидите, что «Искра» приняла наше решение вопроса, призывая теперь прямо сама к действию сверху. Припомните опасения «Искры» насчет того, как бы не скомпрометировать нам себя ответственностью за казначейство, финансы и т. п.,— и вы увидите, что если «Искру» не убедили наши доводы, то ее убедили в верности этих доводов сами события, ибо «Искра» в приведенном листке прямо рекомендует «захватывать отделения государственного банка». Нелепая теория, будто революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, их совместное участие во временном революционном правительстве есть «измена пролетариату» или «вульгарный жоресизм (мильеранизм)» — просто забыта новоискровцами, которые теперь сами обращаются именно к рабочим и крестьянам с призывом захватывать городские учреждения, отделения государственного банка, оружейные склады, «вооружать весь народ» (очевидно, теперь уже вооружать *оружием,* а не только «жгучей потребностью самовооружения»), провозглашать низвержение царской монархии и т. д.— одним словом, действовать целиком по программе, данной в резолюции III съезда, действовать именно так, как указывает лозунг революционно-демократической диктатуры и временного революционного правительства.

Правда, ни того, ни другого лозунга «Искра» в своем листке не упоминает. Она перечисляет и описывает все действия, совокупность которых характерна для временного революционного правительства, но она избегает этого слова. Это она напрасно. Фактически она принимает сама этот лозунг. Отсутствие же ясного термина способно лишь посеять колебания, нерешительность, путаницу в умы борцов. Боязнь *слова:* «революционное правительство», «революционная власть» есть чисто анархическая и недостойная

марксиста боязнь. Чтобы «захватить» учреждения и банки, «назначить выборы», поручить «временное ведение дел», «провозгласить низвержение монархии»,— для этого безусловно необходимо осуществить и провозгласить сначала временное революционное правительство, которое бы объединило и направило к одной цели всю военную и политическую деятельность революционного народа. Без такого объединения, без всеобщего признания временного правительства революционным народом, без перехода к нему всей власти, всякий «захват» учреждений, всякое «провозглашение» республики останутся простой и пустой бунтарской выходкой. Не сконцентрированная революционным правительством революционная энергия народа после первой удачи восстания лишь раздробится, рассыплется на мелочи, утратит общенациональный размах, не осилит задачи удержать захваченное и осуществить провозглашенное.

Повторяем: фактически, на деле, социал-демократы, не признающие решений III съезда РСДРП, вынуждены ходом событий действовать именно по данным им лозунгам, выбросив за борт лозунги конференции. Революция учит. Наше дело — использовать до капли ее уроки, привести в соответствие наши тактические лозунги с нашим поведением и нашими ближайшими задачами, распространить в массе правильное понимание этих ближайших задач, приступить самым широким образом к организации рабочих везде и повсюду для боевых целей восстания, для создания революционной армии и образования временного революционного правительства!

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 133—143

И. В. Попов

9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА
В ПЕТЕРБУРГЕ

Наступил морозный январь 1905 года. Монархическая пропаганда Гапона дала обильные всходы на окраинах Питера. Трудовой народ еще верил попам и царю, не понимая истинной причины своих бедствий, не представляя своей роли в грядущих событиях. Пользуясь этим, Гапон до хрипоты выступал перед толпами людей за Нарвской, Московской и Невской заставами. Его влияние росло. Вскоре началось обсуждение на собраниях проекта прошения царю.

В Ново-Прогонном переулке в помещении гапоновского собрания и на улице обсуждали требования, записанные в петиции. Перед толпой в переулке выступал Корней, слесарь из наших мастерских, грамотный и толковый оратор. Его плотная фигура возвышалась над толпой, ветер шевелил темные волосы. Говорил он спокойно и деловито. Взвинченная монархической пропагандой настороженная толпа притихла. Мы с Колей и Алексеем Соловьевым на всякий случай держались поближе к Корнею, теперь мы уже не ходили сюда в одиночку. Корней говорил о войне и тяжелой жизни рабочих.

— Не просить, а требовать надо от царя и капиталистов. Бороться за свои права! Свободу нельзя получить как милостыню, ее можно только завоевать с оружием в руках, а не с иконами!

По толпе прокатился сдержанный гул.

— К царю вас не пустят! В вас будут стрелять!

— А ну расступись, православные! — рявкнул рыжий мужик в суконной поддевке.— Ты иконы не трожь, смутьян! Не с тобой пойдем, а с отцом Гапоном,— выкрикивал он, распихивая локтями толпу и надвигаясь на Корнея. За мужиком торопились еще несколько краснорожих молодцов, матерясь и потрясая кулаками.

— Бей его, смутьяна! Бей нехристя! — гудела толпа. Мужик в суконной поддевке замахнулся на Корнея, но, не успев ударить, рухнул в кипящий людской водоворот, сбитый с ног нашими парнями. Завязалась свалка, из которой мы еле вытащили Корнея. Несдобровать бы ему, если бы не наши крепкие кулаки.

Несмотря ни на что, по заданию подпольной организации большевики продолжали выступать везде, где собирался взбудораженный народ, разъясняли контрреволюционную сущность гапоновщины и призывали рабочих к борьбе с самодержавием.

8 января стачка стала всеобщей. Жизнь города была парали-

зована: не работали электростанции и водопровод, не выходили газеты. Притихли заводы за Невской заставой. Оживление царило в Ново-Прогонном переулке. С утра и до поздней ночи шумел здесь народ и шли непрерывные собрания.

8 января с утра мы с Колей, спрятав за пазухой по пачке листовок Петербургского комитета РСДРП «Ко всем петербургским рабочим», отправились в Ново-Прогонный переулок. Сюда тянулись вереницы людей подписывать прошение. На улице стоял накрытый скатертью стол, на нем лежали чистые листы бумаги. Люди подходили к столу с серьезными, сосредоточенными лицами, истово крестились. Мужчины снимали шапки. Озябшими руками грамотные старательно выводили свои фамилии, а неграмотные (их было большинство) вместо подписи ставили кресты. «Прошение будет читать царь»,— думалось каждому.

Люди до темноты все шли и шли, испещряя вкривь и вкось белую бумагу крестами и каракулями. Чернила замерзали, и листы обильно усеивали кляксы.

А мы у поворота в переулок и в толпе у особняка исподтишка раздавали листовки. Сначала оглянешься — нет ли поблизости шпика? Заядлых гапоновцев-стариков обходишь стороной: лучше с ними не связываться, опять набьют шею. Заметив подходящего человека, подойдешь сзади и тихо сунешь в его карман сложенную вчетверо листовку. Заслышав шелест бумаги, догадливый мастеровой ощупает ее в кармане и проходит дальше. А один развернул листовку, остановился в толпе и прочел вслух:

— «Такой дешевой ценой, как одна петиция, хотя и поданная попом от имени рабочих, свободу не покупают. Свобода покупается кровью, свобода завоевывается с оружием в руках в жестоких боях! Не просить царя и даже не требовать от него, не унижаться перед нашим заклятым врагом, а сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю самодержавную шайку — только таким путем можно завоевать свободу!»

Окружающие слушали хмуро и молчали.

— А ну дай сюда! — потребовал бородатый старик и потянулся к листовке.

— Не трожь. Не тобой писано! — негромко предостерег старика плечистый мужчина, заслоняя мастерового с листовкой.

Некоторые, даже не читая листовку, с руганью рвали ее на мелкие клочки и шли подписывать петицию. Не только темные люди, но и многие грамотные квалифицированные мастеровые, еще не осознавшие своих классовых интересов, искренне верили Гапону и призывали других идти к Зимнему за царской милостью.

Поздно ночью 8 января мы собрались у Тетина. Он рассказал о решении Невского райкома РСДРП: ввиду того что невозможно предотвратить шествие к дворцу, принять в нем участие, быть с народом, разъяснять необходимость борьбы с самодержавием...

В раннее тихое утро 9 января 1905 года мы вышли на улицу. По Шлиссельбургскому тракту[1] к Невской заставе двигались

[1] Шлиссельбургский тракт проходил через Обводный канал по проспекту Обуховской обороны. *Ред.*

люди в праздничных одеждах. Ближе к Ново-Прогонному переулку тракт запрудил народ. Впереди на чистых полотенцах пожилые мужчины и женщины держали большие иконы в блестящих ризах из часовни Скорбящей богоматери и портреты царя. Над толпой колыхались хоругви — на тусклой позолоте темнел строгий лик Христа.

— Пошли!.. С богом!.. — крикнул кто-то впереди, и толпа двинулась, далеко растянувшись по тракту.

— Спаси, господи, люди твоя и благослови достояние твое!..— как последняя надежда обездоленных людей звучала в морозном воздухе старая молитва.

Мужчины, женщины с детьми, старики шли неторопливо, уверенно, с торжественной решимостью и просветленными лицами. Вся Невская застава выплеснулась на тракт и двинулась к центру. Мы с Колей оказались в середине процессии. Когда голова ее подошла к Шлиссельбургской пожарной части, впереди что-то произошло: стихла молитва и по толпе пошел гул.

Вдруг в морозном воздухе рвануло сухим треском и эхом отдалось на другом берегу Невы. Толпа оцепенела. Хоругви закачались и стали падать в гущу народа.

— Казаки!.. Солдаты!.. Стреляют!.. — кричали люди и бежали во дворы, через огороды, в страхе жались к заборам. Захлебываясь слезами и ужасом, кричал чей-то ребенок. Посредине тракта на затоптанном снегу стояла на коленях старая женщина в клетчатой шали.

— Богородица матушка! Спаси и помилуй! — молилась она, подняв к небу узловатые руки. Крупные слезы катились по ее морщинистым щекам.

— Пойдем, Ванюшка, через Неву! — крикнул Коля.

Мы перемахнули через забор, пробежали огородом и колобками скатились на реку. Здесь было просторно и ветрено. Народ цепочками тянулся по неровному, занесенному снегом льду и протоенной к другому берегу дороге...

Десятки тысяч людей, просочившись ручейками через заслоны войск, все еще несли свою веру и надежду к Зимнему, несли иконы и портреты кровавого царя. И мы с Колей шли с ними в большой тревоге: а что же будет на Дворцовой площади? У Александровского сада мы остановились. Огромная толпа не двигалась дальше.

— Почему не идут на площадь, отец? — спросил я высокого бородатого старика.

— А ты поди, поди, сынок! Там солдаты, они тя пустят! — сердито ответил он.

Впереди призывно запел солдатский рожок, и вслед рванул залп, за ним другой, третий...

— Стреляют, ироды! — громко удивился старик, и вдруг его ноги в больших серых валенках подогнулись, и он свалился на обочину тротуара.

Толпа завопила, закричала, шарахнулась назад. На снегу чернели неподвижные тела, подтекавшие алыми пятнами. За толпой

вдогонку мчались казаки с саблями наголо, рубили и топтали бегущих в ужасе людей. Пытаясь укрыться от казачьих сабель, люди метались по улице, ломились в запертые ворота и подъезды. Подхваченные толпой, побежали и мы. Сначала рыжий Колин башлык мелькал рядом. Я споткнулся о что-то мягкое и грохнулся на мостовую, под ноги бегущих людей. Они наступали и падали на меня, не давая подняться.

Лошадиные копыта больно брызнули в лицо комьями мерзлого снега. Я прижался к обледенелой мостовой, охватив голову руками, а надо мной мчались кони. Не знаю, сколько пролежал так, оглушенный и обессиленный. Наконец я опомнился.

«Жив!» — промелькнуло в сознании. Поднял голову и огляделся: топот, крики, выстрелы раздавались впереди; на окровавленном снегу лежали люди, некоторые шевелились и стонали; из материнской кошелки рассыпалась печеная картошка; неподалеку валялась изломанная и растоптанная хоругвь.

— Коля!.. Коля!.. — отчаянно закричал я.

— Не ори, парень,— пробурчал лежавший рядом человек.— Ползи, пока цел! — Втянув голову в плечи, он проворно пополз к домам. Я тоже отполз в сторону и поднялся на ноги. Лязгая зубами от внезапного озноба, я осматривал лежавшие на улице тела и не нашел ни одного в рыжем башлыке. Мужчины без шапок, раскинувшие руки на грязном снегу, дети, женщины лежали в разных позах, как настигла шальная смерть. У некоторых вместо головы перемешанный со снегом кровавый студень.

Шатаясь как пьяный, сам не зная куда, я побрел вдоль тротуара. Сквозь зеркальное стекло богатого подъезда на меня глянул бородатый швейцар в галунах. Злобно показав ему кулак, я свернул в переулок и наконец вышел на улицу, где люди не ползали по снегу, а ходили, разговаривали и грелись у костров.

— По ком плачешь, родимый? Аль потерял кого? — участливо спросила маленькая старушка.

Я провел ладонями по щекам, они были мокры от слез. Сам того не замечая, я плакал о людях, оставшихся на снегу, о потерянном друге. Сжав кулаки, молча пошел дальше. Жгучая ненависть росла и клокотала, заполняя все мое существо. А рядом в одиночку и группами шли потрясенные и озлобленные люди, проклиная царя и Гапона.

В ранних сумерках дворники, полицейские и солдаты собирали в сани и накрывали рогожами окоченевшие на снегу тела. Несколько ночей из больниц и моргов тайком вывозили вагоны трупов на Преображенское кладбище и сваливали в огромные ямы. Скрывая следы страшного преступления, полицейские закидывали безвестные могилы комьями мерзлой глины и сравнивали с землей.

В большевистской газете «Вперед» за 18 января 1905 года в списке жертв 9 января, умерших в больнице, я нашел фамилию моего друга Коли.

Революция 1905—1907 годов. Документы и материалы. М., 1975, с. 215—220

9-е ЯНВАРЯ

...Когда толпа вылилась из улицы на берег реки и увидела перед собой длинную, ломаную линию солдат, преграждавшую ей путь на мост [1],— людей не остановила эта тонкая, серая изгородь. В фигурах солдат, четко обрисованных на голубовато-светлом фоне широкой реки, не было ничего угрожающего, они подпрыгивали, согревая озябшие ноги, махали руками, толкали друг друга. Впереди, за рекой, люди видели темный дом — там ждал их «он», царь, хозяин этого дома. Великий и сильный, добрый и любящий, он не мог, конечно, приказать своим солдатам, чтобы они не допускали к нему народ, который его любит и желает говорить с ним о своей нужде.

Но все-таки на многих лицах явилась тень недоумения, и люди впереди толпы немного замедлили свой шаг. Иные оглянулись назад, другие отошли в сторону, и все старались показать друг другу, что о солдатах — они знают, это не удивляет их. Некоторые спокойно поглядывали на золотого ангела, блестевшего высоко в небе над унылой крепостью, другие улыбались. Чей-то голос, соболезнуя, произнес:

— Холодно солдатам!..

— Н-да-а...

— А надо стоять!

— Солдаты — для порядка.

— Спокойно, ребята!.. Смирно!

— Ура, солдаты! — крикнул кто-то.

Офицер в желтом башлыке на плечах выдернул из ножен саблю и тоже что-то кричал встречу толпе, помахивая в воздухе изогнутой полоской стали. Солдаты встали неподвижно плечо к плечу друг с другом.

— Чего это они? — спросила полная женщина.

Ей не ответили. И всем как-то вдруг стало трудно идти.

— Назад! — донесся крик офицера.

Несколько человек оглянулось — позади их стояла плотная масса тел, из улицы в нее лилась бесконечным потоком темная река людей; толпа, уступая ее напору, раздавалась, заполняя площадь перед мостом. Несколько человек вышло вперед и, взмахивая белыми платками, пошли навстречу офицеру. Шли и кричали:

[1] Троицкий (ныне Кировский) мост. *Ред.*

— Мы — к государю нашему...
— Вполне спокойно!..
— Назад! Я прикажу стрелять!

Когда голос офицера долетел до толпы, она ответила гулким эхом удивления. О том, что не допустят до «него», некоторые из толпы говорили и раньше, но чтобы стали стрелять в народ, который идет к «нему» спокойно, с верою в его силу и доброту,— это нарушало цельность созданного образа. «Он» — сила выше всякой силы, и ему некого бояться, ему незачем отталкивать от себя свой народ штыками и пулями...

Худой, высокий человек с голодным лицом и черными глазами вдруг закричал:

— Стрелять? Не смеешь!..

И, обращаясь к толпе, громко, злобно продолжал:

— Что? Говорил я — не пустят они...
— Кто? Солдаты?
— Не солдаты, а — там...

Он махнул рукой куда-то вдаль.

— Выше которые... вот! Ага? Я же говорил!
— Это еще неизвестно...
— Узнают, зачем идем,— пустят!..

Шум рос. Были слышны гневные крики, раздавались возгласы иронии. Здравый смысл разбился о нелепость преграды и молчал. Движения людей стали нервнее, суетливее; от реки веяло острым холодом. Неподвижно блестели острия штыков.

Перекидываясь восклицаниями и подчиняясь напору сзади, люди двигались вперед. Те, которые пошли с платками, свернули в сторону, исчезли в толпе. Но впереди все — мужчины, женщины, подростки — тоже махали белыми платками.

— Какая там стрельба? К чему? — солидно говорил пожилой человек с проседью в бороде.— Просто они не пускают на мост, дескать — идите прямо по льду...

И вдруг в воздухе что-то нервно и сухо просыпалось, дрогнуло, ударило в толпу десятками невидимых бичей. На секунду все голоса вдруг как бы замерзли. Масса продолжала тихо подвигаться вперед.

— Холостыми... — не то сказал, не то спросил бесцветный голос.

Но тут и там раздавались стоны, у ног толпы легло несколько тел. Женщина, громко охая, схватилась рукой за грудь и быстрыми шагами пошла вперед, на штыки, вытянутые навстречу ей. За нею бросились еще люди и еще, охватывая ее, забегая вперед ее.

И снова треск ружейного залпа, еще более громкий, более неровный. Стоявшие у забора слышали, как дрогнули доски,— точно чьи-то невидимые зубы злобно кусали их. А одна пуля хлестнулась вдоль по дереву забора и, стряхнув с него мелкие щепки, бросила их в лица людей. Люди падали по двое, по трое, приседали на землю, хватаясь за животы, бежали куда-то прихрамывая, ползли по снегу, и всюду на снегу обильно вспыхнули яркие красные

пятна. Они расползались, дымились, притягивая к себе глаза... Толпа подалась назад, на миг остановилась, оцепенела, и вдруг раздался дикий, потрясающий вой сотен голосов. Он родился и потек по воздуху непрерывной, напряженно дрожащей пестрой тучей криков острой боли, ужаса, протеста, тоскливого недоумения и призывов на помощь.

Наклонив головы, люди группами бросились вперед подбирать мертвых и раненых. Раненые тоже кричали, грозили кулаками, все лица вдруг стали иными, и во всех глазах сверкало что-то почти безумное. Паники — того состояния общего черного ужаса, который вдруг охватывает людей, сметает тела, как ветер сухие листья в кучу, и слепо тащит, гонит всех куда-то в диком вихре стремления спрятаться,— этого не было. Был ужас, жгучий, как промерзлое железо, он леденил сердце, стискивал тело и заставлял смотреть широко открытыми глазами на кровь, поглощавшую снег, на окровавленные лица, руки, одежды, на трупы, страшно спокойные в тревожной суете живых. Было едкое возмущение, тоскливо-бессильная злоба, много растерянности и много странно неподвижных глаз, угрюмо нахмуренных бровей, крепко сжатых кулаков, судорожных жестов и резких слов. Но казалось, что больше всего в груди людей влилось холодного, мертвящего душу изумления. Ведь за несколько ничтожных минут перед этим они шли, ясно видя перед собою цель пути, пред ними величаво стоял сказочный образ, они любовались, влюблялись в него и питали души свои великими надеждами. Два залпа, кровь, трупы, стоны, и — все стали перед серой пустотой, бессильные, с разорванными сердцами.

Топтались на одном месте, точно опутанные чем-то, чего не могли разорвать; одни молча и озабоченно носили раненых, подбирали трупы, другие точно во сне смотрели на их работу, ошеломленно, в странном бездействии. Многие кричали солдатам слова упреков, ругательства и жалобы, размахивали руками, снимали шапки, зачем-то кланялись, грозили чьим-то страшным гневом...

Солдаты стояли неподвижно, опустив ружья к ноге, лица у них были тоже неподвижные, кожа на щеках туго натянулась, скулы остро высунулись. Казалось, что у всех солдат белые глаза и смерзлись губы...

В толпе кто-то кричал истерически громко:

— Ошибка! Ошибка вышла, братцы!.. Не за тех приняли! Не верьте!.. Иди, братцы,— надо объяснить!..

— Гапон — изменник! — вопил подросток-мальчик, влезая на фонарь.

— Что, товарищи, видите, как встречает вас?..

— Постой,— это ошибка! Не может этого быть, ты пойми!

— Дай дорогу раненому!..

Двое рабочих и женщина вели высокого худого человека; он был весь в снегу, из рукава его пальто стекала кровь. Лицо у него посинело, заострилось еще более, и темные губы, слабо двигаясь, прошептали:

— Я говорил — не пустят! Они его скрывают,— что им — народ!
— Конница!
— Беги!..
Стена солдат вздрогнула и растворилась, как две половины деревянных ворот, танцуя и фыркая, между ними проехали лошади, раздался крик офицера, над головами конницы взвились, разрезав воздух, сабли, серебряными лентами сверкнули, замахнулись все в одну сторону. Толпа стояла и качалась, волнуясь, ожидая, не веря.
Стало тише.
— Ма-арш! — раздался неистовый крик.
Как будто вихрь ударил в лицо людей, и земля точно обернулась кругом под их ногами, все бросились бежать, толкая и опрокидывая друг друга, кидая раненых, прыгая через трупы. Тяжелый топот лошадей настигал, солдаты выли, их лошади скакали через раненых, упавших, мертвых, сверкали сабли, сверкали крики ужаса и боли, порою был слышен свист стали и удар ее о кость. Крик избиваемых сливался в гулкий и протяжный стон...
— А-а-а!..
Солдаты взмахивали саблями и опускали их на головы людей, и вслед за ударом тела их наклонялись набок. Лица у них были красные, безглазые. Ржали лошади, страшно оскаливая зубы, взмахивая головами...
Народ загнали в улицы... И тотчас же, как только топот лошадей исчез вдали, люди остановились, задыхаясь, взглянули друг на друга выкатившимися глазами. На многих лицах явились виноватые улыбки, и кто-то засмеялся, крикнув:
— Ну и бежал же я!..
— Тут — побежишь!..— ответили ему.
И вдруг со всех сторон посыпались восклицания изумления, испуга, злобы...
— Что же это, братцы, а?
— Убийство идет, православные!
— За что?
— Вот так правительство!
— Рубят, а? Конями топчут...
Недоуменно мялись на месте, делясь друг с другом своим возмущением. Не понимали, что нужно делать, никто не уходил, каждый прижимался к другому, стараясь найти какой-то выход из пестрой путаницы чувств, смотрели с тревожным любопытством друг на друга и — все-таки, более изумленные, чем испуганные,— чего-то ждали, прислушиваясь, оглядываясь. Все были слишком подавлены и разбиты изумлением, оно лежало сверху всех чувств, мешало слиться настроению более естественному в эти неожиданные, страшные, бессмысленно ненужные минуты, пропитанные кровью невинных...
Молодой голос энергично позвал:
— Эй! Идите подбирать раненых!

Все встрепенулись, быстро пошли к выходу на реку. А навстречу им в улицу вползали по снегу и входили, шатаясь на ногах, изувеченные люди, в крови и снегу. Их брали на руки, несли, останавливали извозчиков, сгоняя седоков, куда-то увозили. Все стали озабоченны, угрюмы, молчаливы. Рассматривали раненых взвешивающими глазами, что-то молча измеряли, сравнивали, углубленно искали ответов на страшный вопрос, встававший перед ними неясной, бесформенной, черной тенью. Он уничтожал образ недавно выдуманного героя, царя, источника милости и блага. Но лишь немногие решались вслух сознаться, что этот образ уже разрушен. Сознаться в этом было трудно,— ведь это значило лишить себя единственной надежды...

Шел лысый человек в пальто с рыжей заплатой, его тусклый череп теперь был окрашен кровью, он опустил плечо и голову, ноги у него подламывались. Его вели широкоплечий парень без шапки, с курчавой головой и женщина в разорванной шубке с безжизненным тупым лицом.

— Погоди, Михайло, как же это? — бормотал раненый.— Стрелять в народ — не разрешается!.. Не должно это быть, Михайло.

— А — было! — крикнул парень.

— И стреляли... И рубили...— уныло заметила женщина.

— Значит, приказание дано на это, Михайло...

— И было! — злобно крикнул парень.— А ты думал — с тобой разговаривать станут? Вина стакан поднесут?

— Погоди, Михайло...

Раненый остановился, опираясь спиной о стену, и закричал:

— Православные!.. За что нас убивают? По какому закону?.. По чьему приказу?

Люди шли мимо него, опуская головы.

В другом месте на углу у забора собрались несколько десятков, и в середине их чей-то быстрый, задыхающийся голос говорил тревожно и злобно:

— Гапон вчера был у министра, он знал все, что будет, значит — он изменник нам,— он повел нас на смерть!

— Какая ему польза?

— А я — знаю?

Всюду разгоралось волнение, перед всеми вставали вопросы еще не ясные, но уже каждый чувствовал их важность, глубину, суровое, настойчивое требование ответа. В огне волнения быстро истлевала вера в помощь извне, надежда на чудесного избавителя от нужды.

Посреди улицы шла женщина, полная, плохо одетая, с добрым лицом матери, с большими, грустными глазами. Она плакала и, поддерживая правой рукой окровавленную левую, говорила:

— Как буду работать? Чем кормить детей?.. Кому жаловаться?.. Православные, где же у народа защитники, если и царь против него?

Ее вопросы, громкие и ясные, разбудили людей, всколыхнули

и встревожили их. К ней быстро подходили, бежали со всех сторон и, останавливаясь, слушали ее слова угрюмо и внимательно.

— Значит, народу — нет закона?

У некоторых вырывались вздохи. Другие негромко ругались. Откуда-то пронесся резкий, злой крик.

— Получил помощь — сыну ногу разбили...

— Петруху — насмерть!..

Криков было много, они хлестали по ушам и, все чаще вызывая мстительное эхо, резкие отзвуки, будили чувство озлобления, сознание необходимости защищаться от убийц. На бледных лицах выступало некое решение.

— Товарищи! Мы все-таки идем в город... может, чего-нибудь добьемся... Идемте, понемногу!

— Перебьют...

— Давайте говорить солдатам,— может, они поймут, что нет закона убивать народ!

— А может, есть,— почему мы знаем?

Толпа медленно, но неуклонно изменялась, перерождаясь в народ. Молодежь расходилась небольшими группами, все они шли в одну сторону, снова к реке. И все несли раненых, убитых, пахло теплой кровью, раздавались стоны, возгласы.

— Якову Зимину — прямо в лоб...

— Спасибо батюшке-царю!

— Да-а, встретил!

Раздалось несколько крепких слов. Даже за одно из них четверть часа тому назад толпа разорвала бы в клочья.

Маленькая девочка бежала и кричала всем:

— Не видали маму?

Люди молча оглядывались на нее и уступали ей дорогу.

Потом раздался голос женщины с раздробленной рукой:

— Здесь, здесь я...

Улица пустела. Молодежь уходила все быстрее. Пожилые люди угрюмо, не спеша тоже шли куда-то, по двое и по трое, исподлобья глядя вслед молодым. Говорили мало... Лишь порой кто-нибудь, не сдержав горечи, восклицал негромко:

— Значит, народ отбросили теперь?

— Убийцы проклятые!..

Сожалели об убитых людях, и, догадываясь, что убит также один тяжелый, рабский предрассудок, осторожно молчали о нем, не произнося более царапающего ухо имени его, чтобы не тревожить в сердце тоски и гнева...

А может быть, молчали о нем, боясь создать другой на место мертвого...

...Вокруг жилища царя стояли плотной, неразрывной цепью серые солдаты, под окнами дворца на площади расположилась конница, торчали пушки, небольшие и чем-то похожие на пиявок. Запах сена, навоза, лошадиного пота окружал дворец, лязг железа, звон шпор, крики команды, топот лошадей колебался под слепыми окнами дворца.

Против солдат — тысячи безоружных, озлобленных людей топчутся на морозе, над толпою — сероватый пар дыхания, точно пыль. Рота солдат опиралась одним флангом о стену здания на углу Невского проспекта, другим — о железную решетку сада, преграждая дорогу на площадь ко дворцу. Почти вплоть к солдатам штатские, разнообразно одетые люди, большинство рабочих, много женщин и подростков.

— Расходись, господа! — вполголоса говорил фельдфебель. Он ходил вдоль фронта, отодвигая людей от солдат руками и плечом, стараясь не видеть человеческих лиц.

— Почему вы не пускаете? — спрашивали его.

— Куда?

— К царю!

Фельдфебель на секунду остановился и с чувством, похожим на уныние, воскликнул:

— Да я же говорю — нет его!

— Царя нет?

— Ну да! Сказано вам нет, и — ступайте!

— Совсем нет царя? — настойчиво допрашивал иронический голос.

Фельдфебель снова остановился, поднял руку.

— За такие слова — берегись!

И другим тоном объяснил:

— В городе — нет его!

Из толпы ответили:

— Нигде нет!

— Кончился!

— Расстреляли вы его, дьяволы!

— Вы думали — народ убиваете?

— Народ — не убьешь! Его на все хватит...

— Вы царя убили,— понимаете?

...Люди, поддаваясь толчкам сзади, порою толкали солдат.

— Тиша! — негромко откликался на толчки человек в серой шинели. Толпа все более горячо кричала им что-то. Солдаты слушали мигая, лица кривились неопределенными гримасами, и нечто жалкое, робкое являлось на них.

— Не трог ружо! — крикнул один из них молодому парню в мохнатой шапке. А тот тыкал солдата пальцем в грудь и говорил:

— Ты солдат, а не палач. Тебя позвали защищать Россию от врагов, а заставляют расстреливать народ... Пойми! Народ — это и есть Россия!

— Мы — не стреляем! — ответил солдат.

— Гляди — стоит Россия, русский народ! Он желает видеть своего царя...

Кто-то перебил речь, крикнув:

— Не желает!

— Что в том худого, что народ захотел поговорить с царем о своих делах? Ну, скажи, а?

— Не знаю я! — сказал солдат, сплевывая.

Сосед его добавил:
— Не велено нам разговаривать...
Уныло вздохнул и опустил глаза.
Один солдатик вдруг ласково спросил стоявшего перед ним:
— Земляк, не рязанский будете?
— Псковский. А что?
— Так. Я — рязанский...
И, широко улыбнувшись, зябко передернул плечами.

Люди колыхались перед ровной серой стеной, бились об нее, как волны реки о камни берега. Отхлынув, снова возвращались. Едва ли многие понимали, зачем они здесь, чего хотят и ждут? Ясно сознанной цели, определенного намерения не чувствовалось. Было горькое чувство обиды, возмущения, у многих — желание мести, это всех связывало, удерживало на улице, но не на кого было излить эти чувства, некому — мстить... Солдаты не возбуждали злобы, не раздражали — они были просто тупы, несчастны, иззябли, многие не могли сдержать дрожи в теле, тряслись, стучали зубами...

Много глаз смотрели в широкое, приплюснутое лицо длинной линии солдат с холодным, молчаливым любопытством, с презрением, гадливостью. Но большинство пыталось разогреть их огнем своего возбуждения, пошевелить что-то в крепко сжатых казармою сердцах, в головах, засоренных хламом казенной выучки. Большинство людей хотело что-нибудь делать, как-нибудь воплотить свои чувства и мысли в жизнь и упрямо билось об эти серые, холодные камни, желавшие одного — согреть свои тела.

Все горячее звучали речи, все более ярки становились слова.

— Солдаты! — говорил плотный мужчина, с большой бородой и голубыми глазами.— Вы дети русского народа. Обеднял народ, забыт он, оставлен без защиты, без работы и хлеба. Вот он пошел сегодня просить царя о помощи, а царь велит вам стрелять в него, убивать. У Троицкого моста — стреляли, убили не меньше сотни. Солдаты! Народ — отцы и братья ваши — хлопочет не только за себя, а и за вас. Вас ставят против народа, толкают на отцеубийство, братоубийство. Подумайте! Разве вы не понимаете, что против себя идете?

Этот голос, спокойный и ровный, хорошее лицо и седые волосы бороды, весь облик человека и его простые, верные слова, видимо, волновали солдат. Опуская глаза перед его взглядом, они слушали внимательно, иной, покачивая головою, вздыхал, другие хмурили брови, оглядываясь, кто-то негромко посоветовал:
— Отойди,— офицер услышит!

Офицер, высокий, белобрысый, с большими усами, медленно шел вдоль фронта и, натягивая на правую руку перчатку, сквозь зубы говорил:
— Ра-азойдись! Па-ашел прочь! Что? Пагавари,— я тебе пагаварю!..

Остановясь на фланге, офицер крикнул:
— Смирно!

Солдаты всколыхнулись и замерли.

— Приказываю разойтись! — сказал офицер и не торопясь вынул из ножен шашку.

Разойтись было физически невозможно,— толпа густо залила всю маленькую площадь, а из улицы, в тыл ей, все шел и шел народ...

Вдруг раздалось зловещее пение рожка. Публика смотрела на горниста,— он так странно надул щеки и выкатил глаза, что казалось — лицо его сейчас лопнет, рожок дрожал в его руке и пел слишком долго. Люди заглушили гнусавый, медный крик громким свистом, воем, визгом, возгласами проклятий, словами укоров, стонами тоскливого бессилия, криками отчаяния и удальства, вызванного ощущением возможности умереть в следующий миг и невозможностью избежать смерти. Уйти от нее было некуда. Несколько темных фигур бросились на землю и прижались к ней, иные закрывали руками лица, а седобородый человек, распахнув на груди пальто, выдвинулся вперед всех, глядя на солдат голубыми глазами и говоря им что-то утопавшее в хаосе криков.

Солдаты взмахнули ружьями, взяв на прицел, и все оледенели в однообразной, сторожкой позе, вытянув к толпе штыки.

Было видно, что линия штыков висела в воздухе неспокойно, неровно,— одни слишком поднялись вверх, другие наклонились вниз, лишь немногие смотрели прямо в груди людей, и все они казались мягкими, дрожали и точно таяли, сгибались.

Чей-то голос громко, с ужасом и отвращением крикнул:

— Что вы делаете? Убийцы!

Штыки сильно и неровно дрогнули, испуганно сорвался залп, люди покачнулись назад, отброшенные звуком, ударами пуль, падениями мертвых и раненых. Некоторые стали молча прыгать через решетку сада. Брызнул еще залп. И еще.

Мальчик, застигнутый пулей на решетке сада, вдруг перегнулся и повис на ней вниз головой. Высокая, стройная женщина с пышными волосами тихо ахнула и мягко упала около него.

— Ах вы, проклятые! — крикнул кто-то...

Толпа, отступая, ахала, проклятия, ругательства и крики боли сливались в пестрый вихрь со свистом, уханьем и стонами, солдаты стояли твердо и были так же неподвижны, как мертвые. Лица у них посерели, и губы плотно сжались, точно все эти люди тоже хотели кричать и свистеть, но не решались, сдерживались. Они смотрели прямо перед собой широко открытыми глазами и уже не мигали. В этом взгляде не было заметно что-либо человеческое, казалось, что они не видят ничего, эти опустошенные, мутные точки на серых, вытянутых лицах. Не хотят видеть, может быть, тайно боятся, что, увидав теплую кровь, пролитую ими, еще захотят пролить ее. Ружья дрожали в их руках, штыки колебались, сверлили воздух. Но эта дрожь тела не могла разбудить тупого бесстрастия в грудях людей, сердца которых были погашены гнетом насилия над волей, мозги туго оклеены противной, гнилой ложью. С земли поднялся

бородатый голубоглазый человек и снова начал говорить рыдающим голосом, весь вздрагивая:

— Меня — не убили. Это потому, что я говорил вам святую правду...

Толпа снова угрюмо и медленно подвигалась вперед, убирая мертвых и раненых. Несколько человек встали рядом с тем, который говорил солдатам, и тоже, перебивая его речь, кричали, уговаривали, упрекали, беззлобно, с тоской и состраданием. В голосах все еще звучала наивная вера в победу правдивого слова, желание доказать бессмыслие и безумие жестокости, внушить сознание тягостной ошибки. Старались и хотели заставить солдат понять позор и гадость их невольной роли...

Офицер вынул из чехла револьвер, внимательно осмотрел его и пошел к этой группе людей. Она сторонилась от него не спеша, как сторонятся от камня, который не быстро катится с горы. Голубоглазый бородатый человек не двигался, встречая офицера словами горячей укоризны, широким жестом указывая на кровь вокруг.

— Чем это оправдать, подумайте? Нет оправдания!

Офицер встал перед ним, озабоченно насупил брови, вытянул руку. Выстрела не было слышно, был виден дым, он окружил руку убийцы раз, два и три. После третьего раза человек согнул ноги, запрокинулся назад, взмахивая правой рукой, и упал. К убийце бросились со всех сторон,— он отступал, махая шашкой, совал ко всем свой револьвер... Какой-то подросток упал под ноги ему, он ткнул шашкой в живот. Кричал ревущим голосом, прыгал во все стороны, как упрямая лошадь. Кто-то бросил ему шапкой в лицо, бросали комьями окровавленного снега. К нему подбежал фельдфебель и несколько солдат, выставив вперед штыки,— тогда нападавшие разбежались. Победитель грозил саблей вслед им, а потом вдруг опустил ее и еще раз воткнул в тело подростка, ползавшего у его ног, теряя кровь.

И снова гнусаво запел рожок. Люди быстро очищали площадь пред этим звуком, а он тонко извивался в воздухе и точно дочерчивал пустые глаза солдат, храбрость офицера, его красную на конце шашку, растрепавшиеся усы...

Раздался еще залп, другой...

Улицы были набиты народом, как мешки зерном. Здесь было меньше рабочих, преобладали мелкие торговцы, служащие. Уже некоторые из них видели кровь и трупы, иных била полиция. Их вывела из домов на улицу тревога, и они всюду сеяли ее, преувеличивая внешний ужас дня. Мужчины, женщины, подростки — все тревожно оглядывались, прислушиваясь, ожидали. Рассказывали друг другу об убийствах, охали, ругались, расспрашивали легко раненых рабочих, порою понижали голоса до шепота и долго говорили друг другу что-то тайное. Никто не понимал, что надо делать, и никто не уходил домой. Чувствовали и догадывались, что за этими убийствами есть еще что-то важное, более глубокое и трагическое для них, чем сотни убитых и раненых людей, чужих им.

До этого дня они жили почти безотчетно, какими-то неясными, неизвестно когда, незаметно как сложившимися представлениями о власти, законе, начальстве, о своих правах. Бесформенность этих представлений не мешала им опутать мозг густой, плотной сетью, покрыть его толстой, скользкой коркой; люди привыкли думать, что в жизни есть некая сила, призванная и способная защищать их, есть — закон. Эта привычка давала уверенность в безопасности и ограждала от беспокойных мыслей. С нею жилось недурно, и, несмотря на то, что жизнь десятками мелких уколов, царапин и толчков, а иногда серьезными ударами, тревожила эти туманные представления, они были крепки, вязки и сохраняли свою мертвую цельность, быстро заращивая все трещины и царапины.

А сегодня сразу мозг обнажился, вздрогнул и грудь наполнилась тревогой, холодом. Все устоявшееся, привычное опрокинулось, разбилось, исчезло. Все, более или менее ясно, чувствовали себя тоскливо и страшно одинокими, беззащитными пред силой цинической и жестокой, не знающей ни права, ни закона. В ее руках были все жизни, и она могла безотчетно сеять смерть в массе людей, могла уничтожать живых, как ей хотелось и сколько ей было угодно. Никто не мог ее сдержать. Ни с кем она не хотела говорить. Была всевластна и спокойно показывала безмерность своей власти, бессмысленно заваливая улицы города трупами, заливая их кровью. Ее кровавый, безумный каприз был ясно виден. Он внушал единодушную тревогу, едкий страх, опустошавший душу. И настойчиво будил разум, понуждая его создавать планы новой защиты личности, новых построений для охраны жизни...

Горький М. Собр. соч., В 16 т. М., 1979, т. 4, с. 326—342

Ю. П. Гавен

ЯНВАРСКИЕ СОБЫТИЯ В РИГЕ

Вести о кровавых событиях 9 января до нас в Риге дошли 10 января. В ночь на 11 января было созвано срочное заседание Рижского комитета Латышской социал-демократической рабочей партии [1]. На нем присутствовали представители Рижского комитета РСДРП и Бунда. Единогласно было вынесено решение: протестовать против жестокой расправы с рабочими Петербурга, 12-го начать всеобщую забастовку. 11 января в основном закончили подготовку к ней. Выпустили воззвание «Бросайте работу! Присоединимся к всеобщей забастовке петербургских рабочих!». Воззвание подписал Федеративный комитет рижских социал-демократических организаций [2]. Оно было издано тиражом в 15 тысяч экземпляров на русском и латышском языках. В ночь на 11 января и в последующие дни наши нелегальные типографии работали непрерывно.

Рабочие некоторых фабрик забастовали уже вечером 11-го, но полностью всеобщая забастовка развернулась 12 января. Были организованы Рижская центральная комиссия и районные комиссии по руководству забастовкой.

На левой стороне Двины (Даугавы) первыми забастовали рабочие завода «Герминггауз». В 6 часов утра к воротам завода подошла небольшая группа наших товарищей. Организовали митинг, рассказали рабочим о событиях в Петербурге, оповестили о решении рижских социал-демократических организаций объявить всеобщую забастовку солидарности. Рабочие не приступили к работе, двинулись на другие заводы и фабрики.

Около 10 часов утра на площади Ильгецемского рынка состоялся митинг, в котором участвовало уже более 8 тысяч человек. Речи Ю. П. Кажмера и других товарищей были выслушаны с большим вниманием.

После полудня рабочие Торенсберга соединились с рабочими Ильгецема и Зассенгофа и вместе направились на судостроительный завод Ланге. Здесь они наткнулись на крупный патруль полицейских и солдат. Но демонстрантам удалось и здесь остановить работу.

[1] Первый учредительный съезд Латышской социал-демократической рабочей партии состоялся летом 1904 года. В 1906 году ЛСДРП объединилась с РСДРП. *Ред.*

[2] Федеративный комитет состоял из представителей ЛСДРП, рижской организации РСДРП и Бунда. *Ред.*

Огромная демонстрация, распевая революционные песни, шла по набережной реки Даугавы. У понтонного моста их остановила крупная воинская часть. Тогда огромная масса демонстрантов, около 15 тысяч человек, пустилась по льду реки в сторону депо и мастерских Рижско-Орловской железной дороги. Этим и окончилась демонстрация 12 января. Был уже вечер, стало темнеть.

Нам, нескольким членам партии, удалось проникнуть на фабрику Рихарда-Поле. Помню, что первыми на наш призыв начать забастовку откликнулись слесари. По их примеру все бросили работу и вышли на улицу.

Демонстрация двинулась к мосту Красной Даугавы [1], где после короткого митинга разделилась на две части. Одна часть пошла на фабрику «Джут», вторая, более крупная, продолжала обход предприятий Красной Даугавы. Всюду бросали работу. Соединившись в одну демонстрацию, мы пошли на Петербургское шоссе, где встретились с рабочими заводов и фабрик Фельзера, «Унион», «Феникс», «Эрбе», «Этна». Объединившись, мы двинулись на текстильную фабрику.

Воинская часть задержала демонстрантов. Раздались винтовочные выстрелы, но солдаты стреляли холостыми патронами. Демонстрация распалась на несколько групп, потом все группы соединились, и мы пошли к центру города. Здесь часть демонстрантов, среди которых был и я, хлынула в Старую Ригу.

В этот день, 12 января, в Риге бастовало большинство предприятий, а в центре города — почти все. Социал-демократические организации ночью работали лихорадочно, чтобы напечатать воззвания, продолжить 13 января всеобщую забастовку и демонстрацию.

13 января я принимал участие в демонстрации, которая началась за вагоностроительным заводом «Феникс». Около 7 часов утра мы, несколько товарищей, пошли туда. Помню, в нашей группе были видные партийные работники И. Озолс и Зупис. Когда мы пришли на площадь, там было уже около 200 рабочих. Озолс вкратце рассказал о событиях в Петербурге, о всеобщей забастовке рижских рабочих и ее значении, разъяснил цель и значение сегодняшней демонстрации. Затем говорил Т. Калнинь, один из активных подпольных работников того времени. Окончив свою речь, он запел любимую песню латвийских рабочих «Кто ходит в рваных лохмотьях...». Подхватив ее, мы пустились в путь, увлекая за собой другие группы рабочих. У лесопилки Берлина нас встретили участковый полицейский надзиратель и четверо городовых. Группа товарищей под руководством Ф. Гринина и Л. Боровского окружила полицейских и обезоружила их. Помню, Л. Боровский, который выделялся своим высоким ростом и громким голосом, поднял вверх саблю, отнятую у полицейского, и закричал: «Да здравствует вооруженный пролетариат!»

[1] В 1905 году река называлась не Даугавой, а Двиной, причем Красной называли ее социал-демократы, революционные рабочие. Весь район Задвинья был в 1905 году пролетарский, революционный. *Ред.*

Далее мы натолкнулись на полуроту солдат. Офицер хотел задержать демонстрацию, не допустить в центр города, но демонстранты окружили солдат, призывали не стрелять в своих. Началось братание с солдатами. Офицер построил солдат, дав проход демонстрантам. Они двинулись дальше, к центру города.

Около 20 тысяч человек вступили в Старую Ригу. Она за время своего 700-летнего существования первый раз видела такую массу народа. На Известковой улице демонстрантов встретила группа студентов, около 500 человек. Их представители сообщили, что студенты на своем собрании постановили присоединиться к забастовке. Демонстранты бурно высказывали радость. Им удалось добиться прекращения работ в типографии черносотенной газеты «Ригас авизес».

Из Старой Риги демонстрация двинулась в сторону железнодорожного моста, затем свернула на Московскую улицу. Здесь к нам присоединились еврейские рабочие, около 1000 человек, и группа литовских рабочих под своими знаменами.

На железнодорожном мосту стояли войска. Демонстранты по льду перешли Даугаву и направились в сторону Двинского вокзала.

Недалеко от так называемого Сада свиней нас встретила рота солдат. Я был знаменосцем, шел в первых рядах. Сзади на нас напирали, толкали на штыки. Положение создалось напряженное и опасное. Офицер, подняв саблю вверх, потребовал опустить красное знамя, пригрозил, что в противном случае будет дана команда стрелять.

На наше счастье, показалась другая группа демонстрантов, которая шла к нам навстречу со стороны завода Кузнецова. Ситуация сразу переменилась. Оказавшись среди двух колонн, солдаты отошли в сторону. Под красными знаменами было уже примерно 50—60 тысяч демонстрантов.

И как раз в это время рижский губернатор, получив распоряжение от министерства внутренних дел рассеять демонстрантов, отдал приказ особому батальону: «Стрелять!»

После митинга у Ивановских ворот, где выступал и я, демонстранты вновь пошли к центру. Не зная о приказе губернатора, который в это время расклеивали на стенах домов, мы даже не допускали мысли, что это возможно. Ведь в этот день мы уже несколько раз встречались с воинскими частями, и благодаря нашей организованности и пролетарской дисциплине избежали столкновения.

Когда наши передовые колонны вступили на железнодорожный мост, мы неожиданно натолкнулись на штыки полуроты особого батальона. Отступить не смогли, потому что сзади на нас напирали многие тысячи демонстрантов. Нас так прижали, что кости хрустели. Мы начали уговаривать солдат и офицеров, чтобы они не стреляли по своим отцам, братьям, матерям и сестрам.

Пока передовые колонны агитировали солдат, основная масса демонстрантов начала переходить мост и уже дошла до набережной

Даугавы. Через несколько минут вся площадь у набережной была заполнена. Было около 5 часов вечера, стало темнеть. По цепочке передавали указание стачечного комитета: «Разойтись». В это время раздался первый залп. Открыла огонь часть унтер-офицерского батальона, которая вышла на площадь со стороны улицы Минстерея. Огонь открыли без всякого предупреждения. За первым залпом последовал второй, третий, четвертый. Открыл огонь и патруль у железнодорожного моста. На миг все окаменели. Люди в панике кинулись во все стороны, сбивая друг друга, спотыкались об убитых. Раненые взывали о помощи.

Меня тоже повалили на землю... Но я был молод, вырвался и побежал. Мелькнула мысль, что за углом ближайшего дома найду спасение. Бросился туда. Казалось, что я уже вне опасности. Но и здесь свистели пули... Я понял, что стреляют с понтонного моста. Демонстранты попали в западню. Палачи окружили нас с трех сторон.

Мы двинулись к Тукумскому вокзалу. Открылось ужасное зрелище: в полутьме на снегу виднелись убитые и раненые. Многие поднимались на ноги и вновь падали. Другие, перебежав площадь, укрывались в Старой Риге.

Солдаты, прекратив стрельбу, штыками закалывали тяжелораненых, убивали и тех, которые пытались помочь пострадавшим.

...Вот показался юноша. Девочка лет пятнадцати бежала ему навстречу. Юноша упал, поднялся и снова упал. Девочка попробовала поднять его, не смогла и заплакала. Я подбежал к юноше и вместе с девочкой (она оказалась сестрой юноши) понес раненого.

Извозчики, испуганные стрельбой, галопом мчались мимо. Одного удалось задержать и упросить отвезти раненого на Двинский вокзал, а оттуда в книжный магазин Захмана.

Предвидя возможные столкновения и стычки, организаторы демонстрации уже накануне создали несколько перевязочных пунктов, куда назначили врачей и студентов-медиков, сочувствующих партии. Один из таких перевязочных пунктов был в книжном магазине Захмана.

Доставив туда тяжелораненого юношу, я вернулся на площадь. В полутьме толпа людей окружила дровни, на которых лежали раненые. Один из них, раненный в голову, лежал молча, двое других тихо стонали, четвертый, высокого роста,— страшно кричал. Это был молодой латышский поэт А. Аустринь. За два или три часа перед этим меня с ним познакомил мой старый знакомый — народный учитель и молодой поэт Антон Салум. Как я позже узнал, в этот же день и его убили.

Откуда-то вынырнул мой школьный приятель Оскар Лепинь. Вместе с ним и с одним молодым рабочим мы отвезли Аустриня на перевязочный пункт, а отсюда повезли раненых в больницу Красного Креста. Нам долго не открывали. Наконец на пороге показалась медицинская сестра. Она с испугом сказала: «Нам не разрешено принимать раненых» — и ушла. Мы опять стали ломиться в дверь. Нас все же впустили. Мы перенесли раненых в палату.

Сестры их перевязали. Одна из сестер предупредила: «Здесь вам опасно оставаться... сейчас придет сюда полицейский пристав».

В эту ночь я встретил многих своих друзей: у них было тяжелое настроение. Но эти ужасные события сплотили еще больше рабочих против убийц, против царского режима...

14 января мы разыскивали исчезнувших товарищей. Вначале пошли в морг на Московской улице. У ворот собралось много людей. Патруль полицейских никого не пропускал. Слышались ругань, проклятия по адресу царских палачей и царя. Нам все же удалось пробраться в морг. 22 убитых лежали навалом. Мы стали раскладывать трупы, очищать их от снега и грязи, чтобы опознать своих. Многие находили среди убитых друзей и родственников, проклинали убийц. В морге молча стояли охранники. Помню, как одна старушка подступала к помощнику пристава, стоявшему у ворот морга, истошно кричала: «Убийцы, вы убили моего сына!»

Из морга я пошел в городскую больницу, куда были отвезены более 60 раненых. Там распоряжались немецкие врачи-реакционеры. Они не оказывали помощи раненым революционным рабочим. Рабочие старались поскорее увезти оттуда своих товарищей.

15 января мы хоронили Константина Печуркина, студента Политехнического института, члена социал-демократической организации (большевиков). У Политехнического института состоялось массовое собрание студентов. Пришло много рабочих. Пели революционные песни. На здании института было водружено красное знамя с надписью: «Слава павшим! Проклятье убийцам!» Полицейские потребовали убрать красное знамя... Многих полицейских тут же обезоружили.

Похоронная демонстрация была грандиозна. Участвовало в ней около 25 тысяч человек. Шли и колонны студентов, учителей и профессоров. От собора Александра Невского процессия направилась по Александровской улице на Покровское кладбище... Красный гроб, покрытый цветами, красными знаменами и красными лентами, несли высоко во все время шествия...

Сотня казаков ехала впереди, сопровождая процессию, но не посмела остановить ее. В этот день распространялось много прокламаций. У могилы состоялся большой митинг. Говорили пламенные речи на латышском и русском языках. От латышских социал-демократов выступил Ю. Кажмер.

16 января на Торенсбергском кладбище хоронили члена социал-демократической организации 19-летнюю работницу Марию Порейз и активного партийного товарища Катю Фрейман. Похороны также превратились в многотысячную демонстрацию.

18 января на Плескодальском кладбище хоронили рабочего Якова Звайгзне и школьника Озолиня. Я выступил с речью от социал-демократов и призывал продолжать борьбу.

На демонстрантов нападали казаки. Они топтали рабочих конями, били нагайками и стреляли в народ. Некоторые демонстранты отвечали казакам выстрелами из револьверов.

Центральный Комитет Латышской социал-демократической

партии в особом воззвании по поводу событий 13 января писал, что солдатскими пулями убито 70 человек и ранено 200. Там еще было сказано, что многие демонстранты утонули в реке, когда бросились бежать по льду.

Почти половина всех погибших 13 января были социал-демократами.

По решению Центрального Комитета Латышской социал-демократической партии всеобщая забастовка была прекращена 21 января. Но на многих предприятиях в Риге, Либаве и отчасти в Митаве [1] экономические стачки продолжались до конца января и даже в феврале. Жандармский полковник Волков в своем донесении департаменту полиции от 28 февраля пишет, что на большинстве рижских предприятий забастовка продолжалась до конца февраля, что в день прекращения забастовки, то есть 21 января, почти нигде работу не возобновили, за исключением фаянсового завода Кузнецова и завода резиновых изделий «Проводник». Жандармский полковник писал: «Бастующие заявили, что они начнут работу 24 января. Действительно, значительная часть рабочих пришла на работу в этот день, но предъявила требования: 8-часовой рабочий день, заплатить за время забастовки, повысить заработную плату и т. д.».

Центральный Комитет Латышской социал-демократической партии и Федеративный комитет решили воспользоваться боевым настроением рабочих, чтобы после политической забастовки начать экономическую. Были выработаны требования рижских рабочих и изданы специальные воззвания, которые распространяли по всем предприятиям Риги.

Рижские экономические забастовки явились прямым продолжением политической забастовки, в них участвовало около 40 тысяч рабочих. Бастующие требовали уменьшить рабочий день на 1 час, увеличить заработную плату на 10—20 процентов, улучшить санитарные условия в цехах. И на многих предприятиях эти требования были удовлетворены. Большинство предприятий выплатило рабочим заработную плату за время забастовки. Балтийский вагоностроительный завод сократил рабочий день до 9 часов. 31 января успешно провели экономическую забастовку десять машиностроительных заводов и шесть предприятий других отраслей промышленности.

Во время январских событий 1905 года социал-демократическая партия Латвии намного выросла и еще теснее сплотила вокруг себя массы рабочих, крестьян и интеллигенции.

Великие, незабываемые дни. Сборник воспоминаний участников революции 1905—1907 годов. М., 1970, с. 25—32

---

[1] *Митава* — прежнее название города Елгавы. *Ред.*

Я. Я. Бирзнек

ВОСПОМИНАНИЯ О РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА В ЛАТВИИ [1]

В 1905 году быстро докатились до Либавы [2] события 9 января. Тут же была объявлена забастовка, числа 13 января, и тут же были получены вести о рижском расстреле рабочих на демонстрации 13 января. Забастовка началась с проволочного завода и «Везувия», к ней примкнули железнодорожные мастерские, масличные заводы и пр., так что к 12 часам ни одно предприятие не работало. Остался только газовый завод, он был окружен цепью солдат.

Когда демонстранты приблизились к гавани, чтобы перейти через мост и соединиться со Старой Либавой, один жандарм со стоящего в гавани парохода решительно направился к демонстрантам и хотел отнять знамя. Но это дело не вышло, тов. Звайгзне выстрелил в него, тот, раненный, поплелся обратно на пароход. Пошли на озеро, там был совместный митинг рабочих Новой и Старой Либавы. На нем выступил, помнится мне, Бауер, выступали также другие товарищи с призывами; демонстранты-рабочие горячо подхватывали эти призывы. Там и в других местах в то время было чисто пролетарское выступление. Товарищи не умели связно красивые речи говорить, но зато были искренние призывы к рабочим, к своим товарищам; рабочие рвались в бой, и нужно было бы дать им оружие, нужно было дать направление, все было бы сделано...

Стемнело, демонстрантов осталось около 1000—1500. Пошли центром города и по набережной к газовому заводу. Огней по городу нигде не было, но было еще достаточно светло, так что до газового завода мы дошли, не нуждаясь в огнях. Газовый завод оказался окруженным солдатами, которые охраняли также железный мост и подъездной железнодорожный путь. Мы ведь шли, чтобы снять с работы рабочих газового завода. Когда мы к солдатам подошли, те стали уверять нас, что газовый завод не работает, что дневная, вернее, утренняя смена ушла, а дневная и вечерняя еще не приходили. Что это действительно так, мы, собственно, не сомневались, так как некоторые из рабочих газового завода были с нами. Стало уже совсем темно, весь город был в темноте. Мы вернулись в город и пошли по большой улице, по Зерновой, в сто-

[1] Заголовок дан редакцией. *Ред.*
[2] *Либава* — прежнее название города Лиепаи. *Ред.*

рону Курзала. Там нас просили разойтись по домам до следующего дня, а назавтра собраться в городском парке и — на проволочный завод, где будет митинг.

Все разошлись группами с песнями в разные стороны. Кругом была темнота, мрак, ни одного огонька ни в магазинах, ни в домах не видно, горела керосиновая лампа или свеча в скромных окнах маленьких домиков. Видно, там были пролетарские квартиры. В то же время в барских квартирах все окна закрыты и ни единого огонька. Здорово перетрусила тогда либавская буржуазия.

Забастовка, демонстрации и митинги продолжались еще дня три, до воскресенья включительно. К воскресенью прибыл в город курляндский губернатор и драгуны из Ковны. В субботу он уже был в Либаве и имел разговор с рабочими железнодорожных мастерских и проволочного завода. Губернатор задал вопрос — почему, дескать, бастуют, чего нужно рабочим. В ответ Элерт Карл (Звайгзне) выступил и изложил все требования, которые предъявлялись рабочими: 8-часовой рабочий день, гражданские свободы, прекращение войны, созыв Учредительного собрания и пр. Губернатор предложил прекратить забастовку, говоря, что он будет содействовать удовлетворению экономических требований рабочих, в то же время не забыл вызвать только что прибывших драгун и уехал в гостиницу. Драгуны быстро прибыли, их было человек 50, рабочие тут же спокойно стали расходиться. Так как драгун это не удовлетворило, они на некоторых товарищей налетели и избили нагайками.

На следующий день, в воскресенье, с разных концов города рабочие собрались на Сенной рынок, откуда пошли по Старой Набережной, завернули налево, пошли между морем, с одной стороны, и высоким забором больничного сада — с другой. Здесь все демонстранты — до 4000—5000 человек — остановились митинговать. Конечно, никому и в голову не пришло, что это ловушка, что здесь чрезвычайно удобно переарестовать товарищей. Выступил провокатор Краузе — мы еще не знали тогда, что он провокатор и шпион,—произносил громогласные призывы, кричал: «Долой самодержавие!», и мы все это приняли за чистую монету, мы искренне считали его своим.

Краузе, однако, говорил лишь до тех пор, пока нас с двух открытых сторон по берегу не окружили драгуны, полиция и жандармы. Он своей речью старался отвлечь наше внимание, чтобы мы не заметили, как нас окружают, ведь он с этой целью и завел нас и остановил в западне. Нас окружили, некоторые кинулись бежать, другие попытались перелезть через высокую ограду в больничный сад. Бежал также и Краузе, ему тоже помогли в этом бегстве, ведь не знали, что он провокатор. Все же были арестованы до 150 человек из нашего актива. Насколько помню, арестовали тов. Бумбер, женщину, незадолго до этого прибывшую из Риги, а остальные были рядовые рабочие и работницы. Часть товарищей также была освобождена, около 100 человек направили в тюрьму.

Так закончилась первая забастовочная волна. В понедельник и вторник часть экономических требований была удовлетворена: рабочее время сократили до 10 часов и в субботу рабочий день до двух, денежная прибавка была увеличена до 20 процентов.

В результате петербургских расстрелов 9 января и рижских 13 января 1905 года те рабочие, которые до этого времени верили в законность своих требований и надеялись найти поддержку в русском чиновнике (немецкие чиновники считались скверными, а русские — хорошими), разочаровались в своих ожиданиях. И они, по крайней мере в большей своей части, поняли, что необходимо вооружаться и переходить в решительное наступление [1].

В квартире товарищей Бирзнека-Бонштейна и Ф. Элерта-Ояма был наш сборный пункт — наша явка, где мы разбирали все события. Другая явка была у тов. Бирзнека-Карлита, она считалась у нас строго конспиративной, где бывали лишь в крайних случаях.

Более постоянный сборный пункт был у меня, по Заячьей улице, 19, у Пебалга-Албиса, Полевая, 101, и у тов. Рихтера-Артура. В этих квартирах делились впечатлениями и переживаниями, обсуждали возникающие вопросы.

Забастовки носили смешанный характер — с экономическими и политическими требованиями: об увеличении зарплаты на 20 процентов, улучшении условий труда, сокращении рабочего времени... 8-часовом рабочем дне, свободе слова, выборов, забастовок и пр., а также лозунги: «Долой самодержавие!», «Да здравствует республика!», «Долой войну!».

Публикуется впервые *ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 70, оп. 3, д. 216, л. 4—6*

---

[1] В листовке, выпущенной Рижским комитетом РСДРП после событий 13 января, звучал призыв к вооруженной борьбе с самодержавием. «Пусть нас избивают, мы будем делать свое дело,— говорилось в ней,— и если 13 января мы оказались безоружными, то настанет время, и мы поднимемся с оружием в руках...» *Ред.*

Я. Х. Петерс

1905 ГОД В ЛИБАВЕ И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЯХ

Начиная с весны 1905 года события в Курляндской губернии и во всем бывшем Прибалтийском крае назревали с чрезвычайной быстротой. Партийное влияние из глубоких недр подполья быстрым темпом рвалось наружу, захватывая все более и более широкие массы и толкая их на путь революции.

Городские рабочие, через отдельные конфликты с капиталом и царизмом, познали свою силу и широким потоком вливались в забастовочное движение, охватывавшее не только промышленные предприятия, но и мастерские, магазины и т. д.

В это время я работал в Либаве на элеваторах; нас — членов партии — знали почти все рабочие; агитация проводилась совершенно открыто. Наша партия тогда в Либаве почти не встречала противников своей работы среди рабочих масс. Единственная организация, которая пыталась конкурировать с нами агитацией,— это социал-демократический союз, который тогда существовал наряду с Латышской социал-демократической партией. Этот союз возглавлял студент Ролау. Он пользовался довольно большим авторитетом, особенно в курляндской деревне среди крестьян, а в рабочих массах возглавляемый им союз особого успеха не имел. Рядом с ростом рабочего движения в городе еще более быстрым темпом назревали события в деревне среди батраков.

Здесь я должен отметить, что латышская деревня сильно отличается от русской. В Латвии в то время не было деревни в том смысле, как это принято понимать в России. Крестьяне жили исключительно или на хуторах от 50 до 100 десятин, или в больших помещичьих имениях, охватывавших сотни и тысячи десятин земли. Как хуторяне, так и помещики-дворяне пользовались наемным трудом, и поэтому батрачество составляло наибольшую часть сельского населения. Положение батрачества было тяжелое. Жилось ему одинаково трудно как у латышского хуторянина, так и у немецкого барона или графа — владельца колоссальных имений. Особенно страдал батрак у немецкого помещика.

Ежегодно 6 мая (23 апреля), в так называемый юрьев день, он отдавал себя в рабство то одному, то другому помещику на весь год за нищенское вознаграждение и попадал, таким образом, в полную зависимость от помещика.

Взаимоотношения между латышскими хуторянами и немецки-

ми помещиками были чрезвычайно натянуты. Это обстоятельство объясняется не только исключительно национальной рознью; в основе их лежат глубокие экономические причины: хуторянин если покупал землю у помещика, то выкупал ее десятками лет, платя большие проценты и высокий выкупной капитал; если же он ее арендовал, то его положение было еще более тяжелым. Обыкновенно помещик отдавал землю в аренду на 5 или 10 лет, хуторянин-арендатор из кожи лез вон, чтобы поднять производительность своего труда, удобрял всячески землю, чтобы оставить кое-какие гроши и себе за свой труд. И когда истекал срок аренды, то помещик, видя, что его арендатор успешно платит ему аренду и поправляет свое положение, снова набавлял аренду, и арендатор должен был или уходить, или броситься с еще большим рвением к земле, чтобы извлечь из нее прибыль. Кроме того, все хуторяне должны были строить дороги, содержать школы и т. д., от чего помещики были освобождены.

Существовал самый неограниченный административный произвол немецкого барона. Сейчас, когда я вспоминаю свое детство в деревне, то мне кажется, что нет такой страны в мире, где богач, с баронским или графским титулом, пользовался бы таким неограниченным правом «творить судьбу сотен людей». Судьи в волостях были латыши, но уездные — русские, и бедняк мог быть уверен, что ни одно дело, самое правое, он не выиграет, а если и выиграет в первой инстанции, то полетят судьи, решившие дело в его пользу, и следующая инстанция отменит приговор.

Могу привести один характерный случай. Барон Хан, у которого мой отец служил пастухом, купил себе собаку сенбернара, которая взбесилась и удрала. После того как она перекусала порядочно народа, ее застрелил один хуторянин. И вот за этого-то бешеного пса барон Хан совершенно разорил виновного.

В таком состоянии весна 1905 года застала латышские деревни. Атмосфера там была напряженная. Несмотря на то что еще несколько лет тому назад в деревне о социалистах не было никакого представления, в начале 1905 года каждому батраку было известно, что социалисты есть народ, который не верит в бога, ненавидит царя и помещиков. Этого было достаточно, чтобы батрачество питало к социалистам наилучшие чувства, и литературу социалистов ждали как редкую драгоценность. Брошюрка тов. Азиса «Мушки или десятая часть человека», наиболее популярная в деревне, расхватывалась, за ней ходили за десятки верст, ее читали, собираясь в сарае, лесу. Приезжая на каникулы, молодежь, главным образом сыновья и дочери хуторян, привозила из города революционные песни, стихи и листки, и все это с жадностью расхватывалось.

И партия шла в деревню с самого начала движения, понимая, что путь рабочего к революции идет вместе с крестьянином. Частичные забастовки батраков, направленные исключительно против помещиков в 1904 году, превратились в широкую волну весной 1905 года. Правда, эти забастовки часто были стихийны, протекали без всякого руководства, но носили характер упорной, решитель-

ной борьбы. Бастовавшие шли за десятки верст в соседние имения, чтобы снимать батраков. Началось вмешательство полиции, помещики вызывали стражников, но движение неудержимо росло.

Лето 1905 года партия широко использовала для агитации в деревне. Один из многих способов агитации заключался в следующем: партия составляла группу товарищей в 4—5 человек и посылала их в воскресенье в деревню для агитации. Обыкновенно выезжали в субботу, переночевывали где-нибудь в сарае, а в воскресенье утром, когда народ собирался в церковь молиться, группа товарищей являлась сюда, часть оставалась у дверей, никого не выпускала, а остальные подходили к трибуне священника, снимали его, и, вместо благочестивой речи пастора, выступал партийный агитатор с революционным призывом. Этот способ имел колоссальный успех. Народ очень часто ходил в церковь не для того, чтобы молиться, а в надежде, что приедут городские агитаторы и удастся послушать революционные речи.

К движению рабочих и крестьян примыкали и другие труженики. Как одну из характерных забастовок я помню борьбу либавских приказчиков с купцами. Эти забастовки требовали сокращения рабочего дня приказчиков, улучшения условий труда и увеличения заработной платы. Борьба здесь была чрезвычайно свирепой.

Пролетарская революция, 1925, № 11 (46), с. 194—197

А. Петренко

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОТА В ВОИНСКИХ ЧАСТЯХ ВАРШАВСКОГО ОКРУГА В 1905 ГОДУ

Начало организованного проникновения революционной бациллы в войска варшавского гарнизона положено Киевским комитетом РСДРП, который, имея кое-какие связи с Варшавой, еще осенью 1904 года поручил члену киевской социал-демократической организации студенту-медику С. Ю. Багоцкому... начать работу среди воинских частей Варшавы и снабдил его явками к социал-демократам Польши и Литвы, а также дал адрес только что окончившего военное училище поручика Овсеенко... назначенного к отправке на Дальний Восток, но уклонившегося от этой командировки и перешедшего на нелегальное положение. На первых порах работу в войсках вели только Багоцкий да Овсеенко, носивший тогда партийную кличку Штык. Связи с воинскими частями завязывали при помощи рабочих СДПиЛ, а также через членов студенческого русского кружка. Со стороны СДПиЛ постоянную поддержку оказывали супруги товарищи Гольденберги — Станислав и Станислава и Дзержинский (тов. Юзеф). Студенты связались с Ново-Александрией (в частности, студент института Мариан Стахурский), Ново-Георгиевском и крепостью Оссовцом.

До 1905 года связи с войсками были очень слабы и влияние складывавшейся организации незаметно.

Но после 22 (9) января все изменилось.

Забастовочное движение, как отклик на петербургские события, началось только 27 января. Еще утром 27 января было расклеено по улицам Варшавы объявление памятного варшавским рабочим обер-полицмейстера Нолькена, что Варшава, не в пример прочим городам империи, ведет себя хорошо, в городе спокойно и так должно быть и дальше; в противном случае к нарушителям спокойствия будет применяться вооруженная сила. А к 4 часам дня эта идиллия резко нарушилась: на улицах появилось множество рабочих, выходивших из приостановивших работу предприятий и снимавших рабочих там, где работа еще продолжалась. Стали воздвигаться баррикады в разных местах...

30/I Варшава с губернией и Лодзь с Петроковской губернией объявляются на положении усиленной охраны, а 2/II объявления Нолькена говорят о незаконности и недопустимости демонстраций, и в постановлениях варшавского генерал-губернатора предъявляется требование соблюдения правил (относительно ношения

оружия), установленных еще бывшим наместником в 1867 году...

На события откликалась учащаяся молодежь, устраивая неразрешенные сходки в стенах политехникума и университета и, в меру своего понимания смысла событий, вынося резолюции протеста против самодержавного произвола...

30/I по распоряжению обер-полицмейстера владельцам фабрик и заводов предложено немедленно доставить в полицию списки рабочих, не являвшихся на работу и не состоящих постоянными жителями Варшавы, очевидно, на предмет выселения их из города принудительным порядком.

С целью «взять на испуг» участников нападений на постовых городовых сообщается, что постовые городовые вооружены револьверами системы «Браунинг»...

Забота властей распространяется и на дворников: предъявляются домоуправлениям требования, чтобы помещения дворников были сухие, а сырые или вообще непригодные для жилья должны быть заменены лучшими.

К заявлениям рабочих, под впечатлением недавно пережитого страха за свою шкуру, власть относится несколько внимательнее, чем до событий. Так, рабочие механических мастерских Варшаво-Венской железной дороги обратились к начальству с просьбой... сократить рабочий день до 8 часов и зарплату поднять на 30 процентов у тех, кто получает меньше двух рублей в день, выплачивать вознаграждение за высокоторжественные дни, вывесить прейскурант поштучной работы, предоставить рабочим право самим выбирать себе врача, назначить пенсию из средств дороги.

10/II (ст. ст.) уже сообщается, что согласно ходатайству рабочих в главных и линейных мастерских временно устанавливается 9-часовой рабочий день и сокращение рабочего дня накануне особо чтимых праздников; дозволяется желающим работать в табельные (царские) дни, за исключением дней рождения и именин царя, допускаются выборные от рабочих; зарплата для чернорабочих приводится в согласование с ценами на предметы первой необходимости.

В результате этих и других мер, проведенных администрацией, управление Варшаво-Венской железной дороги 18/II (ст. ст.) сообщает, что дорога обязуется срочно доставлять грузы, то есть что только теперь забастовку железнодорожников следует считать оконченной.

Накануне улажены спорные вопросы между рабочими и администрацией Привислинских железных дорог, и забастовка окончена.

Этих немногих сообщений достаточно, чтобы характеризовать тогдашние отношения между трудом и капиталом.

Теперь о поведении политических партий в эти исторические дни. PPS [1], следуя своей мещанской психологии, храбрая на словах, пока не приходится непосредственно вступать в борьбу за от-

---

[1] *ППС* — Польская социалистическая партия, основана в 1893 году. *Ред.*

стаивание интересов пролетариата, поджала хвост, когда наступил момент настоящего боя на баррикадах. Выдвинув в своем листке исключительно экономические требования, она дополнительно выпустила свою «политическую декларацию», которая совершенно обходила молчанием вопросы о независимости и самоуправлении Польши. Это было полным забвением своей программы, где основным требованием выдвигалась независимость (niepodleglosc).

СДПиЛ, верная своей программе, в прокламациях подчеркивала основные требования программы (созыв всероссийского Учредительного собрания, установление демократической республики с автономией для Польши и Литвы), а также требование скорейшего прекращения войны (русско-японской). В эти дни Бунд шел в ногу с СДПиЛ.

Под влиянием январских событий в конце февраля к СДПиЛ присоединилась русская группа социал-демократов, которая свою революционную работу в Варшаве вела среди русских рабочих, солдат и молодежи и оказывала технические услуги партийной организации СДПиЛ. Издававшиеся ею на русском языке листки подписывались «Русская группа СДПиЛ»...

Январские события дали толчок солдатской мысли искать объяснения происходящего. Вот с этого момента связи с войсковыми частями устанавливаются чаще и чаще...

Не имея пока непосредственной связи с ВРО РСДРП во время январских событий, военные организации 71-го Белевского и 72-го Тульского полков обратились к Южному Комитету СДПиЛ с предложением вести их на Варшаву. Они брались захватить поезд и ехать в центр рабочего движения, перебив предварительно офицеров, или предлагали с красными знаменами двинуться на Люблин, Ивангород. На массовках, состоявших из большого количества солдат — до 300 человек, все клокотало, горело революционным огнем...

Еще раз назначили срок восстания, но в последний момент сдрейфили заговорщики-барабанщики, которые должны были ударить тревогу. Наконец сделали еще одну попытку поднять восстание с наступлением вечерней темноты. Но кроме суматохи и беспричинного страха — показалось, что против начавших восстание уже двигается усмирительный отряд,— ничего не получилось; в действительности тогда усмирять никто не торопился. На этот раз в попытке к восстанию принимал участие один из членов Варшавской ВРО, тов. Штык.

Настроение среди солдат было высокоприподнятое, но использовать его было некому.

Начальство учло это настроение, и в ночь на 2 мая была отправлена на войну партия в 1000 солдат.

Дальнейший ход событий показал (в начале июля), что военное начальство, очевидно, очень торопилось поскорее освободиться от беспокойного элемента и не заметило, что в Н.-Александрии осталось очень много, пожалуй, более революционно настроенных солдат, чем те, которых погнали на войну: при стихийно вспых-

нувшем бунте во время смотра были убиты бригадный командир, два полковых командира и около 300 казаков, высланных усмирять бунтовщиков.

Неудача в Н.-Александрии, которой Комитетом ВРО уделялось очень много внимания в ущерб и без того его слабым силам, потребовала от комитета крупной жертвы: пришлось отказаться от сотрудничества одного из наиболее активных членов комитета, тов. Штыка. Его отправили за границу спасения ради, а также для того, чтобы он там побудил прислать необходимых для ВРО работников...

Деятельность ВРО развивалась успешно в значительной степени потому, что ее пока не замечала охранка. Частые выступления боевых организаций PPS, выражавшиеся террористическими нападениями на отдельных представителей царской власти, на кассиров, провозивших по городу значительные суммы, на казенные винные лавки как в самой Варшаве, так и в провинции и пр., заставляли жандармерию и охранку сосредоточивать свое внимание именно на членах PPS. Слежка за ними и за теми, с кем они поддерживали сношения, отнимали у охранителей царского строя добрых 75 процентов времени и энергии. Остальные 25 процентов затрачивались по степени важности, с жандармской точки зрения, на другие революционные организации. Это, конечно, не математически точный расчет, но, надо думать, близкий к действительности, потому что иначе нельзя объяснить, почему значительно чаще арестовывались пэпэсовцы, чем члены других революционных организаций. С точки зрения власти, несомненно, пэпэсовцы были революционерами наиболее опасными для целости государственного единства...

Пролетарская революция, 1925, № 8 (43), с. 37—38, 42—46, 53

Н. И. Тимофеева (Маруся Маленькая)

О РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ СРЕДИ УЧАЩИХСЯ В НАЧАЛЕ 1905 ГОДА В ГОРОДЕ МИНСКЕ

В начале 1905 года революционная пропаганда среди учащихся средней школы в Минске велась ученической организацией при минской группе «Искры». Эта организация состояла из семи человек, состоявших в социал-демократической партии, во фракции большевиков, и человек 15—20 сочувствующих...

Работа наша проводилась главным образом среди учащихся минских учебных заведений. Ей мешала организовавшаяся в это время группа «Лига спасителей отечества», во главе которой стояли Михаил Данько и Тасьман. «Лига» поставила себе целью выслеживать нас и препятствовать нашей работе, что ей гораздо лучше удавалось, чем полицейским агентам. После 1905 года эта «Лига» переименовалась в «Лигу свободной любви».

Несмотря на всяческие препятствия, работа наша крепла и радиус воздействия увеличивался. У нас насчитывалось порядочное количество кружков во всех учебных заведениях, со всеми школами налажена была тесная связь, отовсюду в ученической организации были представители.

Лекции в кружках тогда начинались обыкновенно «от Адама». Одни пропагандисты начинали с истории культуры, другие — с политэкономии, третьи — с истории литературы, но все, постепенно подготовив слушателей, переходили к критике существующего строя и к истории революционного движения. Надо сказать, что и на заводах зачастую приходилось держаться той же тактики, и только на тех заводах, где назревала забастовка или где ее уже удалось провести, можно было сразу брать быка за рога.

От минской группы мы получали нелегальную литературу, шедшую из-за границы. За прочтение каждой книжки взимался определенный взнос, который шел для пополнения парткассы. Членский взнос был 25 копеек. Наезжали товарищи из центра и других городов, читали рефераты на политические темы. На эти лекции приглашались кроме членов партии более сознательные и верные сочувствующие.

Все директивы ученическая организация получала от Комитета «Искры».

Были между нами и меньшевики, но дирижерская палочка была, насколько помню, во все годы моей работы в Минске в руках большевиков.

Первое массовое выступление учащихся состоялось в феврале. Толчок был дан известием об избиении учащихся в Курске (13 февраля).

16 февраля в соборном доме, в квартире священника Чудиновича, в его отсутствие под аккомпанемент рыданий матушки и обмороков поповен мы устроили банкет с целым рядом докладов на политические темы. Доклады эти были распределены исключительно между партийными членами ученической организации. Однако после двух или трех докладов на квартиру явилось начальство мужской гимназии с членами «Лиги». Нам все-таки удалось скрыться.

18 февраля в 10 часов утра 1905 года состоялась массовая демонстрация рабочих и учащихся. Произошло это так. К 10 часам снялось с работы мужское коммерческое училище и пошло с пением к Мариинской женской гимназии на Подгорной улице. Мы сняли с работы своих, без различия возраста, и примкнули к коммерсантам, направляясь к мужской гимназии, где уже ждали знака, и т. д. по всем учебным заведениям. Постепенно стали к нам примыкать группы рабочих, сорганизованные «Искрой» и Бундом. Демонстрация увеличивалась. Участвовало в демонстрации до 5000 человек. Это была первая демонстрация в Минске с таким большим количеством участников.

По распоряжению полицмейстера Норова по тротуарам главных улиц были выставлены казаки с нагайками, но Мусин-Пушкин, бывший в то время губернатором и одновременно, по тогдашнему обычаю, попечителем большинства учебных заведений, не дал своего согласия на расправу, выехал сам навстречу демонстрантам, вмешался в их ряды и, невзирая на наши протесты, продолжал идти с нами, уговаривая разойтись по домам. Не знаю, чем руководился губернатор, но благодаря его присутствию не были пущены в ход нагайки, без него, думаю, Норов сумел бы спровоцировать какой-либо беспорядок и повторить курскую расправу. Благодаря этому рабочие, участвовавшие в демонстрации, окруженные детьми и учащимися, были также защищены от насилия. Возможно, что поступок Мусина-Пушкина диктовался общественным мнением кругов его общества и участием в ученическом движении детей аристократии: квартира сговоров демонстрантов принадлежала, например, предводителю дворянства Матвееву, дети минской аристократии все активно или пассивно участвовали в шествии, большинство из них, не будучи принято в состав ученической организации, выполняло всевозможные поручения и у многих из них на квартирах велись кружки и читались рефераты.

В мужскую гимназию вошли учащиеся, партийные работники из комитета и часть организованных рабочих. Насколько я помню, выступали только члены РСДРП, говорили о свержении самодержавия, о противоречии классовых интересов, о 8-часовом рабочем дне и пр.

На улице у дверей гимназии произошла следующая сцена: оставшиеся демонстранты с пением разошлись, а полиция поста-

вила у дверей столик и стул, запаслась карандашами и бумагой и решила переписать участников митинга с тайной надеждой выловить «посторонних». Однако при выходе с митинга мы перехитрили полицию. Мы построились так: впереди сын Мусина-Пушкина, за ним дети более влиятельных людей города, сзади руководители ученической организации, а в середине этого кольца партийцы (именно те, кого под именем «посторонних» и хотела выловить полиция). С сильным натиском выперли дверь; полиция, увидавши сына губернатора, опешила; несколько секунд растерянности ее было достаточно, чтобы мы выскочили на улицу, а под нашим прикрытием — старшие товарищи. Демонстрация окончилась благополучно.

Школы стояли две недели. Четырнадцать учащихся в разных школах были намечены к увольнению. Насколько помнится, взялся нас спасать директор мужского Коммерческого училища Круглый. Хлопоты его увенчались успехом, и нас допустили к выпускным экзаменам. Учителя издевались над нами, оценка наших знаний была значительно ниже действительной, но аттестаты, хотя и через полицию, через год мы получили.

Мусин-Пушкин был отправлен на покой в свое имение. Круглый был уволен. В Минск на пост губернатора был назначен Курлов.

1905 год в Белоруссии. Сборник статей, воспоминаний и материалов. Минск, 1925, с. 39—41

В. К. Таратута

КАНУН РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА НА КАВКАЗЕ

БЕГЛЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

В конце лета 1904 года я приехал в Батум по распоряжению Восточного бюро ЦК партии для партийной работы в качестве профессионального революционера. В Батуме в то время было два партийных комитета: Батумский и Гурийский. Батумский комитет объединял главным образом рабочих нобелевских предприятий, сравнительно немногочисленных, но мощной и сильной организацией был Гурийский комитет, который объединял поголовно всех крестьян Гурии. Состав батумских рабочих также в значительной мере был из гурийцев, но действительно квалифицированных рабочих было сравнительно мало, и большинство этих рабочих было тесно связано с деревней.

Гурийское движение и движение батумских рабочих представляло собой в то время совершенно исключительную во всей России картину. Гурийское движение охватывало поголовно все гурийское население, фактически Гурийский комитет партии был просто правительством во всей Гурии. Гурийское движение успело фактически завоевать власть на местах, из одних мест выгнать полицейскую власть, в других — настолько ее терроризировать, что она никакого серьезного влияния на местную жизнь не имела. Открыто на сельских сходках все дела решались именно по указанию комитета. Комитет давал свои распоряжения по всей текущей жизни, и эти распоряжения беспрекословно исполнялись. Комитет, о котором многие крестьяне имели самое смутное представление и которого совершенно не видели, был фактически губернатором в стране.

Это массовое революционное движение сказалось в течение 1904 года массовым террором: было «снято», то есть перебито, большинство приставов и неподходящих чиновников. Вся Гурийская область, составлявшая частицу царской полицейской России, фактически носила характер отдельной республики, куда не смела проникать полицейская власть. Когда в Батуме или в Тифлисе рабочим приходилось скрываться, они исчезали в Гурию и там уже находились в полной безопасности.

По своим делам, даже чисто внутреннего порядка, крестьяне отправляли делегатов в Батум, где находился комитет, и делегаты почти открыто являлись в Батум в качестве таковых и там получали от комитета указания, как действовать в тех или иных административных, земельных и религиозных вопросах.

Силе этого движения способствовало также и то обстоятельство, что царской полиции, несмотря на все усилия, никогда не удавалось разоружить Кавказ, и фактически гурийское население было сплошь вооружено не только револьверами, но и ружьями военного образца.

Несколько иную картину представлял собой Батум. Власть царской полиции кончалась там, где город переходил в так называемый рабочий Нобелевский городок. В самом городе полиция держалась чрезвычайно сдержанно. За весь 1904 год, или по крайней мере за всю вторую половину 1904 года, и значительную часть 1905 года не было ни одного ареста, не было ни одного провала. Работала подпольная типография, выбросившая огромное количество листков; насколько я припоминаю, она работала именно в Нобелевском городке, и тем не менее она оставалась недоступной полиции. Более того, если полиция являлась к кому-либо в Батуме, достаточно было скрыться в Нобелевском городке, и туда уже полиция не смела проникнуть. Все домишки в этом городке были заселены рабочими, которые участвовали в движении и в большинстве были вооружены.

Достаточно указать на то, что в течение 1904 года революционеры совершили в самом Батуме несколько выдающихся по своей смелости террористических актов, преимущественно против местной полиции; в таких случаях полиция обыкновенно в погоне за террористами поднимала на ноги войска, однако погоня останавливалась на границе рабочего городка.

В городе стояли довольно значительные, насколько я припоминаю, артиллерийские части, но и они были сильно «разложены» революционной пропагандой и настроением окружающего населения. Я припоминаю, как сейчас, квартирку у одной женщины, где почти на глазах у полиции солдаты и унтер-офицеры собирались в революционный кружок; я припоминаю, как некоторые солдаты приносили туда планы Батумской крепости, а также расположения батарей и отдельных пушек. Вся пропаганда среди солдат носила почти открытый характер. Мы жили в это время в Батуме точно в местности с уже установившейся революционной властью.

Но нужно отметить, что это революционное движение было скорее движение крестьянское, в котором партийной сознательности было недостаточно. Движение было яркое, красочное, трогательное по самоотвержению и буйному темпераменту революционеров, но, повторяю, уровень партийной сознательности был чрезвычайно низок.

Я был первым русским пропагандистом в этом грузинском движении. В двух-трех кружках, которые мне пришлось вести, группировались все главари и гурийской и батумской организаций: там были рабочие, учителя и учительницы, были наиболее развитые члены организации, но тем не менее в этих кружках пришлось начинать буквально с азов. Счастливые условия безопасности этого города дали редкую для пропагандистов того времени возможность вести одни и те же кружки в течение целого ряда месяцев

совершенно регулярно, как будто открытую школу, и я помню, как сейчас, с какой детальной тщательностью мы изучали в этих кружках партийную программу II съезда партии. Нам удалось ее пройти во всех кружках в ее теоретической и практической части с чрезвычайной обстоятельностью.

Во главе обоих комитетов стоял так называемый тов. Гриша, если я не ошибаюсь, по фамилии Сагоров. Это был пожилой человек, грузин по происхождению, пользовавшийся неограниченной популярностью и властью: фактически он единолично олицетворял и Батумский, и Гурийский комитеты. Он сам намечал, кого из приставов, попов и помещиков надо «снять»; он улаживал хозяйственные дела отдельных гурийских общин, он же назначал всех по партийной линии, он был фактически диктатором, пользовавшимся неограниченным доверием и властью.

И Гурийский, и Батумский комитеты партии считались большевистскими, они в то время официально вынесли резолюцию за созыв нового съезда и за поддержку платформы большевиков.

Нужно, однако, сказать совершенно откровенно, что в самой организации очень немногие, в сущности, знали различие между большевиками и меньшевиками, и, повторяю, среди крестьянского движения в ту пору при наличии огромной революционности и революционной организованности было исключительно мало партийной сознательности и мало знакомства с партийными течениями.

Очень скоро события это подтвердили, когда эту область объехал примиренческий член ЦК тов. Глебов (Носков) и когда впоследствии появилось несколько кавказских меньшевиков, приехавших из-за границы: они чрезвычайно быстро обратили Кавказский и Гурийский комитеты в меньшевистские и сделали их впоследствии оплотом меньшевизма.

Но до приезда в Батум примиренца тов. Глебова в Батуме по части фракционных разногласий все обстояло совершенно благополучно, литературы о разногласиях между большевиками и меньшевиками почти не было: то, что успевало доходить из литературы, прочитывалось верхушкой в 5—10 человек и в более широких организациях эти разногласия не обсуждались. Вот этим-то и объясняется то обстоятельство, что, когда впоследствии явились грузинские меньшевики из-за границы, они встретили очень мало сопротивления.

Революционное движение в этой стране само по себе носило совершенно исключительный характер. Было бы чрезвычайно желательно восстановить подробную картину движения этого времени. В нем было много революционного героизма, в нем было, я сказал бы, много чрезвычайно красочного романтизма. Им гордилась в то время вся партия, и за ним следила вся страна. Еще много лет для всей революционной России слова «Гурия» и «гурийские рабочие и крестьяне» были символом яркой революционной массовой борьбы.

Любопытно отметить, что другие партии там почти отсутствовали. Были в верхушке буржуазного общества некоторые элементы

грузинских федералистов, однако они в ту пору были чрезвычайно незначительны и не только не смели открыто выступать против нашего партийного движения, но должны были подчиняться его силе и даже помогать.

Была еще армянская социалистическая партия под названием «Гинчак»[1]. У этой партии было некоторое влияние среди незначительного количества армянских рабочих, но эти рабочие были, несомненно, революционерами с сильным национальным оттенком и с ярким революционным настроением; но они были совершенно бессильны, и бессилие это проявляли тем, что избивали отдельных армянских товарищей, которые входили в нашу организацию.

Были еще отдельные представители армянской партии «Дрошак», которые преимущественно занимались тем, что рекрутировали среди рабочих боевиков для отправки в македонские боевые дружины Турции и Болгарии. Эта же партия была обеспечена содействием отдельных представителей армянской буржуазии, но влияние ее совершенно ни в чем не сказывалось.

Партия социалистов-революционеров не имела никакого значения и успеха ни в Батуме, ни в Гурии, ни даже среди грузинской интеллигенции. В ту пору я, вместе с целым рядом других товарищей, склонен был это объяснить именно тем, что гурийское движение имело под флагом социал-демократической организации и под ее организационным руководством очень много черт именно эсеровской Грузии, то есть было движением типично крестьянским, малосознательным, державшимся преимущественно на настроении революционной борьбы против самодержавия и открыто практиковавшим, правда в массовом масштабе, террористические акты.

Надо отметить, что в Тифлисе существовал Кавказский областной комитет нашей партии, состоявший из наиболее выдержанных и сознательных работников, в частности там работал в то время один из старейших членов нашей партии — Миха Цхакая, ныне председатель грузинского ЦИК [2]. Он уже в то время был старым, закаленным революционером, с большим подпольным стажем.

Этот областной комитет имел большое влияние на Батумский и Гурийский комитеты нашей партии, и, несомненно, благодаря его влиянию эти два комитета при невысокой партийной сознательности смогли все местное яркое революционное движение долго вести под флагом нашей партии, именно большевистской ее фракции. Известно, что этот областной комитет был твердыней большевизма того времени во всей России.

На Кавказской областной конференции в конце 1904 года или в начале 1905 года, где я вместе с тов. Сагоровым был представителем от батумских организаций, я впервые встретил и тов. Каменева Льва Борисовича в качестве руководителя местных большевистских организаций. На этой областной конференции тов. Каме-

---

[1] *«Гнчак»* (арм.— «Колокол») — армянская мелкобуржуазная националистическая партия. Основана в 1887 году. Действовала в России и Турции. *Ред.*

[2] В 1926 году. *Ред.*

нева выбрали в качестве разъездного по всей стране агитатора и пропагандиста за созыв нового съезда партии, причем ему же было поручено объезжать комитеты всей страны и связаться с нашими заграничными центрами того времени. Эта областная конференция и областной комитет и были фактически идейными руководителями Батумского и Гурийского комитетов.

В конце 1904 или в самом начале 1905 года я по предложению ЦК или, вернее, члена ЦК тов. Глебова, объезжавшего Кавказ, должен был переехать на работу в Баку. Здесь движение носило уже совершенно другой характер: десятки тысяч рабочих на промыслах и заводах Баку сумели создать организацию гораздо более сознательную в партийном смысле и наиболее пролетарскую; здесь происходили громадные забастовки; здесь было истинно пролетарское движение; здесь уже фракционная борьба охватывала самые широкие массы; здесь в то время наряду с большевистским комитетом партии подвизалась небезызвестная группа меньшевиков, возглавляемая братьями Шендриковыми; здесь рабочие уже сознательно разбирались в фракционных разногласиях, и эта меньшевистская группа Шендриковых, группа чрезвычайно демагогическая, беспринципная, открыто иногда ударявшаяся в зубатовщину, вскоре потеряла свое влияние...

Здесь мне пришлось пережить знаменитую армяно-татарскую резню, организованную тогдашним губернатором Накашидзе именно для того, чтобы ослабить и разъединить революционное движение. Эта резня продолжалась несколько дней, дала много сотен жертв и много пожаров, но она окончилась, несомненно, посрамлением царской власти, ибо привела к тому, что самые широкие массы армян и татар поняли гнусную игру царского правительства на их национальных чувствах и широко примкнули к революционному движению.

В Баку мне удалось продержаться не очень долго: месяца через полтора-два после моего прибытия я был арестован, кажется в феврале 1905 года, и уже из царского застенка мне пришлось наблюдать за революционным движением без активного в нем участия. Просидев в Баку, кажется, до сентября я был отправлен этапным порядком, следуя из тюрьмы в тюрьму, в ссылку в северные губернии. Разразившаяся в то время октябрьская забастовка 1905 года не дала правительству меня выслать: наш этап успел добраться только до ростовской тюрьмы.

Во время моего этапного следования через Темир-Хан-Шуру или Дербент, точно не помню, мне пришлось столкнуться с местным приставом, который отобрал у меня следовавшие со мною книжки. Этот довольно умный чиновник мне заявил: «Когда вы, революционеры, свергнете царскую власть и захватите власть в свои руки, то будете тогда распоряжаться, сейчас же мы у власти, и вы должны подчиняться нашим распоряжениям». Даже этот, сравнительно просвещенный и, несомненно, умный, царский чиновник не подозревал в то время, как близки к истине были его слова: через две-три недели восставший народ распорядился о нашем освобождении из тюрьмы.

Пролетарская революция, 1926, № 1 (48), с. 210—216

В. И. Невский

ЯНВАРСКИЕ ДНИ 1905 ГОДА НА КАВКАЗЕ

I.ТИФЛИС В ЯНВАРЕ 1905 ГОДА

В Баку шла ожесточенная борьба пролетариата с капиталистами и правительством, а тифлисские меньшевики проводили в жизнь свою знаменитую банкетную кампанию «Искры».

Накануне Нового года, 31 декабря, меньшевики приняли участие в банкете, устроенном местной буржуазией. Социал-демократические ораторы препирались с либералами, не желавшими дать слова представителям рабочих. Наконец слово это было получено, и социал-демократам удалось провести свою резолюцию [1].

А между тем, по сообщению меньшевистских корреспондентов в «Искру»[2], настроение тифлисских рабочих было далеко не таким, чтобы мирно выжидать у дверей городских дум разрешения, когда либералы позволят им войти в помещение. Рабочий Тифлис кипел. Об этом свидетельствуют сообщения о тех митингах или, вернее, демонстрациях, какие произошли 20 декабря в 12 часов дня вблизи железнодорожных мастерских. Там собралась тысячная толпа. Социал-демократический оратор не успел даже закончить своей речи, так как рабочие, услышав его возглас: «Долой самодержавие!», который вовсе не обозначал конца речи, приняли это за призыв к демонстрации и двинулись с пением «Марсельезы» и с криками «Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!» и т. п. по полотну железной дороги, прошли минут 15 и возвратились обратно.

Митинги удалось устроить в этот день еще в заводе Яралова, перед «Тов. грузинского издательства», а прокламациями заполнили решительно все заводы, фабрики и мастерские.

Настроение рабочих вообще было напряженное, усиливавшееся еще и под влиянием известий из Баку. Вопрос о забастовке был у всех на устах и обсуждался организациями. Причин же для забастовки было сколько угодно. Стоит только посмотреть те требования, какие были предъявлены Тифлисским комитетом во время январской забастовки от имени всех рабочих, чтобы убедиться в том, что экономические причины прежде всего толкали рабочих на революционные выступления.

Оставляя в стороне требование 8-часового рабочего дня как тре-

---

[1] См. об этом в № 86 «Искры». *Прим. авт.*
[2] «Искра» № 85. *Прим. авт.*

3 Заказ 4835

бование общего характера в области экономики, остановимся на других требованиях, выдвинутых тифлисскими социал-демократами. Мы находим здесь: уничтожение сверхурочных работ, уничтожение сдельных и поштучных работ, уничтожение работы вне мастерских (для портных, столяров и вообще рабочих мелких мастерских). Далее идут такие требования, как полное воспрещение дарового труда учеников, выдача жалованья два раза в месяц, уничтожение выговоров и штрафов, устройство больницы для заводских рабочих, подача медицинской помощи на дому, улучшение питьевой воды, устройство бань, отмена обысков, отмена «добровольных» пожертвований на войну.

Уже из этого (далеко не полного) перечня требований тифлисских рабочих видно, в каких ужасающих условиях они жили, если им в начале XX века приходилось требовать не только отмены сверхурочных работ, но и подачи врачебной помощи на дому и улучшения питьевой воды!

Рассматривая требования, например, портных, мы и здесь находим то же самое отсутствие примитивных, минимальных условий человеческого существования. Портные требовали: начинать работу с 8 часов утра, подметать мастерские во время отсутствия рабочих, устройства отдельных помещений для нагревания утюгов, выдачи жалованья два раза в месяц, отмены штрафов, 6-часового рабочего дня для учеников и отмены их работы в праздники.

Рабочие папиросных фабрик требовали, между прочим, устройства отдельной чистой комнаты для обеда и приготовления кипятка для чая.

Даже самый заклятый враг рабочего класса поймет, что все только что перечисленные требования не только не заключают ничего революционного, но являются условиями, без которых нормально работать и жить нельзя. Требования тифлисских рабочих в области заработной платы также были более чем скромны. Вот эти требования. Прибавка жалованья а) для железнодорожных рабочих: для получающих меньше рубля — 50 коп., для получающих от 1 руб. до 1 руб. 50 коп.— 40 коп. и свыше 1 руб. 50 коп.— 30 коп.; б) для типографщиков: по 3 руб. два раза в год для зарабатывающих до 40 руб., а для зарабатывающих свыше 40 руб.— 3 руб. один раз в год; в) для остальных фабрик и заводов: 25 процентов для получающих до 1 руб. и 15 процентов для получающих свыше рубля.

Судя по этим требованиям, заработки тифлисских рабочих нужно считать действительно жалкими: 40 рублей — это, пожалуй, заработная плата квалифицированных рабочих, так как выше этой платы, очевидно, добивались только единицы. Правда, тифлисские наборщики выдвинули еще и такие требования: один свободный день в неделю, освобождение дежурных, которые остаются в типографии до 6—7 часов утра и весь следующий день, и увеличение числа наборщиков; правда, они еще забастовками 1903 и 1904 годов добились 9-часового рабочего дня, но если принять во внимание необыкновенно опасные для здоровья работы в типографиях, то и эти

требования являются самыми нормальными, обеспечивающими мало-мальски сносные условия труда.

Вчитываясь в эти требования, представляя себе отсутствие таких необходимых условий жизни, как кипяток для чая, зная, что тысячи рабочих — наборщиков, железнодорожников, табачников — должны были работать за нищенскую плату в чаду, в копоти, должны были есть и пить там же, где лежал табак, где носилась свинцовая пыль; зная все это, понимаешь, что двигало рабочими, когда они так дружно ответили на выступление петербургских рабочих.

Ясно, почему тифлисские рабочие, как только до них дошли вести о петербургских событиях, сейчас же откликнулись на призыв социал-демократической организации. Еще за несколько дней до забастовки возбужденное настроение царило среди всех слоев населения.

«Завтра мы начинаем общую стачку и митинги. Настроение прекрасное. Полиции известно все. Железнодорожные мастерские были сегодня переполнены войском и жандармами; приняты все меры к тому, чтобы не произошло столкновений, но это едва ли удастся. Народ здесь очень возбужден. Между ними ведется такая же агитация и кружковая пропаганда, как и среди рабочих... Все ждут с нетерпением завтрашнего дня, как будто готовятся к празднику»[1].

18 января в Тифлисе началась по призыву организации всеобщая политическая и экономическая забастовка. Уже с 17 января власти энергично подготовлялись к подавлению забастовки, и войска были приведены в боевой порядок, но ничего не помогло, и 18 января утром началась забастовка железнодорожных рабочих. Рабочие бросили работы и с криками «Долой самодержавие!» бросились к вокзалу с намерением снять с работ стрелочников и сцепщиков. Рабочим преградили путь две роты пехоты. Рабочие отступили. Движение, однако, и без содействия железнодорожников быстро распространялось по городу: остановились все механические заводы и типографии. Попытка остановить казенную типографию не увенчалась успехом, так как здание типографии охранялось войсками.

Прокламации Тифлисского Комитета Кавказского союза РСДРП призывали тифлисский пролетариат поддержать петербургских рабочих и добиваться своих, чисто экономических, требований. Рисуя немного преувеличенными красками январские дни в столице, комитет звал рабочих на решительную и окончательную борьбу с самодержавием.

«Смелее же вперед, товарищи! Наши петербургские братья строят уже баррикады — мы должны их поддержать. Выйдем же на митинги и демонстрации, провозгласим смерть тиранам, смерть самодержавию! Долой самодержавие! Да здравствует революция! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует российская и международная социал-демократия!»

[1] «Искра» № 86. *Прим. авт.*

В другой прокламации, тоже политического характера, переживаемый момент оценивался уже как момент наступления революции. «Привет вам, товарищи! — так начинался этот листок.— Да здравствует русская революция! Да здравствует пролетариат, борющийся за новую жизнь! Товарищи, звезда свободы уже освещает нас, маня к себе с непреодолимой силой! Идем же, товарищи, туда, где нас ждет обновленная жизнь».

Приглашая рабочих к сознательности и организованности, прокламация звала рабочих на митинги и демонстрации. Кроме этих прокламаций были выпущены еще специальные листки с изложением экономических требований рабочих (мы уже приводили выше эти требования); помимо этого ежедневно в течение всей забастовки выходили листки за листками и распространялись тысячами.

19 января остановилась табачная фабрика Адельханова, за нею стала фабрика «Мир» и бросили работу все приказчики и служащие караван-сарая Тамамашовых. Число бастующих уже подходило к 10 тысячам. В то же время начались демонстрации и митинги. В час дня была устроена у караван-сарая демонстрация, быстро рассеянная войсками; затем началась демонстрация на Авлабаре и, наконец, в Дидубе, на Батумской площади, где толпа достигла двух тысяч человек. Но все эти попытки собраться были парализованы войсками. В этот день столкновений еще не было; однако уже на другой день, 20 января, настроение рабочих и вообще толпы, разгоняемой солдатами, поднялось, и на окраинах города начались попытки сооружения баррикад: толпа пыталась опрокидывать вагоны конки и около них как опорных пунктов строить баррикаду. Солдатский патруль бросился разгонять толпу, но был тотчас же смят, причем один солдат получил небольшие ранения. Подоспевший на помощь солдатам взвод драгун рассеял толпу, избивая ее шашками. Попытка рабочих устроить демонстрацию также не удалась, но зато в этот день к забастовке примкнули рабочие табачной фабрики Бозарджианц и мыловаренных заводов Толле, Таирова и Алиханова.

В течение 21 и 22 января стачка ширилась и крепла, несмотря на попытку властей при помощи 200 отчасти штрейкбрехеров, отчасти загнанных силой под охраной войск пустить в ход мастерские Закавказской железной дороги.

23 января приходилось на воскресенье, и в этот день движение достигло своего кульминационного пункта. Еще с утра огромная толпа (более чем 3 тысячи одних рабочих) наполнила буквально все улицы в районе Эриванской площади, Солдатского базара и Головинского проспекта. Рабочие густыми колоннами двигались по проспекту, раздавались революционные песни, крики, шутки и смех. Полиция и войска держали себя сдержанно. Но вот в $12^1/_2$ часа вдруг из Театрального переулка показалась толпа человек в 200. В центре ее колыхалось ярко-красное знамя; раздались могучие звуки «Марсельезы», посыпались на толпу прокламации, и очень быстро к манифестантам примкнули массы рабочих и публики, находившихся на проспекте.

Тотчас же на демонстрантов бросились полиция, казаки и дворники, вооруженные дубинами. Войска и полиция действовали шашками и нагайками, дворники — дубинами, рабочие отвечали выстрелами из револьверов и ударами камней и палок. Началось форменное сражение. Городовые стреляли в рабочих, те отвечали им тем же. Но подоспевшие казаки дали перевес полиции, и демонстранты, подбирая своих раненых, начали отступление. Теперь уже началось ничем не оправдываемое избиение ни в чем не повинных людей; особенно беспощадно действовали дворники своими дубинами: одну женщину они избили до полусмерти. Отступающая толпа вновь скопилась на Барятинской улице и здесь, под давлением наседающего противника, бросилась на какой-то постоялый двор. Казаки окружили двор, но засевшим там все же удалось ускользнуть и быстро разбежаться в разные стороны. Теперь полиция, дворники и казаки принялись за избиение публики: за проходящими и бегущими людьми гнались конные казаки и городовые и избивали их; пытавшихся укрыться в домах встречали дворники и избивали дубинами; били и женщин и детей.

Даже жандармский полковник не отрицает всех этих фактов. В своем донесении в департамент полиции он выражается по этому поводу очень определенно: «...бежавшие с Головинского проспекта бросились в прилегавшие дома, куда за ними гнались, вместе с полицией, дворники и казаки, причем многие были побиты по недоразумению...».

Эта демонстрация дорого обошлась тифлисским рабочим: Инцкирвели был тяжело ранен пулями в грудь, голову и живот, Георгадзе, Асамбадзе и Читашвили получили опасные сабельные раны, а 30 человек — ранения менее тяжкие. Но цифры пострадавших властями, без сомнения, уменьшены, так как, по их собственным донесениям, много пострадавших не явились на перевязку. Правительственные потери были незначительны: тяжело оказался ранен один городовой пулевыми ранами, полицейский-стражник и пять городовых получили легкие ранения. В виде трофея в руках правительства оказалось два мешка прокламаций.

На другой день, 24 января, забастовала бойня, а 25-го и 27-го к забастовке примкнули фармацевты. 24-го же присоединились к движению и учащиеся средних учебных заведений. Забастовка началась во второй гимназии; 25-го забастовало городское Николаевское училище, а 26-го и 27-го — первая и третья гимназии, 28-го присоединились и реалисты. Учащиеся с шумом бросали занятия, толпой выходили на улицы, устраивали шествия и примыкали очень часто к рабочим. 30 января учащиеся организовали демонстрацию на Кукийском кладбище во время похорон ученицы профессионального училища Нины Голиашвили, причем и здесь дело окончилось схваткой с городовыми, с выстрелами и нагайками. Один из демонстрантов, Иосиф Гегачишвили, был смертельно избит плетьми.

Эта демонстрация и была последней вспышкой протеста и недовольства. Уже на другой день, 31 января, наступило заметное ус-

покоение, а 1 февраля и железнодорожные мастерские, и фабрики, и заводы приступили к работе. Вышли газеты, не выходившие с 18 января, и город принял свой обычный вид.

Само собой разумеется, что жандармерия в течение всех этих тринадцати дней производила аресты и заполняла тюрьмы.

II. КАВКАЗСКАЯ ПРОВИНЦИЯ В ЯНВАРЕ 1905 ГОДА

(Баку, Батум, Сухум, Кутаис и железная дорога)

Тифлисские события послужили как бы сигналом ко всеобщему движению на Кавказе в знак солидарности с выступлением петербургских рабочих. На призыв тифлисских рабочих откликнулись рабочие буквально всех промышленных центров Кавказа, и даже самые мирные уголки, дотоле спавшие беспробудным сном, вдруг проснулись и примкнули к движению: Батум, Сухум, Кутаис, Чиатуры, вся железнодорожная линия и даже некоторые кавказские деревни пришли в движение и заволновались. Только Баку ответил сравнительно слабым движением на январские дни,— слишком много сил потребовала от бакинского пролетариата декабрьская стачка 1904 года. В Баку лишь к концу января в знак солидарности с петербургскими рабочими забастовали рабочие типографий и двух механических заводов.

Зато в других городах движение разлилось широкой волной и окрасилось в ярко-красный политический цвет.

В Батуме забастовка началась, как и в Тифлисе, 17 января.

Рабочие-грузчики бросили работу первыми. Выделив толпу человек в 150, они разошлись по домам, а эта ударная группа направилась на пристань «Русского общества пароходства и торговли» и сняла с работ артельных рабочих-грузчиков. Точно так же были сняты с работ и грузчики «Российского общества». Движение это было согласовано с забастовкой на железных дорогах. Еще 16 января на станции Рион забастовали буфетные служащие, а 18 января примкнули к забастовке конторщики и весовщики железной дороги и извозчики, покинувшие биржу по требованию бастовавших рабочих. 19 января уже не работали путевые сторожа от Батума до Самтреди. 20-го бросили работы и таможенные досмотрщики. 21 января забастовка охватила всю железную дорогу до станции Самтреди. Забастовка на железной дороге, впрочем, началась еще 11 января: в этот день бросили работы рабочие станции Ново-Сенаки, 14 января — рабочие станции Квалони, а 18 января бросили работы все ремонтные рабочие от Батума до станции Саджевах (на 90 верст); 20 января уже бастовала линия от Батума до Самтреди ($98^1/_2$ верст), бастовали станции Квирилы и Поти. На другой день на станции Самтреди движение вылилось в грандиозную демонстрацию. Утром толпа рабочих человек в триста с криками и пением подошла к станции и сняла с работ всех стрелочников, сцеп-

щиков и составителей поездов, а также весовщиков, конторщиков и телефонистов. Увеличившаяся таким образом тысяч до трех, толпа двинулась в селение Самтреди. Здесь к рабочим примкнули все жители селения, и забастовщики ворвались в квартиры начальника депо и его помощника, а ревизора движения и всех оставшихся телеграфистов увели с собою. На станции Поти к забастовке примкнули железнодорожные рабочие, а 22 января на станциях Квалони, Абагиа, Чалодиди (Потийской ветви), Нигоити, Саджевахо и Копитнари (главной линии) забастовали все стрелочники и путевые сторожа, бросили работу и рабочие марганцевых копей; 23-го оставили работы машинисты маневровых паровозов, и те стояли на путях холодными; в этот же день бросили работы стрелочники и путевые сторожа станций Нотанеби, Нигоити и Мухиани, а на станции Кутаис побросали свои машины механики и кочегары. В течение 24 и 25 января забастовка охватила Квирилы, Шорапани, Чиатуры и Тквибульские каменноугольные копи. Даже такой тихий городок, как Сухум, проснулся от своей южной спячки. В начале февраля и здесь начали шевелиться. Испуганный Малама телеграфировал министру внутренних дел, что в Сухуме чуть ли не революция: «Получены сведения, в Сухуме полная забастовка, беспорядки, угрозы насилием, вооруженные столкновения с полицией, забастовщики требуют освобождения за прежние беспорядки» и т. д.

Дело было в действительности не так уж страшно, как рисовал министру генерал или, вернее, как хотели нарисовать местные преступные власти. Сухумское движение было подготовлено заранее. На сходке за городом недели за две до забастовки собралось человек 300 рабочих, приказчиков, грузчиков, и приезжий социал-демократ на грузинском языке разъяснил значение переживаемых событий. Забастовку начали приказчики, выставившие требования воскресного отдыха и торговли в будни от 7 часов утра до 9 часов вечера.

Однако и это скромное движение вызвало столкновение с полицией, которая напала на толпу рабочих и служащих. Безоружные люди были окружены вооруженными городовыми и казаками, которые пустили в ход пули и шашки. Рабочие и приказчики отвечали камнями и револьверными выстрелами. В результате один грузин был убит и 10 человек получили пулевые раны (один городовой был тоже ранен). Это до такой степени возмутило всех граждан города, что на другой день к приказчикам присоединились и хозяева: лавки закрылись и на базаре прекратилась торговля, так что нигде не продавался даже хлеб. Забастовавшие предъявили требования освободить арестованных, уволить убийцу-пристава и выдать труп убитого рабочего.

Перед тюрьмой собралась огромная толпа, а похороны убитого революционеры превратили в самую яркую политическую демонстрацию: гроб несли товарищи покойного, а у могилы была произнесена революционная речь по-грузински.

Этим актом сухумское движение и закончилось...

Пролетарская революция, 1924,
№ 4(27), с. 40—49

Г. И. Крамольников

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕЛЕГАТА III СЪЕЗДА ПАРТИИ

В Лондоне 12(25) апреля 1905 года начал работать III съезд РСДРП. А в России «кипел котел чародейки-истории» (Маркс). Россия становилась центром мирового революционного движения. В стране ширилась и крепла величайшая народная революция.

Перед рабочим классом вплотную встала задача осуществить на деле роль вождя, роль гегемона в народной революции. Но для такой роли рабочему классу необходима была боевая партия нового типа, могущая стать инструментом революционной диктатуры.

Между тем партия переживала острый кризис. Центральные учреждения — ЦК, Центральный орган — «Искра» и Совет партии были захвачены меньшевиками. Правда, сплотившиеся большевистские организации на местах создали по инициативе Ленина практический центр — Бюро комитетов большинства и руководящий ленинский печатный орган — газету «Вперед».

Однако несоответствие величия задач революции и стихийного подъема масс с состоянием партии было явным. И делегаты ехали на съезд со страстным желанием вывести организацию из партийного кризиса и получить четкие директивы по части марксистской тактики в революции. Другими словами, надо было в первую очередь покончить с меньшевистскими захватчиками (или, как говорили, с «бонапартистами»). Надо было крепко ударить по рукам Плеханова, который поднял против большевиков, против Ленина лидеров II Интернационала. Руководство германской социал-демократической партии пыталось помешать созыву III съезда, предложив Бебеля в качестве «третейского судьи» между большевиками и меньшевиками, но получило отпор: Ленин от газеты «Вперед» и Эссен (Бур) от Бюро комитетов большинства ответили Бебелю, что до съезда партии и без съезда никто не вправе решать поднятого Бебелем вопроса, да и кто же лучше съезда разберется в наших отечественных делах?

Я прибыл на съезд в качестве делегата от Самарского комитета партии. В Поволжье я работал лишь с конца января 1905 года, а до тех пор — в организациях Сибирского союза РСДРП.

Самара являлась торговым городом на переплетении водных и железнодорожных путей с Поволжья на Урал и в Сибирь. Рабочих в городе было немного. Однако низовая партийная масса была настроена по-боевому и сочувствовала большевикам. Комитет же

постоянно пополнялся случайно осевшими в Самаре товарищами. В этот период партия не имела возможности осуществлять полностью принцип демократического централизма, что вело иногда к несоответствию между позицией рядовых партийных работников и линией комитета. В частности, в Самарском комитете вначале бытовали примиренческие настроения. Трое из членов комитета сопротивлялись созыву съезда, а я и Лихачев (Карась) стояли за съезд. Я был кооптирован в Самарский комитет и, кроме того, В. П. Арцыбушевым, крепким большевиком, близко знавшим В. И. Ленина, привлечен к работе в качестве агента Восточного бюро Центрального Комитета. Это бюро было чудовищно слабое, если учесть, что в круг его обязанностей входило обслуживание Сибири, Урала и Поволжья.

Хотя примиренческий ЦК и капитулировал перед меньшевиками, однако его Восточное бюро боролось против ЦК и даже не пустило агента ЦК в свою подпольную типографию. В. И. Ленин одобрил этот шаг бюро [1]. ЦК мстил нам тем, что выделял Восточному бюро ничтожно мало большевистской литературы. Несмотря на все старания экспедитора Мирона (старого большевика В. Н. Соколова), из вышедших шестнадцати номеров ленинской газеты «Вперед» самарцы могли ознакомиться лишь с пятью или шестью номерами; совсем не послали нам ленинскую брошюру «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией»[2], книгу «Шаг вперед, два шага назад»[3] самарцы получили всего в одном экземпляре и притом лишь в 1905 году.

В нашей борьбе с меньшевиками не помогла и энергичная поддержка приехавшего в то время в Самару из Сибири видного большевика Николая Николаевича Баранского. Полтора месяца мы бились, стараясь сломить сопротивление Самарского комитета по вопросу о созыве III съезда. Выручила нас явившаяся в качестве члена Бюро комитетов большинства и агента В. И. Ленина Р. С. Землячка. Она объехала ряд комитетов, заручилась их резолюциями за созыв съезда. Пришла к нам, вынула из заветного зеркальца (оно хранится ныне в Музее Революции СССР) свой мандат от Бюро комитетов большинства и резолюции местных комитетов и в три дня добилась перелома в Самарском комитете. Мандат на съезд с решающим голосом был вручен мне. В целях конспирации Землячка не сказала нам, что съезд будет работать в Лондоне; местом первоначальной явки для делегатов был указан Петербург. Приехав из Самары в Петербург, Р. С. Землячка сообщила С. И. Гусеву о победе в Самаре, а тот известил Владимира Ильича: «Ура, еще один Комитет — Самарский... В Комитете — меньшевики, но представитель будет большевик»[4].

В Петербурге на бывшей Николаевской улице, в доме № 33, в квартире зубного врача Ю. И. Лаврентьевой была явка делегатов

---

[1] См.: Ленинский сборник V, с. 167. *Ред.*

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 115—125. *Ред.*

[3] См. там же, т. 8, с. 185—414. *Ред.*

[4] Пролетарская революция, 1925, № 2(37), с. 58, 64. *Ред.*

съезда. Помню боевой пароль и отзыв (ответный пароль) у Лаврентьевой: пароль — «Мы объединяемся в партию!», отзыв — «Долой бонапартизм!». Лаврентьева дала направление на Малую Монетную, дом № 9-а, к М. П. Голубевой, а она уже — к представителю Бюро комитетов большинства. Тот снабдил меня и делегата от Северного комитета Романова 75 рублями на дорогу и направил на явку в Ригу к М. М. Литвинову [1], работавшему там под кличкой Папаша агентом большевиков. М. М. Литвинов обратился к нам с предупреждением: «Товарищи, очень прошу вас, не портите мне границы!» Обиженные, мы обратили внимание Папаши на то, что перед ним профессиональные революционеры с немалым уже стажем подпольной работы. Особенно возмущался солидный Романов. В ответ Литвинов рассмеялся и сказал: «Не сердитесь на скромного «техника» ЦК; я забочусь о кассе ЦК и прошу больше 8 рублей с человека контрабандисту не давать, иначе разорит он ЦК».

Само собой разумеется, Литвинов не сообщил нам, что в его функции входила не только нелегальная переотправка за границу подпольщиков, но и доставка в Россию оружия и нелегальной литературы.

Около города Волковыска мы перебрались нелегально через границу. В Берлине нас позабавили товарищи, выделенные от Бюро комитетов большинства для дальнейшей переотправки делегатов в Лондон. П. И. Кулябко-Лалаянц (Мышь), А. М. Эссен (Бур) устроили явку для съездовцев у какого-то почтенного немца и немного перемудрили с паролем. Пароль был замысловатым: «От русского папы Льва Тринадцатого». В случае какого-либо недоразумения на явке не миновать бы нам полиции либо сумасшедшего дома!

Наконец добрались мы до Лондона. Помогал нам ориентироваться в Лондоне секретарь съезда Н. А. Алексеев (Угрюмый), давно акклиматизировавшийся в лондонской эмиграции и хорошо владевший английским языком. Он разместил нас в Уайтчепеле — районе Лондона, где жили преимущественно беднота и эмигранты из разных стран, в том числе из России.

Большую действенную помощь оказывал нам Владимир Ильич. Он писал на одной стороне листка нужные нам адреса на английском языке, а на другой четко отмечал, как их надо произносить.

На съезд прибыли 24 делегата с решающим голосом и 14 с совещательным — все большевики. Но ведь через явку у Лаврентьевой в Петербурге прошли и 9 меньшевиков. Они получили от Бюро комитетов большинства деньги и перешли, так же как и мы, границу.

Меньшевики поступили двурушнически: получили от БКБ деньги и явку за границу, а сами были уже снабжены своим фракционным центром и имели явку в Женеве. Откровенно говоря, мы, комитетчики, были рады, что съезд оказался большевистским и мы смогли без каверз со стороны меньшевиков в течение 16

[1] *М. М. Литвинов* — член РСДРП с 1898 года. Агент «Искры». В 1905 году — член Рижского и Северо-Западного комитетов и Бюро комитетов большинства. *Ред.*

дней — с 12 по 27 апреля (25 апреля — 10 мая) — проходить лучшую из коммунистических школ под руководством Владимира Ильича Ленина.

Все делегаты рады были встретить на съезде Надежду Константиновну. Это она своей огромной перепиской обеспечила связь местных большевистских комитетов с В. И. Лениным. Любовно относились мы к делегату от Кавказского союзного комитета Миха Цхакая. Как старшему по возрасту партийцу, ему было поручено открыть съезд. Он нас заинтересовал своими сообщениями о громадном размахе крестьянского движения в Гурии, об образовании на Кавказе революционных крестьянских комитетов, действовавших как местная власть.

Лично я близко сдружился с Алешей Джапаридзе, тоже, как и Цхакая, делегатом от Кавказского союзного комитета. К сожалению, по независящим от него обстоятельствам он запоздал на съезд. Он очень нравился Владимиру Ильичу. Но к Алеше я вернусь несколько позднее.

М. Н. Лядова, типичного профессионального революционера, многие знали по встречам в России. Больше всего порадовал он нас тем, что обильно снабдил делегатов привезенными из Женевы экземплярами книг Ленина «Шаг вперед, два шага назад» и «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией».

Большое уважение вызывал член редакции газеты «Вперед», известный литератор-марксист Вацлав Вацлавович Воровский. Он носил партийную кличку Жозефина. В целях конспирации мужчинам нередко давали женские имена и наоборот. Так, делегат Фридолин был известен на Урале и в Самаре под кличкой Варенька, Лядов — Русалка, а Землячка — Осипов.

Речь Воровского сверкала юмором, особенно когда он рассказывал о Каутском, Бебеле, к которым он ездил по поручению Владимира Ильича в Берлин.

Ленин был доволен тем, что на съезде преобладают не лидеры, не литераторы, а практики-комитетчики, но негодовал на то, что очень уж мало рабочих прислано на съезд. «Как это угораздило питерцев,— говорил Владимир Ильич,— не прислать на съезд ни одного рабочего от Петербурга?» Из литераторов же особое внимание он уделял А. В. Луначарскому (по съезду Воинову). Владимир Ильич ценил в Луначарском не только яркого публициста, но и блестящего оратора и настаивал на том, чтобы Луначарский, живший в то время во Флоренции и бывший членом редакции газеты «Вперед», переехал работать в Женеву.

Избранный единогласно председателем съезда, Владимир Ильич при организации работ съезда не позволял ни на минуту упускать из виду, что революция с каждым часом растет и поэтому работать надо по-военному; революция требует, чтобы опыт первых ее шагов был учтен на съезде, чтобы директивы съезда соответствовали запросам и задачам революции.

Владимир Ильич внимательно выслушивал выступавших делегатов и строго следил, чтобы не было отклонений от порядка

дня, соблюдался регламент. Он создавал общее настроение, требовавшее, чтобы съезд не превращался в парламент, а больше походил бы на штаб партии, руководящий революционными боями.

На первом же заседании съезда мы получили составленную Лениным и размноженную на машинке анкету для делегатов. Мы должны были дать сжатый отчет о состоянии делегировавшей нас организации за период от II до III съезда: рассказать о структуре организации, сообщить, оформлены ли районы, есть ли пропагандистская группа или коллегия агитаторов, какие существуют программы занятий для кружков высшего и низшего типа, как увязываются письменная и устная агитация, успешно ли идет орабочивание комитетов, каковы взаимоотношения между периферией и комитетом, то есть имеется ли типография или обходимся мимеографом, шапирографом и даже гектографом, как осуществляется связь с заграничным центром и руководящим органом, ведется ли работа среди женщин, среди молодежи и среди военных, каковы связи с крестьянами?

Еще в феврале 1905 года на случай, если бы меньшевики, вопреки запрету Плеханова, пришли на съезд, В. И. Ленин пишет «Общий план решений съезда»[1]. В противовес примиренческому богдановскому проекту порядка дня съезда Владимир Ильич в № 8 «Вперед» выдвинул свой боевой порядок дня.

Председательствуя на заседаниях съезда, Владимир Ильич вел дневник съезда, отмечал время выступления делегатов с точностью до полминуты. Так, после выступлений моего и Красикова по вопросу порядка дня Ленин записал: Крамольников — 5 час. 05 мин., Бельский [Красиков] — 5 час. $05^1/_2$ мин.[2]

В. И. Ленин в ходе съезда внимательно изучал партийные кадры. В дневнике съезда он наметил три рубрики: «пропагандисты, агитаторы, организаторы» — и, прислушиваясь к речам делегатов, в соответствии с характером их выступлений размещал свой «живой инвентарь» в одну из этих рубрик. Характеристика была чрезвычайно точна: Р. С. Землячка отнесена к организаторам, Д. С. Постоловский — к пропагандистам, М. Н. Лядов и П. А. Красиков — к агитаторам.

Устанавливая съездовскую наличность кассы, чтобы передать ее ЦК, который мы должны были избрать на съезде, Ленин записал: *Счет теперь* — 360 рублей, defizit — 1000 рублей [3].

Стенографисток на съезде не было. По предложению Владимира Ильича ежедневно проводились два заседания — утреннее и вечернее. Делегаты по очереди, по двое на каждом заседании, вели секретарскую запись выступлений на съезде. Кроме того, каждый оратор не позднее чем через два часа после выступления передавал в президиум краткий конспект своей речи.

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 315—320. *Ред.*

[2] См.: Ленинский сборник V, с. 236. *Ред.*

[3] См. там же, с. 234. *Ред.*

До какой степени внимательно следил В. И. Ленин за тщательностью записи существа выступлений, можно судить по тому, что при утверждении протокола девятнадцатого заседания он поставил секретарям на вид, что они не отметили серьезную реплику А. Джапаридзе, сделанную во время речи Р. Землячки [1].

В порядке самокритики проиллюстрирую внимание Владимира Ильича к выступлениям даже не «офицеров», а всего лишь «сержантов» большевистской гвардии, таких, как Крамольников. Рассматривался вопрос об отношении к эсерам. Озлобленный столкновениями с народниками (будущими эсерами) еще в 1898 году в Чите, я заявил на съезде:

— Зачем нам две отдельные резолюции — об эсерах и либералах? Ведь эсер — это либерал с бомбой.

Уже в процессе выступлений других товарищей я понял, что допустил большую ошибку, что у эсеров и либералов различные классовые основы, и голосовал вместе с другими за ленинскую резолюцию. Я был страшно рад, что Владимир Ильич не заметил моей промашки. Но вот в 1925 году я сидел в Институте Ленина за подготовкой к печати пятого Ленинского сборника и мне пришлось впервые ознакомиться с планом доклада В. И. Ленина «О III съезде РСДРП». Читаю: «Отношение к социалистам-революционерам. Резолюция (Пересол Самарца)»[2]. Вот вам и «не заметил»!

С большой охотой помогал Владимир Ильич любому товарищу, который обращался к нему за советом или за разъяснением тех или иных вопросов. Следы «консультации» Ильича мы находили в выступлениях Красина и многих других.

Делегаты, остававшиеся во время перерыва между утренним и вечерним заседаниями съезда в зале локала (комната при пивной), где мы заседали, могли наблюдать, как накануне доклада А. В. Луначарского о вооруженном восстании В. И. Ленин в течение получаса беседовал с ним, медленно шагая по залу.

Ленин настаивал на том, чтобы Луначарский в своем докладе сформулировал взгляд Маркса на восстание как искусство, чтобы указал на своеобразие восстания в новую эпоху мировой истории, когда пролетариат как гегемон накладывает свой, пролетарский, отпечаток на все формы и методы борьбы, и это сказывается прежде всего в срастании всеобщей политической стачки с восстанием. А. В. Луначарский в своих воспоминаниях говорит, что основные положения доклада были восприняты им от Ленина так четко, что резолюция по данному вопросу у него родилась сама собой. Тут память, видимо, изменила Анатолию Васильевичу. Резолюцию подготовил Владимир Ильич, но внести ее он предложил Луначарскому, попросив его предварительно переписать текст со своего автографа. А так как у Луначарского, как многим может быть известно, почерк был исключительно неразборчив, Владимир Ильич предложил мне переписать проект резолюции для Луначар-

[1] См.: Третий съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 334 и прим. 145. *Ред.*
[2] Ленинский сборник V, с. 286. *Ред.*

ского, что я и сделал. В течение двух лет в Музее В. И. Ленина был выставлен на стенде этот «манускрипт» Крамольникова. Но так как я хорошо помнил, что переписывал резолюцию с ленинского текста, то в архиве ИМЭЛа мы вскоре нашли оригинал, который занял свое законное место на стенде в Музее В. И. Ленина.

Ленин радовался, когда слышал от делегатов: массы понимают, что вопрос о вооруженном восстании поставлен в порядок дня самой историей, поэтому они требуют от партии уже прямой директивы о восстании. В отчете петербургской организации съезду приведено обвинение, предъявленное питерским работникам, в том, что у них организовано мало кружков; в ответ на это обвинение один из рабочих воскликнул: «Дайте мне три ружья, я сейчас же организую три кружка!»

Можно без преувеличения сказать, что самым радостным для съезда днем был день 1 Мая. Именно в международный рабочий праздник Владимир Ильич выступил с докладом о временном революционном правительстве на вечернем заседании съезда.

Этот день выдался на диво солнечный, что было большой редкостью для обычно окутанного туманами Лондона. Однако на улицах не видно было рабочих демонстраций. Это неприятно поразило нас. Ведь мы приехали из России, и горячее воображение рисовало нам, что по всей стране в этот день объявляются стачки и происходят столкновения и сражения демонстрантов не только с полицией, но и с царскими войсками. А здесь, в Лондоне, мы видели всюду нарядных молодых девушек, вышедших на улицы с цветами и кружками для сбора пожертвований на борьбу с туберкулезом.

Полвека тому назад мы были «помоложе» и, разумеется, рвались на улицу. А Ленин в ответ на наши доводы, что нельзя не выйти на улицы в день великого пролетарского праздника, улыбаясь, говорил:

— Обязательно надо побывать на улице, но не надо забывать, что из всех событий на международной арене нет более важного, чем русская революция. И решить в этот день хотя бы один из серьезных вопросов организации этой революции — значит внести хорошую лепту в честь международного праздника пролетариата. Погуляем в промежуток между утренним и вечерним заседаниями съезда, а на вечернем я точно в назначенное время открою заседание докладом о временном революционном правительстве.

Опоздавших к началу вечернего заседания не было. Владимир Ильич выступал вдохновенно. Словно дыхание революционной демократической диктатуры пронеслось над съездом. Ленин подвел нас к такому окошечку, через которое видно стало, как разрозненные факты, явления революции сплетаются, сливаются в цельную картину движения такого размаха, в котором главенствуют не оборонительные, а наступательные действия, действия не только снизу, но и сверху. Временное революционное правительство возникало в результате победоносного восстания и должно было стать органом дальнейшего углубления и закрепления результатов вос-

стания, органом гражданской войны, не «чертогом», а скорее бивуаком.

Какими жалкими, эволюционно-вегетарианскими выглядели рассуждения меньшевиков в свете доклада Ленина. Когда им пришлось на конференции в Женеве решать вопрос об участии социал-демократов во временном революционном правительстве, они, как истые талмудисты, оговорили его: «Допустимо это участие только в одном случае — в случае перенесения революции на Запад». Ленин же звал к такому участию «не только *на случай* перенесения революции в Европу, но и *для* такого перенесения»[1].

Немало пришлось В. И. Ленину потрудиться на съезде, чтобы преодолеть косность со стороны нас, комитетчиков, не учитывавших необходимости создания новых организационных форм при использовании захватного права, при выходе на открытую арену революционной деятельности, не учитывавших необходимости умело прокладывать пути к введению в практику начал демократического централизма при одновременном укреплении конспирации. Особенно возмущало Владимира Ильича невыполнение директив партии в вопросе о выдвижении рабочих в местные комитеты и в ЦК.

А мы (например, Крамольников) твердили одно: «Дух ленинского устава таков, что смешно *особо* говорить о праве рабочих быть в авангарде рабочего класса... Резолюция... является излишней»[2].

У Ленина в процессе подобных выступлений вырвалась гневная реплика: «Я не мог сидеть спокойно, когда говорили, что рабочих, годных в члены комитета, нет. Вопрос оттягивается; очевидно в партии есть болезнь. Рабочих надо вводить в комитеты»[3]. В. И. Ленин особо подчеркивал: «Вводить рабочих в комитеты есть не только педагогическая, но и политическая задача»[4]. Позже мы часто вспоминали, как любовно Владимир Ильич приводил нам слова рабочего Ювеналия Мельникова, умершего в 1900 году: «Важнее всего массу рабочих поднять на один дюйм, чем отдельного революционера — на второй этаж».

Мы знали, что Владимир Ильич умеет работать организованно, по плану, а потому успевает сделать чрезвычайно много. Ведь он каждый день тщательно знакомится с 20 газетами на русском, немецком, французском и английском языках. Он отлично знал, какие корреспонденты в каких газетах располагают действительно серьезными связями.

И все же объем работы Владимира Ильича представлялся нам необычайным. Он председательствовал на съезде, делал важнейшие доклады, писал проекты почти всех резолюций, выступал на съезде 138 раз и успевал участвовать во всех комиссиях, вплоть до мандатной. Так, им лично внесено было предложение пригласить

[1] *Ленин В. И* Полн. собр. соч., т. 11, с. 73. *Ред.*

[2] Третий съезд РСДРП. Протоколы, с. 258. *Ред.*

[3] Там же, с. 333. *Ред.*

[4] Там же, с. 262. *Ред.*

на съезд с совещательным голосом от Казани В. В. Адоратского [1].

При всей огромной занятости на съезде Владимир Ильич не забывал о своей ответственности как редактора газеты «Вперед». По его требованию М. С. Ольминский переслал из Женевы в Лондон все гранки № 17 газеты, и в промежутке между утренним и вечерним заседаниями В. И. Ленин тщательно отредактировал все статьи (а в статью В. В. Воровского внес много поправок) и отправил номер в Женеву [2].

Для более близкого общения с делегатами Владимир Ильич использовал воскресные дни. Группу делегатов он сводил в богатейшую библиотеку Британского музея и показал, где работали К. Маркс и Ф. Энгельс, где работал он сам, когда в Лондоне находилась редакция «Искры» (позже он работал в Британском музее над книгой «Материализм и эмпириокритицизм»).

В последние дни заседаний съезда Владимир Ильич с группой делегатов посетил могилу К. Маркса на Хайгетском кладбище. Не доходя до роскошного памятника Спенсеру, мы увидели простую, скромную плиту с датами рождения и смерти Маркса и его семьи. Здесь кроме самого Маркса, его жены и внука была похоронена ставшая членом семьи Маркса их прислуга Елена Демут. Когда мы приближались к могиле Маркса, Ленин напомнил, что английские сыщики и шпики из царской России, находящиеся в Лондоне, прекрасно знают о посещении русскими революционерами могилы Маркса и могут попытаться нас сфотографировать.

Незадолго до закрытия съезда Алеша Джапаридзе предложил мне перед отъездом из Лондона зайти к Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне.

Когда мы пришли к ним [3], Надежда Константиновна прежде всего заставила Алешу вырвать из записной книжки листок с адресом для связи с В. И. Лениным, а затем не успокоилась до тех пор, пока мы не заучили этот адрес. Владимир Ильич посмеялся, но одобрил натиск на нас Надежды Константиновны и тут же вспомнил, что еще в 1895 году в Петербурге при организации «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в нелегальных кругах было усвоено одно хорошее положение: «Когда имеешь дело с секретными, конспиративными делами, надо говорить не с тем, с кем вообще можно беседовать, и не о том, о чем вообще можно говорить, а только с тем, с кем нужно, о том, и только о том, о чем нужно». И Владимир Ильич добавил:

— Полагаю, и теперь, через десять лет, в 1905 году, это правило не устарело.

Очевидно, для наших зарубежных товарищей, борющихся в подполье, оно не устарело и теперь — спустя более полувека.

Нам очень не хотелось уходить, хотя и совестно было отнимать

---

[1] См.: Ленинский сборник XVI, с. 97. *Ред.*

[2] См.: Пролетарская революция, 1923, № 11(28), с. 92. *Ред.*

[3] Встреча и разговор состоялись до 27 апреля (10 мая) 1905 года. *Ред.*

у Владимира Ильича время. Перед уходом Джапаридзе спросил, обращаясь к Ленину:

— Что вы, Владимир Ильич, посоветуете мне и Крамольникову, когда мы будем проездом в Париже, посмотреть из памятников революции и искусства?

Насчет памятников искусства Владимир Ильич рекомендовал адресоваться к только что уехавшему со съезда в Париж А. В. Луначарскому, как прекрасному искусствоведу. Алеша продолжал настаивать, и тогда Владимир Ильич посоветовал нам обратить внимание на скульптуру Родена «Мыслитель».

В Люксембургском музее мы нашли эту скульптуру, а так как с Луначарским в этот день мы не встретились, то постарались самостоятельно разобраться и понять, почему Владимир Ильич советовал нам обратить внимание именно на это произведение искусства. Статуя изображала пожилого рабочего, подпершего в глубоком раздумье мускулистой рукой голову. Видно, что многих усилий стоит ему это раздумье, эта работа мысли. Нам показалось, что Роден хотел воплотить мечту о том, чтобы мускулистая рука соединилась с думающей головой в одном человеке, в одном классе. Очевидно, Владимир Ильич хотел напомнить нам, двум молодым делегатам съезда (обоим было по 24 года), что пролетариат серьезно ставит цель, выдвинутую еще Марксом,— уничтожить пропасть между физическим и умственным трудом.

Известно, что сил у первой русской революции для решительной победы не хватило. Пролетариат не развернул еще своих грандиозных сил, поддержка со стороны многомиллионного крестьянства была недостаточна и неодновременна, армия частично поддерживала народное движение, но еще не готова была целиком обратить штыки против общенародного врага, и реакция праздновала временную победу. Но одного реакция не могла отнять у народа: этот народ, и в особенности рабочий класс, вышел из борьбы в 1905—1907 годах не таким, каким он вошел в революцию.

Когда в ноябре 1905 года в Петербургском Совете рабочих депутатов меньшевики яростно нападали на большевиков за то, что они проводили в жизнь «в дни свободы» решение III съезда, призывая революционным путем вводить 8-часовой рабочий день, один делегат Совета — рядовой большевик-рабочий — гордо бросил в ответ на обвинение меньшевиков: «Да, мы не завоевали массам 8-часового рабочего дня, но зато мы завоевали массы для 8-часового дня».

Это воспитание масс в ходе революции и сделало из революции 1905 года генеральную репетицию Великой Октябрьской социалистической революции.

О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы. М., 1963, с. 36—46

ТРЕТИЙ СЪЕЗД ПАРТИИ [1]

В России шла агитация за III съезд. Так многое изменилось со времени II съезда, так много новых вопросов выдвинула жизнь, что новый съезд стал прямо необходим. Большинство комитетов высказывалось за съезд. Образовалось Бюро комитетов большинства. ЦК накооптировал массу новых членов, в том числе и меньшевиков,— в массе своей он был примиренческим и всячески тормозил созыв III съезда. После провала ЦК, имевшего место в Москве на квартире у писателя Леонида Андреева, оставшиеся на воле члены ЦК согласились на созыв съезда.

Съезд устроен был в Лондоне. На нем явное большинство было за большевиками. И потому меньшевики на съезд не пошли, а своих делегатов собрали на конференцию в Женеву.

На съезд от ЦК приехал Зоммер (он же Марк — Любимов) и Винтер (Красин). Марк имел архимрачный вид. Красин — такой, точно ничего не случилось. Делегаты бешено нападали на ЦК за его примиренческую позицию. Марк сидел темнее тучи и молчал. Молчал и Красин, подперев рукой щеку, но с таким невозмутимым видом, точно все эти ядовитые речи не имели к нему ровно никакого отношения. Когда дошла до него очередь, он спокойным голосом сделал доклад, не возражая даже на обвинения, и всем ясно стало, что больше говорить не о чем, что было у него примиренческое настроение и прошло, что отныне он становится в ряды большевиков, с которыми пойдет до конца.

Партийцы знают теперь ту большую и ответственную работу, которую нес Красин во время революции пятого года по вооружению боевиков, по руководству подготовкой боевых снарядов и пр. Делалось все это конспиративно, без шума, но вкладывалась в это дело масса энергии. Владимир Ильич больше, чем кто-либо, знал эту работу Красина и с тех пор всегда очень ценил его. С Кавказа приехало четверо: Миха Цхакая, Алеша Джапаридзе, Леман и Каменев.

Мандата было три.

Владимир Ильич допрашивал: кому же принадлежат мандаты — мандатов три, а человек четыре? Кто получил большинство голосов? Миха возмущенно отвечал: «Да разве у нас на Кавказе

---

[1] Заголовок дан редакцией. *Ред.*

голосуют?! Мы дела все решаем по-товарищески. Нас послали четырех, а сколько мандатов, неважно». Миха оказался старейшим членом съезда,— ему было в то время 50 лет. Ему и поручили открыть съезд. От Полесского комитета был Лева Владимиров. Много раз писали мы ему в Россию о расколе, и никаких реплик не получали. В ответ на письма, где описывались выходки мартовцев, мы получали письма, где рассказывалось, сколько и каких листков распространено, где были в Полесье стачки, демонстрации. На съезде Лева держался твердым большевиком.

Были на съезде из России еще Богданов, Постоловский (Вадим), Румянцев (П. П.), Рыков, Саммер, Землячка, Литвинов, Скрыпник, Бур, Шкловский, Крамольников и другие.

На съезде чувствовалось во всем, что в России переживается разгар рабочего движения. Были приняты резолюции о вооруженном восстании, о временном революционном правительстве, об отношении к тактике правительства накануне переворота, по вопросу об открытом выступлении РСДРП, об отношении к крестьянскому движению, об отношении к либералам, об отношении к национальным социал-демократическим организациям, о пропаганде и агитации, об отколовшейся части партии и т. д.

По предложению Владимира Ильича, делавшего доклад по аграрному вопросу, пункт об «отрезках» был перенесен в комментарии, на первый же план выдвинут был вопрос о конфискации помещичьих, удельных и церковных земель.

Еще два вопроса были характерны для III съезда — вопрос о двух центрах и вопрос об отношении между рабочими и интеллигентами.

На II съезде преобладали литераторы и практические работники, много поработавшие для партии в той или иной форме, но связанные с русскими организациями, только еще складывавшимися, весьма слабыми узами.

III съезд носил уже иную физиономию. В России организации к этому времени уже вполне оформились,— это были нелегальные комитеты, работавшие при страшно тяжелых конспиративных условиях. Комитеты почти нигде, в силу этих условий, не включали в себя рабочих, но влияние на рабочее движение они имели большое. Листки, распоряжения комитета, были созвучны настроению рабочих масс,— они чувствовали руководство; комитеты пользовались поэтому у них большой популярностью, причем действия их облекались для большинства рабочих дымкой таинственности. Рабочие нередко собирались отдельно от интеллигентов для обсуждения коренных вопросов движения. На III съезд было прислано заявление 50 одесских рабочих по основным вопросам расхождений между меньшевиками и большевиками, причем сообщалось, что на собрании, где обсуждался этот вопрос, не было ни одного интеллигента.

Комитетчик был обычно человеком довольно самоуверенным,— он видел, какое громадное влияние на массы имеет работа комитета; комитетчик, как правило, никакого внутрипартийного демокра-

тизма не признавал: провалы одни от этого демократизма только получаются, с движением мы и так-де связаны, говорили комитетчики; комитетчик всегда внутренне презирал немного заграницу, которая-де с жиру бесится и склоки устраивает: «посадить бы их в русские условия».

Комитетчик не желал засилья заграницы. Вместе с тем он не хотел новшеств. Приспособляться к быстро менявшимся условиям комитетчик не хотел и не умел.

В период 1904—1905 годов комитетчики вынесли на своих плечах колоссальную работу, но многие из них с громадным трудом приспособлялись к условиям растущих легальных возможностей и открытой борьбы.

На III съезде не было рабочих — по крайней мере не было ни одного сколько-нибудь заметного рабочего. Кличка Бабушкин относилась вовсе не к рабочему Бабушкину, который в это время был в Сибири, а, насколько помню, к тов. Шкловскому. Зато комитетчиков на съезде было много. Тот, кто упустит из виду эту физиономию III съезда, многого в протоколах съезда не поймет.

Вопрос об «обуздании заграницы» ставился не только комитетчиками, но и другими видными работниками. Во главе оппозиции загранице шел Богданов.

Многое тут говорилось зря, но Владимир Ильич не особенно близко принимал это к сердцу. Он считал, что благодаря развивающейся революции значение заграницы ежечасно падает, знал, что и сам он «не жилец» уже за границей, и о чем только он заботился, так это о том, чтобы ЦК быстро осведомлял ЦО (ЦО должен был отныне называться «Пролетарием» и пока что издаваться за границей). Он настаивал также, чтобы были организованы периодические свидания между заграничной и русской частью ЦК.

Острее стоял вопрос о введении рабочих в комитеты.

За введение рабочих в комитеты особенно горячо стоял Владимир Ильич. За — были также Богданов, «заграничники» и литераторы, против — комитетчики. Горячился Владимир Ильич, горячились комитетчики. Комитетчики настояли, чтобы резолюция по этому поводу не выносилась: нельзя же, в самом деле, было выносить резолюцию, что рабочих не надо вводить в комитет!

Выступая в прениях, Владимир Ильич говорил: «Я думаю, что надо взглянуть на дело шире. Вводить рабочих в комитеты есть не только педагогическая, но и политическая задача. У рабочих есть классовый инстинкт, и при небольшом политическом навыке рабочие довольно скоро делаются выдержанными социал-демократами. Я очень сочувствовал бы тому, чтобы в составе наших комитетов на каждых двух интеллигентов было восемь рабочих. Если совет, высказанный в литературе,— по возможности вводить рабочих в комитеты,— оказался недостаточным, то было бы целесообразно, чтобы каждый такой совет был высказан от имени съезда. Если вы будете иметь ясную и определенную директиву съезда, то вы будете иметь радикальный способ борьбы с демагогией: вот ясная воля съезда».

Владимир Ильич и раньше многократно отстаивал необходимость вводить рабочих в возможно большем числе в комитеты. Он писал об этом и в своем «Письме петербургскому товарищу» еще в 1903 году. Теперь, защищая на съезде ту же точку зрения, он ужасно горячился, вставлял «цвишенруфы». Когда Михайлов (Посталовский) сказал: «Таким образом, на практике к интеллигентам предъявляются очень низкие требования, а к рабочим непомерно высокие», Владимир Ильич вскрикнул: «Совершенно верно!» Его восклицание было покрыто хором комитетчиков: «Неверно!»

Когда Румянцев сказал: «В Петербургском комитете только один рабочий, несмотря на то что работа в Петербурге ведется лет пятнадцать», Владимир Ильич крикнул: «Экое безобразие!»

И потом, при заключении дебатов, Ильич говорил: «Я не мог сидеть спокойно, когда говорили, что рабочих, годных в члены комитета, нет. Вопрос оттягивается: очевидно, в партии есть болезнь. Рабочих надо вводить в комитеты». Если Ильич не очень огорчался по поводу того, что его точка зрения провалилась с таким треском на съезде, так только потому, что он знал: надвигающаяся революция радикально вылечит партию от неумения орабочивать комитеты.

И еще один большой вопрос стоял на съезде: о пропаганде и агитации.

Как-то, помню, к нам в Женеву приехала девица из Одессы и жаловалась: «Рабочие предъявляют к комитету невозможные требования: хотят, чтобы мы давали им пропаганду. Разве это возможно? Мы можем давать им только агитацию!»

На Ильича сообщение одесской девицы произвело довольно сильное впечатление. Оно оказалось как бы введением в прения о пропаганде. Оказалось, об этом говорили и Землячка, и Миха Цхакая, и Десницкий — старые формы пропаганды умерли, пропаганда превратилась в агитацию. С колоссальным ростом рабочего движения устная пропаганда и даже агитация вообще не могли удовлетворить потребностей движения: нужны были популярная литература, популярная газета, литература для крестьян, для народностей, говорящих на других языках...

Сотни новых вопросов выдвигала жизнь, которые нельзя было разрешить в рамках прежней нелегальной организации. Их можно было разрешить лишь путем постановки в России ежедневной газеты, путем широкого легального издательства.

Однако пока что свобода печати не была еще завоевана. Решено было издавать в России нелегальную газету, образовать там группу литераторов, обязанных заботиться о популярной газете. Но ясно, что все это были паллиативы.

На съезде немало говорили о разгоравшейся революционной борьбе. Были приняты резолюции о событиях в Польше и на Кавказе. «Движение становится все шире и шире,— рассказывал уральский делегат.— Давно пора перестать смотреть на Урал как на отсталый, сонный край, неспособный двинуться. Политическая стачка в Лысьве, многочисленные стачки по разным заводам,

разнообразные признаки революционного настроения, вплоть до аграрно-заводского террора в самых разнообразных формах мелких стихийных демонстраций — все это признаки, что Урал накануне крупного революционного движения. Что это движение на Урале примет форму вооруженного восстания — это весьма вероятно. Урал был первый, где рабочие пустили бомбы, выставили даже пушки (на Воткинском заводе). Товарищи, не забывайте об Урале!»

Само собой, Владимир Ильич долго толковал с уральским делегатом.

В общем и целом III съезд правильно наметил линии борьбы. Меньшевики те же вопросы разрешали по-другому. Принципиальную разницу между резолюциями III съезда и резолюциями меньшевистской конференции Владимир Ильич осветил в брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции»...

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1932, вып. 1, с. 156—165

А. В. Луначарский

БОЛЬШЕВИКИ В 1905 ГОДУ

События 22 (9) января застали нас в Женеве. Женевская группа большевиков, непосредственно возглавлявшаяся Владимиром Ильичем, вела энергичнейшую борьбу против меньшевиков.

Быть может, наибольшей трудностью в этой борьбе было именно то, что II съезд, расколовший партию, не нащупал настоящих глубоких разногласий между мартовцами, с одной стороны, и ленинцами — с другой. Разногласия эти все еще казались вращающимися вокруг одного параграфа Устава и личного состава редакции. Многих смущала незначительность повода, приведшего к расколу. Всеми чуткими представителями левого крыла скорее угадывалась, чем формулировалась, глубокая пропасть, начавшая нас отделять от меньшевиков.

Январские события в высочайшей степени ускорили процесс самоопределения левого и правого крыла российской социал-демократии.

Само собой разумеется, что январские события произвели в женевских русских кругах эмиграции потрясающее впечатление.

Не только для нас, но и для меньшевиков было несомненным, что это не конец народившегося в рабочих кварталах Петербурга движения, а начало русской революции. Мы все понимали, что немногие годы, а может быть, даже и немногие месяцы отделяют нас от огромного подъема революционного настроения и революционной активности, который при случае может смести совершенно твердыни царизма.

Под этим углом началась наша работа. Весь смысл меньшевистской политической работы за границей после 22 (9) января уперся сразу в лозунг поддержки дальнейшего развития либеральной оппозиции. На все лады меньшевики говорили о необходимости развязать, по возможности, все силы революционного порядка, накопившиеся в русском обществе, и сделать из рабочего класса почти самоотверженную опору для русской буржуазии, дабы она выполнила с возможной полнотой свою миссию; дать конституцию России. Я помню, как Владимир Ильич смеялся по поводу страха некоторых меньшевиков, правда более или менее правого толка, относительно призыва нашего к республике. Даже лозунг республики некоторым меньшевикам казался нетактичным.

Лучше, говорили нам, предоставить будущему определить, ка-

кими будут максимальные лозунги революции. Самое же главное — собрать все силы в один кулак.

Это собирание всех сил в один кулак по существу своему для меньшевиков означало: максимальная помощь либеральному движению, в частности кадетам.

Помнится, главными ораторами, выступавшими на всяких эмигрантских собраниях, с нашей стороны были как раз Владимир Ильич и я. Было любо-дорого вместе с Владимиром Ильичем вырабатывать наши лозунги или, вернее, претворять те лозунги, которые в обилии давал Владимир Ильич, в более или менее зажигательные речи.

Сразу меньшевики стали обвинять нас в страшно грубом понимании ситуации. Если слово «республика» пугало наиболее неверных среди них, то что же сказать о лозунгах, которые я выдвинул по поручению Владимира Ильича, именно о лозунгах вооружения рабочих. Мы твердо устанавливали лакмусовую бумажку, как любил тогда выражаться Мартов, по которой можно отличить друзей революции от ее врагов. Мы говорили: тот друг революции, кто согласен всемерно способствовать вооружению рабочего класса. Разоружение самодержавия и вооружение рабочего класса,— а там дальше видно будет. И сколько бы ни говорили сладких слов и какие бы программные обещания нам ни давали, раз данная партия или группа противится непосредственному вооружению рабочего класса, мы сразу должны понять, что она враг его революционной самодеятельности.

Меньшевики шумели и галдели. Они доказывали, что мы представляем себе революцию по-бланкистски, как какую-то военно-техническую задачу. Они издевались над теми номерами наших журналов, в которых мы начали было подходить даже к техническим указаниям о том, как нужно рыть окопы, как нужно на улицах устраивать баррикады и т. д. Может быть, эти наши первые попытки военно-технического характера были в достаточной степени наивными. Я это допускаю. Но суть дела от этого нисколько не меняется. Мы шли к тому, чтобы предложить социал-демократии встать во главе народного восстания в качестве организатора боевых сил поднявшихся революционных масс. Меньшевики же обвиняли нас в каком-то грубом революционном милитаризме и все ссылались на то, что дело отнюдь не решится пушками (в этом случае они предрекали полную гибель революции), а только какой-то сложной парламентской игрой и хитроумными комбинациями соглашения между рабочим классом и либералами, либералами и остальной буржуазией, всеми ими вместе и царской бюрократией и чуть ли даже не с самим царем и его династией. Путем переговоров, угроз, уступок и т. д. российская громада должна была сдвинуться с мертвой точки и переместиться возможно дальше налево, причем, кажется, даже самые смелые меньшевики не могли допустить, что перемещение это может дойти хотя бы до республики французского типа.

Так постепенно выявлялась чисто политическая противополож-

ность между меньшевиками и большевиками. Разница приобретала почти классовый характер, должен ли рабочий класс выступить как подголосок буржуазии или как самостоятельная революционная сила.

Ко времени III съезда, открывшегося в Лондоне 25 апреля 1905 года, выяснились еще, пожалуй, более значительные политические разногласия. Владимир Ильич все яснее развивал ту мысль, что рабочий класс, конечно, не может совершить революцию без непосредственной помощи, что, оставшись одиноким, он может быть сломлен не только самодержавием, но союзом этого самодержавия с буржуазией, так как в верность буржуазии демократическому перевороту Владимир Ильич ни на минуту не верил. Кто же должен был выступить таким союзником рабочего класса? — Крестьянство. Владимир Ильич развернул более или менее полно уже тогда свое представление о том, что грядущая революция в России не будет чисто буржуазной, хотя он представлял ее себе как демократическую; да вряд ли по тогдашнему состоянию сил и можно было допускать, чтобы она перекатилась через демократию к тем формам Советского государства, о которых тогда еще никто вообще и не гадал.

Владимир Ильич полагал, что наша революция будет демократической, но что та демократия, которая будет возглавлять эту революцию и которая выдвинет из своих недр временное правительство, будет составлена из пролетариата и крестьянства, бедноты, в значительной части даже крестьян-середняков.

Временное правительство, опирающееся на такую демократию, должно было, по мнению Владимира Ильича, пойти очень далеко и установить республику, несомненно более демократическую, чем французская, осуществив полностью все достижения демократии, вплоть до национализации земли, равноправия полов и целого ряда других политических и социальных мероприятий, уже намечающих дальнейший ход к социализму. Но решительных шагов к коммунизму Владимир Ильич в результате данной революции не предвидел, и именно потому, что боялся в этом случае разрыва между рабочим классом и крестьянством. Рабоче-крестьянская демократия рисовалась ему как в высшей степени крайняя, доводящая революцию, в пределах частной собственности, до законченнейших форм, но в то же время все-таки эта демократия не чисто пролетарская, не предрешающая поэтому непосредственного продвижения к социализму. Это продвижение должно было быть результатом дальнейших усилий рабочего класса и, конечно, рисовалось Владимиру Ильичу как сравнительно обостренный процесс.

Таким образом, во взглядах большевиков постепенно вырисовывалось стройное представление о типе предстоящей революции, о ее относительной новизне, как революции более левой, чем даже якобинская, в силу несомненно большей роли, которую сыграет в ней рабочий класс; о революции как технически военной задаче, то есть о проблеме возможно более полного возглавления стихии революции сознательной партией пролетариата, и, наконец, о глубоком и прочном союзе с крестьянскими массами.

Меньшевики отвергали все это начисто.

Сама большевистская партия или, вернее, левое крыло РСДРП в то время переживало еще внутренний кризис. Как известно, целый ряд выдающихся товарищей: Красин, Дубровинский, Носков, Кржижановский колебались в то время. Они называли себя объединенцами и, составляя большинство русского Центрального Комитета, стремились вновь склеить расколовшиеся части партии. Им казалось, что разногласия не так уже велики и что при наступающей революции надо сделать все возможные усилия, дабы собрать в единую силу РСДРП...

Наши обвинения в том, что меньшевики представляют собой мелкую буржуазию, стремящуюся использовать прежде всего пролетариат для своих умеренных политических целей, являющуюся, по существу говоря, бессознательным агентом буржуазии на ее пути от самодержавия к буржуазно-демократической конституции, оправдывались теперь лозунгами самих меньшевиков. А та зеленая пена у рта, с которой меньшевики ругали нас бланкистами, якобинцами, эсерами и т. д., показывала, что все-таки все их надежды опрокидываются определенностью нашей классовой линии.

К этому же времени, насколько я помню, Троцкий начал определять свою, в высшей степени абстрактную и малопрактичную линию. Ему бросилось в глаза, что у меньшевиков пролетариат совершает революцию в глубоком союзе с буржуазией, а у нас в глубоком союзе с крестьянством. Естественно было постараться придумать провести «чистую» линию, а именно заявить, что рабочий класс должен произвести революцию один. «Без царя, а правительство рабочее».

Троцкий, однако, прекрасно понимал, что рабочее правительство России 1905 года продержаться не может, и поэтому уповал на революцию мировую, которая должна сейчас же ответить на взрыв революции у нас, а помимо этого упования имел, по-видимому, в виду по крайней мере создание, хотя бы и ценой конечного поражения, чего-то вроде нового грандиозного издания Коммуны с соответственными традициями для последующих борцов.

При всей своей «чистоте» эта позиция, конечно, казалась нам всем совершенно практически неприемлемой. Нам нужно было добиться победы пролетариата. Мы видели ясно, что изолированный пролетариат победить не может. Мы ясно видели также, что меньшевистский путь приведет к тасканию пролетарскими руками каштанов из огня для господ кадетов. Мы глубоко сознавали, что революция в России не может не быть мужицкой революцией. Использовать эту мужицкую революцию не только в борьбе с самодержавием, но и в борьбе с капитализмом, продвинуть наши позиции возможно больше налево — это было единственной совершенно разумной тактикой. Она определилась с полнотой и четкостью на III съезде. На нем приняты были многозначительные резолюции о подготовке и организации вооруженного восстания, об организации революционного правительства и о крестьянско-пролетарской диктатуре. В сущности говоря, III съезд и его реше

ния в значительной мере предрешили собою, предсказали, так сказать, те знаменитые тезисы, с которыми Владимир Ильич выступил в решающий момент нынешней революции.

Первая резолюция о вооруженном восстании была принята по моему докладу. Владимир Ильич дал мне все основные тезисы доклада. Мало того, несмотря на мою манеру никогда не записывать никаких своих речей, а говорить импровизированно, он потребовал на этот раз, чтобы я всю свою речь написал и дал ему предварительно прочесть. Ночью, накануне заседания, где должен был иметь место мой доклад, Владимир Ильич внимательнейшим образом прочитал мою рукопись и вернул ее с двумя-тремя незначительными поправками, что неудивительно потому, что, насколько я помню, я в моей речи исходил из самых точных и подробных указаний Владимира Ильича. Этой резолюцией раз навсегда предрешалось, что большевики будут не только пропагандистами марксизма в России, не только организаторами экономических протестов и социальной дипломатии пролетариата, но что они будут также биться вместе с пролетариатом и впереди пролетариата, что они дадут пролетариату и крестьянству его военно-командный состав. Когда принималась эта резолюция, то, можно сказать, из будущего уже шли навстречу ей те грандиозные фаланги наших военных комиссаров, которым суждено было впоследствии выковать Красную Армию и победить врага на фронте в 11 тысяч верст.

Не менее важной была и резолюция о временном правительстве. Я помню, что среди нас велись по этому поводу углубленные разговоры... Всем было ясно, что революция неизбежно должна в конце концов упереться в вопрос о парламенте, и все понимали, что парламентские методы дадут буржуазии возможность развернуть большую развращающую пропаганду среди крестьянства и постараться противопоставить не только зажиточные крестьянские элементы, но и середняков руководящей партии пролетариата. Большевики в 1905 году, приближаясь к революции, прекрасно понимали, что временное правительство, как чисто боевой центральный исполнительный комитет, даст несравненно больше сил самому организованному и политически определенному классу, то есть пролетариату, чем парламент. И мы тогда уже предвидели, что нам придется поддерживать всемерно длительное существование такого временного правительства. Но, само собой разумеется, в нашем представлении это совсем не было Временное правительство Керенского. Это было временное правительство, выражающее собою диктатуру рабочих и крестьян...

Пролетарская революция, 1925, № 11 (46), с. 49—55

Я. Н. Бранденбургский

ТРИ ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

(Из времен революционного подполья)

Первая моя встреча с Владимиром Ильичем относится к апрелю 1905 года [1].

В начале февраля 1905 года мне понадобилось написать письмо-доклад в Женеву на имя Владимира Ильича о состоянии Екатеринославской организации, о нашей борьбе с меньшевиками и о поездке, которую я незадолго перед тем совершил по поручению екатеринославских большевиков в наш общероссийский большевистский центр, находившийся тогда в Петербурге. Летом 1904 года меньшевики захватили большинство в Центральном Комитете, и необходимо было созвать новый, III съезд партии, чтобы создать новый ЦК партии. На трех областных конференциях большевистских комитетов (южной, кавказской и северной) было избрано Бюро комитетов большинства.

Это и был центр наших большевистских организаций в описываемый период.

Владимир Ильич в те годы и лично и при посредстве Надежды Константиновны Крупской поддерживал энергичную переписку с большевистскими организациями в России и отдельными членами этих организаций. Владимир Ильич был признанным руководителем и вождем большевиков, и мы, профессионалы-революционеры, усвоили уже тогда, в 1905 году, привычку отчитываться в своей работе перед Ильичем. Мы знали, что письма наши не останутся без ответа. Владимир Ильич чрезвычайно дорожил этой связью с практиками.

Доклад мой был написан химическими чернилами и находился у меня дома. В мое отсутствие (я был на заседании комитета партии) в моей комнате жандармы произвели обыск. Вся моя «химия», а с ней вместе и паспорт попали в руки екатеринославской жандармерии, что заставило меня через некоторое время оставить Екатеринослав.

В конце марта 1905 года, когда я перешел на нелегальное положение, Екатеринославский комитет отправил меня на короткое время в Женеву, на учебу к Владимиру Ильичу. В марте или в самом начале апреля я был уже у Ленина.

[1] В. И. Ленин встречается с членом Екатеринославского большевистского комитета Я. Н. Бранденбургским в конце марта — ранее 7 (20) апреля 1905 года. *Ред.*

Забыл название улицы, на которой жил Владимир Ильич, но твердо помню, что она находилась в конце знаменитой Rue du Carouge, которая была центром эмиграции вообще и большевистской эмиграции в особенности.

Владимир Ильич жил в небольшой квартире из двух комнат на одном из верхних этажей. Я застал Ильича в кабинете, заваленном книгами, журналами, бумагами. Рабочим столом Владимиру Ильичу служил обыкновенный большой белый кухонный стол.

Сразу завязалась у нас оживленная беседа. Характерно, что прежде всего Владимир Ильич стал меня расспрашивать не о работе, а о том, как я путешествовал. А я готовился всю дорогу к деловому докладу. «Погодите, погодите, успеете. Передохните раньше, придите в себя».

Громко, заразительно хохотал Ильич, когда я ему рассказывал о том, как ночью конспиративно, вместе с группой контрабандистов я «крал» русско-австрийскую границу. Весело разглядывал он мою зимнюю амуницию, показывая на горячие лучи апрельского солнца, которые падали на его «письменный» стол.

А затем, познакомив меня с Надеждой Константиновной, Ленин предложил приступить к делу. «А что вы тут будете делать и как долго тут пробудете, я не стану спрашивать,— прибавил Владимир Ильич,— этот вопрос будет решен вместо вас и за вас другими».

Владимир Ильич встретил меня более чем дружески, как старший брат, как старший товарищ, подбодрил, создал сразу непринужденность в обращении и вместе с тем сразу же дал почувствовать, что я профессионал, что я член большевистской партии и что есть организация, которой я обязан подчиняться.

Владимир Ильич был внимателен к товарищам, внимателен, я бы сказал, до мелочей. Ведь мог же он без всякого труда направить меня к кому-нибудь, кто занялся бы вопросом о моем устройстве в Женеве. Я, конечно, нуждался в помощи и содействии, как человек, никогда не бывавший за границей и не владевший разговорным языком. Ленин никому не перепоручил эту помощь, а лично дал мне подробные указания, в какой части города искать для себя недорогую комнату, сколько приблизительно следует платить, и направил меня в русскую столовую, находившуюся тут же недалеко, на Rue du Carouge. Этой столовой заведовала большевичка О. Б. Лепешинская [1]. Ленин предупредил меня о том, что столовая к вечеру обычно превращается в большевистский клуб и что там я, вероятно, встречу кое-кого из старых товарищей и заведу новые знакомства.

Прежде чем отпустить меня, Владимир Ильич сказал, что я обязан буду принять участие в жизни клуба и не только слушать других, но и сам читать доклады и лекции. Подробнейшим образом Владимир Ильич расспросил меня о том, какими теоретическими

[1] *О. Б. Лепешинская* — член партии с 1898 года. В 1903—1906 годах находилась в эмиграции в Женеве, работала в группе большевиков-эмигрантов. В 1906 году вернулась в Россию. *Ред.*

вопросами я интересовался в последнее время, какие книги читал, над чем работал, и в обстоятельной беседе пытался выяснить, что я собой представляю как большевик. «Надо будет подучиться»,— сказал он мне. Я ответил, что в этом основная цель моей поездки в Женеву. «Если, однако,— прибавил Владимир Ильич,— ход событий не потребует вашего возвращения на родину». Я тогда не обратил внимания на эту последнюю фразу, но через три месяца убедился в том, что Владимир Ильич не зря предупреждал меня об этом, ибо уже в июле мне было предложено вернуться на подпольную работу в Россию.

Узнав от меня, что я интересовался аграрным вопросом и аграрной частью нашей партийной программы, и основательно поговорив со мной на эту тему, он потребовал, чтобы я сразу же начал готовиться к докладу по аграрному вопросу.

Под руководством Владимира Ильича я разработал эту тему и спустя приблизительно две-три недели, когда ознакомился с обстановкой, сделал свой доклад в его присутствии [1]. Присутствие Ленина, с одной стороны, невероятно радовало и бодрило, но в то же время, как это нетрудно понять, и немало меня смущало. По его же предложению я взял на себя руководство кружком по изучению аграрного вопроса. Так Владимир Ильич подходил к вопросу о выращивании молодых большевистских кадров.

Когда III съезд закончил свою работу и Ленин вместе с другими товарищами-делегатами вернулся в Женеву, он сделал нам подробный доклад о работе съезда, после чего мы принялись за подробное и исчерпывающее изучение постановлений съезда.

Однако некоторым из нас недолго суждено было заниматься этим изучением. Вновь избранный на III съезде ЦК постановил направить немедленно на работу в Россию как можно больше членов партии, оказавшихся к тому времени по той или иной причине за границей. В списке отправляемых в Россию был и автор этих строк и ряд его товарищей (М. И. Васильев-Южин и др.). Направили нас в различные города: Васильев-Южин получил направление в Одессу, я был направлен в Прибалтийский край.

Инструктировал нас лично Владимир Ильич, притом каждого в отдельности, в очень дружеской, интимной обстановке.

Много раз в жизни в подпольной, а затем и на советской работе мне поручались партийные задания, и в связи с ними я получал подробные инструкции, но ничего хоть отдаленно похожего на то, что имело место в моей революционной практике в июне 1905 года в Женеве, я не встречал и не переживал. Мы, конечно, все получили общие указания — и очень дельные — от того члена ЦК, который непосредственно нас отправлял на работу. Но помимо этого с нами беседовал Владимир Ильич [2]. Он назначил мне, например,

[1] В. И. Ленин присутствует на докладе Я. Н. Бранденбургского об аграрной программе РСДРП в апреле, ранее 12 (25). *Ред.*

[2] Во второй половине июня В. И. Ленин инструктирует Я. Н. Бранденбургского и других товарищей, направленных по постановлению ЦК РСДРП на работу в местные партийные комитеты в Россию. *Ред.*

встречу в кафе, на той же Rue du Carouge. Встретились мы вечером, заказали по кружке пива. Отпив из кружки и отставив ее в сторону, Владимир Ильич заговорил. Сжато и кратко он охарактеризовал текущий момент, состояние России, происходившие в стране стачки, восстания крестьян, событие на «Потемкине», а затем перешел к постановлениям III съезда партии и резолюциям женевской конференции меньшевиков, которую все время упорно называл съездом. Два съезда — две партии — так Ленин определял сложившееся тогда положение.

Владимир Ильич говорил и о тактической линии III съезда, о крестьянстве, об организации революционных крестьянских комитетов, о конфискации помещичьих земель, о массовых политических стачках в городах, о принципиально допустимом участии большевиков во временном революционном правительстве и пр. Владимир Ильич говорил со мной об общей высокой культуре населения Прибалтийского края по сравнению с коренными русскими районами. Он требовал от меня и от моих будущих товарищей по работе в Риге напрячь все свои силы и отдать все свои знания, чтобы, готовя пролетариат к бою, не допустить тлетворного влияния меньшевиков на революционных рабочих, сохранить чистоту большевистских рядов и дать рабочим Прибалтийского края правильное изложение всех тактических решений, принятых III съездом партии.

Владимир Ильич говорил долго и с большим увлечением. Мне запрещено было, конечно, что-либо записывать из того, что он говорил, да и не нужно было, ибо все, что говорил Ленин, крепко запоминалось.

Когда мы расставались, Владимир Ильич произнес такую фразу: «Мы вскоре увидимся в России». Ленин всегда видел будущее зорче всех и глубже всех. Мы, конечно, все тогда рассматривали ситуацию в России как очень революционную, но мы не способны были предвидеть тот размах, который революция приняла в ближайшее же время, к осени 1905 года, то есть через какие-нибудь три-четыре месяца после описанной встречи. Мы не думали, что революция сможет вскоре принять такие формы, которые позволили бы Владимиру Ильичу работать среди нас, революционеров-практиков, и в самой России руководить революцией.

Владимир Ильич оказался прав в своем предвидении.

После вечера, который я провел с Владимиром Ильичем перед отъездом из Женевы и который запомнил на всю жизнь, я, как и другие товарищи, уезжавшие по предложению ЦК в Россию на подпольную работу, на другой же день отправился в путь.

Я имел право остановиться только в Берлине, где, согласно полученным от члена ЦК инструкциям, должен был захватить с собой на родину нелегальную литературу. В Берлине агент ЦК купил мне добротный немецкий костюм и модную шляпу, надел на меня «панцирь» (так мы называли специальное приспособление, которое надевали под рубашку и в которое упаковывали подпольную литературу, главным образом выходившие за границей больше-

вистские газеты на тонкой папиросной бумаге). Агент посадил меня в вагон 4-го класса (такие вагоны курсировали тогда между Берлином и Франкфуртом).

В Ригу я приехал в начале июля. Здесь меня встретил другой агент ЦК. Это был Максим Максимович Литвинов, звали его тогда Папаша. Меня немедленно свели с Рижским комитетом РСДРП, под руководством которого я и стал проводить в жизнь только что полученные директивы В. И. Ленина. Директивы Ленина в развернутом виде были мной подробно изложены Рижскому комитету РСДРП, членом которого я скоро стал и в котором застал товарищей Кобозева, Бородина и других. Через неделю-другую мне поручили вести революционную работу на Балтийском вагоностроительном заводе. Рабочим этого завода я и старался передать все то, чему меня научил Владимир Ильич за три месяца пребывания в Женеве и непосредственно перед самым отъездом.

О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы. М., 1963, с. 30—33

С. И. Мицкевич

РАБОТА ЛЕКТОРСКОЙ ГРУППЫ МК ЛЕТОМ 1905 ГОДА [1]

Члены лекторской группы в течение лета выступали на массовках, работали в профсоюзах. Лекции летом в Москве устраивались редко, но лекторы часто вызывались в провинцию. Им удавалось иногда прочесть небольшой цикл лекций на летних учительских курсах. Но главным делом нашей группы этим летом была литературно-редакторская работа, которая к этому времени сильно развернулась.

В связи с подъемом революционного движения летом 1905 года необычайно сильно, сравнительно с недавним временем, оживилась и выросла нелегальная печать. В Москве стала выпускаться масса листовок, чаще стала выходить газета «Голос труда»,— орган Московского комитета большевиков, а к концу лета появилась нелегальная газета «Рабочий» — орган ЦК, после выхода которого «Голос труда» перестал издаваться.

МК поставил к концу лета несколько типографий — пять, как узнали мы уже после революции [2]. Кроме того, окружная организация имела свою типографию. Хорошо поставленная типография ЦК тоже к концу лета начала работать и выпускала газету и листовки. Она помещалась в подземелье на Лесной улице и имела выход в магазин кавказских фруктов. Об этом, впрочем, мы тоже узнали только после революции. Эта типография реставрирована и является филиалом Музея Революции СССР. Посетитель ее может познакомиться с тем, в каких невероятно тяжелых условиях приходилось работать в нелегальных типографиях. Кроме большевистских нелегальных изданий в Москве выходили издания и других партий — меньшевиков, эсеров. Выпускали листовки и внепартийные группы; например... группа земских служащих выпустила весной и летом 1905 года девять листовок и одну брошюру революционно-демократического направления с такими заглавиями: «Из-за чего бунтуют крестьяне», «Чего добивались петербургские рабочие 9 января», «Народ и война», «О Государственной думе» и т. д.

Под напором революционного движения стали значительно ослабевать цензурные препоны, и на книжном рынке появилась

[1] Заголовок дан редакцией. *Ред.*

[2] См. кн.: Большевистские тайные типографии в Москве и Московской области. М., 1923, с. 16—17. *Прим. авт.*

4 Заказ 4835

масса брошюр революционного содержания, которые еще недавно было немыслимо издавать легально; часть из них издавалась раньше нелегально или транспортировалась из-за границы, но сравнительно в очень небольших количествах.

Появилось много новых издательств, да и старые издательства приступили к изданию революционных брошюр, и они буквально заполнили книжный рынок. Были изданы произведения Маркса, Энгельса, Каутского (тогда еще революционного марксиста), Геда, Лафарга, Бебеля, Либкнехта, Лассаля, Плеханова. Вышло и несколько брошюр Ленина; так, в моем собрании книг сохранилась брошюра Ленина «Аграрный вопрос и «критики» Маркса», изд. «Буревестник», Одесса, 1905 г. (есть пометка: «дозволено цензурой 23 июля 1905 г.») [1].

Был написан и издан к текущему моменту ряд оригинальных брошюр, издавались также беллетристические произведения революционного содержания. С целью обойти цензурные рогатки изменялись заглавия брошюр: например, «Манифест Коммунистической партии» был в одном издании озаглавлен: «Капитализм и коммунизм», в другом издании: «О коммунизме», в третьем: «Буржуазия и пролетариат». Брошюра Каутского «Социальные реформы или социальная революция» была озаглавлена просто: «Общественные реформы» и т. п.

Иногда цензура делала в брошюрах некоторые купюры, но, несмотря на это, все же эти брошюры имели огромное пропагандистское влияние на широкие круги читающих. Ничего подобного по широте захвата не смогла бы сделать нелегальная печать.

Благодаря дешевизне брошюры расходились в огромных количествах; распространению их способствовали разные общества и организации, например «Общество распространения технических знаний» широко снабжало этими брошюрами провинциальные книжные склады, библиотеки, рассылало их по волостным и сельским управлениям, обществам грамотности и т. п.

Периодическая печать тоже оживилась: появилось несколько новых газет левого направления, усилилась критика правительства, и, что было особенно важно, в газетах стала появляться обильная информация о стачках, волнениях, демонстрациях, выносимых на собраниях резолюциях, что раньше не допускалось. Это способствовало тому, что революционное движение все больше выходило из подполья, широко популяризировалось, а это вело к дальнейшему распространению революционных настроений вглубь и вширь. Печатали такую информацию не только либеральные и радикальные газеты, но принуждены были это делать из-за конкуренции даже консервативные органы; проникая в самые отсталые слои, они тем также лили воду на мельницу революции.

В Москве большой популярностью и распространением пользовалась в это время бойкая бульварная газета «Вечерняя почта».

---

[1] Позже, после октября 1905 года, вышел легально ряд статей Ленина. *Прим. авт.*

Она следила за рабочим и, в частности, за профессиональным движением и печатала обильную информацию о стачках, организации профсоюзов, резолюции рабочих и интеллигентских союзов. Легальной большевистской газеты, благодаря недостатку средств и существовавшим еще цензурным рогаткам, поставить в то время еще не удалось; эта возможность явилась только позже — в ноябре, в «дни свободы».

Наша лекторская группа с этого времени стала уделять много внимания литературной работе. Почти все члены группы приняли активное участие в работе издательств. В это время в Москве возникли новые издательства для издания книг революционного содержания.

Наиболее крупным было книгоиздательство Е. Д. Мягкова «Колокол». Оно возникло в мае 1905 года. Основатель его Е. Д. Мягков был крупным владельцем мукомольных мельниц в Тамбовской губернии и в Сибири. В молодости он принимал некоторое участие в революционном движении; очевидно, подъем движения оживил его старые революционные настроения, и он решил создать издательство специально для издания книг и брошюр революционного содержания; дал на это дело 50 тысяч рублей и обещал еще 100 тысяч, большие деньги по тому времени. Организацию всего дела поручил своему родственнику — М. Н. Кузнецову, человеку интеллигентному, организатору публичной библиотеки в городе Борисоглебске. Кузнецов взял себе помощником — секретарем издательства — одного нашего товарища-большевика, которого он знал по его ссылке в Борисоглебск; по желанию владельца в издательстве были организованы два самостоятельных отделения — две «библиотеки», как они были названы: «первая библиотека» — марксистских изданий, «вторая библиотека» — народнических.

Для редактирования изданий были образованы редакционные коллегии. Коллегию «первой библиотеки» составили члены нашей группы — Рожков, Покровский, Скворцов-Степанов и Лунц. Закипела лихорадочная работа по переводам, по редактированию брошюр и книг; ряд брошюр был написан членами нашей группы: Рожковым, Наумовым, Кириком Левиным, Д. И. Курским (вошел в нашу группу позже). Вокруг издательства сгруппировалось много партийных товарищей (Е. П. Херсонская, И. П. Гольденберг, Л. Д. Жбанков и другие). Издана была брошюра Ленина «К пересмотру аграрной программы» (в начале 1906 г.), Луначарского «Критические и полемические этюды», несколько брошюр Дивильковского и др. Вследствие проявленной редакционной коллегией энергии и наличия более значительных сил у марксистов «первая библиотека» издала значительно больше книг, чем вторая. За время с мая 1905 года по март 1906 года, когда издательство было перенесено в Петербург, «первая библиотека» выпустила около ста названий, среди которых много классиков марксизма, а вторая — только около двадцати.

Было много возни с цензурой, несколько брошюр подверглись

конфискации. В период после московского вооруженного восстания издательство подверглось ряду репрессий: Кузнецов и секретарь были преданы суду за издание брошюр и приговорены были к тюремному заключению и ссылке; склад издания — несколько сот пудов книг и брошюр — был конфискован.

Но это — в последующий период, а летом 1905 года работа в издательстве кипела: книги широко рассылались в кредит по провинциальным магазинам и партийным организациям.

Кроме «Колокола» наша группа приняла тоже участие во вновь возникшем издательстве Скирмунта; им был также открыт большой книжный магазин «Труд» на Тверской (ныне ул. Горького). Заведующим издательством и магазином был назначен наш товарищ — Н. Ф. Петлин. В редакционную коллегию вошли: Скворцов-Степанов, Фриче, Канель; в качестве сотрудников работали еще несколько членов группы. Скирмунтом был издан ряд больших книг, как-то: переводы произведений немецкого социал-демократа Блоса — «История французской революции» и его же «История германской революции», Баха «Австрия в первую половину XIX века» (история австрийской революции), Маркса «Собрание исторических работ», Зомбарта «Современный капитализм», Олара «История французской революции», Богданова «Краткий курс политической экономии» и ряд других. В этом же издательстве выходила популярная серия. В этой серии была издана и моя брошюра «Профессиональное движение за границей» под псевдонимом С. Иванов.

Старые московские издательства — «Гранат» и «Дороватовского и Чарушникова» — также приступили к изданию марксистских книг; в этих издательствах тоже приняли участие некоторые члены лекторской группы (С. Я. Цейтлин, В. Я. Канель, Кирик Левин и др.).

Кроме участия в легальной печати члены группы писали прокламации и статьи в нелегальных газетах — «Голосе труда» и «Рабочем».

Лично этим летом я выступал несколько раз на массовках, часто бывал в Музее содействия труду, принимая участие в организации профессиональных союзов, оказывал содействие в работе окружной организации. Квартира моя и лечебница... использовались вовсю с согласия директора лечебницы профессора Баженова и старшего врача доктора С. Л. Цейтлина. В шкафах приемной лечебницы у меня был склад нелегальной литературы, а потом и оружия. В течение лета у меня устраивались несколько раз заседания МК, часто ночевали нелегальные. О Бонч-Бруевиче я уже говорил; одновременно с ним в течение марта и апреля у меня жил другой нелегальный член МК, ответственный организатор Пресненского района — Семен Петрович, настоящей фамилии которого я не знал. После 1 Мая он вдруг исчез. Позже я узнал, что после маевки он очень устал, ко мне идти было далеко (конки рано

прекращали движение), и он заночевал у какого-то студента, у которого в эту же ночь был обыск, там забрали и его, и он просидел в тюрьме до освобождения арестованных в октябре. После Семена Петровича почти все лето жил у меня секретарь МК Сергей Иванович (Шнеерсон), ушедший потом к меньшевикам. Через него я знал многое о работе МК. Случалось, ночевал у меня Седой. Нередко ночевал агитатор Андрей со своей женой, пропагандисткой в каком-то районе: оба были нелегальные и не имели хороших паспортов. Фамилии этого Андрея я не знал и больше никогда его не встречал. Был он очень интересный человек, живой, горячий, весь как-то пламенел. Он часто выступал на летучих митингах, приходил после них в очень приподнятом настроении. Таких ночевщиков нередко скоплялось у меня по два, по три сразу; один раз уже осенью их скопилось до шести человек. Кое-как размещал их в четырех комнатах своей квартиры; иные спали прямо на полу.

Нелегальных в Москве тогда было много, получали они в лучшем случае 30—35 рублей в месяц от МК, да и этих денег не всегда бывало в кассе МК. Поневоле они жили и ночевали где придется; да и осторожнее было не прописывать свой фальшивый паспорт. Конечно, такие ночевки стали возможны в Москве только при том ослаблении полицейского режима, о котором я уже говорил. Да и моя квартира представляла особые удобства в этом отношении, к тому же прислуга наша (по-теперешнему — домашняя работница) Настасья Тихоновна Гуськова была свой человек; живет она у нас и до сих пор (1939 г.). Она оказывала мне и жене много услуг по хранению и переносу разной нелегальщины, в этом помогала ей ее родственница, сиделка больницы. Они дружили со старшим дворником, от которого много зависело, и он смотрел сквозь пальцы на все мои дела, а потом и сам стал ходить по митингам.

В течение этого лета я бывал несколько раз у Максима Горького, которого я знал еще в Нижнем Новгороде в 1889—1891 годах [1]. Он жил на углу Моховой и Воздвиженки, в доме, где теперь приемная М. И. Калинина. Алексей Максимович был на вершине своей славы и очень популярен в широких слоях общества. Я обратился поэтому однажды к нему с просьбой выступить на одном концерте, устраиваемом финансовой комиссией МК в дачной местности под Москвой (в Малаховке), но он сказал мне, что он выступает только по указаниям ЦК большевиков. Впоследствии я узнал, что ЦК его очень охранял — и в отношении полиции, и в отношении его здоровья, которое было тогда в плохом состоянии. Он оказывал большое содействие ЦК в другом направлении: используя свою популярность в широких кругах, Горький доставал значительные средства для партийной работы, через него и М. Ф. Андрееву давали деньги для партии крупный фабрикант Савва Морозов (фабрика в Орехово-Зуеве), московский фабрикант Н. П. Шмит, литератор Гарин-Михайловский и помещик Скирмунт, организовавший при участии Горького большое издательство марксистских

---

[1] См. об этом в книге «На грани двух эпох». *Прим. авт.*

книг и брошюр. Горькому удавалось добывать для нужд партии также оружие, типографские принадлежности, кроме того, он сам писал прокламации и пр.

Вспоминается еще один эпизод этого лета — это поездка М. Н. Покровского за границу. Было это в конце июня или начале июля [1]. На моей квартире состоялось небольшое совещание: был Шанцер, кажется, еще кто-то из комитета и Покровский. Последнему Шанцер дал поручение повидаться в Женеве с Лениным и информировать его о работе московской организации, а также привезти возможно больше литературы. Покровский побывал у Ленина, ознакомил его с положением дел в Москве, в частности с работой лекторской группы, скоро возвратился благополучно, привезя в чемодане с двойным дном довольно много свежей большевистской литературы, которую он и доставил на мою квартиру. Помню, с какой жадностью набросились мы на свежие большевистские литературные новинки: на номера газеты «Пролетарий» и на новую брошюру Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», только что тогда вышедшую. Чтение этой брошюры произвело на меня сильнейшее впечатление: она разгромила тактическую установку меньшевиков и дала ясную перспективу развертывающейся буржуазно-демократической революции, указала на необходимость перерастания буржуазной революции в революцию социалистическую. По поводу этой брошюры немало было у нас дискуссий в лекторской группе.

Ныне, оценивая ретроспективно, так сказать, эту работу Ленина, мы понимаем, что ее значение состоит еще в том, что она является новой теорией революции и ею заложены основания той тактики, благодаря которой русский пролетариат победоносно совершил под руководством большевистской партии социалистическую революцию в 1917 году.

Мицкевич С. И. Революционная Москва. 1888—1905 М., 1940, с. 372-378

[1] Воспоминания М. Н. Покровского об этой поездке — в «Известиях ЦИК СССР», в номере от 25 декабря 1925 года. *Прим. авт.*

Н. И. Подвойский

ПЕРВЫЙ СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

Иваново-Вознесенск — город более чем с 60 тысячами рабочих. Самим укладом своей пролетарской жизни он отличается от всех других городов России. Классовая рознь бьет здесь в глаза так, как нигде: роскошь и тут же буквально рядом ужасающая нищета; на главной улице дворцы капиталистов, асфальт, освещение, быстро мчащиеся рысаки, богатые магазины, а завернул за угол — лачуги, жалкие лавчонки, грязь, редкие керосиновые фонаришки, плохо одетые, изможденные люди...

В центре — богатство, кругом — кольцо рабочих районов. И с утра до ночи непрерывно дымят десятки фабричных труб, гудят разноголосые свистки, громыхают по мостовым бесконечные подводы с тюками и торопливо движется с окраин на фабрики и обратно масса рабочих. Этот рабочий быт, интересы, лишения, резкость классовых противоречий и возникающие отсюда запросы и требования должны были вылиться в могучее пролетарское массовое движение, создать сильные рабочие организации...

В начале 1905 года, когда рабочий класс России вступил уже в вооруженную схватку с царизмом, ивановавознесенцы имели уже одну из самых стройных рабочих социал-демократических большевистских организаций в России. Сразу же обнаружилось, насколько влиятельна была среди рабочих масс социал-демократическая организация большевиков. В ответ на кровавое воскресенье 9 января в Петербурге иваново-вознесенская группа проводит ряд стачек, углубляя свое влияние на массы. Она искусно накопляет и организует пролетарские силы. Составляются прокламации и в большом количестве распространяются как среди рабочих, так и среди крестьян и солдат. Требования рабочих различных фабрик согласовываются таким образом, чтобы объединить ими все положительно фабрики. К апрелю окончательно выявилась воля рабочих всех фабрик к единодушной стачке. Появляется прокламация за подписью иваново-вознесенской группы Северного комитета (печать — «Костромская группа Сев. Ком. РСДРП»). Она широко распространена по городу и даже району.

1 Мая иваново-вознесенский пролетариат создал свой массовый праздник труда, и в этот день социал-демократические ораторы не только использовали первомайские лозунги, но и выра-

зили в своих речах те экономические требования, которые являлись в то время в Иваново-Вознесенске требованиями каждого ткача и ткачихи.

Война сильно вздула цены на предметы первой необходимости, заработная же плата оставалась почти на уровне прежних лет. Предъявляемые рабочими отдельных фабрик требования систематически оставлялись фабрикантами без удовлетворения. Положение пролетариата ухудшилось до крайности.

Вскоре после 1 Мая Иваново-Вознесенск был охвачен всеобщей забастовкой. Забастовало до 60 тысяч рабочих и работниц. Эта масса рабочих, выйдя из своего рабского положения, сразу стала господином города. Буржуазия вместе с полицией и чиновниками трепетала. Социал-демократическая партия твердо повела ивановцев по пути организованной революционной борьбы.

15 мая на общем собрании 35 тысяч рабочих на реке Талке была создана невиданная в мире рабочая организация — Совет рабочих депутатов, который послужил прообразом Петербургского и Московского Советов в 1905 году.

Создать такую организацию мог лишь революционный пролетарский авангард, связанный с глубинами жизни рабочей массы, в течение многих лет впитавший весь богатый опыт массового рабочего движения.

Совет сразу стал популярным в глазах рабочих, так как в него входили представители всех фабрик и заводов, и еще более стал влиятельным потому, что в него вошли и женщины, составлявшие преобладающий элемент пролетариата Иваново-Вознесенска. Совет с первых же шагов взял на себя заботу о насущных интересах рабочих во время стачки: переговоры с городской думой, с губернатором, полицией, а также с местными лавочниками, чтобы добиться от последних продажи в кредит продуктов рабочим во время стачки. Совет действовал как орган власти, представляющий интересы рабочих масс. Полиция чувствовала полную растерянность. Буржуазия с директорами выехали из Иванова; городская дума не собиралась (весь май и июнь). Иваново-Вознесенский Совет пользовался чрезвычайной популярностью не только в Иваново-Вознесенске, но и во всем районе. Для связи с ним посылались делегации из ближайших фабрично-заводских пунктов: Тейкова, Середы, Родников, Шуи, Кохмы и пр. В Иваново-Вознесенский Совет направлялись из соседних фабрик жалобы на притеснения фабрикантов и полиции с просьбами об установлении справедливости, об оказании помощи и пр. Обращались с просьбами присылать ораторов, листки и инструкции.

По мере укрепления и развития сил самого Совета крепла вера пролетариата в свою собственную силу, а с нею крепло и влияние социал-демократической партии, создавшей Совет и руководившей им.

Партия чувствовала величайшую ответственность за ход стачек, работала с гигантской настойчивостью и энергией, переносила партийную дисциплину в широкие рабочие массы, учила

массу самоотверженности, являя собой пример этой самоотверженности, а своей напряженной работой показывала пример энергии. Иваново-вознесенская организация большевиков, создав Совет для руководства стачкой, ставила еще другую важную задачу: подготовить и создать кадры революционных работников на опыте своей грандиозной организационной работы. После собрания и во всякую свободную минуту Совет становился на положение партийной школы. Читались систематические лекции по вопросам марксизма и рабочего движения. Таким образом, было подготовлено до 200 революционных работников, которые в октябре 1905 года играли крупную организационную роль в рабочем движении, а многие из них продолжают играть такую же роль в нашей Великой Революции до сегодняшнего дня.

Фабриканты вместе с полицией не могли безразлично относиться к той планомерной и глубоко социалистической работе, которую проводили руководители стачечного движения. Фабриканты требовали от полиции положить этому конец и положить конец «социалистическому университету на реке Талке». Не будучи в силах сломить организованно проводимую Советом рабочих стачку, фабриканты принялись за провокацию. Они требовали ареста делегатов и депутатов. Губернатор запретил собрание. В ответ на это рабочие решили продолжать стачку и продолжали собираться на Талке. Иваново-вознесенская стачка, затянувшаяся на несколько недель, начала привлекать внимание рабочих всей России. Когда же буржуазные газеты, вроде «Русского слова», пославшие своих корреспондентов в Иваново-Вознесенск, стали писать о том, как дружно и дисциплинированно под умелым руководством таких вождей, как тов. Дунаев, протекает стачка, и когда, таким образом, слава об иваново-вознесенской стачке разнеслась по всей России, иваново-вознесенские рабочие почувствовали ответственность перед всеми рабочими России и инстинктивно воздерживались от принятия какого-либо шага без приказания Совета.

Вся буржуазия России заволновалась и требовала расправы с рабочими.

3 июня такая расправа последовала с помощью казаков и полиции. Астраханские казаки, подпоенные полицией, совершили эту дикую расправу. Расстреливали по группам и в одиночку рабочих, истязали, уродовали. В ответ на расстрелы и в отместку за убитых товарищей рабочие начали жечь дома и дачи фабрикантов, громить лавки, из которых продавцы не хотели давать рабочим в кредит. Иваново-Вознесенск был приведен в осадное положение. Стачечников хватали, арестовывали, избивали, сажали по тюрьмам. Но фабрикантам и полиции пришлось уступить. Рабочие снова добились права собираться на Талке. Совет рабочих депутатов, работу которого полиция расстроила, теперь уже был лишен возможности отвечать за порядок в городе.

23 июня (точно не помню) состоялось грандиозное шествие многотысячной рабочей массы с Талки в город на площадь перед

городской думой. Придя на площадь, рабочая масса, увидев себя окруженной со всех сторон казаками, села на землю и стала незаметно вооружаться... камнями. Но полиция не решилась напасть на рабочих. Митинг продолжался несколько часов. Лозунгом речей ораторов было — «хлеба и работы». Озлобление клокотало в груди рабочей массы. 23 июня было решено продолжать стачку и добиваться удовлетворения требований рабочих. Фабриканты отклонили эти требования. Возбуждение рабочих дошло до крайнего напряжения.

После отказа фабрикантов 25 июня Совет рабочих депутатов сложил с себя полномочия, объявив на собрании, что он более не отвечает за последствия. В Иваново-Вознесенске начались погромы мучных и бакалейных лавок. Голодные рабочие бросились на съестные припасы. До 150 лавок было разгромлено. Фабриканты после этого решили пойти на уступки, но только на мелочные уступки. Рабочие продолжали стачку. Громадным напряжением всех своих сил голодные, измученные рабочие продолжали свою борьбу и не сдавались. Фабриканты сделали еще несколько уступок.

Стачка закончилась 17 июля. Партийная организация большевиков блестяще выдержала экзамен по части организации и агитации. Совет рабочих депутатов показал всю силу и значение пролетарской власти. Иваново-вознесенские текстильщики стали во главе всего рабочего революционного движения России. Иваново-вознесенская стачка и Совет рабочих депутатов показали, в чем победа пролетариата и каким путем нужно идти, чтобы достигнуть ее.

Форма пролетарской власти, заложенная ивановововознесенцами на реке Талке в виде местного Совета депутатов, осенью того же года была воссоздана петербургским и московским пролетариатом в виде таких же Советов.

Победа пролетариата оказалась тогда недолгой и непрочной, но ярко блеснувший на миг Совет рабочих депутатов занес себя на страницы истории, с тем чтобы через несколько лет занять там то грандиозное мировое положение, которое ныне занял.

Подвойский Н. Первый Совет рабочих депутатов (Иваново-вознесенский — 1905 г.). М., 1925, с. 3—10

Ф. Н. Самойлов

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИХ РАБОЧИХ. СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

Утром 12 мая на всех фабриках и заводах работа шла обычным темпом. Около полудня рабочие фабрики Бакулина бросили работу и вышли за ворота. Я работал тогда на ткацкой фабрике «Товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры». Мы, члены партийной организации, собравшись группой в несколько человек, раза два-три уходили на разведки, чтобы узнать, что делается на других фабриках. Заглянули на фабрику Бакулина: рабочие, бросив работу, большой толпой стояли у ворот и шумно разговаривали. На небольшом расстоянии от них, как раз против фабрики, в полном боевом порядке стоял отряд казаков...

Среди собравшихся рабочих вдруг разнесся слух, что какие-то личности, появившиеся неизвестно откуда, ходят среди бастующих и на спинах наиболее видных руководителей стачки незаметно делают отметки мелом. Все быстро и тревожно начали озираться и переходить с места на место, разыскивая этих загадочных лиц, чтобы расправиться с ними. Но никого не нашли. Возможно, что этот провокационный слух пустили агенты полиции с целью внести замешательство в ряды бастующих.

Когда мы вернулись на свою фабрику из последней разведки, было уже около четырех или пяти часов вечера. Рабочие еще продолжали работать. Несмотря на приподнятое, явно забастовочное настроение, поднять рабочую массу на забастовку оказалось нелегко. Все члены организации на фабрике ходили по корпусам и агитировали за забастовку, но рабочие не решались бросать работу.

Наконец мы узнали, что к задним воротам фабрики подошли забастовавшие рабочие соседних ткацких фабрик Зубкова и Полушина и требуют, чтобы мы немедленно присоединились к ним. Тогда мы более решительно приступили к делу и стали всюду громко кричать: «Бросай работу! Да здравствует стачка!» Рабочие быстро, как по команде, остановили станки в двух ткацких корпусах и в прядильном корпусе и густой толпой стали выходить на широкий двор фабрики. А там, за задними воротами, ткачи двух соседних фабрик требовали открыть ворота.

Когда мы, группа партийцев, во главе громадной толпы ткачей и прядильщиков подошли к воротам, там уже находились двое полицейских и несколько сторожей. Полицейские стояли у самых

ворот в решительной позе, с явным намерением никого не пропускать. Не доходя нескольких шагов до полицейских, мы остановились в нерешительности. Несколько секунд длилось молчание. Полицейские не двигались с места. Наконец я и некоторые другие пошли на полицейских. Вслед за нами двинулась и вся толпа. Полицейские были отброшены. Ворота открылись. Бастующие соседних фабрик быстро соединились с нами, и мы двинулись через двор всей массой к другим, так называемым верхним воротам.

В это время кто-то из товарищей передал, что я должен немедленно явиться на конспиративное собрание. Я быстро направился туда. Собрание происходило в лесу, около реки Талки. Когда я пришел, там уже были товарищи Терентий, Марта и многие другие. Обсудили положение и приняли ряд решений по вопросу руководства стачкой.

Между тем забастовавшие рабочие со всех фабрик и заводов двинулись на главную городскую площадь по городской улице. Здесь после краткой речи кого-то из товарищей постановили немедленно разойтись по домам, а на другой день снова собраться тут же к 10 часам утра.

На следующий день уже с 9 часов бастующие густыми толпами потянулись из всех рабочих кварталов на главную городскую площадь. Около 10 часов вся площадь и значительная часть прилегавших к ней улиц были сплошь запружены рабочими. В центре площади, как раз против здания городской управы, собралась вся городская социал-демократическая организация, окруженная живой стеной рабочих. В городе все остановилось, перестали дымить фабричные трубы, промышленная жизнь замерла. Все лавки и магазины закрылись. Рабочие стали хозяевами положения; власти и фабриканты были бессильны...

На площади стало уже тесно, а люди продолжали прибывать. Было тихо. Собравшиеся вели себя очень спокойно и мирно. Из окон городской управы выжидающе поглядывали толстые красные физиономии.

По донесению губернатора министру внутренних дел, число забастовавших в первый день составляло 40 тысяч человек.

Около 11 часов один из товарищей принес табуретку и поставил ее в центре нашей группы партийцев. Поднялся Е. Дунаев, и мгновенно наступила тишина. Взоры всех обратились на оратора. Осмотрев громадную толпу, Дунаев после паузы, длившейся несколько секунд, произнес короткую речь. Он говорил о необходимости бороться до тех пор, пока наши требования, которые мы предъявляем фабрикантам и заводчикам, не будут удовлетворены. Он призывал держать себя как можно спокойнее: не шуметь, не кричать, никого не трогать.

— Напрасно эти люди закрыли свои лавочки и магазины,— говорил он,— мы не воры, не грабители, не жулики какие-нибудь, а честные рабочие, труженики, никогда не жившие на чужой счет или чужим трудом. Всю свою жизнь мы содержим своим собствен-

ным трудом множество всяких эксплуататоров и дармоедов, праздных бездельников. Поэтому пусть люди, закрывшие лавки и магазины, не меряют нас на свой аршин; пусть они знают, что честные труженики — рабочие — совсем не то, что они.

Когда Дунаев кончил говорить, в толпе пронесся гул одобрения. После этого по инициативе социал-демократической организации было предложено произвести сборы в пользу бастующих. Кандидатами в сборщики предложили надежных товарищей, 10—15 человек. Единодушным поднятием рук собрание их утвердило. В число этих сборщиков попал и я. Мы сейчас же приступили к сбору, разойдясь по разным направлениям. Прошло немало времени, пока мы обошли всю громадную толпу, собирая в фуражки трудовые медяки, мелкие серебряные монеты, а иногда и мелкие бумажки. Я обходил не только бастующих рабочих, но и всех владельцев лавок и магазинов, которые после речи Дунаева вновь открыли торговлю. Они тоже бросали мне в фуражку разную мелочь, но делали это очень неохотно. Многие из них с тревогой спрашивали:

— Когда же это все у вас кончится?

— Что это? — спрашивал я их в свою очередь.

— Да вот это самое,— продолжали они, кивая головой на собрание,— забастовка-то ваша, что ли?

— Да ведь она же только что началась, а вы хотите, чтобы она кончилась,— отвечал я.

— Но это беспорядок,— не унимались они.

— А когда хозяева с нас три шкуры дерут, это порядок? — задавал я им вопрос, уже начиная волноваться.— Вот как только хозяева удовлетворят наши требования, так и кончим забастовку.

После этого спрашивавшие угрюмо замолкали и уходили в свои лавочки.

Когда все сборщики вернулись, у каждого оказалась почти полная фуражка медяков, серебряных монет и мелких бумажек. Этим было положено начало стачечной кассе.

Кроме Дунаева на собрании выступали другие товарищи: они говорили о требованиях, выдвинутых рабочими, объясняли, почему надо бороться за эти требования.

Казаки и полицейские вели себя спокойно. Собрание закончилось поздно вечером; на другой день решили собраться снова. Тотчас же после собрания мы пошли на конспиративную квартиру и подсчитали собранные деньги. В стачечной кассе уже было несколько сот рублей...

В город прибыл губернатор. Вместе с другими царскими чиновниками он беспокойно смотрел из окон городской управы на затопившее городскую площадь море голов. С первых же дней стачки губернатор начал стягивать в Иваново-Вознесенск войска, подробно информируя центральную власть о создавшемся положении...

На другой день собрание на площади возобновилось. Одновременно в разных частях площади были организованы выступления видных членов социал-демократической организации, разъясняв-

ших предъявляемые хозяевам требования. Потом начались выступления общего характера: говорили о тяжелом положении рабочего класса, о причинах этого и необходимости решительной борьбы за улучшение своего положения. На площади стояли казаки в полном вооружении. Во время речей агитаторов из окон городской управы смотрели представители власти и какие-то хорошо одетые барыни и господа.

На трибуну вышел рабочий грязновской фабрики т. Лакин [1] и, сделав внушительный жест по направлению к управе, начал декламировать «Размышления у парадного подъезда» Некрасова. Голос у него был громкий, и его декламация произвела сильное впечатление. Собравшиеся были в восторге, зато все выглядывавшие из окон управы физиономии моментально исчезли, окна закрылись и долгое время не открывались. Тов. Лакин был одним из руководителей забастовки и впоследствии приобрел большую известность среди рабочих как пламенный и талантливый оратор и организатор.

В первые дни стачки подъем настроения у рабочих был очень велик, число бастовавших увеличивалось с каждым днем. К бастующим рабочим текстильных фабрик и механических заводов присоединялись все новые группы рабочих из мелких мастерских. Вновь включившиеся в стачку шли прямо на площадь, вливались в общую массу и через своих руководителей в простых и бесхитростных словах говорили о своем тяжелом положении и о своих требованиях. Слушая жуткие рассказы рабочих мелких предприятий о бесчеловечной эксплуатации их хозяевами, толпа глухо волновалась, одобрительно приветствовала всех вновь вливающихся в ее ряды и обещала им свою братскую поддержку.

В дни стачки фабрикант Бурылин в письме своему родственнику писал: «То, что произошло за три дня, не поддается описанию. Невиданная картина событий... Я лишен кучера, сам кипячу чай, с фабрики последнего сторожа сняли, сам охраняю фабрику. Начальство растерялось... Чувствуется в городе двоевластие...»

Через несколько дней власти предложили бастующим прекратить собрания на площади, «чтобы не нарушать уличного движения». С этого времени собрания происходили близ станции железной дороги, у опушки леса, на реке Талке.

Старший фабричный инспектор Владимирской губернии Свирский от имени владельцев предприятий и властей предложил бастующим разбиться по фабрикам и вести переговоры с каждым владельцем отдельно; но это наглое требование мы тотчас же отвергли.

14 мая бастующие избрали 150 депутатов для ведения переговоров с представителями власти и для руководства стачкой. Это было сделано с ведома и согласия губернатора, давшего гарантию неприкосновенности личности рабочих депутатов. Выборы депута-

---

[1] Был убит черносотенцами в 1905 году в городе Ундоле Владимирской губернии. *Прим. авт.*

тов (уполномоченных) производились по фабрикам под руководством местных партийных ячеек. Особых инструкций от группы Северного комитета на этот счет не было, и вопрос о составе Совета уполномоченных она не обсуждала. Когда при встрече с М. В. Фрунзе я сообщил ему, что меня и С. Балашова (Странник) рабочие нашей фабрики избрали депутатом, Михаил Васильевич недоумевающе спросил:

— Как же, Архипыч [1], ведь вы оба члены группы, а кто же будет работать в группе?

В ответ на мое замечание, что нам рабочие доверяют и выбрали единогласно и что мы сумеем работать в Депутатском собрании и в группе, Фрунзе, подумав, сказал:

— Пожалуй, так лучше,— через вас группа будет теснее связана с собранием депутатов, а через него и с рабочей массой...

15 мая в мещанской управе состоялось первое заседание рабочих депутатов, на котором был избран президиум. Так образовался Совет уполномоченных, вошедший в историю как Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов.

Этот первый Совет рабочих депутатов возник как орган, руководящий экономической стачкой. Его первоначальная роль ограничивалась ведением переговоров с властями и фабрикантами и общим руководством экономической борьбой ивановских рабочих. Но по естественному ходу борьбы рабочего класса начавшаяся на экономической почве всеобщая стачка ивановцев очень скоро приняла политическую окраску, как это видно хотя бы из требования созыва Учредительного собрания, единогласно принятого бастующими на многотысячном митинге уже на третий день стачки, 15 мая.

Было ли Иваново-Вознесенское депутатское собрание настоящим Советом рабочих депутатов в подлинном смысле этого слова? При решении этого вопроса долгое время приходилось руководствоваться только воспоминаниями участников стачки да небольшим количеством второстепенных архивных документов. Основные документы — протоколы, несмотря на все старания, не найдены (по словам участников событий, они были увезены одним из руководителей стачки за границу и там затерялись).

В настоящее время обнаружены важные архивные документы, освещающие этот вопрос.

На первом заседании Совета рабочих депутатов Иваново-Вознесенска присутствовали старший фабричный инспектор Владимирской губернии Свирский и два его помощника. Обсуждались экономические и политические требования, предъявленные бастующими владельцам предприятий и властям.

Много говорилось на этом заседании о введении 8-часового рабочего дня. Все ораторы горячо доказывали необходимость во что бы то ни стало добиться проведения в жизнь этого требования, и только Е. Дунаев во время обсуждения этого вопроса вдруг бросил несколько слов о том, что в крайнем случае временно мы,

[1] Моя тогдашняя партийная кличка. *Прим. авт.*

мол, могли бы удовлетвориться и 9-часовым днем. Но это предложение встретило решительный отпор. Решение о введении 8-часового рабочего дня было принято единогласно.

На этом заседании представители фабричной инспекции, как и в первые дни забастовки, предлагали рабочим разбиться по фабрикам и предъявлять требования отдельно каждому владельцу предприятия. Это предложение и здесь встретило решительное возражение и было единогласно провалено. Решения по всем вопросам, обсуждавшимся на этом собрании, принимались единогласно, без особых споров.

Представители фабричной инспекции делали вид, что соблюдают беспристрастность третьей, незаинтересованной стороны. Но после провала их предложения разбиться по фабрикам настроение у инспекторов изменилось, как они ни старались это скрыть. Представители фабричной инспекции стали еще более нервничать после того, как Совет рабочих депутатов отказал какому-то представителю власти в просьбе напечатать срочную бумагу в одной из бастующих типографий. Просьбу эту инспекция сильно поддерживала.

На первом же заседании Совета были рассмотрены требования рабочих, которые затем были отпечатаны на гектографе социал-демократической организацией, причем вверху листа значилось: «Российская социал-демократическая рабочая партия» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Помню, когда мы подали эти требования директору нашей фабрики, он решительно отказался их принять — на том основании, что они исходят от социал-демократической партии, а не от рабочих его фабрики. У нас с ним по этому поводу возник спор. Мы настаивали на принятии требований в таком виде, а он упорно отказывался их принимать, заявляя, что партия социал-демократов незаконна и выступать от имени рабочих официально не может. Но в конце концов он вынужден был уступить и принял требования рабочих в том виде, в каком мы их ему предложили.

В первые дни заседания Совета происходили в мещанской управе, полиция им не мешала. Потом полиция потребовала представлять ей протоколы для просмотра. Совет категорически отказался. После этого заседания в помещении мещанской управы были запрещены, и Совет рабочих депутатов перенес их на берег реки Талки, где ежедневно устраивались собрания всех бастующих рабочих. В заседаниях Совета всегда активно участвовал М. В. Фрунзе.

С первых же дней возникновения Совета власти вступили с ним в переговоры по разным вопросам, относящимся к стачке, и тем самым фактически признали в Совете орган законного представительства бастующих рабочих.

В первые же дни собраний на Талке рабочие каждой фабрики и завода помимо общих требований выработали дополнительные требования частного характера, касающиеся устройства прачечных, бань и пр.

По утрам, до начала митинга, собирался городской комитет партии с партийным активом и намечал порядок дня Совета уполномоченных.

Собрания на Талке происходили ежедневно с 10 часов утра. Порядок ведения их был примерно следующий. Утром, часов в 9, собирался пленум Совета уполномоченных. Заседания пленума происходили у лесной сторожки, на небольшой лужайке, отделенной от места общего собрания рабочих рекой Талкой, которая в этом месте делает крутой изгиб, образуя небольшой полуостровок в виде полукруглой площадки, поросшей густой зеленой травой. На пленуме обсуждались все вопросы по руководству стачкой и вырабатывался порядок дня общего собрания бастующих. Присутствовали на пленуме только члены Совета и представители партийной организации. Посторонняя публика не допускалась, за исключением случаев, когда нужно было сделать важное и срочное сообщение.

Ежедневно к концу пленума Совета уполномоченных на Талку собиралось несколько тысяч бастующих. Тогда пленум закрывался. Депутаты шли к трибуне, на место общего собрания (трибуной служила бочка), и собрание открывалось речью кого-нибудь из депутатов или партийных работников: рабочих информировали о ходе забастовки, о переговорах с хозяевами, о сношениях с властями и т. п. Дальше шло краткое обсуждение практических вопросов, касающихся текущих дел стачки, и голосовались внесенные от имени Совета предложения. А затем обычно выступал кто-нибудь из партийных работников с большой агитационной политической речью на тему о положении рабочего класса, о причинах его бесправия и экономической нужды и о путях устранения их. Ораторы рассказывали также о развитии рабочего движения у нас и за границей, о политических партиях, о профессиональных союзах, говорили и на другие темы, будившие сознание рабочих; собрание превращалось в своеобразный свободный рабочий университет. Бастующие слушали эти речи с большим вниманием, часто прерывая их возгласами одобрения и аплодисментами. За первым оратором выступал второй, третий, и собрание продолжалось до тех пор, пока слушатели не утомлялись; тогда пели революционные песни, и собрание закрывалось.

В первые же дни стачки Совет уполномоченных потребовал от властей закрыть все казенные винные лавки на все время стачки. Это требование было удовлетворено. В городе в это время наблюдался порядок, какого еще не было никогда до забастовки: не видно было пьяных, не наблюдалось ни драк, ни скандалов, ни азартных игр, которые Совет также воспретил.

Но, несмотря на большой революционный подъем, вначале в выступлениях на этих собраниях не было решительных призывов к вооруженной борьбе; большинство бастующих все еще жило иллюзией, что можно добиться чего-нибудь мирным путем.

Однажды Ф. Кукушкин (по кличке Гоголь)[1] после коротенькой

[1] Впоследствии оказался провокатором. *Прим. авт.*

речи крикнул с трибуны: «Долой самодержавие!» Собрание запротестовало, и немалого труда стоило его успокоить. После этого случая нам стало особенно ясно, что бастующих нужно еще подготовлять к борьбе, воспитывать в политическом отношении и что подход к ним должен быть умелый и осторожный.

Во время митингов на Талке нередко наблюдались случаи враждебной агитации среди бастующих; находившиеся среди рабочих депутаты и члены партии, тут же вмешиваясь в разговоры, направленные против стачки, разоблачали врагов.

Наиболее видными и популярными депутатами являлись Е. Дунаев, Н. Грачев (секретарь Совета), М. Лакин, Д. Шорохов, Косяков, В. Морозов (Ермак), К. Макаров, Н. Жиделев, Д. Черникова, Сарамантова (Марта), П. Козлов (Толстой), Царский.

Для переговоров с фабрикантами и властями в качестве уполномоченных Совета ходили чаще всех Косяков и Грачев.

Однажды к губернатору пришли несколько человек, уполномоченных Советом рабочих депутатов для выяснения положения, создавшегося в связи с упорной неуступчивостью хозяев. Делегаты прождали губернатора долго в приемной, их никто даже не пригласил сесть.

Наконец вышел губернатор в сопровождении нескольких приближенных. Поздоровались и собрались уже приступить к деловому разговору, как вдруг раздался оглушительный раскат грома и сверкнула яркая, ослепительная молния. Губернатор и вся его свита усиленно закрестились.

— А мы,— рассказывал один из делегатов,— и глазом не моргнули, никто и не подумал креститься. Мы стоим спокойно, глядим, как они крестятся, а некоторые из нас даже не удержались от иронической улыбки. «Неужели вы не верите в бога?» — воскликнул губернатор, удивленный нашим поведением. Тогда бывший в числе делегатов тов. Косяков ответил ему, что нам, мол, бояться грозы нечего, видали всякие грозы, а вот если нам угрожает голод, то его побаиваемся — с ним мы очень хорошо знакомы и знаем, что он пострашнее всякой грозы и от него откреститься невозможно. Не отвечая Косякову, губернатор привел какую-то выдержку из басни Крылова. Тогда тов. Косяков ответил ему басней же Крылова «Свинья под дубом».

— После этого настроение начальства сильно изменилось в худшую для нас сторону,— передавал другой делегат.— Никаких частных разговоров, не имеющих прямого отношения к делу, уже больше не было. После краткого ответа губернатора, что он ничего сделать не может, что хозяева вправе уступать нам или не уступать, мы, как и всегда это случалось, ушли от начальства ни с чем.

На собраниях и в переговорах с властями особенно часто выступал рабочий Евлампий Дунаев. Он пользовался огромной популярностью среди бастующих. Говорил он простым языком, понятным широкой рабочей массе. К вопросам подходил умело и освещал их толково и понятно. Выглядел он как самый зауряд-

ный рабочий: худощавый, среднего роста, одетый всегда в синюю поношенную блузу или такого же цвета простую рубашку. Своей ясной и простой речью он внушал рабочим особое доверие; они чувствовали, что это свой человек. Власти считали Дунаева одним из видных главарей забастовки и принимали все меры к его аресту, но вследствие хорошей конспирации им это не удавалось. Однажды на общее собрание на Талке явился рабочий и рассказал, что его арестовали, приняв за Дунаева, и продержали несколько дней под арестом, пока не узнали, что Дунаев продолжает ежедневно выступать на собраниях бастующих.

* * *

17 мая хозяева через фабричную инспекцию прислали ответы на требования рабочих. Каждый хозяин отвечал отдельно, и ответов этих, заклеенных в конверты, набралось масса. В момент получения этих ответов происходило общее собрание бастующих; один из партийных работников, тов. Терентий, взяв всю эту кучу конвертов с хозяйскими ответами в охапку, поднялся на трибуну и, показывая их, сказал: «Вот сейчас мы наконец получили от хозяев ответ на наши требования. Посмотрим, что они, «кормильцы» и «благодетели» наши, нам пишут» — и объявил перерыв собрания.

Для рассмотрения хозяйских ответов на требования рабочих экстренно созвали пленум Совета. Ответы на все требования были отрицательные, если не считать согласие хозяев на отдельные ничтожные прибавки да удовлетворение ими отдельных мелких требований, касающихся бань и прачечных на фабриках. О политических требованиях хозяева говорили, что направлены они не по адресу, что удовлетворение их не от них зависит...

После рассмотрения ответов хозяев было решено стачку продолжать, политические требования были посланы министру внутренних дел. Под ними подписались депутаты, точно указав свои профессии...

В конце мая к бастовавшим ивановцам примкнули рабочие Шуи (9048 человек), затем рабочие Тейкова (9127 человек). Забастовали фабрики в селе Юже (6127 человек), Гродзилове (1805 человек) и некоторые другие. В этот период в Ивановском районе насчитывалось около 70 тысяч бастующих. Все они держали связь с Ивановским Советом, получали от него советы и указания. Таким образом, Ивановский Совет фактически руководил стачечным движением всего района.

Техника в социал-демократической организации была налажена в этот момент недурно. Мне поручили снабжение типографии бумагой, краской и прочими материалами. Типография находилась на окраине города, по Большому Лежневскому тракту. Бумагу, краску и прочее я покупал в магазине Ильинского и при помощи нескольких товарищей обходными путями доставлял в типографию. В типографии ежедневно печатались бюллетени о ходе стачки, которые распространялись на общих собраниях; эти бюллетени имели большое агитационное значение...

Вопреки запрещению властей 23 мая на городской площади по постановлению Совета вновь состоялось собрание бастующих под лозунгом «Работы, хлеба!». Возвращаясь с площади на Талку, демонстранты выкинули красный флаг и пели «Смело, товарищи, в ногу...». Это была первая демонстрация с красным знаменем за все время стачки.

Владельцы предприятий исчезли из города. На фабриках остались только управляющие, директора и другая администрация, с которой рабочие и вступили в переговоры через своих депутатов. На одном из собраний на Талке по предложению Совета было решено отправиться на фабрики с требованием уплаты заработка за время стачки. Но когда рабочие депутаты явились на фабрики, администрация ответила им, что хозяев нет и никому по этому вопросу полномочий не оставлено. На многих фабриках произошли большие споры. В результате на другой же день губернатор издал приказ, в котором угрожал «принять меры против лиц, позволяющих себе угрозы и шум во время переговоров с фабричной администрацией по вопросу об уплате за время стачки».

Хозяева все же решили выдать рабочим некоторую сумму, правда очень маленькую, кажется, по одному рублю на человека. В течение стачки такие выдачи производились раза два или три.

Популярность стачки и авторитет Совета рабочих депутатов росли с каждым днем и распространялись далеко за пределы города. К нам в Совет поступали разнообразные просьбы и жалобы от рабочих ближайших городов и местечек о притеснениях со стороны хозяев. Важно отметить, что в Совет поступали жалобы и от крестьян на притеснения со стороны помещиков и различного сельского начальства. Так, например, шуйские крестьяне прислали ходоков с жалобой на незаконные действия лесничего. Другие десять ходоков крестьян просили дать указания, «как отобрать землю и земских начальников уничтожить». Обращались в Совет крестьяне Муромского и других уездов...

Нередко приезжали делегаты от рабочих из разных местностей губернии за советами и со всякого рода жалобами на хозяев. Их приглашали на заседания Совета, выслушивали, давали необходимые указания, советы, а иногда посылали с ними на место кого-нибудь из депутатов или партийных работников для организации стачки. В Совет рабочих депутатов приходили ходоки рабочих Шуи, Тейкова, Лежнева, Родников и других промышленных пунктов Ивановского района.

В буржуазных газетах («Русское слово», «Русские ведомости» и др.) много писалось тогда о событиях в «русском Манчестере», как они называли Иваново-Вознесенск. Газеты эти освещали стачку по-разному: одни, как «Русское слово» и «Русские ведомости», печатая длинные статьи о стачке, лебезили, «одобряли» выдержку, дисциплину и прочее, но не одобряли неумеренность таких требований, как требование Учредительного собрания и пр.; другие, как «Русский листок», ругались и всячески клеветали на бастующих...

Полиция продолжала внешне вести себя спокойно, но за руко-

водителями стачки следила и исподтишка даже охотилась на них. Некоторые товарищи подверглись аресту еще в первые недели стачки, но были через некоторое время освобождены. Эти аресты озлобляли бастующих и неизменно способствовали еще большему росту классового сознания. Когда кто-нибудь из товарищей после двух- или трехнедельного ареста появлялся на трибуне, ему устраивалась восторженная встреча...

Совет поручил милиции наблюдать за порядком в городе и не допускать к работе штрейкбрехеров. В первые недели забастовки около фабрик по утрам расставлялись назначаемые Советом патрули милиции для проверки, не идет ли кто-нибудь на работу. В патруле по поручению Совета приходилось неоднократно бывать и мне. Рано утром, когда только всходило солнце, стоишь, бывало, на главной дороге, ведущей к фабрике, и смотришь, не покажется ли где штрейкбрехер. Но проходит час, другой — кругом все тихо и безлюдно. Стоят замолкшие корпуса-гиганты фабрик и заводов, расположенные по обоим берегам протекающей через город реки Уводи. Не дымят их громадные трубы, не слышно обычного шума и трескотни ткацких станков.

Много накопилось горечи в сердцах рабочих от всяческих обид и притеснений в течение десятков лет. Трудна борьба с неравными по силе врагами — капиталистами: приходится и голодать, и терпеть нужду во всем самом необходимом. Но не гнутся ивановские рабочие. Нет штрейкбрехеров, безлюдье кругом полное...

Однажды во время дежурства пришлось встретиться с полицмейстером города Иваново-Вознесенска Кожеловским, впоследствии стрелявшим в рабочих. Солнце было уже высоко, кругом обычная тишина и безлюдье. Патрульные стояли на берегу крутого оврага близ фабрики «Компании», когда по дороге из местечка Дмитриевки показался полицмейстер. Его фигуру все мы хорошо знали. Ехал он в пролетке с кучером и вооруженным охранником и направлялся к нам. Мы сделали вид, что не обращаем на него внимания. Не доезжая до нас нескольких десятков шагов, он сказал:

— Что? Сторожите, чтобы не дать желающим стать на работу? Силой заставляете бастовать? Напрасно смотрите: не пойдут фабрики! Не бойтесь, они теперь уже не завертятся! Скоро сами будете просить, чтобы их пустили, да нет уж, нет, не завертятся они! Долго не завертятся! Вот побастуйте теперь, побастуйте!

Мы ничего не ответили, делая вид, что это к нам не относится, и он уехал. Потом стало известно, что нас, рабочих, хозяева хотят «взять измором», искусственно затягивая стачку.

Время шло, а фабриканты молчали. Нужда среди бастующих росла и становилась все более невыносимой. Вначале, кроме нескольких сот рублей, собранных нами в первый день стачки, в кассе Совета ничего не было. Потом стали поступать деньги, собранные рабочими других городов и промышленных местечек. Организовали комиссию по выдаче пособий. За время стачки, насколько помню, поступило около 15 тысяч рублей. Количество

нуждающихся росло, и так как всех удовлетворить было невозможно, комиссии приходилось строго отбирать особо нуждающихся в пособии. Пособия выдавались не деньгами, а чеками и талонами общества потребителей, и нуждающиеся получали пособия продуктами.

Кооператив «Единение — сила» сыграл большую положительную роль в стачке, оказывая продовольственную помощь бастующим; он был бельмом на глазу у полиции. Полиция решила помешать кооперативу; под предлогом, что бастующие рабочие, приходившие к лавочке кооператива за продуктами, якобы мешают производить торговлю, полиция направила к лавочке казаков, которые зверски избили рабочих.

«Университет» на Талке продолжал существовать. Результаты его политико-воспитательной работы сказывались все более заметно. Те самые рабочие, которые в начале стачки и слушать не хотели революционных призывов «Долой самодержавие!», «Да здравствует вооруженное восстание!» и т. д., теперь, после прохождения «первоначального курса политической грамоты», шумно аплодировали горячим политическим речам, направленным против царского самодержавия. Теперь рабочие с большим подъемом пели революционные песни.

Наиболее популярными песнями на Талке были «Нагайка», «Дубинушка», «Машинушка», «Трепов генерал»; их распевали бастующие рабочие. Вот слова «Нагайки» — песни, сложенной народом в 1905 году:

Нагайка, ты нагайка,
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Снльна в стране родной!
На жалобы н стоны
Голодных темных масс
Один ответ у трона —
«Пороть нагайкой» нас.
Нагайкой не убнта
Жнвая мысль у нас.
Уж скоро паразнтам
Прндет последний час.
Нагайкн свнст позорный
Забудем мы тогда,
Когда пойдем упорно
Под знаменем труда.

Однажды в связи с этой песней произошел интересный эпизод. Возвращавшаяся с собрания группа дружинников столкнулась с двумя казаками. В короткой схватке казаки были разоружены, у них были отобраны и нагайки. На следующем собрании Евлампий Дунаев запел песню «Нагайка», дирижируя настоящей казацкой нагайкой. Это вызвало общее веселье, остроты по адресу опростоволосившихся казаков и смех. В этот день «Нагайку» пели с особым воодушевлением.

Часто пели «Машинушку». Песня заканчивалась гневными пророческими словами:

Но страшись, грозный царь!
Мы не будем, как встарь,
Терпеливо сносить свое горе.
Точно в бурю волна,
Просыпаясь от сна,
Люд рабочий бушует, как море.
Твой роскошный дворец
Мы разрушим вконец!
И лишь пепел оставим от трона,
А порфиру твою мы отнимем в бою
И порежем себе на знамена!
Фабрикантов-купцов,
Твоих верных сынов,
Мы, как тучи, развеем по полю,
И на место вражды
Да суровой нужды
Установим мы братство и волю!

В этих боевых песнях революции рабочий люд черпал энергию, упорство и волю к борьбе, веру в неизбежную победу рабочего дела.

Политико-воспитательная работа парторганизации не ограничивалась дневными, открытыми митингами на берегу Талки. По вечерам, а иногда и поздно ночью устраивались для более узкого круга партийных и беспартийных активистов конспиративные собрания в лесу, у костра, где слушались доклады по политическим и общественным вопросам. На этих собраниях обычно присутствовали все партийные руководители, и в оживленном обмене мнениями незаметно проходила ночь.

Власти не могли не замечать этого. Они понимали, что на Талке в течение долгого времени ведется противоправительственная агитация. И они решили положить конец этому путем расправы со стачечниками.

2 июня было расклеено постановление губернатора, согласно которому собрания рабочих на Талке категорически воспрещались...

Власти сбросили маску «третьей стороны» в «споре» рабочих с фабрикантами и заводчиками и запрещением собраний пытались разбить нашу сплоченность и организованность.

Состоялось конспиративное собрание депутатов и партийных работников, на котором решили, несмотря на запрещение, все же собраться в обычное время на Талке. Об этом решении было устно передано бастующим. Перед собранием, утром 3 июня, дружинниками была произведена разведка леса, окружавшего место собрания бастующих; были обнаружены в разных местах в засаде большие группы казаков и драгун. Часов около 11 у опушки леса, близ лесной сторожки, на противоположной обычному месту собраний стороне Талки, собралось около трех тысяч рабочих. Все сидели на земле и ждали, когда подойдут остальные, чтобы открыть собрание. Люди продолжали прибывать.

Но вот со стороны станции показался большой отряд казаков с полицмейстером Кожеловским во главе. Собравшиеся продолжали спокойно сидеть, зорко наблюдая за движением казаков.

Казаки подъехали к небольшому мостику, перекинутому через Талку. После минутной остановки у моста они быстро двинулись через него. Переправившись через реку, казаки снова на минуту остановились. На попытку некоторых членов Совета повести переговоры полицмейстер ответил ругательствами и угрозами. Он три раза подряд крикнул: «Расходись! Расходись! Расходись!», в этот же момент скомандовал: «Казаки, вперед!» — и сам первый ринулся на толпу. За ним, пришпорив лошадей, с криком и гиканьем устремились казаки.

Люди уже были на ногах и стали отступать, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее и наконец лавиной бросились в лес по разным направлениям. Бóльшая часть двинулась к линии железной дороги. Мы, депутаты, пробовали остановить этот стихийный поток, так как в лесу можно было не без успеха сопротивляться конным казакам. Но дикий вой, ругательства и гиканье пьяных казаков производили свое действие. По отступающим казаки дали несколько залпов из винтовок...

Я каким-то образом очутился в толпе тех, которые двигались к железнодорожным путям. С чувством огромного озлобления я вместе с другими товарищами принялся собирать камни на линии железной дороги, намереваясь организовать сопротивление шайке негодяев. Казаки продолжали стрелять по бегущим через железнодорожную насыпь, «снимая» их оттуда пулями; бегущих охватила паника, и я понял, что сделать ничего нельзя, что нужно уходить. Примкнул к группе товарищей, направлявшихся в лес, влево от железной дороги. Шли мы лесом долго, пока не добрались до сторожки, находившейся на довольно большом расстоянии от Талки.

В сторожке уже было несколько человек. Мы вошли, чтобы попросить напиться. Но находившийся в это время на дворе сторож вдруг вбежал в сторожку и схватил со стены револьвер. На сторожа в один момент набросились несколько человек и обезоружили его. Он смотрел на нас зверем. Мы вначале думали, что он принял нас за грабителей, и начали ему объяснять, кто мы, сказали, что ничего худого ему не желаем и не сделаем. Но он продолжал смотреть на нас враждебно, и мы пошли дальше. Шли опять долго лесом, пока не пришли в село Богородское. Там встретили нескольких товарищей и, немного отдохнув, направились в город... В этот же вечер разгромлено было несколько винных лавок, порвано много телефонных и телеграфных проводов. На улицах валялись вывороченные телеграфные столбы. Телеграфное и телефонное сообщение было прервано. Толпы озлобленных рабочих избивали попадавшихся им полицейских.

Было ясно, что для вооруженного выступления рабочих, доведенных до крайности зверским расстрелом, недоставало только оружия. В городе носились слухи о большом количестве убитых и раненых, и всюду слышались ругательства и угрозы по адресу виновников дикой расправы с бастующими...

Самойлов Ф. Н По следам минувшего
М., 1954, с. 63—75, 77—78

А. Г. Шляпников

1905 ГОД В МУРОМЕ [1]

(Из воспоминаний)

I

Вести о рабочей демонстрации в Питере, о расстреле рабочих 9 января докатились до Мурома сравнительно быстро. В половине января мы уже имели печатные и гектографированные прокламации, разъяснявшие смысл совершившихся событий. Имели мы и письмо попа Гапона, проклинавшего царя, и много других изданий. Распространить их удалось по всем фабрикам и заводам. Благодаря оставшимся от 1903 года связям среди прядильщиков и ткачей мне удалось особенно успешно развить агитацию на фабриках. Впечатление от питерских событий было ошеломляющее... Почва для массовой агитации была весьма благодарная. На бумаготкацкой фабрике работало тогда 1000—1200 человек. Рядом на прядильной «Товарищества Суздальцева» работало человек 200—250. На первой фабрике у нас была очень хорошо поставлена кружковая работа. Вторая фабрика также находилась под влиянием передовых рабочих и работниц с бумаготкацкой.

Кружок ткачей, из которых я запомнил лишь одно имя — Кольцова, состоявший из испытанных пролетариев социал-демократов, решил вести агитацию за стачку протеста против расстрела рабочих царским правительством 9 января. Однако остановить фабрику и вовлечь всю рабочую массу (особенно работниц) в политическую стачку товарищи не решались и задумали выставить кое-какие требования, чтобы на этой почве легче объединить работниц. Стачку решили приурочить к 9 февраля, чтобы и этим числом подчеркнуть политический характер выступления.

На совместном свидании мы разработали маленькую программу требований, как-то: 1) увеличение заработной платы; 2) проведение и соблюдение 9-часового рабочего дня; 3) постройка бани и ряд других, менее существенных. Но все эти требования носили в данный момент второстепенное значение.

Стачку удалось действительно вызвать 9 февраля, а через несколько часов присоединилась к ткацкой и соседняя прядильная фабрика. Товарищи ткачи послали гонца за мной, но сметившая полиция силою не подпускала меня к фабрикам. Когда же я попытался пойти в обход и обмануть полицейские дозоры, меня на Спасской горе поймали, побили и силой вернули в город...

[1] Публикуется с сокращениями по одноименной брошюре автора, впервые напечатанной в 1923 году. *Ред.*

Стачка проходила довольно бурно. Рабочие устраивали шествия по городу, пели рабочие песни, кричали «долой». Стачка длилась ровно три дня, и на четвертый все рабочие встали на работу. Настроение рабочих было повышенное. Спустя некоторое время администрация фабрики отплатила рабочим за забастовку, уволив человек десять наиболее развитых пролетариев.

На Валенковском и Торском заводах социал-демократическая работа в это время велась слабо. Кажется, в том же феврале удалось поступить на работу и мне, опять на завод П. Ф. Валенкова. Среди старых знакомых... работа быстро двинулась вперед.

Начиная с весны 1905 года наши ряды пополнились следующими рабочими завода Валенкова: В. И. Разборщиковым, С. П. Бакулиным, И. А. Чернышевым, сверловщиком Платоновым, Ал. Зуевым, А. И. Кирилловым, К. П. Чекушкиным, Н. Волковым, Я. К. Поляковым и другими. Все перечисленные были активные работники организации. Читали же легальную и нелегальную литературу почти все рабочие завода, за редкими исключениями. Вся литература у нас хранилась прямо на заводе. Когда начали выходить газеты либерального и легально-марксистского направления, мы устроили коллективную подписку и выписали ряд газет (кажется, «Товарищ», «Сын Отечества» и т. п.).

Начиная с послеянварских дней, всю весну и лето по городу, его окрестностям, по окружным деревням и селениям производили мы усиленное распространение нелегальной литературы. По деревням урядники, жандармы и кулаки распространяли басни о «поджигателях», об угрозах сжигать деревни, пытаясь таким обманом направить темный люд на распространителей нелегальной литературы. Но эти махинации им не удавались. Литература распространялась в огромном количестве.

1 Мая мы решили отметить товарищеской массовкой в лесу. Не помню, совпало ли это празднование с 1 Мая, или же мы организовали эту массовку в первое майское воскресенье, но все же празднество состоялось. Эта маевка состоялась в Кавардицком лесу и носила исключительно товарищеский характер. Всего участвовало в ней человек сорок рабочих завода Валенкова, бумаготкацкой и Слободской прядильной фабрики, а также несколько студентов-муромлян. Туда же принесли с собою корзину пива. Время провели чрезвычайно товарищески, весело. Разучивали революционные песни, знакомились, обменивались коротенькими речами. Эта маевка осталась совершенно неизвестной жандармскому сыску.

Очень часто весною и в начале лета того года нами устраивались кружковые собеседования в лодках на реке Оке. Нередко эти кружки соединялись в целые флотилии лодок. Примыкала тогда к нам учащаяся молодежь, и по речному простору разносились молодыми голосами задорные мотивы революционных песен. Полиция бегала по берегу реки, но пуститься усмирять нас по воде не решалась.

Настроение рабочих, а также и окрестных крестьян с каждым

днем становилось все более и более антиправительственным, антицаристским. По окончании работ на фабриках и заводах рабочие частенько затягивали революционные песни. Это демонстративное пение приняло столь массовый характер, что полиция уже не могла вмешиваться и запрещать. Она находила для себя более благоразумным не вмешиваться.

Одновременно с появлением теплой погоды и зеленых лужаек начали свою просветительную работу наши социал-демократические кружки. Для руководства занятиями в кружках были привлечены местные студенты и курсистки. Учащаяся молодежь относилась к этой работе очень серьезно, стремясь совершенствоваться в марксизме. Рабочие кружки посещались охотно. Однако рост революционных настроений заставлял нас перейти от кружковой и воспитательной работы к боевой деятельности: к политическим демонстрациям и массовкам. Массовки устраивались нами в так называемой «Бучихе», в ее оврагах, а репетиции демонстраций мы имели при выходах с фабрик и заводов.

II

Руководящая группа муромской организации, или комитет, состоял весной 1905 года из пяти—семи человек. В него входили рабочие завода Валенкова: М. И. Иванов, модельщик, студент-практикант С. И. Гуреев и пишущий эти строки; в него же входили: один представитель от кружка рабочих бумаготкацкой фабрики, один — от кружка Слободской мануфактуры. Кроме того, в порядке связи с Кулебаками, на правах членов комитета, считались у нас товарищи А. В. Крисанов (умер в 1905 г.) и Курятников.

В начале лета наша партийная деятельность была омрачена чрезвычайно тяжелыми событиями на Кулебакском горном заводе. Очень живо помню, как приехал к нам в город А. В. Крисанов и убитым голосом поведал нам о том, какой необыкновенный погром имел место в Кулебакском поселке. С весны того года в Кулебаках начались пожары (от которых выгорало по нескольку маленьких домишек), всегда наносившие большой ущерб рабочим-квартирантам. Пожары происходили от поджогов. Поджигателями были сами мелкие домовладельцы, прельщавшиеся получением высокой страховой премии.

Чтобы отвести от себя всякие подозрения в столь гнусном деле, домовладельцы начали распространять слухи, что поджигают революционеры, желающие этим путем вызвать рабочих на бунт. Полиция, знавшая истинных виновников бедствий, все же поддерживала и сама клевету на революционеров, желая этим путем убить социалистическую агитацию.

Кажется, в начале июня произошел в Кулебаках очень большой пожар, от которого выгорело около трети всего жилья. Домовладельцы, кулаки, торговцы и полицейские, подговорив наиболее отсталых рабочих, учинили жестокий самосуд над наиболее сознательными рабочими завода, обвиняя их в поджогах. Много товарищей было избито, несколько убито. Некоторые спаслись только

тем, что скрылись бегством в леса, где и проживали по нескольку дней. К сожалению, наша организация ничего не могла сделать, чтобы вовремя помочь товарищам. Даже о самом погроме нам сообщили уже на другой день после него.

В это время организация была достаточно крепкая и располагала своими техническими средствами для размножения — гектографами. Гектографы частью мы делали сами, а один или два были привезены из Москвы. Один, я помню, получили тогда от М. И. Гундобиной. На них мы размножали прокламации местного характера, воспроизводили и получаемые из центра, а также революционные песни, спрос на которые был чрезвычайно высок.

Все это время наша организация была связана с Нижним Новгородом и Сормовом. Оттуда приезжали к нам товарищи с литературой. Никакой губернской социал-демократической организации во Владимире тогда не было, она возникла значительно позднее, в конце 1905 года.

В июне по всему нашему району была развернута агитация за устройство демонстративного выступления в день полугодия январских событий в Питере. Были устроены предварительные массовки, на которых обсуждалось политическое положение страны и одновременно характер подготовлявшегося выступления. Общее мнение сводилось к тому, что в городе никаких выступлений не делать, а попытаться организовать загородное собрание членов партии, сочувствовавших ей рабочих и интеллигенции. Выбор места и все практические меры по организации общего собрания возложили на комитет. Фактически проведение всей работы выпало на двоих: С. И. Гуреева и меня. За рекой Окой, в лугах, мы облюбовали местечко. Для сходки наметили ближайшее к 9 июля воскресенье...

В конце июня или в начале июля приехал в Муром М. И. Лакин, участвовавший в знаменитой иваново-вознесенской стачке и попавший за это под суд и освобожденный под надзор полиции, с обязательством жить на родине. Лакина в районе еще не знали, и мы решили использовать его, как одного из участников крупной стачки, для ознакомления членов организации с борьбой и предполагали устроить на сходке живое обсуждение волновавших нас тогда политических вопросов.

О месте собрания мы предупредили товарищей за сутки, назначив сбор в 4 часа дня в воскресенье 10 июля. Погода была весьма благоприятная. К назначенному часу берег той стороны Оки оживился. На ту сторону потянулись рабочие и граждане, в одиночку и группами, в лодках и на пароме. К назначенному часу на лужайке, среди кустарников и стогов сена, собралось более 300 человек. Принесли заранее приготовленный длинный шест и водрузили на нем красное знамя, обшитое каймою в знак печали по жертвам 9 января.

Местная полиция и жандармерия также приготовились. Наши дозоры сообщили нам, что полиция уже с 2 часов дня находилась скрытой в холерных бараках-барже. Когда открылось собрание,

я пригласил несколько товарищей, имея намерение поставить дозорную и патрульную связь и наблюдение. Едва мы успели уйти в кусты, как слышим позади нас раскаты «ура». Повернулись назад, и нам представилась живописная картина: на собравшихся несколько сот человек бежала группа полицейских десятка в два-три, размахивая шашками, крича пьяное «ура».

Внезапное нападение полиции внесло замешательство в ряды мирно сидевших на сходке рабочих. Большая часть бросилась бежать. Полиция прежде всего бросилась на знамя. На защиту красного знамени встала В. О. Окушко, очень малосильная и хрупкая, и, конечно, не могла отстоять его и вместе с ним была взята полицией. Нас, оказавшихся в стороне от сходки, вооруженных двумя револьверами и палками, оказалось человека четыре. Мы быстро решили броситься на выручку и также попытаться внезапно напасть на городовых. Наш пример нападения на городовых увлек и часть бежавших товарищей. Прежде всего мы отбили арестованную девушку. Пока мы шумели, вырывали из рук городовых В. О. Окушко, рабочие вооружились длинными кольями и в свою очередь бросились на полицию, видя, что последняя превышает нас числом и обнаруживает намерение окружить нас.

Против полиции со всех сторон пошло наступление рабочих с кольями. Полиция обнажила свои шашки, но они оказались намного короче рабочих кольев и не годились для битвы. Попытались открыть стрельбу из револьверов, но мы в свою очередь дали ряд выстрелов, показав этим, что готовы на огонь ответить огнем же. Стрельба внесла большое озлобление в наши ряды, и рабочие ответили дружным натиском на полицию. Полиция была опрокинута, побежала, а главный руководитель, помощник исправника Войтас, был нами взят в плен. Кое-кто из городовых, а также и пристав получили удары кольями. Войтаса также потрепали. Мне пришлось употребить некоторое усилие, чтобы оградить его от самосуда демонстрантов. Потребовали возвращения красного знамени, но оно уже было отправлено в город.

После разгрома полиции наша сходка стала еще более многочисленной. Стрельба, пение, шум — все это привлекло к нам бывших в лугах крестьян и горожан. Разбив полицию... победные и ликующие, с революционными песнями, мы двинулись по берегу к парому и лодкам, чтобы всем скопом перебраться в город. Подойдя к берегу, мы вынуждены были задержаться, ибо наши враги предприняли ряд хитростей: отрезали нам сообщение с городом, уведя все паромы и оттолкнув от берега все лодки. Пришлось перетягивать на эту сторону паромы.

На городском берегу толпился народ. Вести о рабочей демонстрации, а также о схватках с полицией стали известны всему городу. С некоторых возвышенностей города были видны наши схватки. Поэтому наша демонстрация, наше возвращение в город было буквально триумфальное. Учащаяся молодежь, интеллигенция, рабочие, крестьяне и любопытные обыватели образовали

толпу тысячи в две-три человек. В город вошли «Воеводской горой» с пением «Марсельезы», «Дубинушки» и других революционных песен. Полиция плелась в хвосте. Во главе же демонстрации шла вооруженная револьверами и палками рабочая молодежь.

Когда голова демонстрации взошла на мост через овраг у городской думы... полиция, получив подкрепление, решила отрезать головную часть от шедшей массы муромских граждан. Мы решили ликвидировать эту попытку полиции. Быстро повернулись назад и палками погнали полицию с моста. Раздались выстрелы, сначала со стороны полиции, а затем затрещали в ответ и наши «бульдоги», которых у нас было тогда всего штук пять-шесть. Однако трескотня получилась весьма внушительная. Шедшая за нами толпа поспешила укрыться и разбежалась. Буржуазные и поповские элементы города впали в панику. Все любопытные поспешили закрыть окна, ворота и двери домов. С улиц скрылись все купеческие и извозчичьи повозки. Полиция также разбежалась. Отстававших полицейских наши пролетарии погоняли стрельбой и палками...

Для развития партийной работы наша демонстрация имела огромное значение. Факты разгрома рабочими полиции, пленение «самого исправника» передавались из уст в уста по всей округе, революционизируя полупролетарское население деревень и сел. На нашу организацию после этой демонстрации обратили большое внимание и партийные центры: Нижний и Москва. Нижегородский комитет поддерживал с нами связи по традиции, а московская окружная организация повела в своем роде конкурентную работу. Мы охотно принимали помощь от той и другой, но ближе всего нам были рабочие-сормовичи, наезжавшие к нам в район. Московская же окружная обслуживалась интеллигентскими силами, по своему удельному весу не выше сормовских рабочих, прошедших суровую школу подпольной работы на крупном заводе и умевших лучше подойти к рабочим, чем те.

Известия о нашей удачной демонстрации распространились далеко за пределами нашего района. Из многих мест мы получали радостные приветствия и пожелания подражать нашим выступлениям. После этого события партийная организация начала быстро расти в численности...

К обыскам и арестам жандармы приступили уже спустя неделю. У Лакина, Окушко и у меня обыски производились в субботу 16 июля. День был рабочий, и я был на заводе. Относительно обыска меня предупредили по телефону. Дома я ничего не хранил. Склады литературы у нас были на заводе, а поэтому я и не торопился домой. Скрываться или переходить на нелегальное положение, как предлагали мне товарищи, я не хотел и пошел на обыск. Вся наша улица была под полицейским оком, а маленькая хибарка, в которой я жил, и двор были переполнены жандармами. Решили обыскать и меня. Все карманы моей блузы обшарили, ничего не нашли. Нужно было обыскать у меня в сапогах. Жандармский подполковник Сомов предлагает произвести осмотр

в моих сапогах. Я сажусь и протягиваю ему ногу, предлагаю снять и обыскать. Подполковник возмущается, ворочает своими усами и тупыми бычьими глазами, говорит об оскорблении, которое я наношу жандармскому мундиру. Унтера, окружавшие подполковника, решили ему помочь и предложили свои услуги, но я не соглашался предоставить им свои сапоги, а подполковник Сомов также не позволил им пятнать честь своего мундира снятием сапог у рабочего. Так и остались мои сапоги необысканными.

Окна были выбиты полицией. Моя мать рассказывала мне впоследствии, что она видела и переодетого городового, но не хотела мне сказать об этом, опасаясь с моей стороны каких-либо, по ее мнению, необдуманных шагов...

После обыска меня пригласили на допрос в жандармское управление и арестовали. Вечером направили в местную тюрьму. Жандармерия и прокуратура начали производить дознание по делу о «вооруженной демонстрации в городе Муроме»[1].

Двадцать лет рабочей организации РСДРП—РКП(б). Гор. Муром, Кулебаки, Выкса. М.—Пг., 1923, с. 91—102

---

[1] А. Г. Шляпников был осужден на два года крепости без зачета 13 месяцев предварительного заключения. *Ред.*

С. Р. Заводовский

ДОНБАСС В ОГНЕ

I

В феврале 1905 года на Щербиновском руднике вспыхнула организованная социал-демократами забастовка. Началась она мирно. Дня за три до ее начала состоялось конспиративное заседание всех трех кружков социал-демократической щербиновской организации. Было решено создать забастовочный комитет из представителей отдельных участков подземных работ шахты и поверхностных работ.

В его состав вошли социал-демократы Никифор Дараганов, Василий Калашников, Росковский, Лесовой, Пантелей Постыльняк, Михаил Демидов, Егор Пискарев, Никифор Обищенко, автор этих строк и другие. Председателем забастовочного комитета избрали Мусиенко Ефима Антоновича. Выработали требования к администрации из 32 пунктов, преимущественно экономического характера: 8-часовой рабочий день, установление в шахтах трех рабочих смен, увеличение заработной платы, отмена штрафов, упразднение подрядчиков, улучшение жилищ, страхование от увечий за счет шахтовладельцев и др.

16 или 17 февраля депутаты комитета пошли к директору. Он депутацию не принял и передал через инженера:

— Вы бунтовщики, начинайте работать, тогда мы рассмотрим ваши требования.

Забастовочный комитет решил погасить два котла из трех. Оставлен был котел, дающий пар на камерон, откачивающий воду из шахты. Взята под контроль вентиляционная система шахты.

20 февраля комитет еще раз отправил делегацию к директору. Тот снова не пожелал разговаривать с представителями рабочих.

Депутаты вышли из конторы и направились на базарную площадь, на ожидавшее их собрание. Из проходных ворот внезапно появились казаки и начали сечь рабочих нагайками, топтать конями, колоть пиками. Ошеломленные неожиданностью нападения, шахтеры бросились врассыпную. Кто-то заскочил в кочегарку, открыл клапан гудка. Гудок гудел во всю свою механическую грудь, разносил тревогу. Многие депутаты укрылись в здании ствола центральной шахты, другие бросились под вагоны, стоявшие на весах под нагрузкой. В этот момент заиграл рожок, казаки стремительно помчались обратно в ворота. Один из них, чубатый, настиг меня под вагоном и ударил пикой. Однако все делегаты, окровавленные,

испачканные угольной пылью, явились на базарную площадь...

...Если бы директор Бах не вызвал своим злонамеренным поведением гнев рабочих, а казаки не напали на них с нагайками и пиками, возможно, забастовка приняла бы иной характер. Но, получив наглядный урок, мы ясно поняли, что без суровой схватки шахтеров с царским охвостьем не обойтись.

Созрела необходимость строить баррикады. У линии железной дороги были сложены в штабеля шпалы. Соорудили из них баррикады, перегородили два переулка.

Показалась толпа, двигавшаяся от верхнего поселка. Когда она приблизилась, все узнали черносотенцев с их предводителем религиозным фанатиком рябым Гарбузом. Они направились к магазину «Оборот» наследников Абрамовича и разбили витрину.

Дружина рабочей самообороны, возглавляемая Сергеем Харламовым, очень быстро заставила их бежать. Кое-кто из погромщиков успел несколько раз выстрелить.

На собрании-митинге выступили Егор Пискарев и я. Не успели мы сойти с импровизированной трибуны, как со стороны Народного дома показалась рота солдат Литовского полка, держа наперевес винтовки. У магазина «Оборот» рота остановилась. Впереди — пристав Шервуд и капитан Янчицкий, размахивая саблями, кричали:

— Разойдись!

Вслед за пехотой показались казаки во главе с сотником Балабиным.

Из наших рядов вышел Никифор Обищенко.

— Братья солдаты, казаки! — обратился он к войскам.— Это черносотенцы с босяками камнями разбили окна магазина, они стреляли из револьверов. Мы требуем только свое — пусть улучшат нашу подневольную шахтерскую жизнь...

В этот момент раздались два залпа, потом еще несколько залпов. Упали наповал убитые Никифор Обищенко и Трохов. Слышались стоны и крики раненых...

Обстановка накалилась... Только меньшевиствующие интеллигенты в то время сохранили веру в возможность добиться справедливости при царской власти. Депутаты Росковский и Лесовой не придумали ничего лучшего, как послать телеграфную жалобу министру внутренних дел: «На руднике пехотой и казаками ранено 12 рабочих, убито 2 и одна женщина. Просим расследовать».

Екатеринославский губернатор Нейгарт о результатах расследования писал министру внутренних дел Булыгину:

«Предварительное следствие при мне начато прибывшим вместе со мною следователем по особо важным делам немедленно. Арестовано 164 участника беспорядка. Порядок был быстро восстановлен: рабочие Щербиновского рудника немедленно приступили к откачиванию воды из шахт»[1].

[1] Начало первой русской революции. Январь — март 1905 г. Сборник документов. М., 1955, с. 437. *Ред.*

5 Заказ 4835

Итак, в итоге «расследования» арестовали 164 человека на двух рудниках — Щербиновском угольном и ртутном Ауэрбаха. В их числе — П. Постыльняка, В. Калашникова, Палечного и автора этих строк. Видно, боясь новой вспышки, полиция вскоре освободила нас, ограничившись допросом.

Планом проведения забастовки не предусматривалось затопление шахты. Но когда казаки устроили погром, избили депутатов, кочегары покинули свои места, давление в котле упало, насос перестал работать, вода начала затоплять квершлаги и шахтный двор. Когда рабочие об этом узнали, то развели огонь под котлами. Через несколько часов котел начал давать пар, заработал насос.

Вскоре после расстрела рабочих на Щербиновский рудник приехали большевики Григорий Иванович Петровский, П. А. Моисеенко, Наум Дубовой. На состоявшемся в балке, близ Щербиновки, собрании членов социал-демократических кружков и сознательных рабочих Григорий Иванович призывал активнее вступать в боевые дружины, Моисеенко рассказал об опыте революционной борьбы иваново-вознесенских ткачей и о развитии революционного движения в России.

После отъезда Г. И. Петровского и П. А. Моисеенко вскоре на Щербиновский рудник для руководства партийной организацией от Екатеринославского комитета приехали тов. Лука (Яндовский) и его жена Женя. По их совету дружины самообороны были перестроены в боевые дружины. Первой дружиной командовал Пантелей Макарович Постыльняк, второй — Иван Гаврилович Гордиенко. Начали регулярные занятия по военному делу. Вести занятия поручили Тимофею Харламову и прибывшему на рудник революционеру, которого мы знали под именем Моисея.

О них хочется сказать особо. Тимофей Харламов появился на руднике в конце 1904 года. Ходил он в старой солдатской шинели, любил рассказывать о разных случаях из солдатской жизни и всегда подчеркивал казнокрадство, трусость, пьянство офицеров и высших командиров. Его не раз арестовывали.

Тов. Тимофей всегда был в окружении ребят. Они любили слушать его увлекательные сказки, разные истории. Иногда он строил ребят в колонны, учил солдатскому строю, маршируя во главе своего «войска» по улицам. А через некоторое время, глядишь, он уже среди женщин ведет речь против религии, уговаривает их не давать денег на постройку храма.

Тов. Моисей до приезда на Щербиновский рудник жил в Таганроге и Ростове. Оттуда он привез четыре берданки. Он хорошо стрелял из револьвера.

Мы искренне любили этого вдумчивого человека за его разносторонний ум, юношескую живость характера и неукротимую ненависть к капитализму, ко всему, что угнетает человека.

Учиться стрелять мы ходили к реке Кривой Торец. Наш «полигон» располагался в узкой долине речки у левого берега.

Вооружению дружин помогло одно из обращений Екатеринославского комитета РСДРП. Вспоминаю, что в нем говорилось:

«Помогите пролетариату вооружаться. Он вооружается для борьбы с самодержавием, для борьбы с темными силами, преследующими свободную мысль, свободное слово».

К каждому воззванию были приложены подписные листы. По этим подписным листам наши парни — члены социал-демократической организации собирали деньги. Деньги давали рабочие, интеллигенция. На эти средства мы приобретали оружие — револьверы, берданки.

Расстрел забастовавших щербиновцев не устрашил рабочих, наоборот, он вызвал гнев против царского правительства. Шахтеры открыто выражали готовность бороться за свержение самодержавия.

II

Накануне 1 Мая мы с Марусей Ганзуриной разбросали и наклеили на стенах зданий, на заборах первомайские листовки с призывом выйти на демонстрацию.

Маруся — дочь старого шахтера. Их землянка не раз была местом собраний кружка.

Маруся была высокая, красивая девушка, обладала сильным приятным голосом, имела успех в любительских спектаклях в Народном доме.

О Марусе Ганзуриной все рабочие похвально отзывались за ее веселый нрав. Все ее уважали. Она вступила в боевую дружину, участвовала в горловском восстании сестрой милосердия...

Первомайская демонстрация прошла успешно. На месте, где 20 февраля 1905 года была пролита кровь рабочих, где был убит пламенный большевик Обищенко, состоялся митинг.

...Более полутора тысяч мужчин и женщин образовали мощную колонну. Знаменосцы шли впереди. Впервые у демонстрантов в петлицах красовались красные ленты, а в руках — флажки.

...Из квартиры доктора Кавалерова вышел молодой незнакомый человек в темных очках и протиснулся в гущу народа. Там его приподняли, и он звонким, молодым голосом начал речь. Поздравил с пролетарским первомайским праздником труда, рассказал о его значении.

В заключение оратор разбросал первомайские прокламации. Запомнился лозунг, написанный в ее верхнем правом углу: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Под текстом стояла подпись: «Екатеринославский комитет Российской социал-демократической рабочей партии».

Для предупреждения возможных провокаций со стороны черносотенцев боевая дружина в этот день охраняла поселок, шахтные сооружения и коксохимический завод.

III

Забастовочный комитет постепенно превращался в центр всей общественно-политической жизни. Помимо руководства забастовкой он направлял работу боевых дружин, проявлял неус-

танную заботу о вооружении рабочих и охране общественного порядка, об организации культурно-просветительной деятельности...

По инициативе забастовочного комитета на одном из митингов был избран народный суд для борьбы с черносотенцами, погромщиками, темными, невежественными силами, нарушавшими революционный порядок. Председателем народного суда стал Никифор Дараганов, членами суда — Павел Полывелов, я и другие.

Народный суд работал в содружестве с боевиками-дружинниками, которые разыскивали участников черносотенных погромов и предавали их суду.

Изобличенных черносотенцев и провокаторов суд изгонял из Щербиновского и других ближайших рудников.

В отношении нарушителей революционного порядка, совершивших проступки по несознательности, суд применял меры общественного порицания.

К лету роль забастовочных комитетов, которые в дальнейшем стали называться распорядительными комитетами, особенно возросла. Они поистине были прообразом будущих Советов рабочих депутатов. Местные же власти растерялись. Перед активными массовыми выступлениями рабочих они чувствовали свое бессилие и поэтому часто старались самоустраниться.

Осенью щербиновцы получили тревожную весть из Константино-Горловского комитета о том, что на Дружковском заводе арестовали руководителей социал-демократического кружка Смирнова и Семена Никанорова. С последним многие из нас лично были знакомы, не раз встречались... В воскресенье распорядительный комитет собрал боевые дружины. Пришло человек 500 и здесь же при содействии железнодорожных революционных организаций погрузились в вагоны и поехали на станцию Кривой Торец. От телеграфистов узнали, что с Дружковки вышел состав поезда генерала с трудно запоминающейся фамилией, вроде Баухвальд. Он держал путь в Юзовку, куда прибыла и расквартировалась пехотная часть, сосредоточенная в Юзовско-Макеевском промышленном районе.

Поезд генерала на станции Кривой Торец был нами остановлен, а паровоз отцеплен. Руководство боевых дружин потребовало от генерала письменного распоряжения Козлову — полицейскому надзирателю Дружковского завода — освободить Смирнова и Никанорова. Сначала Баухвальд отказывался писать что-либо, а потом под нашим натиском все-таки дал записку. Но при этом пытался пройти к телеграфу, однако наши товарищи не позволили ему телеграфировать о случившемся.

Несколько дружинников отправились на паровозе в Дружковку. Надзирателя Козлова нигде не нашли, он спрятался. Тогда нами была снята охрана, и мы освободили Смирнова, Никанорова и еще троих рабочих.

IV

В конце лета на сельскохозяйственном машиностроительном заводе Оливье, находившемся вблизи станции Железная, состоялась партконференция Донецкого бассейна. Коллектив рабочих этого завода не отличался революционным настроением. Зато успехом здесь пользовались меньшевики. Может быть, поэтому там надзор полиции и жандармов был слабее.

От щербиновской организации делегатами на конференции были пишущий эти строки, Сергей Курочкин и меньшевистски настроенный конторщик Ростковский.

С докладом на конференции выступал приезжий пропагандист. Он был высокого роста, светловолосый, с маленькой бородкой клинышком, в пенсне. Его звали Борисом. Он рассказал о III съезде партии, о разногласиях большевиков с меньшевиками. Участники конференции Ростковский, Александр Филимонов и Григорий Посный не были согласны с решениями съезда. Однако подавляющее большинство делегатов одобрило решения съезда и обязало провести широкую разъяснительную работу в массах о задачах революционеров-большевиков.

Вскоре после партийной конференции по заданию Екатеринославского комитета щербиновцы направили в ближайшие хутора и села нескольких агитаторов, снабженных привезенными из Екатеринослава листовками, призывающими крестьян к захвату помещичьих земель.

Мне и Сергею Курочкину поручили собрать батраков помещика Кащеева и крестьян близлежащих сел. Земли помещика Кащеева находились за линией железной дороги вблизи станции Дылеевка. После митинга группа крестьян вышла с косами в поле. Скосили оставшееся нескошенным поле пшеницы.

Помню, что на этих сходках крестьян мы попеременно читали брошюру В. И. Ленина «К деревенской бедноте».

К концу лета усилилось движение крестьян за раздел земли. В августе появился царский манифест о созыве булыгинской Государственной думы. Царское правительство поспешило закончить войну с Японией...

Великие, незабываемые дни. Сборник воспоминаний участников революции 1905—1907 годов. М., 1970, с. 143—149

П. Мурашев

СТРАНИЧКА РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НА УРАЛЕ В 1905 ГОДУ

НАЧАЛО 1905 ГОДА

Как-то в феврале 1905 года ко мне заехал Н. В. Петухов и привез неприятное известие: Добрынина опять арестовали. Петухов в нашем кружке не состоял, но был «сочувствующим». Это был невысокий и плотный, бородатый многосемейный человек с живыми умными глазами. Он служил приказчиком в магазине своего дяди, много читал и сам пописывал стихи. Некоторые из его стихотворений были напечатаны в уральских газетах. В длинные зимние вечера, случалось, мы просиживали с ним за полночь в разговорах о политике и литературе.

Просидев с Петуховым до полуночи, мы решили прокатиться на его лошадке, стоявшей у ворот. Ночь была морозная, звездная. Улицы заводского поселка устланы и мертвы. Один завод, по обыкновению, гудел, шумел и скрежетал. Пылала синеватым пламенем доменная печь.

Проезжая около арестного помещения, в котором был заключен Добрынин до отправки его в екатеринбургскую тюрьму, мы не могли отказать себе в удовольствии запустить кирпичом в окно квартиры урядника, находившейся рядом с арестным помещением... В нас горело чувство мести к насильникам, вырвавшим из наших рядов энергичного товарища. Через Добрынина мы были связаны с екатеринбургским партийным центром, и с его арестом связь эта обрывалась.

Добрынина отправляли через день по новой железной дороге в товарном поезде; это был чуть ли не первый поезд из тех, которые изредка начали ходить по начерно законченному рельсовому пути, связавшему Надеждинский завод с «культурными центрами». Пользуясь возможностью ехать по железной дороге, я решил съездить в Екатеринбург в надежде по дороге увидаться с тов. Добрыниным.

Затруднение было с получением разрешения на проезд, так как частным пассажирам ездить еще не разрешалось. Но при содействии директора завода инженера Хренникова мне удалось получить разрешение, и я отправился в том же поезде, в котором везли Добрынина, но только в другой теплушке.

Добрынина охраняли два дюжих жандарма. На одной из станций один из телохранителей вывел арестованного «до ветру», и мне удалось перемолвиться с ним несколькими фразами:

— В книжном магазине Куренщикова спросишь № 107 «Наша жизнь». Это пароль для явки. Остальное ясно... Кстати, узнай, не связан ли мой арест с провалом партийной организации. Если нет, то меня, видимо, скоро освободят, так как улик у жандармов никаких нет.

Поезд по новой дороге тащился медленно и несколько раз сходил с рельсов. Но все же мы добрались до Гороблагодатской, а отсюда уже по Уральской железной дороге до Екатеринбурга было несколько часов езды.

С трепетом я шел в книжный магазин: мне представлялась возможность войти в непосредственное общение с партийной организацией. В книжном магазине была публика, и я стал рассматривать литературу. За прилавком находились две женщины — одна постарше (как я узнал позднее, К. Т. Новгородцева) и вторая молодая, с черными глазами и румяным круглым лицом (М. Н. Пинжакова, партийная работница, погибшая впоследствии в ссылке). Улучив момент, когда у прилавка никого не было, я обратился к старшей из них со словами:

— Дайте, пожалуйста, «Нашу жизнь», 107-й номер.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Немного подождите, товарищ.

Слово «товарищ» звучало для меня в тот момент, как музыка, как символ единения с партией.

Когда в магазине никого из посетителей не осталось, Клавдия Тимофеевна (имена некоторых товарищей, возможно, за давностью времени я путаю), убедившись из разговора со мной, что я действительно товарищ, сообщила мне, что провала в Екатеринбурге не было и, следовательно, арест Добрынина нужно объяснить местными причинами.

Уезжал я из Екатеринбурга с сознанием исполненного долга, установив с партией необходимую связь. Кстати сказать, в то время РСДРП на Урале находилась под полным влиянием большевиков.

СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

Весна в той части Урала, где находится Богословский горный округ, начинается поздно. Но вот зазеленели леса, со всех сторон окружавшие Надеждинский завод. С весной совпало оживление и в рабочих кругах. Мы пользовались легальными и нелегальными возможностями, чтобы поднять это настроение. Наши прокламации, отпечатанные на самодельном гектографе, теперь уже охотно читались рабочими. Мы распространяли среди них кое-какую имевшуюся в нашем распоряжении литературу. Кроме того, я корреспондировал в «Уральской жизни», сообщая о всех выдающихся фактах местной жизни в соответствующем освещении.

Корреспонденции охотно читались не только интеллигенцией, но и рабочими и давали материал для горячих бесед и споров...

После пасхи в Народном доме удалось устроить несколько собраний с участием рабочих, на которых обсуждались исключительно экономические вопросы.

На одном из этих собраний было решено избрать выборных от рабочих, которые должны были предъявить администрации ряд требований. Заводская администрация, считая, что легче иметь дело с выборными, чем с рабочей массой в целом, препятствий этому не чинила.

Выборные вскоре присвоили себе название Совета рабочих депутатов. В мае 1905 года в Надеждинском заводе существовал уже Совет рабочих депутатов, и это был чуть ли не первый по времени своего возникновения Совет во всей России.

Большинство товарищей нашего кружка были избраны в Совет, и в их числе М. Горшков и Добрынин, к тому времени уже выпущенные из тюрьмы. Благодаря этому вся последующая деятельность Совета протекала под непосредственным руководством тройки (в нее входили Добрынин, Горшков и я).

Рабочая масса охотно поддерживала экономические требования, но политики она чуралась... В числе требований экономических (увеличение заработной платы, улучшение жилищных условий, уменьшение рабочего дня и пр.) были, между прочим, следующие: увольнение со службы доктора Токарева и приведение в надлежащий вид арестного помещения, находившегося в антисанитарном состоянии. Эти требования были включены по настойчивому желанию рабочих. Требование об увольнении доктора Токарева вызвало бурю негодования среди интеллигенции, а требование об улучшении арестного дома дало противникам рабочего движения материал для зубоскальства: прежде всего хлопочут-де об арестантской, считая себя первыми кандидатами в нее.

Администрация воспротивилась увольнению доктора, но это только усилило настойчивость со стороны рабочих... К требованию присоединились угрозы вывезти его на тачке. Доктор вынужден был уехать.

Большинство других требований администрация удовлетворила: рабочие были настойчивы и действовали сплоченно, у администрации же не было реальной силы, чтобы противодействовать им. (В заводе совершенно не было воинских сил, а из полиции имелись полицейский надзиратель, урядник и несколько стражников.)

Успех Совета в отстаивании интересов рабочих поднял его авторитет на необычайную высоту; к нему стали обращаться по всевозможного рода делам, в том числе и чисто судебного харктера.

Президиум Совета вынужден был разбирать споры, тяжбы, драки и пр. и выносить по ним решения, которые тотчас же проводились в жизнь. Так, например, Советом было вынесено постановление о высылке из горного округа нескольких молодых людей, проявивших себя в систематическом пьянстве и хулиганских поступках... И это требование немедленно было исполнено, несмотря на то что Совет не обладал никаким аппаратом для проведения в жизнь своих постановлений. Таков был авторитет его...

1905 год в очерках и воспоминаниях участников. Сборник II. М., 1928, с. 23—26

С. Қасымходжаев

ВМЕСТЕ С РУССКИМИ ДРУЗЬЯМИ

Родился я в 1874 году в городе Ташкенте, в одном из бедных семейств, составлявших большинство населения дореволюционного Узбекистана. Отец мой был кустарем, занимался изготовлением грубых тканей, но потом разорился и стал строительным рабочим. Десяти лет я поступил в мактаб (старую школу), где мы должны были заучивать различные религиозные догмы. Затем я начал учиться в одном из ташкентских медресе; но нашей семье жилось трудно, заработка отца не хватало, поэтому я и мой старший брат Акбарходжа начали помогать отцу, а затем сами стали строительными рабочими. После смерти отца, в 1904 году, мы стали основными кормильцами матери и сестер.

Тяжелый социальный и национальный гнет царизма, помещиков и капиталистов вызывал сопротивление трудящихся масс края. Батраки и бедняки кишлаков, рабочие и кустари городов Узбекистана постепенно поднимались на борьбу против эксплуататоров — «своих» и русских помещиков и капиталистов.

Огромное влияние на развитие освободительной борьбы трудящихся Узбекистана, как и других национальных окраин, оказала революционная Россия. Первая русская революция сыграла большую роль в развитии революционного, национально-освободительного движения на окраинах.

Под влиянием революции 1905 года в Центральной России поднимались на борьбу с царизмом и трудящиеся массы Туркестана. Именно к этому времени относится начало и моей революционной деятельности.

В начале 1905 года мы, группа узбекских рабочих-мастеровых, участвовали в строительстве административного здания Ташкентского железнодорожного вокзала. Неподалеку от нас работали политические ссыльные из русских рабочих и интеллигенции.

Труд наш был тяжелым. Работали артельно, с самого утра до позднего вечера, а получали гроши. Русские рабочие интересовались нашим коллективным трудом и говорили, что это очень важно для совместной борьбы против хозяев. От них мы узнали о начале революции 1905 года в Петербурге.

Один из политических ссыльных, большевик по имени Иван, тайно вручил мне программу РСДРП, принятую II съездом партии, и листовку, призывающую к борьбе с царизмом. Я передавал своим

товарищам на родном языке содержание этих документов и вел революционную агитацию среди местного населения.

Летом развернулись забастовки и политические демонстрации ташкентских рабочих, в которых участвовали и трудящиеся местных национальностей.

В июле начались волнения среди рабочих мастерских Среднеазиатской и Оренбург-Ташкентской железных дорог. 16 июля, с 8 часов утра, рабочие бросили работу и стали собираться на вокзале. Пригласили и нас, узбекских строителей, присоединиться к демонстрации. И мы пошли вместе с русскими товарищами.

Сотни демонстрантов с красными знаменами двинулись по главным улицам Ташкента. Только после натиска казачьих войсковых частей демонстранты вернулись обратно на вокзал с возгласами: «Долой царских палачей!», «Долой самодержавие!»

Царская администрация жестоко преследовала участников демонстрации, они вынуждены были на время скрыться. Арестовали нашего друга, рабочего Николая. Полиция пыталась арестовать и меня, но я успел скрыться и уехать в Бухару. И в Бухаре я вел беседы среди трудящихся масс о революционных событиях 1905 года. Царская охранка неоднократно устраивала обыски в моей ташкентской квартире и с угрозами требовала от моей матери указать, где я нахожусь. Но мать каждый раз отвечала, что она не знает, где ее сын.

Только спустя три года, в 1908 году, я сумел вернуться в Ташкент, где наряду с русскими друзьями участвовал в революционном движении, в героических битвах Октября и в борьбе за упрочение Советской власти в Туркестане.

Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане. Сборник статей и воспоминаний. Ташкент, 1955, с. 127—128

Н. М. Колузанов

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1905 ГОДА

В незабываемые дни первой русской революции я жил в деревне Медведевка Даниловской волости Аткарского уезда. Крестьяне нашей деревни имели наделы земли, за которые по закону 1885 года вносили выкупные платежи. В окружающих же селах жили барские крестьяне. На лучших землях разместились поместья помещиков. Особенно выделялось имение графини Е. Воронцовой-Дашковой, которая владела несколькими десятками тысяч десятин земли, а крестьяне страдали от малоземелья.

Из города к нам часто приезжали ораторы, привозили нелегальные брошюры и листовки. В лесу, оврагах по ночам проводили митинги. Под влиянием городских агитаторов мы стали открыто выражать свой протест против существующих порядков. Весной 1905 года в помещичьих имениях начали самовольно косить траву и увозить сено по домам. Урожай в предыдущем году был хороший, много необмолоченного хлеба осталось лежать в скирдах до весны, по ним загулял «красный петух». У попа Виддина крестьяне сожгли четыре десятины хлеба.

1 Мая провели хорошо организованную массовку, после чего к нам в деревню прибыла для наведения порядка команда жандармов. А в конце мая приехал и сам губернатор Столыпин в сопровождении усиленного конвоя казаков. Сельский старшина угодливо встретил губернатора с хлебом-солью. Собрали сход, Столыпин строго-настрого приказал не повторять больше незаконных действий, угрожая расправой.

Но угрозы Столыпина не помогли. В июле крестьяне развезли хлеб с полей помещицы. Стражники открыли стрельбу. Двоих крестьян поймали, высекли и отправили в тюрьму.

Вскоре опять приехал Столыпин с сотней вооруженных до зубов казаков. Губернатор приказал собрать сход крестьян и оцепить его казаками. Адъютант губернатора по заранее заготовленному списку называл крестьян, а казаки отводили их в специально отведенное для этого помещение.

Из 70 человек, числящихся в списке, арестовали 45, остальных на сходе не было. Через несколько дней схватили и остальных. Арестованных отправили в аткарскую тюрьму...

Революция 1905—1907 годов. Документы и материалы М., 1975, с. 248—249

А. Н. Черкунов

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ СРЕДИ КРЕСТЬЯН НА ЮГЕ РОССИИ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

(Из личных воспоминаний)

...В начале июня 1905 года я попал с одним партийным товарищем в одну из деревень Тираспольского уезда Херсонской губернии, где собирался прожить все лето. Отправляясь в деревню, я запасся достаточным количеством революционной, будирующей сознание, литературы, издававшейся тогда в достаточном количестве и нелегально и легально, подписался на несколько центральных и местную прогрессивную газету (кажется, она называлась «Южное обозрение») и поставил себе целью начать на свой страх и риск работу среди крестьян. Исподволь я приучил крестьян ежедневно после окончания работ в поле, а в воскресенье по утрам собираться около моей хаты и слушать, что пишут в газетах. Заранее выбирая наиболее интересные места газет, я прочитывал их, и затем мы с товарищем, комментируя их, постепенно подходили к разъяснению тех или иных вопросов, связанных с жизнью и всем благополучием крестьянина. Постепенно доверие к нам росло, и число наших слушателей увеличивалось. Естественно, что, для того чтобы непосредственно злободневными вопросами заинтересовать крестьянство, мы уделяли довольно много времени местным вопросам и местным взаимоотношениям. Но в конце концов каждый местный вопрос мы старались обобщить и увязать его с вопросами политического бытия и политического бесправия. И 9 января 1905 года в Петрограде, как непосредственно близкая нам по времени дата революционного действа, и целый ряд исторических революционных актов, и реформа 1861 года — все служило предметом нашего собеседования. Здесь не было строгой программы кружковых занятий, и не было, конечно, не случайно, а умышленно: нужно было революционизировать темную массу, открыть ей глаза на то, что творится вокруг, довести до сознания ненужность и вредность самодержавия, а тогда уже, быть может, начать планомерное революционное образование по определенной программе. Несомненно, что местные полицейские власти уже заметили нас; мы это чувствовали, но отступать не хотели. Правда, в этом районе меня знали уже в продолжение нескольких лет, так как почти все последние годы я проводил здесь каникулы у своих знакомых или родственников. Может быть, поэтому полиция нас не трогала, не придавая большого значения нашим собраниям. А между прочим, это было время, когда даже и в наших глухих углах уже чувствовалась ка-

кая-то издалека надвигающаяся гроза. И помещики это чувствовали лучше всех других и постарались на всякий случай обеспечить себя надежной охраной: с разрешения властей они держали у себя в своих усадьбах за свой счет кто взвод, а кто и полуроту драгун. Сами они не отдавали себе отчета в том, что может быть, но... пуганая ворона и куста боится. Боялись такого «куста» и помещики, ибо ждать в нашей мирной, забитой деревне каких-либо серьезных протестов с активными действиями крестьян не было никаких оснований. Так проработали мы около месяца и в результате поняли, что известное революционно-протестующее настроение в деревне создано. Мы предполагали проработать здесь еще некоторое время, а затем двинуться дальше и двигаться до тех пор, пока какие-либо «независящие обстоятельства» не поставят нам преграды. Но завершить свою работу здесь каким-либо практическим актом нам очень хотелось. Правда, мы предполагали, что в результате практического акта может быть и временное изъятие нас, но некоторая надежда на то, что благодаря и личному знакомству моих родственников с урядником, и тому, что он знает меня почти сызмальства, этого может и не случиться, таилась в нас. Так или иначе, но мы решаемся рискнуть, и 29 июня, в праздничный день, так называемый, Петра и Павла, к вечеру мы созываем сход, на который собирается человек 300 крестьян. На сходе мы выступаем с речами, разъясняющими смысл начавшейся в России революции, указываем на роль крестьянства в ней и т. д. и призываем к борьбе с царящим произволом помещиков. Борьба намечается пока совершенно легальная: отправиться скопом к соседним помещикам, арендодателям, и требовать от них пересмотра условий аренды и замены их более льготными, такими, которые не сводили бы крестьян на роль только помещичьих батраков, всю свою жизнь работающих на помещиков только за то, чтобы влачить полуголодное существование. В числе принятых сходом основных положений были: 1) *уменьшение платы за аренду земли* (нужно сказать, что установленная самим сходом арендная плата все-таки давала возможность богатеть помещикам), 2) *уменьшение платы за выпас скота и полное уничтожение платы за выпас птицы* (выгоны сдавались здесь в аренду не от числа сданных десятин, а от числа пасущихся животных с определением особой платы за каждую голову, считая даже гусей и уток) и 3) *установление третейских судов между помещиками и крестьянами* для разбора дел, возникающих на почве арендных отношений. В случае неудовлетворения справедливых требований — отказ от работы на помещичьих полях, причем если местные крестьяне, отказавшиеся работать, будут заменены какими-нибудь пришлыми, то первоначально стараться убедить этих пришлых в необходимости отказаться от работы, если же убеждение не подействует, то лишить их возможности работать, отделив и отобрав необходимейшие части у сельскохозяйственных машин. Такая форма забастовки могла бы иметь в наступающее горячее время начала жатвы громадное практическое значение и при достаточной выдержанности

крестьян, несомненно, дала бы блестящие результаты. Выбрана была делегация, которая назавтра и должна была бы отправиться к помещикам. Постановление схода было оформлено, снабжено надлежащими подписями и вручено делегатам. Так началась революция в нашей херсонской деревне.

Мы не успели еще закончить сход, как из соседней деревни, отстоящей верст на пять, приехала делегация с просьбой поехать и к ним составить «приговор».

Закончив здесь, мы отправились туда. Так же как и здесь, слушали нас с напряженным вниманием, боясь пропустить каждое сказанное нами слово. В конце схода, когда мы уже составляли «приговор», произошел небольшой инцидент, сыгравший для нас в этом случае роковую роль: на сход явился один из местных кулаков, немного выпивший, и стал всячески поносить нас, говоря крестьянам, что мы-де подкуплены «жидами», что мы хотим свергнуть царя, что мы не признаем бога и т. п. Долго разглагольствовать ему не дали, и несколько пар дюжих рук куда-то убрали его. Но, как выяснилось впоследствии, он тотчас же отправился за урядником, чтобы сообщить ему, что происходит.

По окончании схода мы отправились восвояси, но не успели мы еще толком рассказать домашним о том, что произошло, как увидели мчащиеся по деревне несколько подвод. Сразу поняли мы, что это за нами. Бежать... Для меня это означало необходимость перейти на нелегальное положение, ибо меня здесь знали, знал и урядник. А переходить на нелегальное положение из-за такого дела не стоило. Товарищ мой мог бы скрыться, но не знаю, почему-то он этого не сделал. Во всяком случае, оба мы остались и через 15—20 минут были арестованы приехавшим в сопровождении 20—25 солдат-кавалеристов урядником. Нам предложили занять места на повозке и куда-то помчали. Потом оказалось, что повезли нас в усадьбу одного из помещиков, где уже был на охране взвод кавалеристов. Там посадили нас в пустую хату, помещавшуюся где-то в районе усадьбы помещика, приставили к нам... восьмерых часовых. Правда, такая не соответствующая случаю охрана объяснялась тем, что в Тираспольском уезде впервые имели дело с политическими, а потому побаивались нас. Около полутора дней просидели мы здесь, узнав на другой день от посланного к нам делегата-крестьянина о том, что рано утром собрался огромнейший сход со всей округи, при этом сход решил скопом идти выручать нас. Представляя себе, что при наличии вооруженной силы у помещика дело окончится, без сомнения, совершенно ненужными жертвами, мы просили передать, чтобы крестьяне этого не делали, говоря, что это для нас же будет хуже. Очень нехотя согласился посол с нашим предложением. Узнали мы еще, что в продолжение двух ночей несколько деревенских хлопцев ждали возвращения урядника, чтобы убить его. Так реагировала деревня на наш арест.

Через полтора дня нас направили в уездную тюрьму с довольно почетным эскортом в четыре кавалериста, стражника и урядника. Проехать нужно было 75 верст. Повезли нас окольными путями,

в стороне от тех деревень, где мы проводили сходы, очевидно, из боязни каких-либо эксцессов. По пути в селе Плоском произошел небольшой инцидент, который послужил нам уроком в нашей будущей работе: оставленные в сельском правлении села Плоского под присмотром двух человек, кажется десятского и сельского писаря, пока сопровождавшие нас урядник и стражник пошли, чтобы распорядиться о перемене лошадей, мы завели разговор с нашими стражами на животрепещущие темы современности, доведя разговор и до вопроса о необходимости свержения самодержавия. И вот тут-то, как только дошли мы до этого вопроса, наши стражи вскочили и, размахивая кулаками, направились к нам, очевидно, не с добрыми намерениями. На наше счастье, в этот момент вошли урядник и стражник и, увидя готовящееся нападение, бросились нам на защиту; затем урядник увел куда-то этих двух горячих молодцов, а потом, вернувшись, предложил нам собираться в самом спешном порядке. Было очевидно, что он боится, как бы не произошло какого-нибудь эксцесса. Когда мы выехали, он объяснил нам, что это очень богатое старообрядческое село, почти сплошь заполненное кулацким элементом. Вполне понятно, что им не понравились наши речи о равенстве, отобрании земли у богатых и т. д. Остальной путь до города Тирасполя прошел без особых приключений.

В Тирасполе нас поместили сначала в уездном полицейском управлении, а затем, недели через три, перевели в уездную тюрьму. Режим в полицейском управлении был более чем хороший. Жили мы в казарме с пожарной частью, так как специального помещения, в котором нас можно было бы держать, не было. К нам допускали кого угодно, в какое угодно время дня и в каком угодно количестве. Целый день проводили мы во дворе управления, конечно, без всякого надзора. Конечно, такой режим установился без всякого участия высшей полицейской администрации, которая к нам совершенно не являлась. Из сообщений приходивших к нам родственников и товарищей мы узнали, что, несмотря на все угрозы приезжавших на место для допроса жандармов, все крестьяне, сговорившись заранее, показывали, что они пригласили нас на сход как грамотных людей, могущих связно изложить их требования; даже тот кулак, который хотел нас дискредитировать на сходе, под давлением крестьян отказался от своего первого показания, в котором он указывал, что мы призывали громить и жечь помещичьи усадьбы, уничтожать сельскохозяйственный инвентарь и т. д. Все складывалось в нашу пользу, и состряпать обвинение по первоначально предъявленной нам статье 129 Уголовного уложения было трудно. В период нашего сидения при полицейском управлении через последнее прошли сотни крестьян-«аграрников», или, как здесь говорили, «за забастовку». Фактически вся «забастовка» выражалась по большей части в том, что крестьяне той или другой деревни шли просить «его милость» (помещика, или, как здесь называют, пана) об уменьшении непосильных тягот по аренде. В некоторых местах такие мирные делегации встречали

так же, как Николай II с Треповым встретили рабочих в Питере 9 января 1905 года. Были убитые и раненые. Все приходившие крестьяне задерживались при полицейском управлении всего на два-три дня и затем отправлялись в тюрьму. Они рассказали нам, что это, если можно так выразиться, «петиционное» движение (иначе его назвать трудно) охватило большую часть губернии и среди арестованных были крестьяне не только Тираспольского уезда, но и прилегающего к нему Одесского; попадали крестьяне и из других пограничных уездов. Почти везде совершенно однообразная форма: большой массою крестьяне идут к пану договориться насчет аренды, переговоры ведут выборные. В результате если толпу не встречали пулями, то уж, как правило, обязательно арестовывали выборных. Все крестьяне приходили с понурой головой, ожидая всех кар, вплоть до каторги (так их старались запугивать полицейские власти деревни и помещики), и все они после какой-нибудь часовой беседы с нами убеждались в том, что не так страшен черт, как его малюют, и, уже в значительной мере успокоенные, уходили в тюрьму. Между прочим, нам рассказывали, что наш «приговор» получил широчайшее распространение и большинство шло к помещикам именно с этим «приговором». Когда мы наконец попали в уездную тюрьму, она была переполнена, как никогда, и главным образом за счет «аграрников». Положение последних среди уголовщины было далеко не завидное. Поскольку крестьяне часто жестоко расплачиваются с некоторыми категориями воров, особенно с конокрадами, постольку теперь, когда крестьяне попали в царство уголовщины, последние начали издеваться над ними, требуя специального взноса на камеру и т. п. В противном случае грозили избиением. Узнав об этом, мы немедленно решили положить этому предел и, вызвав уголовных заправил, договорились с ними о том, чтобы «аграрников» оставили в покое.

Благодаря чрезмерному переполнению тюрьмы не могло быть и речи о строгом режиме: гуляли чуть не все камеры вместе — вообще, общение было полное. Воспользовавшись этим, мы завязали связи почти по всей губернии, записав адреса надежных лиц и сговорившись насчет будущей работы. Так часто самодержавие, нехотя и само того не подозревая, своим карательным аппаратом работало на пользу революции.

* * *

В начале августа, когда так неудачно закончилась пресловутая японская война и правительство вынуждено было дать хоть видимость каких-либо реформ, была создана знаменитая Булыгинская дума, прекращен целый ряд незначительных политических дел и т. п.

Было прекращено и наше дело, и мы снова на свободе... Первой моей мыслью по выходе из тюрьмы было продолжить работу среди крестьян, но кустарничать не хотелось: надо было связаться с партийным комитетом, получить от него санкцию и помощь, набрать людей и поставить работу во всей широте. В Одессе, связавшись

с существовавшей тогда одесской группой РСДРП, я узнал, что, подобно нам, кустарничали на работе среди крестьян еще некоторые товарищи. Собравшись вместе, мы в полном смысле этого слова насели на одесскую группу. Много трудов стоило нам убедить комитетчиков в том, что необходимо организовать крестьянскую группу и помочь в этом нашей инициативной группе. В конце концов санкция получена, и первая сданная нами прокламация печатается. К нашему счастью, к нам присоединился прибывший в Одессу один товарищ-спилковец, которому были знакомы и формы организации, и тактические приемы работы. Через него же мы связались и со Спилкой, получив от нее несколько номеров спилковской «Правды» и другую литературу. Разделив между собою работу и запасшись литературой, мы отправились на места. Как сейчас, помню начало нашей первой прокламации. Написана она была на украинском языке, и, нужно сказать, очень удачно. Вот ее начало: «Затихла война в далеких полях Маньчжурии, за тэ сполихнула тут по цилой России, кривавим пожаром охапила велики и малы города и села и наиглущи сильски закутки... скризь стогин и прокляття и скризь ллеться крестянска и рабоча кривь не за далеку и никому непотрибну Маньчжурию, а за право робочого люда стать чоловиком з паньской худобы, якой вин був доси»[1].

Работа закончена. Ездим, завязываем связи, организуем ячейки на местах, возвращаемся и после совещания снова разъезжаемся для той же работы. Охвачено уже четыре уезда Херсонской губернии: Тираспольский, Одесский, Ананьевский и Елисаветградский. На местах принимают нас с распростертыми объятиями. Местами оставляем только конспиративно организованную ячейку, поручая ей дальнейшую работу, местами проводим летучки и сходы. По пути в городах и местечках, где нет организации, организуем рабочих и солдат, создавая опорные ячейки в городе и связывая их с сельскими. С каждым днем работа так расширяется, что не хватает людей. Любопытно, что, несмотря на то что социалисты-революционеры всегда считали себя партией крестьянской, нигде в деревне они не оставили и следа чего-либо организационно-упроченного, по крайней мере во всех тех районах, которые мы посетили. Отзвуки их посещения кое-где были в виде метеорно проводимых массовок. Завязав достаточное количество связей во всех районах губернии, мы задумали созвать первую организационную конференцию и с этим в первых числах октября снова разъехались по местам. С одной стороны, конференция должна была организационно увязать все имеющиеся в губернии ячейки, с другой — мы хотели получить право на существование, ибо и нас, и одесскую группу тяготило существование нас «при группе»:

---

[1] Затихла война в далеких полях Маньчжурии, зато вспыхнула здесь по всей России, кровавым пожаром охватила большие и малые города, и села, и самые глухие сельские закоулки... везде стон и проклятья, и везде льется крестьянская и рабочая кровь не за далекую и никому не нужную Маньчжурию, а за право рабочего люда стать человеком, вместо помещичьей скотины, каковой он был до сих пор. *Прим. авт.*

совершенно другой характер работы, другие тактические приемы, совершенно особые формы организации.

Отзвуки о якобы установленных в России основах гражданских свобод застали нас на местах, но все это были только слухи, кем-то привезенные, от кого-то слышанные: кто-то будто бы даже привез из города Одессы кусочек красного флага и рассказывал о громадных манифестациях по случаю какого-то манифеста 17 октября. Уже подъезжая к Одессе, я где-то на станции достал текст манифеста 17 октября. Чувство было такое, что хотелось спрыгнуть с поезда, ибо казалось, что поезд идет нестерпимо медленно. При самом подъезде к Одессе меня поразило одно явление — громадное количество солдат на станциях. Еще больше поразил меня вид одесского вокзала: мертвая пустыня вместо обычно кишащего народом места... Ни одного извозчика у вокзала... Где-то отдаленные залпы... во всей обстановке чувствуется что-то зловещее, тяжелое, роковое... по улицам полное отсутствие движения, только изредка, испуганно озираючись, а часто будто крадучись, пройдет или, вернее, почти пробежит пешеход. Первый момент я ничего не понимал, и только один гражданин, выглянувший из калитки дома, на мой вопрос, что здесь творится, сказал: «Погром». Больше объяснять было нечего. Я понял все. Как я добрался домой, я еще и сейчас хорошо не понимаю, то есть не понимаю я того, как из всей этой каши, в которой я бродил около четырех часов, я вышел целым и невредимым... Под перекрестным огнем то солдат, то самооборонческих дружин, несколько раз обысканный солдатами (а со мной, между прочим, была нелегальная литература) — я все-таки через несколько часов был дома, правда употребив на путь от вокзала до дома раз в восемь больше времени, чем требовалось при нормальных условиях. Картины, которые приходилось наблюдать и в этот и в последующие дни, могли заставить содрогнуться далеко не нервного человека.

Погром окончился... Снова приступаем к работе, уже с новыми лозунгами, новыми тактическими приемами. Теперь мы открыто созываем на предстоящую конференцию всех, кто сочувствует идее постановки социал-демократической революционной работы на местах в деревне. Открыто мы устраиваем митинги, предупреждая иногда о собрании за несколько дней до своего приезда. Сельская полиция как-то растерялась и часто, слыша слова, за которые еще месяц тому назад сажали в кутузку («кордегардия», как называлось у нас это учреждение в селах), пытается протестовать, но протестует так, что чувствуется, что почвы под ногами у нее нет. На работе в деревне приходится уделять громадное внимание противупогромной агитации...

Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. № 2 (15). М., 1925, с. 107—113

И. А. Лычев

НЕПОБЕЖДЕННАЯ ТЕРРИТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Пасмурным ноябрьским днем 1902 года эшелон с новобранцами, в котором я находился, прибыл на станцию Севастополь. После краткого пребывания на распределительном пункте меня определили в 36-й флотский экипаж Черноморского флота, и началась моя матросская служба...

Первые социал-демократические группы на Черноморском флоте появились в 1902—1903 годах, но были они тогда еще мелкими и разрозненными. Военная дисциплина, прикованность матросов к кораблям или экипажам мешали революционной работе. Поэтому социал-демократы особое внимание уделяли политическому просвещению матросов учебных кораблей. Этих матросов после обучения рассылали по всему флоту, вместе с ними революционные идеи проникали на боевые корабли.

В 1903 году возникла социал-демократическая группа и в 36-м флотском экипаже. В нее входили наиболее сознательные матросы. Это были Бессалаев, Вакуленчук [1], Никишкин, Мартьяненко и другие. Под влиянием Степана Бессалаева и Григория Вакуленчука потянулся к ним и я. Стал посещать тайные собрания, читать, а потом и распространять нелегальные брошюры и листовки. А осенью 1904 года я был уже официально принят в члены РСДРП и примкнул к большевикам.

Не только в нашем 36-м экипаже, но и в других экипажах и на кораблях флота росло число сторонников РСДРП, этому способствовала политическая работа, которую вел среди моряков Крымский союз РСДРП.

В 1904 году при Севастопольском городском комитете РСДРП сформировался руководящий центр социал-демократической военной организации. Его окрестили «матросской централкой». Название это сохранялось до Февральской революции. В «матросскую централку» вошли большевики А. М. Петров, Г. Н. Вакуленчук, И. А. Чернышев и другие. «Централка» была связана с рядом городов России, а также с Женевой, где находился большевистский центр во главе с В. И. Лениным. Непосредственную связь с

[1] Г. Н. Вакуленчук в 1903 году вступил в РСДРП, примкнул к большевикам. На броненосце «Потемкин» создал социал-демократическую группу, стал одним из организаторов и руководителей «Севастопольской матросской централки». *Ред.*

Женевой поддерживал А. М. Петров, сестра которого была женой большевика А. М. Стопани и жила в это время в Женеве.

Последние недели 1904 года и начало 1905-го я провел в Кронштадте, там находился и в трагический день 9 января 1905 года, там же жадно впитывал вести о нараставшей революции. А в начале марта меня снова направили в Севастополь, где я получил назначение на броненосец «Князь Потемкин Таврический» в качестве минного машинного унтер-офицера.

«Князь Потемкин Таврический» являлся тогда одним из самых новых и самых мощных судов Черноморского флота. На нем было около 800 матросов. Я нашел там группу социал-демократов, в которую входили матросы Белоусов, Кулик, Осадчий, Шевченко, Самойленко и другие. К этой группе я и присоединился, еще не зная, что на «Потемкине» существовали и другие социал-демократические группы.

Нарастание революции в стране оказывало свое влияние на армию и флот. Революционная атмосфера среди матросов накалялась. На «Потемкине» о восстании говорили как о близкой перспективе. На собрании социал-демократических групп корабля обсуждался план восстания. Правда, разработан он был лишь в общих чертах. Предполагалось, что начнет восстание и подаст сигнал другим кораблям броненосец «Екатерина II», имевший наиболее сильную революционную организацию. Ко дню восстания предстояло подготовить ударные матросские группы. Их главной задачей было во время обеда ворваться в кают-компанию и арестовать офицеров. Другие, тоже заранее подготовленные группы матросов после ареста офицеров должны были взять на себя управление кораблем и его отдельными службами. Намечалось далее, что восставшая эскадра захватит города Черноморского побережья — Севастополь, Одессу, Батум, Новороссийск и превратит их в опорные пункты революции.

Срок восстания не был точно определен, но решили начать его одновременно на всех кораблях во время плавания эскадры.

День выхода кораблей в учебное плавание приближался. Однако перед самым выходом, 7 июня, началось выступление солдат крепостной артиллерии Севастополя. Командующий Черноморским флотом отдал приказ всем броненосцам быть готовыми открыть огонь по солдатам. Матросы броненосцев «Екатерина II», «Три святителя» и некоторых других кораблей заявили, что стрелять по солдатам не будут. Начальство отменило приказ, но перед самым выходом в море началась «чистка» кораблей от «неблагонадежных элементов». С «Потемкина» было списано не менее 50 человек, в том числе Степан Бессалаев и некоторые члены РСДРП. С броненосца «Екатерина II» в числе других списали А. М. Петрова, руководителя парторганизации и члена «матросской централки». Поэтому в последний момент «централка» поручила начать восстание команде броненосца «Ростислав».

12 июня (по старому стилю) «Потемкин» в сопровождении миноносца № 267 вышел из Севастополя, взяв курс на остров Тендра.

Команда броненосца не собиралась начинать восстание до прибытия эскадры к острову. Но когда накапливается много горючего материала, взрыв может произойти от случайной искры. Так произошло и на «Потемкине».

13 июня на корабль вернулись из Одессы матросы, ходившие туда на катерах за продуктами. Они сообщили, что в городе происходят вооруженные столкновения рабочих с солдатами и полицией, несколько рабочих убито и ранено. Это сообщение вызвало живой отклик у матросов. Кое-кто из членов комитета даже стал высказываться за немедленное выступление в поддержку одесских рабочих. Однако комитет в целом считал выступление преждевременным. Тем не менее сообщение из Одессы накалило обстановку на корабле, оказало свое влияние на события, развернувшиеся на следующий день — 14 июня.

Дело в том, что мясо, привезенное из Одессы для матросского камбуза (кухни), оказалось протухшим и червивым. Его подвесили к балке на палубе. Утром матросы стали собираться у этой балки, вслух высказывали возмущение. Вахтенный офицер безуспешно пытался разогнать матросов. О случившемся он доложил командиру броненосца. Тот явился в сопровождении старшего врача Смирнова, который, взглянув на мясо и понюхав его, небрежно процедил:

— Ничего особенного, червячки появились потому, что ведь лето — жарко. Смыть их горячей водой, и мясо годно в пищу.

Это заявление вызвало бурю негодования. Матросы кричали: «Вы нас за людей не считаете! Это мясо собаки и те есть не станут, а вы нас заставляете! За борт эту гадость, мы есть ее не будем».

Командир корабля Голиков, выждав некоторое время, свирепо крикнул:

— Разойдись! Приставить караул к мясу и записывать всех, кто будет подходить к нему!

Матросы разошлись, но возмущение не улеглось.

Нелегальный корабельный комитет решил не обострять конфликт, так как это могло помешать подготовке восстания на всем флоте. Но нельзя было не реагировать на очередное издевательство. Поэтому комитет решил призвать матросов к пассивному сопротивлению — отказаться есть борщ, сваренный из негодного мяса. Такой поступок команды представлял собой серьезное нарушение флотских порядков, и, таким образом, возмутительное поведение командира броненосца получало должный отпор, но опасность неорганизованного выступления, как нам казалось, была устранена.

Когда наступило время обеда, ни один матрос не прикоснулся к борщу, все ели черный хлеб, запивая чаем. Все шло так, как было решено комитетом, матросы вели себя совершенно спокойно, не давая никакого повода для обвинения их в попытке к бунту. Но мирный исход не входил в планы начальства, которое не могло примириться с тем, что матросская масса вышла из подчинения.

Вахтенный офицер первым обратил внимание на то, что команда

не подходит к камбузу и не берет борщ, и доложил об этом старшему офицеру Гиляровскому.

— Почему не берешь борщ? — задавал Гиляровский один и тот же вопрос каждому матросу и от каждого получал сдержанный ответ: «Есть борщ из червивого мяса не будем...»

Взбешенный Гиляровский отправился к командиру броненосца, и вскоре на юте появился Голиков. Осмотревшись вокруг, он приказал построить команду повахтенно, во фронт. Дудки и зычные голоса боцманов прогремели: «Все наверх, повахтенно стройся!» Через минуту вся команда неподвижно застыла по бортам корабля, офицеры выстроились у кормового флага.

Голиков приказал принести тарелку борща и предложил врачу Смирнову взять борщ на пробу. Хотя борщ был предварительно процежен, Смирнов поморщился. Но все же он его попробовал. Все с напряжением ждали, что скажет врач. Выдержав паузу, Смирнов произнес:

— Чудесный борщ, никаких червей в нем нет.

По рядам прошел ропот. Поднявшись на кнехт [1], Голиков произнес речь, полную ненависти к спокойно стоявшим перед ним матросам.

— Вы недовольны борщом? — истерически выкрикивал он.— Вы кричите, что плохое мясо, хотя доктор признал его годным? Вы не хотите его есть? Хорошо, я прикажу запечатать бак борща и отошлю его в Севастополь военному прокурору. Но знаете ли вы, чем это пахнет для вас?.. Я не раз говорил вам, что делают с вашим братом за неповиновение. Повторять не буду. Я расправлюсь с вами! Я напомню вам, что матросов, забывших дисциплину, вешают на ноках [2].

Ропот прошел по шеренгам матросов. Голиков выждал, пока затихнет гул, и скомандовал:

— Кто хочет повиноваться, выходи к двенадцатидюймовой пушке!

Но никто из матросов не вышел из строя, лишь несколько кондукторов и унтер-офицеров, озираясь на матросов, перешли к башне!

— Ах так! — заревел Голиков.— Вызвать караул!

Шеренга матросов с заряженными ружьями застыла перед фронтом. Матросы зашевелились, зашептали. Это был шепот вожаков, передававших распоряжение о переходе всех к башне, так как было ясно, что Голиков провоцировал матросов. Вакуленчук, Никишкин и другие члены партии поняли это; чтобы показать матросам, что нужно делать в этой ситуации, шагнули первыми. За ними двинулись остальные матросы. Но командование такой исход не устраивал.

Ему нужны были жертвы, чтобы запугать матросов.

---

[1] *Кнехт* — тумба на палубе, служащая для закрепления канатов (тросов). *Ред.*

[2] *Нок* — в данном случае мачтовый нок — одна из поперечных неподвижных балок на мачтах. *Ред.*

Старший офицер Гиляровский и лейтенант Неупокоев преградили путь перебегавшим.

— Хватит! — закричал Гиляровский оставшейся кучке матросов, человек в тридцать.— Принести брезент! — приказал он, обращаясь к кондукторам.

Оставшиеся матросы попытались через командирский ход спуститься в нижнюю палубу, чтобы перебежать к своим товарищам, но здесь стоял Голиков.

— Куда? Этот ход не для вас! — презрительно и зло прокричал он.

В это время кондукторы с помощью офицеров принесли брезент.

— Накрыть их! — приказал Гиляровский.

Наступила жуткая тишина. Потом команда:

— Стрелять!

Но караул не шевельнулся.

В этот миг из-под брезента раздался возглас:

— Братья, не стреляйте! Почему же вы нас покинули?!

Этот крик, точно ножом, ударил по сердцам. Через мгновение все изменилось... С разных сторон прозвучали голоса:

— К оружию, братья!

Гиляровский выхватил револьвер. Вакуленчук кинулся к нему, чтобы отобрать оружие. Старший офицер дважды выстрелил в Вакуленчука.

Это послужило сигналом к восстанию. Мы бросились в центральную батарею и через несколько секунд с винтовками появились на палубе. Броненосец «Князь Потемкин Таврический» оказался во власти восставших матросов.

Первую пулю получил Гиляровский. Вторым матросское возмездие настигло лейтенанта Неупокоева. Некоторые офицеры пытались спастись бегством, бросаясь за борт. По ним открыли огонь из винтовок.

Голиков, этот зверь, несколько минут назад жестоко распоряжавшийся жизнью и смертью сотен людей и грозивший перевешать непослушных матросов, теперь ползал на коленях, умолял о пощаде, клялся, что никогда больше не посмеет обидеть матроса. После короткого суда Голикова расстреляли, и тело полетело за борт под дружный возглас сотен голосов:

— Долой тиранов!

Еще большим трусом оказался старший врач Смирнов. Подхалим по отношению к старшим, готовый на любую подлость по отношению к матросам, он понимал, что ему, как одному из главных виновников кровавой драмы, несдобровать, и укрылся в лазарете, притворившись раненым. Видимо, он рассчитывал, что на первых порах о нем забудут, а потом матросы «отойдут» и сохранят ему жизнь. О нем действительно вначале забыли. Но когда «Потемкин» пошел к Одессе, вспомнили. Расчет Смирнова не оправдался, матросы не простили отъявленному мерзавцу. По приговору матросского суда Смирнов был выброшен за борт жи-

вым — «кормить рыб». Но один из матросов не выдержал и выстрелил в Смирнова, когда тот находился уже в море. Выстрел был меткий, Смирнов пошел на дно.

Смирнов был последней жертвой. Всего было убито семь офицеров, в отношении остальных матросы проявили великодушие, хотя среди них было немало отъявленных врагов революции.

...Командир миноносца № 267, услышав стрельбу на броненосце, попытался было сняться с якоря и уйти, но орудия «Потемкина» возымели магическое действие, и он вовремя отказался от своего решения. Офицеры миноносца сдали свое оружие без сопротивления.

Сразу после победы на «Потемкине» встал вопрос об организации управления революционным кораблем. Созвали команду и предложили избрать судовую комиссию (революционный комитет). В него вошли: Матюшенко, Кулик, Шестидесятый, Родин, Никишкин, Резниченко, Сапрыкин, Бредихин, Дымченко, Денисенко, Скребнев, Циркунов, Костенко, Савотченко, Заволошин, Алексеев и другие. Вошел в нее и я. Председателем комитета был избран Афанасий Матюшенко [1].

К сожалению, мы лишились одного из самых смелых и талантливых руководителей матросской массы — большевика Григория Вакуленчука. 14 июня в 16 часов он умер от ран, нанесенных ему Гиляровским.

Избранный председателем судовой комиссии А. Матюшенко был яркой и одаренной личностью. Человек огромной физической силы, бесстрашный, он весь отдавался революционной борьбе. Но из-за своей политической незрелости Матюшенко не представлял себе ясно пути, по которому следовало вести восставший корабль, терял присутствие духа, как только среди матросов наступал спад революционного настроения. Поэтому Матюшенко так и не смог стать подлинным вожаком революционных матросов.

Захватив в свои руки корабль, команда решила идти в Одессу, где в это время разгоралась борьба бастовавших рабочих с полицией и казаками. Была надежда, что в Одессе легче будет привлечь на сторону восставших эскадру, которую, несомненно, вышлют на усмирение «Потемкина».

«Потемкин» подошел к Одессе 14 июня около 10 часов вечера. Весть о прибытии революционного корабля молнией облетела город, и рабочие толпами ринулись в порт. Они ждали от революционного «Потемкина» мощной поддержки в их борьбе против самодержавия. Их ожидания и надежды были вполне естественны, да и большинство матросов стремилось оказать им эту помощь. Но получилось иначе.

Прибыв в Одессу и заняв выжидательную позицию, руководство «Потемкина» исходило из неправильной установки, будто нельзя приступать к захвату Одессы и других опорных пунктов

[1] А. Н. Матющенко после поражения восстания на «Потемкине» эмигрировал. В июне 1907 года нелегально вернулся в Россию, был арестован и казнен в Севастополе. *Ред.*

Черного моря до присоединения к восстанию всей Черноморской эскадры. Руководство считало, что, как только корабли придут в Одессу и матросы увидят революционный «Потемкин», они примкнут к нему. Эту уверенность подкрепило присоединение к нам дозорного судна «Веха», прибывшего в Одессу 15 июня. Будучи не в курсе событий, командир «Вехи» попросил у нас, как это и полагалось для меньшего военного судна, разрешения стать в бухте на якорь. Но когда он явился по нашему вызову на «Потемкин», то понял, что имеет дело с восставшим броненосцем. Матросы «Вехи» немедленно присоединились к нам, арестовав с нашей помощью своих офицеров.

Поздно вечером 15 июня решено было послать городским властям ультиматум. Мы требовали предоставить нам возможность беспрепятственно закупать все необходимое для броненосца, полной неприкосновенности наших матросов на берегу, прекращения зверской расправы с рабочими и жителями города, вывода войск из Одессы с передачей арсенала рабочим.

Однако командующий войсками не принял делегации, велел передать, что не желает разговаривать с бунтовщиками, предлагает нам сдаться. Наглое поведение царского генерала привело матросов в негодование. Комитет решил, что утром пушки «Потемкина» дадут ему достойный ответ.

К войскам Одессы матросы обратились с воззванием. Вот выдержка из этого воззвания:

«От команды броненосца «Князь Потемкин Таврический».

Просим немедленно всех казаков и армию положить оружие и присоединиться всем под одну крышу на борьбу за свободу. Пришел последний час нашего страдания, долой самодержавие!..»

В ту же ночь к нам прибыла делегация от солдат одесского гарнизона, которая заверила нас, что, как только потемкинцы начнут действовать против одесских властей, солдаты присоединятся к восстанию.

В Севастополе о восстании «Потемкина» узнали в ночь на 15 июня. Вице-адмирал Кригер в донесении в Петербург управляющему морским министерством сообщал: для подавления бунта посланы «два броненосца с минными крейсерами и миноносцами под командой контр-адмирала Вишневецкого с полномочиями принять меры, каких потребуют обстоятельства».

Вишневецкий с отрядом броненосцев — «Три святителя», «Двенадцать апостолов» и «Георгий Победоносец», минным крейсером и четырьмя миноносцами в ночь на 16 июня вышел из Севастополя в Одессу. В то же время Кригер дал телеграмму одесским властям, в которой просил арестовать всех съезжавших с «Потемкина» в город и не допускать доставки на этот броненосец никакой провизии.

Известие о приближающейся эскадре под командованием контр-адмирала Вишневецкого на «Потемкине» было получено на рассвете 16 июня. Большинство команды твердо верило, что эскадра стрелять по «Потемкину» не будет: «Там свои братья. Мат-

росы откажутся стрелять». Однако Вишневецкий дальше Тендры не пошел...

16 июня состоялись похороны Г. Н. Вакуленчука. Тело его еще накануне было перевезено с броненосца на набережную Одессы. Там установили несколько трибун. Одна из них была украшена черной лентой с надписью: «Слава павшим товарищам!». Многотысячная толпа слушала ораторов, приветствуя их. Несмотря на угрозы со стороны царских войск и полиции, рабочие и трудящиеся Одессы торжественно похоронили борца за свободу.

В тот же день собралась судовая комиссия. Обсуждали план дальнейших действий в связи с расстрелом 15 июня в порту рабочих казаками. Стало уже известно, что в городском театре заседает военный совет — одесские генералы и офицеры. После бурного обсуждения, в котором участвовала вся команда, было решено обстрелять театр. «Потемкин» сделал два боевых выстрела из шестидюймового орудия. Но и этого оказалось достаточно, чтобы вызвать растерянность и панику среди одесских военачальников и вверенных им войск. Потемкинцы же проявили нерешительность, не развили успех, не сумели объединить свои действия с революционными рабочими Одессы. Немалое значение имело и то обстоятельство, что на корабле не оказалось подлинного умелого руководителя, что в команде броненосца было немало темных, отсталых матросов, да и прямых предателей из числа боцманов и кондукторов, которые сеяли неверие в успех восстания, доказывали, что надо отказаться от решительных действий.

Днем 17 июня на горизонте показалась эскадра, на этот раз в полном составе. Наш корабль ожил. Горнисты сыграли боевую тревогу, корабль быстро снялся с якоря. Готовясь к бою, команда по морской традиции переоделась в новую форму.

Подняв красный флаг, «Потемкин» полным ходом пошел навстречу эскадре в пять броненосцев. На нем взвился сигнал: «Команда «Потемкина» требует к себе старшего флагмана».

Флагман не ответил...

И вот «Потемкин» уже идет между «Ростиславом» и «Тремя святителями», угрожая протаранить «Ростислав». Тому удается повернуть. В это время на броненосцах «Георгий Победоносец» и «Синоп» раздаются крики «ура». «Георгий» выходит из строя и малым ходом идет к «Потемкину». С «Ростислава» подняли сигнал: «Почему «Георгий» не по-боевому?» Оттуда ответили: «Команда «Георгия» желает свезти офицеров на берег и присоединиться к «Потемкину». С «Ростислава» опять сигнал: «Следуйте за эскадрой». Оттуда отвечают: «Не могу, не могу, не могу».

Когда «Георгий Победоносец» подошел к нам, мы спустили паровой катер, и группа потемкинцев пошла к «Победоносцу». Быстро взбежав на палубу, мы выяснили, что большая часть матросов хочет присоединиться к «Потемкину», но не вся команда согласна. Наш приход решил дело. С помощью потемкинцев на «Победоносце» была избрана судовая комиссия, назначившая командиром боцмана Кузьмина.

Мы догадывались, что борьба происходит и на «Синопе». Корабль то вырывался из строя, то вновь занимал своё место. Но на «Синопе» победу одержали те, кто не хотел присоединиться к «Потемкину». «Синоп» вместе с другими кораблями эскадры пошел в Севастополь.

Вечером 17 июня состоялось объединенное заседание комитета «Потемкина» и «Георгия Победоносца». Было решено борьбу продолжать, настаивать на требованиях, ранее выдвинутых перед одесскими властями, и в случае отказа удовлетворить эти требования перейти к активным действиям, то есть к обстрелу и захвату Одессы.

Одесское военное командование, не хотевшее 16 июня вступать в какие бы то ни было переговоры с «бунтовщиками», 17 июня выразило готовность снабдить восставшие корабли всем необходимым.

Но на «Георгии Победоносце» совершили ту же ошибку, что и на «Потемкине»: убрав с корабля офицеров, оставили всех кондукторов. Они вместе с предателем Кузьминым, обманув команду, пытались 18 июня увести броненосец в Севастополь. Когда мы навели на «Победоносец» пушки, они посадили броненосец на мель.

Измена «Победоносца» подорвала у команды «Потемкина» веру в победу. По кораблю внезапно пронесся крик: «Идем в Румынию». Наши попытки остановить панику ни к чему не привели. Грозная эскадра бежала от «Потемкина», а «Потемкин» пошел к румынским берегам, убегая от неведомой опасности.

20 июня наш броненосец в сопровождении миноносца № 267 подошел к румынскому порту Кюстенджи (Констанца) и, как полагается, дал салют в 21 выстрел и запросил разрешения представителям «Потемкина» сойти на берег. На салют ответа не последовало, но разрешение представителям корабля прибыть на берег было дано. Прибыв на берег, представители броненосца обратились через командира порта к румынскому правительству с просьбой продать «Потемкину» необходимые продукты, а также разрешить опубликовать два воззвания: «Ко всему цивилизованному миру» и «Ко всем европейским державам».

Румынское правительство ответило предложением оставить все оружие на борту корабля, сдаться и отказалось обеспечить нас водой и углем, не разрешило закупать продукты.

21 июня, видя, что получить здесь ничего нельзя, мы снялись с якоря и взяли курс на Феодосию. Утром 22 июня расцвеченный флагами «Потемкин» появился перед Феодосией. Бросив якорь, мы потребовали, чтобы представители местных гражданских властей прибыли к нам для переговоров. Наше требование было исполнено, и мы получили заверение, что будем обеспечены всем необходимым.

Действительно, в тот же день мы получили провизию и немного пресной воды. Но когда на следующий день мы потребовали угля, последовал категорический отказ. Попытка взять уголь силой окончилась неудачей: из порта открыли сильный огонь по матро-

сам, выехавшим за углем, и они вынуждены были отступить ни с чем, потеряв несколько человек убитыми и ранеными. Были убиты Никишкин и Козленко, ранены Ковалев и Переседов. Кроме того, были захвачены сошедшие на берег Фельдман, Кошуба, Заволошин, Циркунов, Мартьянов и другие. Кошуба был казнен в Севастополе, остальные приговорены к долгосрочной каторге. Фельдман бежал из-под ареста и перебрался за границу.

В Феодосии повторилось то же, что и в Одессе в момент измены «Георгия Победоносца»: на корабле началась паника. Часть матросов бросилась было к орудиям, чтобы открыть огонь по городу, но по настоянию подавляющего большинства вынуждена была отказаться от этого. Вопреки предложениям наиболее решительных членов судовой комиссии «Потемкин» снова снялся с якоря и ушел в открытое море. После бурных, но непродолжительных споров упавшая духом команда решила идти в Румынию, чтобы сдаваться. Повлияло на это решение и то обстоятельство, что из-за недостатка пресной воды в котлы подавалась морская, и они начали быстро портиться.

25 июня «Потемкин» снова появился у берегов Румынии и заявил о своем согласии сдаться. Были созданы две комиссии: одна из матросов — для сдачи корабля и другая румынская — для приемки его.

Утром 27 июня на горизонте появилась русская эскадра и потребовала от Румынии передачи ей оставленных нами «Потемкина» и миноносца № 267. Румынское правительство выполнило это требование.

Начались расправы. Всего в связи с восстанием на «Потемкине» и других кораблях было арестовано 1500 моряков. Состоялись три судебных процесса. Семь человек было расстреляно, более 100 отправлено на каторгу, в тюрьмы, на поселение.

Жестоко расправились с теми матросами «Потемкина», которые надеялись получить помилование, вернувшись из Румынии с повинной.

* * *

Велико значение для революции восстания на броненосце «Потемкин». Владимир Ильич писал: «...броненосец «Потемкин» остался непобежденной территорией революции и, какова бы ни была его судьба, перед нами налицо несомненный и знаменательнейший факт: попытка образования *ядра революционной армии*»[1].

Великие, незабываемые дни. Сборник воспоминаний участников революции 1905—1907 годов. М., 1970, с. 40—52

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 337. *Ред.*

М. И. Васильев-Южин

ВОССТАНИЕ НА БРОНЕНОСЦЕ «ПОТЕМКИН»

Легко себе представить, какую сенсацию произвела за границей, особенно в среде эмигрантов, весть о восстании на броненосце «Потемкин Таврический». Известие о нем пришло, разумеется, с некоторым запозданием, многое было передано неверно, перепутано, извращено, преувеличено, но мы поняли и почувствовали, что вспыхнуло действительно серьезное вооруженное восстание, первое настоящее восстание.

Хотелось верить, что оно увенчается успехом, что его поддержит вся угнетенная, рвущая вековые оковы Россия, поддержит в первую очередь героический пролетариат, уже проявивший в борьбе свою беспредельную самоотверженность, уже получивший великое крещение огнем и кровью. И снова неудержимо потянуло назад в Россию. В нашем кружке вопрос о возвращении был главной темой разговоров, обсуждался ежедневно и на разные лады.

Я решил обратиться еще раз к самому Ильичу с просьбой отправить меня немедленно в Россию на какую угодно работу. И вдруг мне передают, что Владимир Ильич сам ищет меня по очень важному и срочному делу. Немедленно собираюсь идти к нему, но он предупредил меня и зашел сам или встретил меня на дороге — точно не помню. Разговор был недолгий [1].

— По постановлению Центрального Комитета вы, товарищ Южин, должны возможно скорее, лучше всего завтра же, выехать в Одессу,— начал Ильич.

Я вспыхнул от радости:

— Готов ехать хоть сегодня! А какие задания?

— Задания очень серьезные. Вам известно, что броненосец «Потемкин» находится в Одессе. Есть опасения, что одесские товарищи не сумеют как следует использовать вспыхнувшее на нем восстание. Постарайтесь во что бы то ни стало попасть на броненосец, убедите матросов действовать решительно и быстро. Добейтесь, чтобы немедленно был сделан десант. В крайнем случае не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агити-

[1] Встреча В. И. Ленина с М. И. Васильевым-Южиным состоялась 17 (30) июня 1905 года. *Ред.*

руйте среди крестьян. На эту работу бросьте возможно больше наличных сил одесской организации. В прокламациях и устно зовите крестьян захватывать помещичьи земли и соединяться с рабочими для общей борьбы. Союзу рабочих и крестьян в начавшейся борьбе я придаю огромное, исключительное значение.

Владимир Ильич явно волновался и, как мне тогда казалось, несколько увлекался. В таком состоянии я раньше никогда не видел его. Особенно меня поразили и, каюсь, очень удивили тогда дальнейшие его планы, расчеты и ожидания.

— Дальше необходимо сделать все, чтобы захватить в наши руки остальной флот. Я уверен, что большинство судов примкнет к «Потемкину». Нужно только действовать решительно, смело и быстро. Тогда немедленно посылайте за мной миноносец. Я выеду в Румынию.

— Вы серьезно считаете все это возможным, Владимир Ильич? — невольно сорвалось у меня.

— Разумеется, да! Нужно только действовать решительно и быстро. Но, конечно, сообразуясь с положением,— уверенно и твердо повторил он.

Впоследствии я убедился, что Владимир Ильич был во многом прав и верно оценивал положение. Но тогда, в Женеве, у меня такой уверенности не было. Года за три до того я жил в районе Одессы и несколько знал тамошние условия и обстановку. Настоящих рабочих-пролетариев в торговой Одессе было сравнительно немного, а херсонские крестьяне, особенно вблизи Одессы, представляли собой далеко не надежный в революционном отношении элемент. На легкое завоевание Черноморского флота я тоже не рассчитывал. Но я вполне разделял мнение Ильича, что нужно было действовать решительно, смело и быстро. Восстание «Потемкина» необходимо было использовать всемерно. Я предполагал, если бы не удалось захватить Одессу, направиться с «Потемкиным» к Кавказскому побережью, прежде всего в район Батума. Батумский гарнизон и крепость были основательно захвачены нашей агитацией. Это я хорошо знал. Батумские рабочие уже не раз выделялись своей героической борьбой. Наконец, крестьяне Гурии (грузинская провинция) и других ближайших районов были настроены чрезвычайно революционно и шли за социал-демократами. Правда, там орудовали преимущественно меньшевики, но грузинские крестьяне, находившиеся, собственно, еще в крепостной зависимости у своих князей, по моему мнению, легко и охотно поддержали бы восстание. Мне казалось, что Батум как революционная база был наиболее надежным районом на всем Черноморском побережье.

Я, разумеется, повторил, что готов выехать немедленно, и уехал на следующий день. Перед отъездом Владимир Ильич еще раз говорил со мной и снова подчеркнул, что особенно необходимо заручиться активной поддержкой крестьян.

— Пусть они захватывают помещичьи, церковные и другие земли. Призывайте и помогайте им делать это.

Я всецело был согласен с такой политикой и тактикой в отношении крестьян, но все-таки напомнил Владимиру Ильичу только что принятую на III съезде партии резолюцию «Об отношении к крестьянскому движению». В этой резолюции говорилось только, что «социал-демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель»[1]. *О призыве* к революционному захвату этих земель в ней ничего не говорилось.

— Ваше предложение, Владимир Ильич, идет дальше этой резолюции. Я с ним целиком согласен. Но является ли оно общей директивой при агитации среди крестьян? И есть ли это директива Центрального Комитета?

Владимир Ильич ответил не сразу. Он немного подумал, а потом сказал более осторожно:

— Нет, такой общей директивы Центральный Комитет пока не дает. Все зависит от общей ситуации, а также от условий и обстановки в каждом данном случае. В Одессе сейчас такая обстановка, когда нужно поднять на борьбу все революционные силы.

Я передаю, разумеется, не дословно, а лишь приблизительно мой разговор на эту тему с Владимиром Ильичем, но за сущность, за содержание его я ручаюсь. Порученное мне дело было слишком серьезно, и я на всю жизнь запомнил все сопровождавшие его обстоятельства. Мы сердечно простились с Владимиром Ильичем; я обещал аккуратно и подробно извещать его о ходе событий. Обещал прислать за ним в Румынию не только миноносец, а даже крейсер или броненосец, если восстание окажется действительно победоносным...

На следующий же день после предложения со стороны Владимира Ильича я выехал курьерским поездом через Австрию в Россию. Для безопасности меня снабдили настоящим заграничным паспортом, выданным на имя какого-то генеральского сына (фамилию забыл). С этим паспортом я мог спокойно и открыто перебраться через границу. Для прописки же и проживания в России мы соорудили, кажется с Ильиным, очень примитивную фальшивку на имя рыбинского мещанина Михаила Андреевича Конкина. Действительно, пограничные жандармы предупредительно козыряли мне, принимая меня, очевидно, за подлинного генеральского сына. Мои вещи подверглись самому поверхностному осмотру.

Я опять в России! С радостью и волнением сажусь в вагон поезда, направляющегося в Одессу. Осторожно спрашиваю спутников, что происходит в Одессе. Никто толком не знает. Говорят о каких-то расстрелах и пожарах, об обстреле «Потемкиным» города из орудий. Ладно, скоро узнаю все в точности на месте.

---

[1] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М., 1983, т. 1, с. 129. *Ред.*

В Одессу я приехал, к сожалению, ночью. Искать нелегальные квартиры по данным мне адресам было и рискованно и просто невозможно. Волей-неволей мне пришлось остановиться в гостинице и дать для прописки свою фальшивку. В городе было введено военное положение, однако моя фальшивка прошла совершенно благополучно; без всяких сомнений ее прописали, и я затем довольно долго пользовался ею как видом на жительство.

На следующий день я связался с нашей одесской организацией. Хорошо помню, что встречался и говорил с тов. Емельяном Ярославским. Других одесситов сейчас припомнить не могу.

Выяснилось, что я опоздал. Броненосец «Потемкин» уже ушел из Одесского порта, а в Одессе вместо восстания вспыхнул пьяный погром.

Как мне передавали (за историческую точность не ручаюсь), дело происходило приблизительно так. В Черноморском флоте давно уже велась успешная пропаганда и агитация. Особенно много распропагандированных матросов находилось на броненосце «Екатерина Вторая», на который и возлагались главные надежды во время готовившегося восстания. Предстояли летние практические занятия эскадры. Она собралась в плавание и на маневры, погрузив значительное количество боевых снарядов. Перед плаванием вся эскадра собиралась обыкновенно у маленького островка Тендра. На этот раз первым отправился к острову броненосец «Кн. Потемкин», остальная же эскадра задержалась в Севастополе.

Матросы «Потемкина» давно ненавидели своего командира Голикова и других офицеров за исключительно жестокое обращение и крайне бесцеремонное обворовывание команды. В первый же день плавания матросам приготовили обед из тухлого, кишащего червями мяса. Матросы стали выражать недовольство и заявили протест... Матросы под предводительством Матюшенко и других более сознательных товарищей схватились за винтовки и в течение нескольких минут перебили и выбросили за борт офицеров. Для управления восставшим судном был выбран комитет во главе с Матюшенко. Броненосец снялся с якоря и направился в Одессу.

Прибыв в Одессу, команда «Потемкина» обратилась к «господам одесситам» с воззванием, в котором изложила, что произошло на броненосце, и призывала одесское население поддержать их. Одновременно была послана делегация к местным властям с требованием не препятствовать похоронам убитого матроса и с предупреждением, что броненосец немедленно обстреляет город, если будут чиниться препятствия или задержат делегацию. И действительно, когда полиция по приказу градоначальника попыталась задержать делегатов, броненосец дал несколько выстрелов. Я сам видел брешь на одном из зданий в центре города. К сожалению, вследствие, по-видимому, измены прицел был взят неправильно и снаряды попали не в правительственные здания. Однако задержанных делегатов немедленно освободили.

Затем устроили демонстративные похороны убитого матроса Вакуленчука. С речами выступали матросы и представители местных революционных организаций. Были речи, были споры, слишком много речей и споров, но, очевидно, слишком мало было действий, решительных революционных действий. А между тем нужно было прежде всего действовать, и именно тем способом, который указывал, который намечал мне В. И. Ленин. Он оказался прав даже относительно возможности перехода на сторону «Потемкина» остального Черноморского флота.

Адмирал Чухнин выслал против «Потемкина» целую эскадру. Не помню теперь, был ли при эскадре сам Чухнин. Узнав об этом, «Потемкин» смело вышел навстречу идущему на него флоту. В ответ на требование о сдаче он выкинул боевой флаг, приготовил орудия и продолжал двигаться вперед. Вдруг от эскадры отделяется броненосец «Георгий Победоносец» и, выкинув красный флаг, присоединяется к «Потемкину»! Еще два небольших судна следуют его примеру. С некоторых судов остальной эскадры слышатся крики «ура», несутся горячие приветствия. Адмирал сигнализирует флоту команду повернуть назад. Весьма вероятно, что и другие суда, а может быть, и вся эскадра присоединилась бы к восставшим броненосцам, если бы они бросились преследовать отступающую эскадру, поддержав своими решительными действиями колеблющихся. «Смелость, еще раз смелость, всегда смелость!» (De l'audace, encore de l'audace, toujours de l'audace!) — повторял когда-то великий мастер революции Дантон.

Но смелости, решительности и находчивости не было проявлено до конца. «Потемкин» и «Георгий Победоносец» дали спокойно отступить расстроенной, волновавшейся эскадре, а сами направились в злосчастный Одесский порт. Между тем одесская полиция не дремала. Она мобилизовала и подпоила подонки одесских босяков, которых в этом торговом городе всегда было много. В районе порта начались грабежи и погромы, кончившиеся грандиозным пожаром порта.

Я приехал к концу пожара. Портовые постройки еще дымились. В порту «Потемкина» уже не было и стоял на якоре один «Георгий Победоносец». Оказывается, на этом броненосце матросы только арестовали, а не уничтожили командный состав. Среди матросов было много колеблющихся. Нерешительные действия, вернее, бездействие восставших броненосцев и пожар в Одесском порту усилили эти колебания. Арестованные офицеры со своей стороны стали агитировать за сдачу, обещая исходатайствовать полное помилование добровольно сдавшимся. Матросы «Георгия Победоносца» решили сдаться. Тогда «Потемкин» снялся с якоря и вышел в открытое море.

— Куда же он направился и что намерен предпринять? — допытывался я у одесских товарищей.

Мне ответили, что броненосец, видимо, пошел к Кавказскому побережью, а каковы его планы, толком сказать никто не мог. У меня мелькнула надежда, что, может быть, «Потемкин» сам

6 Заказ 4835

догадался попытать счастья у Батума, куда я предполагал в случае неудачи в Одессе направить его. Я узнал пароль, дававший возможность попасть на броненосец, и с первым же пароходом отправился на Кавказ. Но уже в Новороссийске я узнал, что «Потемкин» повернул на запад, к берегам Румынии. Как известно, в Румынии команда неудачно восставшего броненосца, этой «плавучей республики», высадилась на берег, сдав судно румынским властям. Так кончилось это первое вооруженное восстание 1905 года.

Я написал В. И. Ленину о постигшей нас неудаче, а сам решил направиться в Москву, не без оснований полагая, что одним из главных центров революционного движения в ближайшее время должна стать Москва и вообще Центральный промышленный район. Московский пролетариат принимал пока очень слабое участие в революционном движении, но, что он в конце концов раскачается и двинет всей своей тяжелой массой, было несомненно для всякого революционера, знающего пролетариат.

Мои расчеты и надежды оказались правильными. В Москве началась октябрьская забастовка 1905 года, в Москве же организовалось крупнейшее вооруженное восстание 1905 года — историческое Декабрьское восстание.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. М., 1984, т. 2, с. 185—191

Н. Е. Буренин

В БОЕВОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ГРУППЕ

Вскоре после январских событий 1905 года по решению Петербургского комитета РСДРП была создана Боевая техническая группа. Возглавлял эту группу секретарь Петербургского комитета Сергей Иванович Гусев. В состав группы входили Феодосия Ильинична Драбкина (Наташа), Софья Марковна Познер (Татьяна Николаевна), автор этих строк (Герман Федорович) и другие товарищи.

Группа устанавливала связь с рабочими, создавала боевые отряды в районах и на предприятиях, добывала и распределяла оружие.

Как известно, III съезд РСДРП, состоявшийся в апреле — мае 1905 года, принял специальное решение «О вооруженном восстании». В этом решении съезд партии предложил всем партийным организациям «принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников»[1].

После III съезда РСДРП Боевая техническая группа перешла в непосредственное ведение Центрального Комитета партии. Во главе группы был поставлен, по предложению В. И. Ленина, член ЦК Леонид Борисович Красин (Никитич). При Петербургском комитете после этого был создан Боевой комитет, который подчинялся Боевой технической группе.

Какие же задачи возлагал ЦК на Боевую техническую группу? Эти задачи вытекали из простых и ясных слов Владимира Ильича: «Вооружение народа становится одной из ближайших задач революционного момента»[2].

Рабочему классу, поднимавшемуся на решительную борьбу, нужно было дать оружие. Это была новая, трудная задача, вставшая перед партией, перед петербургской организацией.

Владимир Ильич Ленин живо интересовался деятельностью Боевой технической группы. Мы работали, руководствуясь его указаниями.

Летом 1905 года Владимир Ильич потребовал, чтобы кто-

---

[1] Третий съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 350. *Ред.*

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 203. *Ред.*

нибудь из Боевой технической группы приехал к нему в Женеву для решения некоторых практических вопросов, связанных с приобретением оружия за границей. Выбор пал на меня, и я, быстро собравшись, отправился к Ленину.

Я ехал в Женеву, взволнованный предстоящим свиданием, думая о том, как примет меня Ильич. Почему-то казалось, что попасть к нему будет очень трудно. Ведь я совершенно не знал, в каких условиях жили и работали наши товарищи в эмиграции.

Вопреки моим ожиданиям, я быстро и без труда попал к Владимиру Ильичу. Он жил в маленьком, типично швейцарском домике на одной из окраин Женевы. Звонка на двери не было. Я постучал. Дверь открыла приветливая, скромная женщина, одетая в обычный костюм петербургской курсистки. Это была Надежда Константиновна Крупская. Я ее сразу узнал, так как встречался с ней в Петербурге, в Смоленской школе для взрослых, где иногда участвовал в культурно-просветительных вечерах для рабочих.

Я представился, назвал свою партийную кличку — Герман Федорович.

— Владимир Ильич давно вас ждет и очень беспокоится, что вы так задержались с приездом,— сказала Надежда Константиновна.— Пройдемте к нему, он работает на веранде.

Вместе с Надеждой Константиновной мы вышли на веранду, пристроенную к домику. Стены ее, так же как и потолок, были увиты виноградом. Сквозь листья пробивались солнечные лучи, ярко освещавшие работавшего за столом Ильича. Перед ним лежали кипы газет, книги на русском и иностранных языках. Владимир Ильич был в простом пиджачке. И вся обстановка поразила меня простотой и скромностью: стол, несколько стульев; пол, как мне помнится, был земляной.

Ильич очень тепло встретил меня, забросал вопросами.

— Почему поздно приехали? — раздался его немного картавящий голос.— Рассказывайте, какие привезли новости. Слышал про вас. Работаете хорошо. Как это вам удалось организовать транспорт в таком большом масштабе? Смотрите не увлекайтесь! Провалить такое дело нельзя.

Все это было сказано так по-товарищески, дружелюбно, что я сразу почувствовал себя очень спокойно и стал рассказывать.

Особенно подбадривал меня веселый смех, которым Владимир Ильич встречал мои рассказы о том, как нам удавалось надувать таможенных чиновников, пограничную стражу, шпиков и полицию. Никто не мог смеяться так заразительно, как Ильич. Всю мою застенчивость как рукой сняло.

Я говорил, а Владимир Ильич с живым интересом слушал меня и только изредка прерывал, обращаясь к Надежде Константиновне:

— Надя! Ты только послушай, что он рассказывает.

Владимир Ильич подробно расспрашивал меня о том, что делается в Питере, на Украине, в Сибири, на Урале, на Кавказе. Но вряд ли я сообщил ему что-либо новое. Находясь вдали от России,

он знал обо всем гораздо больше, чем я, и мне оставалось только удивляться его осведомленности.

Затем Ильич очень сердечно и заботливо стал расспрашивать меня, где я устроился, как питаюсь. Я был растроган простотой Ленина, его теплым, товарищеским отношением ко мне, рядовому работнику партии.

Я уехал в Россию, горя стремлением выполнить указания, данные мне Ильичем, сделать все возможное и, как он говорил, даже невозможное, для того чтобы помочь рабочему классу вооружиться.

При воспоминании о своей встрече с Владимиром Ильичем в Женеве мне невольно приходят на память слова Г. М. Кржижановского. Рассказывая о своем первом свидании с Лениным, Глеб Максимилианович писал: «...я уже начал уличать себя в чувстве какой-то особой полноты жизни именно в присутствии, в дружеской беседе с этим человеком. Уходил он — и как-то сразу меркли краски, а мысли летели ему вдогонку»[1].

Второй раз мне довелось встретиться с В. И. Лениным спустя несколько месяцев в Петербурге.

Как известно, в начале ноября 1905 года Владимир Ильич приехал из Женевы в Россию. Мне было поручено принять меры для обеспечения безопасности Владимира Ильича во время его переезда. И тут мне опять оказали помощь наши финские друзья. По моему поручению навстречу В. И. Ленину в Стокгольм выехал студент Гельсингфорсского университета Ула Кастрен, сопровождавший Владимира Ильича до Гельсингфорса. Ула Кастрен и сам точно не знал, кого он сопровождает. Мы сказали ему, что он должен встретить и сопровождать одного из видных участников русского революционного движения.

8 ноября 1905 года я встречал Владимира Ильича на Финляндском вокзале в Петербурге. С вокзала мы направились на извозчике на Можайскую улицу, где жила моя сестра Вера Евгеньевна Иванова.

Сестра моя, жена офицера лейб-гвардии, была очень далека от политики и тем более от революционного движения. Но с детства она питала ко мне большую привязанность и всегда готова была оказать мне любую помощь. Нередко она прятала и нелегальную литературу. Ее муж, гвардейский капитан, убежденный монархист, не имел, конечно, об этом ни малейшего представления. Неоднократно я мог убедиться в том, что сестра заслуживает полного доверия. В то же время ее квартира была очень удобна, так как не вызывала у полиции никаких подозрений.

Зная, что сегодня приедет Владимир Ильич, я предупредил сестру, что зайду к ней с одним человеком, с которым должен иметь деловую беседу.

В квартире сестры Владимир Ильич пробыл несколько часов. Сюда к нему пришли Леонид Борисович Красин и другие това-

---

[1] *Кржижановский Г.* Великий Ленин. М., 1956, с. 24. *Ред.*

рищи. Потом Ильич уехал на квартиру члена ЦК РСДРП П. П. Румянцева, где прожил более двух недель.

К величайшему для меня сожалению, мне очень редко приходилось встречаться с Владимиром Ильичем, и встречи эти были весьма кратковременными. На всю жизнь я сохранил память о его необычайной скромности, приветливости, о его душевном отношении к товарищам.

* * *

Размах работы Боевой технической группы, особенно после III съезда партии, необычайно расширился. Боевики обязаны были заботиться о приобретении оружия не только для Петербурга, но и для других промышленных центров. В Питер приезжали товарищи с Кавказа, Урала, из Латвии, Эстонии, с разных концов страны. Все в больших размерах поступали требования на оружие. Удовлетворить их в мало-мальски достаточной степени не было никакой возможности. Тогда-то и возникла мысль о применении такого действенного средства вооруженной борьбы, как ручная бомба.

Ручные бомбы предназначались для уличных баррикадных боев, для взрыва кабелей и железнодорожных путей в моменты боевых выступлений. Нечего и говорить, что применение бомб с целью индивидуального террора совершенно исключалось, так как партия отвергала индивидуальный террор как средство борьбы. Владимир Ильич писал в сентябре 1905 года на страницах газеты «Пролетарий»: «К счастью, прошли те времена, когда за неимением революционного народа революцию «делали» революционные одиночки-террористы. Бомба перестала быть оружием одиночки-«бомбиста». Она становится *необходимой принадлежностью народного вооружения*»[1].

Владимир Ильич, говоря о ручных бомбах, подчеркивал, что их изготовление, в отличие от других видов оружия, «возможно везде и повсюду».

Для того чтобы уничтожить кустарничество в сложном и опасном деле изготовления бомб, Никитич потребовал выделить в нашей боевой организации особую группу, которая была названа химической. К работе этой группы были привлечены специалисты-химики: профессор, которому дали кличку Эллипс, и два химика с кличками Альфа и Омега (Скосаревский — Омега, Л. Пескова — Альфа)[2]. Они работали над изготовлением бомб в лабораториях морского ведомства, где служили, но, кроме того, пользовались и теми помещениями, которые нам удавалось для них найти. Эти помещения, конечно, были самым строжайшим образом законспи-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 269. *Ред.*

[2] *Л. Н. Пескова* — с 1900 по 1915 год учительница Смоленской вечерне-воскресной школы для рабочих Петербурга; *М. П. Скосаревский* — с июля 1905 года вместе с Л. Н. Песковой работал в Боевой технической группе при ЦК и ПК РСДРП. *Ред.*

рированы. Никитич требовал полной изоляции членов химической группы от всякой общественной деятельности.

Химики получили от Никитича конкретные задания: 1) найти подходящее сильнодействующее и в то же время безопасное при хранении взрывчатое вещество; 2) создать совершенно безопасный запал; 3) дать тип негромоздкого, но сильнодействующего снаряда, годного для уличного боя.

С оболочками для бомб дело обстояло сравнительно благополучно. Я очень хорошо помню, как вначале мы присматривались ко всем предметам, которые могли бы служить для этой цели. Коробки от сардин, от монпансье, от всяких консервов, отрезки газовых труб и т. д. привлекали наше внимание. По проекту Никитича на одном из литейных заводов была изготовлена большая партия новых чугунных цельных оболочек, которые доставлялись для дальнейшей обработки в небольшую кустарную мастерскую «по производству детских игрушек», созданную в Новой Деревне, в Коломягах, на Озерковской линии. В мастерской изготовлялись оловянные солдатики, игрушечные пожарные машины, паровозики и т. д. Главное же назначение этой мастерской состояло в обработке оболочек для бомб. В оболочку врезали пробку, в которой делали отверстие для фитиля, соединенного с капсюлем гремучей ртути, или приделывали к оболочке особый ударный механизм. Дело было поставлено так, что никакого подозрения у полиции мастерская долго не вызывала.

Забирал «детские игрушки» наш извозчик, рабочий-латыш по кличке Владимир. Он зорко наблюдал, чтобы никто его не проследил.

Когда возникло подозрение, что за мастерской ведется наблюдение, ее временно ликвидировали. Нужно было создать новую мастерскую. Токарь Обуховского завода А. И. Булыгин, старый партиец, состоявший еще в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», открыл в полуподвальном помещении на Петербургской стороне, на Разночинной улице, мастерскую по починке самоваров и другой домашней утвари. Здесь был установлен токарный станок и налажено производство оболочек для бомб и ударных механизмов.

Труднее было организовать в большом количестве производство необходимого для ручных бомб взрывчатого вещества.

Чтобы решить эту задачу, нужно было использовать опыт не только питерской, но и других боевых организаций. В частности, серьезных успехов достигли киевские товарищи. Там группа боевиков во главе с Сергеем Сулимовым организовала летом 1905 года мастерскую по производству взрывчатых веществ и ручных снарядов — бомб. Первое испытание, проведенное в окрестностях Киева, прошло успешно.

Один из киевских боевиков — Сулимов — осенью на явке Южного бюро ЦК РСДРП встретился с членом ЦК Дубровинским (Иннокентием). Иннокентий предложил Сулимову и его товарищам ехать в Питер, чтобы организовать там производство снаря-

дов. С помощью Иннокентия я по поручению Боевой группы связался с товарищами, приехавшими из Киева. Мы решили открыть на Малой Охте, в одном из переулков, сплошь заселенном кустарями-ремесленниками — столярами, мебельщиками, гробовщиками, сапожниками, мастерскую «по производству фотографических аппаратов». На деле в этой мастерской изготовляли не фотографические аппараты, а динамит, пироксилин, гремучую ртуть.

Товарищи, приехавшие из Киева, были смелыми людьми, готовыми идти на какой угодно риск. Только с одним моим требованием они долго не могли примириться: им категорически запрещалось посещать партийные собрания, митинги. Нетрудно было понять этих товарищей. Они приехали в Питер накануне всеобщей октябрьской стачки, в разгар революции. Город бурлил, всюду проходили митинги, собрания, забастовки, звучало пламенное революционное слово. А они должны были отойти от всего этого, замкнуться в своей мастерской.

Вообще должен сказать, что товарищи, работавшие в химических лабораториях, тяжелее всего переживали свою полную изоляцию от политической жизни. Люди, в большинстве своем молодые, полные революционной энергии, должны были в целях конспирации на неопределенное время как бы уходить из жизни, сознательно от нее отказываться. В особенности это было трудно, когда события нарастали и высоко поднималась революционная волна.

Вскоре мастерская «по производству фотографических аппаратов» заработала на полный ход, и у нас появился динамит собственного производства.

В конце 1905 года в нашу Боевую группу вошел Александр Михайлович Игнатьев [1], впоследствии видный советский изобретатель. У Игнатьева на Карельском перешейке было свое имение Ахи-Ярви. В этом имении один из наших химиков — И. И. Березин (Илья) наладил выработку пикриновой кислоты. Вспоминаются некоторые подробности его работы. Из пикриновой кислоты вырабатывалось взрывчатое вещество — мелинит. Получавшийся при этом желтый осадок проникал всюду, буквально во все поры. У Березина целый год даже белки глаз были желтые.

Однажды товарищи, работавшие в этой лаборатории, ехали зимой из имения Ахи-Ярви на ближайшую железнодорожную станцию Райвола. Возвращаясь, они обратили внимание на желтые следы у дороги, ведущие на почтовую станцию Кивинеб, лежавшую на пути в Райволу. Зная, что где-то неподалеку находилась какая-то подпольная эсеровская лаборатория, наши химики сказали:

— Вот черти эсеры. Они, наверное, гонят пикриновую кислоту! Хороши конспираторы!

Каково же было смущение наших товарищей, когда оказалось, что следы ведут на Ахи-Ярви! Тогда стали после работы усиленно

[1] *А. М. Игнатьев* — член партии с 1903 года, член Боевой технической группы при ЦК и ПК РСДРП. *Ред.*

мыть подошвы, но все равно следы оставались на снегу. Только выпадавший свежий снег спасал положение — следы заметались.

Несмотря на все усилия, нам никак не удавалось полностью пресечь кустарничество в таком опасном деле, как производство бомб. На наши явки постоянно приезжали товарищи со своими проектами или даже с готовой продукцией.

Однажды из Риги в Петербург на одну из явочных квартир привезли корзиночку с тремя бомбами. Квартира находилась под подозрением, и ее нужно было немедленно очистить. Мне пришлось корзиночку с бомбами взять к себе домой.

Потом, чтобы решить вопрос, что же делать с этими бомбами — к слову сказать, очень подозрительными, так как внутри у них то и дело что-то дребезжало,— я забрал одну из них и в енотовой отцовской шубе поехал на лихаче в военно-морскую техническую лабораторию, где работали Альфа и Омега.

Лихач и шуба, как и следовало ожидать, произвели впечатление на дежуривших солдат. Меня с почетом проводили в приемную. Выбрав удобный момент, я извлек бомбу из кармана и показал нашим химикам. Их возмущение при виде такого кустарного, любительского изготовления «изделия» не поддается никакому описанию. Они приказали немедленно уничтожить эти бомбы и даже пригрозили, что будут требовать моей «отставки».

Легко сказать: немедленно уничтожить. Но как это сделать?

Будучи музыкантом, я часто выступал в концертах. В тот вечер мне предстояло аккомпанировать кому-то из крупных артистов. Ко мне домой должны были прийти трое товарищей и унести злосчастные бомбы. Но пришли только двое, и одна бомба осталась. Я не имел права держать ее у себя. И вот, одевшись к концерту — во фраке, в лакированных башмаках, в енотовой шубе,— я за полчаса до начала выступления выхожу с бомбой в кармане на Рузовскую улицу. Оглядываюсь вокруг. Куда же деть бомбу?

Мне пришла в голову мысль потопить ее в Обводном канале. Стоял сырой, ненастный день. Кто помнит берега Обводного канала в старое время, его скользкие глинистые откосы, тогда еще даже не укрепленные, тот поймет мое затруднительное положение. Стал спускаться и, конечно, на полах моей шубы мгновенно поехал вниз, держа в поднятой руке бомбу и до ужаса опасаясь толчка. Я был уже уверен, что все кончено и в самом лучшем случае я упаду в воду, но мне удалось удержаться за какой-то предмет. Тогда я стал осторожно «топить» бомбу. Удалось подсунуть ее под какое-то бревно. На четвереньках, все время соскальзывая вниз, я с трудом выбрался на тротуар и, подойдя к фонарю, с ужасом увидел, на что я похож. Пришлось зайти к одному из знакомых, чтобы привести себя в порядок. Свой плачевный вид объяснил неудачным падением. На концерт я, конечно, основательно опоздал.

Как и следовало ожидать, наши химики Альфа и Омега доложили Никитичу о том, как я, нарушив все правила конспирации, привез им среди бела дня самодельную бомбу, которая при малейшей неосторожности могла взорваться. Разговор с Л. Б. Красиным

ничего хорошего мне не предвещал. Я знал, как строг и непримирим Никитич к малейшим нарушениям требований конспирации. «Ну, все пропало, он просто меня выгонит»,— думал я. Однако мои опасения не оправдались.

Когда я подтвердил, что факт, сообщенный химиками, действительно имел место, Леонид Борисович отчитал меня так, что я совершенно растерялся и, что называется, света божьего не взвидел. А после этого он попросил меня все-таки рассказать, как было дело.

Уже во время рассказа я почувствовал, что завоевал Леонида Борисовича, что он «мой». Глаза его заблестели, он заразительно смеялся, слушая мой рассказ о том, как наши педантичные «химики» принимали из моих рук дребезжащую бомбу. Еще больше смеялся Красин, слушая, как я, одетый по последней моде, во фраке, в барской шубе, чуть не скатился в Обводный канал. Мне все простилось, и мы расстались с Никитичем друзьями.

Бомбы не раз ставили меня, как и других участников нашей Боевой технической группы, в затруднительное положение.

Однажды надо было доставить бомбу в помещение курсов Лесгафта [1] и сделать это не позднее четырех часов утра. Я узнал об этом только вечером, и не было никакой возможности найти надежного товарища, чтобы выполнить поручение. Скрепя сердце пришлось взяться за него самому. Благополучно получив бомбу в назначенном месте, я свез ее по адресу. Был уже час ночи.

К большому огорчению, бомба не была как следует подготовлена. Нужен был другой шнур, раза в три длиннее. Времени до четырех часов оставалось мало, и надо было спешить. Договорились, что, если все будет благополучно, товарищи откроют форточку в нижнем этаже и при условном стуке примут от меня пакет. Я решил немедленно поехать к Омеге на квартиру. Насколько я знал, он один только и мог выручить из беды. К счастью, у Мариинского театра я встретил шикарного лихача, правда на чересчур заметной белой лошади. Однако долго рассуждать не приходилось. Я изобразил из себя доктора, вызванного к тяжело больному пациенту. Под тем же предлогом я почти в два часа ночи миновал дежурившего дворника. Мне долго не открывали, но я слышал движение в квартире и понял, что Омега готовится встретить «ночных гостей», то есть полицию. Наконец дверь приотворилась, и меня осветил через щелку электрический фонарь. Увидев, что я один, Омега впустил меня. За 20 минут все было сделано, оставалось только свезти бомбу обратно. Не доезжая до курсов Лесгафта, я отпустил извозчика, но, когда подходил к дому, заметил, что у ворот вместо дворника ходит городовой. Однако, как мы условились, форточка в нижнем этаже была открыта, следовательно, внутри все обстояло благополучно. Улучив момент, когда городовой вошел в ворота, я стремительно подошел к окну и сунул в фор-

[1] *Высшие курсы П. Ф. Лесгафта* — одно из передовых врачебно-педагогических высших учебных заведений, в нем обучались представительницы трудовых слоев населения России. *Ред.*

точку мою драгоценную ношу. Товарищи ждали меня и моментально приняли пакет. При последовавшем вскоре обыске агенты охранки нашли эту бомбу и были крайне удивлены длиной ее зажигательного шнура.

На каждом шагу встречались всякие неожиданности. Все время приходилось быть начеку, соблюдать самую строгую конспирацию.

Бывали случаи, когда полиция обнаруживала некоторые конспиративные мастерские по производству оружия. Товарищи, работавшие в таких мастерских или на оружейных складах, несли всю тяжесть провала на своих плечах, и многие из них поплатились за это своей жизнью, погибли в тюрьмах, на каторге.

Провалы отдельных мастерских и складов, как правило, на общем деле не отражались. Товарищи держались стойко, на допросах ничего не рассказывали. Да они и не знали имен и адресов тех, кто принимал от них изготовленные бомбы, патроны и материалы. Не знали они, кто и откуда доставлял им сырье. При малейшей угрозе со стороны полиции мастерская обычно переводилась в другое место. Но раз навсегда установленные принципы работы, железное требование конспирации соблюдались самым строжайшим образом.

При этом надо подчеркнуть, что Боевая техническая группа, каждодневно ощущая руководство партии, ее Центрального Комитета, работала в тесном контакте с общепартийной организацией. Крепли наши связи с активом боевых рабочих дружин, создававшихся в дни первой русской революции, в районах и на предприятиях Петербурга.

Жизнь выдвигала новые задачи. Вставала, в частности, задача подготовки инструкторов для боевых дружин. Они должны были обучать рабочих тактике уличного боя, баррикадной борьбы, правильному, большевистскому пониманию задач вооруженного восстания и подготовки для него военно-технических средств. Наша группа помогала организовать боевую учебу дружинников. Члены группы не замыкались в рамки одной чисто технической работы. Передавая партийным организациям, боевым дружинам оружие, они заботились о том, чтобы это оружие было правильно использовано, разъясняли дружинникам, особенно молодежи, линию партии в вопросе о вооруженном восстании, вред эсеровской тактики индивидуального террора.

Наши подпольные мастерские не могли удовлетворить все возрастающий спрос вновь организуемых боевых рабочих дружин на оружие. Партия по указанию В. И. Ленина принимала меры для закупки оружия за границей. С этой целью приходилось выезжать за границу и мне.

В 1905 году царская полиция была крайне обеспокоена тем, что в Петербурге появились ручные бомбы болгарского образца, так называемые «македонки». Реакционная газета «Новое время» писала тогда, что она не понимает, откуда могли эти бомбы попасть в Петербург. А попали они в Питер так.

В Македонии участники национально-освободительной борьбы против турецких поработителей применяли ручные бомбы особого типа. Узнав об этом, Петербургский комитет РСДРП направил в Македонию одного из наших химиков — Скосаревского (Омегу). Предварительно Скосаревский заехал в Женеву, где получил нужные адреса. Из Македонии Омега привез образцы и чертежи бомб. Красин внес в конструкцию бомб некоторые усовершенствования, и производство «македонок» стало быстро налаживаться в наших конспиративных мастерских и лабораториях.

Однако мы испытывали большой недостаток в хороших запалах, и Красин направил меня в Болгарию по свежим следам Омеги к инженеру Тюфекчиеву, тесно связанному с национально-освободительным движением в Македонии. Тюфекчиев занимал в Софии видное положение, держался совершенно открыто, и я без особого труда нашел его. Вместо пароля Омега дал мне хитро вырезанную часть визитной карточки. Вторая часть этой визитной карточки была у Тюфекчиева. Сличив обе части, он убедился, по чьему поручению я приехал.

Тюфекчиев сердечно принял меня, проводил к себе в кабинет и начал при мне открывать и выдвигать ящики своего большого письменного стола. Я глазам своим не верил: все ящики были набиты до отказа всякого рода оружием — обоймами, патронами, огнестрельными припасами. Тюфекчиев обещал мне полное содействие в закупке запалов и бикфордова шнура во Франции. Спустя несколько дней я выехал в Париж, где снова встретился с уже прибывшим туда Тюфекчиевым.

Остановился Тюфекчиев в одном из самых роскошных парижских отелей «Савой». Встретил он меня в своем номере как старого знакомого, принес чемодан и стал вытаскивать коробки, наполненные капсюлями с гремучей ртутью, большие мотки бикфордова шнура.

— Хотите посмотреть, как он замечательно быстро горит? — предложил Тюфекчиев и, не дав мне опомниться, отвязал кусок шнура, подошел к камину, поджег шнур с одного конца. В несколько секунд комната наполнилась дымом с сильным запахом пороха. В это время раздался стук в дверь. Я подумал: «Ну, пропало дело!» — и стал осматриваться, куда бы скрыться. Но Тюфекчиев не растерялся.

— Войдите! — сказал он.

Вошел лакей и прямо остолбенел. Тюфекчиев рассмеялся, отпустил какую-то шутку, заметил, что неудачно показал мне фейерверк, который он купил для своих детей, и тут же приказал лакею открыть окно и принести прохладительный напиток.

Когда лакей вышел, Тюфекчиев спросил меня:

— А вы как будто струхнули?

Мне удалось обо всем с ним договориться и обеспечить на ближайшее время получение капсюлей с гремучей ртутью и бикфордова шнура. Но одно дело было получить оружие, а другое — доставить его из Парижа через границы в Россию.

Через Тюфекчиева мы закупили бикфордов шнур и несколько тысяч запалов гремучей ртути. Наши товарищи возили запалы на себе в особых самодельных лифчиках-патронташах, куда входили три ряда запалов по 50 штук. Еще труднее было с бикфордовым шнуром. Резать его было нельзя, так как могла возникнуть необходимость в длинном куске шнура. Поэтому наши транспортеры наматывали бикфордов шнур на ноги. Нечего и говорить, что все это было сопряжено с большой опасностью. Человек превращался в хорошо снаряженную бомбу. Ехать было очень трудно, всю дорогу от Парижа до Гельсингфорса надо было бодрствовать, сидеть в вагоне, не прикасаясь к спинке скамьи, во избежание толчков, которые могли привести к взрыву.

Помню, как однажды в Гельсингфорс, в гостиницу, где я жил, явился один из наших товарищей, приехавший из Парижа. Когда он вошел ко мне в номер, на нем, что называется, лица не было. Он еще кое-как держался, пока снимал пояс с капсюлями, но, когда стал разматывать шнур, обмотанный вокруг всего тела, ему сделалось дурно. На спине и на груди у него были кровоподтеки. Ведь больше двух суток он ехал не раздеваясь, не ложась, боясь заснуть, так как от толчка мог получиться взрыв.

Несколько раз за бикфордовым шнуром и запалами ездила в Париж Феодосия Ильинична Драбкина (Наташа) — один из членов нашей Боевой технической группы.

За три-четыре месяца оружие, закупленное через Тюфекчиева в Париже, было перевезено без единого провала.

Рассказывая о транспортировке литературы, а потом оружия из-за границы в Россию, не могу не вспомнить добрым словом рабочих-дружинников Сестрорецкого завода: братьев Николая и Василия Емельяновых, Тимофея Поваляева, Александра Матвеева, Дмитрия Васильева и других сестрорецких рабочих, которые были нашими неоценимыми помощниками.

Летом 1905 года сестрорецкие рабочие-большевики Н. Емельянов и И. Анисимов вместе со своими товарищами переправляли оружие и динамит в Россию через границу морем. Под видом рыбаков они шли на лодках, груженных оружием, десятки верст, мимо пограничных катеров. Не раз наши отважные транспортеры попадали в очень трудное положение, им угрожали военно-полевой суд, каторга, а то и смертная казнь, но они проявляли исключительное мужество при выполнении своего революционного долга.

Очень важно было иметь на трассе, через которую шло оружие, надежные перевалочные базы и склады. Такими тайными базами и складами служили для нас квартиры многих сестрорецких оружейников, живших в самом Сестрорецке, а также в Разливе, Тарховке и на других станциях Финляндской железной дороги.

На всю жизнь сохранились у меня самые лучшие воспоминания о бесстрашных сестрорецких рабочих — наших надежных транспортерах.

На баррикадах. Воспоминания участников революции 1905—1907 гг. в Петербурге. Л., 1984, с. 96—109

С. М. Познер

ПОДГОТОВКА К ВООРУЖЕННОМУ ВОССТАНИЮ В ПЕТЕРБУРГЕ

События 9 января 1905 года выдвинули как-то сразу вопрос о подготовке к вооруженному восстанию. Практические работники петербургской социал-демократической организации (большевиков), близко стоявшие к рабочей массе, вместе с нею пережили тяжелое состояние бессилия. Нужен был самый решительный и беспощадный отпор самодержавию в ответ на его расстрелы, а для этого не было оружия. Революция, к которой готовились, о которой постоянно думали, стала фактом,— надо было вплотную подходить к ней. Вопрос о подготовке к вооруженному восстанию выдвинулся стихийно,— на улице впервые в день 9 января раздался клич «К оружию!», в последующие дни он перешел в подполье и властно требовал своего скорейшего разрешения. Петербургский пролетариат, готовый выйти на улицу для открытого боя с самодержавием, прекрасно понимал, что с голыми руками в бой не идут, что нужна боевая подготовка, нужно оружие. Оружия не было, его надо было достать во что бы то ни стало. Армия была не наша, она была во власти «присяги царю и отечеству»,— эту власть надо было разрушить. Во всей работе стал сказываться совсем иной темп. Напряжение росло. Лихорадочно с первых же дней после 9 января принялись добывать оружие. То и дело на явки Петербургского комитета большевиков приходили товарищи и сообщали сведения о том, что можно получить 20—30 револьверов за плату или без нее, сообщали адреса. Горячо обсуждались вопросы о том, где и как добыть эти револьверы. Бегали по указанным адресам, чтобы заполучить эти «драгоценности», но зачастую все эти предложения десятков револьверов оказывались или плодом пылкого воображения, или совершенно негодными к действию револьверами, причем цифры из 20—30 превращались на деле в 2—3.

Но надо было пройти этот путь погони за оружием, чтобы, отбросив его, подойти к планомерной работе по приобретению оружия. Приблизительно весь январь проходит в такой хаотичной добыче оружия, когда все члены петербургской организации большевиков считали это своим делом, и не было выделено еще специальных людей, которые занялись бы исключительно им. Но очень скоро членам организации стало ясно, что всем нельзя заниматься этим делом, как и нельзя заниматься вооружением пролетариата между делом. Потребность в людях, которые специально взяли бы

на себя функции добывания оружия и всецело, не отвлекаясь ничем другим, занялись бы этим, выявилась вполне определенно. И вот в конце января Петербургским комитетом был выделен Николай Евгеньевич Буренин, которому поручено было взять на себя дело добывания оружия. В то время он был ответственным техником ПК, занимался доставкой транспортов литературы из-за границы и распределением ее по России. Тов. Буренин был очень энергичный конспиративный работник, и главное — он обладал большим талантом объединять и привлекать к себе людей. Вскоре вокруг него образовалась небольшая группа товарищей, которая в дальнейшем разрослась в организацию, имевшую большие связи среди рабочей и учащейся молодежи и среди интеллигенции, сочувствовавшей идее вооруженного восстания.

Секретарем ПК был в то время Сергей Иванович Гусев, называвшийся Иваном Сергеевичем. Он налаживал новое дело вооружения петербургского пролетариата, и с ним непосредственно сносились члены новой группы ПК, занявшейся добыванием оружия.

Когда я заявила о своем желании работать в деле вооружения петербургского пролетариата, Иваном Сергеевичем было предложено мне войти во вновь возникающую организацию и обратиться непосредственно для этой цели к Герману Федоровичу. Все мысли мои были поглощены новой формой работы; об основных задачах вооруженной борьбы пришлось немного побеседовать только с Иваном Сергеевичем, когда я сказала ему, что хочу отойти от пропаганды и агитации и перейти на боевую работу. Читать по этому вопросу в январе 1905 года, кроме прокламаций с призывом к вооруженной борьбе, было нечего, надо было ощупью добираться до выводов, на каких основаниях и как надо строить новую организацию. Когда в начале февраля явился ко мне от Ивана Сергеевича тов. Буренин, чтобы сговориться о совместной работе, он очень осторожно и умело подошел к вопросу о моем взгляде на подготовку к вооруженной борьбе и о моем отношении к такой работе. Договорились мы очень быстро, общий язык был найден.

Первоначально в эту группу, которая не имела никакого определенного названия, так как вопросом о названии совершенно не интересовались ее члены, входили Н. Е. Буренин, кличка которого в то время была Герман Федорович, автор этих строк — Софья Марковна Познер (Татьяна Николаевна, Наталья Петровна), и в марте Иваном Сергеевичем была направлена на эту работу Феодосия Ильинична Драбкина (Наташа; это имя сохранилось за нею на долгие годы революционной работы).

Первоначальное задание, которое получила эта немногочисленная группа от ПК большевиков, было добыть оружие всеми способами, организовать получение транспортов оружия, устроить склады его и распределять среди организованных рабочих. Кроме одного руководящего задания и сознания того, что у организованного петербургского пролетариата, особенно у рабочей и учащейся молодежи, есть горячее желание подготовиться к вооруженной

схватке с самодержавием, у группы никаких других идеологических ресурсов не было, и пришлось ей шаг за шагом, натыкаясь на самые неожиданные препятствия, строить эту новую организацию.

Взявшись за оружие и особенно передавая его в руки пылкой рабочей и учащейся молодежи, надо было снова пересмотреть вопрос об индивидуальном терроре эсеровского типа, так как являлась опасность, что оружие в руках молодежи послужит средством для сведения счетов с ненавистными мастерами или с политическими врагами из высших правительственных сфер. Хотя первоначальное задание у группы было вполне конкретное — добывать оружие и передавать его в партийные организации, но ограничиться только одной чисто технической работой члены этой группы не могли, так как, имея дело с молодежью, приходилось разъяснять ей и цели восстания, роль партии в нем, отношение социал-демократической партии к индивидуальному террору, к которому прибегали эсеры, и к террору в обстановке восстания. Приходилось обсуждать и вопросы чисто практического характера: так, на своих явках мы старались изучить план Петербурга, намечали те или иные дома (помню, особое внимание обратили на большой дом около Финляндского вокзала) и т. п. Дело это было новое, социал-демократическая партия впервые бралась за оружие, и организацию надо было строить шаг за шагом, продумывая эти новые формы. Сложность задачи заключалась в том, как построить достаточно конспиративную организацию, не отрываясь в то же время от общепартийной; как, не нарушая правил конспирации, научить не только организованных рабочих, но и более широкие слои рабочей массы изготовлению оружия в обстановке их завода или мастерской из материалов, которые имеются тут же, на месте. Добывая оружие, группа должна была разрешать немаловажный вопрос о том, кому же передавать его и как его передавать. Необходимость внесения большей конспиративности в работу заставила нас прийти к выводу, что отдельные части общегородской организации должны выделять из своей среды небольшие группы рабочих, наиболее к тому подходящих во всех отношениях. По этому плану такие группы рабочих должны были войти в состав новой организации, отнюдь не отрываясь от своих партийных ячеек; боевая группа должна была снабжать их оружием и обучать владеть им. В дальнейшем были организованы почти во всех районах боевые дружины; строительство это шло как-то с нескольких сторон — принимали в нем участие и ПК, и сами районы, и новая Боевая группа.

Итак, вся организация по подготовке к вооруженному восстанию строилась в тесном сотрудничестве со всей организацией партии большевиков в Петербурге.

Налаживая работу по добыванию оружия, маленькой питерской группе надо было в основном наметить функции каждого ее члена. Тов. Буренин взял на себя обязанности главным образом по сношению с Финляндией, с заграницей, с Бюро комитетов боль-

шинства. Он не оставлял своей прежней работы по транспорту литературы, устройству складов, переправке за границу и обратно в Россию наших товарищей. Мне и Наташе (Ф. И. Драбкиной), которая являлась моей помощницей, пришлось строить организацию в Питере.

Средства для начала кое-какие были. Еще до моей работы в этой организации, вскоре после 9 января, я поехала в Чернигов, где мне обещали собрать не менее 20—30 тысяч рублей на боевые цели нашей партии. По приезде на место я убедилась, что взбудораженные январскими событиями провинциальные либералы размякли не настолько, чтобы вывернуть свои карманы на нужды революции, и вместо обещанной суммы я получила две с лоловиной тысячи рублей, из которых больше половины дал бывший офицер Иван Николаевич Полторацкий. Пробыв в Чернигове всего несколько дней, я поспешила уехать оттуда, так как в довершение моих неудачных сборов кто-то меня выдал полиции, я была вызвана полицмейстером и только благодаря энергичному вмешательству Полторацкого благополучно выбралась из Чернигова. Поездка эта надолго отбила у меня охоту совершать паломничество к нашим временным «попутчикам». Часть из этих денег Петербургский комитет уделил нам; вообще же большого недостатка в средствах мы не испытывали, так как работа еще не развернулась достаточно широко, необходимые же на первое время средства давала либеральная буржуазия, так как то время было временем «братания» ее с революционерами всех толков.

Кроме того, пока организатором группы был Н. Е. Буренин, деньги всегда являлись, когда в них была нужда, никто как-то не занимался выяснением того, откуда они брались. Потом уже, спустя несколько лет после революции 1905 года, выяснилось, что постоянным источником малых и больших сумм Боевой группы была мать Николая Евгеньевича, Софья Игнатьевна Буренина [1]. Она широко предоставляла и свою квартиру, и свои средства для нужд партии, и в частности Боевой организации. Очень приветливо и ласково встречала нас, часто весьма и весьма обтрепанных, в своей фешенебельной квартире на Рузовской улице, дом 3, и самое участливое отношение проявляла к нам; она была на редкость добрый и отзывчивый человек.

Чрезвычайно энергичный и хороший организатор, Герман Федорович вскоре наладил правильные сношения с Финляндией и получение через финских товарищей оружия. К тому времени у нас уже были организованы во всех районах небольшие группы рабочих, которые занимались вопросами подготовки к вооруженному восстанию. Они получали от нас оружие и даже инструкторов. Обязанности последних выполняла небольшая группа студентов-кавказцев, умевших владеть оружием. Помню, что несколько человек из них жило на Загородном проспекте, и мы частенько носили к ним револьверы, чтобы они, разобравшись в системе их,

---

[1] Умерла в феврале 1919 года в Петрограде. *Прим. авт.*

могли потом познакомить рабочих, как владеть ими. Инструктировали рабочих также и солдаты соседних казарм, с которыми они жили в приятельских отношениях.

Уже в мае и особенно в начале лета 1905 года мы стали получать довольно часто револьверы из Финляндии. Я и моя помощница Наташа ходили на Финляндский вокзал и там, на товарной станции, через товарищей-финнов, служащих Финляндской железной дороги, мы получали небольшие пакеты револьверов. Одного из них звали Отто Мальм (он носил кличку Серебряков), другой, Видель [1], назывался у нас Германсоном. Нужно сказать, что с товарищами-финнами было чрезвычайно приятно и легко работать. Они до того невозмутимо, точно и аккуратно выполняли свои обязанности, что, идя к ним, как-то никогда не закрадывалось сомнение в благополучном исходе наших «военных операций».

Сеть наших организаций развивалась, и мы могли уже более планомерно распределять полученное нами оружие; но спрос со стороны рабочих был так велик, что удовлетворить его мы никак не могли; это вызывало большое недовольство со стороны организованных рабочих.

Революционное движение нарастало, и мы должны были изыскивать такие способы вооружения, которые могли бы удовлетворить широкие массы рабочих, чем и объясняется дальнейшая наша интенсивная работа по изысканию способов изготовления бомб. Но пока бомб не было, приходилось ограничиваться распределением револьверов, которые получали члены боевых кружков.

Работа оживлялась большим рвением учащейся и рабочей молодежи к скорейшим боевым выступлениям; недостатка в людях, которые выполняли бы порой самую неинтересную и часто весьма рискованную работу по хранению и доставке оружия, не было. Молодежь рвалась в бой. У нас были правильно организованные явки, куда приходило довольно много народу.

Местом собрания часто была наша конспиративная квартира на Забалканском проспекте [2], против 2-й или 3-й Роты [3], хозяевами которой были Иван Александрович Ставровский и жена его Мария Павловна, которая свято относилась к обязанностям хозяйки конспиративной квартиры. Охотно давала нам приют Яковицкая, старая учительница, работавшая где-то в народной библиотеке. В ее небольшой уютной квартире на 11-й линии Васильевского острова собиралась наша группа. Помню ее часто недоуменные взгляды и какое-то любопытство к нам, как к породе людей очень занимательных, но малопонятных. Несмотря на весьма любезное предоставление нам своей квартиры, она порой пыталась некоторых из нас, особенно женщин, отговорить от этой рискованной работы,

---

[1] *О. Мальм* работал бухгалтером на вокзале Финляндской железной дороги в Петербурге. *Г. Видель* — служащий того же вокзала, затем — начальник одной из станций в Финляндии. *Ред.*

[2] Так назывался Московский тракт (ныне Московский проспект). *Ред.*

[3] Названные улицы (1—12-я Роты) позднее были переименованы в 1—12-ю Красноармейские улицы. *Ред.*

рисуя нам радости и удовольствия, если мы, не мудрствуя лукаво, займемся устройством своей личной жизни. Каким далеким и жалким лепетом казались нам увещевания этой благожелательной старушки! Помню еще одну квартиру, где мы особенно свободно и хорошо себя чувствовали. Это была комната Рицберга, молодого военного фельдшера, в здании Военно-медицинской академии. Относился он к нам очень хорошо, и мы широко пользовались его квартирой, хранили у него оружие, пироксилиновые шашки, документы, литературу и т. д. В том же здании — у сестры милосердия или фельдшерицы — не раз устраивались большие собрания ПК с представителями Бюро комитетов большинства в нашей организации, от которой бывали Буренин или же кто-нибудь из нас. Бывали там и явки секретаря ПК Ивана Сергеевича (Гусева).

Особенно много внимания и сил мы уделяли вопросу изготовления ручных бомб. Помню, при изыскании средств для изготовления оболочек приходилось руководствоваться такими положениями: материал, который легко найти во всякой мастерской, простота конструкции самой оболочки, конспиративность внешнего вида, дабы не навести никаких подозрений, и, наконец, по возможности безопасный способ начинения бомбы взрывчатым веществом и хранение ее в обстановке пролетарской квартиры. В хранении оружия рабочие проявляли большую изобретательность. Помню, кто-то из них рассказывал, что револьвер у него был спрятан в метле, которая стояла за дверью, и что во время обыска полиция не обратила никакого внимания на это «хранилище»...

Летом для Петербурга революционные организации ожидали... из Финляндии большой партии оружия; вопрос о таковой возможности держался в большой тайне, о ней знали только те члены группы, которые имели какое-либо к этому делу отношение. В конце августа или даже в начале сентября весть о том, что пароход «Джон Графтон», шедший с оружием, взорвался в Ботническом заливе, разрушила надежды группы на получение большого количества оружия. Несмотря на гибель транспорта оружия, все же кое-что было спасено прибрежными жителями и кое-что через финские связи перепало в распоряжение Боевой технической группы. Но эта получка была уже осенью, а главная работа летом состояла в изготовлении бомб. Взрывчатые вещества добывали частью в Финляндии, а частью, всеми правдами и неправдами, получали от петербургских химиков. Помню, профессор Тихвинский помогал нам в этом очень широко, принимал в этом деле участие и профессор Явейн [1].

Много трудностей и сложностей представляла боевая работа. Прежде всего необходима была строжайшая дисциплина, которую мы жестоко проводили. Никаких лишних разговоров на эту тему совершенно не допускалось, весь уклад жизни был иной, чем у товарищей, занимавшихся общепартийной работой. Лишали себя

[1] Л. Ю. *Явейн* — член химической группы, которая была создана осенью 1905 года и действовала под руководством Боевой технической группы при ЦК во главе с Л. Б. Красиным. *Ред.*

совершенно дружеских посещений товарищей, собраний, не относящихся непосредственно к нашей группе, социал-демократических вечеринок и т. п. А главное — мы исполняли наиболее рискованную работу сами или поручали ее только тем, кому доверяли так же, как самим себе. Помню, как приходилось переносить взрывчатые капсюли, получивши от химиков инструкции ни в коем случае не подвергаться никаким сотрясениям при переноске, не спотыкаться, не падать, не ударяться обо что-нибудь, ибо в противном случае грозило быть взорванным на воздух. До сознания эти опасности точно не доходили, но принимались все же при переноске все меры предосторожности, и никакие страхи не портили бодрого настроения. Как-то раз встретились мы с Наташей на Измайловском проспекте; у меня в сумочке были два револьвера системы «Смит-Вессон», у нее — взрывчатое вещество. Вид у обеих довольно потрепанный, так как приходилось весьма мало времени уделять заработку, и надо было жить на гроши, чтобы оставалось возможно больше досуга на революционную работу. Феодосии Ильиничне пришлось даже свою трехлетнюю дочку отослать к своему отцу в Ростов, чтобы всецело отдаться работе. Встретились мы с Наташей и от души посмеялись сами над собой; весело было смотреть на Наташу в потрепанном платье и весьма свежей изящной белой газовой шляпе с цветами «для конспирации». Накрапывал дождь, потом он изрядно зачастил, и «конспиративная» шляпка сразу приняла такой жалкий вид, что было бы гораздо конспиративнее не иметь ее на голове. Но — увы! — и дальше Наташе приходилось носить ту же шляпу, ибо ресурсов на новую совсем не было.

Вскоре у нас появились и готовые бомбы. Благодаря нашей конспирации, а главным образом, вероятно, тому, что в центр нашей организации в 1905 году не проник провокатор, у нас не было провалов. Организация наша развивалась и расширялась на периферии, а в центре оставались по-прежнему те же три человека. Сношения с центральными партийными организациями продолжались через Сергея Ивановича Гусева, но после III съезда, когда Гусев должен был уехать из Петербурга после провала ПК, на котором он благодаря исключительной находчивости и самообладанию избежал ареста, его заменил Никитич [1]. Руководство Боевой группой перешло от ПК к ЦК.

В конце лета 1905 года изменилось и основное ядро группы; мне пришлось оставить работу вследствие острого заболевания, явившегося результатом крайнего переутомления, а после выздоровления революционная волна захлестнула меня в общепартийную работу. Но новые товарищи продолжали настойчиво дело подготовки к вооруженному восстанию. Как ни незначительно было количество оружия, передаваемого Боевой группой рабочим, все же у тех из них, кому оно попало в руки, в революционные дни 1905 года оно поднимало боевой дух и революционную готовность к борьбе.

На баррикадах. Воспоминания участников революции 1905—1907 гг. в Петербурге. Л., 1984, с. 115—123

[1] Л. Б. Красин. *Ред.*

II
ВЫСШИЙ ПОДЪЕМ РЕВОЛЮЦИИ

(Октябрь — декабрь 1905 года)

В. И. Ленин

ПЕРВАЯ ПОБЕДА РЕВОЛЮЦИИ

Женева, 1 ноября (19 октября).

В понедельник поздно вечером телеграф принес Европе весть о царском манифесте 17 октября. «Народ победил. Царь капитулировал. Самодержавие перестало существовать»,— сообщал корреспондент *«Таймса»*. Иначе выразились далекие друзья русской революции, приславшие из Балтиморы (Сев. Америка) телеграмму в «Пролетарий»: «поздравляем с первой великой победой русской революции».

Эта последняя оценка событий, несомненно, гораздо более правильна. Мы имеем полное право торжествовать. Уступка царя есть действительно величайшая победа революции, но эта победа далеко еще не решает судьбы всего дела свободы. Царь далеко еще не капитулировал. Самодержавие вовсе еще не перестало существовать. Оно только отступило, оставив неприятелю поле сражения, отступило в чрезвычайно серьезной битве, но оно далеко еще не разбито, оно собирает еще свои силы, и революционному народу остается решить много серьезнейших боевых задач, чтобы довести революцию до действительной и полной победы.

День 17 октября останется в истории, как один из великих дней русской революции. Невиданная в мире всенародная стачка достигла своего апогея. Могучая рука пролетариата, поднявшегося в порыве геройской солидарности во всех концах России, остановила всю промышленную, торговую и государственную жизнь. Страна замерла перед бурей. То из одного, то из другого крупного города доходили вести, одна тревожнее другой. Войска колебались. Правительство воздерживалось от репрессии, революционеры не начинали открытых серьезных нападений, но восстание прорывалось с стихийной силой везде и повсюду.

И царское правительство в последнюю минуту пошло на уступку, сознав, что взрыв неизбежен, что одержать полную победу оно ни в каком случае и безусловно уже не в состоянии, а потерпеть полное поражение оно очень и очень может. «Сначала будет кровопролитие, а потом конституция»,— заявил, как передают, Трепов. В неизбежности конституции, даже при подавлении данного восстания, не могло быть уже никаких сомнений. И правительство рассчитало, что лучше не рисковать серьезным и всеобщим кровопролитием, ибо в случае победы народа царская власть была бы сметена начисто.

Нам известна лишь крохотная доля тех сведений, которые сосредоточились в понедельник 17 октября в руках правительства и заставили его уклониться от отчаянного боя и уступить. Все усилия местных и центральных властей были направлены на то, чтобы приостановить сообщения о грозном росте восстания или урезать эти сообщения. Но даже и тот скудный, случайный, урезанный материал, который проник в европейскую печать, не оставляет никакого сомнения в том, что это было действительное восстание, способное нагнать смертельный ужас на царя и царских министров.

Силы царизма и революции уравновесились, писали мы неделю тому назад, на основании первых вестей о всероссийской политической стачке. Царизм уже не в силах подавить революцию. Революция еще не в силах раздавить царизма [1]. Но при таком равновесии сил всякое промедление грозило величайшей опасностью царизму, ибо промедление неминуемо вносило колебания в войска.

Восстание разгоралось. Кровь лилась уже во всех концах России. Народ бился на баррикадах от Ревеля до Одессы, от Польши до Сибири. Войска побеждали в отдельных мелких столкновениях, но в то же время стали приходить известия о новом, невиданном еще явлении, ясно свидетельствующем о *военном* бессилии самодержавия. Это были известия о *переговорах* царского войска с восставшим народом (Харьков), известия об *удалении* войск из городов (Харьков, Ревель), как *единственном* средстве восстановить спокойствие. Переговоры с восставшим народом, удаление войск, это — начало конца. Это показывает лучше всяких рассуждений, что военные власти чувствовали себя до последней степени шатко. Это показывает, что недовольство в войсках достигло поистине ужасающих размеров. Отдельные вести и слухи попадали и в заграничную печать. В Киеве арестовывали отказывавшихся стрелять солдат. В Польше были такие же случаи. В Одессе пехоту держали в казармах, боясь вывести ее на улицу. В Петербурге начиналось явное брожение во флоте, и сообщали о полной ненадежности гвардии. А относительно Черноморского флота до сих пор нет возможности узнать настоящей правды. Уже 17-го октября телеграммы передавали, что слух о новом возмущении этого флота держится упорно, что все телеграммы перехватываются властями, которые пустили в ход все средства, чтобы не дать распространиться известиям о событиях.

Сопоставляя все эти отрывочные сообщения, нельзя не прийти к выводу, что положение самодержавия даже с чисто военной точки зрения было отчаянное. Оно подавляло еще частные вспышки, его войска брали еще баррикады то здесь, то там, но эти частные столкновения только разжигали страсти, только усиливали возмущение, только приближали более сильный всеобщий взрыв, а его-то и боялось правительство, не полагавшееся уже на войско.

Неприятель не принял серьезного сражения. Неприятель от-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 3—4. *Ред.*

ступил, оставив за революционным народом поле сражения,— отступил на новую позицию, которая кажется ему лучше укрепленной и на которой он надеется собрать более надежные силы, сплотить и ободрить их, выбрать лучший момент для нападения.

Целый ряд сравнительно «беспристрастных» отзывов европейской буржуазной печати подтверждает такую оценку великого дня 17 октября.

С одной стороны, европейская буржуазия вздыхает спокойно. Царский манифест обещает прямую конституцию: Дума получает законодательные права, ни один закон не может войти в силу без одобрения народными представителями, дарована ответственность министров, дарованы гражданские свободы, неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов. И биржа спешит выразить большее доверие к русским финансам. Поднимается падавший в последние дни курс русских бумаг. Иностранные банкиры, обратившиеся в бегство из революционного Петербурга, обещают вернуться через две недели. Конституция кажется европейской буржуазии залогом «мирных» маленьких уступок, которые вполне удовлетворят имущие классы, не позволив в то же время революционному пролетариату приобрести «слишком много» свободы.

Но, с другой стороны, даже либеральные буржуа не могут не видеть, что манифест царя содержит лишь одни слова, одни обещания. Кто же поверит теперь одним обещаниям? Не насмешка ли все эти фразы о неприкосновенности личности и свободе слова, когда тюрьмы все еще переполнены так называемыми политическими преступниками, когда цензура продолжает еще держаться? Какие люди будут приводить в исполнение обещание царя? Министерство Витте, в которое по слухам входят Кузьмин-Караваев, Косич, Кони? Это не будет даже министерство либеральной буржуазии. Это — только еще министерство либеральной *бюрократии*, которую столько раз побеждала уже придворная реакционная клика. Неужели народ проливал свою кровь в борьбе за свободу, чтобы положиться на либеральных бюрократов, отделывающихся одними словами да обещаниями?!

Нет, царизм еще далеко не капитулировал. Самодержавие далеко еще не пало. Революционному пролетариату предстоит еще ряд великих битв, и первая победа поможет ему сплотить свои силы и завербовать себе новых союзников в борьбе.

«Самый уже успех дела свободы,— писал корреспондент «Таймса» в день опубликования манифеста,— только побудит реакционные элементы к новой деятельности, и, пока армия остается под властью ее старых начальников, Россия не может быть обеспечена от возможности *пронунциаменто*[1]». «Еще вопрос, не послужит ли вынужденная уступка правительства в самый разгар революционного подъема сигналом к новому усилию революции?» «Неизвестно, выбита ли бюрократия из своей цитадели или она

---

[1] Военного переворота. *Ред.*

только отступила со своих передовых позиций»,— говорят буржуазные оптимисты, хотя факты показывают явно, что «цитадель» самодержавия остается еще во всей силе.

Вынужденный характер уступки всего более волнует умеренных буржуа. Орган французского господствующего денежного мешка, газета «Temps»[1] страшно возмущалась «анархией» и изрыгала брань и клевету против устроителей и участников всероссийской политической стачки. Теперь эта газета, удовлетворенная сама по себе конституционными обещаниями царя, с тревогой замечает: «Царь вместо того, чтобы действовать по своей инициативе, просто подписал «наказы» либеральной оппозиции. Это — дурной способ, придающий последовательным реформам вынужденный характер, характер чего-то отрывочного, внезапного. Этот способ ставит правительство в противоречие с самим собой и дает премию насилию. К несчастью, слишком ясно, что дело действительно зашло далеко, что иного выхода не было из того тупика, куда загнали правительство. Забудем же скорее о характере этой капитуляции — капитуляции не только перед конституционалистами, людьми умеренными, которых следовало бы послушаться прежде всего, а капитуляции перед стачкой, капитуляции перед революцией».

Нет, господа буржуа, рабочие не забудут никогда вынужденного характера царской капитуляции! Рабочие не забудут никогда, что только силой, силой своей организации, своего единодушия, своего героизма масс, они вырвали у царизма признание свободы в бумажке-манифесте, вырвут свободу и на деле.

Мы сказали выше, что неприятель отступил, оставив поле сражения за революционным пролетариатом. Мы должны добавить теперь: отступающего неприятеля продолжают энергично преследовать. В понедельник, 17 октября, вышел манифест царя. Во вторник, 18-го, вышел, по сообщению агентства Вольфа, манифест Российской социал-демократической рабочей партии[2], изданный в громадном количестве экземпляров в Петербурге. Манифест заявляет, что борьба пролетариата нисколько не прекращается изданием царского манифеста. Тактика пролетариата должна состоять в использовании тех прав, которые дарованы под давлением его ударов, в устройстве собраний рабочих для решения вопроса о продолжении стачки, в организации милиции для охраны революционных[3] прав, в предъявлении требования полной амнистии. Социал-демократические ораторы народных собраний настаивают на созыве учредительного собрания. Стачечный комитет, по телеграммам, требует амнистии и немедленного созыва учредительного собрания на основах всеобщего и прямого избирательного права.

---

[1] *«Le Temps»* («Время») — ежедневная консервативная газета, издавалась в Париже. *Ред.*

[2] Имеется в виду воззвание Центрального Комитета РСДРП «К русскому народу!» по поводу царского манифеста 17 октября 1905 года от 18 (31) октября 1905 года. *Ред.*

[3] В рукописи вместо слова «революционных» — «завоеванных». *Ред.*

Революционный инстинкт сразу подсказал рабочим Петербурга верный лозунг: энергичное продолжение борьбы, использование новых завоеванных позиций для продолжения натиска, для действительного уничтожения самодержавия. И борьба продолжается. Собрания становятся чаще и многочисленнее. Радость и законная гордость по поводу первой победы не мешают новой организации сил для доведения до конца революции. Ее успех зависит от привлечения на сторону свободы еще более широких слоев народа, их просвещения и организации. Рабочий класс доказал свои гигантские силы всероссийской политической стачкой, но среди отсталых слоев городского пролетариата нам предстоит еще не мало работы. Создавая рабочую милицию,— этот единственный надежный оплот революции, — готовясь к новой и еще более решительной борьбе, поддерживая свои старые лозунги, мы должны обратить также особое внимание на армию. В ее ряды вынужденная уступка царя должна была внести всего более колебания, и теперь, привлекая солдат на рабочие собрания, усиливая агитацию в казармах, расширяя связи с офицерами, мы должны наряду с революционной армией рабочих создавать кадры сознательных революционеров и в войске, которое вчера еще было исключительно царским войском, которое теперь стоит накануне превращения в народное войско.

Революционный пролетариат добился нейтрализации войска, парализовав его в великие дни всеобщей стачки. Он должен теперь добиться полного перехода войск на сторону народа.

Революционный пролетариат привел к первой великой победе революцию городскую. Он должен теперь расширить и углубить базу революции, распространив ее на деревни. Поднять крестьянство до сознательной защиты дела свободы, потребовать серьезнейших мер в пользу крестьянства, подготовить деревенское движение, которое бы в связи с передовым городским пролетариатом добило самодержавие, завоевало полную и настоящую свободу,— такова теперь очередная задача российской социал-демократии.

Успех революции зависит от размеров тех масс пролетариата и крестьянства, которые поднимутся на ее защиту и за ее окончание. Революционная война отличается от других войн тем, что она черпает свой главный резерв из лагеря вчерашних союзников своего врага, вчерашних сторонников царизма или людей, слепо шедших за царизмом. И успех всероссийской политической стачки скажет больше уму и сердцу мужика, чем сбивчивые слова каких угодно манифестов и законов.

Русская революция только-только начинала развиваться, когда всю политическую авансцену занимали либеральные буржуа, как это было год тому назад.

Революция встала на ноги, когда выступил городской рабочий класс 9-го января.

Революция одержала первую победу, когда пролетариат всех народов России встал, как один человек, и тряхнул царский трон, от которого такие неисчислимые бедствия перенесли все народы и больше всего трудящиеся классы всех народов.

Революция добьет врага и сотрет с лица земли трон кровавого царя, когда рабочие поднимутся еще раз и поведут за собой и крестьянство.

А дальше — дальше есть еще резерв у русской революции. Прошли те времена, когда народы и государства могли жить обособленно друг от друга. Посмотрите: Европа уже волнуется. Ее буржуазия смущена и готова отдать миллионы и миллиарды, лишь бы остановить пожар в России. Правители военных европейских держав подумывают о военной помощи царю. Вильгельм послал уже несколько крейсеров и две дивизии миноносцев для установления прямых сношений германских солдафонов с Петергофом. Контрреволюция европейская протягивает руку контрреволюции русской.

Попробуйте, попробуйте, гражданин Гогенцоллерн! У нас тоже есть европейский резерв русской революции. Этот резерв — международный социалистический пролетариат, международная революционная социал-демократия. Рабочие всего мира с трепетом восторга приветствуют победу русских рабочих и, сознавая тесную связь между отрядами международной армии социализма, готовятся и сами к великой и решительной борьбе.

Вы не одиноки, рабочие и крестьяне всей России! И если вам удастся свалить, добить и уничтожить тиранов крепостной, полицейской, помещичьей и царской России, то ваша победа будет сигналом всемирной борьбы против тирании капитала, борьбы за полное, не политическое только, но и экономическое освобождение трудящихся, борьбы за избавление человечества от нищеты и за осуществление социализма.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 27—35

УРОКИ МОСКОВСКОГО ВОССТАНИЯ

Книга: «Москва в декабре 1905 г.» (М. 1906) вышла в свет как нельзя более своевременно. Усвоение опыта декабрьского восстания — насущная задача рабочей партии. К сожалению, эта книга — бочка меда с ложкой дегтя: интереснейший, несмотря на его неполноту, материал — и выводы невероятно неряшливые, невероятно пошлые. Об этих выводах мы поговорим особо [1], а теперь обратимся к современной политической злобе дня, к урокам московского восстания.

Главной формой декабрьского движения в Москве была мирная забастовка и демонстрации. Громадное большинство рабочей массы активно участвовало только в этих формах борьбы. Но именно декабрьское выступление в Москве показало воочию, что всеобщая стачка, как самостоятельная и главная форма борьбы, изжила себя, что движение с стихийной, неудержимой силой вырывается из этих узких рамок и порождает высшую форму борьбы, восстание.

Все революционные партии, все союзы в Москве, объявляя стачку, сознавали и даже чувствовали неизбежность превращения ее в восстание. Было постановлено 6 декабря Советом рабочих депутатов «стремиться перевести стачку в вооруженное восстание». Но на самом деле все организации были не подготовлены к этому, даже коалиционный Совет боевых дружин говорил *(9-го декабря!)* о восстании, как о чем-то отдаленном, и уличная борьба, несомненно, шла через его голову и помимо его участия. Организации *отстали* от роста и размаха движения.

Забастовка вырастала в восстание, прежде всего, под давлением объективных условий, сложившихся после октября. Правительство нельзя уже было застигнуть врасплох всеобщей стачкой, оно уже сорганизовало готовую к военным действиям контрреволюцию. И общий ход русской революции после октября, и последовательность событий в Москве в декабрьские дни поразительно подтвердили одно из глубоких положений Маркса: революция идет вперед тем, что создает сплоченную и крепкую контрреволюцию, т. е. заставляет врага прибегать к все более крайним средствам

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 388—392. *Ред.*

защиты и вырабатывает таким образом все более могучие средства нападения [1].

7-е и 8-е декабря: мирная забастовка, мирные демонстрации масс. 8-го вечером: осада Аквариума [2]. 9-го днем: избиение толпы драгунами на Страстной площади. Вечером — разгром дома Фидлера [3]. Настроение поднимается. Уличная, неорганизованная толпа совершенно стихийно и неуверенно строит первые баррикады.

10-е: начало артиллерийской стрельбы по баррикадам и по улицам в толпу. Постройка баррикад становится уверенной и не единичной уже, а безусловно массовой. Все население на улицах; весь город в главных центрах покрывается сетью баррикад. Развертывается в течение нескольких дней упорная партизанская борьба дружинников с войсками, борьба, истомившая войска и заставившая Дубасова молить о подкреплениях. Лишь к 15-му декабря перевес правительственных сил стал полным, и 17-го семеновцы разгромили Пресню, последний оплот восстания.

От стачки и демонстраций к единичным баррикадам. От единичных баррикад к массовой постройке баррикад и к уличной борьбе с войском. Через голову организаций массовая пролетарская борьба перешла от стачки к восстанию. В этом величайшее историческое приобретение русской революции, достигнутое декабрем 1905 года,— приобретение, купленное, как и все предыдущие, ценой величайших жертв. Движение поднято от всеобщей политической стачки на высшую ступень. Оно заставило реакцию дойти *до конца* в сопротивлении и тем приблизило в гигантской степени тот момент, когда революция тоже дойдет до конца в применении средств наступления. Реакции *некуда* идти дальше артиллерийского расстрела баррикад, домов и уличной толпы. Революции есть еще куда идти дальше московских дружинников, очень и очень есть куда идти и вширь и вглубь. И революция ушла далеко вперед с декабря. Основа революционного кризиса стала неизмеримо более широкой,— лезвие должно быть отточено теперь острее.

Перемену в объективных условиях борьбы, требовавшую перехода от стачки к восстанию, пролетариат почувствовал раньше, чем его руководители. Практика, как и всегда, шла впереди теории. Мирная стачка и демонстрации сразу перестали удовлетворять рабочих, спрашивавших: что же дальше? — требовавших более активных действий. Директива строить баррикады пришла в районы с громадным опозданием, когда в центре уже строили баррика-

[1] В. И. Ленин приводит положение из работы К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 7). *Ред.*

[2] Вечером 8 (21) декабря 1905 года солдаты и полиция оцепили сад «Аквариум» (на Садово-Триумфальной площади), где в это время в помещении театра проходил многолюдный митинг. *Ред.*

[3] Помещение училища Фидлера (у Чистых прудов) было постоянным местом партийных митингов и собраний. Вечером 9 (22) декабря 1905 года дом Фидлера, где в это время проходил митинг, был окружен войсками. *Ред.*

ды. Рабочие массами взялись за дело, но *не удовлетворились и им,* спрашивали: что же дальше? — требовали активных действий. Мы, руководители с.-д. пролетариата, оказались в декабре похожими на того полководца, который так нелепо расположил свои полки, что бóльшая часть его войска не участвовала активно в сражении. Рабочие массы искали и не находили директив относительно активных массовых действий.

Таким образом, нет ничего более близорукого, как подхваченный всеми оппортунистами взгляд Плеханова, что нечего было начинать несвоевременную стачку, что «не нужно было браться за оружие». Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы. И теперь мы должны, наконец, открыто и во всеуслышание признать недостаточность политических забастовок, должны агитировать в самых широких массах за вооруженное восстание, не прикрывая этого вопроса никакими «предварительными ступенями», не набрасывая никакого флера. Скрывать от масс необходимость отчаянной, кровавой, истребительной войны, как непосредственной задачи грядущего выступления, значит, обманывать и себя, и народ.

Таков первый урок декабрьских событий. Другой урок касается характера восстания, способа ведения его, условий перехода войск на сторону народа. У нас в правом крыле партии сильно распространен крайне односторонний взгляд на этот переход. Нельзя, дескать, бороться против современного войска, нужно, чтобы войско стало революционно. Разумеется, если революция не станет массовой и не захватит самого войска, тогда не может быть и речи о серьезной борьбе. Разумеется, работа в войске необходима. Но нельзя представлять себе этот переход войска в виде какого-то простого, единичного акта, являющегося результатом убеждения, с одной стороны, и сознания, с другой. Московское восстание наглядно показывает нам шаблонность и мертвенность такого взгляда. На деле неизбежное, при всяком истинно народном движении, колебание войска приводит при обострении революционной борьбы к настоящей *борьбе за войско.* Московское восстание показывает нам именно самую отчаянную, самую бешеную борьбу реакции и революции за войско. Дубасов сам заявил, что только 5 тысяч московского войска из 15 надежны. Правительство удерживало колеблющихся самыми разнообразными, самыми отчаянными мерами: их убеждали, им льстили, их подкупали, раздавая часы, деньги и т. п., их спаивали водкой, их обманывали, их запугивали, их запирали в казармы, их обезоруживали, от них выхватывали предательством и насилием солдат, предполагаемых наиболее ненадежными. И надо иметь мужество прямо и открыто признать, что мы оказались в этом отношении позади правительства. Мы не сумели использовать имевшихся у нас сил для такой же активной, смелой, предприимчивой и наступательной борьбы за колеблющееся войско, которую повело и про-

вело правительство. Мы готовили и будем еще упорнее готовить идейную «обработку» войска. Но мы окажемся жалкими педантами, если забудем, что в момент восстания нужна также и физическая борьба за войско.

Московский пролетариат дал нам в декабрьские дни великолепные уроки идейной «обработки» войска,— напр., 8-го декабря на Страстной площади, когда толпа окружила казаков, смешалась с ними, браталась с ними и побудила уехать назад. Или 10-го на Пресне, когда две девушки-работницы, несшие красное знамя в 10 000-ной толпе, бросились навстречу казакам с криками: «убейте нас! живыми мы знамя не отдадим!». И казаки смутились и ускакали при криках толпы: «да здравствуют казаки!». Эти образцы отваги и геройства должны навсегда быть запечатлены в сознании пролетариата.

Но вот примеры нашей отсталости от Дубасова. 9-го декабря по Б. Серпуховской улице идут солдаты с Марсельезой присоединяться к восставшим. Рабочие шлют делегатов к ним. Малахов, сломя голову, скачет сам к ним. Рабочие опоздали, Малахов приехал вовремя. Он сказал горячую речь, он поколебал солдат, он окружил их драгунами, отвел в казармы и запер там. Малахов успел приехать, а мы не успели, хотя в два дня по нашему призыву встало 150 000 человек, которые могли и должны были организовать патрулирование улиц. Малахов окружил солдат драгунами, а мы не окружили Малаховых бомбистами. Мы могли и должны были сделать это, и с.-д. печать давно уже (старая «Искра»[1]) указывала на то, что беспощадное истребление гражданских и военных начальников есть наш долг во время восстания. То, что произошло на Б. Серпуховской улице, повторилось, видимо, в главных чертах и перед Несвижскими казармами, и перед Крутицкими, и при попытках пролетариата «снять» екатеринославцев, и при посылке делегатов к саперам в Александров, и при возвращении назад отправленной было в Москву ростовской артиллерии, и при обезоружении саперов в Коломне и так далее. В момент восстания мы были не на высоте задачи в борьбе за колеблющееся войско.

Декабрь подтвердил наглядно еще одно глубокое и забытое оппортунистами положение Маркса, писавшего, что восстание есть искусство и что главное правило этого искусства — отчаянно-смелое, бесповоротно-решительное *наступление* [2]. Мы недостаточно усвоили себе эту истину. Мы недостаточно учились сами и учили массы этому искусству, этому правилу наступления во что бы то ни стало. Мы должны наверстать теперь упущенное нами со всей энергией. Недостаточно группировок по отношению к политическим лозунгам, необходима еще группировка по отношению к вооруженному восстанию. Кто против него, кто не готовится

[1] *«Искра»* (старая) — первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная В. И. Лениным в 1900 году и сыгравшая решающую роль в создании революционной марксистской партии рабочего класса России. *Ред.*

[2] Имеется в виду работа «Революция и контрреволюция в Германии», написанная Ф. Энгельсом (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 100). *Ред.*

к нему,— того надо беспощадно выкидывать вон из числа сторонников революции, выкидывать к противникам ее, предателям или трусам, ибо близится день, когда сила событий, когда обстановка борьбы заставит нас разделять врагов и друзей по этому признаку. Не пассивность должны проповедовать мы, не простое «ожидание» того, когда «перейдет» войско,— нет, мы должны звонить во все колокола о необходимости смелого наступления и нападения с оружием в руках, о необходимости истребления при этом начальствующих лиц и самой энергичной борьбы за колеблющееся войско.

Третий великий урок, который дала нам Москва, касается тактики и организации сил для восстания. Военная тактика зависит от уровня военной техники,— эту истину разжевал и в рот положил марксистам Энгельс [1]. Военная техника теперь не та, что была в половине XIX в. Против артиллерии действовать толпой и защищать с револьверами баррикады было бы глупостью. И Каутский прав был, когда писал, что пора пересмотреть после Москвы выводы Энгельса, что Москва выдвинула *«новую баррикадную тактику»*[2]. Эта тактика была тактикой партизанской войны. Организацией, которая обусловлена такой тактикой, были подвижные и чрезвычайно мелкие отряды: десятки, тройки, даже двойки. У нас часто можно встретить теперь социал-демократов, которые хихикают, когда речь заходит о пятках и тройках. Но хиханье есть только дешевенький способ закрыть глаза на *новый* вопрос о тактике и организации, вызываемой уличною борьбой при современной военной технике. Вчитайтесь в рассказ о московском восстании, господа, и вы поймете, какую связь имеют «пятки» с вопросом о «новой баррикадной тактике».

Москва выдвинула ее, но далеко не развила, далеко не развернула в сколько-нибудь широких, действительно массовых размерах. Дружинников было мало, рабочая масса не получила лозунга смелых нападений и не применила его, характер партизанских отрядов был слишком однообразен, их оружие и их приемы недостаточны, их уменье руководить толпой почти не развито. Мы должны наверстать все это и мы наверстаем, учась из опыта Москвы, распространяя этот опыт в массах, вызывая творчество самих масс в деле дальнейшего развития этого опыта. И та партизанская война, тот массовый террор, который идет в России повсюду почти непрерывно после декабря, несомненно помогут научить массы правильной тактике в момент восстания. Социал-демократия должна признать и принять в свою тактику этот массовый террор, разумеется, организуя и контролируя его, подчиняя интересам и условиям рабочего движения и общереволюционной борьбы, устраняя и отсекая беспощадно то «босяческое» извращение этой партизанской войны, с которым так великолепно

[1] Это положение неоднократно развивалось Ф. Энгельсом в ряде его произведений, в частности в работе «Анти-Дюринг». *Ред.*

[2] Об этом В. И. Ленин более подробно говорит в своей работе «Русская революция и задачи пролетариата» (см.: Полн. собр. соч., т. 12, с. 215—216). *Ред.*

и так беспощадно расправлялись москвичи в дни восстания и латыши в дни пресловутых латышских республик.

Военная техника в самое последнее время делает еще новые шаги вперед. Японская война выдвинула ручную гранату. Оружейная фабрика выпустила на рынок автоматическое ружье. И та и другое начинают уже с успехом применяться в русской революции, но далеко в недостаточных размерах. Мы можем и должны воспользоваться усовершенствованием техники, научить рабочие отряды готовить массами бомбы, помочь им и нашим боевым дружинам запастись взрывчатыми веществами, запалами и автоматическими ружьями. При участии рабочей массы в городском восстании, при массовом нападении на врага, при решительной умелой борьбе за войско, которое еще более колеблется после Думы, после Свеаборга и Кронштадта, при обеспеченном участии деревни в общей борьбе — победа будет за нами в следующем всероссийском вооруженном восстании!

Будем же шире развертывать нашу работу и смелее ставить свои задачи, усваивая уроки великих дней российской революции. В основе нашей работы лежит верный учет интересов классов и потребностей общенародного развития в данный момент. Вокруг лозунга: свержение царской власти и созыв революционным правительством учредительного собрания мы группируем и будем группировать все бо́льшую часть пролетариата, крестьянства и войска. Развитие сознания масс остается, как и всегда, базой и главным содержанием всей нашей работы. Но не забудем, что к этой общей, постоянной и основной задаче моменты, подобные переживаемому Россией, прибавляют особые, специальные задачи. Не будем превращаться в педантов и филистеров, не будем отговариваться от этих особых задач момента, от этих специальных задач данных форм борьбы посредством бессодержательных ссылок на наши всегдашние и неизменные при всех условиях, во все времена, обязанности.

Будем помнить, что близится великая массовая борьба. Это будет вооруженное восстание. Оно должно быть, по возможности, единовременно. Массы должны знать, что они идут на вооруженную, кровавую, отчаянную борьбу. Презрение к смерти должно распространиться в массах и обеспечить победу. Наступление на врага должно быть самое энергичное; нападение, а не защита, должно стать лозунгом масс, беспощадное истребление врага — станет их задачей; организация борьбы сложится подвижная и гибкая; колеблющиеся элементы войска будут втянуты в активную борьбу. Партия сознательного пролетариата должна выполнить свой долг в этой великой борьбе.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 369—377

А. И. Горчилин (Гренадер)

1905 ГОД НА КАЗАНКЕ

ВОСПОМИНАНИЯ ПОДПОЛЬЩИКА

...Приближался октябрь, а с ним и события невиданного размаха и значения — первая всероссийская всеобщая забастовка. В этой забастовке, в этой первой решительной схватке рабочего класса с самодержавием казанцы под руководством большевиков выступили мощной колонной. Уже во второй половине сентября 1905 года революционное настроение рабочих Казанских мастерских повысилось настолько, что объявление неизбежной политической забастовки ожидалось со дня на день. Наши собрания того времени были заняты выработкой будущих политических и экономических требований. Кроме общих требований для всех мастерских (8-часовой рабочий день, процентная прибавка к жалованью и т. п.) от каждой мастерской были внесены свои добавления — это должно было сплотить всю рабочую массу на дружное проведение забастовки...

...Группа за группой рабочие Ярославки присоединялись к забастовке и выходили вместе с казанцами на улицу, где снова начался митинг. Так в районе Каланчевки (ныне Комсомольская площадь) на стыке трех железных дорог из мастерских Казанки под руководством большевиков началась октябрьская стачка 1905 года. Отделившись от митинга, несколько сот казанцев направились на машиностроительный завод Вейхельта, потом на Курскую железную дорогу.

Рабочие в массе, казалось, ждали нас, бросали работу, и начался митинг.

Один за другим рабочие, члены нашей организации, впервые выступали перед собравшейся массой; сама масса выдвигала ораторов... Так выковывались вожди забастовки в этот бурный день. К нам подбегали рабочие и служащие, представители мелких заведений и управления, просили помочь им присоединиться к забастовке. Мы отправляли с просителями несколько десятков человек на предприятия. Прихода наших рабочих-забастовщиков было достаточно, чтобы немедленно начиналось собрание, которое обычно кончалось присоединением к забастовке.

Поздно вечером собрался наш районный комитет. Подвели итоги богатого событиями дня. Решено было продолжать митинги в мастерских, на канаве, каждый день в 12 часов дня.

...Во избежание арестов рекомендовалось не ночевать дома.

Поздно ночью после собрания шли в Черкизово, Сокольники или за Крестовскую заставу на ночлег к одному из живших там рабочих.

В 11 часов утра мы снова в знакомых переулках, проходных дворах, калитках и, наконец, на канаве, полной народу. В этот раз кроме казанцев на митинг собрались рабочие из близлежащих мастерских Сокольнического района, а также с Ярославской и Николаевской железных дорог.

На электрической тележке-трибуне среди наших ребят находился и Мандельштам. Я открыл митинг и предоставил ему слово как представителю партии. Ясно, подробно изложил он собравшимся значение начавшейся борьбы, в которой казанцы славно выступили в первых рядах... Он закончил призывом к собравшимся выбрать представителей в Московский Совет рабочих депутатов.

Собрание выбрало в первый Московский Совет рабочих депутатов от мастерских Горчилина, Белоруссова и Шибаева.

...На третий день октябрьской забастовки в Москве работа совершенно остановилась, замерла. На улицах повсюду толпилось много народу. Казалось, настал особый рабочий праздник. Рабочие стояли группами у ворот домов, где жили; на углах улиц и переулков оживленно проходили беседы-летучки. Иногда раздавался пронзительный свист; все оборачивались, кричали, свистели, гикали: «У... лю-лю... фараоны!» Так встречали и провожали рабочие старавшихся быстро скрыться городовых. На второй и третий день стачки полиция перестала показываться в рабочих кварталах...

...4 декабря 1905 года в реальном училище Фидлера, в одном из небольших классов, состоялось последнее перед восстанием заседание Московского комитета большевиков. Председательствовал Дубровинский, человек чрезвычайно ясного ума, революционер широкого масштаба, пользовавшийся у нас абсолютным авторитетом. Ответственные организаторы районов докладывали комитету о положении в их районах, о настроении рабочих, о готовности их вступить снова в стачку и о подготовленности организации к переводу стачки на восстание. Мандельштам охарактеризовал наш Железнодорожный район как готовый к выступлению... Организаторы районов высказались за объявление стачки-восстания в ближайшие дни... Решение приняли такое: назавтра, 5 декабря, созвать общемосковскую конференцию большевиков: на ней, не навязывая массам готового мнения комитета, поставить вопрос о стачке-восстании и там же вынести окончательное решение.

5 декабря вечером в том же училище Фидлера собралась общемосковская конференция. Присутствовала почти в полном составе и агитаторская группа Московского комитета. Председателем был Марат (В. Шанцер). Он доложил конференции о последнем заседании Московского комитета и предложил представителям всех крупных фабрик и заводов высказаться о положе-

нии дел у них на местах... Один за другим выступали рабочие, называли число организованных, определенно сочувствующих и вооруженных. Большей частью делегаты заканчивали свою речь тем, что объявления стачки требует широкая масса рабочих и что стачка неизбежно перейдет в восстание. Я повторил приблизительно то же, что сказал накануне на заседании Московского комитета... Почти единогласно было принято решение объявить всеобщую политическую забастовку 7 декабря в 12 часов дня [1].

Кажется, прямо с конференции или же на другой день мы с Белоруссовым отправились на заседание Московского Совета рабочих депутатов, членами которого нас выбрали казанцы. Председателем совета был Гришин — рабочий мастерских Александровской железной дороги. После выступления представителя большевиков Марата Московский Совет присоединился к решению нашей конференции и даже принял составленное большевиками воззвание к населению Москвы.

...Дни 8 и 9 декабря прошли в митингах на канаве. На них кроме нас, рабочих из мастерских, выступали члены агитаторской группы большевиков, а также член Московского комитета нашей партии по кличке Никодим — Шестаков.

Он говорил:

— Товарищи, день вооруженного восстания настал. От имени Московского комитета Российской социал-демократической партии большевиков призываю вас к оружию. Пусть останутся здесь только те, кто может сейчас же выступить в бой. У Короткова и Иванова записывайтесь в новые пятки и десятки дружинников, они же дадут вам оружие. Те, кто не умеет владеть оружием, пусть помогают нам, пусть куют пики, кинжалы. Вооружайтесь все кто чем может, обезоруживайте городовых и арестовывайте их, извещайте дружину о казаках и драгунах! Загораживайте улицы и переулки. Все на помощь дружине! Все за революцию! Да здравствует вооруженное восстание!

Необычная жизнь закипела в мастерских. Строились пятки и десятки дружинников, тащили железо и проволоку, раздували заклепочные горны, ковалось холодное оружие, формовались оболочки бомб, уходили на разведку дружинники. Скоро стало известно, что на Краснопрудной едет по направлению к вокзалу отряд казаков. Выбежали на линию через пути в мозжухинскую калитку, расположились беспорядочно в переулке. Казаки на другом конце переулка остановились. Я и бывшие со мной дружинники сразу с колена открыли стрельбу из маузеров по казакам. Казаки смешались, повернули лошадей и скрылись за углом переулка. Рабочие закричали: «Ура-а-а!» Многие побежали вперед, к Краснопрудной. Сейчас же там, припадая к земле, на ходу стреляя

[1] После окончания конференции МК РСДРП обсудил вопрос практического руководства стачкой и восстанием. С этой целью из членов МК была создана Исполнительная комиссия в составе трех членов (В. Л. Шанцер, М. И. Васильев-Южин, М. Н. Лядов) и двух кандидатов (В. М. Савков и З. Н. Доссер). Остальные члены МК должны были возглавить движение в районах. *Ред.*

и с колена и лежа, появилась цепь уже пеших казаков. И рабочие, и дружинники жались к домам, скрываясь в ворота, двери и за углы домов. Пули свистели по переулку, щелкали о мостовую...

Постепенно стрельба затихла. Наступил вечер, подходили дружинники и собирались перед мастерскими на линии... Среди оставшихся из эсеровской дружины был и машинист Ухтомский. Мы предложили ему составить поезд для дружины из нескольких классных вагонов и подать их к мастерским. Коротков хозяйственно-заботливо размещал подходивших дружинников в поданных Ухтомским вагонах первого класса.

...Скоро утомленная за день дружина спала мертвым сном. Посоветовавшись с Никодимом, я сказал Ухтомскому, чтобы он вывез дружину на ближнюю станцию за Москву. Тихо, без огней тронулись на линию. Где-то за Сортировочной, на одном из запасных путей, среди множества застрявших от забастовки товарных вагонов, спокойно прошла для дружины первая ночь. Все хорошо выспались. Утром вернулись к мастерским. Нас уже ждали ночевавшие по домам дружинники. Число их увеличилось. Народ прибывал на помощь дружине. Когда мы переходили из дома в дом, на лестницах встречали нас рабочие, хозяева квартир верхних этажей. Советовали, как лучше пройти на чердак и на крышу, показывали сами дорогу, провожали, шли на активную помощь — строить баррикады. Сеть переулков и улиц, занятых нами и забаррикадированных, увеличивалась. Только еще по Краснопрудной, прижавшись к седлам, небольшими группами скользили к Каланчевской площади и Красным воротам драгуны и казаки.

Вскоре началось строительство баррикад и на Краснопрудной. Резали, быстро пилили ближайший от угла телеграфный столб; срезанный, он висел на проволоке — рвали проволоку с него, спешили, тащили его на другую сторону улицы. Случалось, драгуны, не видя проволоки поперек улицы, с разбегу наскакивали на нее, путались. Этого только и надо было спрятавшейся дружине. Убитые и раненые солдаты обычно уносились своими. К натянутой через улицу проволоке тащили и бросали все, что попадалось под руки. Камнями и землей с разобранной мостовой укреплялась баррикада. Улицы одна за другой покрывались баррикадами...

...После неудачной атаки Николаевского вокзала дружинники постепенно собрались на линию к своему поезду. Со стороны Сокольничего моста по линии шагали к нам вооруженные люди — это были дружинники с фабрик Сокольнического района. Во главе их был энергичный молодой рабочий Ястребов (я знал его по устройству массовок в лесу в Сокольниках). Со своей дружиной из нескольких десятков человек Ястребов влился в нашу дружину.

...Стало темнеть. Стрельба из пушек от Николаевского вокзала прекратилась. Затихли и редкие одиночные выстрелы. Дружина разместилась в вагонах. Тронулись снова на ночевку за город. Приехали на забитую товарными вагонами Сортировочную, не нашли подходящего места, тронулись дальше. В Перове остановились на дальнем запасном пути. Часовые, расставленные

на площадках вагонов, на станции и за водокачкой, валились с ног от усталости...

Через полчаса мы были в Москве, проверяли свои позиции: чердаки, проходные дворы, баррикады. За ночь противник не продвинулся.

Едва мы разошлись по району и к баррикадам, как снова загрохотали орудия от Николаевского вокзала. Снаряды ложились в центре нашей базы — в мастерских и по линии. Достаточно было дружинникам или местным жителям собраться кучкой, как снаряд падал поблизости. Очевидно, кто-то хорошо указывал, куда стрелять из орудий. С крыш и чердаков высоких домов мы скоро увидели, где сидят наблюдатели, корректирующие стрельбу из пушек,— это была каланча Николаевского вокзала. На ней под часами шевелились люди, хоронились, застывали на некоторое время неподвижно, исчезали, потом появлялись снова. Я вместе с матросами подобрался ближе к Николаевскому вокзалу. Выбрали чердак вагонных мастерских. Со стороны Казанского и Николаевского этот чердак имел круглое отверстие. Около него мы и расположились с винтовками.

Первые же два наблюдателя были сняты с каланчи меткими выстрелами наших матросов. Появились другие, более осторожные. По ним стреляли, долго прицеливаясь. Их постигала та же участь: они падали, подстреленные. Часами ждали, караулили новых наблюдателей; тогда они попробовали высматривать наше расположение с крыши таможни, но и там находили их наши меткие пули.

Меня позвал Коротков. Он несколько часов уже был со своим десятком на разведке, ища возможности остановить Николаевскую дорогу и выбить войска с вокзала.

— Со стороны Грохольского переулка днем напасть невозможно, а если уж идти, то с лесных складов Свешникова, через линию Ярославской железной дороги,— доложил нам Коротков о результатах разведки.

Следить за каланчой и площадью на чердаке с дружинниками остался Никодим. Мы же по два, по три человека шли по Красносельской к Алексеевскому монастырю, сходясь для нападения на Николаевскую дорогу. У стены монастыря задержались — забыли взять ломы и гаечные ключи для разборки рельсов. Скоро несколько человек доставили инструмент. Опять тем же порядком — по два-три человека — дружинники от монастыря тронулись через Верхнюю Красносельскую улицу вниз, через сады, по направлению к путям Ярославской и Николаевской железных дорог.

Вот мы и на лесных складах Свешникова. Пробираемся среди штабелей бревен и досок. Со склада перешли на подъездные пути Ярославской железной дороги, шли по ним вправо от вокзала, потом пошли по путям левее, ближе к цели — к Николаевской железной дороге. Едва дружинники вступили в зону путей Николаевки, как сразу от депо и от вокзала раздались винтовочные

выстрелы, к которым присоединился и пулемет. Скрываясь за штабелями шпал, припадая к рельсам, дружинники ответили учащенной стрельбой. Мне с Коротковым стало очевидно, что и отсюда дружине не удастся вырвать дорогу у дубасовских войск. Мы сказали дружинникам:

— Обстреливайте вокзал и депо. По возможности дольше держитесь, а потом постепенно отходите на Казанку, к поезду.

Мы же, группа в пять—семь человек, незаметно отделились от дружины, вернулись на лесные склады и через них двинулись в глубокий обход депо Николаевки с твердым намерением испортить путь и, быть может, вызвать крушение. Долго шли по глубокому снегу на путях, перелезали через дорожные заборы, перескакивали занесенные снегом канавы. Таща лом и винтовку, впереди нас шел веселый здоровый матрос.

Вот мы и на далекой окраине Москвы. Опять задула и закрутила вьюга. Было жарко от долгой ходьбы. Наконец мы выбрались на прямой как стрела двухколейный путь Николаевской железной дороги. Уже с полчаса мы работали, никем не тревожимые: вытаскивали костыли, развинчивали болты, снимали накладки и подкладки. На обоих путях несколько пар рельсов только чуть держались. Мы старались с места их не двигать, чтобы враг не заметил порчи пути раньше времени.

Вдалеке виднелась высокая железнодорожная насыпь, пересекающая путь Николаевки. К этой насыпи мы и направились: в этом месте решено было также развинтить начисто оба пути. Когда мы подходили к насыпи, раздался залп. Как подкошенный, упал между рельсов наш матрос: пуля попала ему в голову. Мы с Коротковым приподняли его. Кровь била фонтаном и, стекая с лица и затылка, заливала нам руки и одежду. Залп не повторился. За насыпью никого не было видно. Наш матрос умер. С тяжелым чувством оставляли мы около путей нашего друга-товарища.

...Уже в темноте вернулись на Казанку к нашему поезду. Дружинники нас ждали, волновались. Скоро поезд отошел от Москвы, опять на ночевку в Перово.

Рано утром, после спокойно проведенной в Перово ночи, поезд двинулся снова в Москву. Рассветало. Ехали осторожно, медленно. Вот уже и Москва. Проехали Покровскую общину. Дружинники толпились у окон и на площадке вагона... Вдруг зазвенели разбитые стекла вагонов — частые винтовочные выстрелы раздались отовсюду. Спеша зарокотал пулемет.

— Ложи-и-сь, ложи-и-ись! — кричали мы по вагонам.

Дружинники, свалившись на пол, сжались не двигаясь. Пулеметная трескотня прекратилась, лишь винтовочная стрельба не затихала. Поезд заметно уменьшал ход. «Что это? Ухтомский убит или пробиты тормозные трубы? Почему останавливается поезд? К мастерским, к мастерским, к нашей базе, там остановимся». Поезд дрожал, тормозил и наконец остановился.

— Вылезать, вылез-а-ать, всем вылезать! — кричали я, Коротков и Иванов.

Дружинники вскакивали с пола, лезли из-под диванов, щелкали затворами ружей, толпились у двери. Один за другим спрыгивая на землю, дружинники ложились в цепь вдоль поезда и стреляли из-под колес по платформе в царских солдат.

Неожиданно поезд двинулся назад.

— В вагоны, садись, садись! — закричали мы товарищам.

Дружинники вскакивали на ходу на подножки, цеплялись за ручки, ползли по площадке. Стрельба пулеметов по нашему поезду с приближением его к платформе снова возобновилась. Последними пробрались в вагон я и Коротков. Уже на ступеньках вагона Коротков как-то сразу подался назад, уронил винтовку и упал ничком в дверях площадки.

Наконец мы проехали платформу-засаду. Прекратились выстрелы вдогонку поезду. Коротков тяжело дышал. В дверях я перешагнул через него на площадку, за плечи втащил его с подножки к себе. Сел с ним, звал его, хотел услышать от друга хоть слово. Ничего он не мог сказать мне.

— Воздуху, воздуху, дышать, дышать,— шептал, умирая, Коротков.

С последним вздохом друга я как-то сразу ослаб. Товарищи внесли тело Короткова в вагон. Поезд вернулся в Перово и остановился на самой станции. Дружинники складывали оружие тут же на платформе, бродили по станции. Некоторые ушли. Среди последних был и Ухтомский.

Я спросил его:

— Остался ли кто на паровозе?

— Да, помощник,— ответил он, уходя [1].

На паровозе возвратились в Перово. Наступали сумерки. Метель стихла. Пошел последний раз взглянуть на Короткова... Простился с Шестаковым. Со мной пошел Белоруссов. Я с ним через Черкизово направился в Москву... к себе на Балканы. К моему удивлению и радости, условные занавески на окнах были на месте — это означало, что все благополучно.

— Ну вот он, вот и Гренадер! Здравствуй, наконец-то! — говорили, радостно обнимая меня, товарищи-друзья...

— Говорил, что не убит, а вы все — убит, убит! — ворчал на приятелей Иван Евстафьевич, хозяин нашей квартиры.

Его жена быстро приготовила завтрак и чай. Я рассказал друзьям, что случилось со мной с того дня, как расстался с ними 9 декабря. В свою очередь они мне сообщили, что делается в других районах Москвы. Оказалось, что Василий Новиков, работавший на телефонной станции, несколько раз слышал телефонный разговор генерал-губернатора Дубасова и московского градоначальника барона Медема. Разговоры начальства происходили в первые же дни восстания, когда одна улица за другой покрывались баррикадами.

---

[1] Через день на станциях Сортировочная, Перово, Люберцы, Голутвин и Ашитково особой карательной экспедицией царских войск, прибывших из Петербурга, были зверски убиты более 150 рабочих и служащих Казанки. Среди них был и машинист Ухтомский. *Ред.*

— Как, барон, с вашими частями? — спрашивал Дубасов Медема.

— Никаких изменений, генерал, на них положиться никак нельзя! — отвечал Медем.

— Черт знает, что они думают там, ведь мои пять тысяч солдат негодны, сидят в казармах обезоруженные,— жаловался в свою очередь Дубасов Медему и сердился на медлительность Петербурга с присылкой подкреплений, которых он, очевидно, ждал с нетерпением.

Этот разговор «начальства» придал нам бодрости и решимости продолжать борьбу.

Скоро заухали артиллерийские выстрелы где-то со стороны Страстного бульвара и Пресни. В районе Садовой улицы и Пресни, на Владимиро-Долгоруковской улице (ныне улица Красина), на так называемой «Живодерке», в домах Егорова, жили в учениках два моих младших брата... На «Живодерку» к братьям я и решил зайти, пробираясь на Пресню. Улица была хорошо забаррикадирована. Как раз напротив домов Егорова было опрокинуто несколько фур, в которых перевозилась мебель; фуры были завалены камнями, снегом, все было полито водой так, что поперек улицы образовалась сплошная крепкая стена. На этой-то баррикаде мои братья и орудовали. На углу Садовой и «Живодерки» дружинники засели в аптеке Рубановского и стреляли оттуда всякий раз, когда проезжали или проходили по Садовой солдаты или полицейские. По этой-то аптеке и по «Живодерке» и начали палить из орудий присланные из Петербурга солдаты Семеновского полка. Аптека скоро от выстрелов загорелась. Мы перебрались из аптеки на баррикаду напротив домов Егорова. По баррикаде семеновцы долго стреляли шрапнелью. Мы отвечали до тех пор, пока не расстреляли всех патронов. Только к вечеру «Живодерка» и баррикады были заняты дубасовцами.

С утра в домах Егорова начался поголовный обыск. Мы вовремя удалились на Пресню.

...Неравная борьба, неравная особенно из-за отсутствия у нас пушек, кончилась... Свежие царские войска разбивали снарядами баррикады одну за другой, и улица за улицей попадали в их руки. В последний день восстания мы больше прятались, отсиживаясь по дворам и чердакам. Ждали ночи, чтобы уйти из Москвы на окраины.

Московские большевики в огне революционных боев. Воспоминания. М., 1976, с. 327—343

М. П. Виноградов

МИУСОВКА

В Москве с весны 1905 года шли непрерывные массовки в Сокольниках, в Богородске, в Петровском парке. По заводам, в мастерских шли собрания за собраниями. К осени 1905 года начались митинги в различных залах общественных зданий; использовались музеи, высшие учебные заведения.

Вооруженные выступления начались в Москве демонстрацией, о которой нас в Миусском парке предупредили в тот же день утром. Наскоро отковав и отточив в мастерских кинжалы из кусков стали, мы присоединились к демонстрации, которая направлялась по Тверской к дому генерал-губернатора. Оружия не было, и при первом натиске полиции, начавшей шашками рубить демонстрантов, демонстрация рассеялась.

Все же впечатление от этого первого открытого выступления было так необычно, что полиция растерялась. Раненые демонстранты гордо расхаживали с белыми повязками по бульварам и Тверской.

Следующее вооруженное выступление произошло у университета. Отступая перед отрядом черносотенцев, участники митинга собрались во дворе университета и там забаррикадировались. Сначала во дворе царил полнейший хаос, но большевики скоро обеспечили организацию. Все участники митинга, по предложению большевиков, были разбиты на десятки. В каждый десяток могли входить лишь товарищи, знавшие друг друга. Одно это сразу внесло порядок и дисциплину. Отдан был приказ готовить холодное оружие для безоружных. Все огнестрельное оружие и патроны были зарегистрированы. Железные решетки разламывались и из них делались копья и дротики, из полос железа изготовлялись сабли. Товарищи, вооруженные огнестрельным оружием, были распределены равномерно по баррикадам. Разобрана была мостовая во дворе, и огромное количество камней было доставлено в верхние этажи университетских зданий. Оттуда градом камней мы собирались встретить нападающих на баррикады. Учреждены были дежурства. Аудитории были превращены в спальни для сменных товарищей, расставлены часовые. Запаслись провизией. Университет превратился в вооруженный, хорошо дисциплинированный лагерь. Вокруг костров загремели революционные песни. Настроение было боевое, полное решимости.

Царские власти не решались атаковать университет. Они вступили с нами в переговоры, которые закончились их согласием пропустить наш отряд с оружием в руках из университета и дать нам возможность разойтись по домам.

Ранним утром, выстроившись, выступили мы из ворот, выходящих на Никитскую, и между двумя шпалерами войск прошли по всей Никитской до бульваров в суровом молчании, каждую минуту готовые к отпору в случае предательского нападения. У Никитских ворот разошлись в разные стороны.

К концу осени положение стало настолько грозным, что царское правительство решило предпринять лживый маневр. Этим маневром был царский манифест 17 октября.

Помню, к нам, в расчетное бюро трамвая, помещавшееся в Кузнечном переулке, где я служил, манифест пришел в 11 часов утра. Мы ринулись с группой товарищей на Театральную площадь, взобрались на возвышение бассейна, превратив его в импровизированную трибуну, и на всю площадь загремел призыв отстоять захваченные позиции, укрепить и расширить завоевания. Сравнительно небольшая кучка людей, собравшихся вначале вокруг бассейна, чрезвычайно быстро разрослась в огромную разношерстную толпу. Открылся митинг.

Боевой подъем был использован, и мы увлекли толпу к Таганской тюрьме освобождать политических заключенных. По дороге срывали трехцветные флаги. С пением «Марсельезы» и революционных песен мы добрались до Таганской тюрьмы. Офицеру у ворот тюрьмы мы предъявили требование, чтобы ворота были немедленно открыты. С красными знаменами в руках мы ринулись наверх по лестнице, в приемную, и там потребовали у тюремного начальника, чтобы политические заключенные были немедленно освобождены. Удалось освободить почти всех заключенных. Кое-кого из них мы снабдили оружием.

К ночи мы покинули тюрьму и по пустынным улицам вернулись в город, к университету, где шли поздние митинги. В тот же день был злодейски убит черносотенцами только что освобожденный из тюрьмы Н. Э. Бауман.

На следующее утро я вступил официально в партию социал-демократов большевиков.

Похороны Баумана, устроенные через несколько дней, представляли совершенно небывалое по своей грандиозности зрелище.

Боевую дружину, которая возвращалась в университет с похорон Н. Э. Баумана, ожидал кровавый финал. Нас было 80 человек вооруженных. Когда мы подходили к университету с Никитской, против манежа, вдруг со всех сторон загремели выстрелы. 40 дружинников были убиты, некоторые были ранены.

Засада была хорошо организована: угол Никитской и манежа был освещен электричеством, тогда как на всех прилегающих улицах весь свет был потушен, и мы не могли видеть, кто и откуда в нас стреляет.

Мы проникли во двор университета, захватив всех своих уби-

тых и раненых. Но и на двор еще сыпались пули, пока нам не удалось наконец войти в само здание университета.

Там мы тотчас же забаррикадировались в ожидании дальнейших нападений, но ночь прошла спокойно. Раненых перевязали, убитых уложили на столы, а утром их увезли родные.

Было ясно, что против винтовок нужна винтовка, что нужно овладеть тактикой уличного боя, что нужны хорошо обученные боевые дружины.

Я все внимание перенес на организацию такой дружины в Миусском парке.

Были добыты средства — 1 тысяча рублей. На них купили 40 винтовок «винчестер», коротких, чтобы можно было носить их под пальто. Кроме того, были приобретены два маузера для руководителей — для меня и тов. Щепетильникова. На патроны денег не хватило, и пришлось обратиться к ассоциации инженеров, которая вскладчину собрала для этой цели 100 рублей.

Боевая дружина в 48 человек была быстро организована. Она была разбита на три группы, по 16 человек. Командовать дружиной приучался каждый дружинник. Во время упражнений командование велось по очереди всеми. Это делалось для того, чтобы в случае гибели руководителей дружина продолжала оставаться боеспособной. Для упражнения в строю мы отвели бывший цейхгауз во дворе и там целыми часами ежедневно вели строевые упражнения.

Когда мы вооружились винтовками, пришлось подумать о стрельбище. Мы нашли его в Сокольниках, в глухом месте рощи, где были сложены поленницы дров.

В вагоне трамвая, под вывеской «Служебный», мы отправлялись к Сокольническому кругу. Вагон ставили на запасный путь, а сами направлялись к нашему стрельбищу, ступая, как волки, в след друг другу, чтобы на снегу оставался только один след. По окончании стрельбы, места, куда ложились пули, замазывались грязью и снегом. Дружина по старому следу гуськом возвращалась к вагону, который увозил нас обратно.

Когда миусская дружина была организована и обучена, партия начала широко использовать ее для охраны митингов.

Помнится один случай. Нас вызвали охранять митинг в здании Политехнического музея. На этот раз мы предпочли идти вместе, глухими переулками. Когда мы двумя шеренгами сворачивали с Лубянской площади к Китайскому проезду, то увидели, что перед входом в музей стояли казаки и отряд полиции. Около стен толпились товарищи, пытавшиеся пробраться в музей. Поодиночке то одному то другому иногда удавалось перебежать через улицу в музей, но большей частью приходилось возвращаться обратно. Как только нас заметили, казаки выстроились. Полиция с шашками наголо бросилась на нас. Мы спокойно подвигались вперед. Расстояние уменьшалось. Вот шашка первого городового замахнулась над головой дружинника. Я уже поднес к губам сирену, чтобы дать сигнал к бою, но в эту минуту казаки повернули лоша-

дей и во весь опор понеслись прочь от нас, а полиция — за ними. Поле боя без выстрела осталось за нами.

Революция между тем развертывалась. В Москве вспыхнула всеобщая забастовка. Всюду шли многолюдные собрания. Массы спешно вооружались: разбивались оружейные магазины, обезоруживались городовые и казаки. Наконец пришло известие, что во многих местах Москвы приступили к постройке баррикад.

Миусский парк начал строить свои баррикады. Мы начали с того, что завладели подстанцией и ее аккумуляторами, выключили телефоны. Всюду были расставлены часовые, главным образом у распределительного щита подстанции. Трамвайные вагоны отвели от входа в парк на запасные пути, а вагоны, оставшиеся от конной тяги, покатили вручную вверх и вниз по Лесной улице, чтобы свернуть их с рельсов и перегородить улицу. Едва мы успели сделать это, как по нас был открыт огонь казаками от Бутырской тюрьмы и полицией из участка близ Тверской. Мы принялись за укрепление самого парка: у ворот парка соорудили бастион, выдвинув трамвайный вагон и обложив его внутри стальными и железными листами достаточной толщины. Такие же листы были поставлены и укреплены на земле, вокруг него и непосредственно у ворот.

К утру баррикады в основном были готовы, план действий разработан, и дружина отрядами заняла позиции, баррикады Весковского переулка, пожарную каланчу и т. д. Миусскую площадь занял отряд Щепетильникова.

Казаки, очевидно, истолковали наше возвращение в парк как отступление и, заняв эти вагоны, открыли по нас стрельбу. Наглость их была так велика, что они стали перед вагонами с нашей стороны. Первый же наш ответный залп уложил 12 человек. Казаки удрали и в дальнейшем ограничивались стрельбой из-за прикрытий.

По баррикаде били с пожарной каланчи на Селезневской улице. Взяв правильный прицел на дальность расстояния, дружинники заставили замолчать орудия на каланче. Полицейский участок тоже скоро прекратил огонь.

Наша дружина значительно увеличилась. Первоначальный отряд в 48 человек состоял из рабочих, кондукторов и вожатых Миусского парка и из рабочих Городской типографии. Теперь к нам присоединился отряд с фабрики «Габай» в 35 человек, вооруженных наганами. В общем сформировалась дружина около 90 человек.

Казаки били от угла Лесной и Долгоруковской и из окна тюрьмы, выходившего в нашу сторону. Это окно мы держали под непрерывным обстрелом. Наш огонь был очень меток. Как это обнаружилось после на суде, казаки и тюремные сторожа были убеждены, что в нашем распоряжении имеется пулемет, который был направлен в это окно.

Полиция сосредоточилась в здании и во дворе винного склада. Пристав Ермолаев попытался выйти на рекогносцировку, пере-

одевшись в штатское, и был нами убит. Полиция предполагала, что наша дружина засела внизу, в конюшнях парка, и держала окна конюшни под непрерывным обстрелом. Но отряды дружинников залегли на чердаке и оттуда били полицейских.

Вечером мы отправлялись на разведку в разные стороны, небольшими отрядами. Всюду были баррикады. Около некоторых — отряды дружинников, преимущественно вблизи полицейских участков. Солидная баррикада отрезала Малую Бронную от Тверского бульвара. Тверская была забаррикадирована слабо.

Вся Садовая, от Кудринской площади до Сухаревой башни, представляла чуть ли не сплошные баррикады.

Линия Никитской улицы от центра до Кудринской была в руках казаков и полиции.

Долгоруковская и Малая Дмитровка были забаррикадированы.

Лучшие дружины сосредоточились на Пресне, в Миусском парке и в районе Бронной.

Мы отстреливались со своих вооруженных островков. Возможности перейти в наступление у нас не было. А наступление одно только и могло зажечь массы и побудить их присоединиться к восстанию.

Мы ограничивались защитой нашей крепости и единичными вылазками по близлежащим улицам.

Ранним утром семеновцы под командой Мина и Римана проникли на Миусскую площадь, установили на ней артиллерию и начали громить Миусский парк и окружающие здания. Когда мы с разных сторон подошли утром к Миусскому парку, то мы увидели, что всюду вокруг Миусской площади стояли вооруженные отряды семеновцев.

Впоследствии мы узнали, что смотритель Миусского парка после первых орудийных выстрелов вышел к семеновцам и заявил им, что парк пуст, что последние недели, действительно, в нем собирались вооруженные люди, но что сейчас их в парке нет. Семеновцы прекратили артиллерийский обстрел парка и заняли его.

Значительная часть дружины обходным путем добралась до моей квартиры, и там мы устроили совет, как быть дальше.

Всюду грохотали орудия. Пресня пылала. Дальнейшее сопротивление кучки дружинников представлялось явно бессмысленным, тем более что все мы твердо были уверены, что поражение это временное, что Декабрьское вооруженное восстание является лишь прелюдией к новому подъему революции. И мы решили сложить оружие, но сберечь его, сохранить нашу организацию и подготовляться к новому восстанию.

Часть оружия спрятал тов. Щепетильников, другую я с товарищами замуровал на дворе нашего дома в каменной ограде.

Ночью, забрав кое-какие вещи, я с товарищами ушел со своей квартиры. Как потом выяснилось, ранним утром явился к нашему дому отряд семеновцев.

Жуткую картину представлял город в эту ночь. Ни одной живой души. На улицах тьма. Те самые улицы, которые еще вчера оглашались революционными возгласами, теперь совершенно вымерли. Обыватель, запуганный, сидел в своем углу, а власти, еще не уверенные в своей победе, не отваживались проникать на улицы, недавно еще столь для них грозные.

А затем началась дикая, безудержная, зверская расправа над рабочими.

Всюду, на всех перекрестках, были расставлены пикеты вооруженных винтовками городовых, казаков и семеновцев. При малейшем подозрении хватали, тащили к Москве-реке и там расстреливали, а иногда приканчивали тут же на месте.

Революция отступала, собирая силы для нового, уже победоносного натиска.

Московское Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. Сборник материалов, воспоминаний и документов. М., 1940, с. 116—122

М. И. Васильев-Южин

ОКТЯБРЬСКАЯ ЗАБАСТОВКА И СТУДЕНЧЕСТВО

Мощное развитие рабочего движения после 9 (22) января не могло не отразиться на настроении различных мелкобуржуазных слоев населения. В течение лета 1905 года образовался ряд якобы профессиональных, но, по существу, политических союзов служилой и неслужилой интеллигенции: докторов, инженеров, учителей, железнодорожных служащих, адвокатов, союзов женского равноправия и т. п. Была даже создана организация, пытавшаяся объединить деятельность и устремления этих мелкобуржуазных, преимущественно интеллигентских, союзов — так называемый «Союз союзов». Политической платформой этих союзов была, несомненно, программа «Союза освобождения», ставшая затем программой кадетской партии [1].

Октябрьская забастовка, особенно после того, как остановилось железнодорожное движение, стихийно захватила и большую часть этих мещанских союзов. «Революция сокращенных рук», как называли интеллигенты всеобщую политическую забастовку, оказалась по плечу этим трусливым обывателям, внезапно возомнившим себя «настоящими» революционерами. Еще бы, «совсем без драки могли попасть в большие забияки»!..

Постепенно забастовали различные городские предприятия, банковские учреждения, школы, вплоть до низших, и даже суды. Юркие адвокаты образовали в Москве от имени «Союза союзов» особый «стачечный комитет», успевший распространить свое влияние и на некоторые слои рабочих — печатников, железнодорожников, приказчиков и т. п. После 17 (30) октября мы вынуждены были повести решительную и ожесточенную борьбу против этого комитета, ставшего явно реакционным.

Наиболее, однако, искренний и живой отклик нашла революционная борьба рабочих в среде учащейся молодежи, в среде студенчества. Это наблюдалось не только в Москве, но и в других городах с высшими учебными заведениями. Русское студенчество по традиции было революционно-демократическим. Многие студенты вполне искренне считали себя в 1905 году социалистами.

[1] *Кадетская партия* — конституционно-демократическая партия, ведущая партия либерально-монархической буржуазии в России. Была создана в октябре 1905 года из представителей буржуазии, земских деятелей, помещиков и буржуазных интеллигентов. *Ред.*

Впрочем, это была, так сказать, лебединая революционная песня буржуазной студенческой молодежи. После неудачного исхода для нас революции 1905 года не стало больше слышно о массовых студенческих волнениях, которые когда-то играли известную будирующую роль в жизни царской России. Постепенно большинство студентов стало выглядеть смирными, благоразумными молодыми людьми и «академистами», разделявшими, самое большее, воззрения кадетской партии. Наконец после пролетарской революции и в годы гражданской войны немало студентов того времени выявило себя как ярые белогвардейцы.

Но в октябрьские дни 1905 года московские студенты оказали, несомненно, значительные услуги революционной борьбе пролетариата. Может быть, это происходило потому, что всеми чувствовалась буржуазная сущность, буржуазная ограниченность первой русской революции.

С первых чисел октября или даже еще раньше аудитории «императорского» университета и других высших учебных заведений широко открыли свои двери для невиданной прежде в их стенах публики с улицы, среди этой публики было много бастующих рабочих. С солидных профессорских кафедр вместо вялых проштемпелеванных лекций полились огненные агитационные и пропагандистские речи. Люди, совершенно не знавшие до тех пор захватывающей мощи свободного смелого слова, пьянели от этих речей. В университете митинги продолжались обыкновенно до поздней ночи. И особенно сильное впечатление производили эти ночные собрания, происходившие при тусклом освещении немногих свечей, ибо рабочие электрических и газовых станций бастовали.

Иногда вспыхивали горячие споры между ораторами различных партий, преимущественно между социал-демократами и эсерами. Большевики и меньшевики, еще не разделенные непроходимой пропастью классовой вражды, старались обсуждать свои разногласия только на чисто рабочих собраниях. Против же эсеров мы выступали обычно единым фронтом. Впрочем, уже тогда у большевиков чаще, чем у меньшевиков, происходили схватки с эсерами, и последние буквально ненавидели нас за нашу непримиримость, постоянное высмеивание и разоблачение их мелкобуржуазной ограниченности и реакционной сущности.

Ни разу и нигде не удалось мне слышать чисто кадетских выступлений. Кадеты, называвшие себя ради обмана и завлечения простаков «партией народной свободы», порядком испугались революционного выступления пролетариата и плели за его спиной сети предательства. Впрочем, однажды я был свидетелем весьма оригинальной жалобы перепуганного обывателя, бывшего или ставшего впоследствии, несомненно, кадетом или октябристом.

Часов 9 вечера. Аудитория, до отказа набитая рабочими, студентами и иной публикой с улицы, тонет в таинственном полумраке. Лишь кое-где в огромном помещении и около кафедры мерцают огарки стеариновых свечей. Какой-то безусый студент, захлебываясь от восторга, рассказывает о том, что он видел на улицах

и на заводах, куда он заглянул с несколькими товарищами. Говорит о закрытых магазинах, перетрусившей полиции, готовящихся забастовать дворниках и т. п. Его плохо слушают, и он торопится кончить свою неискусную речь. К кафедре робко протискивается и нерешительно просит слова упитанный и хорошо одетый человек лет сорока. Он уверяет, что ему, как гласному городской думы, нужно сказать что-то очень важное. Ему немедленно предоставляют слово, полагая, что он делегат от городской думы, от которой тогда некоторые наивно ждали чуть ли не революционной инициативы. От перепуганных купцов требовали, между прочим, организации и вооружения «народной гвардии». Очевидно, на воображение некоторых товарищей действовали истории давно прошедших буржуазных революций Западной Европы.

Толстяк гласный взобрался на трибуну и плаксивым тоном сказал приблизительно следующее: «Вот здесь господин студент говорил сейчас о закрытых лавках. Все закрыли, все!.. Это — большая беда: ни молока, ни мягкого хлеба, ничего нельзя достать. Пожалейте, господа, хоть маленьких деток, если не жалеете нас! Вот пришел я сегодня домой, а мои плачут:

— Молочка хочу, папа! Дай молочка!..— кричит маленький сынок.

А шестилетняя дочка тоже плачет:

— Хочу мягкого хлебца!.. Купи белого хлебца...

Ну я и сам чуть не заплакал. Пожалейте деток, господа! Погибнем все, господа. С голоду погибнем... пожалейте!..»

Он действительно почти плачет. Остановился и растерянно смотрит по сторонам. И вдруг — гомерический хохот, улюлюканье, свист. На одну из скамеек вскакивает высокий рабочий с густыми черными усами и, энергично размахивая руками, кричит:

— Вишь чего захотел — молочка! Детки, говоришь, плачут. Сам, верно, соскучился по молочку. Вишь какое брюхо насосал-то! А мои ребятишки — их четверо у меня — никогда молока, кроме мамкиного, не пробовали и не видали. Ты об этом когда-нибудь думал, пузатый черт?

Под свист и улюлюканье «пузатый черт» скатывается с трибуны и спешно пробирается в толпе к выходу.

* * *

Бурное развитие политической забастовки, захватившей даже часть государственных служащих, несомненно, внесло большую дезорганизацию и растерянность в ряды высшей администрации и полиции. Однако часть полиции, особенно охранка, стала к середине октября, вероятно по указанию из Петербурга, стягивать вокруг себя свои «народные» силы. В состав этих «народных» сил входили содержатели притонов, кабатчики, охотнорядские торговцы с их тупыми молодцами, хорошо известные полиции воры, хулиганы, жулики и иные преступники, поставщиком которых была с давних пор преимущественно Марьина роща. Так зародилась в Москве черная сотня.

Стали носиться слухи о возможности погромов. Так как евреев в Москве было немного, полиция науськивала свою черносотенную гвардию на интеллигенцию вообще и на студентов в особенности. Как известно, такие черные банды действительно произвели немедленно после октябрьского манифеста ряд кровавых погромов во многих городах (Тверь, Саратов, Тамбов и др.).

В Москве черносотенное движение не имело большого успеха, ибо в самом начале встретило решительный отпор со стороны рабочих, особенно со стороны наших дружинников, несколько раз основательно проучивших черносотенцев. Помню одну попытку черносотенной толпы напасть на Техническое училище, в котором Московский комитет большевиков с самого начала забастовки имел свою штаб-квартиру. Достаточно было дать несколько выстрелов, чтобы банды погромщиков в панике разбежались. Но на отдельных революционеров, а иногда и просто на интеллигентов черносотенцы нападали и в Москве. Так, 18 (31) октября был убит черносотенцем только что выпущенный из тюрьмы Н. Бауман.

Однажды я тоже чуть не попал в лапы черносотенцев...

* * *

Незадолго до манифеста охотнорядские черносотенцы все чаще стали нападать на студентов университета, подвергая побоям то одного, то другого. Перед вечером 14 или 15 октября я проходил по Моховой мимо университета. Вижу, во дворе старого здания университета происходит необыкновенное оживление, беготня и тревога. Подхожу к воротам — студенты заваливают ворота всякой всячиной — досками, бревнами, ящиками, камнями. Заинтересованный этой странной работой, я спрашиваю, в чем дело. Один из студентов, очевидно знавший меня, торопливо раздвигает доски и предлагает мне лезть поскорей в образовавшуюся щель. Я пробрался во двор. Мне торопливо объясняют, что полиция организует охотнорядцев для нападения на университет. Хотят, мол, перебить всех собравшихся на митинг.

— А сколько же здесь народу? — спрашиваю я.

— Не меньше двух тысяч человек.

— Кто-нибудь из социал-демократов говорит на митингах?

— Да, несколько человек. В самой большой аудитории говорит сейчас Алексинский.

Я попросил проводить меня к нему. Когда он закончил свою грубовато-едкую и довольно остроумную речь, я отозвал его в сторону и попросил рассказать, что тут затевается. Алексинский тоже заговорил об охотнорядцах, собирающихся громить университет, но, кроме того, сообщил, что полиция хочет при содействии войск арестовать всех находящихся в университете, а сам университет временно закрыть, чтобы прекратить происходившие в нем митинги и сборища. По слухам, войска и жандармы уже оцепляют университет.

Я только что проходил мимо университета и никаких войск и жандармов не видел. Но возможно, что они находились в сосед-

них дворах и в переулках. Однако часть публики и студентов преспокойно ушла из университета. Очевидно; сами студенты и их гости жаждали революционного приключения; оставшиеся в университете были, во всяком случае, настроены очень воинственно. Больших надежд на успешные последствия этого своеобразного «университетского восстания» я не имел, но использовать создавшееся положение и боевое настроение молодежи было необходимо. Однако прежде всего нужно было внести в дело хотя бы относительную организованность.

— Образован ли какой-нибудь штаб обороны или другой руководящий орган? — спрашиваю я Алексинского.

— Что-то, кажется, есть... А может, и нет ни черта.

— Давай узнаем. Если есть, войдем в него от имени комитета партии, если нет — организуем.

Позвали представителей студенческой организации. Оказалось, что настоящего боевого центра пока нет. Было много суетни, личной инициативы, молодого задора и вместе с тем — полное отсутствие плана.

Мы немедленно приступили к организации боевого штаба, который назвали, кажется, «революционным комитетом по обороне университета». Сколько человек входило в его состав и кто именно, я припомнить через 25 лет не могу, но мы с Алексинским стояли фактически во главе его.

Прежде всего был поставлен вопрос, есть ли провиант и сколько. Продовольствия оказалось очень мало, его нужно было достать. Мы выбрали десяток надежных и смелых ребят, снабдили их деньгами, а главное, записками и послали добывать провиант. Они благополучно выбрались из университета, и большинство вернулось назад, добросовестно выполнив поручение. Продовольствие подвезли переулком позади университета даже на подводах. С этой стороны мы были обеспечены на один-два дня. Особо назначенная комиссия экономно распределяла продовольствие между осажденными.

Другой существенный вопрос был об оружии. Мы собрали всех имевших огнестрельное оружие, и, к моему удивлению, у осажденных оказалось сотни полторы-две револьверов, среди которых было много браунингов. Вооруженных револьверами мы разбили на отряды, присоединив к ним не имевших оружия, но боеспособных. У некоторых из них были кинжалы и ножи, другие вооружились металлическими прутьями и просто дубинками, но главным метательным оружием наметили камни. Вымощенный булыжником двор был моментально вскопан, и груды камней насыпаны там и сям.

Я был во времена студенчества химиком. У меня, естественно, явилась мысль, нельзя ли использовать химические лаборатории университета. Можно было попробовать приготовить динамит и снарядить самодельные бомбы. Теорию взрывчатых веществ я немного знал, но никакого практического опыта у меня не было. Среди осажденных тоже не нашлось хотя бы относительных зна-

токов этого дела. Мы все-таки попробовали изготовлять динамит, но у нас ничего не вышло. Я подумал было обратиться за содействием к профессору Зелинскому, который жил в одном из корпусов при университете, но потом отказался от этой мысли — профессор Зелинский был достаточно труслив и, пожалуй, реакционен; я хорошо знал его со времен своего студенчества.

Серная и азотная кислота, а также другие едкие вещества были на всякий случай взяты из лабораторий. Они сами по себе могли служить довольно сильным оружием.

Вечер прошел очень оживленно, бодро и даже весело. Разложили костры, что было, конечно, очень неосторожно; кипятили чай, шутили, рассказывали анекдоты, пели. Но уже с утра следующего дня настроение у многих очень понизилось. К университету были стянуты войска, и мы оказались совершенно отрезанными от внешнего мира. Что делалось в городе, узнать было трудно. Пополнять скудные запасы продовольствия уже не было возможности. У большинства осажденных создалось убеждение, что извне их не поддерживают. Подавленное настроение быстро распространялось. Для меня было ясно, что наша случайная, в значительной мере мелкобуржуазная, армия долго не продержится. Нужно было искать возможностей с честью выйти из неудобного положения.

Еще накануне к нам неоднократно обращался ректор университета, умоляя оставить здание университета и не подвергать его неизбежному разгрому. Ректор был тогда, если не ошибаюсь, профессор А. Мануилов. Он намекал даже, что возьмет на себя посредничество между осажденными и московскими властями. Теперь мы серьезно отнеслись к предложению ректора и вызвали его на заседание «ревкома». Я твердо объявил ему, что мы решили обороняться до последней капли крови. Университет и его обстановка, конечно, пострадают при этом. Нам его очень жаль, но тут уж ничего не поделаешь. Если окажется необходимым, мы сами подожжем университетские здания. Однако, если московский генерал-губернатор даст гарантии, что никто из находящихся в университете не только не будет арестован, но и обыскан, мы обсудим вопрос о выходе из университетского здания.

Ректор довольно охотно согласился немедленно переговорить с московскими властями. Мы постановили пока не оповещать массу осажденных об этих переговорах, дабы не порождать ликвидаторских настроений и не ослаблять бдительности и дисциплины.

Прошло несколько томительных часов. Наконец ректор вернулся и радостно объявил, что московские власти согласились выпустить нас из университета на предложенных нами условиях, но со своей стороны требуют, чтобы мы не устраивали при выходе никаких демонстраций и расходились по домам в указанных местах.

— Уверены ли вы, что согласие московских властей не является предательской ловушкой? — спросил я ректора.

Он беспомощно развел руками. Его неуверенность была, конечно, вполне естественной. Мы потребовали тогда, чтобы при нашем выходе присутствовал и шел вместе с нами кто-либо из высшей московской администрации и чтобы войска, жандармы и полиция были отведены от университета. Ректор снова отправился вести переговоры с властями.

Вернувшись, он объявил, что с нами пойдет помощник градоначальника и он, ректор Московского университета. Последнее условие не имело для нас ровно никакого значения и было выдвинуто, очевидно, храбрыми московскими властями. Удалить войска эти власти категорически отказались, мотивируя отказ тем, что войска и полиция должны охранять нас же от возможных нападений со стороны «возмущенной» части московского населения. Эти условия, по заявлению ректора, были окончательными.

Мы устроили в нескольких аудиториях собрания всех осажденных и рассказали им о наших переговорах и о результатах этих переговоров. При этом мы, конечно, не скрывали, что доверять обещаниям царских сатрапов является большим риском. Впрочем, большинство осажденных и сами понимали, что дело может кончиться чудовищным вероломством. Поэтому все были настроены очень серьезно и строго выполняли распоряжения штаба. Решено было попробовать выйти из университета.

Проходить нужно было, согласно условию, по Большой Никитской улице (теперь улица Герцена). Мы собрали отдельно всех вооруженных револьверами и выработали следующий план: они выходят первыми и выстраиваются двумя шеренгами вдоль Никитской улицы. Если сразу ничего не случится, выходит остальная масса и выстраивается между вооруженными шеренгами. Револьверы держать на взводе в карманах, но не суетиться и не нервничать. Если в ряды заберутся провокаторы и вздумают стрелять или иными способами вызывать переполох, немедленно приканчивать их на месте. Об этом был предупрежден и явившийся помощник градоначальника.

Наступила уже темная ночь, когда вдоль улицы стала выстраиваться наша охрана. Выход остальной массы тянулся больше часа. Я не отходил от градоначальника, твердо решив в случае предательства пристрелить в первую очередь его. Большое смущение вызвало среди всех нас его предложение расступиться и пропустить отряд конных жандармов или драгун. Они, по его словам, должны были занять переулки справа, чтобы предупредить возможные нападения на нас и не пропускать в эту сторону и нас. Вероятно, ни одно сердце тревожно сжалось, когда в узкий проход, образовавшийся в нашем строю, устремились вооруженные винтовками и саблями всадники.

Вопреки нашим естественным опасениям все кончилось вполне благополучно. Мы, стараясь соблюдать спокойствие и порядок, двинулись вверх по Никитской улице. Впереди шел помощник градоначальника, окруженный свитой полицейских чинов и офицеров. Возле него семенил ректор университета. Я старался не от-

ставать от них. Наш отряд постепенно уменьшался. Товарищи группами уходили в переулки налево. Когда мы подошли к Тверскому бульвару, оставалось уже меньше половины. Помощник градоначальника вежливо козырнул и сел в ждавший его экипаж.

Мы с Алексинским свернули на Тверской бульвар. Нас никто не остановил и не задержал. Насколько мне известно, и остальные товарищи благополучно вернулись домой. Так закончился этот любопытный эпизод университетской осады.

17 (30) октября был опубликован царский манифест, обещавший свободу собраний, неприкосновенность личности и прочие «конституционные гарантии». Мы, революционеры-профессионалы, ни минуты, конечно, не сомневались, что эти вынужденные обещания будут вероломно нарушены на следующий же день.

Пролетарская революция, 1930, № 10 (105), с. 86—93

З. Я. Литвин-Седой

ПРЕСНЯ В ПЯТОМ ГОДУ

...Пишущий эти строки освобожден был волею народа из Таганской тюрьмы 18 октября 1905 года. И с первого же часа освобождения вплоть до разгрома Пресни работал, не имея возможности составлять записок, а потому приводит ряд фактов за октябрь — декабрь, полагая, что дело будущего историка дать общий объединяющий очерк.

...Заполнен Большой зал консерватории. Всюду родные, знакомые лица, рабочие-металлисты, кое-где типографы, на скамьях много женщин, кое-кто читает манифест Витте и ворчит. Я его по указанию Московского комитета большевиков должен был раскритиковать и требовать созыва полномочного Учредительного собрания, в противном случае угрожая созвать последнее вооруженной рукой рабочего класса. Рядом со мной сидит эсер — «непобедимый» Фундаминский (позже поддерживал Савинкова).

Прошу слова. Не раз на перекрестках, у фабрик и заводов, на глазах шпиков приходилось выступать, был спокоен, но не то здесь. В зале консерватории, заполненном людьми, было жутко. Справлюсь ли с порученной задачей? Но смелость города берет... Начинаю.

«Не тронь царя»,— шипят кое-где, кто-то прерывает: «Не тронь попа и церковь»... «Правильно»,— раздаются кое-где мощные голоса...

Вдруг узнаю страшную новость: черная сотня убила дядю Колю — Баумана, моего товарища и защитника по Таганской тюрьме... Кровь пролита.

...Похороны Баумана. Длинной вереницей, начиная от Технического училища, тянется процессия за гробом. Множество красных знамен. Десятки тысяч людей в движении, а другие десятки тысяч образовали шпалеры, охраняющие шествие. На домах красные, повитые трауром флаги. Первые в России гражданские похороны дяди Коли были одновременно первыми похоронами царского режима в Москве — Москве, короновавшей царей. Рабочий класс отдавал последний долг борцам, а Москва слала проклятие черному прошлому. Впереди гроба красовалось знамя Московского комитета. Ходили слухи, что черная сотня произведет нападение на эти гигантские похороны. Люди были вооружены, каждая фабричная колонна имела небольшую дружину. Гроб и знамя

Московского комитета охранялись боевой дружиной под моим командованием (около 50 человек, вооруженных бомбами, кинжалами, браунингами, маузерами). Впереди процессии — конная и пешая разведка. Шествие началось в 9 часов утра, а голова процессии пришла на кладбище, когда уже стемнело. Во время шествия музыка играла «песни революции», стотысячные голоса подхватывали их... Манифестанты несли множество венков...

Ночью у манежа казаки стреляли по возвращавшимся мирно с кладбища демонстрантам, шедшим со свернутыми знаменами. Вновь была пролита кровь...

«Да здравствует вооруженное восстание!» — стало лозунгом революционных сил в Москве. Подготовка к открытому бою началась.

В Московском комитете получили известие, что в Ростовском полку брожение. Долгожданное присоединение армии к рабочему классу начинается.

Меня командируют туда. Тысячи пожеланий... Казармы, грязные нары, удушливый воздух, изможденные, землистого цвета лица с громадными открытыми глазами... Чувствуется происшедший сдвиг. Одни офицеры арестованы, другие бежали. Полк под командой унтер-офицеров и немногих из вольноопределяющихся принял меры самообороны. Черная сотня, шкурники притаились. Иные песни раздаются, иные речи слышны на этом митинге. За столом сидит солдат-председатель задумавшись. Что-то думает он, глядя на взволнованные лица и колыхающиеся штыки в руках восставших?

Ораторов буквально осаждают вопросами о земле, о царе, о попах, о церкви, о евреях, о рабочей партии. Сыны народа жадно слушают свободную речь на свободной трибуне представителя свободного класса, охраняемого штыками. По лицам видно напряженное усилие понять эту речь. Последний устой царизма дал трещину. В армии развал начался. Еще усилие — и лучшие сыны ее будут с народом.

«Аквариум» переполнен не рабочими фабрик и заводов, а какими-то людьми в чуйках, в полушубках, подпоясанных ремнями, а на ремнях висят в различной оправе, различной величины ножи. Это охотнорядские, сухаревские мясники и колбасники. Меня командируют на их митинг. Тысячи предостережений товарищей: «Не касайтесь пока религии, церкви, царя — только о профессиональном союзе». Впервые пришлось выступать под охраной присланной из университета дружины, рассеявшейся среди мясников. Слушают, соглашаются. В первый раз черная сотня терпимо отнеслась даже к призывам «Долой самодержавие, царя, попов, жандармов!» и «Да здравствует Учредительное собрание!..». Дня через три, когда я проходил мимо мясных лавок Сухаревки, меня окликнули: «Товарищ Седой!» Запыхавшись, подошли три мясника в соответствующих их профессии костюмах. Они протянули кусок мяса, весом фунтов в тридцать: «Товарищ, поешьте и вы, не все чертям-буржуям».

...В залах института инженеров идут беспрерывные митинги. Меня с трибуны вызывает Землячка [1] и посылает в комнату дружинников. Там получены сведения, что идет с хоругвями и иконами, портретом Николая черная сотня, самая отборная и реакционная часть. Поют молитвы и «Боже, царя храни». Намерение черносотенцев — ворваться в институт. Немедленно выставлен караул, приняты меры. Дружина расположилась в боевом порядке. Подошедший к черной сотне представитель дружинников предложил свернуть в переулок, но сам упал под ударами шашек черносотенцев. По данному мною сигналу был открыт огонь... черносотенцы побежали. Мы подобрали восемь трупов черносотенцев и нашего разбитого, окровавленного товарища, оставив валяться портрет Николая, хоругви и иконы. Рабочий класс стал обороняться и учиться вооруженному восстанию.

В ноябре все уже понимали, даже меньшевики и эсеры, что без вооруженного восстания Учредительного собрания не созовешь. У всех на глазах шла контрреволюционная работа Струве, Гучкова, Витте, Дурново. Интеллигенция, упоенная октябрьской победой и конституционными речами, массами оставляла ряды рабочих, заполняя всевозможные общества, клубы «свободной любви»... Руководители российской политики знали, что пролетарий далеко не во всеоружии, почти один... Естественный союзник пролетариата — крестьянство еще не раскачалось. Дурново под хитрые речи Витте перешел в наступление. В этих условиях проходил один из боевых митингов в «Аквариуме»... Шла речь о вооруженном восстании, о демократической республике, проводились сборы на «последнюю бомбу», долженствовавшую взорвать самодержавие... Получено известие: «Митинг окружен, будут искать оружие», избивают выходящих.

Дружина и вооруженные люди перебрались в здание Комиссаровского училища, куда ушло около 1000—1500 граждан, не пожелавших пройти обшаривание «молодцов». Здание Комиссаровского училища было быстро забаррикадировано. Внутри поставлены посты, назначены караулы, дружинники работали вовсю. Мы приготовились «с честью» встретить любителей пошарить в рабочих карманах. Видели их факелы, зловеще освещавшие двор училища, комендантом которого был назначен я. Утром полиция и другие правительственные части ушли, не рискнув напасть на забаррикадировавшихся.

Два враждебных лагеря стояли друг против друга, два вековечных врага: капитал и реакция — пролетариат и социализм.

Вся политика Витте — Дурново была возвратом к старому. Полиция и черная сотня то там, то здесь организовывали избиения рабочих. Дня не проходило без столкновения. Начались обыски, аресты, и опустевшие казематы полицейских частей и «Таганки»

---

[1] *Р. С. Землячка* — профессиональный революционер, видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. В революционном движении с 1893 года. Искровец-большевик. В период революции 1905—1907 годов была секретарем Московского комитета РСДРП. *Ред.*

вновь начали наполняться. Многие из революционеров стали опять уходить полностью или частично в подполье. В Петербурге и в Москве зловеще шептались о погроме. Черная сотня вылезла из своих нор, и в трактирах и чайных были слышны их выкрики: «Бей рабочих, бей социалистов, бей жидов». Произошли аресты крестьянского союза — людей, вчера еще бывших адвокатами либеральной буржуазии. С фабрик, заводов, железных дорог несся страшный рокот, клокотавший тысячью голосов, на тысячу ладов: «Да здравствует вооруженное восстание!» И ни партия, ни рабочий Совет не могли охватить и успеть повсюду возглавлять растущий протест рабочих, как ответ на провокаторский вызов Витте — Дурново. Каждый рабочий стремился приобрести револьвер или кинжал. На фабриках готовили пики, кистени, кинжалы, чинили старые винтовки. Все предвещало бурю, а партия решала вопрос: новая всеобщая забастовка или забастовка, переходящая в вооруженное восстание? В такой атмосфере проходила конференция московской организации большевиков в доме Фидлера, где впервые рабочие своими красными билетами голосовали за восстание [1]. И восстание началось.

Автор этих строк был послан на Пресню. На Пресне образован боевой комитет из пяти человек. От Московского комитета большевиков — тов. Леший [2], от меньшевиков — Захар, от эсеров — Мартынов, поведение которого было столь отвратительным, что его заменили эсером Ильиным, от районного Совета — Дмитриев (эсер), как командующий всеми боевыми силами — социал-демократ Седой. Жизнь на Пресне протекала боевым порядком. В помощь мне эсеры дали тов. Медведя — максималиста, который был верным боевым товарищем, но со склонностью к прожектерству, готовый поставить на карту все ради одного блестящего выступления.

Как только Москва забастовала, в секторе Пресни забушевали митинги — на фабриках, у ворот, на улицах, во дворах и домах, митинги перед пришедшими усмирять рабочих солдатами... Выслушав пишущего эти строки, отряд казаков, прискакавший разгонять демонстрацию, несмотря на приказ офицера, повернул обратно.

Пресня и прилегавшие к ней районы готовились с боем встретить врага.

Занятый выступлениями на митингах, подготовкой плана строительства баррикад, установления связи между районными боевыми центрами, между боевыми дружинами и штабом района, я не входил в боевой комитет, который предоставил мне свободу действий, а все руководство текущей жизнью оставил в своих руках. Комитет организовывал питание людей и выпечку

---

[1] Речь идет об общемосковской конференции большевиков, открывшейся вечером 5 декабря 1905 года. Обсуждался вопрос об объявлении всеобщей стачки и переводе ее в вооруженное восстание. *Ред.*

[2] Леший — партийная кличка З. Н. Доссера, ответственного организатора Пресне-Хамовнического района. Входил в «тройку» МК по руководству восстанием. Все декабрьские дни провел с боевиками на Пресне. *Ред.*

хлеба. По его указанию кормили в столовых. Он ведал всем и решал все.

В первые дни митинговой работы на Пресне был намечен ряд цепей баррикад. Цель — охватить кольцом баррикад губернаторский дом, взять Кремль, препятствуя центру поддерживать сношения с внешними боевыми силами царизма. Просматривая сектор, центром которого явилась Пресня, можно сказать, что если бы все районы поняли задачу, поставленную вооруженным восстанием 1905 года, то Дубасову несдобровать, но необходимо добавить, что у восставших, кроме горячего желания борьбы за демократическую республику и классовой ненависти к царизму, по существу, не было ничего. Вышеуказанный план окружения возник в последний момент. Но не было боевой организации, не было руководителей даже на Пресне. Единственным человеком с военным прошлым (унтер-офицер инженерных войск) был я. Ни одного офицера нигде. Единственная дружина, имевшая маузеры,— это шмитовская цитадель большевиков, и Мамонтова, имевшая охотничьи ружья — дробовики. Все остальные располагали только «бульдогами». Циркулировавшие слухи, что на «Прохоровке» есть пулеметы, к несчастью, оказались только слухами. «Прохоровка» не имела никакого оружия. На один револьвер на Пресне приходилось 10 желающих драться и получить его.

Вот картина боевого состояния Пресни и целого ряда других районов Москвы. С такой подготовкой вступил герой-рабочий в единоборство с хорошо вооруженным вековым врагом. То было время пионеров, борцов, героев, которые назад не оглядывались, а шли вперед, стремясь на удар ответить подобающим ударом. После первой баррикады, построенной на Садовой улице, Пресня в одну ночь покрылась баррикадами. Цепь баррикад свое начало взяла от Тверской, шла по Садовой на Бронную, Кудринскую, по Новинскому бульвару на Дорогомилово, через Москву-реку, по Валу, до мастерских Брестской железной дороги, а затем баррикады шли к Бутырской тюрьме, и по Долгоруковской. Как грибы после дождя, всюду росли баррикады, и всюду появлялись дружинники. «Новое время»[1] в оправдание посылки в Москву семеновцев писала, что на Пресне до 10 тысяч дружинников. Перед лицом истории заявляю, что это ложь. Оружия разного после целого ряда конфискаций и реквизиций и взятого в бою было у повстанцев не более 250 единиц, в том числе и «бульдогов»... Раненый, усталый, отбывший свое дежурство товарищ немедленно подменялся. На каждого бойца было два-три ожидавших очереди. С появлением баррикад на Пресне было объявлено осадное положение. Зорко следили дружинники за всем и всяким. Винные лавки заколочены, полицейские участки разгромлены, булочные взяты на учет. Медицинским работникам приказано не удаляться, их

[1] *«Новое время»* — ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1868 по 1917 год; принадлежала разным издателям и неоднократно меняла свое политическое направление. С 1876 года, после того как издателем стал А. С. Суворин, она превратилась в орган реакционных дворянских и чиновно-бюрократических кругов. С 1905 года — орган черносотенцев. *Ред.*

адреса взяли в штаб-кухню на Прохоровской фабрике. Много дум и дел поведала бы старушка кухня, если бы могла!.. Она бы подняла малодушного и пристыдила труса... Ни конному, ни пешему врагу на Пресне свободного движения не было, и вся нечисть бежала или запряталась. Ни одной жалобы на воровство или насилие... Однако враги распространяли слухи, что Питер не восстал, что другие районы не повели атаку, что возможен провал, что кровь, превращающая Пресню в красную, проливается без нужных результатов, и тогда до боли вставал щемящий душу вопрос: «А что же дальше?» Вот когда началась трагедия Декабрьского вооруженного восстания. «Без руля и без ветрил». Жуткие дни переживал пишущий эти строки. Соглашатели запели об окончании борьбы на Пресне. «Четверка», постановив расстрелять Войлошникова и Сахарова [1] — врагов рабочего класса, как бы стушевалась, не ответив на жгучий вопрос, что дальше делать восставшим осажденной Пресни. Я указывал отдельным членам «четверки», особенно тов. Лешему, что так долго продолжаться не может, что нужно драться или распускать дружины. Я обращал внимание на выпады соглашателей, певших отходную восстанию: одни — прямо, другие — исподтишка. При застое я рисовал такой конец и такой развал, что холод пронизывал, но на все мои просьбы и требования Московский комитет в лице тов. Лешего неизменно отвечал: «Если восставшая Москва нужна для восставшей России, то Пресня нужна для восставшей Москвы». И это говорилось тогда, когда в Питере более половины фабрик полностью начали работать, когда в Москве начала выходить какая-то периодическая печать, когда Питер допустил семеновцев и драгун в Москву, когда попытка разобрать железную дорогу (Николаевскую) не увенчалась успехом. Трудно было отвечать героям-рабочим на вопрос: «Не пришла ли пора от осады перейти в наступление?» Восставшие инстинктом угадывали трагедию декабря 1905 года, и, стоя на самом высоком ее гребне, Пресня чувствовала и осознавала, что корабль реакции — капитал — выдержал девятый вал нашего напора. Как солдаты на посту, стояли дружинники, сменяя друг друга с караула. Час за часом ваш командир получал от своих разведчиков все более и более тяжелые сведения. Ученики Прохоровского училища, дети революции, вы были оком восставших. Вы сообщали, что Пресню обкладывают железным кольцом штыков и казаков и что единственный свободный путь на Дорогомилово из Москвы. Нужно было видеть эти горячие лица разведчиков, их стремление растолковать виденное и заставить поверить их докладу товарища начальника. Современные борцы из Союза молодежи, вы имели хороших учителей и товарищей в 1905 году на Пресне в декабре, и кровью многие из них завоевали право быть занесенными золотыми буквами на скрижали истории борьбы. Бойцы наших основных пунктов — Горба-

[1] Войлошников был начальником сыскного отделения, а Сахаров — помощником полицейского пристава. *Прим. авт.*

тый мост, Новинский бульвар, спуск в Дорогомилово, Сенная площадь, Б. Грузинская, мастерские Брестской железной дороги, Пресненская застава, Зоологический сад — подтверждали донесения красных разведчиков. Было ясно, что Дубасов готовит наступление, сравнения с которым не выдержат все казацкие и артиллерийские набеги и бомбардировки, производившиеся до тех пор. Ожидаемое свершилось. Трагедия Пресни была такова, что буржуазия на отпразднованной ею тризне не понимала, что хоронит не революцию, а заколачивает гроб своего спокойного бытия и ее бога — капитала.

Ночь на субботу была тревожной. Все с оружием были на посту. Кухня все запасы раздала на руки. Бомбы распределены, кое-где заложены фугасы. Рабочие чувствовали развязку, и дружины готовились встретить ее. Все знали, что это будет последняя ночь. Мы окружены. И для спасения тысяч жизней нужно было не допустить нападения ночью и врасплох. Замолкли отдельные выстрелы... Черная ночь нависла над Пресней... Но бойцы не трусили, шутили: «Кажись, последний ужин, матушка-кухня, оставляешь, жаль, опять пропало все даром, и когда-то народ теперь раскачаешь». На постах стояли дружинники, сжимая оружие. «За кровь,— говорили они,— прольется кровь, и с пением похороним мы наших убитых, положенных в гробы рабочими фабрики Шмита».

Их не покидала надежда победить.

— Выход только по Москве-реке,— в 5 часов утра доложил юноша-школьник, последний красный разведчик, и вдруг началась канонада, каковую Москва не слышала, не видела до тех пор. Результаты ее — полуразрушенная Пресня.

В 9 часов 30 минут утра, видя концентрированную атаку пехоты, я отдал приказ прятать оружие и уходить с Пресни.

Своей вооруженной борьбой рабочие Москвы в декабре 1905 года и дружины осажденной Пресни проложили путь к революции Октября 1917 года, спаяв эти две эпохи пролитой кровью и дав название Пресне — Красная Пресня.

Великие, незабываемые дни. Сборник воспоминаний участников революции 1905—1907 годов. М., 1970, с. 215—223

В. К. Таратута

ДЕКАБРЬ 1905 ГОДА В МОСКВЕ

РАБОТА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ

Что представлял собой комитет нашей партии в то время, как он проводил свою работу? Мне пришлось с начала революции побывать в некоторых городах, прежде чем поселиться в Москве. Я имел возможность таким образом ознакомиться с местными комитетами нескольких городов и с их работой. Комитеты работали в чрезвычайно своеобразной обстановке. С одной стороны, комитеты организовывали везде громадные массовые собрания совершенно открыто — в университетах, клубах, разных учебных заведениях. Больше того, комитеты устраивали там свои центры. Так, в Москве знаменитое Техническое училище, так называемое Высшее императорское техническое училище, Комиссаровское училище, реальное училище Фидлера, Высшие женские курсы бывш. Герье в Мерзляковском переулке, на Поварской были штабами Московского комитета. В одних аудиториях собирались митинги, в других происходили заседания комитета и явки партийных работников, в третьих обучались боевики военным техническим приемам.

Комитет издавал в Москве легальную газету «Борьба», имевшую значительный тираж. Была сделана попытка издать специальную рабочую газету, которую редактировал покойный Дубровинский (Иннокентий)[1]. Комитет в печати призывал к пожертвованиям и публиковал отчеты об этих пожертвованиях. В газетах сообщалось о митингах, содержались призывы к забастовкам и т. п. В то же время Московский комитет был тайной организацией, он имел конспиративные заседания, хотя в этих заседаниях участвовали иногда сотни людей. Имелись конспиративные склады литературы, явки. Комитет состоял из так называемых ответственных организаторов, районных пропагандистов и агитаторов, имел ответственного секретаря... В распоряжении комитета

[1] *И. Ф. Дубровинский* — профессиональный революционер, выдающийся деятель рабочего движения. В 1897 году был арестован. После раскола на II съезде РСДРП примкнул к большевикам, был кооптирован в ЦК. В феврале 1905 года был арестован на совещании группы членов ЦК в Москве. Выйдя в октябре 1905 года на свободу, принимал активное участие как член Московского комитета в проведении октябрьской политической стачки 1905 года и в подготовке вооруженного восстания в Москве. V съезд партии избрал Дубровинского членом ЦК. Преданный провокатором Малиновским, Дубровинский был арестован и выслан в Туруханский край, где погиб. *Ред.*

были солидные литературные группы, обширная финансово-техническая комиссия, которая состояла преимущественно из интеллигенции, снабжавшей комитет квартирами для собраний, ночевок, явок и денежными средствами путем организации сборов, концертов, спектаклей.

Таким образом, большевики, оставаясь верными своим принципам, сохраняли свою конспиративную организацию и в то же время широко использовали все возможности для развития своей работы в массовом масштабе...

Среди многих героических товарищей того времени мне хочется специально отметить так называемых курьеров, которые обслуживали партийный комитет и отдельные его районные части. Обычно это были совсем юные студенты и курсистки, гимназисты и гимназистки — выходцы из интеллигентных буржуазных семей... Они бегали из района в район, с собрания на собрание, выполняя поручения — что-то передать, кого-то известить; разносили пакеты с литературой, различные распоряжения организации. Они это проделывали и в декабрьские дни, когда на улицах Москвы гремели пушки, рискуя все время своей жизнью. Мне припоминаются два таких курьера, два молоденьких студента, партийная кличка которых была: одного — Бобчинский, а другого — Добчинский. С изумительной изворотливостью и подвижностью эти юноши, рискуя своей жизнью, неутомимо работали денно и нощно, исполняя самую черную работу в подпольной организации, именно работу в качестве курьеров.

Остановлюсь еще специально на работе большевиков в Пресненском районе Московского комитета партии. Нынешняя Красная Пресня тогда объединяла Пресню и Бутырско-Хамовнический район. В районе было два центра революционных рабочих организаций: фабрика Прохорова [1] и мебельная фабрика Шмита [2]. Само собою разумеется, что все предприятия того времени в Москве кипели в огне революции, и рабочие всех предприятий Пресни, даже наиболее далекого и отсталого сахарного завода, расположенного в этом районе, принимали активное участие в движении. Но центрами и боевыми штабами были именно эти два предприятия на Пресне.

[1] Ныне Трехгорная мануфактура имени Ф. Э. Дзержинского. На стене ткацкой фабрики прибита мемориальная доска, на ней высечены имена 14 рабочих — участников баррикадных боев на Пресне, расстрелянных царскими палачами тут же, на фабричном дворе. Нельзя без волнения читать слова: «Вы первые подняли знамя восстания. Мы донесли его до диктатуры пролетариата. Клянемся донести до торжества мирового коммунизма». *Ред.*

[2] *Н. П. Шмит* — замечательный революционер. Он родился в 1883 году, учился в Московском университете. Получив в наследство мебельную фабрику на Пресне, Николай Шмит многое сделал для улучшения положения рабочих. Накануне Декабрьского вооруженного восстания через Алексея Максимовича Горького Шмит передал Московскому комитету РСДРП 20 тысяч рублей на приобретение оружия. В дни восстания за участие в баррикадных боях его арестовали. Тюремщики убили его. Похороны революционера вылились в политическую демонстрацию. После победы Великого Октября одна из улиц в центре Красной Пресни названа его именем. Это — Шмитовский проезд. *Ред.*

8 Заказ 4835

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

В отличие от Питера в Москве Совет рабочих депутатов образовался гораздо позже. 22 ноября по старому стилю, по одним воспоминаниям, 23 ноября, по другим воспоминаниям, собрался в первый раз Московский Совет рабочих депутатов. Он собрался на Поварской, в театре бывш. Гирш. До его образования в Москве существовал Федеративный комитет, который и согласовывал действия революционных организаций. В этот Федеративный комитет входили и представители от большевистского комитета, два представителя — от меньшевистской группы и два — от эсеровской группы. Когда образовался Московский Совет, на первом же его заседании было постановлено, что в него войдут по два представителя от этих трех партий, то есть фактически в него вошел весь Федеративный комитет. Всего Московский Совет провел пять заседаний; в среднем на них бывало около 200 человек. Только на последнем собрании Московского Совета, 15 декабря, присутствовало 90 человек. Чем объясняется такое позднее образование Совета в Москве?

Одной из причин было несколько осторожное отношение Московского комитета партии к этой новой форме рабочей самоорганизации. В то же время влияние Федеративного комитета в Москве было настолько сильно, что революционные организации не нуждались в создании такого Совета для руководства рабочим движением. Московский Совет рабочих депутатов за все время своего краткого существования самостоятельно не оказывал сильного влияния.

Один из организаторов Московского Совета, тов. Васильев-Южин, в своих воспоминаниях утверждает, что Совет был организован преимущественно для того, чтобы бороться с влиянием так называемого стачечного комитета, который организовывался еще в октябрьские дни для руководства октябрьской забастовкой. В этом комитете преобладали представители разных буржуазных союзов. После октябрьских дней этот комитет, никогда не отличавшийся особой революционностью и не имевший пролетарской классовой платформы, стал усиленно подвергаться расслоению, которое совершалось по всей стране. Его влияние в октябре—ноябре было явно антипролетарское, и для борьбы с этим влиянием, по утверждению тов. Южина и других работников, и был создан Московский Совет рабочих депутатов...

На собрании Московского Совета рабочих депутатов 4 декабря после рассмотрения некоторых текущих организационных вопросов было заслушано сообщение об аресте исполнительного комитета Петербургского Совета. При обсуждении вопроса, как ответить на этот арест, большинство депутатов высказалось за необходимость объявления всеобщей забастовки. Тут же в прениях

указывалось целым рядом депутатов, что стачка эта будет уже неизбежно не репетицией, а сражением, генеральным боем с царским правительством и что эта стачка должна вылиться в вооруженное восстание.

КОНФЕРЕНЦИЯ МОСКОВСКОЙ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

5 декабря утром или 4 декабря вечером состоялось расширенное собрание Московского комитета. Здесь было заслушано сообщение об аресте исполнительного комитета Петербургского Совета, и опять подавляющее большинство высказалось за объявление всеобщей забастовки с полным сознанием, что забастовка эта должна стать вооруженным восстанием.

На этом собрании было решено поставить этот вопрос на большевистской конференции, причем заранее условлено прежде всего произвести на этой конференции опрос всех представителей районов, подрайонов и кружков, не произнося агитационных речей за объявление всеобщей забастовки именно для того, чтобы учесть возможно более свежие и непосредственные отзывы представителей широких рабочих масс.

Я помню отчетливо начало этой конференции. Господствовало необычайно напряженное и, можно сказать, торжественное настроение. Представителям фабрик и заводов предложено было высказать свои мнения о настроении рабочих и о возможности успешного объявления всеобщей забастовки с сознанием, что таковая должна превратиться в вооруженное восстание.

Один за другим выступали рабочие с горячими речами: стачку объявить необходимо, если этого не сделать, она все же вспыхнет, стихийно... Рабочие сознают, что эта стачка должна перейти в вооруженное столкновение и восстание, все к этому готовы.

Единственное, на что жаловались рабочие,— это недостаток и даже отсутствие на фабриках и заводах оружия, хотя на целом ряде мастерских рабочие сами выковывали пики, отливали ядра и просто куски свинца, готовили всякое холодное оружие, делая все это наспех.

Ответственные работники знали, что на этой конференции присутствует член Центрального Комитета тов. Любич (Саммер)[1], присутствовавший также и на утреннем расширенном заседании Московского комитета большевиков.

Только после окончания опроса представителей фабрик и заводов было предложено лучшему из агитаторов Московского комитета того времени тов. Станиславу (Вольский) выступить с заключительной речью. Он начал свою речь с заявления, что конферен-

[1] *И. А. Саммер* (Любич) — видный большевик, профессиональный революционер. *Ред.*

ция решила сделать вооруженный натиск на все силы черной реакции, что это будет жестокий кровопролитный бой, причем наша партия должна стать руководителем этого боя.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ВСЕОБЩЕЙ ЗАБАСТОВКИ

Итак, на конференции было постановлено объявить 7 декабря всеобщую забастовку, с тем чтобы обратить ее в вооруженное восстание.

Здесь любопытно отметить, что на состоявшейся в это же время общегородской конференции меньшевиков подавляющее большинство под влиянием рабочих также высказалось за объявление всеобщей забастовки.

Решено было объявить всеобщую забастовку 7 (20) декабря с половины дня.

Вечером 6 (19) декабря состоялось заседание Московского Совета рабочих депутатов, на котором кроме делегатов от 91 производства находились также представители Всероссийской конференции железнодорожников, представители съезда почтово-телеграфных служащих.

Здесь, так же как и на партийной конференции, начали с докладов делегатов крупных фабрик и заводов об отношении и готовности рабочих к забастовке и восстанию. Как на партийной конференции, так и тут делегаты один за другим высказывались за забастовку. Особенно сильное впечатление произвели выступившие с речью делегаты Всероссийской конференции железнодорожников, которые заявили, что конференция ждет только решения Совета рабочих депутатов и что конференция присоединится к забастовке и отдаст соответствующие распоряжения по сети железных дорог. Единогласно было принято следующее постановление:

«Московский Совет рабочих депутатов объявляет всеобщую политическую забастовку в среду, 7 (20) декабря, с 12 часов дня, всемерно стремясь перевести ее в вооруженное восстание».

Тут же на заседании был единогласно принят текст воззвания, предложенный от имени революционных партий, и решено было, что Московский Совет подпишется под этим воззванием. Тут же был принят целый ряд практических постановлений: как быть с водопроводом, булочными и т. п., было решено также особо строго наблюдать за тем, чтобы винные лавки, пивные и т. п. были закрыты, с ворами и грабителями постановлено было бороться самым беспощадным образом.

НАЧАЛО ЗАБАСТОВКИ

7 декабря, в 12 часов дня, вся рабочая Москва забастовала. Выполняя указания Московского комитета, все партработники

разошлись по районам для организации митингов и наблюдения за дружным началом забастовки.

День 7 декабря (среда) прошел в митингах и собраниях забастовавших рабочих, причем собрания эти устраивались непосредственно на фабриках и заводах. Так, я лично вечером 7 декабря выступал в «спальнях» цинделевской фабрики вместе с покойным тов. Иннокентием и другими. По вечерам также собирались все районные Советы, устраивались многолюднейшие митинги во всех залах города Москвы.

Был ли план действий? Имелось ли ясное представление о том, что предстоит делать?.. Московский комитет и Московский Совет в своих воззваниях дали кое-какие указания: было предложено всем быть в своих районах, повести усиленную кампанию митингов, собирать боевиков-дружинников маленькими группами для охраны собраний и митингов, избегать открытого столкновения с войсками, наоборот, всячески стараться вступать с солдатами в общение для того, чтобы склонить их на свою сторону, на городовых же рекомендовалось всячески нападать и обезоруживать их. Также рекомендовалось идти в казармы и убеждать солдат присоединиться к забастовке. В общем, рекомендовалось придерживаться партизанского способа действий, внезапно нападая из-за угла, с крыш и окон домов.

В ночь на 8 декабря (со среды на четверг) были уже слышны в разных частях города, особенно в рабочих кварталах, отдельные выстрелы. 8 декабря (в четверг) кое-где произошли уже столкновения демонстрантов с сумскими драгунами, но в общем в городе не было еще видно ни баррикад, ни нападений войск, только было заметно, что полиция исчезла почти полностью.

РАЗГРОМ ФИДЛЕРОВСКОГО УЧИЛИЩА

8 декабря вечером здание театра «Аквариум», где происходил митинг, было оцеплено ротой солдат. Я помню, как задним двором «Аквариума» и соседнего Комиссаровского училища проводили партийных товарищей, в частности тов. Седого-Литвина, который должен был выступить на этом митинге.

9 декабря вечером по городу разнесся слух, что войска палят по Фидлеровскому училищу из пушек.

Фидлеровское училище служило местом всяких собраний, а также местом обучения наших боевиков и боевиков-эсеров.

Наши боевики еще накануне покинули Фидлеровское училище, получив известие, что грозит нападение со стороны властей. Эсеры, хотя и были предупреждены об этом, все же остались там.

Училище оцепили войска. Боевикам было предложено сдаться, на что они ответили отказом. По училищу была открыта пальба из пушек, дом загорелся, и большинство боевиков было арестовано, часть же успела в суматохе скрыться.

БАРРИКАДЫ В МОСКВЕ

В разных местах города небольшие группы рабочих — чаще всего под руководством боевиков-дружинников — начинали рубить телеграфные столбы, вытаскивали из соседних дворов бочки, телеги или, собирая остатки досок и строительных лесов, начинали строить из них баррикады, иногда укрепляли их мешками, а подчас перетягивали через улицу проволоку или веревку, чтобы мешать передвижению войск. Полиции на улицах не было; с того момента, как стали на улицах арестовывать и разоружать полицейских, она исчезла. К постройке баррикад присоединились и обыватели — одни активно, другие пассивно.

Ночью картина менялась, по городу раздавалась стрельба. С одной стороны, полиция пыталась по ночам разбирать баррикады под охраной казаков, с другой — дружинники в это время нападали на эти отряды или на отдельных городовых. Также по ночам из окон, с крыш домов дружинники стреляли в проходившие отряды полиции и казаков.

Город покрылся целым рядом баррикад, в большинстве случаев не представлявших большого боевого значения, хотя иногда требовавших большого труда, самоотвержения и риска для их сооружения.

ДЕЗОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ СИЛ В МОСКВЕ

В центральной части города — по Садовой, Тверской, начиная от Страстной площади по направлению к Охотному ряду — стояли отряды полиции и войск, задерживая время от времени прохожих, обыскивая их и арестовывая. В то же время эти войска не решались заглянуть в рабочие центры и не решались днем открыто нападать на баррикады. Из опубликованных после революции данных охранки того времени и из переписки генерал-губернатора Дубасова[1] с градоначальником города Москвы выяснилось, однако, с очевидной несомненностью, что начальство в Москве было совершенно дезорганизовано и напугано. Из имеющегося материала совершенно ясно, что войска были ненадежны, что генерал-губернатор Дубасов мог рассчитывать лишь на некоторые части, преимущественно конных войск, но и эти надежные для правительства войска были до последней степени утомлены, напуганы и не уверены в себе. Дубасов не решался перейти в наступление в эти дни, потому что у него не хватило вооруженных сил. Он требовал

[1] *Ф. В. Дубасов* — генерал-адъютант, адмирал, кровавый палач русской революции 1905—1907 годов. В 1905 году руководил подавлением аграрного движения в Черниговской, Полтавской и Курской губерниях. С ноября 1905 года — московский генерал-губернатор, руководил разгромом Декабрьского вооруженного восстания в Москве. *Ред.*

новых военных сил, присылки гвардейских частей из Петербурга, и без них он не решался перейти в наступление. Правительство сосредоточило все свои силы на том, чтобы не допустить приостановки Николаевской железной дороги, соединявшей Москву с Петербургом. Николаевский вокзал в Москве и вся линия от Петербурга до Москвы охранялись большими вооруженными силами, снабженными пушками и пулеметами, выставленными против вокзалов. 10 декабря началась по городу стрельба, причем ясно было, что у правительства нет еще определенного плана и уверенности в возможности осуществления плана подавления восстания. Стреляли по толпе, а чаще всего вдоль улиц картечью. На некоторых церквах и колокольнях (Страстного монастыря и др.) установили батареи, которые стреляли в толпу и по улице в случайных прохожих. Толпа, по которой стреляли, чаще всего была мирной толпой, которую тревога, любопытство и житейские нужды выгоняли на улицу. Начиная с вечера 10 декабря на улицах можно было встретить телеги и сани, которые перевозили трупы под охраной казаков и драгун.

С воскресенья 11 декабря войска осмелели и стали нападать на отдельные места, где сосредоточились дружинники или где происходили собрания рабочих. В этот день была разрушена пушками типография Сытина; в этот же день разгромлено общежитие студентов на Бронной, занята и Симоновка; ряд других рабочих кварталов был оцеплен и занят войсками. Началось наступление правительственных войск; оцеплялись отдельные районы, которые предварительно обстреливались ружейными залпами и картечью; из квартала в квартал перебрасывались войска, и затем устанавливалась стража из полицейских, которых охраняли в свою очередь войска; производилось занятие других участков. Так участок за участком оказывался в руках завоевателей. Дольше других держался Миусский парк.

15-го числа началось прибытие новых свежих сил из Петербурга. Овладев городом, правительство перенесло подавление на районы окружной организации нашей партии — на кольцо прилегающих к Москве железных дорог. Отправлялись карательные экспедиции, которые заливали кровью рабочих железнодорожные станции, узлы; усмирители-офицеры на месте решали, кого расстрелять, и тут же на станции или вблизи ее производились расстрелы железнодорожников и рабочих.

НА КРАСНОЙ ПРЕСНЕ

С самого начала восстания на Красной Пресне рабочие снимали с постов городовых и околоточных. Было, собственно, два центра на Пресне — это мебельная фабрика Шмита, которая хотя и входила в Городской район, но территориально примыкала к Пресне, и прохоровская «Трехгорная мануфактура». На Пресне полиция была изгнана, участок опустел. После нескольких нападений боевики уже не находили на месте полиции. На Пресне в эти дни

была создана своя революционная власть; была своя комендатура, которая арестовывала подозрительных для революции лиц; был свой продовольственный комитет, который снабжал питанием дружинников; был свой финансовый комитет, который распределял кое-какую помощь забастовщикам. Комендатура наблюдала за тем, чтобы не было пьяных, воровства и грабежей. Революционную власть представляли тов. Литвин-Седой, который начиная с октябрьских дней в Москве пользовался исключительной популярностью на всех митингах, и тов. Доссер (Леший). Оба они являлись представителями Московского комитета партии.

Первые дни пресненские дружинники уходили из своих районов в город и там присоединялись к другим группам от Зоологического сада. Шмитовская фабрика и столовка пресненской «Трехгорной мануфактуры» были главным штабом, где дружинники сменялись, отдыхали. Тут же вооружали новых дружинников оружием, которое удавалось отбить при нападении на отдельных городовых.

ОКРУЖЕНИЕ ПРЕСНИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ ВОЙСКАМИ

В эти дни по городу ходило чрезвычайно много самых фантастических слухов. В этих слухах большое место занимали разговоры о пресненских дружинниках. Во всех районах говорили о силе пресненской дружины и о ее отважных подвигах. Начиная, однако, с субботы, 10-го, к Пресне стали все больше и больше приближаться войска. Внутри района было спокойно, но уже сношения с Пресней становились все труднее, так как войска все больше замыкали свое кольцо вокруг этого района. С 12-го числа стало ясно, что предстоит атака войск против Пресни, и Пресня стала готовиться к бою. Под начальством того же тов. Литвина-Седого и того же тов. Лешего-Доссера стали баррикадироваться улицы, ведущие в город. Шмитовская дружина из города окончательно возвратилась на Пресню. К шмитовской дружине присоединились отдельные наиболее упорные боевики из других отрядов. Однако правительство еще не решалось на окончательное наступление против этого рабочего района, охраняемого всего двумя-тремя сотнями дружинников, вооруженных преимущественно револьверами, разнокалиберными ружьями. И только в пятницу 16 декабря по старому стилю, ночью, Пресня оказалась вся окруженной правительственными войсками. Командовал этой атакой полковник Мин, имя которого долго еще после московских дней зажигало в сердцах рабочих глухую ненависть и жажду мести. Семеновцы от Брестского вокзала, где они предварительно успели перебить значительную часть железнодорожной дружины, перешли на Горбатый мост. В то же время со стороны города войска заняли Горбатый мост, всю площадь Зоологического сада, а также Кудринскую площадь. Всю ночь с пятницы 16-го на субботу 17-го Пресню атаковали

с разных сторон. Насчитывали до пяти орудийных выстрелов в минуту. Горбатый мост со стороны города войска обстреливали пулеметами.

РАЗГРОМ ПРЕСНИ

Центром наиболее ожесточенного обстрела правительственными войсками была шмитовская фабрика. Ее сожгли дотла. Сожгли также и дом владельца фабрики. Сожгли значительную часть огромного старого сада, окружавшего фабрику. Палили так, что не удалось даже вывести скот, который тут же и сгорел. Одновременно обстреливали все соседние пресненские дома, которые загорались один за другим.

Стали обстреливать пресненскую «Трехгорную мануфактуру». Но здесь владельцы успели вскоре приостановить стрельбу, сумев снестись с генерал-губернатором и вымолить у него пощаду, заверив в своих верноподданнических чувствах.

Совершенно исключительную героическую преданность и сверхчеловеческую выносливость проявили в эти кровавые дни пресненские рабочие. По нескольку дней и ночей тысячи рабочих не спали, участвуя, как могли, в боях. Одни сражались на баррикадах, другие их снабжали и всячески им помогали. К этому времени почти вся Москва была завоевана правительственными войсками, и пресненские рабочие одни, своими собственными усилиями смогли продержаться под огнем пушек и пулеметов на три-четыре дня дольше всей Москвы. Царский полковник Мин захватывал один за другим дома пресненских рабочих, но своими расстрелами в то же время закалял пресненских рабочих в огне революции, закалял их ненависть и готовность бороться за дело рабочих.

В субботу утром вся северная часть Пресни и Большая Пресненская улица были заняты солдатами. Сопротивление дружинников было сломлено, но войска еще не решались проникнуть на площадь, прилегающую непосредственно к пресненской фабрике. Всю субботу Пресня со всех сторон была окружена огненным кольцом пожаров и бомбардировок. Было ясно, что на этот раз рабочие разбиты. В воскресенье утром переоделся, изменил свою наружность Седой и выбрался с Пресни. Оставил Пресню в тот же день и тов. Доссер. Но еще все воскресенье и следующие затем два-три дня проходы из города на Пресню были заняты войсками и полицией, которые обыскивали всех проходящих, причем показавшиеся полиции почему-либо подозрительными и все, у кого находили какое-либо оружие, тут же по приказу околоточного или офицера отводились на Москву-реку и расстреливались. В понедельник 19-го первое восстание московских рабочих было раздавлено. Город, залитый кровью, оказался полностью в руках правительства...

Великие, незабываемые дни. Сборник воспоминаний участников революции 1905—1907 годов. М., 1970, с. 224—236

Г. Ф. Стуруа

ИСТОРИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ТИПОГРАФИИ ЦК В МОСКВЕ В 1905 ГОДУ

Чтобы иметь ясное представление о том, каким образом возникла идея организации центральной нелегальной типографии в центре России, то есть в Москве, нужно бросить взгляд на историю рабочего движения в России за период 1901—1904 годов. Этот период характеризуется сильным подъемом забастовочного движения, которое подошло вплотную к 1905 году. Центральная типография ЦК находилась тогда в Баку, и в ней печатались всякого рода воззвания, листки и прокламации, а также выпускались большого формата брошюры и книжки исключительно партийного характера. В это время в центре назрела мысль о том, что бакинская типография, слишком удаленная от Москвы, где было сосредоточено партийное руководство рабочим движением всего Центрального промышленного района, не могла своевременно и полностью удовлетворять потребность центра в литературе. Находившийся в это время в Баку член ЦК тов. Красин взял на себя инициативу возбудить в ЦК вопрос о том, чтобы в центре была организована центральная нелегальная типография, способная удовлетворить требование момента.

Получив разрешение ЦК организовать типографию в Москве, тов. Красин предложил Семену Енукидзе съездить в Москву, ознакомиться с местными условиями, а затем приступить к организации типографии.

По приезде в Москву Семен Енукидзе предварительно ознакомился с расположением города и наметил несколько вариантов организации типографии. Наиболее подходящим Семену Енукидзе казалось открыть большой винный подвал, куда одновременно с винными бочками можно было вкатить и типографию совершенно незаметно. Такая организация типографии требовала довольно больших средств, которых у ЦК не было, так что пришлось придумать другой план. Этот последний состоял в следующем: открыть «торговую контору» с удобной комнатой для типографии. В намеченном помещении имелся подвал, в котором предполагалось устроить нашу типографию. Подобрав людей, которые должны были официально «заниматься торговлей сухими восточными товарами», а фактически работать в типографии, мы приступили к ее устройству и оборудованию (я был вызван специально для этой работы из Баку).

Помещение находилось по Лесной улице, 55 (в то время 62). По плану Енукидзе в подвале нужно было вырыть колодец, а потом из колодца провести туннель в сторону, затем в земле вырыть соответствующее помещение, где можно было бы ставить типографию. Для отвода глаз мы предложили самому домовладельцу вырыть колодец в подвале, объяснив ему, что это нужно для осушки подвального помещения. Хозяин согласился с нашими соображениями и вырыл глубокий колодец, а всю землю из колодца мы утрамбовали в подвале. Когда это было сделано, мы приступили к весьма кропотливой работе по проведению туннеля. Наше помещение имело три отделения: магазин, комнату для жилья и кухню. Подвал находился под магазином. Прорезав на глубине одного аршина от поверхности колодца четырехугольную дверь, мы приступили к рытью туннеля.

Первое время, пока мы не дошли до капитального фундамента, работа протекала более или менее нормально. Надо сказать, что земли оказалось у нас в подвале так много, что держать ее там было нельзя, высыпать ее на улицу или во двор тоже нельзя было, так как этим мы, естественно, вызвали бы подозрение окружающих. Тогда мы решили всю эту насыпь упаковать в ящики и бочки и отправлять в разные города России «до востребования», а для нашей торговой конторы это создало видимость работы.

Наше торговое помещение называлось «Торговля сухими восточными товарами», но в магазине у нас ничего, кроме образцов не было, причем образцы эти были вовсе не восточного происхождения, а взяты с Сухаревки. Когда же к нам кто-нибудь заходил (к счастью, это было очень редко), мы говорили: «У нас здесь образцы, а сами товары у нас лежат в специальных складах. По этим образцам вы дайте заказ, скажите, сколько и куда нужно доставить, и мы все это доставим». Были такие случаи, когда мы даже хорошо не знали цену на тот или другой товар. Заказчики с нами торговались, мы условливались с ними о месте доставки, потом покупали этот товар на Сухаревке и аккуратно отправляли его заказчику, чтобы создать впечатление порядочных торговцев, выполняющих свои обязательства. Нередко мы не знали, сколько стоит тот или другой наш товар, однако мы гордились тем, что дешево продаем товар, хотя и в убыток.

Я опять вернусь к проведению туннеля. Когда мы вплотную подошли к капитальному фундаменту, то оказалось, что он толщиною более одного аршина и так крепко зацементирован, что мы в продолжение двух недель ничего не могли с ним поделать. Тогда мы попросили тов. Красина дать нам какое-нибудь средство, чтобы облегчить нашу работу. Он прислал нам какую-то химическую жидкость (я сейчас не знаю, как она называлась), мы облили фундамент этой жидкостью и затем в продолжение каких-нибудь трехчетырех часов пробили фундамент. Когда мы уже оказались под кухней, то начали выемку земли для устройства комнаты, в которую и собирались поставить типографию. Туннель был приблизительно около 2 сажен длиною. Комната, где мы должны были ста-

вить типографию, имела приблизительно $1^1/_2$ сажени ширины и немногим больше сажени вышины. Там поместили мы типографский станок-американку и затем, для того чтобы сэкономить помещение, в земляной стене вырыли специальное окно для реала, куда вкладывали наборные кассы. Когда нам нужна была та или другая касса, мы ее оттуда вытаскивали и, держа в наклонном положении, набирали. Работать могли только три человека: два набирали, а один печатал.

Интересно еще, каким образом мы приобрели станок. При царизме типографский станок и вообще типографские части приобретались только теми лицами, которые владели типографией и которые имели специальные на то права. Это обстоятельство вынудило нас в свое время войти в сделку с владельцем одной частной типографии в Баку, и через него мы выписали из Петербурга типографский станок, который был доставлен в Баку. По получении станка в Баку мы немедленно разобрали его и уложили в маленькие ящики и отправили в Москву багажом. Эта работа шла параллельно с работой по отысканию помещения, устройству колодца, туннеля и т. д.

На всю эту процедуру мы потратили около трех месяцев. Такой большой срок объясняется тем, что мы с самого начала наметили определенный режим, которого строго придерживались. У нас было решено создать такие условия, при которых, если изнутри нас никто не выдаст, можно было бы продержаться очень долго. Что касается внутреннего предательства, то мы были настолько опытны, что бояться нам не приходилось, потому что мы для этой работы брали лиц, которые прошли очень суровую партийную школу, а потому, разумеется, эта опасность для нас не существовала.

Пару слов об условиях жизни тех товарищей, которые работали в типографии. Эти условия были вообще чрезвычайно характерны в том отношении, что каждый работающий там вынужден был отказаться, в буквальном смысле слова, от личной жизни. Когда мне в первый раз было предложено пойти на эту работу, я спрашивал, в каких условиях мне придется работать. На это Семен Енукидзе мне ответил: «Будешь выходить в месяц $1^1/_2$ раза из помещения, все же время будешь находиться в подвале, и больше никаких». Я немного недоуменно спросил: «Как же можно полтора раза выходить? Я понимаю, что можно выходить 1 или 2 раза». Он мне на это ответил: «Ты в два месяца будешь выходить 3 раза, для того чтобы попасть в баню, и если три выхода разделишь на два месяца, получишь: полтора выхода». Такой же режим применялся ко всем работающим в типографии товарищам.

Состав работающих товарищей распределялся таким образом: во-первых, был персонал, обслуживающий «торговое» предприятие,— хозяин с женой и ребенком и прислугой для ребенка. Последняя нужна была как декорация к «порядочному» семейству. Какая же могла у нас быть прислуга? Случайного человека мы взять не могли. С Кавказа прислугу мы решили не вызывать, так как это было неудобно ввиду того, что прислуги и здесь много. Мы

просили ЦК дать нам в качестве прислуги товарища-женщину, но только не из Москвы, а из Иваново-Вознесенска или из какого-нибудь другого города, потому что опасались, что если мы возьмем московскую женщину, то она благодаря своим связям может нас провалить. Мы выписали из Иваново-Вознесенска одну женщину, товарища Марию Икрянистову (ее взяли с фабрики). Сейчас она находится в Москве и работает в МК, кличка ее Труба. Мария изображала из себя прислугу не очень искусно. Такие слова, как: «барин», «барыня», «что угодно», «к вашим услугам», ей были настолько непривычны, настолько невыносимы, что она не раз пробалтывалась и, бывало, при посторонних называла нас «товарищами» или скажет что-нибудь такое, что совершенно не соответствует прислуге. Мы старались муштровать ее, сколько было возможно, но ничего из этого не выходило, ибо по своему темпераменту она была — и сейчас осталась — такой — чрезвычайно горячим человеком вопреки свойствам северян; после четырех-пяти месяцев она стала протестовать. «Не могу я больше оставаться при таких условиях»,— говорила она. Мы видели, что ей действительно было настолько тяжело, что она в буквальном смысле слова задыхалась, и мы решили освободить ее. Мы выписали из Иваново-Вознесенска другую женщину, которую тоже звали Марией, фамилию ее я не помню, она была человеком положительным, спокойным и очень аккуратно исполняла свою роль. Кроме прислуги был у нас еще приказчик, партийный товарищ. Вот это и был тот состав, который внешне обслуживал наше предприятие.

Технический персонал типографии представлялся в следующем виде: два печатника и четыре наборщика, причем они работали посменно. Работа у нас шла беспрерывно круглые сутки. Из этих шести товарищей три жили в типографии, три были приходящими, причем эти товарищи никаких связей в городе не должны были заводить и не заводили; они исключительно посещали нашу квартиру и вели свою работу. Работа в земле была настолько тяжела и невыносима, что долго никто не выдерживал. Проработав пять-шесть месяцев, каждый из товарищей уходил. Я как-то настолько привык к этой работе, что выносил ее совершенно спокойно, и до самой ликвидации типографии я продержался в ней. Но это мне обошлось так дорого, что я заболел туберкулезом хрящей гортани и окружающих лимфатических желез, от чего лечился в продолжение семи-восьми лет и только, как ни странно, вылечился в ссылке в Сибири, куда впоследствии, в 1914 году, был сослан,— вылечился без лечения.

Вход в туннель и в ту комнату, где мы работали, был устроен настолько конспиративно, что если бы к нам пришли с обыском, то ни в коем случае типографию не удалось бы обнаружить. Мы пригласили одного представителя ЦК и сказали ему: «Вот в этом подвале находится типография, благоволите найти, где она устроена». Он, конечно, посмотрел в самом подвале, увидел, что там валяются ящики, бочки, мешки и никаких признаков существования типографии там нет. Тогда он начал выстукивать стены, смотреть

вглубь, в колодец, потом слез в этот колодец, выстукал стены — ничего не может прощупать, никаких признаков местонахождения типографии обнаружить не может. В конце концов он должен был заявить, что он сдается и найти не может. Потом мы подошли с ним к колодцу, с одного края взяли маленькую железную жердочку, спустились в колодец, открыли дверь, которая ведет в туннель, а оттуда в комнату, где находится типография. Он был изумлен виртуозностью нашего изобретения.

В самой типографии было очень плохо в отношении света. У нас беспрерывно горели две свечи, потому что керосиновую лампочку ставить было невозможно, а электричество провести было опасно, потому что в случае обыска могли проследить по проводам. Поэтому мы ограничились свечами. Сырость в самой комнате была чрезвычайно ощутительна, и после нескольких часов работы лицо покрывалось каким-то влажным жирным налетом. Несмотря на это, мы считали для себя работу в типографии святым делом и оставались там работать.

Выпускали мы всякого рода воззвания к рабочим в связи с забастовками, прокламации, боевые листки. Но основная наша работа — это был выпуск журнала, который назывался «Рабочий», орган ЦК РСДРП большевиков. За все время мы выпустили около 17 номеров этого журнала и наряду с этим массу листовок.

Работа наша продолжалась с конца 1904 года до начала свобод. Затем настал момент, когда в нелегальной типографии миновала надобность, потому что газеты наши стали издаваться легально, и было решено нашу типографию ликвидировать, так как она требовала больших средств.

Во время существования нашей типографии связь с ЦК поддерживалась таким образом: для того чтобы ЦК не провалил нас или чтобы мы его не провалили, мы просили у ЦК дать нам своего представителя для связи. Эту роль в первое время выполнял сам Семен Енукидзе, который на квартире у Горького встречался с отдельными членами ЦК, да и сам Горький, наконец, имел некоторые полномочия от ЦК по части изданий. Через Горького мы всегда были в курсе того, что ЦК думал и предпринимал в отношении изданий. После ухода Енукидзе ЦК дал нам одну женщину, по имени, кажется, Елена (жена тов. Соколова, кличка у Соколова тогда была Мирон, в настоящее время [1] он состоит членом коллегии Наркомзема); вот через тов. Елену мы и поддерживали связь с ЦК.

Когда наступили дни свободы и нужно было ликвидировать типографию, мы ее сложили, колодец закрыли так, чтобы никто ничего не узнал, и перенесли типографию в один из железнодорожных складов, где она пролежала до 1907 года. Ликвидация происходила в конце 1905 года, точно даты не помню... Когда мы ликвидировали помещение окончательно, товарищи, которые там работали, разъехались в разные места...

Режим типографии был таким тяжелым, что нужно было действительно быть фанатически преданным своему делу, чтобы его

[1] В 1925 г. *Ред.*

выдержать, чтобы не видеть света и жить так целыми месяцами. Некоторые товарищи были там год с лишком, это было что-то такое, чему сейчас трудно поверить, но все же это факт. Благодаря именно такому режиму нам удалось типографию так же сознательно ликвидировать, как сознательно она была организована. Аналогичный случай был в Баку. В Баку типография просуществовала почти пять лет, не провалившись именно благодаря тому, что там тоже был определенный режим, которому должны были подчиняться беспрекословно все работавшие в типографии...

Вот как вспоминается наша работа. Конечно, сейчас трудно все это передать так живо, как в действительности было. Были такие моменты, которые не поддаются передаче. Но само устройство, в особенности центральной нелегальной типографии, было чрезвычайно сложно и тонко. Так много было там случайных моментов, что трудно их сейчас выразить, это нужно проделать руками и мыслями на практике все, чтобы понять. Во всяком случае, «техника» занимает большую страницу в истории нашей партии. Я считаю, что ни в одной нелегальной партии нет такого громадного опыта, как у Коммунистической партии, нет такой богатой истории, как у нас. Чрезвычайно характерно то, что другие социалистические партии, хотя бы взять германскую социал-демократическую партию, не прошли такой суровой подпольной школы в своей истории, какую прошли мы, и этим отчасти объясняются и сказываются результаты нашей прошлой работы в настоящее время: наша партия, безусловно, получила большой закал благодаря той невероятной дисциплине, которой она всегда придерживалась в период нашего подполья и которая с очевидной ясностью сказалась начиная от периода февральского переворота до сегодняшнего дня.

Я считаю еще нужным отметить, что заведовал центральной нелегальной типографией, когда она находилась на Лесной улице, тов. Соколов. Он ведал этой типографией как член центрального технического бюро ЦК, но так как мы никому из представителей бюро не разрешали посещать типографию, то и ему не пришлось в ней побывать. Узнал он местонахождение типографии, только отправляясь в ссылку после двухгодичного заключения в Бутырках и случайно проходя под конвоем мимо этого помещения с женой Еленой, которая один раз была в этой типографии и запомнила адрес. Вот мелочь, которая сама по себе как будто ничего не представляет, а между тем характеризует ту дисциплину, которую мы тогда проводили в жизнь, и благодаря этой дисциплине и жестокому режиму, который мы ввели в нашу работу, нам удалось эту типографию организовать, выполнить большую работу, сознательно ее ликвидировать, и только впоследствии, когда она ставилась во второй раз, второпях, товарищи, к сожалению, недостаточно взвесили все обстоятельства и быстро провалили дело...

Техника большевистского подполья. Сборник статей и воспоминаний. 2-е изд., испр. и доп. М., 1925, с. 81—92

И. В. Шауров

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

СЕНТЯБРЬ 1905 ГОДА

Жизнь столицы всегда имела в себе много привлекательного, провинциальная студенческая молодежь, приезжая в Петербург, попадала в совершенно новую обстановку. Теперь, когда все сильнее вздымалась волна народного движения, Петербург приобретал особое значение и особый интерес.

Умы были возбуждены. Все жаждали нового. Люди готовы были слушать без конца речи, доклады, лекции, в которых говорилось бы о свободе, о новом государственном устройстве, о правах народа, царстве труда.

В университете и институтах часто бывали собрания, на которых выступали представители политических партий. В студенческой среде интерес к политической жизни был настолько велик, что остаться в стороне от нее и не определить свое собственное отношение было невозможно.

Чистых академистов, то есть таких студентов, которые считали, что высшие учебные заведения существуют только для того, чтобы в них учиться, что они не должны участвовать ни в какой политической борьбе, было немного.

Значительная часть студентов активно работала в рядах революционных партий. Студенчество давало рабочей массе агитаторов, пропагандистов, из его среды вышли многие ответственные партийные работники.

Конечно, студенчество и в 1905 году интересовалось помимо политики искусством, наукой, но наиболее привлекательным казалось то, что было окрашено в определенный политический цвет.

Большой популярностью среди студентов и молодежи столицы пользовались профессора, умевшие связать читаемые ими лекции с революционными настроениями, с нашей действительностью и запросами.

В университете в большом актовом зале приват-доцент Е. В. Тарле [1] читал курс лекций на тему «Великая французская революция». Лекции эти пользовались громадным успехом, на них стекались студенты из других высших учебных заведений, приходила и посторонняя публика. Зал бывал переполнен до отказа. Бле-

[1] *Е. В. Тарле* — историк, во время революции 1905—1907 годов выступал с лекциями, направленными против самодержавия. *Ред.*

стящие лекции о французской революции слушатели старались связать с событиями русской жизни и найти в них ответы на свои вопросы.

В нашем институте известный профессор Максим Максимович Ковалевский [1] читал курс «Государственное право Англии». Эти лекции также собирали массу слушателей, в каждом слове лектора слышалась беспощадная критика самодержавного строя.

Большим успехом пользовались также лекции по богословию священника Григория Петрова, которые он читал в нашем институте [2]. Слушать его приезжало немало посторонних. Он создал себе широкую популярность своими статьями в газете «Русское слово» и лекциями, в которых обличал православную церковь за ее прислужничество перед правительством и довольно смело критиковал существующий в России государственный строй. Позже за свой либеральный образ мыслей по постановлению церковных властей Петров был заточен в монастырь.

Наука двигалась туго. У студентов технических отделений и институтов явно превалировало стремление слушать лекции по гуманитарным наукам.

В начале учебного года во всех высших учебных заведениях был поставлен на общестуденческих сходках вопрос о том, бастовать ли по примеру прошлого года и закрыть учебные заведения или приступить к занятиям. Значительное большинство студентов по призыву революционных партий постановило забастовку не объявлять, а учебные заведения предоставить для революционных митингов и собраний, считая, что это принесет несравненно большую пользу революции. Так оно и случилось. Митинги стали организовываться уже в сентябре. Они происходили все чаще и делались все многолюднее. На них говорилось о подготовке всеобщей стачки и вооруженного восстания, о создании временного революционного правительства, о диктатуре пролетариата и крестьянства. Большинство собиравшихся на митынги составляли рабочие...

Представители радикальных элементов студенчества и служилого люда в тот момент не оспаривали руководящей роли рабочего класса в русской революции. Именно поэтому к началу октября в сознании всех принимавших какое-либо участие в революционном движении утвердилась мысль о необходимости и неизбежности всеобщей забастовки как ближайшего этапа борьбы.

В течение сентября, когда петербургский пролетариат готовился к борьбе и набирал силы, в Москве уже начались массовые вы-

---

[1] *М. М. Ковалевский* — социолог и юрист; в 1887 году за прогрессивный образ мыслей был уволен из Московского университета. В 1901 году эмигрировал в Париж, в 1905 году — вернулся в Россию. Был членом I Государственной думы. *Ред.*

[2] В сентябре 1905 года И. В. Шауров поступил в Петербургский политехнический институт и активно включился в революционную работу большевистской организации Выборгского района, выступал на собраниях и митингах перед студентами и рабочими. В это же время он вошел в состав одной из боевых дружин Выборгского района. *Ред.*

ступления: одна за другой вспыхивали стачки на крупных заводах, происходили уличные демонстрации и стычки с полицией. Сентябрьские стачки в Москве носили ярко выраженный политический характер и сопровождались требованием созыва Учредительного собрания. Вести об этих событиях разносились по всем заводам Петербурга, большевистский Петербургский комитет РСДРП в листовках сообщал о них рабочим столицы, призывая готовиться к всеобщей стачке и вооруженному восстанию.

ВСЕОБЩАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СТАЧКА

Митинги, происходившие в высших учебных заведениях Петербурга, становились все более и более многолюдными, а речи на них звучали все решительнее и смелее. 1 октября состоялся митинг в нашем институте, на котором присутствовало более 2000 человек, в большинстве рабочие. А вслед за ним последовали и новые митинги. Тысячи людей собирались в Технологическом и Горном институтах, на Высших женских курсах, в Академии художеств, Военно-медицинской академии и других местах. Самые многолюдные митинги происходили в университете...

В начале октября призывы ораторов на митингах приняли более конкретный характер. Вместо общих предложений готовиться к решительной борьбе с правительством они теперь говорили о том, что выступление начнется в ближайшие дни, что оно сразу же должно будет охватить всю страну и остановить хозяйственную жизнь России. Призывали всех запасаться оружием и вступать в организуемые революционные боевые дружины. Эсеры пропагандировали организованный и индивидуальный террор против представителей правительственной власти. Настроение присутствовавших на митингах поднималось с каждым днем. Все более и более возбужденно приветствовали они призывы ораторов, частые реплики и возгласы слушателей показывали, как глубоко они захвачены речами. У всех создавалось убеждение в том, что широкое народное выступление начнется со дня на день. Поэтому всероссийская стачка не явилась неожиданностью. Неожиданной была лишь быстрота, с которой она развернулась, и ее всеобъемлющий характер.

Большое впечатление производили на митингах сообщения из Москвы. В Москве и примыкавшем к ней Центральном промышленном районе, где было большинство существовавших тогда текстильных фабрик, в течение сентября почти не прекращались забастовки. В самой Москве происходили демонстрации, столкновения с полицией и казаками, в результате которых пострадали десятки рабочих. К концу сентября 1905 года забастовочное движение в Москве охватило большую часть предприятий.

2—3 октября в Петербурге началась забастовка типографских рабочих. Это явилось прелюдией к всеобщей стачке. 4 октября начал забастовку Семянниковский (Невский судостроительный) за-

вод. Стачка эта вспыхнула стихийно в знак солидарности с объявившими забастовку московскими рабочими. Вслед за ним забастовали другие заводы района. Бастующие выдвинули только политические требования. К ним присоединилось несколько заводов в других районах. Произошли столкновения бастующих с полицией и казаками. Это выступление не было началом всеобщей забастовки, а только вспышкой, которая дала новый толчок к возбуждению революционных настроений и подготовке всеобщей стачки. 5 октября на митинге в университете бастовавшие рабочие решили с 6 октября стачку прекратить до призыва революционных организаций к общему выступлению. Петербургский комитет РСДРП в связи с этими забастовками обратился с воззванием ко всем рабочим и работницам Петербурга, в котором отметил, что стачка эта была чисто политической. Он призывал готовиться к решительной битве с царским правительством, чтобы ниспровергнуть его вооруженным восстанием. Воззвание кончалось призывами: «Долой царское правительство и Государственную думу!», «Да здравствует революция!», «Да здравствует демократическая республика!»[1]

Когда в первых числах октября пришли вести из Москвы о том, что забастовка на заводах и фабриках в городе и прилегающем к нему районе быстро разрастается, что там происходят демонстрации, стычки с полицией и уже пролилась кровь рабочих, а в Петербурге на митингах прозвучали призывы большевиков к немедленному выступлению, я поспешил включиться в активную партийную работу. Обратился к Л. Н. Юровскому, который был одним из руководителей социал-демократической группы нашего института, с просьбой связать меня с большевистской организацией Выборгского района, в котором находился наш институт. Тов. Юровский привел меня в одну из комнат общежития, находившегося возле института. По дороге тов. Юровский порекомендовал мне выбрать себе какой-нибудь псевдоним, под которым он представит меня одному из организаторов Выборгского района. Я назвал первое пришедшее мне в голову имя — Николай. Под этим именем или под именем Николаева я и выступал в Петербурге в 1905, 1906 и 1907 годах на различных собраниях и митингах. В комнате, в которую мы вошли, находилось несколько человек, в том числе и один из организаторов Выборгского района, большевик, которому Юровский меня рекомендовал. Через него я связался с рабочими и другими партийными работниками Выборгского района и стал выступать как агитатор на различных собраниях и митингах района и в высших учебных заведениях. Направляли меня на завод по Б. Сампсониевской улице — на нефтеперерабатывающий Нобеля, телефонную фабрику Эриксона и др. Приходилось выступать и под открытым небом. Одновременно со мной на такую же работу направлялись некоторые другие студенты-политехники.

Так как в нашей институтской социал-демократической группе

[1] См.: Листовки петербургских большевиков 1902—1917. Л., 1939, т. 1, с. 257—258. *Ред.*

я пользовался всеми информационными материалами, поступавшими от партийных организаций, и был знаком со всеми партийными директивами, то никакого дополнительного инструктажа мне не требовалось. Я был связан с несколькими товарищами, от которых получал указания относительно места выступлений. Кроме нашего института на Выборгской стороне находилось еще два высших учебных заведения — Лесной институт и Военно-медицинская академия, в которых также происходили весьма многолюдные митинги, большинство участников которых составляли рабочие.

Согласно директивам Петербургского комитета РСДРП всеми районными организациями большевиков были приняты меры к скорейшему усилению боевых дружин. Я вступил в одну из дружин Выборгского района. Надобности в обучении у меня не было, так как я хорошо владел оружием. Вызов к месту сбора в нужный момент должен был производиться через группу РСДРП Политехнического института, ряд студентов которого также состояли в этой дружине.

7 октября объявили забастовку железные дороги Московского узла, а вслед за тем к ним стали присоединяться остальные железные дороги. Это сыграло огромную роль в развитии октябрьской стачки, так как не только затормозило хозяйственную жизнь страны, но и послужило сигналом к всеобщей забастовке...

12 октября началась забастовка на фабриках и заводах Петербурга. 13-го бастовало уже значительное большинство предприятий, а 14-го стачка охватила все предприятия столицы. Стали конки и городская электростанция. Забастовали приказчики. На многих рынках прекратилась торговля. Закрылись аптеки. В следующие дни забастовали служащие государственных учреждений: банков, телеграфа, телефона, почты, министерств, суда и пр. Объявило о своем присоединении к стачке бюро «Союза союзов», в которое входили союзы учителей, инженеров, врачей, адвокатов. Электрическое освещение и газовое на улицах погасло. Город погрузился во мрак. Отказывались продолжать спектакли даже артисты императорских театров. К 17 октября забастовка охватила всю страну...

Для того чтобы всероссийская октябрьская забастовка сделалась фактом, недостаточно было вынести об этом решение — потребовалась работа многих людей, которые должны были поднять и сдвинуть народные массы, увлечь их, зажечь в сердцах людей пламя борьбы и готовность в случае необходимости жертвовать собой для успеха великого дела.

Главнейшую, основную часть этой задачи выполнили большевики, разветвленные организации которых были двигательными нервами движения. Полные сознания огромной важности поставленной задачи, агитаторы-большевики старались проникнуть повсюду, где возникали собрания, где рабочие обсуждали вопрос о забастовке.

Успех забастовки, превзошедший ожидания, окрылил всех стремившихся к сокрушению монархии. Даже те, которые накану-

не ее были полны скептицизма, поверили в победу народного движения и стремились присоединиться к нему. Петербургские чиновники, лица свободных профессий и различные мелкобуржуазные элементы спешили примкнуть к пролетарскому движению. Таков был дух времени. Так было по всей стране...

В университете — море народу. Огромные людские волны переливались по бесконечному коридору из одной аудитории в другую, в актовый зал и на лестницу. Происходил непрерывный обмен слушателей между аудиториями. В актовом зале и аудиториях выступали ораторы, непрерывно, один за другим. Длинных речей, как правило, не было. Говорили эсеры, меньшевики, анархисты, беспартийные. Наибольший успех имели большевики. Их речи были ярко революционны. В них четко выражалась и разъяснялась необходимость полного ниспровержения царского правительства и захвата власти пролетариатом. Большевистские ораторы предостерегали против всяких компромиссов и соглашений с либеральной буржуазией. Большинство присутствующих составляли сознательные рабочие, выступления большевиков отвечали их настроению и классовому чутью...

Изумивший всех успех охватившей всю страну стачки, быстро завоеванная явочным порядком свобода слова, собраний, союзов, полная растерянность правительства, кажущийся паралич власти опьяняюще действовали на людей. Казалось, что победа уже одержана и мы вступаем в новую жизнь. Такие настроения господствовали тогда среди многих участников митингов, они явно сквозили в речах части ораторов. Настроение у большинства было праздничное: казалось, еще один нажим — революция достигнет полной победы и рухнет царская власть. Большинство людей не представляло себе, что прошлое может вернуться. Тон выступлений многих ораторов поддерживал в массе эти ложные представления.

Мы, большевики, разъясняли на митингах, что успешное начало — это еще далеко не победа. Враг силен, главная борьба впереди. Не торжествовать сейчас, а готовиться к решительному бою, организовываться в спешном порядке и вооружаться — вот главная задача!..

Моя агитаторская работа в период октябрьской стачки продолжалась около двух недель, но этот период был настолько наполнен впечатлениями, что, казалось, длился он долгий срок. Память сохранила многое из этого времени.

Всегда и всюду мы встречали необычайно восприимчивую массу, которая жадно ловила каждое смелое революционное слово...

На баррикадах. Воспоминания участников революции 1905—1907 гг. в Петербурге. Л., 1984, с. 294—307

18 ОКТЯБРЯ

18 октября было днем великого недоумения. Огромные толпы двигались растерянно по улицам Петербурга. Дана конституция. Что же дальше? Что можно и чего нельзя?

В тревожные дни я ночевал у одного из моих друзей, состоявшего на государственной службе [1]. Утром 18-го он встретил меня с листом «Правительственного вестника» в руке. Улыбка радостного возбуждения, с которым боролся привычный скептицизм, играла на его умном лице.

— Выпустили конституционный манифест!

— Не может быть!

— Читайте.

Мы стали читать вслух. Сперва скорбь отеческого сердца по поводу смуты, затем заверение, что «печаль народная — наша печаль», наконец, категорическое обещание всех свобод, законодательных прав Думы и расширения избирательного закона.

Мы молча переглянулись. Трудно было выразить противоречивые мысли и чувства, вызванные манифестом. Свобода собраний, неприкосновенность личности, контроль над администрацией... Конечно, это только слова. Но ведь это не слова либеральной резолюции, это слова царского манифеста. Николай Романов, августейший патрон погромщиков, Телемак Трепова [2],— вот автор этих слов! И это чудо совершила всеобщая стачка. Когда либералы одиннадцать лет тому назад предъявили скромное ходатайство об общении самодержавного монарха с народом, тогда коронованный юнкер надрал им уши, как мальчишкам, за их «бессмысленные мечтания». Это было его собственное слово! А теперь он взял руки по швам пред бастующим пролетариатом.

— Каково? — спросил я своего друга.

— Испугались, дураки! — услышал я в ответ.

Это была в своем роде классическая фраза. Мы прочитали затем всеподданнейший доклад Витте с царской ремаркой: «Принять к руководству».

---

[1] *А. А. Литкенс*, старший врач Константиновского артиллерийского училища. *Прим. авт.*

[2] Здесь используется образ сына Одиссея Телемака. *Д. Ф. Трепов* — в 1896—1905 годах московский обер-полицмейстер. С 11 января 1905 года — петербургский генерал-губернатор, затем — товарищ министра внутренних дел, был активным и инициативным проводником политики Николая II. *Ред.*

— Вы правы,— сказал я,— дураки действительно испугались.

Через пять минут я был на улице. Первая фигура, попавшаяся мне навстречу,— запыхавшийся студент с шапкой в руке. Это был партийный товарищ [1]. Он узнал меня.

— Ночью войска обстреливали Технологический институт... Говорят, будто оттуда в них бросили бомбу... очевидная провокация... Только что патруль шашками разогнал небольшое собрание на Забалканском проспекте. Профессор Тарле, выступавший оратором, тяжело ранен шашкой. Говорят, убит...

— Так-с... Для начала недурно.

— Всюду бродят толпы народа. Ждут ораторов. Я бегу сейчас на собрание партийных агитаторов. Как вы думаете? О чем говорить? Ведь главная тема теперь — амнистия?

— Об амнистии все будут говорить и помимо нас. Требуйте удаления войск из Петербурга. Ни одного солдата на двадцать пять верст в окрестности.

Студент побежал дальше, размахивая шапкой. Мимо меня проехал по улице конный патруль. Трепов еще сидит в седле. Расстрел института — его комментарий к манифесту. Эти молодцы сразу взялись за разрушение конституционных иллюзий.

Я прошел мимо Технологического института. Он был по-прежнему заперт и охранялся солдатами. На стене висело старое обещание Трепова «не жалеть патронов». Рядом с ним кто-то наклеил царский манифест. На тротуарах толпились кучки народа.

— Идите к университету! — раздался чей-то голос,— там будут говорить.

Я отправился с другими. Шли молча, быстро. Толпа росла каждую минуту. Радости не было — скорее неуверенность и беспокойство... Патрулей больше не видно было. Одинокие городовые робко сторонились от толпы. Улицы были украшены трехцветными флагами.

— Ага, ирод,— сказал громко какой-то рабочий,— теперь небось хвост поджал...

Ему ответили смехом сочувствия. Настроение заметно поднималось. Какой-то подросток снял с ворот трехцветное знамя вместе с древком, оборвал синюю и белую полосы и высоко поднял красный остаток «национального» флага над толпой. Он нашел десятки подражателей. Через несколько минут множество красных знамен поднималось над массой. Белые и синие лоскуты валялись везде и всюду, толпа попирала их ногами... Мы прошли через мост и вступили на Васильевский остров. На набережной образовалась огромная воронка, через которую нетерпеливо вливалась необозримая масса. Все старались протесниться к балкону, с которого должны были говорить ораторы. Балкон, окна и шпиц [2] университета были украшены красными знаменами. С трудом проник я внутрь здания. Мне пришлось говорить третьим или четвертым. Удивительная картина открывалась с балкона. Улица

[1] *А. А. Литкенс* — младший сын врача, юноша-большевик, вскоре умерший затем после тяжелых потрясений. *Прим. авт.*

[2] Шпиль на здании (нем.). *Ред.*

была сплошь запружена народом. Синие студенческие фуражки и красные знамена яркими пятнами оживляли вид стотысячной толпы. Стояла полная тишина, все хотели слышать ораторов.

— Граждане! После того как мы наступили правящей шайке на грудь, нам обещают свободу. Избирательные права, законодательную власть обещают нам. Кто обещает? Николай Второй. По доброй ли воле? С чистым ли сердцем? Этого никто не скажет про него. Он начал свое царствование с того, что благодарил молодцов-фанагорийцев [1] за убийство ярославских рабочих,— и через трупы к трупам он пришел к кровавому воскресенью 9 января. И этого неутомимого палача на троне мы вынудили к обещанию свободы. Какое великое торжество! Но не торопитесь праздновать победу: она не полна. Разве обещание уплаты весит столько же, как и чистое золото? Разве обещание свободы то же самое, что свобода сама? Кто среди вас верит царским обещаниям, пусть скажет это вслух: мы все будем рады видеть такого чудака. Оглянитесь вокруг, граждане: разве что-нибудь изменилось со вчерашнего дня? Разве раскрылись ворота наших тюрем? Разве Петропавловская крепость не господствует над столицей? Разве вы не слышите по-прежнему стона и зубовного скрежета из-за ее проклятых стен? Разве вернулись к своим очагам наши братья из пустынь Сибири?..

— Амнистия! Амнистия! Амнистия! — закричали снизу.

— ...Если б правительство честно решило примириться с народом, оно бы первым делом дало амнистию. Но, граждане, разве амнистия — все? Сегодня выпустят сотни политических борцов, завтра, захватят тысячи других. Разве рядом с манифестом о свободах не висит приказ о патронах? Разве не расстреливали этой ночью Технологический институт? Разве не рубили сегодня народ, мирно слушавший оратора? Разве палач Трепов не хозяин Петербурга?

— Долой Трепова! — закричали снизу.

— ...Долой Трепова! — но разве он один! Разве в резервах бюрократии мало негодяев ему на смену? Трепов господствует над нами при помощи войска. Гвардейцы, покрытые кровью 9 января,— вот его опора и сила. Это им он велит не щадить патронов для ваших грудей и для ваших голов. Мы не можем, не хотим и не должны жить под ружейными дулами. Граждане! Нашим требованием да будет — удаление войск из Петербурга! Пусть на двадцать пять верст вокруг столицы не останется ни одного солдата. Свободные граждане сами будут охранять порядок. Никто не потерпит от произвола и насилия. Народ всех возьмет под свою защиту...

— Долой войска из Петербурга!..

Говорило еще два-три оратора, и все заканчивали призывом собраться в 4 часа на Невском, у Казанского собора, и оттуда двинуться к тюрьмам с требованием амнистии.

Троцкий Л. 1905. Изд. 2-е. М., 1922, с. 110—113

[1] Название казачьего полка. *Прим. авт.*

М. М. Эссен

В 1905 ГОДУ

(Из жизни Петербургского комитета РСДРП)

В сентябре 1905 года Петербург бурлил вовсю. Чувствовалось нарастание событий. Но все же никто не предвидел такого широкого стачечного движения, такого напора на самодержавие, такой силы революции.

Петербургский комитет представлял в то время организацию с крепкими рабочими районами. Членами Петербургского комитета были П. Красиков, С. Канатчиков, Б. Кнуньянц, А. Эссен, Н. Дорошенко, А. Каплан, Л. Книпович (Дяденька) и другие.

В районах шла громадная работа по укреплению и усилению связей и по оформлению их. Замкнутая работа в кружках уступила место широкой массовой агитации, устройству докладов на заводах, в районных клубах. Явочным путем открывались районные клубы, шла впервые регистрация членов партии, и клубы являлись настоящими революционными очагами. Огромную роль в первые дни революции сыграли наши высшие учебные заведения. Было решено открыть все высшие учебные заведения, но не для занятий, а использовать их для устройства массовых собраний и митингов. Каждый вечер со всех районов тысячные толпы рабочих шли на собрания. Комитет распределял заранее докладчиков по всем университетам. Но агитаторы росли как грибы и вначале совершенно не поддавались учету. На собраниях выступали десятки ораторов, доселе неизвестных комитету. Выступали ораторы и других партий, вплоть до кадетов. Несколько позже удалось урегулировать этот вопрос, была создана коллегия агитаторов, и был внесен известный порядок не только в распределение мест, но и тем. Стали добиваться, чтобы ораторы хоть несколько подготовлялись к выступлениям, а не говорили одни только громкие фразы. Выступления вначале носили декларативный характер. Нужно было знакомить аудиторию с тем, чего хочет партия. Наша программа и тактика, характеристика переживаемого момента, критика существующего строя, борьба с самодержавием и наши ближайшие задачи.

Но вот стали выступать и другие партии, и ораторам приходилось уже полемизировать главным образом с эсерами, меньшевиками и кадетами. В полемике с ними особенно был удачен и остер Красиков. Необыкновенно сильно выступал Гольденберг, блестящи были выступления Н. Крыленко, тогда еще молодого студента. Но,

конечно, и помимо них на каждом собрании выступали десятки ораторов с прекрасной чеканной фразой, отточенной мыслью, ясной программой. Мы диву давались, откуда у нас взялись такие ораторы.

Комитет заседал почти каждый день, события шли быстрым темпом, и не отстать от жизни, уловить момент, дать вовремя верную директиву — была задача тогда не из легких. Движение давно переросло рамки нелегальной организации, и мы, сидя в подполье, невольно суживали размах общей работы, не могли поспеть за бешеным темпом событий, и жизнь опередила нас.

Нужна была открытая организация, которая сплачивала бы массы рабочих и направляла бы их действия, и такая организация явилась и стала сразу тем, чем должна была стать,— волевым центром революции. Был создан Совет рабочих и солдатских депутатов, первая открытая революционная организация, создавшаяся на ходу, без предварительного плана и обсуждения, без заранее выработанной конституции,— комитет действий. Не большевикам или меньшевикам принадлежит честь этого открытия,— эти Советы рождены были революцией, но меньшевики первые дни были ближе к этим Советам, чем мы. У нас даже были в комитете разногласия по этому поводу, и некоторые из нас как будто не оценили вначале значения этих Советов, не доверяли этой случайно возникшей организации, не надеялись, что она сумеет правильно учесть события и направить их по верному революционному пути. Мы считали, что только партия может обеспечить правильное руководство революцией. Кроме того, стоящая во главе Совета фигура Носаря-Хрусталева вызывала определенное недоверие и скептицизм.

Все же мы своих представителей в Совет послали. Только с приездом Ленина, который нас здорово пробрал за нашу недооценку Совета, мы в своей работе подошли к Совету ближе. Жизнь в Совете била ключом, и мы, члены Петербургского комитета партии, проводили в Совете все время. Хотя комитет продолжал заседать почти беспрерывно и работы было через край — и организационной, и агитационно-пропагандистской, и боевой,— все же вечером все стекались в Совет: там была не теория, а практика революции.

17 октября — день выхода манифеста... Манифест вышел поздно ночью. На Невском было какое-то особое оживление, стояли кучки возбужденных людей и что-то читали. Мы подошли, читали манифест. Как громом пораженные, прислушивались все к этому манифесту. Значит, действительно свобода? Мы, конечно, понимали, что опьяняться обещаниями растерявшейся власти не приходится, но понимали также, что этот манифест открывает нам новые возможности для наступления. Мы толковали о том, что́ надо предпринять в первую голову, и решили рано утром созвать комитет и выработать порядок действий. Но вот мы слышим со стороны Забалканского проспекта залпы,— бросились туда. Технологический институт окружен войсками и обстреливается, как вражеская крепость.

Эти противоречия — выход манифеста с обещанием всяческих свобод и осада института — нас не поразили. Царская власть приучила нас ко всяким неожиданностям. Мы поняли, что манифест был все же капитуляцией перед революцией, а осада института есть демонстрация сил врага, напоминавшая нам о том, что есть еще порох в пороховнице. Но мы не могли не учитывать, какой козырь нам дается в руки.

Утром город кипел. С раннего утра появились красные флаги. Отовсюду из районов шли тысячные толпы со знаменами, с лозунгами. На всех лицах было торжество. Исчезли все грани. Незнакомые люди целовались на улице, поздравляли друг друга.

В 9 часов утра было заседание Петербургского комитета партии. Собрались у Марии Петровны Голубевой, где происходили чаще всего заседания комитета. Заседание поминутно прерывалось. Прибегали ораторы за лозунгами, организаторы из районов. На всех площадях и у Казанского собора шли митинги. Ораторы до хрипоты надрывались, провозглашая новую эру. Было решено организовать общую демонстрацию и идти к тюрьмам — требовать освобождения заключенных. Старого чиновного Петербурга было не узнать.

Со всех районов тянулись десятки тысяч рабочих с женами и детьми, красными знаменами был залит Невский проспект. Когда демонстранты выстроились в ряды и пошли к Совету, это была незабываемая картина. Перед демонстрацией все расступались, офицеры козыряли, городовые вытягивались во фронт. Такого торжества, такой радости победы чиновный Петербург еще не видел.

Праздник этот длился недолго. Уже ночью расправлялись с демонстрантами; но эта демонстрация показала, как велика жажда свободы, какие широкие круги вовлечены уже в круг борьбы, как велика воля к действию. Рабочий класс произвел смотр своих сил и показал себя.

Революция развивалась, и в порядке дня стал вопрос о вооруженном восстании. Комитет выделил организаторов для создания боевой организации, был дан лозунг в районы об организации боевых дружин. Вопрос о том, как достать оружие, где его хранить, заготовка динамита, бомб — заняли наше внимание целиком. Работа в армии приняла довольно широкие размеры. Были созданы ячейки в каждой воинской части. Но армию мы глубоко затронуть не смогли, и она, и то далеко не вся, дальше пассивного сочувствия не шла. Чтобы расшевелить ее по-настоящему, понадобилась не агитация нескольких месяцев, а война, где в продолжение четырех лет солдаты в окопах получали наглядное политическое воспитание и научились, куда нужно направить свой штык.

Правительство оправлялось и начало постепенно наносить удары.

Была закрыта «Новая жизнь». По этому поводу было созвано экстренное заседание ЦК, ПК и ИК Совета рабочих депутатов. Собрание состоялось в квартире у беллетриста Скитальца. На собрании были Ленин, Мартов, Парвус и члены Петербургского комитета. Обсуждали вопрос о том, что делать. Парвус поставил вопрос:

«Что мы устраиваем — всеобщую забастовку или восстание?» Самым серьезным образом обсуждался вопрос о вооруженном восстании. Мы, практики, зная о наших боевых запасах, о настроении рабочих, о слабых связях в армии, были настроены очень скептически и, помню, предлагали немедленно поставить типографию в Финляндии и начать издавать там газету. Но наше предложение даже не обсуждалось. Слишком это не соответствовало боевому настроению собравшихся. Разошлись с тем, чтобы прощупать настроение и перейти в наступление.

Но правительство осмелело, и вскоре, как мы уже упоминали, был арестован Совет рабочих депутатов. Начались репрессии, на Совете был арестован почти весь актив, и нам, случайно оставшимся (мы опоздали на собрание и пришли тогда, когда уже Вольно-экономическое общество было оцеплено войсками и нас не пропустили), пришлось спешно восстанавливать организацию, ставить ее вновь на нелегальные рельсы.

Московский комитет выражал нам негодование за то, что мы не задержали Семеновский полк. Мы делали попытки. Было решено взорвать мост на Николаевской железной дороге, и были посланы для этого дела товарищи. Но динамита было мало, и он отсырел, бомбы наши не взрывались, и товарищи вернулись переконфуженными, что им не удалось ничего сделать. Это было уже после ареста Совета рабочих депутатов.

Катастрофичным становилось положение в районах Петербурга. Голод и нужда приняли угрожающие размеры. Нам пришлось заняться устройством столовых по районам. В этих столовых кормились сотни рабочих с семьями. Это, конечно, была капля в море, но мы делали, что могли. В этих столовых мы косвенно учитывали настроение рабочих, изучали их быт, сталкивались с будничной стороной их жизни, с их запросами, видели их в обстановке грызущей их заботы о семье, детях. Видели, что на смену энтузиазму и героизму приходит упадок и уныние. Рабочие устали от беспрерывных забастовок. Арест Совета был началом конца,— правительство обнаглело. Нам пришлось вновь строить свою работу в подполье при условиях, значительно ухудшившихся. Большинство товарищей принуждено было немедленно скрыться за границу, значительная часть была арестована, оставшиеся успели намозолить глаза, и их знали и охранка, и жандармерия. Пришлось всем менять паспорта, квартиры, внешний вид. Находить явочные квартиры, ночевки стало трудно. За время революции произошла сильная дифференциация, и буржуазная интеллигенция, сочувствовавшая нам вначале, увидев настоящий лик революции, отшатнулась от нас. Все старались забыть угар и опьянение первых дней революции и старались очиститься от подозрений и зажить тихой, покойной жизнью обывателя.

Мы привыкли уже к свободе печати и не сохранили ни одной подпольной типографии, и каких трудов стоило потом собрать и поставить типографию. Работа сузилась, исчез в ней размах, исчезли перспективы. Все чувствовали, что реакция наступает надолго. Ог-

лядываясь назад и вспоминая тогдашние мысли и настроения, должна сказать, что у очень многих товарищей и тогда, когда революция шла вверх, не было уверенности, что мы победим или побеждаем, что мы сломим самодержавие. Мы считали, что правительство, растерявшись, переоценило наши силы, недооценив свои, и что весьма скоро оно в этом разберется.

Российский пролетариат кипел революционной энергией, он показал свою готовность бороться за свое освобождение, но целина не была достаточно распахана, армия была мало затронута, крестьянское движение не было связано с борьбой рабочих, и единоборство рабочего класса с самодержавием в 1905 году наметило только пути для свержения его в 1917 году.

Красная летопись. Исторический журнал, 1926, № 1 (16), с. 100—104

В. Д. Бонч-Бруевич

В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «НОВАЯ ЖИЗНЬ»[1]

Когда грянула революция 1905 года и когда царское самодержавное правительство под революционным натиском масс поджало хвост и присмирело, пролетариат России тотчас же везде и всюду подал свой мощный голос через сотни газет, возникших почти в каждом городе нашей страны. Первой нашей газетой в Петербурге была «Новая жизнь»[2], которая возникла еще до приезда Владимира Ильича из-за границы. Она была основана радикальной интеллигенцией. Официальным редактором-издателем ее был поэт Н. М. Минский, а издательницей — М. Ф. Андреева, жена А. М. Горького. Во главе газеты в качестве ее редактора стоял Петр Петрович Румянцев, старый социал-демократ, примыкавший в то время к большевикам, участвовавший в нашей нелегальной работе до октябрьских событий 1905 года и приезжавший в Женеву на III съезд нашей партии, где он был выбран в ЦК. С наступлением реакционного периода 1907—1908 годов он отошел от большевиков и кончил свою жизнь эмигрантом в Берлине, куда убежал от Октябрьской революции.

До приезда Владимира Ильича газета «Новая жизнь» хотя и имела марксистскую внешность, была все-таки сильно разбавлена радикализмом демократической интеллигенции, и Владимиру Ильичу пришлось много бороться за очищение газеты. Идейные наши враги того времени, и, конечно, меньшевики прежде всего и больше всего, шипели со всех сторон на Владимира Ильича, желая его скомпрометировать указаниями на то, что он стал руководить газетой, где были в редакции непролетарские, чуждые нам элементы. Эти мелкие люди не понимали того, что Владимир Ильич вместе со своими ближайшими товарищами, раз он вошел в редакцию, конечно, все должен был переделать по-своему, по-большевистски. Самое главное в такое горячее время — необходимо было иметь орган, через который можно было бы громко говорить с пролетарской массой. И Владимир Ильич говорил с ней полным голосом, шедшим вразрез с примиренческой позицией меньшевиков.

[1] Заголовок дан редакцией. *Ред.*

[2] *«Новая жизнь»* — первая легальная большевистская газета, выходила ежедневно с 27 октября (9 ноября) по 3 (16) декабря 1905 года в Петербурге. Всего вышло 28 номеров, тираж — 80 тысяч экземпляров. *Ред.*

Приехав в Петербург из-за границы, я в первые же часы своего приезда был в редакции газеты «Новая жизнь», куда я пошел вместе с В. В. Воровским. Здесь мы встретились с Владимиром Ильичем, который был крайне озабочен. Я давно не видел его столь взволнованным, усталым и глубоко задумчивым. Я заметил после, что именно это выражение его лица, и особенно глаз, человека, говорящего, делающего распоряжения, но думающего какую-то ни для кого не доступную думу, всегда было перед большими поворотными общественно-политическими событиями, накануне новых его решений, новых его обобщений, новых писаний, освещавших дальнейший путь нашей партийной жизни. Он, как всегда, весьма заботливо встретил меня, расспросил о Женеве, откуда я только что приехал, о заграничных делах, об арестованной Вере Михайловне [1], о моей дочери Леле, которая находилась где-то у знакомых в Петербурге. Сказал, чтобы я сообщил ему обязательно, где она, когда я ее отыщу, как будто ему только и было дела, чтобы думать о полуторагодовалом ребенке. И все это, как всегда, не для слова, а серьезно, с повторением до мелочей всего, что делать, как быть. Сейчас же осведомился он у меня, чем думаю заняться по партийной работе. Рассказал и показал все в редакции нашей новой газеты, гордо заявив, что это, пожалуй, покрупней, чем в Женеве.

Владимир Ильич весь ушел в работу газеты «Новая жизнь», и эта наша первая легальная газета сделалась вскоре главным штабом пролетарской революционной работы того времени. Владимир Ильич, принимая самое живейшее участие в деятельности ЦК нашей партии, руководя Петербургским комитетом и всем пролетарским движением нашей страны, в то же время много писал по насущным вопросам того времени. Несмотря на всю занятость, он, кроме того, отдавал много времени самой организации газеты, ее хозяйству, ее редактированию и обращал особое внимание на внутренний ее отдел, тщательно читая все, что для него поступало в редакцию. Он считал, что пролетарская свободная печать является одним из главнейших завоеваний революции 1905 года.

— И к этому одному из важнейших завоеваний,— говорил он,— мы должны относиться особенно бережно.

Безусловная, щепетильная, точная правда; факты, десять раз проверенные; сведения точные; цитаты и цифры правильные — вот то, что должно всегда быть в каждой самой небольшой корреспонденции. «Плохо,— говорил он,— если про наши газеты пойдет слава, которая раньше была про календари. Помните:,, все врут календари“». [...]

Владимир Ильич всегда почти все прочитывал сам, что шло в номер газеты, или доверял это чтение особо ответственным товарищам. Его всегда беспокоило: нет ли чего-либо неверного в статье или в корреспонденции? Если автор был недостаточно известен, он обязательно проверял сам или поручал кому-либо проверить цита-

---

[1] В. М. Величкина-Бонч-Бруевич, моя жена, была в то время арестована на заседании Совета рабочих депутатов. *Прим. авт.*

ты, на выборку — цифры, сам подсчитывал статистические таблицы и нередко открывал ужасающие ошибки. Щепетильный до мелочей в правильности перевода с иностранных языков, он требовал четкости языка, и, если встречалось какое-либо слово или выражение, которое может иметь другое значение или придать другой смысл, он нередко ставил в скобках это слово или выражение на том иностранном языке, с которого делался перевод.

Но особенно его всегда озабочивали корреспонденции о нашей внутренней российской жизни. С необыкновенным чутьем он улавливал фальшь в сообщениях и все сколько-нибудь подозрительные в смысле правдивости тотчас же выкидывал. Даже в нелегальные времена он проверял наиболее важные сообщения и требовал от товарищей, живших нелегально в России, доставать всевозможные документы, на точном основании которых писал сам и поручал другим писать статьи.

Так, в начале 1905 года, когда наступили волнения и правительство Николая II задумало ряд куцых реформ, он поручил мне, ехавшему в Россию на нелегальную работу, обязательно раздобыть записки, постановления министерств, земств, городских самоуправлений, обществ, которые ему нужны были для проверки поступавших сообщений в нашу женевскую газету «Вперед» и для написания статей, предисловий и пр. Мне удалось это выполнить. Я никогда не забуду, как Владимир Ильич в буквальном смысле слова «пушил» одного из наших корреспондентов, приехавшего в Женеву с юга России и описавшего, как очевидец, демонстрацию, а после оказалось, что он многое преувеличил, напутал и сообщил неверно. Владимир Ильич заявил ему, что он таким образом обманул его лично, редакцию газеты «Вперед», нашу партию, весь пролетариат России, западноевропейскую рабочую прессу, «Интернационал» и пр., и выходило так, что этот обман распространяется теперь, можно сказать, на всю Вселенную и что он, этот товарищ, достоин всяческого порицания. И Владимир Ильич очень долго почти не разговаривал с ним.

В «Новой жизни» он был особенно озабочен внутренним отделом и корреспонденциями и все время предупреждал товарищей, что надо сугубо осторожно относиться к сведениям, от кого бы они ни исходили, проверять на месте и заверять вполне достоверными показаниями.

— Никакой беды нет,— говорил он,— если подождем печатать два-три дня, но зато напечатаем настоящую правду, а это будет важней некоторого опоздания.

И, конечно, он сто раз был прав.

Если ему приходилось слышать упреки, что напечатано что-либо неверно, он тотчас же предлагал напечатать опровержение, разъяснение, но требовал представить точные факты и доказательства.

В революционные эпохи значимость печатного слова особенно велика. «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь». По одному уж по этому надо крайне осторожно обращаться с печатным сло-

вом и помнить раз и навсегда, что пролетарское слово должно быть всегда самой истиной.

После разгрома московского восстания царское правительство перешло от обороны к нападению и тотчас же закрыло газету «Новая жизнь». П. П. Румянцев и после закрытия выпустил демонстративно один номер — последний номер — газеты, жизнь которой на этом закончилась. Охранное отделение разгромило редакцию, арестовало многих сотрудников, запечатало экспедицию и конфисковало все материалы и запасы газетных номеров. Владимир Ильич был уже в это время нелегальным. Он скрылся и переехал в Финляндию, поселившись на станции Куоккала, на вилле «Ваза», откуда нередко наезжал нелегально в Петербург.

На баррикадах. Воспоминания участников революции 1905—1907 гг. в Петербурге. Л., 1984, с. 236—241

9 Заказ 4835

Л. Летонмяки

ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА 1905 ГОДА

Великое революционное движение России охватило в конце года и финский народ. В нашей стране родилась мощная демократическая революция, движение против русского насилия и своей отечественной полуфеодальной системы правления.

30 октября гельсингфорсские рабочие оставили фабрики и двинулись шествием на Железнодорожную площадь. На митинге постановили присоединиться к русскому революционному движению, побуждая рабочих своей страны к всеобщей забастовке. Было выбрано организационное бюро, которое затем от лица партии до конца руководило движением.

На следующий день в Гельсингфорсе организовалась Национальная гвардия, роты которой заняли полицейские участки (полиция тоже примкнула к забастовке), вокзалы и прочие важные пункты. Начальником гвардии был назначен капитан Кук, который в один момент сорганизовал Красную гвардию. Это были 7000 человек, находящихся в подчинении руководителя забастовкой — социал-демократической партии. Когда Национальная гвардия преобразовалась в Красную гвардию, буржуазия в лице студентов университета и других «господ» основала «Общество защиты», у которого были отличительные голубые ленты. В 1906 году это общество стало называться Lahtari — гвардией (белой гвардией), под каким именем известно еще и до сих пор. Итак, рабочие взяли власть в свои руки. Они поступили весьма благоразумно, закрыв кабаки и публичные дома. Гвардия в затруднительных положениях сохраняла великолепную дисциплину. Однако положение в Гельсингфорсе никак нельзя было назвать надежным. В городе и его окрестностях были обильно расквартированы русские войска, которые были верны своим офицерам, а в Свеаборге артиллерия и броненосцы были серьезной и значительной угрозой. Если принять во внимание быстро распространявшуюся буржуазией провокацию и попытки выиграть время в вооруженных столкновениях, то необходимо отметить те успехи до крайности напряженных дней, добытые с честью пролетариатом благодаря его смелости и дисциплинированности. Успехи тех напряженных дней, когда ружья сами стреляли. Так же как в Гельсингфорсе и в других провинциальных местах, господствовал подобный же порядок рабочей власти. В своем докладе о последствиях забастовки капитан Кук выразился:

Хотя во всей стране не было другого правительства, кроме как созданного из забастовочного комитета, однако всюду царил такой порядок и спокойствие, каких еще никогда в Финляндии не наблюдалось. Таково было правительство пролетариата».

ИНТРИГИ БУРЖУАЗИИ ЗА СПИНОЙ РАБОЧИХ

...Однако у буржуазии были свои планы. Она не была намерена выпустить из своих рук так долго и удобно ее обслуживающих сословных учреждений. Она удовольствовалась бы тем, чтобы уничтожить исключительное законодательство и возвратить прежнее сословное положение.

Так называемые основные законы буржуазии воплотились в манифесте, в котором мероприятия, предназначенные к проведению в жизнь, во всем согласовались с ее классовыми привилегиями. На предоставленном генерал-губернатором судне буржуазия отправилась с этим манифестом на подпись к императору Николаю. Этот манифест, который касался мероприятий «возврата в страну законного порядка»... получил и забастовочный комитет для напечатания и распространения. Кроме упразднения стеснительных законов было также дано распоряжение сенату приступить к составлению условий новой организации парламента на основе всеобщего и равного голосования и ограждения народных прав и свобод.

Рабочие не верили в манифест. Забастовки продолжались. Рабочие требовали теперь уже организации временного революционного правительства, которое удовлетворило бы требования народных масс. В скором времени, однако, было замечено, что на этот раз едва ли большего чего-нибудь можно достигнуть. Буржуазное «Общество защиты» начало развивать свою деятельность, и с ним у Красной гвардии происходили столкновения. Гражданская война стояла на пороге. Генерал-губернатор Оболенский переселился на военное судно, откуда грозил городу бомбардировкой в случае непрекращения забастовки.

Всеобщая забастовка закончилась 6 ноября на народном митинге, который нашел продолжение борьбы на этот раз невозможным. Решили готовиться снова, к еще более упорной борьбе с буржуазией. 7 ноября полицейское управление в Гельсингфорсе было уступлено представителям магистрата. В то же время и пролетариат других городов и провинций уступил свои позиции буржуазии.

Рабочая власть пала. Управление перешло в руки к отечественному конституционно-капиталистическому правительству под руководством Лео Мехелина. Скоро сословия утвердили новый сеймовый устав, по которому Финляндия в 1906 году получила однопалатную систему правления с выборами от крайней демократии, но в глубокой основе все-таки совершенно незначительное по своим правам представительство...

Результаты борьбы не удовлетворяли рабочие революционные элементы, и Красная гвардия не желала слушать уговаривающих ее рассеяться. С другой стороны, также работали активисты (правые из буржуазии), у которых тлела идея самоопределения страны.

Со стороны правительства отечественных капиталистов были организованы тайные, загадочные «погромные лиги», которые производили погромы и убийства и с помощью которых правительство сильно упрочилось и создало конную полицию. В июле 1906 года по поводу разгона Думы вспыхнул военный бунт в Свеаборге. Тогда Кук объявил в стране всеобщую забастовку, и Красная гвардия была послана на помощь к революционерам в Свеаборг. Бунт был обильно залит кровью. Часть красногвардейцев погибла, другая часть была приговорена судом к долгосрочному тюремному заключению. В то же самое время в Гельсингфорсе на площади Хаканиеми между Красной гвардией и белогвардейцами произошла схватка, в которой отряд последних был уничтожен.

Положение правительства, однако, укреплялось очень быстро. Революционеры были схвачены и посажены в тюрьмы. Красная гвардия была назначена к роспуску (по одному из постановлений — летом 1906 года — социал-демократической партии), а новая отечественная полицейская армия отличалась гонениями и зверствами по отношению к забастовавшим (например, в происшедшей в Лауке забастовке торпарей).

1905 год в Карелии Сборник Петрозаводск, 1926, с. 150—153

Я. Я. Пече

БОЕВЫЕ ДРУЖИНЫ В ЛАТВИИ В 1905 ГОДУ

Боевые дружины в Латвии стали создаваться в 1905 году. Организаторами и руководителями их были активные большевики: районные организаторы, члены городских комитетов и главным образом работники подпольных типографий и транспортеры оружия (Гринин, Карклин, Яблонский, Дрейман, я и другие).

К методу вооруженной борьбы они стали прибегать не по личным склонностям и желаниям, а оформляя желание партийной и рабочей массы. Они знакомились с теорией Бланки и, не признавая ее общего абсолютного характера, заимствовали от бланкизма лучшую часть его технических указаний, применяя их к данной революционной обстановке. Царское правительство уделяло Латвии особенное внимание и старалось посылать туда самых надежных агентов. В Латвии помимо полицейских, стражников, жандармов, баронских дружин самообороны (зельбстшуц) были расквартированы в большом количестве казаки и много войск, составленных из самых отсталых элементов. Среди такой обстановки нужно было прибегать к героическим средствам защиты, чтобы сохранить с трудом налаженные революционные организации. Партийная жизнь все время протекала в боевой обстановке, и это придавало ей особенный оттенок. Хорошо налаженная система партийной организации благоприятствовала существованию и развитию активно-боевых партийных кадров массового характера и не давала места образованию отдельных чисто боевых групп.

Надо отметить благоприятное положение Прибалтики в деле транспорта. Там начиная с 1900-х годов был широко организован транспорт литературы. Снятие транспорта с судов всегда было соединено с большим риском. Литература всегда считалась большой ценностью, и для отпора в случае провала всегда посылались вооруженные люди; без боя транспорта жандармам не отдавали.

Главными транспортерами были моряки (матросы и командный состав судов), преимущественно партийцы. Партия наладила ячейки среди моряков и часто посылала партийных товарищей в качестве кочегаров или машинистов, чтобы они вели на судах организационную работу. Эти же моряки, партийцы-транспортеры, создали боевую организацию моряков. Моряков сравнительно трудно проследить в порту, так как они съезжают на берег на короткие сроки; поэтому моряки для снятия с судов оружия и ли-

тературы решались на самые рискованные предприятия, несмотря на бдительную охрану полиции и береговой стражи.

Таким образом, сами условия работы выковывали боевиков.

Оружие шло по поручению Латвийского ЦК большей частью из Бельгии, Германии, Англии, по временам из Франции и иногда из Америки, где жили наши политические эмигранты, посылавшие литературу и снабжавшие оружием. Главными портами, где получались партийные транспорты, были Либава, Виндава, Рига.

Борьба в Прибалтике была очень напряженная; помимо царского правительства и капиталистов шла борьба с феодалами, засевшими в военном министерстве и министерстве внутренних дел. Фактически баронство владело мандатом на прибалтийский край.

В деревнях батраки организовали свои боевые дружины под руководством нашей партии. Летом 1905 года городские агитаторы, выезжая в деревню, в большинстве случаев были вооружены, полицейско-зельбстшуцкая обстановка была такова, что работа в мирных условиях была невозможна. К осени бароны уже закончили создание своих дружин (зельбстшуц), и наша партия, точнее, ее большевистская фракция, уже ставшая в это время выделяться, в своих воззваниях призывала к вооружению и сама стала особенно деятельно вооружаться. Здесь впервые заметно стала обнаруживаться особенность нашей объединенной организации: в своих воззваниях и прочей литературе половина наших комитетчиков была умереннее, чем вся партийная масса. Это объясняется просто тем, что массы по своему духу в большинстве были большевистские, а половина (местами менее) комитетчиков работала в духе начавшего оформляться меньшевизма.

Период октябрьского манифеста ознаменовался началом активной полулегальной массовой борьбы в деревне. Брошенный нашей партией лозунг «Долой черную сотню, долой зельбстшуц!» послужил лозунгом массовой борьбы. Тут началась конфискация оружия у помещиков и вооружение революционного актива. На помощь пришел городской актив со своими винчестерами и изредка маузерами, хотя эта помощь не была значительна. Этой активной борьбой руководили большевистски настроенные партийцы; меньшевики стали отходить в сторону от активной борьбы. Местами делались попытки создания «народной армии» под руководством нашего партийного актива.

Таким образом, в 1905 году большинство волостей имело партийные и боевые ячейки из малоземельных крестьян и безземельных батраков...

Для обеспечения партийной работы в деревне и были созданы деревенские боевые дружины.

Декабрь 1905 года — начало карательных экспедиций — есть также начало образования организаций «лесных братьев»[1].

[1] В группы «лесных братьев» входили члены волостных распорядительных комитетов, дружинники, скрывавшиеся в лесах от карательных экспедиций царского правительства. *Ред.*

В деревнях, по образцу города, каждый более или менее активный или преданный революции товарищ ставил всю работу по формуле: агитация, организация и боевая работа. Эта формула большевиков в Либаве и окрестностях была проведена неуклонно в жизнь.

При создании «комитетов действия», когда смещали волостную власть, сама жизнь неуклонно диктовала, чтобы каждый партиец употребил всю энергию на получение оружия. Покупали, конфисковывали у помещиков, разоружали стражников; «комитеты действия» защищались всеми имеющимися в данной местности средствами.

Деревенские подпольщики пополнялись и горожанами: часть фабричных рабочих под влиянием полицейских репрессий не могла оставаться на предприятиях и ушла на работу в деревню, многие из них были батраками. В деревнях была сильная потребность в партийцах профессионалах; это было учтено Либавским комитетом партии, вынесшим постановление о партийной работе в деревне.

В каждом имении кроме баронских дружин самообороны было от 30 до 50 казаков, не говоря уже о том, что деревенская стража была увеличена вчетверо. Такая контрреволюционная обстановка часто приводила к тому, что арестованного агитатора или пропагандиста избивали или даже расстреливали.

Более сильно скомпрометированные товарищи создали боевую организацию «лесных братьев». «Лесные братья» были соединены с батрацкими большевистскими ячейками и проводили всю свою деятельность в контакте с нашими партийными организациями, оставаясь автономными в своем внутреннем устройстве. Работа «лесных братьев» протекала в непосредственной близости с гнездами черносотенных баронов.

По воскресеньям в деревнях устраивались митинги и демонстрации с распространением прокламаций. Митинги часто устраивались в церквах: когда священник начинал молитву за царя, в церкви появлялась небольшая группа из местной организации и от двух до пяти из городских товарищей. Агитатора сопровождали три или четыре опытных вооруженных боевика. Боевики старались показать, что они даже незнакомы с агитатором, но на самом деле всегда имелся подробный план совместных действий. Боевики закрывали дверь, охраняли выход; в это время устраивали митинг, иногда продолжавшийся около часа, несмотря на близкое соседство охраны помещика из казаков и самообороны; на митинге выяснялось экономическое и политическое положение батраков. В конце митинга разбрасывались прокламации, потом по выходе из церкви устраивалась демонстрация с красными знаменами и пением революционных песен.

Помещики были настороже и нередко на такую демонстрацию натравливали казаков, и дело доходило до перестрелки. Но казаки не всегда решались открывать военные действия, так как бывало, что толпа доходила от нескольких сот до тысячи человек, а революционная охрана была великолепна.

Таким образом, комитет поднимал боевое революционное настроение крестьянства и толкал его к нашей партии. Крестьянское движение росло, и начинало не хватать работников.

«Комитеты действия» были волостными организациями, в них входило от 10 до 15 членов. Задачей их было смещение начальства и захват в свои руки власти. Мелкое и среднее крестьянство симпатизировало революционному движению, и к декабрю около 70 процентов площади бывшей Курляндской губернии покрылось сетью таких комитетов, несмотря на противодействие средних и крупных помещиков, опиравшихся на казаков, полицию, дружины самообороны и кулацкие элементы деревни. «Комитеты действия» вооружали батраков вилами, косами, топорами, дробовиками, иногда попадалось и более хорошее вооружение.

Либавский комитет партии выпустил воззвание, где призывал помещиков и правительственных агентов сдавать оружие местным «комитетам действия». Для реквизиции оружия у не подчинившихся этому воззванию помещиков «комитеты действия» создали первые зачатки боевых организаций.

Первые революционные схватки с помещиками, стражниками и казаками в дальнейшем вылились в массовую схватку, в гражданскую войну. Так было в городках Гольдингене и Газенпоте, где местная власть была свергнута. Полицейско-жандармские отряды там были разбиты, захвачено административное управление, казначейство оказалось в руках революционеров.

Вопрос о реквизиции денег возбудил ожесточенные споры внутри Либавского комитета; голоса разделились — меньшевики были против использования казначейских денег; спорили два дня, между тем необходимо было немедленно решить этот вопрос: удержать город Гольдинген не было возможности, продержаться там удалось только два дня. Большевистский комиссар, назначенный в казначейство, не решился при отступлении захватить с собою деньги без санкции Либавского комитета, и деньги, вместо того чтобы пойти на вооружение масс, попали в руки царского правительства.

Итак, боевые дружины не были замкнутыми и самодовлеющими партизанскими отрядами, а были тесно связаны с партией и партийной работой; город был тесно связан с деревней.

Царское правительство пыталось бороться с нарастанием революционного движения в городе и деревне путем погромов, но попытки устроить погромы были уничтожены силами наших боевых организаций.

Летом 1905 года в Риге была попытка организовать погром. Начали на Московской улице, как это всегда бывало — с религиозной процессии; собралось духовенство с 2000 молящихся, в их число вошли специально мобилизованные босяки и переодетые полицейские. Всю эту компанию сопровождала казацкая сотня. Все направлялись в центр города, где должен был начаться погром.

Рижский комитет, узнав о грозящем погроме, сообщил об этом боевой организации, и она немедленно мобилизовала свои силы

для борьбы с черносотенной опасностью. В центре города, в разных местах, дружинниками были заняты несколько домов с таким расчетом, чтобы погромщики были окружены с трех сторон на Динабургской улице. Боевики были наготове, чтобы крикнуть «Руки вверх!» и взять их живыми. Когда погромная процессия прибыла к месту, откуда начался погром, боевая организация по заранее установленной программе открыла огонь по передовым погромщикам и прикрывавшим их казакам. Боевая дружина не выпускала никого из занятых ею домов и перерезала телефонные провода, так что полиция ничего о занятии домов не знала. Открытый с трех сторон огонь из маузеров навел такую панику на погромщиков, что казаки своими лошадьми передавили больше народу, чем было убито и ранено нашими маузерами, и попытка погрома была ликвидирована. Об этом эпизоде знаю по отчетам боевиков моего кружка, и он требует более подробного описания участников.

Помню из боевиков, принимавших участие в ликвидации погрома, товарищей Чокке, Салина (раненного казаками), Треймана (теперь начальник районной милиции в Москве) [1], Гринвальда, Бахмута, Сваре.

Между тем борьба все обострялась. В конце 1905 года центральная боевая организация издала воззвание о роспуске полиции, жандармов и стражников. Почва для этого была подготовлена: боевые дружины были связаны с батрацкой и крестьянской массой, а в городе у дружинников была тесная связь с партийными городскими рабочими, с гаванскими рабочими и даже с интеллигенцией, главным образом с учителями и почтовыми чиновниками.

В воззвании был указан срок ликвидации полиции, жандармерии и стражников. Большинство полицейских и стражников покинули свои посты, кроме самых отъявленных черносотенцев и шпиков. Боевая организация стянула в Ригу все свои силы и в конце ноября (приблизительно) стала проверять, как проводится в жизнь наш указ. Оставшихся на местах полицейских расстреливали. В один вечер было расстреляно 30—40 человек шпиков и жандармов, еще больше их было ранено...

Правительство опиралось на воинские части, на стражников, на полицейских, на баронские дружины самообороны (после нашего указа большое количество полицейских и стражников, переодевшись в штатскую одежду, поступили в эти дружины), но все эти силы были недостаточны для подавления революции.

Спасение для власти заключалось лишь в прибытии карательных экспедиций Орлова, Меллера-Закомельского и других.

По мере прибытия карательных экспедиций стали возвращаться из подполья жандармы, полицейские и стражники, часть из них была навербована вновь. Было объявлено осадное положение, к каждому полицейскому было приставлено два солдата. Власть стала снова укрепляться. Под руководством баронов и их дружин революционное движение стало уничтожаться огнем и мечом.

[1] В 1926 г. *Ред.*

В Риге по всему городу были расставлены войсковые части, главным образом казаки и драгуны. Город принял вид военного лагеря, днем и ночью шли систематические облавы и обыски не только домов, но даже целых кварталов,— искали оружие и революционных рабочих. В такой обстановке прошел январь 1906 года. На одной из облав на Мельничной улице, в доме № 102, было арестовано несколько ответственных руководителей нашей партии: Лютер, Межгайлис и другие; их отправили в охранку, где все они были подвергнуты инквизиционным мучениям; многие товарищи были расстреляны на горе Гризенберг.

Мы решили освободить арестованных товарищей. Устроили собрание активнейших товарищей-боевиков в книжном магазине Раньке; всего было человек тринадцать, между ними Елиас, Дексне, Элерт, Чокке, К., Я, Озол (сестра Клима), Янсон (Анина), Дубельштейн, Дрейман (Рудис) и Сникер. Фридсон (Маде) было поручено пойти на свидание к Лютеру и сообщить, чтобы они приготовились, и передать им два браунинга. Стражу тов. Маде уговорила; без чаевых дело не обошлось, и таким путем получила личное свидание (официально это было строго запрещено). При прощании она, целуясь, всунула Лютеру в карман два браунинга с патронами. Вернувшись, тов. Маде сказала нам, что все благополучно, хотя тов. Лютер был немного взволнован, так как вчера расстреляли несколько товарищей.

Нами было решено освободить их утром между семью и восемью. Два дня прошло неудачно, один раз войсковые части в это время в большом количестве проходили мимо охранки. На третий день в $7^1/_2$ часа утра решили во что бы то ни стало штурмовать охранку. Пришло 13 человек, в том числе две женщины. В охранке, в нижнем этаже, где помещались арестованные, находились пять городовых, пристав и два солдата и человек десять шпиков в отдельной комнате, во втором этаже было 160 человек караула. Гостиницу против охранки занимал штаб драгунского полка; влево на площади в 150 шагах от охранки и у вокзала дежурила казацкая пулеметная рота и был расположен полицейский пост, вправо у почты стояли двое городовых и три солдата.

Наши пять товарищей быстро вошли в помещение охранки, трое остались влево — против казацкой роты, две женщины — против двух городовых с солдатами, тов. Дрейман и Сникер — у дома, где освобожденные должны были скрыться. Через минуту из охранки послышалось много глухих выстрелов. Казаки насторожились. Между тем в охранке, когда наши стали стрелять в городовых, шпиков и других, пристав так испугался, что выскочил через окно и сломал себе ногу. Из окна пытались прыгать также и некоторые шпики.

Во время перестрелки был легко ранен в большой палец ноги Чокке: пуля, отскочив от стены, ударила его в ногу. Рана оказалась легкой и не помешала ему продолжать участвовать в освобождении.

Довольно многочисленная стража из 160 солдат думала только

о том, чтобы не пропускать вооруженных людей в охранку, и забыла обстрелять площадь, бывшую на пути нашего отступления, что, конечно, крайне помешало бы нам.

Как было уже сказано, часть наших товарищей осталась на улице. Один из них подошел к мосту через канал и стал спокойно смотреть по сторонам, как будто ничего не случилось, и тем отвлек внимание казаков. Второй наблюдал за казацкой сотней, драгунским штабом и охранкой и видел со своего наблюдательного пункта товарищей Озола и Янсона, следивших за постами у почты и охранки. Они должны были преградить путь патрулю, ожидаемому в том месте в случае обнаружения нашего плана. Третий сторожил почти у дверей охранки и связывался с остальной нашей внешней охраной. Казаки успокоились; должно быть, думали, что в охранке свои расстреливают революционеров. Если бы в этот момент казацкая рота попыталась проверить, что творится там, или попробовала арестовать нас, то произошла бы кровопролитная свалка. Минуты через 4—5 наши вываливаются из охранки, первыми идут арестованные, за ними освободители, за всеми остальными с полнейшим спокойствием проходим и мы, оставив не то дремлющие, не то притворившиеся дремлющими казацкие посты. Нам можно было отступать только через одну улицу, в сторону Тукумского вокзала. Некоторые освобожденные не успели захватить шапок. Один из них, Сваре, схватывает у встречного буржуя «котелок» и исчезает. Дубельштейн, потеряв одну галошу на площади против охранки, спокойно вернулся обратно, взял свою галошу и, догнав других, пошел по направлению к Тукумскому вокзалу в переулок, где была подготовлена конспиративная квартира для приема убежавших, там их дожидались товарищи Сникер и Дрейман...

В это время карательная экспедиция уже окружала Ригу, все вокзалы были заняты солдатами, шпиками и жандармами и выбраться из города было крайне трудно.

Но партийные организации еще существовали. Были партийцы и среди железнодорожников, благодаря их помощи удалось миновать все заграждения, удачно сесть в вагон и благополучно уехать.

Продолжать борьбу с силами торжествовавшей реакции нельзя было. Латвийский ЦК издал приказ, чтобы партийцы, особенно боевики, немедленно выехали на время из Риги; партийная работа была свернута до минимума; многие товарищи уехали в Центральную Россию и на юг — в Одессу и Николаев.

Из деревень наиболее скомпрометированные товарищи также уехали в Россию или за границу; кто не мог уехать, остались в лесах, сохранив свое оружие, увеличив в несколько раз количество «лесных братьев»; из лесов они продолжали партизанскую войну с полицией, войсками, с баронами и деревенскими кулаками. «Лесные братья» просуществовали еще в течение 1906 и 1907 годов. Они вместе с вернувшимися из изгнания городскими боевиками приняли участие в революционном движении, возобновившемся в 1906 году, после того как Латвия оправилась от ударов реакции.

Пролетарская революция, 1926, № 3 (50), с. 174—183

А. И. Букас

ТУКУМСКОЕ ВОССТАНИЕ

Я был свидетелем и участником бурных классовых схваток в городе Тукуме Курляндской губернии в 1905 году. О них и поведу свой рассказ.

...Расстрел рабочих на набережной Даугавы всколыхнул революционное самосознание трудового народа Прибалтики [1]. Центральный Комитет ЛСДРП повел рабочий класс на борьбу с царизмом, немецкими баронами и капиталом. Большевики открыто призывали рабочих, батраков и крестьян к вооруженному восстанию. Они разбрасывали прокламации и звали на митинги, готовились к решительной схватке.

События, как мне помнится, развертывались так. Уже в феврале 1905 года вся Курляндская губерния была охвачена революционным движением. В Тукумском, самом большом, уезде образовался революционный комитет, возглавляемый Фердинандом Грининьшем. Вскоре его и членов комитета Э. Аболиньша и А. Ёрданса арестовали.

К осени уже во всех волостях Курляндской губернии существовали революционные комитеты. Они создавали народные дружины из батраков и сельскохозяйственных рабочих баронских имений, обезоруживали урядников и жандармов. В Дуренском волостном училище, где я учился, учитель Роберт Шуман отменил утренние молитвы и уроки по закону божьему. Он обучал нас пению революционных песен, ввел уроки дарвинизма, черчения, придерживался новой орфографии.

В Тукумском латышском доме культуры часто устраивались собрания и митинги. Представители ЛСДРП П. Кренделис, Михельсонс выступали с речами. Посещали этот дом и учащиеся нашего Дуренского училища.

В доме Бирзгаля, где помещалась чайная Шимпермана, на верхнем этаже снимали комнату два брата — большевики Вацетисы. Они устраивали у себя нелегальные собрания. Часто бывали здесь революционеры Жан Лукшевиц, Фриц Ланге, Ян Озол, К. Тераудс, Лелкалнайс, Силиньш. Содержатель чайной Шимперман

[1] 13 января 1905 года полиция и солдаты унтер-офицерского батальона расстреляли 80-тысячную демонстрацию рижских рабочих, протестовавших против кровавого преступления царизма 9 января 1905 года. Во время демонстрации в Риге было убито 70 и тяжело ранено около 200 человек. *Ред.*

принимал активное участие в наших собраниях. Он же по поручению комитета хранил и раздавал оружие всем, кто входил в народные дружины.

Хочу обратить внимание вот на какую особенность революционного движения Латвии того времени. В него были вовлечены даже «серые бароны» (кулаки). Вернее, они приспосабливались. В нашей Дуренской волости старый барон фон Гаренс промотал свое имение, его землями владели латыши — «серые бароны» братья Фридрих и Карл Куплайс. Мой отец работал батраком у Карла Куплайса в усадьбе «Бирзниек».

Однажды Куплайс сказал отцу и его товарищам: «Пора сбросить немецко-царское иго. Нужно объединиться всем латышам и отобрать наши земли у немецких князей и баронов». Тогда же Куплайс дал моему отцу ружье, а также заготовленные заранее повестки для раздачи гражданам волости.

— Все должны явиться на митинг,— сказал «серый барон», хлопая по плечу моего отца.

Отец на лошади Куплайса развез извещения, а на следующий день из Бене привез пропагандиста Эрнеста Криевиньша. В Блиденском волостном доме состоялся большой митинг. Присутствовали на нем и мы, ученики Дуренского волостного училища. Мне запомнилось худощавое лицо оратора. Ему было лет 35, одет он был в серый костюм. Говорил громко, энергично. Страстно призывал крестьян организовать вооруженную дружину, брать землю и власть в свои руки. Ему долго и горячо аплодировали. В последующие дни отец возил оратора по другим волостям.

В эти дни отец связал меня с революционным комитетом. Я стал выполнять его поручения: разносил повестки гражданам на митинг, разбрасывал по усадьбам прокламации, был связным комитета на собраниях.

...А события все развертывались... Царь вынужден был издать манифест 17 октября. В эти дни, как я помню, были выпущены на волю Э. Аболиньш, А. Ёрданс и другие.

Первое большое народное собрание в Тукуме состоялось 23 октября в городском парке. Особенно воодушевляли всех нас пламенные речи большевиков Михельсонса, Э. Аболиньша, Ф. Ланге. Они звали народ присоединиться к рабочему классу Латвии — объявить всеобщую забастовку. Народное собрание в бурном порыве единодушно приняло решение:

«...Мы, жители города Тукума, собравшиеся в количестве 2000 человек, обсудили манифест царя и пришли к заключению, что манифест не дает полной политической свободы и личной гарантии гражданских прав. Военное положение остается в силе. Драгуны и солдаты с улицы не отозваны. В силу этого постановили:

— Борьбу продолжать, потребовать полную политическую свободу.

— Объявить всеобщую забастовку, воздерживаясь от применения вооруженной силы.

— От всеобщей забастовки освобождаются пекарни, продовольственные магазины, скотобойни и аптека».

Это решение было поддержано во всех уголках Курляндской губернии. От Либавы до Митавы (Елгавы) многие станции железной дороги оказались в руках восставших. Вооруженные дружины захватывали имения и замки ненавистных немецких баронов и графов. Началось паническое бегство «тевтонских рыцарей» из насиженных мест. Железная дорога замерла, поезда не ходили. Бароны и фюрсты гужевым транспортом намеревались удрать в Ригу, а оттуда морем в кайзеровскую Германию. Но революционеры отрезали им все пути отступления, и они были вынуждены отсиживаться в дурбенском дворце барона Рекке, в двух верстах от Тукума.

Имения были переполнены беженцами. Из Гросс-Блиден, где я жил, бежал в Тукум фюрст Ливен. Князь Ливен доехал до замка барона Драхенфельда и, отсидевшись здесь одну ночь, рано утром вместе с семьей барона поспешил в Тукум. У самого города они наскочили на дружинников. Отстреливаясь, повернули обратно и спрятались в дурбенском дворце.

В тот же вечер жители города вновь собрались в парке. Было около 1500 человек, обсуждался вопрос о выводе из города воинских частей. Это третье по счету народное собрание, как мне помнится, потребовало от городского головы Креманса немедленно очистить город от драгун и солдат. Одновременно собрание единодушно решило: вооружить народные дружины для поддержания порядка в городе; отстранить школьную администрацию и передать управление школами в распоряжение избранной народом комиссии из учителей; ввести в школах обязательное обучение детей до 15-летнего возраста; учеников содержать за счет общества; выработать новую школьную программу, отвечающую интересам трудового народа.

После собрания уездный начальник барон фон Раден все чаще и чаще стал посылать своих драгун на городскую площадь и по волостям уезда — разгонять митинги и собрания. В некоторых случаях драгуны применяли оружие.

Комитет создавал все новые вооруженные дружины: принимали добровольцев, собирали оружие и патроны. Словом, готовились силы для решительной схватки с царским деспотизмом, для захвата власти. В ряде мест организовали изготовление оружия собственными силами. Для содержания революционных вооруженных сил население облагалось налогом. Все восхищались революционером Кондратом Нулле, который где-то раздобыл 50 ружей со штыками. Вооружив крестьян, Нулле напал на интендантский склад в Тукуме и конфисковал солдатское обмундирование для дружины. Нулле убеждал крестьян не платить царские налоги. Дружинники арестовывали налоговых чиновников.

Разведка Тукумского революционного комитета донесла, что контрреволюция готовит крупные силы для подавления народного восстания. Свыше 400 солдат и драгун готовы были по первому

приказу выступить. Кроме того, бароны, засевшие в дурбенском дворце, ждали подкрепления из Риги и Елгавы.

При таком положении для захвата трудящимися власти, отражения атаки драгун и жандармерии надо было стянуть в Тукум все вооруженные силы ближайших волостей.

Комитету приходилось работать круглые сутки... Наступали решающие дни борьбы...

Начальник Тукумского уезда барон Раден продолжал преследовать революционеров. В городе во многих домах были произведены обыски, отбирали оружие и патроны. Драгуны по-прежнему патрулировали улицы города. Повсюду расклеены объявления: в случае обстрела полиции из домов эти дома подлежат сожжению. Но силы революции к этому времени настолько были значительны, что угрозы барона уже никого не пугали.

Комитет повел подготовку к полному разоружению войсковых частей городского гарнизона. Был разработан план решительного наступления на позиции драгун и солдат.

Большевик А. Ёрданс возглавил боевой отряд, который занял главную позицию для отражения возможного нападения драгун со стороны дурбенского дворца. Это — у домика Нельте, в конце Рижской улицы. Другой большевик, Н. Тиде, из рабочих мельниц организовал боевую дружину и с ней пришел в город. Его дружина заняла позицию в самом центре, расположилась в лютеранской церкви. На колокольне водрузили красное знамя, оно развевалось на ветру и далеко было видно.

Дружины большевиков П. Анскалиса, И. Паэгле, К. Вацетиса и Р. Резевского заняли площадь городского рынка. Штаб дружин разместился в гостинице.

Когда в городе скопилось до тысячи вооруженных дружинников, комитет принял решение снять солдатский патруль и поручить патрулирование народной дружине. Городской голова М. Креманс всячески сопротивлялся.

Тукумский революционный комитет, расставив вооруженные силы на главных боевых позициях, призвал волостные отряды из всех населенных пунктов уезда прибыть в город. Число дружинников вскоре достигло трех тысяч. Они были вооружены охотничьими ружьями и револьверами, топорами и пиками. Город напоминал военный лагерь. Горели костры, повсюду слышались песни дружинников.

Обстановка в городе осложнялась.

27 ноября, выполняя приказание начальника Тукумского уезда, его заместитель Маевский арестовал шестерых революционеров, обвинив их в нападении на военный патруль. Потом заключили в тюрьму еще 11 человек. Среди арестованных были: Ян Озол, Фриц Ланге, Жан Лукшевиц, Кришян Тераудс, Карл Вацетис, Ансис Фрейманис, Александр Кушинский, Каспарс и другие.

Революционный комитет потребовал немедленно освободить арестованных и немедленно отменить патрулирование драгун.

Начальник гарнизона Миллер игнорировал предложение, в переговоры с комитетом не вступал.

Как-то вечером вблизи чайной Шимпермана, на Замковой улице («Пилс иела»), у дома хромого Нейланда, народная дружина задержала драгунский патруль. Возникла перестрелка. Пулей драгун был сражен дружинник. В городе поднялась буря негодования. То тут, то там возникали перестрелки. Вооруженные дружины находились в боевой готовности. Хождение по улицам прекратилось, закрылись магазины.

28 ноября поднялся весь народ. Огромная толпа, охраняемая вооруженными дружинниками, направилась к тюрьме, чтобы освободить арестованных. Из казармы выскочили драгуны. На Алтмокенской улице произошло столкновение. В перестрелке был убит драгун Смирнов. Озверевшие драгуны, мстя за него, стреляли в мирных жителей, стоявших вдоль улицы, на тротуарах. Было убито 35 человек. На площади Буркас драгуны убили большевика Анскалиса.

Эта расправа вызвала крайнее возмущение. На Елизаветинской улице 29 ноября дружина обстреляла военный патруль. Из домов начался обстрел солдат, улицы были заняты вооруженными дружинниками.

В тот же день в Доме культуры Латышского общества состоялось чрезвычайное собрание революционного комитета и членов Латышской СДРП. Большой театральный зал и другие аудитории Дома культуры были переполнены. Множество народа стояло на улице, ожидая известий. Вскоре на собрании объявили: в направлении города движется черная сотня.

На собрании приняли единодушное решение: организовать народную самозащиту города, потребовать от городского головы немедленно вывести из города царские войска.

В то время вооруженные силы восставших занимали хорошие позиции. Учитывая это, городской голова Креманс просил то Радена, то Миллера отменить военные патрули и разрешить организацию защиты города из граждан. Он рассчитывал таким путем удержать народ от крупных столкновений с войсками.

Подполковник Миллер, убедившись, что другого выхода нет, отменил наконец военные патрули. Креманс поспешил в Дом культуры, чтобы широко оповестить об этом. Но опоздал: самозащита была создана восставшим народом без разрешения царских властей. Не успел городской голова взойти на трибуну, как в зале появилась группа большевиков — Кренгелис, Брикманис, Ёрданс, Лепа с вооруженной дружиной. Их приветствовали бурными возгласами. Кренгелис воскликнул:

— Слушайте, Креманс, вам здесь больше делать нечего!

Городской голова понял, что он среди непримиримых, враждебных ему людей, и тихо удалился.

30 ноября вся власть в городе была в руках революционного комитета. Дом культуры Латышского общества стал революционным штабом Тукума.

Началось разоружение полиции и жандармерии. Отбирали оружие и у частных лиц. Макс Биркман организовал заготовку патронов. Все магазины в городе были закрыты, всякая торговля прекратилась.

Свое обещание Миллер не сдержал: по-прежнему между солдатскими казармами и тюрьмой продолжали разъезжать группы военных патрулей... Но как только появлялся разъезд драгун, дружинники начинали их обстреливать.

Ночью 1 декабря в город прибыли вооруженные крестьяне из волостей. Тогда ревком потребовал, чтобы войска сложили оружие и покинули город. Миллер отказался выполнить требование ревкома. Он заявил: пусть будут распущены революционный комитет и все вооруженные дружины.

Городской голова Кременс умолял ревком не осложнять положения. Революционный комитет, выслушав его, принял свои меры. Во все ближайшие дворы, прилегающие к гостинице Экмана, в которой разместились офицеры во главе с Миллером, поставили посты дружинников. В ближайшей от гостиницы церкви, с колокольни которой просматривался весь двор и офицерские помещения, комитет учредил наблюдательный пункт. Драгуны, по существу, оказались в окружении.

Комитет также учел, что со стороны дурбенского дворца возможно нападение на город, и поручил оборону этого участка лучшей боевой дружине под командованием А. Ёрданса. Железнодорожник Бекер со своим отрядом занял позиции на дровяных складах у вокзала, откуда хорошо видны дурбенская дорога и Рижская улица.

Рано утром 2 декабря стянутые на штурм гостиницы Экмана дружинники открыли по ней огонь. Зазвенели стекла офицерских покоев. Офицеры не выдержали и перешли в кирпичное здание (во дворе гостиницы, где размещались 45 драгун 4-го Псковского драгунского полка с лошадьми). Положение осажденных становилось критическим.

Я был свидетелем того, как барон Раден с двенадцатью драгунами из дурбенского дворца пытались оказать помощь Миллеру.

В 10 часов утра дружинники заметили приближающихся драгун. Вот они совсем близко: различимы их лица, суровые, надменные, злые. Когда драгуны поравнялись с засадой, Ёрданс крикнул:

— Ребята, цельтесь в коня барона! Пусть немецкий свистун попляшет на своих собственных ногах перед нами! Но сам Ёрданс не выдержал, выскочил из укрытия и выстрелил.

Конь Радена упал и придавил седока. Придавленный к земле барон нечеловеческим голосом взывал о помощи. Смертельно раненный конь колотил седока о мостовую. Драгуны спешились и залегли в кювете. Несколько драгун вытащили барона из-под коня и на другой лошади отправили его в дурбенское логово.

Перестрелка продолжалась. Ветер, снег били в глаза. Пули дружинников не настигали спешившихся драгун, и дружинники перешли на другие позиции. Не получив подкрепления, драгуны

поспешно отступили. В момент перехода на новые позиции А. Ёрдансбыл ранен.

Ревком обезоружил и арестовал всех полицейских чиновников. Здание полицейского управления разрушили, судебно-следственные документы сожгли. Уничтожили два склада спиртных напитков. Полностью заняли железнодорожную станцию. Запрещено было отправлять поезда в Ригу.

Город полностью находился в руках революционеров. Дружинники овладели тюрьмой и выпустили на свободу всех политических заключенных. Освобождены были Я. Озол, Фриц Ланге, Жан Лукшевиц, Карл Вацетис, Каспарс и другие. Дружинники превратили тюрьму в укрепленный пункт, а улицы, прилегающие к ней и к базарной площади, опутали проволокой.

4 декабря утром два драгуна пытались пробраться во дворец за мясом, но были обстреляны дружинниками. Миллер, дрожа за свою шкуру, запретил драгунам стрелять и вызвал к себе через владельца гостиницы Креманса. В осажденную гостиницу вошли Креманс и члены управы Блументал и учитель Гротс.

— Господин голова, попытайтесь еще раз убедить революционеров разрешить нам выйти из города,— попросил Миллер.

Но комитет отклонил эту просьбу, предложив разоружиться. После отказа драгун сложить оружие ревком приступил к уничтожению очага контрреволюции: дружинники облили керосином все ближние к гостинице склады и строения и подожгли их.

Драгуны решили использовать коней для своего спасения. Они выпускали их через ворота гостиницы на Большую улицу, а сами прятались за их крупами. Отстреливаясь, они устремились в сторону базарной площади и вокзала. У ворот гостиницы был убит подполковник Миллер, на улице застрелены 19 драгун, ранены корнет Измайлов и 15 драгун. Троих взяли в плен. Остальные 8 убежали в дурбенский дворец.

Теперь дружинникам предстояло штурмовать дурбенский дворец. Было ясно: захватить дворец голыми руками невозможно. Дворец находился в двух верстах от города, на высокой горе. Подходы к нему были трудные. Для подготовки к такой операции требовались время и силы.

В это время революционному комитету донесли, что из Митавы отправлены войсковые части для спасения дурбенских баронов. По приказу комитета на расстоянии нескольких верст от города дружинники разрушили железную дорогу. Надо было задержать продвижение воинских эшелонов.

Однако контрреволюционным войскам все же удалось сосредоточить немалые силы на станции Тукум-II, откуда можно было обстреливать город и соединиться с дворцом...

Ночь жители города провели спокойно. Утром же по генеральскому приказу были даны три выстрела из пушек. Первый снаряд угодил в стену дома, где находился штаб революционных войск, два других — в соседние дома. Солдаты начали наступать по улицам Большой и Талсу, продвигаясь к центру города.

Несмотря на превосходящие вооруженные силы противника, дружинники были стойки и непреклонны. После нескольких дружных залпов по солдатам дружинники поднялись на штурм с криками «ура». Дерзость и мужество революционеров поколебали войска, они дрогнули и обратились в бегство, оставив дружинникам одну пушку на Большой улице, в районе городского парка.

Генерал убедился, что невозможно победить лобовым ударом, и пошел на хитрость. Парламентер генерала предложил дружинникам вступить в переговоры. Часть лучше вооруженных дружинников заявила, что будет драться до последнего. Слабо вооруженные дружинники и те, кто не имел оружия, настаивали на мирных переговорах. Обсуждение предложения генерала затянулось. Сплоченность революционных сил была нарушена...

Пока дружинники судили да рядили, на помощь генералу подоспели две роты Вентспилсского полка. Генерал выиграл время и, не дожидаясь ответа, снова начал наступать вдоль берега озера к центру города. С другой, противоположной стороны барон Раден с ротой капитана Глиндзича тоже начал продвижение к городу. Наше положение становилось крайне тяжелым. Революционный комитет принимает решение: чтобы сохранить силы — начать переговоры.

Генерал уже предъявил ультиматум: освободить пленных солдат, вернуть отобранное у них оружие и сдать все оружие, имеющееся у комитета; приезжим крестьянам в 24 часа оставить город; выдать останки павших в бою солдат; в момент вступления царских войск в город граждане должны выйти им навстречу без оружия.

Комитет в свою очередь выставил свои требования: отменить военное положение и эвакуировать воинские части из города; предать суду баронов Рекке и Радена за убийство безоружных людей; разрешить дружинникам беспрепятственно оставить город; отменить репрессии и не привлекать к ответственности ни одного революционера.

Первые два пункта генерал отклонил, как относящиеся к компетенции губернатора Бекмана, но обещал переговорить с губернатором. Остальные условия в основном принял.

Генералу было разрешено войти в город. На базарной площади перед толпою мирных жителей генерал сказал речь. Он призывал всех вернуться в свои дома и спокойно приступить к делам. Обещал никого не преследовать и не привлекать к ответственности.

В то время как в центре города генерал говорил елейные речи, на окраине бароны Рекке и Раден творили злодейскую расправу. Жгли дома и убивали неповинных граждан, в том числе женщин и детей. На улице Раудас сожгли дома Блёднека и Вейнберга, убили семьи Шенфельда и Якоба Бекериса из села Апшу. Закололи насмерть мальчика — Адольфа. По рассказам очевидцев, в истязаниях, пытках и убийствах беззащитных людей с зверским садизмом участвовали баронессы, переодетые в офицерские шинели.

Вскоре царское правительство прислало дополнительно в Лат-

вию карательные войска под командованием генерала Орлова. Войскам и немецким баронам было предоставлено неограниченное право убивать без суда и следствия, чем широко пользовались озверелые графы Пален и Медем, кровожадные бароны.

По данным некоторых исследователей, без суда и следствия бароны и графы замучили и убили в Тукумском уезде свыше 200 человек.

Потом началась судебная расправа над революционерами. Бароны и графы возглавили царский военный суд, они беспощадно мстили за пережитый страх.

14 февраля 1906 года закончился большой процесс против 115 революционеров. В тот же день на площади у тюрьмы были расстреляны 17 активистов тукумского вооруженного восстания. Остальных приговорили к разным срокам тюремного заключения, к каторге и ссылке на вечное поселение в Сибирь...

В конце 1906 года случайно попал в руки жандармов Адольф Ёрданс. Его все знали как смелого и мужественного революционера, выдающегося организатора вооруженного восстания. В застенках рижской тайной полиции главный инквизитор Грегус — начальник охранки — лично выжигал знаки на теле революционера. Ёрданс был непреклонен и молчал. Как рассказывали вышедшие из тюрьмы, в день его казни в камеру вошел тюремный священник и, подставляя крест для поцелуя, произнес:

— Дитя мое...

— Я не ваш, а народный,— перебил Ёрданс.

— Я слуга господа, в последний час покайся, и господь бог простит тебя,— продолжал уже скороговоркой священник.

— С холуями бога не желаю говорить. Я сам, святой отец, доложу богу о ваших зверствах,— ответил Ёрданс и отвел руку священника.

Через час Ёрданса повесили в рижской Центральной тюрьме. Это была большая утрата для партии и революции.

После того как открытые революционные выступления в Тукумском уезде были подавлены, началась партизанская борьба с царскими карательными войсками. Курляндский губернатор Бекман был отстранен от должности за то, что не сумел пресечь действия партизан.

Высокую оценку революционному движению в Латвии в первой русской революции дал В. И. Ленин. В статье «Юбилейному номеру «Zihņa» («Борьба») — старейшей коммунистической газете Латвии — Ленин писал в 1910 году: «Во время революции латышский пролетариат и латышская социал-демократия занимали одно из первых, наиболее видных мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя»[1].

Великие, незабываемые дни. Сборник воспоминаний участников революции 1905—1907 годов. М., 1970, с. 105—115

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 305. *Ред.*

П. Н. Караваев

СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ В КОСТРОМЕ

В Костроме широко развернулась деятельность Совета рабочих депутатов, организованного Костромским комитетом сейчас же после октябрьских дней. Совет стал органом, подготовлявшим завоевание власти рабочими и крестьянами.

В организации и деятельности Совета наиболее активную роль играл член Костромского комитета партии тов. Малышев (умер в Москве в 1936 г.). До конца своей жизни Малышев был преданным большевиком. Особенно ярко проявил он себя во время организации Совета. Он проводил выборы депутатов в Совет по фабрикам, вел борьбу с фабрикантами и фабричной администрацией, пытавшимися сорвать организацию Совета или вмешиваться в ход выборов депутатов.

Бывало, приходит Малышев на Михинскую фабрику и сообщает, что необходимо созвать рабочих такого-то цеха для выбора депутатов в Совет. Директор фабрики Моргунов, один из наиболее активных врагов рабочего движения, заявляет: «Нам не нужно собраний, наши рабочие не хотят выбирать».

Малышев отвечает на это: «Во-первых, есть постановление Совета о выборе делегатов от всех фабрик, а затем мы спросим самих рабочих». И он идет в цех и проводит выборы, отстраняя директора. Так же поступил он, когда нужно было провести в жизнь постановление Совета, касавшееся новых распорядков на фабрике. А потом на общем рабочем митинге на Михинском сквере охрипший от беспрерывных выступлений Малышев объяснял рабочим: «Теперь никакой Моргунов, черт или дьявол, не смеет нарушать постановления Совета и мешать нам бороться за наши интересы». Рабочие очень любили его за его стойкость и непримиримость в защите их прав и интересов. Он был, можно сказать, душой Совета рабочих депутатов.

После октября 1905 года Костромской комитет партии прежде всего провел выборы в Совет по всем цехам и отделениям крупных фабрик и заводов. Затем состав делегатов Совета постепенно пополняли представителями от всех предприятий и мастерских города.

На первом организационном заседании Совета присутствовало 135 депутатов. Совет постановил избрать исполнительную комиссию, организовать выпуск «Известий Совета» и ввести в Совет

и исполнительную комиссию в качестве полноправных членов двух представителей Костромского комитета РСДРП.

В состав исполнительной комиссии были избраны от Кашинской фабрики Соловьев (он же Савинов), Набегин; от Зотовской — Н. Соколов, А. А. Симановский, Вавилов; от Чумаковской табачной фабрики — Марков; от Михинской — Белов. Председателем Совета был все время Малышев, а представителем Костромского комитета — Стопани. Секретарями исполнительной комиссии были назначены Н. Соколов и П. Караваев.

Руководили работой Совета и исполнительной комиссии исключительно большевики. Костромской комитет провел большую работу, разъясняя на митингах и собраниях значение и задачи Совета как органа борьбы за власть рабочих и крестьян.

Пленарные заседания Совета происходили обычно в так называемой «сборне» Кашинской фабрики или же в Народном доме. Протоколы заседаний Совета и исполнительной комиссии публиковались в местной газете.

Совет и его исполнительная комиссия основной своей задачей ставили организацию политической борьбы рабочих против монархии и капитализма и подготовку вооруженного восстания рабочих и крестьян.

Совместно с Костромским комитетом партии Совет проводил по воскресным дням широкие массовые митинги на Михинском сквере. На митинги собиралось почти все рабочее население фабричного района. Обсуждались все важнейшие вопросы политической и экономической борьбы рабочего класса, отношения между пролетариатом и другими классами, в первую очередь крестьянством. Обсуждались меры по организации сил для предстоящего всенародного восстания.

Совет стремился охватить своим влиянием не только чисто пролетарские организации, но и близкие пролетариату демократические слои и группы. В связи с революционным выступлением почтово-телеграфных служащих и объявленной ими всероссийской стачкой собрание почтово-телеграфных служащих Костромы в ноябре 1905 года постановило послать приветствие Совету рабочих депутатов. Собрание решило делегировать в состав Совета своего представителя, чтобы быть всегда в курсе настроений рабочего класса и чтобы по возможности приурочить свои выступления к общим выступлениям пролетариата.

В Совет обращались за помощью также и поднимавшиеся против помещиков крестьяне. Начиная борьбу за помещичью землю, крестьяне посылали своих ходоков в Совет просить помощи и руководства. Совет вместе с Костромским комитетом большевиков посылал в таких случаях своих представителей в деревни.

По мере того как накалялась политическая обстановка и приближался момент вооруженного выступления, Совет принимал все более решительные революционные меры. На заседании 27 ноября Совет постановил ввиду неизбежности банкротства государственного банка в результате реакционной политики правительства ре-

комендовать рабочим заблаговременно извлечь вклады из банка и сберегательных касс. В том же постановлении Совет призвал рабочих «не поддерживать правительство и его финансовые учреждения и готовиться к решительной схватке с правительством и капиталистами».

Между тем черносотенцы начали активизироваться и опять угрожать погромом. 6 декабря, в день именин царя, они назначили на площади молебствие и патриотическую манифестацию. Руководители черной сотни рассчитывали собрать все свои «кадры» и при поддержке полиции и казаков превратить манифестацию в кровавый погром против революционных рабочих, интеллигенции и еврейского населения.

Но расчет был сделан, как говорится, без хозяина. А хозяином пока еще оставались в городе силы революции, возглавляемые Костромским комитетом РСДРП и Советом рабочих депутатов. Узнав о подготовке черносотенной манифестации, Совет немедленно принял меры к предотвращению погрома.

На заседании 4 декабря Совет обсудил создавшуюся обстановку и призвал трудящихся мобилизовать свои силы. Совет постановил немедленно привести в боевую готовность рабочую милицию и усилить ее вооружение. На фабриках было организовано производство бомб, холодного оружия.

Совет постановил: «Ни один рабочий, ни один гражданин не должен принимать участия в манифестации, устроив 6 декабря в Михинском сквере обычный праздничный митинг; не украшать домов национальными флагами, не поддаваться ни на какие провокационные уловки манифестантов и держать наготове вооруженную рабочую милицию, чтобы при малейшей попытке к погрому беспощадно рассеять громил».

Затем Совет предложил администрации на 5 и 6 декабря закрыть все казенные винные лавки, чтобы руководители черной сотни не могли споить деклассированные элементы и толкнуть их на погром. Это было очень серьезной мерой. Малышев обратился с этим требованием по телефону к костромскому губернатору как представителю правительства.

В те дни, до поражения московского восстания, когда чаша весов еще колебалась и полная победа революции представлялась возможной, губернским властям приходилось считаться с Советом рабочих депутатов. Они тем более неуверенно чувствовали себя в эти дни, что были окружены революционно настроенным рабочим населением, а воинские части были ненадежны. Поэтому губернатор предупредительно ответил Малышеву, что он «покорнейше просит передать Совету рабочих депутатов, что 6 декабря казенки (винные лавки) будут закрыты».

Однако при дальнейших переговорах губернатор не давал ясных, определенных обязательств относительно мер против погромной деятельности черносотенцев. Тогда Малышев заявил ему, что, если администрация не примет решительных мер к предотвращению провокационных действий и это приведет к погрому, Совет

возложит ответственность за погром на губернатора. Вместе с тем представитель Совета предупредил губернатора, что в случае начала погрома Совет и Костромской комитет РСДРП ответят на него вооруженным выступлением рабочих и взятием власти в свои руки.

Это недвусмысленное заявление оказало магическое действие на губернскую администрацию. Губернатор заверил Совет в том, что погрома не будет, что будут приняты необходимые меры на этот счет. Он просил передать, что он «уважает Совет рабочих депутатов». Губернатор действительно не разрешил монархическим организациям устраивать 6 декабря публичное молебствие на площади и манифестацию.

Замыслы погромщиков оказались сорванными под давлением революционных организаций и в связи с мобилизацией рабочего класса против затеваемого погрома. Черная сотня на время опять притаилась.

Не ограничиваясь принятыми мерами, Совет на том же заседании 4 декабря обратился с воззванием к солдатам местной воинской части, призвав их переходить на сторону народа и присоединяться к революционной борьбе рабочего класса против царя, капиталистов и помещиков.

6 декабря Совет и Костромской комитет провели митинг на Михинском сквере. Выступавшие агитаторы призывали готовиться к решительным боям, к участию во всенародном вооруженном восстании против царской монархии и завоеванию власти рабочими и крестьянами.

Рядом со сквером, где происходил митинг, на воротах Михинской фабрики были вывешены по случаю именин царя трехцветные царские флаги. По призыву агитаторов все рабочие, присутствовавшие на митинге, двинулись к фабрике. У ворот были вновь произнесены речи о борьбе пролетариата за социализм, о необходимости свержения царского правительства. Затем несколько рабочих быстро вскарабкались на ворота фабрики, оборвали белую и синюю полосы флагов, оставив только красную. После этого мы устроили демонстрацию, пройдя с пением революционных песен по улицам рабочего квартала. Многотысячная масса рабочих двигалась под красными знаменами. Черносотенцы не осмелились в этот день выступать сколько-нибудь активно. Только вечером, когда совсем стемнело, кучки черносотенцев кое-где в центре города пробовали собираться и приставать с угрозами к одиночным прохожим. Однако они быстро рассеивались при появлении патрулировавших по улицам вооруженных дружинников или рабочей милиции.

Этот день окончательно определил соотношение сил. Черная сотня в Костроме прекратила попытки устроить погром и предоставила действовать правительственной машине.

В кипучей, лихорадочной работе быстро промелькнули два месяца «свобод». Наступал период решительной схватки между силами революции и царской кликой.

20 (7) декабря в Москве началась политическая забастовка, перешедшая затем в вооруженное восстание. Костромской Совет и комитет партии 22 (9) декабря постановили объявить в городе политическую забастовку, чтобы присоединиться затем к всенародному восстанию... Рабочие единодушно откликнулись на призыв своих руководящих органов. Забастовали все фабрики, заводы, большинство мелких предприятий, мастерских. Но до восстания в Костроме дело не дошло. Поражение восстания в центре предопределило ход событий. После трехдневной забастовки Совет и комитет призвали рабочих прекратить ее, с тем чтобы готовиться к новому выступлению против царской монархии при более благоприятной обстановке.

Костромские власти испытали все же немалый испуг. Об этом свидетельствуют телеграммы губернатора в Петербург департаменту полиции: «Командир Рославльского полка доложил, что с 12 декабря не может дать для содействия полиции всякой возможности принять какие-либо меры воздействия силой. Фабричные рабочие массы вооружены. Необходимы войска». Через два дня губернатор вновь телеграфирует: «Прошу прислать войска в Кострому, положение крайне опасное. Есть основание полагать, что последние московские события повторятся в Костроме». Но правительству в то время было не до Костромы.

Как только определилась неудача московского восстания, начались репрессии и в Костроме. В ночь на 16 декабря полиция начала приводить в действие циркуляр министра Дурново об арестах активных деятелей революции. Было объявлено положение об усиленной охране города, позволявшее чинить расправу с революционерами без суда и следствия. Приказом губернатора воспрещались всякие митинги и собрания.

Дни свободы кончились. По сигналу сверху началась ликвидация завоеваний революции.

Комитет решил в своей агитационной работе вновь перейти к организации летучих массовок в фабричном районе.

Помню свое последнее в этот период выступление на такой летучке перед рабочими Зотовской фабрики. Совсем темно. С группой рабочих мы стоим на пути движения с фабрики основной массы рабочих и ждем гудка. Вот и гудок. Партийцы-рабочие перегораживают цепью улицу и останавливают идущих: «Стойте, товарищи, сейчас будет выступать наш оратор!» Толпа — все плотнее. Я начинаю говорить о наступлении царской своры против завоеваний революции, о походе против рабочих организаций и Совета, призываю поддерживать своих депутатов и быть готовыми к дальнейшей борьбе против насилий, к новому всенародному восстанию против монархии.

Рабочие не расходятся. Чувствуется, что они с нами, но ощущается и напряженность настроения, беспокойное ожидание налета полиции. Я заканчиваю. Рабочие-партийцы окружают меня плотным кольцом и помогают затеряться в толпе...

Караваев П. Н. В дооктябрьские годы. На партийной работе, в тюрьме и ссылке. Изд. 2-е. М., 1953, с. 48—54

П. С. Мочалов

БОЕВАЯ ДРУЖИНА И ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ В СОРМОВЕ В 1905 ГОДУ

В первой половине ноября в Сормово приезжал неоднократно тов. Б. П. Позерн как представитель от Нижегородского комитета и на своих выступлениях в сормовской организации и на общих собраниях энергично и четко проводил мысль о необходимости подготовки вооруженного восстания, о мобилизации всех сил организации, а также о строгом подчинении боевой группы директивам партии, проводимым комитетом. Сормовская организация приступила к проведению в жизнь директив партии, и в связи с этим штабу группы было предложено позаботиться об оружии [1]. Для усиления средств в распоряжение группы был предоставлен сбор с одного спектакля, но сумма получилась незначительная и особого влияния на вооружение не оказала.

В конце ноября штаб группы получил от Нижегородского комитета сообщение о возможности добыть оружие через группу товарищей, работающих в городе Арзамасе. Для выяснения этого дела в Арзамас направились члены штаба — Кирсанов и я — и остановились у тов. Гоппиус, через которую связались с товарищами из местного гарнизона. По ознакомлении с делом выяснилось, что в местном арсенале имеется 350 винтовок, которые возможно захватить в те дни, когда товарищи находятся в карауле арсенала...

По возвращении членов штаба из Арзамаса сормовская организация поставила на очередь вопрос о массовом вооружении рабочих и выбросила лозунг «готовить оружие». Штаб группы со своей стороны усиленно занялся изготовлением бомб и изысканием всевозможных способов усиления своей боеспособности. В это время сормовская организация рекомендовала одного из товарищей-электриков, могущего быть полезным (фамилию не помню). Штаб при переговорах с ним выяснил, что он берется произвести взрыв фугаса на расстоянии. На другой же день в лесу за «Князьком», после работы, в присутствии членов штаба — товарищей Кирсанова, Матвеева и меня — была произведена проба, причем взрыв был очень удачен. После этого немедленно было приступлено к изготовлению фугасов.

---

[1] Сормовская организация насчитывала свыше 100 человек вместе с рабочей милицией, кроме того, в Сормове были две дружины, состоящие из большевиков, меньшевиков и эсеров, насчитывавшие более 100 человек. *Ред.*

Нижегородский объединенный комитет РСДРП постановил объявить забастовку солидарности с вооруженным выступлением московских рабочих и назначил ее на понедельник 12 декабря (ст. ст.). В субботу 10 декабря были намечены кандидаты в члены забастовочного комитета. Было решено, что 12-го числа все должны явиться обычным порядком по гудку на работу, но к работе не приступать. Штабом группы было отдано распоряжение, чтобы все охотники, имеющие оружие, явились в понедельник на завод с ружьями.

12 декабря утром, по гудку, в обычном порядке все явились на работу. Через полчаса был дан гудок, машины были остановлены, и все рабочие собрались на дворе у главной конторы завода. Здесь же было объявлено о начале забастовки, было предложено выбрать стачечный комитет и выдвинуты от объединенной организации кандидаты в него. После избрания забастовочного комитета рабочие с пением революционных песен, со знаменами и пиками направились по Александро-Невской улице к столовой.

Не доходя до поворота с Главной улицы в столовую, рабочие увидели конный наряд полиции и казаков во главе с исполняющим обязанности исправника Петровым, который, издалека обращаясь к рабочим, что-то кричал. Рабочие, завидев казаков и полицию, ринулись по направлению к ним, и некоторыми из них были произведены выстрелы. Боевая группа, которая с самого начала шла во главе шествия и сначала было смешалась, быстро восстановила порядок. Полиция и казаки скрылись, и рабочие беспрепятственно дошли до столовой. Полиция и казаки в это время заняли лес, примыкавший к школе, и исполняющий обязанности исправника Петров продолжал оттуда кричать рабочим: «Разойдись!»

Наше положение было невыгодно, так как мы были на открытом месте, а полиция и казаки заняли опушку рощи. Чтобы выиграть время, я, как начальник группы, послал к полиции парламентеров. Петров потребовал немедленно разойтись и дал пять минут срока,— в противном случае полиция будет стрелять. Рабочие настаивали, чтобы войти в столовую и там начать собрание, но, учитывая ненадежность стен столовой, легко пробиваемых пулями, я потребовал, чтобы они немедленно разошлись, чему собравшиеся подчинились с большой неохотой и медленно стали расходиться. По истечении пятиминутного срока казаки, как и обещали, открыли огонь. Последней от столовой отступила боевая группа, после чего сейчас же собрался штаб ее и был поставлен вопрос о посылке разведки в Балахну для захвата арсенала. Для этого были выделены два товарища.

После того как разошлись с улиц рабочие, казаки и полиция, продолжая беспорядочный, по всем направлениям обстрел улиц, примыкавших к столовой, и постепенно расширяя район действия, вышли на Московскую улицу и пытались произвести обыск в доме, в котором жили товарищи Чугурин и Савин. Брошенной в это время тов. Савиным бомбой вошедшие в сени полицейские и казаки были убиты и ранены. Воспользовавшись общим замешатель-

ством, товарищи Чугурин и Савин скрылись. После этого подошедшими новыми силами казаков и полиции дом был разгромлен, а находившиеся в доме... убиты.

В 7 часов вечера этого же дня в квартире члена штаба А. Матвеева собралась объединенная сормовская организация. На собрании присутствовали: от большевиков — И. Сергеев, А. Матвеев, я — П. Мочалов, и еще товарищ (фамилии не помню), от меньшевиков — Бебель — Сухов, А. Баранов, С. Баранов и еще один товарищ (фамилии не помню). Мне, как начальнику боевой группы, было предложено высказать свое мнение о ближайших мероприятиях группы. Принимая во внимание недостаток винтовок, я предложил немедленно приступить к партизанским действиям против казаков и всем членам объединенной организации, имевшим оружие, немедленно вступить в боевую группу, товарищам же, по уважительным причинам не могущим вступить, немедленно сдать оружие в штаб. Собрание приняло мое предложение абсолютным большинством, кроме одного С. Баранова (высказавшегося против вступления в группу и в то же время не желавшего сдать оружия), и здесь же постановило: вооруженную защиту Сормова возложить на тов. П. Мочалова и облечь его всей полнотой власти. Присутствовавший на собрании Бебель — Сухов (меньшевик) тотчас же передал мне свой браунинг, указав на слабость своего зрения...

Штаб немедленно вызвал всю группу и явился с ней на место действия, к школе, где происходило следующее: часть телеграфных столбов была уже срезана, и они в беспорядке валялись на улице вместе с проволокой. Рабочие продолжали, ни на кого не обращая внимания, валить все, что ни попадало под руку. Считаясь с уже совершившимся фактом, я взял руководство в свои руки и отдал распоряжение о постройке баррикад, отвечающих современной военной технике. Для постройки баррикад были использованы срезанные уже столбы, весь лесной материал, находившийся на прилегающих дворах, а также были вынесены из школы книжные шкафы. Баррикады были сделаны на два фронта: первая баррикада шла от южного угла школы на противоположную сторону улицы, фронтом к Дарьину, вторая — от северного угла по направлению к дому Плескова. В середине между двумя баррикадами была возведена высокая баррикада на случай появления противника с противоположной стороны, для защиты от пуль, перелетавших с противоположных баррикад. Для постройки средней баррикады были употреблены шкафы, набитые снегом и поставленные стоймя. Случайно проезжающие подводы с дровами и железом были остановлены, лошади отпряжены и отданы, а весь материал и сани пошли также на постройку баррикад. Когда баррикады были укреплены, проволока с телеграфных столбов была употреблена для заграждения улиц, прилегающих к баррикадам.

Одновременно с постройкой баррикад врачом Давыдовым, направленным Нижегородским комитетом, был развернут лазарет, размещенный в первом этаже деревянного дома, расположенного против школы...

Одновременно было организовано снабжение баррикад продовольствием и боеприпасами. Были случаи трогательного участия со стороны населения, приносившего скромное продовольствие: хлеб, соленые огурцы, папиросы и пр.

Во время постройки баррикад полиция и казаки не появлялись. Настроение было бодрое и деловое. Работали энергично. Но около 2 часов дня со стороны Дарьинского моста показались спешенные казаки и полиция, которые и начали обстрел главной баррикады. Впереди шли пожарные с топорами, которые стали разрубать проволоку, расчищая таким образом путь казакам. Казаки и полиция медленно продвигались к баррикадам, продолжая обстрел.

По мере приближения казаков к баррикадам среди защитников баррикад возрастало волнение. Большинство нервничало и требовало энергичных ответных выстрелов.

Учитывая недостаток патронов, командование баррикад в связи с этим приняло следующие меры: товарищи были поставлены на боевые места, проинструктированы, причем жестко было указано, что никаких боевых действий без приказания командования не производить. Когда казаки и полиция, все время обстреливая баррикады, подошли на близкую дистанцию, было отдано приказание открыть огонь, и после первых удачных выстрелов, после которых свалились двое в серых шинелях, пожарники бросились бежать, увлекая за собой казаков и полицию, и скрылись из виду.

Приблизительно через полчаса вновь показались казаки и полиция с пожарниками и снова тем же приемом, но более робко пошли в наступление, производя усиленный обстрел баррикад. Как и в первом случае, их подпустили ближе к баррикадам и тогда открыли огонь. После первых ответных выстрелов пожарники, спотыкаясь, снова обратились в бегство, а за ними, как и в первый раз, казаки и полиция и скрылись в ближайшем переулке. У нас ни убитых, ни раненых не было. После такого удачного отражения противника и без того бодрое настроение на баррикадах очень повысилось.

В этот день со стороны противника попыток к наступлению больше не было.

С наступлением вечера школа и баррикады оказались в темноте, так как электрическая станция находилась в руках казаков...

В 9 часов вечера командованием был отдан приказ выделить три группы товарищей по пять человек, на которые были возложены следующие боевые задания: первой группе — с.-р. во главе с Ошмариным — поручено взорвать канцелярию пристава по Узко-Заводской улице, второй группе во главе с тов. Аверкиным — замаскироваться и подойти как можно ближе к казакам, расположенным в столовой и примыкавшей к ней школе, и произвести нападение на них с бомбами и третьей группе во главе с тов. Зенченко — уничтожить на станции сормовской ветки дуговые фонари, которые мешали операциям. Первые сведения были получены от группы с.-р., они сообщили, что брошенная ими в окно канцелярии бомба ударилась о раму и разорвалась в окне. Существенного

вреда противнику бомба не причинила, при взрыве был ранен в ногу тов. Распопов. Вторая группа явилась и доложила, что благодаря маскировке в простыни они подошли к столовой довольно близко, но не настолько, чтобы можно было бросить бомбу. Произвели несколько выстрелов и вернулись. Третья группа задание выполнила полностью.

Около 10 часов вечера были получены сведения из Нижегородского комитета о том, что в Сормово направлена артиллерия под охраной казаков и одновременно было прислано 2 пуда бертолетовой соли...

Часа в 2 ночи начальник караула тов. Зенченко донес, что неизвестный человек подходил к баррикадам и при окрике часового стал удаляться. Часовыми был произведен выстрел, которым неизвестный, по-видимому, был ранен, так как он упал, но вскоре поднялся и убежал. По обследовании места были обнаружены следы крови. Остальная часть ночи прошла без значительных инцидентов. Все были на своих местах, состояние было напряженное, и баррикады были в полной боевой готовности.

Рано утром 14-го, до рассвета, командованием был отдан приказ о закладке фугаса впереди баррикад против дома, в котором помещалась парикмахерская. Работа эта была поручена С. Чернову, который и закончил ее к 8 часам утра. Провод от фугаса был пропущен во второй этаж дома, где была парикмахерская, и там были поставлены два товарища (фамилии не помню) для того, чтобы в нужный момент посредством индуктора произвести взрыв.

В 9 часов утра около Дарьинского моста было замечено движение противника, а затем установка орудий под прикрытием спешенных казаков и полиции. Около 10 часов утра раздался со стороны противника первый пушечный выстрел. Снаряд высоко пролетел над зданием школы, второй и третий также сделали перелет, четвертый — лег впереди баррикад. После четвертого снаряда было отдано распоряжение отвечать из нашей пушки, и с этого момента на каждый выстрел со стороны противника мы отвечали выстрелом из своей пушки. Пятый снаряд со стороны противника ударил в баррикаду, и стоявшие в это время у двери школы товарищи, Колчин и еще один (фамилии я не знаю), были сбиты с ног, причем Колчин оказался убитым, а другой был ранен. Подошедшими санитарками — Гассельберг и другими они были убраны с баррикад.

В это время из Нижнего явился начальник нижегородской боевой дружины М. Перфильев с частью дружины. Здесь же, на баррикаде, обменявшись мнениями, мы согласились, что при создавшихся обстоятельствах и явном вооруженном перевесе противника командование нуждается только в винтовках, которых не было как у сормовской, так и у нижегородской групп. Людского же состава было вполне достаточно.

При дальнейшем обстреле со стороны противника один из снарядов попал в окно и, пробив ряд внутренних стен, отделяющих

классы, разорвался в последнем классе, причем был убит ведающий снабжением (фамилии я не знаю) и ранено пять человек, случайно находившихся в этом помещении.

Из складывающихся обстоятельств было ясно, что удержать занятые нами позиции мы не сможем, а потому приблизительно в 3 часа мною через тов. Кирсанова было отдано распоряжение эвакуировать в первую очередь Красный Крест, чему заведующий Красным Крестом не поверил и согласился только после личных со мной переговоров. Во вторую очередь было приказано очистить здание школы от всех боевых припасов, и после последнего ответного выстрела пушка была снята и вынесена из здания школы. Примерно в $3^1/_2$ часа последним с баррикад ушел штаб группы, обстрел же баррикад со стороны казаков и полиции продолжался до самого вечера.

Казаки после продолжительного обстрела баррикад без ответа с нашей стороны, предполагая, что баррикады покинуты, пошли медленно в наступление, и, когда они подошли к месту, где был заложен фугас, товарищи, дежурившие у индуктора, не рассчитали и преждевременно повернули индуктор. Фугас взорвался, но не причинил почти никакого вреда. Увидев, что баррикады покинуты, казаки пытались их сжечь, облив керосином, но так как баррикады были пересыпаны снегом и утрамбованы, то они не загорелись.

В 8 часов вечера казаками намеренно была сожжена народная столовая, которая сыграла большую культурную и политическую роль в жизни сормовских рабочих.

Сормово на баррикадах 1905 года. (К 30-летию Декабрьского вооруженного восстания). Горький, 1935, с. 108—121

Н. А. Семашко

ДЕКАБРЬ 1905 ГОДА В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ [1]

...Революционное движение продолжало нарастать. Свобода слова была завоевана явочным порядком: митинги, большие собрания шли открыто. В Сормове мы с крыши одного дома открыто произносили большевистские речи перед огромной толпой рабочих. Конная полиция стояла тут же, но не смела вмешиваться: настолько внушительны были наши собрания. В городе мы избрали местом собрания Народный дом. Сюда ежедневно стекалась масса народу. Три дня в неделю мы вели политическую пропаганду, остальные четыре дня — агитационные митинги. Я нередко председательствовал на этих собраниях, вызывая ненависть черносотенцев, грозивших убить меня. На хорах у нас помещалась боевая дружина — человек 60, отчасти для охраны собраний от нападения черносотенцев, отчасти как будущая военная ячейка на случай восстания. Собрания наши пользовались таким авторитетом у населения как революционная власть, что на них являлись полицейские, жандармы, которые отрекались от своей профессии, каялись перед народом в своих преступлениях против него. И мы судили их. Являлись жители с просьбами бытового характера — о питании, о жилище и т. п.; являлись даже для разрешения семейных ссор.

Можно без преувеличения сказать, что власть в городе тогда была в руках революционеров. Говорят, тогдашний губернатор барон Фредерикс заперся в своем дворце с небольшой группой верных ему полицейских (войска были ненадежны и братались с народом) и ждал, «когда придет Семашко арестовать его». И мы сделали большую ошибку: вместо того чтобы захватить жизненные центры старой власти — арсеналы с оружием, банк, вокзалы, телеграф и т. д., мы увлеклись агитацией и пропагандой. Правительство, как известно, скоро перешло в контрнаступление.

Декабрьское восстание в Нижнем, как и в других городах, было генеральной репетицией будущего победоносного Октябрьского восстания.

Моя квартира в декабре превратилась в штаб восстания в Нижнем и в Сормове. Сюда приносили оружие; отсюда направлялись боевые силы с этим оружием. Здесь обсуждали вести о ходе восстания. Рассказывали героические случаи, как отстреливались от

[1] Заголовок дан редакцией. *Ред.*

царской артиллерии старой пушкой, которую втащили на колокольню; как одной бомбой смельчаки убивали целые группы из карательных отрядов известного палача генерала Минха. Энтузиазм восставших был неописуем.

Но силы были неравны. Восстание и в Сормове, и в Нижнем было подавлено.

На другой же день ко мне в квартиру ворвался отряд жандармов — человек 12 набросились на меня, схватили за руки, чтобы я не мог стрелять, и арестовали.

В тюрьме я нашел многих своих товарищей. Сначала мы протестовали против ареста, ссылаясь на октябрьский манифест царя о свободе слова, печати, собраний. Но, конечно, мы делали это ради формальности, так как понимали, что началось наступление контрреволюции и октябрьский манифест явился простым клочком бумаги...

Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960, с. 39—41

Н. Н. Накоряков

ТРИ ДНЯ «КАЗАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»

Это было в Казани 17 октября 1905 года.

В университете состоялся митинг. Интерес к нему был необычайный. На митинг шли не только студенты, но и массы простого люда.

Царским властям показалось это опасным, и университет был осажден полицией и казаками.

Когда осажденные участники митинга вырвались из стен университета, то они не расходились, дефилировали вдоль улиц города под зорким наблюдением казаков и полиции.

В толпе демонстрантов раздавались возгласы по поводу гарцевавших на лошадях казаков.

Я видел, как некоторые студенты привязывали красные платки к тростям и размахивали ими. Казаки летят галопом в толпу демонстрантов, а флажков уже нет, да и люди из этой группы рассеивались кто куда.

В рядах демонстрантов, очевидно, оказался провокатор, который бросил небольшую бомбу в отряд казаков. Взрывом никого не убило, не ранило, лишь лошади, шарахнувшись, выбросили из седел нескольких казаков.

Однако взрыв взбудоражил людей. Толпа хлынула потоком к месту взрыва... И тут-то раздались залпы по народу с двух сторон...

Большинство демонстрантов сразу не поняло, в чем дело. Люди метались... И только визг пуль над головами и кровь раненых отбросили народ к переулкам.

Центр города, где произошло это кровавое событие, сразу опустел. Магазины моментально закрылись. Было прервано даже заседание окружного суда. Зато окраины города ожили. Казалось даже, что люди стали как-то ближе друг другу. Знакомые, незнакомые, русские, татары, евреи останавливались, взволнованно говорили о случившемся, о жертвах. Я лично слышал, как отставной седой чиновник со слезами на глазах рассказывал о девушке, выбежавшей за ворота посмотреть на демонстрантов и сраженной пулей. А татарин-извозчик на ломаном языке кричал:

— Собака царь, собака казак, собака всякий светлай пуговица!.. Пошто народ стрелял, лошадь убивал, девчонка-ребенка ранил?.

До глубокой ночи на окраинах встречались толпы жителей... Казачьи наряды подъезжали к ним и спрашивали:

— Вы чего же, господа, не спите?..

— Проваливайте, проваливайте, кровопийцы...— раздавалось в ответ.

Окраина негодовала. Росло возмущение и среди той части населения, которая еще недавно, не понимая, осуждала революционеров.

«Чистая» же публика — городская интеллигенция — писала протесты, посылала депутации к губернатору, начальнику военного округа и т. д. и т. п.

Даже городская дума, на две трети состоящая из купцов, послала протест премьер-министру Витте против действий войск и губернатора.

И вот вышел неожиданный манифест... В городе он стал известным 18 октября утром.

Теперь всем ясно, что

> Царь испугался, издал манифест:
> «Мертвым свобода! Живых под арест!»

А тогда он поразил, привел в замешательство многих людей...

Я помню заседание Казанского комитета РСДРП, на котором среди других присутствовали представитель ЦК РСДРП Иван Адамович Саммер, члены комитета В. В. Адоратский, С. Лозовский, Н. И. Дамперов, А. И. Кулеша. Ознакомившись с царским манифестом, мы критиковали его неопределенность. Много говорили о «соотношении сил», которые обеспечивают свободу и демократию, спорили о том, прекратить ли стачку или продолжать ее.

Утром 18 октября члены нашего социал-демократического комитета, все, как один, разносили по районам и расклеивали на заборах свой экстренный листок по поводу манифеста. Толпы бастовавших рабочих, жители окраин шли в город с красными знаменами, под лозунгами «Да здравствует свобода!». Кто дал этот призыв к массовой демонстрации?.. Кто вел демонстрантов?.. Конечно, комитет РСДРП...

В передовые ряды демонстрантов влились те десятки людей из подпольных революционных организаций, главным образом большевистского направления, которые являлись уже связующим звеном между отдельными народными потоками и выступили в виде «армии революции», отражающей стремления и порыв этих масс народа.

Среди торжественных звуков «Марсельезы» вдруг раздался клич:

— Товарищи, разоружай полицию, чего смотрите!..

— Свобода!..

Вначале для полиции народные шествия были неожиданными: «запыхавшиеся пристава, околоточные бежали навстречу толпе и «честью просили разойтись, не безобразничать!». Над ними одни смеялись, другие резонно говорили: «Теперь свобода!..»

Потом полиция, сама обескураженная манифестом, мирно шагала перед колоннами демонстрантов. Когда же начали разоружать полицейских, они словно сквозь землю провалились.

Разоружения полицейских часто происходили так. Рабочие подходили к мирно стоящему городовому, окружали его...

— Эй, служивый, покажи-ка, много у тебя в кобуре махорки?..

И, глядишь, кто-нибудь хватает за кобуру, вытаскивая содержимое... В кобуре вместо револьвера часто была пачка, а то и две махорки, а ежели был револьвер, сразу же отбирали.

В других случаях недоумевающий полицейский начинал убеждать, что с ним нельзя шутить, он при «коронной службе», может убить и доложить приставу!

— А приставу ты скажи: его величеству народу полагается по уставу отбирать оружие у полицейских,— отвечали ему.

Одновременно у городового отбиралась и «селедка» (сабля), тоже не без бодрого, веселого балагурства.

— Э, да у тебя всего половина сабли, остальную вши съели,— кричал мастеровой, размахивающий заржавленным обломком клинка.

Разоружали не только городовых, но и офицеров. Даже отняли две-три никуда не годных шпаги у каких-то акцизных чиновников.

В толпе двигался воз, нагруженный отобранным оружием.

А тем временем комитет РСДРП обратился с новым призывом: освобождать борцов за свободу из полицейских участков и тюрем, так как перед этим было много арестов.

Волнующееся людское море заливало улицы и переулки, и наконец люди окружили со всех сторон домишко, в котором помещался участок. Из сотен грудей вырывалось:

— Пристав, выходи! Вы-ходи-и!

Полуодетые городовые, околоточные через заборы и огороды улепетывали. Им улюлюкали вдогонку.

Помню, как трепещущий пристав дрожащим голосом говорил мне, что «ежели по манифесту и закону, то я с народом, только надо бы спросить по телефону прокурора...».

Демонстранты же врывались в участок, брали ключи и выпускали всех, кто сидел в каталажках.

Приведу еще один такой, несколько даже смешной случай. В окраинном участке в кутузке рабочие освободили одного какого-то деревенского мужичка. Вытащили его на крыльцо, а он плачет, трясется весь...

Ему говорят: «Свобода, брат, свобода!» Он шапку мнет и лепечет что-то приставу. Один шустрый парень кричит ему в ухо: «Народ тебя освобождает!..» Мужик обвел всех глазами и вдруг как юркнет с крыльца да в толпу...

Пристав же что-то заговорил о нарушении базарных правил, за которые был якобы посажен мужик. В ответ смех, шутки, крики: «Эй, смотрите, еще нет ли там «базарных» мужиков-то, выпускай всех!.. Пусть и в деревне знают, что здесь свобода!»

Исчезнувший мужичонка вдруг вылез откуда-то на приступо-

чек крыльца, а глаза уже хитро улыбаются, и развязность какая-то появилась...

— Почтенные господа, мир честной!.. Ежели уж свобода, то ослобоните и кобылку-то мою... Она тоже арестована их благородием!..

Толпа так и грянула веселым хохотом!.. Кто-то кричит:

— Свободу и кобылке!

— Ищите ее!..

В одно мгновение находят на полицейском огороде арестованную лошадку, с торжеством выводят во всей сбруе и с телегой.

Мужик от радости даже заплакал... И кобылка, и счастливый мужик влились в колонну.

А в губернской пересыльной тюрьме освобождение заключенных не было таким легким. Начальство препиралось, стращало, требовало распоряжений прокурора. И лишь под угрозой разгрома допустило в тюрьму депутацию для переговоров по телефону с прокурором, а впоследствии и для «отбора» политических к выпуску.

Уже при входе в тюрьму чувствовалось, как страстно все заключенные ждут освобождения... Из окон смотрят серые, истомленные люди. В глазах — ожидание...

У камер политических всех охватывает экстаз братских чувств. Поцелуи, объятия, выкрики о свободе...

На улице многотысячная масса встречает освобожденных буквально громом приветствий, бурей восторга... Они уже подняты на руки над толпой... Говорит один из освобожденных...

Я не знаю, помнит ли кто-нибудь эту речь? Даже сам говоривший? То были не слова, а пучок огненных чувств...

После освобождения политических заключенных все шли к университету. Огромная площадь не вмещала собравшихся... Ораторы выступали с трех-четырех ломовых извозчичьих телег в разных концах.

Говорили то, что чувствовали, призывали проявлять свою народную волю. Собирали средства на вооружение рабочих... Люди клали пятаки, рублевки, десятки, складные ножи, часы, портсигары.

Члены комитета РСДРП приступили к вооружению рабочих, созданию боевых дружин.

...И вот у возов с оружием уже очереди. Нашлись и командиры, специалисты, которые тут же разбирали, сортировали оружие, проверяли револьверы, записывая их номера.

Лязг раздаваемого оружия, глухой шум многотысячной толпы, пение «Марсельезы» — все эти звуки сливались во что-то цельное, воодушевляли.

А Саммер, Адоратский, Лозовский, Дамперов, Кулеша, я и другие члены РСДРП уже обдумывали дальнейшие действия. Как раз в это время происходило заседание городской думы. Решили захватить думу, увлечь за собой часть ее состава, с тем чтобы дума стала центром временного революционного комитета «Казан-

ской республики». Орудием проведения этого плана должна быть революционная демонстрация народа, только что победно прошедшая по всему городу.

В колоннах демонстрантов раздался призыв:

— К думе, к думе, товарищи!..

И вся масса народа двинулась к думе, заполнив перед ней всю большую площадь и все прилегающие улицы.

Кто-то из либеральных гласных сунулся было приветствовать народ, «милостиво освобожденный царем». Но уже многим был ясен смысл манифеста, и из толпы послышались крики:

— Долой, до-олой царя!

Демонстранты горячо приветствовали ораторов, особенно от РСДРП. Большевики в своих речах с балкона думы перед многотысячной массой излагали пункты требований. Могучий, молодой, стальной голос большевика кидал в колонны демонстрантов новые, всем ясные, простые слова:

— Требуете ли вы, чтобы вся старая власть была устранена во всем городе и заменена новой, избранной вами?

— Требуем, требуем! — был ответ.

— Требуете ли вы, чтобы временно власть перешла в руки комитета, составленного из представителей городской думы и представителей известных вам революционных организаций так, чтобы революционеров было вдвое больше, чем членов городской думы?

— Требуем, требуем!

— Требуете ли вы, чтобы все средства городского управления пошли на вооружение народной милиции для защиты свободы от самодержавия?

— Требуем!

— Поручаете ли это дело пока вышеназванному временному комитету?

— Поручаем!..

Городская дума покорно приняла все эти требования и уступила свое место комитету.

...А народ все не расходился, наступила уже глубокая ночь... Назавтра по нашей инициативе назначено народное собрание для утверждения революционных представителей во временный городской комитет.

Вспоминаю, как проходили выборы, вернее, утверждение нового революционного городского управления. Еще недавно жившие в подполье, скрывавшие свое имя и местожительство люди выставлялись открыто как представители революционных партий. Их встречали горячими возгласами одобрения. С переходом власти в руки комитета число стачек выросло. Забастовали даже лакеи, домашняя прислуга. Все слали своих гонцов в комитет. Все в новой власти видели свою родную власть. Слух о новой, негосподской власти, видимо, разнесся далеко за пределы города, ибо уже на третий день в комитет устремились ходоки из ближних деревень. Деревенские «ходатаи» с самого раннего утра стояли с про-

шениями в руках, адресованными на имя «господина главного председателя от народа».

...Началась эпоха трехдневной «Казанской республики».

Власть, «богом поставленная», словно «отошла к богу», как будто сквозь землю провалилась. Около залитого светом здания городской думы кипела жизнь. Огромный вестибюль был полон рабочей и учащейся молодежи, навесившей на себя отобранные у полицейских револьверы и сабли. Большие группы граждан непрерывно приходили и уходили. Всех интересовало, какие вопросы решает заседание комитета. Заседал он в глубине зала, отделенного от вестибюля двумя стеклянными дверями. И приходящим были видны молодые и старые воодушевленные лица. Некоторые из комитета получали мандаты и торопливо с пятком — десятком дружинников скрывались в темноте осенней ночи. А через некоторое время они возвращались с чемоданами, полными оружия...

Вспоминаю и такие факты... Тут же в вестибюле из двух-трех членов комитета составлялся своеобразный трибунал: судили какого-то «светского льва» — инженера за оскорбление женщины. Он был арестован самими жителями и доставлен ими в комитет. Пьяный инженер куражился, требовал «лично знакомого» губернатора, а суд комитета в наказание за дебош постановил конфисковать его новенький браунинг. Публика одобрила решение.

Несколько граждан плотной стеной окружили молоденького члена комитета из профессиональных партийных работников. Они испуганными, тревожными голосами доказывали ему, что для «общественной тишины и порядка» надо сейчас же расставить в городе посты революционеров-дружинников.

Комитету пришлось тут же решать этот вопрос. И через час можно было видеть единственный в своем роде «развод постовых новой милиции». Бывшие студенты, рабочие окрестных заводов навесили сабли, револьверы и в сопровождении одного из членов комитета, восседавшего на конфискованной полицейской лошадке, отправились в «развод» по всему городу. Вскоре они стояли на углах особенно глухих улиц.

В грязных притонах можно было в первую же ночь встретить какие-то темные личности. Слышны были проклятия, призывы перерезать всех революционеров. Как выяснилось, это были «безработные» полицейские чины и содержатели притонов, потерявшие своих посетителей. В дни «Казанской республики» эти учреждения опустели.

Зато народ шел на улицу. Часто на углах улиц возникали своеобразные митинги, обсуждались волновавшие всех вопросы.

Более того, мне помнится, как в первую же ночь в революционный комитет явился сам прокурор судебной палаты. Он был растерян и путано просил о содействии суду и прокурорской власти в преследовании уголовных преступников. Но еще более неожиданное произошло на второй день: распространились слухи, что во тьме притонов готовятся какие-то заговоры, резня, погромы. Это всех беспокоило, и даже начальник военного округа согла-

сился по требованию некоторых «видных граждан» передать в распоряжение комитета роту солдат для несения патрульной службы по городу.

Комитет принял это предложение. Отряды царского воинства полтора дня патрулировали под командой дружинников. У комитета была своя цель: получить возможность влиять на солдат. Воинское начальство принимало свои меры...

Бывшие власти по указанию свыше решительно готовили «переворот». «Ненадежные» войска выводились из города. Из провинции были вызваны казаки, прокравшиеся в город глухой ночью и запершиеся в первой же солдатской казарме. В комитет приходили сведения о тайных собраниях бывших полицейских чинов. Важность этих сообщений мы понимали.

И вот в тиши полицейских застенков и казарм при участии военной и полицейской верхушки был подготовлен заговор против новой, народной власти.

21 октября две роты юнкеров и полицейско-жандармские банды окружили комитет с частью находившихся там дружинников. После часовой перестрелки большинство из нас оказалось в тюрьме.

А в городе с возвращением царской власти затрещали стекла в магазинах, заходили дубинки по головам ни в чем не повинных жителей, начались еврейские погромы, избиения, аресты.

Восстановление царской власти ознаменовалось потоками крови, пламенем пожаров и массовыми разграблениями. Все делалось, чтобы терроризировать революционный народ. Дружинники пытались препятствовать старой власти. Но сила хорошо вооруженных юнкеров, оголтелой полицейской банды взяла верх.

Так кончилась трехдневная «Казанская республика».

Великие, незабываемые дни Сборник воспоминаний участников революции 1905—1907 гг. М., 1970, с. 116—123

Д. Н. Бассалыго

НА БАРРИКАДАХ ХАРЬКОВА

10 октября 1905 года в Харькове тревожно загудели паровозы — то был сигнал к началу забастовки. Движение по железнодорожной линии от Харькова на Москву и Севастополь прекратилось. Стали все харьковские заводы, железнодорожные мастерские, депо; прекратили свою работу высшие учебные заведения, школы, учреждения. Люди массами вышли на улицы.

У заводов, мастерских, на площадях, на Университетской горке шли горячие митинги. В полдень тысячные массы народа двинулись к сахарному заводу... На импровизированных трибунах под красными знаменами выступали большевики, беспартийные рабочие и работницы, студенты, служащие.

К вечеру наэлектризованные толпы народа направились в центр города с песнями: «Вихри враждебные веют над нами», «Слезами залит мир безбрежный», «Смело, товарищи, в ногу», «Дубинушка».

Я, совсем еще молодой человек, никогда до этого не видел таких радостных, решительных лиц. Глаза у всех ярко светились...

Тротуары были заполнены людьми, которые присоединяли свои голоса к поющим, выкрикивали революционные лозунги.

Пройдя через весь город, демонстрация по Екатеринославской улице дошла до центра, где ее встретили казаки.

Боевые дружины, охранявшие митинги, шествия и демонстрации, вышли вперед и развернулись в боевой порядок. Казаки струсили и ускакали прочь.

На другой день все театры, многие учреждения и типографии не работали. Конка стала.

У заводов начались митинги. Вокруг университета, Университетской горки, собора, всех окрестных переулков начали строиться баррикады. Рубили телеграфные и телефонные столбы, выносили из университета скамейки, столы, ящики, тащили дрова и бревна. Весь этот район был изолирован от полиции. Тысячи людей — рабочих, студентов, служащих, учащейся молодежи — заняли его.

К двум часам дня после грандиозного митинга к университету приблизилась многотысячная демонстрация рабочих паровозостроительного завода. Над рядами реяли красные флаги, звучали революционные песни. Демонстрацию возглавляла боевая дру-

жина, шедшая в военном строю. В это же время у Николаевской и Павловской площадей появилась черносотенная демонстрация из переодетых городовых, сыщиков, торговцев и членов «Союза русского народа», организованная полицией и жандармами. Впереди этих черносотенцев грузный торговец нес портрет Николая II.

Демонстрация с красными флагами подошла вплотную к черносотенцам. С их стороны раздались выстрелы. Но боевая дружина мигом смяла черносотенную толпу, торговец свалился под метким выстрелом дружинника, царский портрет был изорван в клочья. Черносотенцы бежали.

Прибывшие с паровозостроительного завода демонстранты прошли за баррикады. Вся Соборная площадь была усеяна разбросанными делами губернского правления, стекла в учреждениях выбиты, телефонное и телеграфное сообщение прервано.

Вечером этого же дня центром революционных событий стал университет. Здесь был создан боевой штаб дружин. Его комендантом был назначен сочувствующий большевикам прапорщик запаса артиллерии по кличке Николай. Помощником его назначили меня (кличка — Дима), связистом — моего младшего брата, Константина Бассалыго (кличка — Воля), заведующим снабжением — большевика по кличке Алексей. Командирами районных дружин были назначены большевики по кличкам Степан и Жук.

Для защиты населения от черной сотни, полиции и хулиганов были организованы отряды народной милиции из созданных до этого массовых дружин. Население горячо приветствовало народную милицию.

Ночью все площади вокруг Университетской горки были оцеплены войсками.

Боевые дружины стояли на баррикадах. Все наши посты менялись по команде, все выполнялось по-военному. Кстати сказать, в боевых дружинах было много солдат запаса, а также немало смелых молодых боевиков.

Среди полиции, жандармерии и военного начальства упорно ходили слухи, что все подходы к университету заминированы и будут взорваны, если войска вздумают атаковать Университетскую горку.

К утру военное командование предложило нам сдаться. Боевой штаб дружин ответил предложением пропустить всех нас с оружием. После повторных переговоров военное командование согласилось пропустить нас с оружием, спрятанным под одеждой, а также поставило условие, чтобы мы разминировали подступы к горке. Мы приняли условия и «разминировали» то, что и не было заминировано. Затем отправились на Скобелевскую площадь, где провели митинг, прошедший с большим революционным подъемом.

13 октября по всему Харькову происходили боевые столкновения рабочих с солдатами и полицией.

14 октября состоялись общественные похороны 15 убитых участников демонстраций. Похороны носили характер демонстра-

ции: были красные и траурные знамена, звучали революционные песни, выступали ораторы от партийных организаций и общественности. В этот день полиции, воинских частей и черносотенцев на улицах не было видно, похороны проходили спокойно и торжественно. Боевые дружины охраняли процессию.

В последующие дни столкновения с полицией продолжались.

После 17 октября и издания манифеста «о свободах» партия продолжала укреплять боевые дружины и повела большую работу среди солдат гарнизона. Результаты скоро сказались. Военное командование задерживало демобилизацию запасных. С согласия комитета большевиков запасные решили выйти вооруженными, с боевыми патронами, и потребовать у командования демобилизации.

Утром к заводу Гельферих-Саде с духовым оркестром, с винтовками, заряженными боевыми патронами, в строю подошел полк, к которому пристроились наши боевые дружины и тысячи рабочих. Демонстрация с музыкой и революционными песнями двинулась в центр.

На Николаевской площади навстречу демонстрации вышел командующий гарнизоном. Он был окружен своим штабом, полицией и войсками. Демонстрация подошла вплотную к генералу. С распростертыми руками он бросился к первой шеренге со словами:

— Братцы! Братцы! Остановитесь, что вам надо?

Представители солдат и большевистского комитета во главе с руководителем харьковских большевиков тов. Артемом (Сергеевым)[1] выдвинулись вперед.

— Немедленная демобилизация! — был твердый и четкий ответ запасных генералу.

— Вот в присутствии господ большевиков даю слово, что с сегодняшнего дня я вас демобилизую,— торопливо говорил генерал.

— Вы всем нам обещаете, что ни один из этих товарищей солдат не будет нести наказания за сегодняшний выход на площадь? — в упор спросил Артем командующего.

— Торжественно, при свидетелях обещаю,— заявил генерал.

Артем продолжал:

— Мы устроим сейчас солдатский митинг и объявим ваше торжественное обещание.

— У нас сейчас свобода, господа большевики, мы против митингов не возражаем,— поспешил ответить генерал.

На митинге Артем оповестил солдат и рабочих о переговорах, на их примере ярко обрисовал завоевания народа и призвал к дальнейшей борьбе до полной победы над царизмом.

Запасные были распущены. Авторитет большевиков в глазах населения и солдат значительно возрос.

---

[1] *Ф. А. Артем* (Сергеев) — член партии с 1901 года. В 1902 году эмигрировал в Париж. В 1903 году — агент «Искры» на Украине. В 1905 году возглавлял харьковскую большевистскую организацию. *Ред.*

Между тем революционное движение в стране разрасталось. Правительство жестоко подавляло восстания солдат и моряков.

В ночь на 12 декабря на заводе Гельферих-Саде были собраны дружины. Должно было состояться выступление двух полков с предъявлением требований к начальству. Полки должны были утром прийти к заводу, но ночью генерал-губернатор неожиданно обезоружил их и арестовал. Завод наш был окружен пехотой, драгунами и взводом артиллерии.

Артем с частью боевых дружин был на паровозостроительном заводе, откуда и должен был выступить с рабочими. На Николаевской площади стояло шесть рот пехоты, два пулемета, две сотни казаков; четыре роты солдат посланы были на вокзал, сотня казаков и одна рота пехоты направлены к тюрьме. Правительство решило раздавить революцию в Харькове.

В боевые дружины завода поступило предложение генерал-губернатора сдаться. Комитет уже получил извещение, что воинские части, на которые мы рассчитывали, арестованы, поэтому мы ответили генералу, что спокойно уйдем, если уйдут войска.

Генерал-губернатор вторично предложил нам сдаться, заявляя, что иначе завод будет обстрелян артиллерийским огнем.

Мы обещали дать ответ через полчаса. Большинство комитета, штаба боевых дружин и дружинников решило драться, не сдаваясь. Но меньшевистская дружина изъявила желание уйти с завода. Ее члены сдали нам оружие, мы выпустили их за ворота, где они были тотчас же арестованы и уведены.

Тем временем посланные генерал-губернатора заявили, что через 10 минут начнется обстрел завода.

Тогда дружинники стали выбивать стекла на втором этаже завода по фасаду, чтобы было удобнее стрелять. Тревожно загудел заводской гудок, давая знать городу о готовности рабочих-дружинников к бою. Войска также подали сигнал к бою. И вот по заводу был открыт огонь, артиллерийский, пулеметный и ружейный.

У нас были винтовки и маузеры, но в очень ограниченном количестве. Наши бомбы бездействовали, так как противник находился от нас за полкилометра. Силы были, таким образом, очень неравны.

В это время в тыл войскам двинулся Артем с рабочей дружиной паровозостроительного завода. По его отряду был также открыт пулеметный и ружейный огонь.

После 24 пушечных залпов, пулеметного и ружейного огня у нас появились раненые, которых тут же перевязывали наши медработники. Но вот наш связист Воля доложил штабу, что позади завода войсковые части сняты. Комитет партии приказал немедленно через задние заборы эвакуировать раненых, а всей дружине уходить. Мне приказано было вывесить на фасаде белый флаг.

Кто-то дал мне белый платок, я нацепил его на длинный шест и в разбитые снарядами ворота выставил «белый флаг».

Пулеметная и ружейная стрельба прекратилась.

Тогда комитет велел мне и коменданту выйти к военному командованию, подольше затянуть переговоры о сдаче, а затем вернуться на завод и уходить вслед за другими через заборы.

Окруженные солдатами, мы прошли через площадь к генералу, который начал говорить о сдаче оружия и бомб. Мы требовали время, чтобы собрать все это, и ставили условие — беспрепятственно вынести наших раненых. Проговорив минут 10, мы потребовали еще 15 минут, получили этот срок и вернулись на завод. Тут уже не было никого из наших, все «эвакуировались» через заборы.

Заняв завод, войска нашли здесь только тех рабочих, которым полагалось быть на заводе по службе.

Все последующие дни в Харькове происходили бои с войсками. Сильное сопротивление оказали рабочие железнодорожных мастерских, дело дошло даже до рукопашных схваток...

Во время восстания сильно поредела партийная организация большевиков, многие из ее членов были арестованы.

Оставшиеся с Артемом рабочие не снижали своей активности. Полиция и жандармы вели усиленную слежку за Артемом, за поимку его была обещана денежная награда. Однако, несмотря на то что он показывался на рабочих собраниях, Артем оставался неуловимым. Он умел поразительно изменять свой вид и уходил буквально на глазах у полиции. Например, его прятали на Сабуровой даче, в доме умалишенных. Дача была окружена войсками, они производили обыски, разглядывали всех больных, а Артем под видом санитара, в белом халате, с самоваром в руках, ушел из помещения.

Целая свора шпиков нагрянула на собрание в земской управе, где выступал Артем. Шпики ликовали, считая, что бесстрашный руководитель харьковских большевиков уже в их руках. Но не тут-то было: Артем, переодевшись в офицерскую форму, благополучно покинул земскую управу. Полицейские, окружившие дом, козыряли ему, а он небрежно отвечал, поднося руку к козырьку.

Незабываемы дни 1905 года. Героический подвиг народа, совершившего первую русскую революцию, останется в веках...

Первая русская. Сборник воспоминаний активных участников революции 1905—1907 гг. М., 1975, с. 243—249

Ф. Н. Петров

БОЛЬШЕВИКИ В 1905-м

18 НОЯБРЯ 1905 ГОДА

В жизни каждого человека, наверно, есть такой день, который нельзя сравнить ни с какими другими. Для меня таким днем является 18 ноября 1905 года — день вооруженного восстания солдат-саперов в Киеве...

Напуганное развитием революционного движения, царское правительство издало 17 октября 1905 года манифест. Царь обещал созвать Думу, предоставить свободу слова, собраний, печати и союзов. Либеральная буржуазия восторженно восприняла эту весть. Помню большую демонстрацию в Киеве, около думы, где городской голова, зачитав манифест, со слезами на глазах говорил о наступивших счастливых днях свободы, о том, что теперь городское самоуправление не будет больше подвергаться надзору администрации, создаются, дескать, прекрасные условия для всего населения.

Но большевики понимали, что все обещания царского правительства являются вынужденными и рассчитанными на обман народа. В. И. Ленин в ряде статей блестяще разоблачил царский манифест. Ильич зло высмеял либералов, которые говорили, что царская Дума сможет принести стране подлинную демократию.

В то же время, следуя указаниям Ленина, большевики стремились использовать отдушину, которую дал манифест, для подготовки трудящихся к дальнейшей борьбе за победу революции.

Иллюзии свободы, связанные с царским манифестом, проникли и в воинские части.

Пришлось вести в этот период много дискуссий с эсерами, меньшевиками, с анархиствующими элементами, разъяснять массам, каким должен быть настоящий путь революционного движения.

* * *

Выполняя решения III съезда партии, киевская военно-революционная организация большинством голосов постановила: поднять вооруженное восстание в городе. Началом восстания должно было явиться выступление саперных батальонов с участием артиллеристов и некоторых пехотных частей.

На саперов мы делали главную ставку. Они были лучше других частей подготовлены к восстанию...

Непосредственной причиной к восстанию послужило такое событие. 16 ноября в 3-й роте 5-го понтонного батальона солдаты, возмущенные издевательским отношением к их бытовым нуждам, подняли бунт и отказались отправиться в караул.

Когда об этом узнала наша военная организация РСДРП, мы решили немедленно провести совещание с участием представителей воинских частей.

На совещании присутствовало 50—60 солдат, главным образом саперы, явились и некоторые офицеры саперной бригады. Было решено 18 ноября устроить вооруженную демонстрацию. В случае успеха она могла перерасти в восстание, и тогда по разработанному плану мы должны были захватить киевские правительственные учреждения, арестовать генерал-губернатора. Тов. Б. П. Жадановскому было предложено руководить военными действиями на случай сражений с верными царскому правительству войсками.

Утром 18 ноября 1905 года саперные части вышли из казарм. К саперам присоединились две роты солдат 125-го пехотного полка и музыкальная команда. Вскоре в числе демонстрантов было не менее 1000 вооруженных солдат.

Двигаясь от Печерска к центру города, мы всюду видели ликование народа. Группы рабочих, учащейся молодежи стали присоединяться к нам, а когда демонстрация приблизилась к чугунолитейному заводу Южно-Русского общества, распахнулись ворота и огромная толпа рабочих объединилась с солдатами. Теперь уже нас было 4—5 тысяч человек. Весть о вооруженной демонстрации с быстротой молнии облетела предприятия города. Бросив работу, рабочие других заводов и фабрик спешили присоединиться к шествию.

Настроение у всех было приподнятое, праздничное. Многие солдаты вышли из строя, некоторые шли вместе с рабочими обнявшись. Проходя мимо Галицкого базара, где возможна засада, я посоветовал Жадановскому отделить войска от невооруженных рабочих и приготовиться к возможным боевым действиям.

И действительно, находившаяся в засаде учебная команда Миргородского полка и полицейские неожиданно открыли стрельбу: сперва по отрядам рабочих-дружинников, а затем и по саперным частям. Наспех соорудив баррикады из опрокинутых киосков и торговых рундуков, саперы открыли ответный огонь, разогнали учебную команду и готовились двинуться дальше, к центру города.

В это время вновь раздались залпы. Власти бросили против нас значительные войсковые силы. В завязавшемся уличном бою многие участники демонстрации были ранены, а несколько человек убиты. Был ранен двумя пулями и я. Тяжелое ранение получил также наш военный руководитель — подпоручик Жадановский.

В бессознательном состоянии я был доставлен на одну из конспиративных квартир. Туда пригласили профессора Волковича, который немедленно произвел операцию и извлек пулю из печени. Вторая пуля так и осталась у меня в области сердца и по сегодняшний день находится там.

Помню, как после операции профессор Волкович ласково посмотрел на меня и сказал:

— Не беспокойтесь, все будет хорошо, а тайну я сохраню, полиция ничего не узнает.

О профессоре Николае Маркиановиче Волковиче я сохранил самые лучшие впечатления и как о своем учителе. Мы встретились спустя двадцать лет на одном из совещаний в Москве. Николай Маркианович работал в Наркомпросе Украины. Мне было радостно видеть, что он тесно связал себя с Советской властью.

Н. М. Волкович напомнил мне, как он выражал свое недовольство тем, что я, работая с ним в Киеве, в Александровской больнице, уделял много времени подпольной работе...

Оказавшись без руководства, восставшие не знали, что дальше делать. Между тем посланные властями казаки и драгуны стали окружать площадь, задерживая распыленные группы саперов. Меньшевики начали уговаривать солдат вернуться в казармы. Когда солдаты это сделали, казармы были окружены правительственными войсками. Участников демонстрации разоружили и многих из них арестовали.

Б. П. Жадановский, так же как и я, был унесен товарищами с поля боя и в течение нескольких недель находился в безопасности за городом. Но полиции удалось выследить его и схватить.

Кровавое подавление выступления саперов вызвало огромное возмущение трудящихся Киева. Особенно волновало всех то, что над саперами правительство хотело учинить расправу: 149 солдат и 4 офицера были привлечены к следствию, разнеслись слухи о передаче их дела в военно-полевой суд.

Так как в Киеве власти ввели военное положение и протестовать легально было нельзя, то по инициативе большевиков начался сбор подписей против смертной казни и военно-полевого суда над саперами. Было собрано несколько тысяч подписей. Это возымело свое действие.

Состоявшийся суд приговорил трех человек к смертной казни, замененной им пожизненной каторгой, в числе их был и подпоручик Жадановский. 23 человека были осуждены на пожизненную каторгу и 63 человека отданы в дисциплинарные батальоны.

Несмотря на поражение восстания в Киеве, оно получило высокую оценку Ленина. Владимир Ильич указывал на необходимость еще более тесной связи между рабочими и солдатами в борьбе за победу революции. В статье «Умирающее самодержавие и новые органы народной власти» В. И. Ленин писал: «За морским сражением в Севастополе следуют, без всякого перерыва, сухопутные сражения в Воронеже и Киеве. Вооруженное восстание в этом последнем городе делает, видимо, еще шаг вперед, шаг к слиянию революционной армии с революционным пролетариатом и студенчеством»[1].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 123. *Ред.*

* * *

...В ответ на бесчисленные репрессии и террор до конца 1906 года в армии произошло 21 восстание, 230 революционных выступлений, охвативших 121 тысячу солдат. В 1905 году подпольную работу вели 64 социал-демократические военные организации, в большинстве своем руководимые большевиками. Эти организации в подпольных типографиях выпускали более 40 газет, тираж которых часто доходил до 20 тысяч экземпляров.

Под непосредственным влиянием всероссийской октябрьской политической стачки произошло восстание в Кронштадте 26—27 октября 1905 года. В этом восстании проявился мощный взрыв возмущения солдат и матросов лживым царским манифестом 17 октября.

СРЕДИ ПОЛЬСКИХ ТОВАРИЩЕЙ

Между киевской и варшавской военно-революционными организациями были довольно тесные связи. Едва я после ранения и операции пришел в себя, как товарищи позаботились спрятать меня подальше от киевской жандармерии. Они воспользовались нашими связями с Варшавой и переправили меня туда.

Польские революционеры-подпольщики приняли меня исключительно тепло, окружили заботой и вниманием, сумели даже поместить в больницу, на Электуральной улице. А когда я выздоровел, варшавские друзья подыскали мне конспиративную квартиру. Вскоре я вновь включился в работу.

Некоторое время спустя я был назначен ответственным организатором военно-революционной организации Польши и Литвы. Эта организация была связана с Петербургским комитетом РСДРП и Главным правлением социал-демократии Польши и Литвы. Я редактировал подпольную газету «Солдатский листок», писал прокламации, организовывал массовки русских рабочих и солдат. В ту пору мне довелось близко познакомиться со многими видными деятелями польской революционной социал-демократии. Часто встречался с товарищами Ф. Э. Дзержинским, Б. Весоловским, Ю. Мархлевским, Л. Тышко, Ф. Я. Коном. Особенно сблизился я с Болеславом Весоловским [1]. Мне приходилось нередко совещаться с ним, как с представителем Главного правления социал-демократии Польши и Литвы (СДКП и Л) и членом Варшавского комитета партии, по вопросам издания военно-революционной литературы. Неоднократно мы вместе выступали на рабочих собраниях в различных районах Варшавы.

Товарищ Весоловский, отдавая все силы борьбе против царизма, не мыслил себе победы польского пролетариата без тесной

[1] *Ф. Кон, Ю. Мархлевский, Л. Тышко, Б. Весоловский* — видные деятели польского революционного движения. *Ред.*

связи с революционным движением во всей России. Позже, в период пребывания В. И. Ленина в Кракове и Поронине, Весоловский с группой деятелей польского подполья бывал у Ильича.

В 1906 году в Варшаве было много революционно настроенных русских рабочих. Мы привлекали их к участию в кружках и к революционной пропаганде среди солдат. Нам удалось наладить связь с инженерными частями и даже создать два кружка в Петербургском и Волынском гвардейских полках, находившихся в Варшаве. Была установлена связь и с частями в Лодзи, в Ново-Георгиевской и Брестской крепостях и в других районах так называемого Царства Польского и Литвы.

Варшавская военно-революционная организация была для того времени весьма многочисленна. На наши собрания за городом, около реки Вислы, в зарослях, приходило по 200—300 солдат. В организации было создано несколько боевых групп для охраны этих собраний и ликвидации провокаторов и шпионов.

Настроение многих участников организации было сверхбоевым. Помню собрание или, вернее, конференцию, которая проходила в Варшаве на улице Лешно. Ф. Э. Дзержинский сделал доклад о событиях, происходящих в России, о революционном волнении среди польского рабочего класса. Я сообщил о настроениях солдат Варшавы, Лодзи, Пестракова, Гродно, Вильно и ряда других гарнизонов. Артиллеристы Варшавской цитадели, сказал я, предложили захватить орудия крепости, направить их дула на генерал-губернаторский дом, разгромить его, занять все административные центры города, объявить Варшавскую республику и двинуться на дальнейшую революционную борьбу с самодержавием.

Этот «план» многие горячие головы встретили с восторгом и готовы были голосовать за него. Но товарищи Дзержинский и Мархлевский выступили против локального вооруженного восстания, их поддержал тов. Весоловский. Я в своем выступлении сказал, что военно-революционная организация, имеющая связь с Петербургским комитетом партии, получила ленинское указание — не поднимать локальных восстаний солдат, так как после поражения Декабрьского вооруженного восстания в Москве обстановка требовала накопления и сохранения революционных сил.

Было принято решение: разъяснить рабочим и солдатам, что сейчас нецелесообразно начинать восстание.

Однако военно-боевая работа продолжалась. Ее оборвало такое событие. В конце 1906 года в доме на той же улице Лешно проходило совещание представителей ряда военных организаций. Неожиданно дом окружили воинские подразделения и полиция. Двери были крепко закрыты, поэтому мы имели возможность быстро уничтожить все нелегальные документы, а боевикам предложили выбросить оружие в окно. С большой неохотой расставались они со своими браунингами и маузерами. Только мы закончили это, как дверь была взломана и в квартиру ворвались со штыками наперевес солдаты, полицейские и, как всегда, «люди в гороховом пальто» — сыщики.

После тщательного обыска всех участников совещания арестовали и препроводили в Варшавскую цитадель. Меня поместили в 10-й павильон. Он отличался не только своим суровым режимом: почти каждую ночь в течение моего девятимесячного пребывания в павильоне из его камер выводили заключенных на смертную казнь. Тяжело было слышать, как среди ночи доносились возгласы: «Прощайте, товарищи, иду на смерть!» — или раздавались крики, полные ужаса.

Следствие первоначально вел жандармский полковник, который имел обыкновение вызывать на допросы ночью. Он старался путем неожиданных вопросов получить от меня сведения о работе военно-революционной организации и о товарищах по подпольной деятельности. Когда я заявил, что отказываюсь отвечать на его вопросы, он стал топать ногами и угрожать применением пыток.

Товарищи, находившиеся на свободе, привлекли для нашей защиты лучших варшавских адвокатов (Кронфельда, Патека), и, очевидно, их вмешательство спасло меня и других подследственных от пыток.

Великие, незабываемые дни. Сборник воспоминаний участников революции 1905—1907 годов. М., 1970, с. 53—62

Н. Н. Чувпило

ГОРЛОВСКОЕ ВОССТАНИЕ

После окончания начальной школы я три года занимался самообразованием. С помощью старшего брата Василия Чувпило и двоюродного Михаила Ивановича Кольченко — членов РСДРП — стремился расширить свой кругозор. Четырнадцати лет поступил на завод фирмы «В. Фицнер и К. Гампер» (ныне Краматорский машиностроительный завод) учеником слесаря. Там же работали и мои братья.

Большими группами на завод приезжали студенты-стажеры, которые в заводском театре «ЭРА» организовали кружок самодеятельности. В этом кружке участвовали и мы, подростки. Позднее из членов кружка выделилось несколько студентов-рабочих, из которых краматорская организация РСДРП создала социал-демократический кружок. Его посещали мои братья, а с ними и я.

Однажды, когда мы, несколько учеников завода, сидели у реки с удочками, к нам подошли наш рабочий Константин Каплин и с ним старик, который достал из корзинки какой-то сверток.

— Ребята,— сказал Каплин,— вам уже говорили, что надо распространить революционные листовки. Вот старик скажет вам, когда, где и как их распространить.

Летом 1905 года под различными предлогами — купания, рыбной ловли — довольно часто устраивались выезды на реку Северный Донец и Торец, где проводились собрания.

18 октября 1905 года большой митинг состоялся на нашем заводе. Выступали представители московской организации РСДРП, призывавшие рабочих не верить царскому манифесту и начать забастовку. Директор Штепа и урядник Есауленко, чтобы успокоить рабочих, решили организовать молебен в честь царя, даровавшего народу «конституцию».

Члены РСДРП решили сорвать молебен, на который полиция сгоняла рабочих силой. Охрана бдительно следила за порядком, но люди лишь делали вид, что молятся.

Когда поп провозгласил: «Императору нашему многие лета!» — старый рабочий Григорий Журба демонстративно разорвал портрет царя и стал топтать его ногами. Другой рабочий, Лука Яндовский, поднял красное знамя и крикнул: «Долой самодержавие! Да здравствует революция!», запел «Марсельезу», ее подхватили почти все рабочие.

Молебен был сорван, полицию разогнали прибывшие вооруженные рабочие, пристава и урядника арестовали, у полицейских отобрали оружие.

В этот же день из Славянска вернулся мой брат Василий. От него мы узнали, что и в Славянске власти попытались организовать молебен в честь царя.

На Соборной площади города собрались тысячи рабочих и крестьян окрестных сел. Член РСДРП студент Николай Коршунов открыл митинг. Манифест царя он назвал обманным, призывал вооружиться, отбирать оружие у полицейских, жандармов, отказываться платить налоги, не давать рекрутов в царскую армию. На речь его горячо отозвались участники митинга. Когда Коршунов и его друзья, члены РСДРП Колтунов и другие, шли с митинга, их подстерегли и убили черносотенцы.

Против зверского убийства гневно протестовали рабочие, учащиеся. Состоялся митинг. Тут уж черная сотня действовала вовсю. Митинг разогнали. Вскоре началась расправа над рабочими нашего завода. Многих арестовали и посадили в тюрьму. Однако революционное настроение рабочих не падало.

13 декабря в Краматорске был избран Совет рабочих депутатов, создан боевой стачечный комитет во главе с членами РСДРП Курако, Граченко, Рудневым и другими. Было постановлено: отчислить однодневный заработок рабочих на закупку оружия для дружинников. Бомбы, пики и другое холодное оружие решили изготовить силами рабочих.

Стачечный комитет сформировал два отряда дружинников, машиностроителей (командир отряда член РСДРП Иван Зайцев) и металлургов (командир Соколов).

14 декабря дружинники обезоружили и арестовали краматорскую полицию и жандармов, освободили из тюрьмы арестованных организаторов митинга. 15 декабря Совет рабочих депутатов овладел почтой, телеграфом и банком.

В тот же день краматорская боевая дружина обезоружила и арестовала в Славянске полицейских и жандармов. В боях захватила винтовки и патроны. Краматорцы — машиностроители и металлурги — объявили забастовку.

На общезаводском митинге студент Кратковский от имени стачечного комитета огласил главные требования рабочих: увеличение заработка на 25 процентов, введение 8-часового рабочего дня, открытие школы для детей, открытие публичной библиотеки. Охрану завода и поселка Совет возложил на боевую дружину.

Бурлящий котел представляла в эти дни Горловка. С утра до ночи шли митинги и собрания. Горловка с близлежащими шахтами, рудниками и механическим заводом была крупным экономическим районом Донбасса. Каждая шахта и завод имели свои железнодорожные ветки. Рабочий поселок насчитывал до 10 тысяч человек. Узловой промышленный центр Горловка одновременно стал революционной цитаделью Донецкого бассейна.

Боевые пролетарские организации по руководству революцион-

ным движением были созданы в Горловке, Краматорске, Гришине, Авдеевке, Дебальцеве и других пунктах. К октябрю — ноябрю уже действовали стачечные комитеты, Советы рабочих депутатов, профсоюзы.

В состав Горловского боевого стачечного комитета (БСК) входили учитель А. С. Гречнев-Чернов, Морозов и другие.

Еще 9 декабря в Горловке был избран распорядительный комитет. Железнодорожный узел, почта, телеграф, банк были в руках комитета.

Заводчики и шахтовладельцы тем временем добились присылки войск. 12 декабря на станцию Горловка прибыла 5-я рота Таганрогского полка. В тот вечер военные власти пытались занять вокзал и «водворить порядок».

Распорядительный комитет потребовал от генерал-губернатора немедленно убрать войска.

Революционному накалу среди рабочих способствовали провокационные действия заводчиков. Директор Горловского механического завода Лоэст объявил, что сокращается производство, снижается заработная плата рабочих. На заводском собрании большевик Зубарев-Кузнецов призывал не соглашаться с приказом директора. Рабочие послали к нему делегатов для переговоров. Руководил делегацией Зубарев-Кузнецов.

Директор вызвал полицию и войска. А рабочие тем временем заняли контору завода и задержали директора.

Вскоре войсковая часть и полиция окружили завод. Капитан роты драгун Угринович потребовал в течение десяти минут очистить территорию завода, освободить директора и выдать вожака рабочих Кузнецова-Зубарева. Одновременно директор завода объявил, что согласен удовлетворить требования рабочих. Спустя 25 минут переговоры были завершены. Однако, когда рабочие стали покидать контору, направляясь в цехи, полиция с обнаженными шашками бросилась на них. Рабочие отразили атаку.

На помощь полиции пришли драгуны. Без предупреждения они дали несколько залпов. Силы были неравные. Рабочие вынуждены были покинуть территорию завода, оставив убитых и унося раненых, в числе последних и Кузнецова-Зубарева.

В результате провокационных действий полиции и драгун было убито 9 и ранено 13 человек. Кузнецову-Зубареву ампутировали левую руку выше локтя.

Расстрел безоружных рабочих Горловского машиностроительного завода вызвал всеобщее возмущение и гнев рабочих Донбасса. Боевой стачечный комитет тотчас телеграфировал во все концы Донецкого бассейна:

«Взываем о немедленной помощи!»

В течение вечера 16-го и в ночь на 17 декабря в Горловку стали прибывать боевые дружины, в том числе и мы из Краматорска под командой слесаря Ивана Зайцева. Как я потом узнал, прибыло 8 поездов с дружинниками и санитарными отрядами, всего около 4 тысяч. Из них только 160 человек имели винтовки, 560 — охот-

ничьи и другие ружья и самодельные бомбы. Остальные вооружились холодным оружием.

Командиры дружин собрались в здании вокзала и избрали штаб, который занялся разработкой плана наступления. Решено было дожидаться прихода хорошо вооруженных дружин из Гришина (Красноармейск) и Авдеевки. В 7 часов утра 17 декабря оттуда прибыли поезда с дружинниками. Командирами их были Дейнего, Нина Доброва, Морозов и Новиков.

В зале второго класса станции Горловка состоялось короткое совещание штаба. Решили немедленно наступать на казармы драгун. Дружины заняли исходные боевые позиции. Основные их силы расположились в надшахтном здании за эстакадами и отвалами породы, против казарм.

Два отряда, которыми командовали учитель-большевик А. С. Гречнев — Чернов и штейгер Гуртовой, двинулись по Садовой улице, заняли дворы, прилегающие к казармам.

Краматорские дружинники вошли в состав отряда Гречнева. Мне поручили во время боя подносить боеприпасы.

Сигналом к общему наступлению послужил поджог деревянных конюшен драгун.

Отряды Гречнева и Гуртового открыли огонь по казарме, а цепи гришинского и авдеевского отрядов под командованием Дейнего перешли в наступление (Дейнего и Нина Доброва были убиты). Засвистели пули дружинников с эстакады и отвалов.

Казармы оказались под перекрестным огнем. Драгуны бросили лошадей, в одиночку и мелкими группами прорывались через цепи дружинников, убегая в степь. Много было убитых и раненых. Разбита казарма, захвачен дружинниками конный двор с лошадьми. Но и сами дружинники несли большие потери, пострадал почти весь командный состав.

На подавление горловского вооруженного восстания помимо драгун, жандармов и полиции вызвали воинские части. Они ударили по слабому месту восставших — Горловскому вокзалу — с восточной стороны. Здесь находились слабо вооруженные рабочие и санитарные отряды. Толпами бродили вокруг безоружные дружинники. Войска оцепили вокзал, в ответ на стрельбу открыли сильный огонь. Трижды дружинники отбивали атаки, помогали им женщины и дети, но силы были неравными. Дружинники вынуждены были сдаться.

Дружины, занимавшие здание шахты и эстакаду, продолжали отстреливаться, отступая к поездам, в которых приехали в Горловку. Наши дружины были отрезаны войсками. В 4 часа дня 17 декабря наиболее организованная часть дружинников, захватив убитых и раненых, покинула Горловку.

В боях с царской пехотой и драгунами оставшиеся дружины проявили высокую организованность и боеспособность. Вскоре явились вражеские парламентеры с предложением сдаться под угрозой беспощадного артиллерийского обстрела, расстрела пленных, уничтожения всех наших огневых точек.

В свою очередь дружинники послали своих парламентеров с целью затянуть переговоры, обеспечить отступление. Но парламентеры возвратились ни с чем. В это время ружейная и пулеметная стрельба прекратилась, слышались лишь одиночные выстрелы, потом все стихло. Наш наблюдатель сообщил, что враги идут в наступление. Их подпустили близко, встретили сильным ружейным огнем. Было брошено несколько бомб. Однако стало ясно, что бой возобновится. Командование вторично послало двух дружинников в неприятельский стан для переговоров. В результате были приняты следующие условия: 1) обе стороны отпускают всех пленных; 2) разрешается забрать всех убитых и раненых, для этой цели в распоряжение дружинников предоставляется несколько классных вагонов и паровозов; 3) гарантируется всем дружинникам полная свобода; 4) оружие дружинников подлежит немедленной сдаче.

Переговоры не привели бы и к таким результатам, если бы враги доподлинно знали, как малы наши силы. Когда пленные дружинники были освобождены, станцию Горловку заняли царские войска. Из станционных помещений никого не выпускали. Обыскивали всех подозрительных. Я, как подросток, особого подозрения не вызывал. Поэтому помогал перевязывать раненых, приносил воду промывать раны и для питья. Рукава и полы моей одежды были в крови. Послышалась хриплая команда:

— Всем выстроиться на перроне вокзала.

Тут и меня потащили на перрон. Пошли разные разговоры. Говорили, что будет заседать военно-полевой суд. Погромщик и черносотенец пристав Немировский произнес перед собравшимися ура-патриотическую речь, в которой обвинял евреев и РСДРП в злодействе и посягательстве на царскую власть, на порядок и спокойствие в государстве российском.

Затем Немировский приказал спеть «Боже, царя храни». Пели нестройно, как-нибудь, слова не произносили внятно, что-то мурлыкали себе под нос. Пристав был недоволен. Последовала команда:

— Разойдись!

Казаки, драгуны, солдаты и полицейские, несмотря на большую их численность, в поселок Горловку не заходили, боялись рабочих и шахтеров. Они ушли за пять верст, в сторону ртутного рудника. Четыре дня Горловка была без всякой власти.

21 декабря в поселке появился отряд земского Красного Креста. Начали убирать трупы. В этот же день в Горловку вошли царские войска. Начался разгул полицейского террора и преследований.

...А в Краматорске продолжала бушевать революция. На высоких трубах доменного цеха и других цехов завода реяли красные знамена. Власть все еще оставалась в руках восставших. 17 декабря царское правительство бросило на подавление горловского восстания 24-й казачий полк, стоявший в Харькове. Поезд следовал по Курско-Харьковской железной дороге, через Краматорск.

Дружинники Краматорска получили донесение связного П. Н. Гулько о движении казаков. Машинисты Ведь, Цинько и другие, узнав о карателях, взяли резервный паровоз из Славянского депо и с помощью дружинников подорвали пути у деревни Шпичкино. Эшелон с войсками пошел под откос, был обстрелян дружинниками Краматорска с Меловой горы.

После тяжелых и упорных боев в Горловке краматорские дружинники вернулись домой... Они привезли убитых и раненых. Из 132 уехавших вернулась только половина. Раненым дружинникам начальник доменного цеха Курако отдал свою квартиру. К ним тайно ходил врач-хирург Иван Потебня.

Район вооруженного восстания объявили на военном положении. Генерал-губернатор Сандецкий, командовавший карательными войсками, предупредил, что не остановится перед любыми жертвами для подавления «мятежного движения».

После поражения горловского восстания в Краматорск были введены казачьи части харьковского охранного полка под командой майора Зелинского и сотня ротмистра Годова. Даны установки и инструкции карателям.

Начальник изюмского уездного жандармского управления сообщал Зелинскому и Годову о приказе харьковского губернатора навести порядок и спокойствие в Краматорске, выявить среди рабочих и мастеровых неблагонадежных лиц, участников вооруженного бунта на месте, а также на шахтах Горловки; занести означенных в черные списки, которые будут положены в основу дальнейшей работы по судебному разбирательству.

В случае каких-либо дальнейших выступлений со стороны рабочих губернатор приказывал применять любые меры усмирения.

В конце февраля 1906 года полиция арестовала многих рабочих. Не появлялся в цехе и Григорий Иванович Петровский, прежде работавший на заводе. Позже мы встретились с ним в енакиевской библиотеке.

Григорий Иванович хорошо знал Дейнего, Морозова, Доброву и других, погибших в революцию 1905 года. Мне он сказал:

— Ты, Николай, помнишь, в Краматорске на рыбалку я с Костей Каплиным приходил, с корзиной прокламаций; говорил вам, когда, где и как распространить листовки. Вас было три рыбака-подростка, потом я проверил и установил, что вы молодцы — все сделали как надо.

— Григорий Иванович,— воскликнул я,— да ведь это же был старик с бородой, дряхлый!

— Не старик, это был я, загримированный...

Несмотря на массовые аресты, у нас на заводе усиленно готовились к Первому мая...

Великие, незабываемые дни. Сборник воспоминаний участников революции 1905—1907 годов. М., 1970, с. 157—164

Н. Пыжов

ВОССТАНИЕ В ВЕЛИКИХ СОРОЧИНЦАХ [1]

Меня разбудил мой хозяин, тревожно повторяя:

— Вставайте, вас просят в волость. Скоро будут казаки.

Я быстро оделся и вышел. На площади уже собралось больше 1000 человек. Проходя мимо толпы, я заметил, что крестьяне прячут свое «орудие» под полами тулупов, вследствие чего получалось впечатление, что все присутствующие на площади безоружны.

На крыльце волостного правления стояли уполномоченные и несколько товарищей из революционного кружка. Герасим Муха, обладающий самыми точными сведениями о положении дел, в кратких словах сообщил мне о движении неприятеля.

Переночевав на хуторе, казаки рано утром направились в местечко. Но дорогу так занесло, что казачьи лошади большей частью шли по брюхо в снегу. Вследствие этого отряд двигался очень медленно. Наша конная стража следила за движением отряда на таком расстоянии, что можно было простым глазом видеть, какие трудности он преодолевает, передвигаясь к местечку.

— Но через час уже казаки могут появиться на площади,— уверенно закончил Муха...

Спросил я об огнестрельном оружии.

— Вот все оружие, что держат под полами тулупов,— указал рукою на толпу Герасим.— Ничего не удалось найти...

Кто-то из толпы окликнул Муху.

Он быстро сбежал с крыльца.

Через минуты две возвращается и вполголоса мне сообщает:

— Некоторые хотят в первые ряды поставить богатеев. Пускай в них первых, говорят, казаки стреляют, чтобы они тоже отведали пуль. Как вы?

[1] Заголовок дан редакцией. Село Великие Сорочинцы находилось в Миргородском уезде Полтавской губернии.

Поводом к восстанию явился арест 17 декабря 1905 года за революционную агитацию учителя Г. А. Безвиконного. Возмущенные крестьяне взяли под стражу пристава и урядника, над волостным правлением был поднят красный флаг, избран комитет в составе Н. М. Козиленко, Г. Н. Мухи, Ф. П. Вильченко. На следующий день появился карательный отряд казаков, потребовавший освободить пристава. Крестьяне (около 5 тысяч) отвергли это требование, каратели открыли огонь, 8 человек погибли, свыше 50 было ранено. 21 декабря в Великие Сорочинцы прибыл новый карательный отряд, многие восставшие были избиты розгами, 19 человек арестованы. *Ред.*

— Не надо этого, Герасим Николаевич. Они, во-первых, произведут суматоху, как только подъедут казаки, и, несомненно, перебегут к ним, расстроят наши ряды. Во-вторых, богатеи не будут защищать нашу свободу, наши права. Убедите товарищей, что не следует этого делать.

— В первые ряды просятся солдаты с японской войны и новобранцы. Так я их и поставлю туда, ладно?

— Вот это хорошо.

Муха прошел в центр толпы, которая к этому времени стянулась и почти умолкла.

Слышатся неясные возгласы руководителей. Толпа отливает из центра площади и заполняет узкую улицу, примыкающую к площади с левой стороны...

Казаки не избрали местом прорыва к волостному правлению широкое пространство площади, на противоположном конце которой стоит здание волостного правления, а намеренно появились на узкой улице слева от площади...

Впереди отряда едут сани с одним седоком в огромной офицерской шубе-шинели. По бокам отряда несколько офицеров...

Расстояние между толпою и отрядом быстро тает. Вот уже с десяток саженей.

Не останавливают лошадей. Гонят прямо на толпу. Разделились на две части, впуская в центр отряда сани. Уже сажени четыре. Лошади рвут копытами снег и бросают большие комья в стороны. Видим ясно здоровые, красные лица казаков.

Все замерло на площади. Тихо, как в могиле.

Блеснуло что-то впереди толпы.

Лошади вздыбились. Казаки их слегка осаживают назад. Крестьяне переднего ряда без команды, но дружно и одновременно протянули впереди себя вилы. И так застыли.

Отряд прибыл численностью в 80 человек под командованием полковника Бородина. Всего было в отряде, насколько помнится, 4 офицера, в том числе и командир.

Смотрим: огромных размеров человеческая фигура с трудом медленно выходит из саней.

— Барабаш приехал! — слышу на крыльце. Вглядываюсь в лицо, закутанное в башлык. По большой темно-русой бороде узнаю своего давнишнего гонителя.

Барабаш, выйдя из саней, приблизился немного к толпе и на несколько мгновений остолбенел. Крестьяне твердо держат протянутые вперед вилы. Весь первый ряд, человек 30, преградил дорогу казакам.

Раскутав лицо, Барабаш начинает что-то говорить толпе. Не подходит ближе. Раздраженно машет руками, топчется на месте. На лице выражение угрозы. Крестьяне — ни звука...

Оказалось, что Барабаш, не добившись согласия пропустить его в волостное правление, бросил в толпу:

— Скажите вашим вожакам, чтобы пропустили меня.

После этого и прибежал гонец.

Я советуюсь с товарищами, стоящими со мною на крыльце. У всех нас блеснул луч надежды.

— Надо, надо пропустить. Может быть, что-нибудь новое предложит.

Бежит гонец обратно. Смотрим: Барабаш садится в сани. Я встрепенулся.

— Не пропускайте в санях! Пускай пешком идет!

Толпа подхватила мои слова. Передние ряды, получив новое распоряжение, не шевелятся. Барабаш, сидя в санях, что-то кричит в толпу.

Бежит новый посланец:

— Требует, чтобы пропустили сани.

— Если хочет, пускай идет пешком. Не пропускайте саней. Казаки хотят прорваться за санями Барабаша.

Мое мнение разделяют окружающие меня. Барабаш выходит из саней и медленно приближается к переднему ряду. Крестьяне в центре ряда осторожно, не опуская вил, отводят их в сторону и уступают на время очень узкую щель для врага. Барабаш не может пролезть. Крестьяне осторожно расширяют щель. Только Барабаш прошел сквозь первый ряд, крестьяне моментально привели вилы в прежнее положение.

Очень медленно толпа расступается, давая дорогу восьмипудовой чудовищной фигуре Барабаша.

Он без помощи других не может взойти на крыльцо. Двое крестьян, с заметным отвращением на лице, подталкивают его. Взошел. Не глядя ни на кого, просит показать ему, где находится становой пристав.

Кто-то выкрикивает:

— Он сидит в холодной... пока нашего не выпустите!

— Проведите его в арестное помещение,— говорю кому-то из окружающих, кивая головою на Барабаша, который с трудом ворочает бычьей шеей. Видимо, не может сразу осмотреться, затрудняется взять верный тон.

Я еще ни разу не взглянул на врага, стою за его спиной и стараюсь перебрать в уме все возможные побуждения Барабаша, приведшие его к рискованному шагу — пробраться через толпу в волостное правление. Эти мысли всецело овладели мною.

— Будет! Прекрати разговор! Товарищ оратор, он о казаках говорит!

Я подбегаю к караульному помещению. Барабаш, уходя от решетки, бросает на ходу приставу какие-то слова.

Не замечая меня, он обращается к крестьянам. Говорит о том, что они нарушили законный порядок и что могут понести за это тяжелую кару... Он продолжает говорить о том, что он получил от высшего начальства приказание взять отряд казаков и, в случае необходимости, силой оружия освободить пристава и восстановить законный порядок.

— Крови нашей захотел! Стрелять будешь в нас? — закричали угрожающе крестьяне и еще теснее сомкнулись вокруг Барабаша...

С хрипотой, выказывающей сильное волнение, совершенно переменив тон, Барабаш говорит:

— Господа, я исполняю только приказание высшего начальства. Но я не хочу проливать крестьянской крови. Я такой же христианин, как и вы...

Мягкий, заискивающий голос, почти дружеский...

Я выхожу на крыльцо со словами:

— Пропустите его.

Крестьяне неохотно размыкают круг.

Барабаш уходит. Долго пробирается через толпу. Говорит о чем-то с командиром отряда. Потом медленно садится в сани и трогается в обратный путь.

Казаки повернули лошадей.

Сани и казаки все скорее и скорее покидают республику. Вот враги скрылись совсем из виду... Толпа пришла в движение. Все хлынули к крыльцу. На лицах всех цветет слово: «Победа!»

Я поддаюсь общему чувству. Говорю тоже о победе, о бескровной победе.

Площадь оглашается громовым ура...

Тем временем казаки, выехав за околицу, остановили для удобства лошадей и с позволения начальства пьют из фляг водку. Затем они скачут обратно на площадь волостного правления, разделившись на две группы.

Первая группа, человек в пятьдесят, во главе с офицером и Барабашем, направилась новым путем к волостному правлению с целью прорваться к нему через широкую площадь в том именно пункте, который при первом появлении казаков оставался незащищенным...

Не успели еще мы с уполномоченными уйти с крыльца, как поднялась тревога. Шум, смятение, отчаянные крики... Крестьянские цепи застыли в середине площади, как только показались казаки.

На границе площади отряд остановился... Послышались звуки сигнальной казачьей трубы. Мы повернули головы в сторону трубача.

— Товарищ оратор! Товарищ оратор! — слышу внизу около крыльца тревожный, прерывающийся голос.— Сбегайте с крыльца: вас хотят убить!..

Раздался залп. Звуки трубы резко оборвались. Пули прожужжали у меня над головою и около правого уха... Ударились в различных местах на крыльце. Второй, третий залп. Сзади, с боков, спереди слышу вскрики раненых. Обернулся к толпе, кричу:

— Товарищи! На подмогу, за мною!

Большая группа крестьян отделилась от толпы. Бежим вместе по направлению к нашим цепям.

Подбегаю. Смотрю вправо. Человек пять крестьян нагнулись и что-то делают над распластанным в снегу около саней телом Барабаша. Две-три палки или дубины поднялись в воздухе и упали на голову Барабаша.

Взгляд на мгновение скользнул на офицера, который стоит саженях в трех от Барабаша на лошади и пытается, дергая за повода лошадь, вырвать из рук женщины уздечку. Старуха левой рукой держит уздечку офицерской лошади, а правой, сжав ее в кулак, грозит полковнику Бородину и что-то с выпученными глазами кричит ему.

Со стороны отряда быстро подскакивает на лошади казак с револьвером в руке и целит женщине прямо в грудь. Выстрелил. Старуха взмахнула руками, как птица крыльями, и тяжело упала навзничь.

Снова залпы...

19 декабря, через несколько часов после расстрела крестьян отрядом Барабаша, когда на широкой площади много раненых еще корчилось на снегу и не были убраны еще трупы, полтавский губернатор князь Урусов распорядился, чтобы срочно был составлен в Полтаве новый карательный отряд для посылки его в Большие Сорочинцы.

Сотня казаков и две пушки были срочно погружены в поезд и отправлены в местечко Большие Сорочинцы. Начальником этого отряда был назначен старший советник губернского правления Филонов.

Отряд прибыл в местечко после полудня 21 декабря.

Весь остаток дня Филонов занимался выяснением «зачинщиков», которое заключалось в том, что казаки врывались вместе с приставом Якубовичем в избы крестьян и по указанию его жестоко избивали мужчин, женщин, стариков и детей...

Избитых до потери чувств беззащитных людей заключали в арестное помещение и по приказанию Филонова в течение суток не давали им ни воды, ни пищи.

На другой день утром Филонов приказал казакам силой согнать крестьян на площадь, где уже были поставлены пушки, обращенные жерлами внутрь площади. Когда крестьяне сошлись на площади, казаки с шашками наголо окружили их.

Филонов начал истязать крестьян лично и с помощью казаков... Во время истязаний толпа по приказанию Филонова стояла на снегу около четырех с половиной часов...

Пыжов Н. Крестьянская республика. Воспоминания руководителя крестьянского восстания 1905 г. в Сорочинцах. М., 1930, с. 49—67

Г. М. Крамаров

ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ

Вооруженное восстание в Ростове было одним из крупнейших в первой русской революции. В ростовских событиях проявился высокий революционный подъем рабочего класса. В течение восьми дней рабочий район Ростова — Темерник, ставший центром восстания, находился в руках рабочих. На Темернике, где жило 10—12 тысяч рабочих, фактически были ликвидированы органы царского правительства. Полиция, жандармерия, все слуги царизма были либо уничтожены, либо изгнаны. Вся власть в эти дни осуществлялась штабом боевой дружины. В зародыше уже существовал и начинал функционировать новый, создававшийся самими рабочими аппарат управления.

А какую беспримерную отвагу, самообладание и организованность продемонстрировала боевая ростовская дружина, совершившая с оружием в руках переход по льду Дона, в тылу противника, из Темерника в Нахичевань, чтобы там продолжать революционную борьбу!

...Учась в седьмом классе гимназии в Петербурге, я был свидетелем и участником шествия народа на Дворцовую площадь 9 января 1905 года. После же расстрела рабочих группа участников шествия двинулась к электростанции, чтобы заставить рабочих и служащих ее бросить работу. По дороге мы заходили в магазины, столовые, требуя их закрытия. В одном из переулков меня схватили полицейские, и через полчаса я оказался в участке. Просидев там месяц, я был исключен из гимназии и выслан на родину в город Азов. Прожив до лета в Азове, я перебрался в Ростов, где сильны были революционные традиции, жива память о знаменитой стачке в 1902 году, проходившей под руководством старейших большевиков С. И. Гусева и И. И. Ставского, а также о грандиозной рабочей демонстрации 1903 года во главе с С. И. Гусевым и С. Ф. Васильченко.

13 октября 1905 года забастовали Главные мастерские Владикавказской железной дороги. Это было самое большое предприятие Ростова, оно насчитывало около 3 тысяч рабочих.

К железнодорожникам присоединились рабочие завода сельскохозяйственных орудий «Аксай», табачных фабрик Асмолова, Кушнарева, Асланиди, бумажной фабрики Панченко и других предприятий. Буквально с каждым часом положение в городе ста-

новилось все напряженнее: шли повальные обыски, все сколько-нибудь заметные работники партии были арестованы. Более того, жандармам удалось обнаружить и захватить подпольную типографию.

В этот же день — 13 октября — группа ростовских социал-демократов, по преимуществу молодежь, направилась на окраину города, где находился небольшой гвоздильный завод Панина. Завод этот еще продолжал работать. Опасаясь агитаторов, администрация заперла ворота. Но она не предусмотрела того, что завод с грязными и душными цехами работал при открытых окнах, из которых доносились на улицу лязг и грохот станков. Постояв у запертых ворот, где дежурили шпики и охранники, мы принялись громко кричать в окна:

— Да здравствует революция! Да здравствует всеобщая стачка!

Услыхав наши возгласы, рабочие зашумели, некоторые остановили станки. Администрация поторопилась вызвать из ближайшего участка полицию. Бросившись врассыпную, мы ушли от преследования и тут же решили действовать по-другому: вернуться с прокламациями на гвоздильный завод и другие предприятия, где продолжалась работа... Только где взять их?!

Договорились, кому и где достать все необходимое для печатания прокламаций.

Ночью в тесной комнатушке сгрудилось около десяти человек. Составили текст, переписали его фиолетовыми чернилами, приготовили на противне похожую на студень массу из желатина и глицерина, приложили к ней текст воззвания... Затем стали прикладывать к ней чистые листы бумаги. Появились первые отпечатки, не очень ясные, но прочитать можно. Вызвавшиеся идти распространять прокламации забрали первую партию и собрались в путь...

...Однако не тут-то было!.. Послышался топот нескольких десятков ног... Все ближе и ближе!.. Удары в дверь... И вот уже в лавчонку с шумом и гамом вваливаются жандармы, полицейские, шпики. Окружив нас тесным кольцом, забирают как «вещественные доказательства» гектограф и листки, гонят на улицу. Осыпая проклятиями царских ищеек, мы шагаем по словно вымершей базарной площади.

Много лет спустя я прочел донесение начальника Донского охранного отделения ротмистра Заварзина департаменту полиции от 22 октября 1905 года. В нем сообщалось, что «в хлебной лавке Плешкова, находящейся на Новом базаре, застигнуто 9 человек, принадлежащих к организации Донского комитета, которые воспроизводили на гектографах воззвания от Донского комитета. При этих задержанных обнаружена нелегальная литература и печать упомянутого комитета»[1].

---

[1] 1905—1907 годы на Дону. Сборник документов. Ростов-на-Дону, 1955, с. 119. *Ред.*

При перечислении задержанных лиц особо назывались большевики Е. А. Трифонов (партийная кличка Женька-казак) и Бескоровайный (Ванька-паровоз).

Нас повели по направлению главной магистрали — Большой Садовой (теперь улица Ф. Энгельса), потом по незнакомым переулкам вывели на окраину города. Там обрисовывалась высокая, в три человеческих роста, кирпичная стена ростовской тюрьмы. Когда нас втолкнули в ворота, мы увидели трехэтажное здание, выстроенное буквой «Г». Через несколько минут за нами закрылась дверь тюремной камеры, битком набитой арестованными.

Настроение у нас было боевое. Только сильно огорчал отрыв от революционной работы да беспокоило, что не знаем о событиях на воле.

Прошло несколько дней, и в тюрьме начали циркулировать слухи о каком-то манифесте.

К полудню 18 октября к нам донесся гул, напоминавший шум разбушевавшегося моря... К тюрьме приближалась многолюдная демонстрация рабочих. Сидевшие в одиночных камерах на третьем этаже видели через решетки окон красные знамена. В нашей общей камере, расположенной внизу, мы ничего не видели. К нам лишь доносились голоса демонстрантов. Начался удивительный митинг-перекличка рабочих и учащейся молодежи, собравшейся у стен тюрьмы, и заключенных.

— Мужайтесь!.. Мы пришли освободить вас! — кричали с площади.

В ответ неслись голоса заключенных:

— Не верьте правительству! Будем торжествовать победу, когда уничтожим врага! Борьба еще не кончена!

Тысячная толпа у тюремных ворот, бастующие заводы, бесспорно, оказали свое влияние. Начальник жандармского управления Карпов, испугавшись натиска масс, решил выпустить из тюрьмы арестованных в административном порядке и тех заключенных, дела которых еще не были переданы в суд или в департамент полиции.

К вечеру того же дня они были освобождены. Но в камерах осталось еще много политических заключенных. Среди них О. В. Виккер (партийная кличка Саша), осужденная к 12 годам каторги за вооруженное сопротивление ссыльных в Якутске в 1904 году и побег во время этапа; бежавший из виленской тюрьмы А. Б. Гудко-Портненко (партийная кличка Алексис), впоследствии героически сражавшийся в годы гражданской войны, награжденный орденами и почетным оружием. Остались в тюрьме товарищи, высылаемые в отдаленные места северных губерний, в том числе 55 кавказцев, задержанных в Ростове в связи с железнодорожной забастовкой.

Оставались и мы, арестованные за печатание прокламаций.

Однако освобождение из тюрьмы не обошлось без злодейства, лишний раз показавшего подлость царских властей. В то время, когда освобожденные наши товарищи в одиночку и группами вы-

11 Заказ 4835

ходили из ворот тюрьмы, митинг уже закончился. На площади еще оставалось человек двести — триста. Из тюремных камер третьего этажа было видно, как на площади началось смятение, послышались крики. Полицейские, черносотенцы и шпики, оказавшиеся на площади, набросились на демонстрантов, избивали их, ломали древки знамен. Одиннадцать человек было убито. Несколько человек были тяжело ранены. Погибла молодая работница Клара Рейзман, активная подпольщица, горячо преданная делу революции. Она была буквально растерзана жандармами и черносотенцами. Какой-то изверг воткнул ей в рот то самое древко знамени, с которым девушка пришла на площадь, к стенам тюрьмы...

Царское правительство наглядно показало, что означают возвещенные манифестом «незыблемые основы гражданской свободы». В городе началась стрельба. Из окон тюрьмы виднелось зарево пожаров. Надзиратель, стоявший у нашей двери, переговариваясь с кем-то, рассказывал, что в городе начался еврейский погром.

23 октября нас вызвали в контору и объявили, что по указу из Петербурга в связи с амнистией мы освобождаемся.

* * *

Первый день после выхода из тюрьмы, радуясь свободе, я провел на улицах. Мне было только 18 лет, и сама возможность двигаться, дышать чистым воздухом, встречаться и беседовать с друзьями переполняла радостью...

4 ноября объявили забастовку рабочие всех табачных фабрик Ростова, где работало 6—7 тысяч человек, в основном женщины. Они протестовали против тяжелых условий труда и требовали увеличения заработной платы.

Чтобы оказать давление на табачных фабрикантов, рабочие решили объявить бойкот. Была выпущена об этом листовка. Она настолько характерна, что привожу ее полностью:

> «Товарищи рабочие!
> Все граждане!
> Не покупайте
> табаку и папирос ростовских табачных фабрик:
> Асмолова, Кушнарева, Асланиди и Ростовско-Донской! Хозяева этих фабрик отказались удовлетворить наши справедливые требования и закрыли фабрики. Они хотят этим сломить нашу силу.
> Помогите же нам в борьбе за улучшение нашей жизни! Покупайте табак и папиросы других фабрик, только не ростовских! Этим вы поможете нам заставить хозяев удовлетворить наши требования.
>
> Ростов-на-Дону. Совет депутатов рабочих и работниц табачных фабрик Асланиди, Асмолова, Кушнарева и Ростовско-Донской» [1].

[1] 1905—1907 годы на Дону, с. 141. *Ред.*

С забастовкой табачников совпало создание в Ростове Совета рабочих депутатов.

Возник он по решению представителей рабочих на собрании 7 ноября в столовой Главных мастерских Владикавказской железной дороги. На собрании выступало несколько ораторов, в том числе большевик С. Г. Рейзман. Организация ростовского Совета во многом связана с именем этого замечательного революционера.

Еще подростком, учеником во Владикавказских железнодорожных мастерских, он включился в революционное движение. По требованию жандармов администрация выбросила его из мастерских. Юноша долго скитался по предприятиям Мариуполя, Бердянска. Уже став профессиональным революционером, он переехал в Петербург и там был избран в Совет рабочих депутатов.

Позже в Ростове С. Рейзман поступает вновь в мастерские Владикавказской железной дороги, завоевывает симпатии и любовь ростовских рабочих. Его избирают в железнодорожное бюро, затем его председателем.

17 декабря С. Рейзман выехал в Терскую область для того, чтобы организовать вооруженную помощь штабу боевой дружины. Но был там арестован и привезен в Ростов. Его приговорили к каторжным работам, заковали в кандалы. Заболев тифом, лишенный медицинской помощи, он скончался 9 февраля 1907 года.

Вся наша деятельность в те дни была сосредоточена вокруг Ростовско-Нахичеванского Совета рабочих депутатов. Он обосновался в столовой Главных мастерских Владикавказской железной дороги, в огромном по тому времени здании, где ежедневно встречались за обедом и завтраком сотни железнодорожников. Когда зал столовой был по вечерам свободен, на сцене ставились спектакли, устраивались концерты.

8 ноября со всех концов Ростова и Нахичевани к зданию столовой шли железнодорожники, металлисты, табачники, ремесленники, приказчики, домашняя прислуга, дворники, береговые рабочие, прачки, избранные в Совет рабочих депутатов. Всего прибыло 112 депутатов.

В Исполнительную комиссию Совета вошло 11 человек, в том числе большевики С. Г. Рейзман, Е. А. Трифонов, В. А. Друцкий, Н. Бударин. Комиссия подготавливала вопросы к собраниям депутатов Совета и занималась рассмотрением жалоб, в большом количестве поступавших от населения.

Первым постановлением Совета было: оказать помощь бастующим табачникам всеобщей двухдневной стачкой рабочих Ростова и Нахичевани. В результате фабрикантам пришлось удовлетворить все требования рабочих.

Ежедневно в помещении столовой дежурили секретарь Совета, еще недавно служившая в железнодорожных мастерских, Е. А. Матвеева и один из членов Исполкома. В столовую началось паломничество рабочего люда, шли за советом, за помощью...

На собрании Совета 24 ноября было решено добиваться уменьшения квартирной платы для рабочего люда. 27 ноября Ростовско-

Нахичеванский Совет присоединился к призыву Петербургского Совета: отказываться от взноса налогов, выбирать вклады из сберкасс, требовать выдачи зарплаты только золотом и другой звонкой монетой. Некоторые депутаты настаивали на бойкоте водки в целях экономического давления на царскую казну, получающую большие доходы от ее продажи. Кроме того, говорилось, что водка подрывает стойкость рабочих в борьбе.

С каждым днем росла связь Совета с населением. Большое впечатление на всех произвело появление на заседании Совета 4 декабря депутации от местных казачьих частей. Вспоминаю, что в депутации было шесть казаков как на подбор — рослых, стройных, в полной форме и с образцовой военной выправкой. Когда, подойдя к трибуне, казаки от имени своих частей заявили, что присоединяются к народу, восторгу не было конца. Казаков пригласили в президиум. Один из ораторов в прочувствованной речи приветствовал делегатов. Был исполнен рабочий гимн «Марсельеза».

Сильное впечатление произвело все это и на население города. И когда 5 декабря депутаты-казаки были арестованы, 6 декабря — в день именин царя — весь ростовский гарнизон отказался выйти на парад [1].

* * *

Буквально на глазах росли профсоюзы. Не было, кажется, ни одной профессии, рабочие которой не объединялись бы в союзы для защиты своих интересов.

Мне поручили руководить организацией профсоюзов булочников и шапочников. Для общих собраний было решено использовать театр в Новопоселенском саду. Идем с одним товарищем к сторожу, предлагаем ему открыть театр. Он отвечает, что владелец театра запретил это делать. Направляемся к нему.

— Вы распорядились не открывать театр? — спрашиваем.

— Да, я! — отвечает он.

— На каком основании?

— На основании права собственности.

— Ну, а если мы взломаем двери театра?

— Ваше дело, но я, подчиняясь насилию, не буду тогда отвечать за устройство незаконных собраний.

— Слушайте,— говорим ему,— от имени Совета предлагаем распорядиться открыть завтра театр. Подчиняетесь ли этому «насилию»?

— Да, подчиняюсь.

— В таком случае пишите записку сторожу.

И мы получили в наше распоряжение театральное здание.

Характерный инцидент произошел в редакции газеты «Донская речь». Эта газета по своему направлению считалась либеральной и даже радикальной. Но когда мы, представители профсоюза бу-

[1] См. журнал «Отклики современности», 1906, № 3, с. 65. *Ред.*

лочников, стали настаивать на опубликовании в газете устава профсоюза, нам заявили, что без разрешения цензора этого сделать нельзя.

— Да ведь по манифесту 17 октября объявлена свобода печати,— заявляем мы.

— Оно так, да все-таки цензура еще не отменена.

— А знаете ли вы, что Совет печатает свои бюллетени без цензуры?

— Так то Совет, а мы не можем!

Пошли к цензору. Нашли его, но толку никакого. С заядлым бюрократом нам и говорить стало тошно. То ему надо один из пунктов изменить, а относительно другого надо получить разъяснение. Возвращаемся в «Донскую речь» и заявляем: если не напечатаете устав, приведем из Совета наборщиков и напечатаем сами.

— Но это насилие! — вторит владельцу театра представитель «демократического» органа печати.

— Да, насилие! В последний раз спрашиваем: будете ли печатать устав?

После долгого раздумья представитель редакции отвечает:

— Уступаю насилию, заявляя в то же время свой протест.

Еще один штрих, на этот раз из области борьбы профсоюза булочников за улучшение условий труда.

Как представитель союза захожу вместе с одним рабочим к хозяйке булочной, где работа производилась без ограничения времени.

— Сколько часов у вас работают? — спрашиваем мы.

— Работают столько, сколько потребуется! — заявляет хозяйка, указав нам на дверь.

— Придется все же установить время.

— Интересуюсь, а сколько же, по-вашему, должны работать мои рабочие? — с ехидной улыбкой, подчеркивая слова «мои рабочие», спросила она.

— Восемь часов.

Встречаем безграничное удивление и возмущение.

— Да ведь я здесь хозяйка! — беспрестанно повторяет она.— Могу делать, что хочу!

Все наши аргументы разбивались как о каменную стену. Убедившись, что с ней следует действовать иначе, заявляем:

— Приказываем выполнить наше требование. Иначе по постановлению Совета вашей булочной будет объявлен бойкот, и никто не станет у вас ничего покупать.

Упоминание о Совете произвело магическое действие. Непреклонная владелица булочной подчинилась требованию профсоюза.

* * *

Настроение рабочих с каждым днем становилось все более боевым.

Собравшийся в Лондоне III большевистский съезд РСДРП вынес решение: «Принять самые энергичные меры к вооружению

пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников»[1].

Горячий отклик у рабочих встретило постановление Совета рабочих депутатов от 5 декабря 1905 года, в котором высказывалось пожелание, «чтобы рабочие от каждой фабрики или завода участвовали в боевой дружине» и изготовляли холодное оружие: кинжалы, пики, железные палки и т. д.

Меньшевистское руководство Донского комитета в полном соответствии с решениями конференции меньшевиков в Женеве летом 1905 года заявляло: возможность победы восстания исключается, не надо его и начинать.

По выражению начальника штаба дружины Ю. П. Бутягина, с самого начала восстания меньшевистское руководство «тихо скончалось», никакого участия в восстании оно не принимало. Руководство вооруженной борьбой против царизма перешло в руки штаба боевой дружины в составе большевиков: Бутягина (Макса), И. Хижнякова (Бекаса) и Васильченко (он заменил В. И. Сабино, погибшего на второй день восстания).

III съезд РСДРП, нацелив партию на подготовку восстания, счел необходимым создать военно-техническую группу при Центральном Комитете РСДРП. Летом 1905 года эта группа организовала в Киеве в условиях строжайшей конспирации школу-лабораторию по изготовлению бомб. В школу были направлены наиболее технически грамотные и смелые революционеры. Среди них оказался и Ю. Бутягин. По окончании школы он был направлен сначала в Армавир, затем в Екатеринодар и Новороссийск и, наконец, к нам, в Ростов. Во всех этих городах Бутягину удалось создать лаборатории, привлечь нужных людей, хотя все это было связано с большими трудностями.

Прибыв в Ростов вместе со своей женой Колобовой, Бутягин обосновался в Нахичевани (около двух километров от Ростова). На нижнем этаже двухэтажного дома была снята квартира с отдельным входом со двора. Быстро оборудовав лабораторию и взяв в помощники учащегося последнего курса ростовского среднетехнического училища грузина Бережияни, Бутягин вместе с Колобовой начали готовить бомбы.

Бутягин был отличным конспиратором, и даже будущие бомбисты не знали о местонахождении лаборатории и не видели Бутягина до самого восстания. Сам же он рассказывал позднее, что по приезде в Ростов сразу установил связь с группой товарищей, участвовавших в подготовке восстания. Среди них он назвал Виталия Сабино, И. Хижнякова, Степана Войтенко, И. Налбандова, Евгения Трифонова, Ивана Бабкина, С. Голубенко, Христофора, Аристарха (автора этих строк) и приехавшего перед самым восстанием С. Ф. Васильченко[2].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 121. *Ред.*

[2] См.: 1905 год в Ростове-на-Дону. Ростов-на-Дону, 1955, с. 99. *Ред.*

Важнейшей нашей задачей была организация боевой дружины. В Ростове, как и во многих других городах, она возникла сперва для охраны митингов и самообороны и состояла из наиболее стойких и проверенных товарищей. Всего в ней насчитывалось не меньше 30 десятков. Ее задачи и организационное построение были определены во «Временном уставе ростовской боевой дружины».

Мой десяток, в который в большинстве входили члены кружка булочников, снабдил оружием большевик И. М. Хаевский — слесарь небольшой мастерской Кипмана. Помню, с каким благоговением мы принимали из его рук револьверы.

Однажды, уже незадолго до восстания, совет десятников решил провести смотр дружины и «репетицию» ее боевой готовности. Дружинникам был отдан приказ занять свои посты в центре города. В определенный час посты были проверены, причем каждый дружинник обязан был иметь при себе оружие, а на внутренней стороне обшлага пальто — красную ленточку. В другой раз дружинников по такой же боевой тревоге разместили десятками по разным квартирам и посылали патрули в разведку по улицам, словом, готовились к боевым действиям.

* * *

Царское правительство, издав лицемерный манифест 17 октября, вскоре перешло в наступление. 3 декабря был арестован весь Исполнительный комитет Петербургского Совета. Репрессии распространились и на другие города. Однако революция нарастала, шла к своему кульминационному пункту.

В ночь на 9 декабря в Ростове были арестованы 12 членов Исполнительной комиссии Совета депутатов и Бюро железнодорожного союза. Совет предъявил градоначальнику требование немедленно освободить их, угрожая в случае отказа приостановить работу водопровода и городской электрической станции.

Градоначальник граф Коцебу Пилар фон Пильхау струсил и, сославшись на болезнь, передал исполнение своих обязанностей начальнику порта фон дер Вейде. Тот тоже растерялся и начал торговаться с Советом, заявив, что может выпустить не всех, а только часть арестованных. Затем после короткого, но выразительного напоминания по телефону вынужден был выпустить еще двоих, а затем и остальных. Кстати, отмечу: у царских чиновников в виде «трофея» остались 817 рублей, конфискованных у казначея Совета Е. А. Матвеевой. Оставшиеся у Матвеевой 347 рублей с копейками было решено употребить на закупку муки для бастующих рабочих. 9 декабря в городе появилось объявление о том, что «нуждающиеся в помощи должны заявлять дежурному депутату, оставляя ему свой адрес».

События развивались неотвратимо, и приблизительно к 10 декабря замерла вся промышленная и торговая жизнь Ростова.

По постановлению Совета работали только пекарни, выпекая лишь простой хлеб. Оставались открытыми и мелкие продуктовые лавки. Работали водопровод и электростанция.

Начиная с 10 декабря забурлили митинги, на которых присутствовали десятки тысяч человек. Они проходили ежедневно в столовой Владикавказской дороги, в асмоловском и новопоселенском театрах, а также в нахичеванском городском театре и в столовой завода «Аксай».

На этих митингах зачитывались постановления Совета рабочих депутатов, раздавались печатные бюллетени, которые также расклеивались по городу. Настроение у народа было бодрое, боевое.

А что делали реакционные силы? Собралась Городская дума, сюда были приглашены воинский начальник Макеев, полицмейстер Прокопович и жандармский ротмистр Карпов. На заседании Макеев предложил расстреливать митинги из пушек шрапнелью. Гласные думы, эти «отцы города», одобрили злодейский план, решив осуществить его 13 декабря.

11 декабря состоялось собрание совета десятников вместе со штабом дружины. Обсуждался вопрос об аресте должностных лиц: градоначальника, начальника охранки и других. Но это не было осуществлено из-за противодействия руководителей меньшевиков.

Утром 13 декабря я направился в центр города, в Ремесленную управу, где мне поручено было провести митинг шапочников. На улицах не было заметно особых перемен. Правда, кое-где слышалась ружейная перестрелка, но к ней мы уже привыкли. После митинга я решил побывать на Темернике.

Двери больших магазинов были заперты, улицы пустынны, трамваи не ходили; на стенах домов появились новые приказы градоначальника о введении в городе чрезвычайного положения, о запрещении стачек и митингов. В воззвании же Городской думы я прочитал:

«Ни правительством, ни Городской думой не постановлено прекращать торговлю, движение трамвая, освещение... Подобные распоряжения отдаются незаконно кучкой забастовщиков, именующих себя Советом рабочих депутатов, а посему Городская дума...»

Дальше текст был кем-то оборван, а рядом висело постановление Совета рабочих депутатов с призывом продолжать забастовку, проводить митинги и собрания.

Я уже прошел половину пути по Таганрогскому проспекту (ныне проспект Буденного), когда до меня донесся издалека короткий, словно взрыв, гул, которому я сразу не придал значения.

Вслед за ним раздалась ружейная пальба. Промчался отряд казаков. Через несколько минут у Большой Садовой улицы я стал свидетелем событий, напоминавших расстрел рабочих в Петербурге 9 января 1905 года.

Это была одна из самых жутких картин декабрьских дней в Ростове.

...С утра в асмоловском театре, в центре города, как обычно, проходил митинг. Народу набралось столько, что опасались, как бы не рухнули балконы. Когда же митинг закончился и народ стал выходить, раздались ружейные залпы. Творилось что-то невообра-

зимо дикое. Казаки и полицейские палили по всем направлениям, куда попало. На мостовой лежали убитые и раненые, слышались стоны и крики. Царские войска стреляли и в тех, кто поднимал раненых...

Обезумевшие люди метались по улицам, не зная, куда скрыться. Случайные прохожие забились в переулки и дворы и с замиранием сердца следили за убийцами. Кровавая оргия длилась до 9 часов вечера.

Расстреляны были и участники митинга, проходившего в железнодорожной столовой, вблизи вокзала. Митинг уже заканчивался, когда загрохотали орудия. Стреляли из пушек, расположенных в городе, вблизи еврейского кладбища.

Разорвавшимся снарядом около столовой было убито и ранено 7—8 человек. Тела убитых перенесли в столовую, раненых разместили по квартирам жителей Темерника и в приемном покое Владикавказской железной дороги.

* * *

Хорошо сохранился в моей памяти следующий день восстания. К 12 часам около столовой собралась тысячная толпа. Люди готовились к похоронам убитых и пришли сюда с венками и красными лентами. В столовую, где стояли гробы, они входили молча, с печальными, сосредоточенными лицами. Здесь были и прибывшие ночью дружинники со станций Кавказской, Тихорецкой и Таганрога, всего около 100 человек. Они были в замасленных рабочих куртках, кепках, словом, прямо из цехов.

Совет десятков дружины решил послать двух-трех бомбистов в город для нападения на артиллеристов, обстреливавших Темерник.

Задание преследовало две цели: попытаться взорвать пушки и, воспользовавшись паникой, захватить оружие, в котором так нуждались рабочие Темерника.

Помощник Ю. Бутягина по штабу боевой дружины матрос И. Хижняков (его партийная кличка была Бекас) стал подбирать добровольцев. Вызвались Н. И. Эпштейн (по кличке Максим), Д. И. Пивин (его кличка Ноги) и автор этих строк. И. Хижняков вручил нам по бомбе, каждая весила до двух фунтов и имела вид плоской металлической коробки, которую можно было всунуть в карман пальто. В помощь нам были выделены дружинники, вооруженные револьверами...

В Декабрьском восстании 1905 года под руководством большевиков рабочие Ростова-на-Дону, как и других городов страны, показали образцы беззаветной храбрости и самоотверженности. «...Эти образцы борьбы должны служить нам,— писал В. И. Ленин,— маяком в деле воспитания новых поколений борцов» [1].

Великие, незабываемые дни. Сборник воспоминаний участников революции 1905—1907 годов. М., 1970, с. 171—183, 188

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 50. *Ред.*

О. А. Пятницкий

ПАРТИЙНАЯ РАБОТА В ОДЕССЕ. АРЕСТ И ТЮРЬМА. 1905—1906 ГОДЫ

Приблизительно 12 (25) октября большевистский Одесский комитет стал обсуждать вопрос о более активных методах борьбы. Комитет единогласно решил призвать одесский пролетариат к политической забастовке с лозунгом «Долой самодержавие» и за созыв Учредительного собрания, а в первое воскресенье после начала забастовки назначить уличную демонстрацию. Комитет предложил всем революционным организациям выступить совместно с призывом к забастовке и организации демонстрации. Бундовцы и меньшевики согласились на это, но никак не соглашались со сроком начала забастовки (мы предложили начать забастовку в пятницу). Бундовцы заявили, что еврейские рабочие, среди которых они работали, получают жалованье в пятницу и что поэтому они не откликнутся на призыв. Да к тому же, по их словам, и не следует звать на забастовку в этот день, ибо у еврейских рабочих не будет денег к существованию, если они не получат в пятницу жалованье. Меньшевики, согласные с доводами бундовцев, к этому прибавляли, что и в субботу тоже нельзя назначить забастовку, ибо русские рабочие получают жалованье в субботу. Согласились ли эсеры призывать к забастовке в пятницу, я не помню. На организацию совместной демонстрации с нами меньшевики, бундовцы и социалисты-революционеры не согласились. Большевистский комитет сам назначил забастовку на пятницу 14 октября и демонстрацию — на воскресенье 16 октября. О забастовке была выпущена листовка, а о демонстрации объявляли на митингах заводов, фабрик, мастерских, когда призывали к забастовке. О забастовке и демонстрации речь будет ниже. Здесь же я хочу остановиться на том, как периферия реагировала на постановления комитета о забастовке и демонстрации.

Тотчас же после заседания комитета мною был созван райком Городского района. Оба решения комитета — о забастовке и демонстрации — были одобрены, но по вопросу о проведении их в жизнь велись больше 6 часов невероятно длинные рассуждения. И они, наверно, так быстро не закончились бы, если бы члены райкома не увидели из окна квартиры, где мы заседали (окна выходили во двор полицейского участка; это была квартира Шаргородского на Почтовой улице, а комната — члена райкома Якова), что казаков держат уже наготове, а это значило, что в городе неспо-

койно. Когда члены райкома стали передавать директивы группам и ячейкам, то оказалось, что на многих предприятиях, как только до рабочих дошел слух о назначении забастовки, работу уже бросили, не дождавшись официального призыва...

Многие отсталые заводы, с которыми партия не была связана, бросили работу и без призыва комитета, ибо к тому времени уже стали одесские железнодорожные мастерские и прекратилось железнодорожное движение по постановлению Всероссийского железнодорожного съезда, который заседал в это время в Питере.

Демонстрация была назначена, как я уже сказал выше, на воскресенье 16 октября. Сборный пункт был назначен на углу Дерибасовской и Преображенской улиц, против сквера. Это место было выбрано потому, что на воскресенье были назначены митинги во всех аудиториях университета, а прямо с митинга предполагалось двинуться на назначенное место демонстрации по Херсонской улице (университет находился на углу Херсонской, продолжением которой является Преображенская улица).

Одесский комитет назначил меня руководителем демонстрации, а для всех митингов были назначены товарищи, которые должны были выступать сейчас же по открытии митингов с предложением примкнуть к демонстрации. Организовано все было неплохо, и демонстрация получилась довольно внушительная (для тогдашнего, конечно, времени). Лишь только демонстранты прошли несколько раз по назначенной улице, выкрикивая революционные лозунги (был ли красный флаг и пели ли революционные песни, точно не помню), как на них налетели казаки с нагайками и начали хлестать направо и налево. Они гнали демонстрантов с главной улицы на боковые.

Демонстранты не были вооружены (в комитете вопрос о вооружении в связи с демонстрацией даже не поднимался); поэтому, чтобы спастись от казаков, они опрокидывали стоявшие трамвайные вагоны, выворачивали камни из мостовой и бросали в казаков. Кое-где были разобраны железные решетки скверов.

Демонстрация группами рассеялась по всему центру города, вызывая всех из домов на улицу и останавливая извозчиков. Так продолжалось несколько часов. Стрельбы во время демонстрации, насколько я могу припомнить, не было и серьезно пострадавших со стороны демонстрантов от казацких нагаек также не было, хотя кое-где после разгона демонстрации из опрокинутых трамвайных вагонов делали баррикады, которые казаки брали «с боем».

Мы все, организаторы районов, собрались на явку к тов. Гусеву, и каждый докладывал, что он видел. Тогда мы все считали, что демонстрация удалась...

На улицах было большое оживление, хотя уже было часов 4—5 дня, а демонстрация закончилась в $12^1/_2$ — 1 час. Несмотря на оживление, на улицах совсем не было видно ни полиции, ни казаков. Когда я подошел уже к явке, из-за угла выскочил конный отряд городовых с наганами в руках. Отряд вдруг остановился и без всякого повода и предупреждения выстрелил в упор в стоявших

по обеим сторонам улицы жителей, после чего столь же быстро ускакал обратно.

Как выяснилось вечером того же дня, когда мы собрались вновь на явке комитета, такие же наскоки и расстрелы мирно стоявших жителей около своих квартир, свидетелем которых был я сам, повторялись во всех частях города, где жили рабочие и городская беднота. На собрании комитета, устроенном тут же на явке, мы все были взволнованы налетами полиции, ее убийствами. Только тов. Гусев не проронил ни слова и все время что-то записывал. Когда все кончили свою информацию, тов. Гусев прочел нам написанное им короткое воззвание о событиях дня, где было указано на необходимость продолжать забастовку и где рабочие призывались вооружаться кто чем может, ибо борьба переходила уже в вооруженную. Воззвание было единогласно одобрено. Тут же было решено готовиться к похоронам жертв этого дня, для чего тов. Гусев и я были уполномочены вести по этому вопросу переговоры со всеми революционными организациями Одессы. Раненых и убитых свезли в еврейскую больницу на Молдаванке. Чтобы полиция не украла убитых, был организован постоянный патруль из представителей всех революционных организаций, а федеративный комитет последних, который был создан, выработал план похорон. К еврейской больнице, где лежали раненые и убитые, все время подходили рабочие, а в университете продолжались митинги.

Утром 31 (18) октября я возвращался в центр города из еврейской больницы, где лежали убитые. Настроение у меня было невеселое. Вдруг откуда ни возьмись со всех сторон появился народ. Тут были рабочие, студенты, гимназисты, женщины, обыватели, интеллигенция, мальчишки — словом, все смешалось. У всех радостные, веселые лица. Вслух читают манифест 30 (17) октября. Тут и там слышно недружное пение революционных песен. Обыватели поздравляют друг друга со свободой. Наконец появились красные знамена, и среди манифестантов начался спор о том, куда идти: к тюрьме или к думе...

Толпа разделилась: одна часть со знаменами пошла к тюрьме, а другая, к которой присоединился и я (каким-то образом одно знамя попало мне в руки), направилась через главные улицы к думе. Манифестанты заставляли военных снимать шапки перед красными знаменами. Когда демонстрация прошла через Дерибасовскую улицу, где тогда жила вся одесская знать, то на балконах появились красные ковры, платки и кое-где играли «Марсельезу» (через день, когда начался ужасный погром, то на этих же балконах висели уже царские флаги и портреты и музыка уже играла «Боже, царя храни»).

На думе взвился красный флаг, а около Городской думы открылся митинг. Народу было очень много. Говорили много и длинно, но когда проехал небольшой отряд казаков, то участники митинга вмиг разбежались, и я остался почти один с председательским колокольчиком в руке. Когда казаки проехали, толпа опять придвинулась ко входу в думу, митинг возобновился и уже длился

до вечера. Я вошел в думу. Кое-где были сняты и порваны царские портреты, везде ходил народ без всякого руководства. Я направился в комнату, где заседала часть членов городской управы. Они обсуждали вопрос о городской милиции, ибо полиция совсем отсутствовала на улицах. Члены управы спорили о значках для милиционеров. Я спросил, кого они хотят взять в милиционеры и имеется ли в думе оружие. На мои вопросы я получил вполне ясный ответ, что они предложат через домовладельцев квартиронанимателям выделить из своей среды невооруженных милиционеров, которые должны отличаться от остальных граждан значком; форму такого значка думские мудрецы и выдумывали на заседании.

Я предложил вооружить рабочих через революционные организации. Меня поддержало несколько человек, которые тут же присутствовали, как и я, очевидно, были посланы революционными организациями, и только что явившийся тов. Гусев, но думцы заявили, что у них нет ни оружия, ни денег для закупки его. Они еще добавили, что после манифеста вряд ли понадобится вооружать рабочих.

Когда уже смеркалось, стали доноситься слухи, что на Молдаванке начался еврейский погром. В думу явился еще кто-то из членов комитета. Мы тут же решили созвать вечером общее собрание членов партии, а меня послали посмотреть, что делается на Молдаванке.

Там я увидел такую картину: группа молодых парней, человек в 25—30, среди которых были переодетые городовые и охранники, ловят всех мужчин, женщин и детей, похожих на евреев, раздевают их догола и избивают, но при избиении полиция не ограничивалась одними евреями. Когда ей в руки попадались студенты, гимназисты, их также жестоко избивали. Громилы действовали на Треугольной улице. Немного поодаль стояло много зрителей, которые наблюдали вышеописанную картину. Мы тут же сорганизовали группу вооруженных револьверами лиц (после демонстрации в комитет попало некоторое количество наганов, из них один получил и я), подошли ближе к громилам и выстрелили в них. Они разбежались. Но вдруг между нами и громилами выросла стена солдат лицом к нам в полном вооружении. Мы отошли. Солдаты удалились, и опять появились громилы. Так повторялось несколько раз. Мне стало ясно, что громилы действуют с согласия военных властей. Я отправился на собрание членов одесской организации нашей партии. Оно уже было открыто. Собрание произвело на меня грустное впечатление. Аудитория университета, где происходило партсобрание, была очень тускло освещена. Настроение присутствовавших товарищей было угнетенное. Меня поразил состав собрания: на нем присутствовало немало народа, но выделялись главным образом женщины, и мне казалось, что их большинство. Почти совсем отсутствовали русские рабочие (мне казалось тогда, что причина неявки русских рабочих на вышеназванное собрание лежит в плохом оповещении членов партии, ибо собрание было

экстренно созвано. Но и последующие собрания у нас, у меньшевиков и эсеров показали сравнительно небольшой процент участия русских рабочих в партийных собраниях, хотя влияние всех революционных организаций Одессы на русских рабочих было очень велико, что показали октябрьская демонстрация, октябрьская и ноябрьская забастовки).

Собрание заслушало информацию о манифесте и его значении и сообщение о начавшемся погроме. Было решено совместно со всеми революционными организациями организовать вооруженный отпор громилам и призвать население к самообороне... Всю ночь с 31 октября (18) на 1 ноября (19 октября) и утром 1 ноября (19 октября) в университете происходило столпотворение: приходили и уходили массы народа. Одни приносили разного рода оружие, другие — деньги и всякие ценные вещи для реализации их на покупку оружия. В это же утро стали формироваться вооруженные отряды, которые посылались против громил.

За два дня и три ночи было послано множество вооруженных отрядов, но им мало удалось сделать, ибо везде, где работали громилы, их прикрывали полиция, казаки, кавалерия, пехота и чуть ли не артиллерия. Так, в Дальницком районе железнодорожные рабочие организовали сильный отряд, который 1 ноября (19 октября) успешно разгонял громил, но должен был отступить перед войсками с большими потерями, так как последние применяли оружие против революционных отрядов. Кое-где, там, где не было солдат, самооборона и вооруженные отряды действовали успешно против громил, и нередко, разбив оружейные магазины, они доставляли оружие в штаб федеративного комитета. Жертв со стороны отрядов самообороны было очень много, не говоря уже о жертвах со стороны еврейского населения.

Я должен здесь отметить геройство отряда студентов морской школы. Они понесли много жертв в борьбе с громилами.

Ночью после второго дня погрома стало ясно, что вооруженная борьба, которую ведет федеративный комитет, не дает значительных результатов, ради которых стоило бы нести столько потерь. Борьба была организованно прекращена. Больше отрядов не посылали, хотя кое-где еще продолжали действовать те отряды, которые не вернулись в университет, и самооборона самого населения. (Инициатива прекращения борьбы исходила от тов. Гусева. Он заявил мне, что борьба бесполезна, ибо силы борющихся неравны, и нам необходимо сохранить наши кадры, так как борьба с самодержавием еще предстоит долгая и упорная. Такого же мнения были и остальные члены федеративного комитета.)

Погром начался и кончился вполне организованно: как только положенный царскими сатрапами срок — три дня — прошел, погром сразу же прекратился. Администрация университета получила ультиматум от властей очистить его от революционных организаций к определенному сроку (срок совпал с окончанием погрома), в противном случае, было заявлено, университет будет занят воинскими частями.

Было решено удалить всех из университета, предварительно отобрав у них оружие, чтобы оно не попало в руки властей. Университет был быстро очищен, и никто из выходивших оттуда действительно не был задержан. Вообще вблизи университета не было ни солдат, ни полиции: они, очевидно, боялись бомб. Зато все улицы Одессы были заняты патрулями солдат под руководством полиции. Под видом поисков оружия пьяные патрули отбирали у прохожих кошельки, часы, кольца и прочее...

На своем первом после погрома собрании Одесский комитет партии расширил свой состав: были кооптированы токарь железнодорожных мастерских Иван Авдеев, Ставский, Зека (впоследствии оказался провокатором) и несколько товарищей, имена и клички которых улетучились из моей памяти.

Первое расширенное комитетское собрание было на квартире Шкловского. Оно занималось организационными вопросами. Необходимо было перейти к построению одесской организации на выборных началах, хотя было решено парторганизацию официально не легализовать. Я сделал информационный доклад о построении местных организаций германской социал-демократической партии, после чего был довольно обстоятельный обмен мнениями о том, как сейчас начать реорганизацию одесской организации. В эти дни приехал из Питера большевик, агент ЦК Лева (Владимиров) с лозунгом объединения с меньшевиками во что бы то ни стало, не дожидаясь объединения двух центров сверху. К нему присоединился большевик Барон (Эдуард Эссен), который приехал в Одессу до погрома. Их лозунг встретил в среде членов партии как меньшевиков, так и большевиков горячий отклик. И это было вполне понятно: слабость и разрозненность тех немногих сил, которые были в наличности, сильно били в глаза каждому члену партии во время погрома...

Для комитета было ясно, что предложение об объединении пройдет громадным большинством на собрании членов партии и у нас и у меньшевиков, ибо везде, где выступали сторонники немедленного объединения, они получали почти все голоса. Поэтому большевистский комитет был вынужден заняться помимо своего желания выработкой условий объединения. Сделать это было необходимо, иначе объединение произошло бы без всяких условий. Последние были выработаны в таком виде:

1. Избирается паритетный комитет из 10 членов; из них 5 избираются общим собранием членов партии большевиков и 5 членов — общим собранием членов партии меньшевиков. Этот комитет проводит уже фактическое объединение всей организации, после чего общее собрание членов обеих организаций избирает уже постоянный комитет.

2. Одесский паритетный комитет поддерживает связь с ЦК большевиков и с ОК меньшевиков.

3. Одесская объединенная социал-демократическая организация посылает своих представителей от обоих течений на съезды и конференции большевиков и меньшевиков до их объединения.

Эти три пункта были самыми главными из того проекта, на основании которого произошло фактически объединение в Одессе.

Положение твердокаменных большевиков в комитете было тяжелое: мы были против объединения и мы же вели переговоры об объединении. Больше того: некоторые из них вынуждены были выставлять свои кандидатуры в паритетный комитет, дабы в руководящем органе одесской объединенной парторганизации было хоть несколько выдержанных большевиков...

Необходимо сказать еще несколько слов об Одесском Совете рабочих депутатов. Организация Совета в Одессе прошла для меня незамеченной, и у меня в памяти не сохранилось даты его образования. Думаю, что это было уже после объединения большевиков и меньшевиков в одну парторганизацию, ибо большевистский комитет не обсуждал вопросов, связанных с Советом.

Так как Питерский Совет рабочих депутатов имел колоссальный авторитет среди рабочих всей России, то рабочие одесских фабрик и заводов выбирали своих представителей в Совет по первому призыву объединенного комитета социал-демократов. Выборы на табачных фабриках от рабочих и работниц, среди которых я продолжал работать, прошли совсем незаметно.

Сам Совет заседал не то в столовой портовых рабочих, не то в столовой какой-то фабрики около порта. В Совете были представлены все фабрики, заводы и мастерские. Заседание Совета, на котором я был, прошло очень вяло. Видно было, что члены Совета еще не понимали задач и тех методов, которые этот орган может применить в борьбе с самодержавием. Неуверенно вел собрание и президиум. Председателем Совета был избран студент-меньшевик Шавдия — член объединенного комитета социал-демократов. Многие рабочие и работницы его знали, ибо он часто председательствовал на митингах в университете. Где заседали Исполнительный комитет и президиум Совета, я не помню. Явки его бывали в чайных и столовых, которые открыл Бунд и другие организации, где по целым дням толпилась активная публика, рабочие и работницы. Во всяком случае, Исполнительный комитет и президиум заседали не открыто. Исполнительный комитет издавал «Известия Совета рабочих депутатов» нерегулярно. Орган этот печатался нелегально, захватным порядком, в разных типографиях, откуда отвозился на частные квартиры. Оттуда уже его распределяли для распространения в Одессе, а также отправляли в Николаев и Херсон. Влияние на Совет других организаций, кроме социал-демократов, было ничтожное. Должен отметить, что декабрьская забастовка, проведенная революционными организациями и Советом, была первой в Одессе действительно всеобщей стачкой и длилась несколько дней. Она могла бы превратиться в вооруженное восстание, если бы Совет и революционные организации призывали к нему.

Вся жизнь остановилась: не было торговли, не горело электричество и даже бастовали аптеки, несмотря на то что сейчас же после объявления забастовки было объявлено военными властями

военное положение, которое грозило за участие в забастовке всякими репрессиями. Помню, что в день объявления забастовки у меня на квартире находились товарищи, которые руководили этой забастовкой. Откуда только ни являлись за представителями Совета, чтобы последние разъяснили причины забастовки и разрешили бастовать! Я был послан к фармацевтам на большое собрание. На собрании присутствовали и военные фармацевты. Обсуждался вопрос о забастовке. На этом собрании выступали и противники ее, но после нашего выступления громадное большинство присоединилось к бастующим. Забастовка прошла поразительно дружно. Она была прекращена только после поражения московского восстания.

Мимоходом хочу указать на разницу отношения буржуазии к октябрьской и декабрьской забастовкам. За дни забастовки в октябре рабочим было уплачено полностью без борьбы. В декабре же фабриканты категорически отказались платить, несмотря на давление Совета. Так, например, рабочие табачной фабрики Попова потребовали уплаты за дни забастовки. Так как Попов отказался, рабочие бросили работу, после чего активные товарищи во главе с болгарином Петром пришли ко мне. Сколько я ни уговаривал их немедленно стать на работу без уплаты за дни забастовки, они не соглашались. Не согласилось со мной и собрание активных рабочих и работниц. Результат получился очень печальный. Попов не только не уплатил, но еще выкинул всю головку. Такая же участь постигла рабочих и других заводов. Совет же был бессилен что-либо сделать. Роль его свелась к нулю, и он так и сошел со сцены незаметно. Ни Совет, ни Исполнительный комитет даже не были арестованы.

Сейчас же после декабрьской (1905 года) забастовки начался в Одессе экономический кризис, результатом чего было большое количество безработных.

До объединения у большевиков в Одессе было три района, у меньшевиков — четыре. При объединении меньшевики получили большинство в трех районах из четырех. На меньшевистскую общероссийскую конференцию от Одессы был избран от меньшевиков, кажется, Столпнер и от большевиков Александр Кацап (самый невыдержанный). Комитетом издавалась без его фирмы ежедневная небольшая газетка «Коммерческая Россия», которая прекратила свое существование одновременно с окончанием декабрьской забастовки. Секретарем редакции был тов. Гусев, но большинство в редакции имели меньшевики. Кое у кого из большевиков, которые раньше стояли за немедленное объединение, уже зародились тревожные сомнения по поводу объединения с меньшевиками без общего объединения во всероссийском масштабе. Я же продолжал работать среди табачников, но в то же самое время стал подумывать о переезде в столицу.

Пятницкий О. Записки большевика. 1896—1917 гг. Изд. 4-е. М., 1936, с. 91—99, 101—106

И. Е. Уланский

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ПОЖАР

Весь остаток лета и осень мы добивались этого [1]. И когда 17 октября 1905 года был объявлен лживый манифест царя, требование об освобождении потемкинцев, прутовцев, сотен матросов и солдат, томившихся в плавучей тюрьме и за решетками городской тюрьмы, было одним из первых требований рабочих Севастополя, матросов, части солдат Брестского полка, крепостной артиллерии.

Текст манифеста стал известен нам 18 октября. У Музея севастопольской обороны собрались тысячи рабочих, матросов, солдат. Городской комитет РСДРП руководил митингом. Жадно слушали мы выступления ораторов — представителей разных партий. Помню речь неизвестного мне оратора-большевика. Показывая на скапливавшиеся полицейские и казачьи части, он говорил: «Вот вам, товарищи, доказательство, какова цена «свободы собраний», о которой говорится в лживом манифесте». Оратор слово за словом, пункт за пунктом разоблачал манифест, призывая нас к вооруженной борьбе с царским самодержавием.

Налетевшие конные полицейские начали разгонять митинг. Разбившись на группы, мы снова собрались на Приморском бульваре. Там выступил перед нами лейтенант Петр Петрович Шмидт [2], командир миноносца № 253, недавно переведенного в Севастополь из Измаила. Он говорил простым и ясным языком о том, что радоваться манифесту нечего, и внес предложение немедленно потребовать освобождения арестованных. Надо ли говорить о том, с каким восторгом мы отнеслись к этому предложению. О нем было сообщено городским властям, обещавшим выполнить требование рабочих и гарнизона Севастополя.

Вечером к тюрьме направилась огромная демонстрация. Мне не пришлось быть на ней. Матросы, участвовавшие в этой демонстрации, рассказывали, как шла по городу многотысячная масса людей с красными знаменами, музыкой. У ворот тюрьмы демонстрация остановилась в ожидании выполнения властями своего обещания. От имени собравшихся Шмидт вызвал начальника

[1] В октябре 1905 года подъем революции вылился во всероссийскую политическую стачку. В Севастополе, Феодосии, Ялте, Симферополе бастовало более 50 тысяч человек. *Ред.*

[2] *П. П. Шмидт* — русский революционер, демократ, один из руководителей Севастопольского восстания в 1905 году. В ноябре 1906 года был арестован и приговорен царским судом к смертной казни. *Ред.*

тюрьмы и потребовал немедленно освободить арестованных. Начальник ответил, что надо подождать полчаса. Вдруг раскрылись ворота тюрьмы и раздались залпы. Было убито 8 демонстрантов, 18 тяжело ранено и 40 человек получили тяжелые огнестрельные раны.

Через некоторое время генерал Каульбарс, командовавший Одесским военным округом, вынес благодарность в приказе распоряжавшемуся расстрелом унтер-офицеру Жукину и подарил ему «за усердие» серебряные часы.

Утром 19 октября севастопольские большевики собрали на Приморском бульваре большой митинг. Была вынесена резолюция протеста против расстрела у тюрьмы, решено потребовать снятия военного положения в городе, отдачи под суд виновников расстрела и освобождения политических заключенных. Мы избрали 28 депутатов, которым поручили направиться в Городскую думу, передать эти требования, добиться принятия похорон убитых за счет города и обеспечения их семей.

Дума была вынуждена принять эти требования и добиться у коменданта крепости Неплюева разрешения на создание народной милиции. Созданный в Севастополе Совет рабочих депутатов начал приобретать оружие, и скоро на улицах города не видно было казаков, редко появлялись полицейские. На постах стояли люди в гражданской одежде, с повязками на руках. Многие матросы специально ходили в город, чтобы посмотреть на милицию.

20 октября остановилась жизнь в Севастополе. Стояли все предприятия, прекратили занятия учебные заведения, на многих кораблях после подъема флага никто ничего не делал, значительная часть матросов и много солдат скопились в городе. Я одел простую форменку без нашивок и вместе с другими матросами пошел на похороны — демонстрацию протеста против расстрела. Трудно сказать, сколько на кладбище собралось народа. Судя по тому, что все улицы были заполнены, а на кладбище поместилась только часть людей, думаю, что было тысяч около 35—40 рабочих, солдат, матросов, учащихся. Часть солдат и матросов завязали носовыми платками погоны с номерами частей, очевидно опасаясь доносчиков. Но большую часть, особенно матросов, это не пугало.

Перед могилами выступало несколько ораторов. Особое впечатление на нас произвела речь лейтенанта Шмидта. Он был умелым, сильным оратором. Худой, выше среднего роста, с горящими глазами и бледным лицом, он стоял у могилы и громким голосом призывал к борьбе с самодержавием, затем, подняв правую руку, показывая на трупы у могилы, начал произносить клятву. Он говорил: «Клянемся им в том, что всю работу, всю душу, самую жизнь мы положим за сохранение свободы нашей. Клянемся им в том, что свою свободную общественную работу мы отдадим за благо рабочего, неимущего люда... Клянемся им в том, что, если нам не будет дано всеобщее избирательное право, мы снова провозгласим великую Всероссийскую забастовку».

Эта речь-клятва зажгла всех нас, и мы хором повторяли за оратором: «Клянемся!»

После похорон, когда стало известно, что Шмидт арестован, почти в каждой газете мы начали встречать статьи с требованием о его освобождении. Из рук в руки переходили по Севастополю газеты, в которых было напечатано письмо Шмидта. В этом письме он резко критиковал порядки в царской России, манифест. На защиту Шмидта выступили севастопольские рабочие. Все громче и громче раздавались на кораблях голоса, требовавшие немедленного освобождения лейтенанта, выступившего на стороне народа.

По распоряжению царских властей Чухнин был вынужден 4 ноября освободить Шмидта, уволив его одновременно из флота. 12 ноября, когда создавался Совет рабочих, матросских и солдатских депутатов, рабочие Севастополя избрали его пожизненным депутатом Совета рабочих депутатов. Делясь своими мыслями и переживаниями с близким ему человеком, П. П. Шмидт писал в одном из писем: «Я пожизненный депутат севастопольских рабочих. Понимаете ли, сколько счастливой гордости у меня от этого звания. Пожизненный! Этим они хотели, значит, меня выделить из своих депутатов, подчеркнуть мне свое доверие на всю мою жизнь. Показать мне, что они знают, что я всю свою жизнь положу за интересы рабочих и никогда им не изменю до гроба... Я должен это ценить вдвое, потому что, что может быть более чуждым, как офицер для рабочих. А они сумели своими чуткими душами снять с меня ненавистную мне офицерскую оболочку и признать во мне их товарища, друга и носителя их нужд на всю жизнь. Не знаю, есть ли еще кто-нибудь с таким званием, но мне кажется, что выше этого звания нет на свете. Меня преступное правительство может лишить всего, всех их глупых ярлыков: дворянства, чинов, прав состояния, но не во власти правительства лишить меня моего единственного звания отныне: пожизненного депутата рабочих... Я сумею умереть за них. Сумею душу свою положить за них. И ни один из них никогда, ни они, ни их дети не пожалеют, что дали мне это звание...»

Позже я имел возможность лично общаться с П. П. Шмидтом — честным русским офицером, связавшим свою жизнь с народом,— на «Очакове» во время восстания, в каземате очаковской тюрьмы. Но особенно много данных о нем мне удалось получить за годы жизни в Одессе от торговых моряков, плававших со Шмидтом — капитаном пароходов «Игорь», «Кострома», «Диана».

Он родился 5 февраля 1867 года в семье морского офицера, жившей в Одессе. В 1886 году Шмидт окончил кадетский корпус, а в 1887 году молодой мичман получил назначение в Балтийский флот. С марта 1894 года он служил в сибирском флотском экипаже. При комплектовании С. О. Макаровым экипажа ледокола «Ермак» Шмидт перешел под командование Макарова, совершил плавание в высокие широты Арктики, стал известен как смелый

и бесстрашный моряк. На ледоколе Шмидт успешно работал над изобретением приспособления для обогрева корпуса во льдах.

Душная атмосфера царского флота, кастовость, косность большинства офицеров-дворян, тупая муштровка матросов заставили Шмидта перейти в торговый флот. До сих пор помнят старые моряки годы совместных плаваний с капитаном Шмидтом. Он был ярым врагом издевательств над матросами, которые практиковались в Русском обществе пароходства и торговли. Немало он списал с кораблей, которыми командовал, любителей мордобития. Сохранились его слова: «Мордошлепам» у меня места нет. Я от них ушел с военной службы. Здесь только свободный матрос, гражданин, строго подчиняющийся своим обязанностям во время службы».

Часто можно было слышать от моряков, что Шмидт открыл им глаза на море. Просвещенный, опытный капитан пользовался новейшими приемами навигации, не жалея времени и сил, учил штурманов, простых матросов. На судах, которыми командовал Шмидт, было правилом обучение штурманами матросов, занятия с малограмотными, чтение художественной литературы. Учебники и пособия покупались за счет судна. Наряду с чутким, человечным отношением к матросам Шмидт требовал исправного и четкого несения морской службы. Особенно требовательно относился он к команде во время плавания, при исполнении обязанностей на вахте. В штормовую погоду он мог выстаивать на мостике по 30 часов.

В начале русско-японской войны, как офицер запаса, Шмидт был призван во флот и назначен старшим офицером на транспорт «Иртыш», направлявшийся на Дальний Восток. Тяжело заболев в Порт-Саиде, он был снят с судна и по выздоровлении принял командование миноносцем № 253...

В конце октября и начале ноября матросы на многих кораблях Черноморского флота глухо волновались, собирались с силами. Появилось в Севастополе несколько новых большевиков, призывавших нас к вооруженному восстанию, усилили свою работу социал-демократы на корабле. Но общего плана восстания еще не было, не был решен вопрос о том, когда и как начать его. В те дни мы жили сообщениями о Кронштадте. Все газеты пестрели материалами о борьбе петербургских рабочих за спасение жизни сотен балтийских матросов, которым угрожала смертная казнь. В Севастополе, как и по всему Крыму, продолжалась всеобщая забастовка. Обстановка накалялась с каждым днем.

Входившие в военную организацию РСДРП «Очакова» Гладков, Антоненко, Чураев и другие развернули большую работу среди команды, агитируя ее за поддержку выступления рабочих.

Уроженец Пензенской губернии, машинист 2-й статьи Александр Иванович Гладков пользовался огромным авторитетом на «Очакове»...

Помню сходку в конце августа в связи с расстрелом руководителей восстания на «Пруте». Сходкой руководил и с горячим

словом выступил Гладков. Он говорил о том, что товарищи отдали жизнь за свободу, о том, что их кровь зовет нас на бой с самодержавием. «Сколько еще будет маячить перед нашими глазами плавучая тюрьма «Прут», где страдают наши товарищи с «Потемкина» и других кораблей?» — спросил Гладков и сам ответил: «Пока мы не поднимемся все как один против палача Чухнина и главного палача, пролившего кровь тысяч рабочих 9 января,— Кровавого Николая».

Подлинным организатором восстания в ноябре 1905 года на «Очакове» был Гладков, готовивший восстание в течение ряда месяцев. Вместе с революционерами — матросами в флотских казармах, с унтер-офицером саперной роты Барышевым, пламенным революционером с «Потемкина» Сиротенко — простыми матросами, сынами российского народа, поднял нас Гладков на смертный бой с самодержавием.

В конце октября еще не пришло время для восстания, поэтому Гладков, Антоненко и другие социал-демократы «Очакова» принимали все меры, чтобы сдерживать команду, возмущенную грубым поведением командира крейсера капитана 2-го ранга Глизяна. Мы знали, что, кроме броненосца «Потемкин», стоявшего рядом с нами, мозоля глаза своим новым названием «Святой Пантелеймон», на остальных броненосцах команды еще не готовы к восстанию. Были разговоры о том, чтобы мы все присоединились к всеобщей забастовке рабочих. На многих судах открыто проводились митинги, выносились экономические требования об улучшении питания, о сокращении непосильных работ, отмене унизительного труда денщиков, выносились и принимались политические требования.

Вся эта работа проходила под руководством севастопольской социал-демократической организации, которая помогала нам выставлять требования к начальству, предполагая организовать всеобщую забастовку матросов [1]. Между тем настроение на флоте было более революционным. На многолюдных сходках, с участием тысяч матросов, раздавались речи о вооруженном восстании по примеру потемкинцев, как единственном пути завоевания свободы.

1 ноября нам был прочитан приказ командующего флотом Чухнина. Он писал по поводу одной из сходок: «Допуская, что лица, державшие речь на сходке 30 октября, еще недостаточно усвоили понятие о свободе слова, смешивая ее с полной разнузданностью выражений, полагаю возможным ограничиться пока напоминанием закона, что за призывы к действию против правительства, если таковые будут повторяться, преступившие закон будут подвергнуты ответственности».

3 ноября Чухнин издал новый приказ, которым запрещал матросам посещать митинги и собрания, угрожал тяжелыми

[1] Севастопольская социал-демократическая организация и Военный комитет РСДРП работали в трудных условиях. После подавления восстания на броненосце «Потемкин» было уволено около 3 тысяч революционно настроенных матросов. Позиции большевиков ослабли. *Ред.*

наказаниями за распространение и чтение социал-демократической литературы.

6 ноября на площади между казармами Брестского полка и флотским экипажем состоялось два многотысячных митинга рабочих с участием матросов и солдат. Рабочие призывали нас принять участие во всеобщей забастовке, ссылались на пример железнодорожников Симферопольского узла, моряков торгового флота, включившихся в забастовку. Однако большинство ораторов из матросов и солдат доказывали, что забастовка должна перерасти в вооруженное восстание, и призывали рабочих поддержать это восстание.

8 ноября на «Очакове» по инициативе машинной и кочегарной команд мы предъявили старшему офицеру Скаловскому ряд требований. Мы твердо заявили, что, пока крейсером командует Глизян, или, как мы его называли, «обезьяна», никто не будет нести службы.

Глизян выскочил к нам сам не свой, начал топать ногами, угрожать расстрелом. Один из машинистов ответил ему: «Мы не боимся ваших угроз. Хуже нам не будет...»

Вечером, перед спуском флага, в ответ на приветствие командира: «Здорово, молодцы!» — все промолчали. Он повторил свое приветствие, в ответ раздались свист, крики.

Одновременно почти ежедневно шли митинги на стоявшем рядом броненосце «Потемкин». Минный квартирмейстер Иван Сиротенко, крупный организатор и активный участник большевистской группы, собирал на баке команду и в присутствии офицеров резко выступал против правительства, рассказывал матросам о решениях III съезда партии, призывал их к восстанию. Выше среднего роста, широкоплечий, с густыми черными кудрявыми волосами, смелый квартирмейстер был известен на многих кораблях. Он, уроженец Харьковской губернии, прослужил во флоте с 1898 года и подлежал увольнению в запас. В ноябре запасные должны были разъехаться по домам. Но мы, связанные с социал-демократами, знали о том, что Сиротенко, скучая о семье, состоявшей из жены и двоих детей, заявил военной партийной организации, что он останется во флоте до тех пор, пока не наступят решительные события.

9 ноября к нам на борт поднялся военно-морской прокурор. Нас всех выстроили. Чувствовалось по настроению офицеров и по виду прокурора, что он собирается решительно поговорить с нами. Но не успел он еще раскрыть рот, как выступил из рядов Гладков и заявил:

— Имеем претензию. Доколь нас будут кормить тухлятиной и гнилыми сухарями? Доколь будет у нас командиром зверь в образе человека — Глизян?

Прокурор растерялся. Он промямлил, что разберется насчет пищи, а вот его интересует, почему мы нарушаем устав и проводим сборища на корабле...

— Ваше благородие! — ответил Гладков.— Сами знаете, ка-

кая сейчас жизнь пошла. Матросы тоже люди, интересуются царскими указами, но нам никто не рассказывает. Если господа офицеры будут все правильно говорить, нам и митингов не надо...

9 же ноября, поздно вечером, мы узнали, что в городе волнение. У флотских казарм собрался митинг. Рабочие просили матросов поддержать их забастовку, а матросы говорили, что мало бастовать, надо восставать. Стоило одному из ораторов упомянуть о потемкинцах, как собравшиеся решили пойти к тюрьме и освободить их. С трудом удержали организаторы митинга матросов от преждевременного выступления.

На следующий день мы провожали уволенных в запас матросов, отслуживших свои семь лет во флоте. Эти проводы превратились в многотысячную демонстрацию. В городе кипело, как в котле. Полицию и казаков как рукой смело. Попрятались шпики, примелькавшиеся за летние месяцы, многие из них бежали из Севастополя.

Было известно, что под влиянием работы социал-демократов почти весь гарнизон был настроен восстать. Волновались запасные солдаты, собранные в батальон, насчитывавший свыше тысячи штыков, минеры, артиллеристы, саперы, большинство брестцев, часть белостокцев...

11 ноября над Севастополем грянул гром. В этот день Севастопольский комитет наметил провести два митинга: один — в порту для рабочих, другой — на площади у казарм Брестского полка и флотских экипажей. Чухнин приказал послать к казармам сводную боевую роту матросов и пехотную роту. Командовать отрядом было поручено старшему флагману эскадры контр-адмиралу Писаревскому.

Караулы заняли все входы и выходы из казарм и не давали матросам и солдатам собираться. Все же некоторым матросам удалось выбраться на улицу. Стали собираться рабочие, солдаты и матросы. Сотни матросов скопились у ворот во дворе казарм, требуя выпустить их на улицу.

Писаревский обходил шеренги пехотной и матросской роты, пристально вглядываясь в лицо каждому солдату и матросу. Чего он этим добивался, неизвестно. То ли он хотел увериться в том, что они будут стрелять в своих братьев, то ли он, как удав, собирался их гипнотизировать. Не стесняясь стоявшего невдалеке молодого матроса Петрова, Писаревский подозвал к себе штабс-капитана Штейна, командовавшего пехотной ротой, и сказал:

— Подберите своего человека. Пусть станет в подъезде машинной школы. Прикажите ему выстрелить по солдатам, чтобы разъярить их против матросов.

— Прикажете стрелять? — выскочил вперед Петров, встал на одно колено, взял винтовку на изготовку и, почти не целясь, выстрелил в Писаревского, затем в Штейна. Штабс-капитан был смертельно ранен и спустя несколько часов скончался, а Писаревского унесли в приемный покой на перевязку.

Петрова арестовали. Но матросы уже вырвались за ворота и

с криком: «Восстание, восстание! Смерть драконам!» — расхватали оружие и потребовали освобождения Петрова. Офицеры вынуждены были исполнить это требование.

Восставшие хотели сразу броситься в Морское собрание, где скопилось, как обычно, много офицеров. Но тут вмешались меньшевики. Прибежала известная в Севастополе меньшевичка «товарищ Наташа», пользовавшаяся некоторым влиянием на часть матросов, и удержала их от решительных действий.

Предательская тактика меньшевиков сильно повредила нашему восстанию. Характерный пример. Сразу же за выстрелами Петрова о них сообщили меньшевику, руководившему митингом рабочих в порту. Узнав о восстании флотских экипажей, этот меньшевик пытался ослабить впечатление от выстрела Петрова. Массы уже выступили, а вместо того чтобы возглавить это выступление, руководить им, меньшевики, имевшие большинство в Севастопольском комитете РСДРП, занимались разными проектами, планами примирения, превращения выступления в «экономическую забастовку».

Вспыхнувшее восстание уже нельзя было остановить никакими средствами. Но оно нуждалось в опытном, большевистском руководстве. Наши же руководители — Антоненко, Гладков, Частник, Сиротенко и другие, составлявшие основной костяк севастопольской военной большевистской организации, были полны решимости продолжать борьбу, но у них не было опыта.

Наша беда была в том, что мы были доверчивы, настроены слишком гуманно по отношению к реакционной части офицерства.

Характерный пример. Военная организация комитета послала трех делегатов к Чухнину с требованием снять военное положение, удалить казаков из города и признать неприкосновенность выбранных нами флотских депутатов. Переговоры с делегатами вел начальник штаба контр-адмирал Федосьев. Чтобы прощупать настроение делегатов, он их очень вежливо принял, пригласил на чай и устроил так, что каждый из трех делегатов попал на «чаепитие» к разным штабным офицерам. Они думали, что у делегатов развяжутся языки, и подробно расспрашивали их о силах восставших, о планах.

Ссылаясь на отсутствие ответа Чухнина, Федосьев оттягивал время. Он обещал делегатам, что уговорит Чухнина дать согласие на выборы депутатов по всей эскадре. Чтобы доказать свою «лояльность», Федосьев предоставил в распоряжение делегатов штабной катер, прикрепил к ним капитана 2-го ранга Каськова.

— Если капитан 2-го ранга Каськов будет присутствовать на ваших заседаниях с правом решающего голоса,— сказал Федосьев,— я добьюсь у контр-адмирала Чухнина разрешения на выборы депутатов.

А Каськов даже соглашался... взять на себя обязанности председателя Совета депутатов...

Правда, некоторую пользу разъезды Каськова с представителями военной организации принесли. Так, когда делегаты подня-

лись на «Очаков», чтобы выбрать от команды крейсера депутатов в флотский Совет, командир Глизян не разрешил было выборов. Но Каськов сказал ему, что Чухнин разрешил выборы.

Большевистская часть комитета провела большую работу по организации масс. Во всех флотских экипажах были выбраны депутаты в Совет рабочих депутатов. Флотские депутаты собирались вместе с городскими и отдельно. Было решено офицеров разоружить и не пускать в казармы. В город наряжались боевые роты, чтобы не допустить провокаций. Матросские патрули следили за порядком в городе, разгоняли полицейские посты. Были закрыты все винные лавки и трактиры. Матросский отряд занял телеграфную станцию. А меньшевистские заправилы проводили время в переговорах.

Царские власти, видя главную угрозу в флотских экипажах, начали подготовку к наступлению на революционных матросов. На Историческом бульваре были выставлены пулеметы, стягивались войска. Матросы потребовали, чтобы депутаты Совета организовали совместный митинг с солдатами Брестского полка. 12 ноября несколько тысяч солдат и матросов пошли организованно, со знаменем, оркестром и лозунгами «Да здравствует РСДРП!», «Да здравствует свобода!» к казармам брестцев. Мы знали, что работавшие среди солдат большевики подготовили большую группу сочувствующих восстанию в полку.

Солдаты хорошо встретили демонстрацию, голосовали на митинге за разоружение офицеров и присоединение к восстанию. Но когда началось разоружение, часть солдат заколебалась. Матросы бросились к командиру полка Думбадзе, позже прославившемуся зверствами в Ялте, и разоружили его и еще нескольких офицеров. На этом мы успокоились. Между тем, опираясь на несознательную часть солдат, офицеры продолжали вести провокационную агитацию, а вскоре после демонстрации Думбадзе увел полк на Балаклавскую дорогу в летние лагеря. В лагерях появились попы, непрерывно читавшие проповеди, возводившие всякие небылицы на матросов, солдатам преподносили водку и бублики, затем, воспользовавшись беспокойством солдат за оставленное в казармах личное имущество, был пущен провокационный слух, что матросы хотят ограбить казармы.

Во время митинга на площади у Брестского полка туда подъехали на коляске комендант крепости генерал Неплюев и командующий 13-й пехотной дивизией генерал Сидельников.

Один из депутатов Совета обратился к Неплюеву и спросил его:

— Намерены ли вы, господин генерал, убрать пулеметы с Исторического бульвара?

— Убрать пулеметы не нахожу нужным,— ответил генерал,— думаю еще подкрепить их частью полевой артиллерии.

Генералов арестовали и посадили в казармы флотской дивизии.

От брестцев демонстрация, пополненная большой группой солдат, направилась к Белостокскому полку. Но там офицеры

успели подготовиться, выстроили полк на плацу в походной готовности. Как только демонстрация подошла ближе, полковой оркестр заиграл «Боже, царя храни», раздалась команда и полк ушел в летние лагеря.

Если бы вместо увлечения демонстрациями была проведена агитационная работа в полках, неизмеримо больше солдат присоединилось бы с оружием в руках к флотской дивизии, как это сделали на следующее утро саперы, запасный батальон.

Вечером в казармы флотской дивизии явились делегаты от солдат крепостной артиллерии и потребовали немедленно освободить Неплюева и Сидельникова, иначе будет открыт огонь по казармам. Комитет решил освободить арестованных, не проверив даже полномочий делегатов. «На прощанье» один из меньшевиков спросил Неплюева:

— Вы будете стрелять по восставшим?

Царский сатрап ответил:

— Я обязан свой долг выполнить до конца.

Меньшевик удовлетворился тем, что Неплюев дал «честное слово», которое он через три дня нарушил.

Только уехали освобожденные, как прибыли подлинные депутаты от солдат крепостной артиллерии. Они спрашивали, что им делать: то ли заклепать орудия, то ли арестовать офицеров, но определенного ответа не получили. Оказалось, что первая «делегация» состояла из переодетых жандармов.

Постепенно собирались депутаты на заседание. Прибыли представители девяти экипажей, солдат Брестского полка, запасного батальона крепостной артиллерии, саперной роты, северной и южной крепостей, телеграфной роты, крейсера «Очаков», броненосца «Потемкин».

На заседании было выработано 17 пунктов требований к царскому правительству.

Мы потребовали освободить всех политических заключенных, удалить из города боевые роты, казаков, отменить военное положение, отменить смертную казнь, открыть библиотеки, отменить титулование, прекратить «тыканье», уменьшить срок службы до четырех лет, установить новые нормы питания из расчета восьми рублей в месяц и т. п. К этим экономическим требованиям мы прибавили требования российского пролетариата: немедленный созыв Учредительного собрания, 8-часовой рабочий день, землю — крестьянам.

Так прошло 12 ноября на берегу.

Когда 11 ноября мы узнали о выстрелах Петрова по провокаторам и о восстании экипажей, среди матросов начали открыто работать Антоненко, Гладков, Чураев, Докукин, Карнаухов, Симаков, а через два дня я. Открыто начали выступать социал-демократы и на «Пантелеймоне» (бывшем «Потемкине»), и на отдельных миноносцах. Обстановка была очень напряженная. Офицеры видели и чувствовали, что назревают события. Единственно, что они могли сделать,— это притвориться «друзьями» матросов. Нас

начали усиленно кормить, многие офицеры стали отменно вежливыми, не «брезгали» беседами с «нижними чинами» на разные темы, намекая на предстоящие «облегчения». Были попытки списать кое-кого из активных матросов «Очакова» на берег, но у нас не прошел этот маневр командира. Позже я узнал, что на многих других судах, особенно броненосцах, удалось основательно «почистить» команды, что дало возможность заставить команды ряда кораблей стрелять по восставшим.

11 ноября никого с «Очакова» на берег не отпускали. Вечером мы заметили какую-то подозрительную возню у пушек. Оказалось, что кондукторы и боцман Баль — верный холуй командира — выпустили масло из компрессоров пушек. Ночью комендоры снова залили масло. Офицеры сделали вид, что не заметили этого. К сожалению, мы не обратили внимания на то, что у части пушек ночью были вынуты ударники. Их сложили в трюмные ящики, так как офицеры боялись свезти их с судна.

Также «не замечало» командование, что крейсер напоминает котел, у которого давление на пределе. Всю ночь с 11 на 12 ноября шли беседы с отдельными группами матросов. Можно без преувеличения сказать, что среди матросов, машинистов и кочегаров, младшего командного состава созрело решение восстать и бороться до конца. Только тупостью и недальновидностью офицеров можно объяснить их попытку 12 ноября утром сформировать боевую роту, чтобы послать ее на берег для подавления восстания флотских экипажей. Правда, старший офицер Скаловский вызвал к себе Докукина, Гладкова и Чураева, спросил их, будут ли они стрелять, если им прикажут. Они ответили: «Посмотрим, в кого стрелять».

Вскоре на мачте казарм флотской дивизии появился сигнал: «Очакову» прислать депутатов в казармы». Вахтенный офицер, а вслед за ним и старший офицер всячески отговаривали нас от посылки депутатов, ссылаясь на необходимость получить разрешение Чухнина.

Команда потребовала немедленно ответить сигналом, что депутаты высылаются. Мы спустили шлюпку и отправили Гладкова и Докукина в казармы.

Поздно вечером депутаты вернулись и, собрав всех матросов, рассказали о событиях в городе 12 ноября, о том, что восстало несколько тысяч солдат и матросов, казармы укрепляются. Был созван митинг, и Гладков зачитал требования, выработанные Советом флотских депутатов.

Эти требования были предъявлены Скаловскому. Командир Глизян даже не показывался на глаза матросам.

Старший офицер Скаловский пользовался некоторым уважением среди команды. Прочитав требования, Скаловский с деланным удивлением сказал:

— Сознаете ли вы, что, предъявив такие требования, вы стали на преступный путь социал-демократов? Это пахнет каторгой.

— Чего тут сознавать,— ответил за всех Чураев.— Вот я,

к примеру, уже два года социал-демократ. Нас много таких. Да и команда вся идет за социал-демократами.

Чухнин не терял надежды удержать матросов эскадры, одновременно готовя расправу с восставшими флотскими экипажами. Когда мы митинговали на палубе «Очакова», Чухнин снова начал обходить на катере броненосцы. Он поднялся на борт «Ростислава», где не было открытых выступлений матросов. Выступив перед матросами с речью о «крамольниках», нарушителях «царских и божеских законов», командующий спросил команду броненосца, готова ли она пойти на усмирение «клятвопреступников». Шестьсот матросов, выстроившихся на палубе, даже не шелохнулись, будто не к ним была обращена горячая речь адмирала. Чухнин повторил свой вопрос и услышал в ответ просьбу выступившего из рядов матроса предъявить претензию. Смельчак открыто протестовал от имени команды против тяжелого положения матросов. Приказание Чухнина арестовать предъявившего претензию не было исполнено. Матросы сгрудились вокруг товарища, и перепуганный адмирал поспешил удалиться...

Утром 15 ноября, после условного выстрела из пушки, стоявшей у памятника адмиралу Лазареву, поднялись красные флаги на 14 военных судах. Флаги подняли также все портовые катера. Даже на блокшиве «Опыт» развевался большой Красный флаг. 300 учеников гальванеров, находившихся на блокшиве, присоединились к нам.

По приказанию Шмидта я распорядился поднять флаг: «Командую флотом. Шмидт». Надо сказать, что порядок на крейсере царил необычайный. Все команды исполнялись молниеносно. Матросы предложили даже отменить традиционную «чарку».

Трудящиеся Севастополя с восторгом встретили подъем красных флагов над эскадрой. Вся набережная была запружена народом. Боевые роты, выставленные Советом для охраны порядка в городе, население засыпало цветами, встречало с ликованием.

После подъема флага Шмидт на контрминоносце «Свирепый» начал обход броненосцев и крейсеров, призывая команды присоединиться к нам. «Свирепый» шел на малом ходу. На палубе играл оркестр. Командующий революционной эскадрой стоял один на мостике и у каждого броненосца и крейсера обращался с краткой речью к командам. Но мало было на палубах матросов. Их предусмотрительно загнали в кубрики. У бортов столпились только офицеры, боцмана, кондукторы.

С волнением наблюдали мы с Гладковым за обходом «Свирепым» кораблей. Ведь каждую секунду мог последовать выстрел, Шмидта могли убить.

— Вот, смотри, Уланский,— сказал мне Гладков,— что значит смелость. Петр Петрович ведь умный человек, сознает, что любой подлец может в него выстрелить, а стоит на мостике. Значит, он весь с нами, с революцией, готов умереть за нее.

К 10 часам утра я взял с собой группу матросов и подошел к плавучей тюрьме «Прут». Мы разоружили охрану, арестовали

офицеров и, освободив всех арестованных потемкинцев и других революционных матросов, перевезли их на «Очаков». Сделал я это по приказанию Шмидта и потому, что пришло время осуществить лозунг, под которым мы боролись все лето: «Освободить потемкинцев!»

Интересно, что, когда после поражения восстания и по окончании следствия нам вручили обвинительные заключения и там говорилось о том, что Шмидт освободил арестованных с «Прута», этот честный и благородный человек передал мне через адвоката, чтобы я на суде и не заикался о том, что Шмидта не было на «Пруте». Он вообще хотел принять всю вину на себя, чтобы спасти как можно больше матросских жизней от кары палачей.

Помню, всего на «Пруте» было около 100 арестованных, и я передал в флотскую дивизию просьбу прислать продукты на такое количество людей. У нас не хватало продуктов, потому что при норме по укомплектованию в 570 человек на «Очакове» было к 15 июня около 700 матросов. Многие освобожденные просили отпустить их на берег повидаться с родными, товарищами. Я выдал им отпускные билеты, что позже мне ставилось в вину на суде. Когда мы перевозили освобожденных потемкинцев на «Очаков», со всех кораблей доносилось громкое «ура».

К 12 часам дня мы подсчитали свои силы. На нашей стороне было 12 кораблей, слабо вооруженных, с небольшим запасом снарядов. У 4000 матросов и солдат, укрепившихся в флотских казармах, не было орудий, мало было патронов.

Против нас было 22 корабля с очищенными от революционно настроенных матросов командами. Из состава крепостной артиллерии было изъято свыше половины артиллеристов, их заменили унтер-офицеры, готовившие орудия к стрельбе по революционной эскадре. На приморских высотах было установлено 60 полевых орудий. Несмотря на поддержку со стороны железнодорожников, отказавшихся подвозить войска к Севастополю, командование Одесского военного округа сумело использовать дни, когда мы медлили, и собрало в Севастополе около 10 000 солдат. На бульваре, на Северной стороне, царские власти устанавливали артиллерию.

Но мы решили бороться. На кораблях шла усиленная подготовка к бою. Мы знали, что будет пролито много крови. Но вера в правоту своего дела, решимость умереть, но не сдаться были сильнее страха смерти.

В 3 часа дня нам был предъявлен ультиматум о сдаче к пяти часам. Мы не ответили на этот ультиматум. Большие надежды возлагались на транспорт «Буг», на котором хранились мины. Он рассматривался нами как некая неприступная крепость. Под «защитой» его мин и пироксилина мы рассчитывали оттянуть бой, перейти затем в наступление. Но когда катер повел «Буг» к «Очакову», командир канонерской лодки «Терец» Ставраки выстрелом с ближней дистанции потопил катер. «Буг» лишился буксира. На утонувшем катере перевозились также ударники от орудий «Пан-

телеймона». Офицеры с «Терца» продолжали обстрел «Буга» из винтовок, и минному транспорту угрожал взрыв. Но этого не произошло, так как на «Буге» были открыты кингстоны и он пошел ко дну. Команда же бросилась за борт и, под усиленным огнем с «Терца», стала вплавь добираться до берега. Многие погибли в волнах.

Мы вежливо обращались с сотней арестованных офицеров, старались не причинять им особого зла. Тем более нам казалось, что наличие на борту такого большого количества офицеров удержит генерала Меллер-Закомельского и адмирала Чухнина от стрельбы по крейсеру. Однако враги дали нам урок классовой борьбы, они не пожалели офицеров.

Царские сатрапы правильно видели в «Очакове» основную опасность. Они понимали, что мы многое потеряли промедлением, и решили сами не медлить, переходить в наступление. Уже в наше время я познакомился в Одессе с интересным документом — телеграммой Меллер-Закомельского командующему войсками Одесского военного округа Каульбарсу. Она была послана 14 ноября. В ней говорилось: «Вопреки уверению главного командира о благонадежности судовых команд, команда «Очакова» взбунтовалась, офицеры высажены на берег. Мною предложено принять самые решительные меры, вплоть до потопления его минами...»

После предъявления нам ультиматума Чухнин скоро снова потребовал сдаться. Мы подняли сигнал: «Я не сдамся» — и навели орудия «Очакова» на флагманский броненосец «Ростислав». Затем мы подняли сигнал: «Имею много пленных офицеров». Я распорядился вывести офицеров на палубу, чтобы их видели на берегу.

Не дожидаясь истечения срока ультиматума, царские власти дали приказ начать обстрел восставших судов и повести наступление на флотские казармы. Военные действия начались с того, что канонерская лодка «Терец», которой командовал старший офицер Ставраки, бывший сотоварищ Шмидта по кадетскому корпусу и его будущий палач, разоблаченный в годы Советской власти и расстрелянный, открыла огонь по нашему катеру. А с судна «Эриклик» был дан провокационный выстрел по крепости. Офицеры заверили артиллеристов, что стрелял «Очаков». Нас начали обстреливать.
Команда стала по боевым местам, и мы приняли бой.

Шмидт вызвал квартирмейстера Ивана Сиротенко и поручил ему командовать контрминоносцем «Свирепый» и двумя номерными миноносцами.

— Действуйте по обстоятельствам,— сказал Шмидт Сиротенко.

И как только начался обстрел, «Свирепый» и миноносцы смело пошли в атаку на флагмана контрреволюции «Ростислав» и другие корабли. Смельчаки не испугались ураганного огня с десятков кораблей. Еще миг — и они выпустят торпеды. Но офицеры крейсера «Память Меркурия» и броненосца «Ростислав» опередили революционные миноносцы. Несколько одновременно попав-

ших снарядов вывели миноносцы из строя. Упал с мостика тяжело раненный Сиротенко. Погиб пламенный революционер, один из организаторов восстания.

Позже, когда мы сидели в тюрьме, нам рассказывали, что труп Сиротенко 16 ноября прибило к берегу. Почему-то матросский командир отряда миноносцев был зашит в мешок. Предполагали, что он был захвачен царскими палачами, добит ими и выброшен в море.

Ураганный огонь был сосредоточен по «Очакову». Первый снаряд разбил на «Очакове» камбуз. Этим же снарядом было убито несколько человек, меня легко ранило в голову и слегка оглушило.

У нас было только шесть орудий, крейсер еще не был бронирован, но мы около трех часов держались, пока огонь не охватил весь корабль. Нашлось несколько трусов и предателей, которые под шум боя освободили офицеров и, приспособив белую скатерть из кают-компании, подняли было флаг сдачи. Это предательство заметил Частник. Он сорвал флаг и крикнул: «Погибнем вместе с крейсером, но не сдадимся!»

Пожар начался с кормы и так быстро распространялся, что не было сил и возможности потушить его. Огромную энергию развил Частник. Он оставался с нами до последнего момента на корабле. Хоть с минуты на минуту можно было ожидать взрыва пороховых погребов, мы оставались на крейсере. Частник помогал спасать матросов из пламени и утопающих. Никогда не забуду криков матросов, которые не могли выбраться из огня и сгорали заживо. Частник был спокоен. Перед тем как мы сели в шлюпку, он сказал: «Наше поражение временное. Чухнин подавил нас, потушил пожар революции в Севастополе, но пламя пылает по всей России, революция непобедима, и за нас еще отомстят».

Кроме «Очакова» огонь по «Ростиславу» и крепости вел минный крейсер «Гридень». Видя, что выстроенные на берегу войска беспощадно расстреливают матросов, пытавшихся вплавь добраться до флотских казарм, «Гридень» дал несколько выстрелов по этим войскам.

Одновременно на берегу шло наступление нескольких полков, подкрепленных полевой артиллерией, на флотские казармы. 15 часов сопротивлялись закрепившиеся там матросы и солдаты. Только в 6 часов утра 16 ноября войскам удалось ворваться в казармы.

Начались массовые аресты. Сначала было арестовано около 4000 матросов и много солдат. В результате следствия к суду было привлечено свыше 400 моряков, наказано без суда около 1000 восставших.

18 ноября 1905 года нас, 41 очаковца, отправили из Севастополя на крейсере «Дунай» в Очаков и заключили в казематы крепости.

Военные моряки в период первой русской революции 1905—1907 гг. М., 1955, с. 430—445, 456—460

С. Я. Аллилуев

ДЕКАБРЬ 1905 ГОДА В ТИФЛИСЕ

В Москве началось вооруженное восстание. В знак солидарности с московским пролетариатом забастовали железнодорожники Закавказья. Тифлисская организация РСДРП призвала массы ко всеобщей стачке, которая должна была перейти в вооруженное восстание. Но в военный штаб восстания пробрались меньшевики вместе с их лидером Исидором Рамишвили.

В горные сельские районы для организации крестьян выехали представители Тифлисского комитета. Им поручили сколотить вооруженные партизанские отряды и по горным тропам привести их в Тифлис. Комитет одновременно дал задание военному штабу организовать для приема партизан удобные как по стратегическим, так и по конспиративным условиям пункты, заготовить достаточное количество продовольствия, оборудовать небольшой лазарет.

В середине декабря в городе произошли вооруженные столкновения с царскими войсками. В это время начали прибывать в город и крестьяне-партизаны. Руководили отрядами старые горные орлы, закаленные в борьбе с царскими колонизаторами. К великому нашему огорчению, военный штаб не подготовился к приему и размещению партизан и не имел никакого плана выступления. По требованию большевиков Тифлисский комитет созвал актив для выяснения создавшегося положения и обсуждения вопроса о том, как и где разместить прибывающие силы. Лидеры меньшевиков предложили размещать партизан в районах, отстоящих далеко от центра города,— в Дидубе и Нахаловке, где, по их мнению, должны были быть сосредоточены все боевые силы.

Наша небольшая группа большевиков возражала против скопления больших сил в этих районах, застроенных приземистыми домиками и ветхими хибарками. Мы указывали, что как только власти узнают о скоплении в Дидубе и Нахаловке большинства наших вооруженных сил, то они двинут туда надежные и преданные правительству воинские части, чтобы отрезать путь в город. И если мы все-таки попытаемся прорваться с оружием в руках и откроем действия против их войск, тогда они обстреляют нас из пушек с Арсенальной горы и, пожалуй, сметут с лица земли артиллерийским огнем все постройки рабочих окраин — Дидубе и Нахаловки, не щадя населения.

По этим соображениям мы предлагали перебросить партизан

12 Заказ 4835

в городские районы с наибольшей пролетарской прослойкой — Куки, Авлабар, Пески, где, развивая дело восстания, можно постепенно втянуть в него сочувствующую нам часть населения. Мы предлагали при первой возможности захватить важнейшие учреждения города: вокзал, телеграф, банк, продовольственные склады.

Меньшевики отвергали одно за другим наши предложения. Особенно рьяно против нас выступал Ной Жордания. Помню, он пришел на собрание актива с часовым опозданием. С места в карьер он обрушился на большевиков.

— Вы предлагаете начать вооруженное восстание в городских районах? — спросил он, обращаясь к нам.— Немыслимо! Непостижимо! Подумайте, имеем ли мы моральное право подвергать мирное население опасности? Можем ли мы брать на себя ответственность за кровопролитие? Нет и нет! Партизанские отряды должны находиться в Дидубе и Нахаловке. Это единственно разумный выход.

Иначе смотрели на восстание сами партизаны. Руководители отрядов были на стороне большевиков. Они заявили, что держать свои отряды в этой ловушке не могут.

— Мы на это не пойдем! — говорил руководитель отряда — высокий грузин с жгуче-черной бородой.— Мы хотим драться в городе. Но вы не пускаете нас туда. А здесь нам делать нечего!

— Какое же решение вы принимаете? — спросил Ной Жордания руководителей отрядов.

— Известно какое — уйдем! — ответил высокий грузин и поднялся со стула.

— Дело ваше, можете уходить,— сказал Ной Жордания.

В ту же ночь партизаны вынуждены были покинуть Тифлис. Со слезами на глазах расставались мы с крестьянами.

На следующий день мы узнали, что власти готовят разгром Нахаловки. Большевики оказались правы. Сосредоточивать силы в этих отдаленных районах значило обречь их на верную гибель.

Узнав о предстоящем походе войск на Нахаловку, штаб, предводительствуемый Исидором Рамишвили, решил выставить по всем переулкам поселка вооруженных рабочих для охраны населения. Большевики считали эту затею нелепой. Нельзя было собирать в этом районе против сконцентрированных войск рабочие дружины. Надо было использовать партизанскую тактику уличной борьбы, применявшуюся московскими дружинниками. Однако мы вынуждены были все-таки принять участие в охране Нахаловки. Для этой цели была мобилизована группа рабочих-боевиков во главе с профессиональным революционером Камо — Семеном Аршаковичем Тер-Петросяном.

Я в то время жил у рабочего Казимира Манкевича, по Авчальской улице, рядом с казармами саперов. Один из товарищей — сапер, связанный с нашей военной организацией,— сообщил нам, что ночью в Нахаловку вступят в полной готовности воинские части всех родов оружия: пехота, конница, артиллерия.

Мы не спали всю ночь, огонь был потушен, на улице царила

мертвая тишина. Мы с тревогой прислушивались к малейшему шороху и с напряженным вниманием вглядывались в черную бездну темной улицы.

В полночь откуда-то издали донесся конский топот. Мы прислушались. Топот нарастал, приближался. Вскоре мы заметили кавалеристов. Двигались они по направлению к Нахаловке. Потом показалась пехота, затем опять конница, далее загремела артиллерия, прошел санитарный обоз, потом шум постепенно стал удаляться. Снова наступила мертвая тишина. Мы с Казимиром решили выйти из своего безопасного наблюдательного поста на свежий воздух.

Ночь стояла темная, небо было покрыто облаками. Наступившую тишину нарушал лишь лай встревоженных собак. Слышны были отдаленные ружейные выстрелы. После нескольких часов утомительной ходьбы по задворкам Авчальской улицы мы под утро вернулись домой и заснули тревожным сном.

Около 10 часов я вышел на улицу и через некоторое время увидел шедший со стороны Нахаловки небольшой отряд пехоты. Когда отряд приблизился, я заметил, что впереди отряда находились двое арестованных: один был армянин, по виду мелкий буржуа, а другой шел с накинутым на голову пальто и закутанным лицом. Вглядевшись в арестованных, я в одном узнал местного духанщика. У меня отлегло от сердца.

«Ну и трофеи достались вам!» — подумал я. Вдруг второй арестованный повернулся в мою сторону, и я увидел его лицо, покрытое сгустками запекшейся крови. Я вздрогнул: это был Камо.

Я побежал в Нахаловку. Там мне сообщили подробности ночного налета. Войска окружили поселок и начали повальный обыск квартир. Меньшевистские пикетчики никакого сопротивления войскам не оказывали, а ограничились тем, что, как только узнали о приближении войск, разбрелись по поселку, чтобы оповестить население о прибытии солдат, а также спрятать оружие в надежные места. Так же поступили и те пикетчики-меньшевики, которые находились в резерве в доме духанщика. Они наспех спрятали свое оружие в дровяном сарае, засыпали его разным мусором и заложили дровами, а сами разошлись по домам. Это небрежно спрятанное оружие, найденное при обыске, и послужило поводом для ареста духанщика.

В тяжелом положении находилась наша боевая большевистская группа. Не получая приказа о сопротивлении войскам, большевики должны были принимать решение по своему усмотрению. Когда войска приблизились к Нахаловке, боевики в полном порядке направились в глубь поселка, затем пошли по ущелью меж гор по направлению к Соленому озеру. Добравшись до Худадовского леса, они вдруг столкнулись с окружавшими их казаками-пехотинцами пластунского полка. Наши боевики попали в западню. Им ничего не оставалось делать, как вступить в бой с намного превосходящими силами противника.

Едва войска покинули Нахаловку, к рабочим прибежал сторож

Худадовского леса и сообщил, что при обходе участка он в кустах обнаружил несколько трупов. Вблизи его сторожки лежал раненый человек. Увидев сторожа, он чуть-чуть приподнялся и просил передать товарищам о том, что боевики не падали духом в бою, не просили пощады у врага, дрались мужественно, умирали без страха. Затем раненый потерял сознание. В это время мимо проходил небольшой отряд казаков с офицером во главе.

— Что, уже готов? — спросил офицер сторожа.

— Да, он весь исколот штыками...— ответил сторож.

Один из казаков поднял было ружье, чтобы всадить штык в грудь лежавшему без чувств человеку. Офицер отстранил рукой штык и брезгливо сказал:

— Не трогай, он уже получил должное. Видишь, мертв!

Группа товарищей, выслушав сторожа, сейчас же отправилась в лес. Там они нашли 12 застывших трупов. Это были боевики большевистского отряда, павшие смертью храбрых. Тяжелораненый лежал неподвижно, но в нем еще теплилась жизнь. Он тотчас же был перенесен в наш лазарет, где сделали тщательную промывку и перевязку многочисленных ран. Его могучий организм и сильный дух победили смерть.

Гробы с телами 12 героев были установлены в одном из небольших домиков поселка. Тысячи людей приходили сюда, чтобы громко выразить свое возмущение зверской расправой. Два дня продолжалось массовое паломничество.

На третий день власти встревожились. Они поставили часовых в Нахаловке и тем самым прекратили доступ к убитым. Вскоре в поселок явилось несколько офицеров, потребовавших, чтобы мы немедленно похоронили погибших. Мы ответили, что хлопочем о разрешении похоронить товарищей на Кукийском кладбище — там был погребен и Петр Монтин [1],— а также о свободном проходе похоронной процессии по некоторым улицам города. Офицеры удовлетворились этим ответом и сейчас же уехали.

Похорон на кладбище, связанных со свободным проходом процессии по городу, власти не разрешили. Тогда мы решили похоронить их на одной из возвышенностей между двух ущелий за Нахаловкой.

Тысячи людей участвовали в похоронах. И когда тела рабочих-героев были опущены в могилу, народ запел похоронный марш. Наконец братская могила была засыпана землей, вокруг были уложены десятки венков. Но люди не расходились. Они стояли строгие и торжественные. Кто-то робко затянул «Марсельезу», другой голос поддержал его, и вот уже понеслась, громко зазвучала боевая победная песнь борьбы и труда.

Первая русская. Сборник воспоминаний активных участников революции 1905—1907 гг. М. 1975, с. 217—222

---

[1] *Петр Монтин* — рабочий-большевик, был убит 6 декабря 1905 года, похороны его вылились в грандиозную демонстрацию солидарности рабочих. *Ред.*

К. Ашуров

ПОД РУКОВОДСТВОМ РУССКИХ БОЛЬШЕВИКОВ [1]

Во время революции 1905 года я работал в типографии Демурова [2]. Конечно, мы тогда были неграмотными и не всегда ясно понимали сущность происходивших событий. Однако были передовые рабочие, русские товарищи, которые руководили нами и указывали нам правильный путь. В политическую борьбу нас вовлек М. В. Морозов — самый известный и признанный руководитель местных большевиков. Ему помогали и местные рабочие, в числе которых был и Акрамджан Камилджанов, работавший в типографии с 1884 года (А. Камилджанов умер в 1921 году в городе Самарканде). Впервые о революции 1905 года в России нам сообщил М. В. Морозов. Собрав 45 узбеков и таджиков в одном доме (на углу нынешних улиц Ленина и Фрунзе, в городе Самарканде), он рассказал о событиях в Петрограде и Москве. На этом собрании выступили и другие большевики. Они говорили о тяжелом положении русских рабочих и крестьян, критиковали тактику эсеров. Помню хорошо, что после этого эсеры были выгнаны с собрания.

По поручению большевиков я участвовал в печатании листовок и воззваний в подпольной типографии, находившейся тогда на квартире одного из домов по улице Петровской (ныне улица Энгельса). Я работал в этой типографии совместно с рабочими Хоменко, Исмаилом Шаджановым и Султанмурадом Турсуновым.

Мне памятна также октябрьская уличная демонстрация трудящихся Самарканда. Выступивший во время демонстрации Морозов говорил о сущности манифеста царя и призывал нас не давать обмануть себя и не верить подобным бумажкам, а упорно бороться против царского правительства. Под руководством русских большевиков трудящиеся местных национальностей начали активно участвовать в революционном движении. Среди активных участников революции 1905 года в Самарканде были, например, рабочие Шариф-тога (фамилию его забыл), Икрамов Барат (работавший тогда в типографии), молодой ученик типографии Атамурад Шермухамедов, а также Мулла Мелик, Ашуров Абдукарим и другие. Ряды борцов против царизма ширились с каждым днем.

Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане. Сборник статей и воспоминаний. Ташкент, 1955, с. 135—136

---

[1] Воспоминания записаны со слов К. Ашурова старшим преподавателем УзГУ С. А. Акрамовым и аспирантом Института истории и археологии Академии Наук УзССР А. К. Валиевым. *Ред.*

[2] После Октябрьской революции типография Демурова была национализирована, а на ее базе создана Самаркандская областная типография. *Ред.*

М. А. Герцман

БОЕВАЯ ДРУЖИНА ЕКАТЕРИНБУРГА В 1905 ГОДУ

19 октября 1905 года на Кафедральной площади большевики Екатеринбурга организовали многолюдный митинг.

Черносотенцы, убедившись, что у нас не было никакого оружия, бросились на участников митинга и стали их избивать...

Вдали, за плотиной, показалась с большим красным флагом демонстрация учащихся. Озверелые черносотенцы бросились ей навстречу и подвергли мирно шедших учеников кровавому избиению.

События 19 октября для екатеринбургской партийной организации были огромным уроком. Если до сих пор только говорили о необходимости вооружения и создания боевых дружин, то теперь каждый понял, какую мы сделали ошибку, не создав своевременно крепкую боевую дружину. Это поняли не только члены партии, но и многие рядовые рабочие. Никогда идея вооружения рабочих не была так популярна, как в это время. И неудивительно, когда мы затем на митингах обходили публику с шапками «на оружие», то некоторые клали в эти шапки по 3—5 рублей и даже ценные вещи.

Через несколько дней было собрание в лесу. Выступал там тов. Вилонов (Михаил), который только что вышел из тюрьмы. Основная цель собрания состояла в организации боевой дружины. Все товарищи, имевшие оружие (многие его тут же получали), были разделены на десятки. Наш отряд возглавил верхисетский рабочий Смирнов (Платоныч), который, несмотря на свою довольно солидную полноту, очень бойко командовал своим десятком. Он заставлял нас ходить, бегать, ложиться и стрелять в цель. Команда его обыкновенно была: «По черной сотне бей», причем нужно сказать, что успехи наши в стрельбе в то время были довольно неважные.

Первые дни после погрома в городе царила какая-то жуткая тишина. Многие боялись выходить из дому. Театры пустовали. Но в ближайшее воскресенье в Верх-Исетском театре днем была назначена лекция кадета доктора Спасского о манифесте царя от 17 октября. На лекцию Спасского публики явилось очень немного. Среди них были члены нашей боевой дружины во главе с Я. М. Свердловым. Среди присутствующих я помню также Павла Кин и его жену.

Лекция Спасского была довольно скучной, но потом выступил с зажигательной речью о манифесте Я. М. Свердлов, которому очень много и горячо аплодировали. После собрания часть публики ушла, наша же боевая дружина по предложению Я. М. Свердлова пошла к зданию Благородного собрания (дворянский клуб), где в то время проходило собрание приказчиков.

Мы построились в ряды и шли по городу с песнями. Когда подошли к Благородному собранию, нас в клуб не пустили, закрыв перед нами двери. Мы стали стучать, нам долго не открывали, затем вышел какой-то смельчак, который очень удивился, узнав, что пришли рабочие и хотят участвовать в собрании. Они думали, что пришли черносотенцы разгонять собрание. Нам быстро открыли двери. Когда председатель объявил, кто мы такие, собрание нас шумно приветствовало, присутствующие потеснились и нам были предоставлены места.

Докладчиком на собрании был инженер Романов, который разъяснял значение манифеста. После него выступил Я. М. Свердлов и снова произнес блестящую речь, сопровождавшуюся долго несмолкаемыми аплодисментами. После этого перешли к организации союза приказчиков и зачтению проекта устава. По этому вопросу снова выступил Свердлов, который резко критиковал предложенный проект устава, сводивший значение союза к какому-то обществу взаимопомощи, предложил его в корне переработать и придать союзу боевой классовый характер. Предложение Якова Михайловича было принято, и он был избран в комиссию по выработке нового устава. Для окончательного утверждения устава решено было собраться на следующий день вечером в помещении гранильной фабрики, одном из наибольших помещений в Екатеринбурге. Собрание состоялось на следующий день. Зал гранильной фабрики был битком набит. Докладчиком по уставу был Свердлов. Этот устав и сопровождавшие его обширные разъяснения Свердлова были приняты с большим подъемом. Собрание охранялось боевой дружиной, и на нем царил порядок.

Эти собрания, а также шествие по городу с песнями нашей боевой дружины вновь оживили город.

Митинги стали происходить чуть ли не ежедневно. Под давлением боевой дружины мы беспрекословно получали в свое распоряжение любое помещение. Самым удобным для наших митингов был старый городской театр. Собирались также в Верх-Исетском театре и других помещениях, причем ни одно собрание, ни один митинг не происходили без участия боевой дружины.

В первое время черносотенцы делали попытки сорвать наши собрания. Боевая дружина обычно перед началом собрания занимала все проходы помещения. Иногда мы устраивали так: проведем митинг с одной частью публики, а затем просим их выйти и пускаем новую публику. Таким образом, мы обслуживали одним помещением несколько тысяч рабочих.

Черносотенцы, стремясь сорвать митинг, стучали, кричали, устраивали давку и пытались сломать двери. Я. М. Свердлов своим

зычным, звонким голосом («иерихонская труба», как его называли рабочие) командовал: «Боевая дружина, вперед!» В ответ на это дружинники вынимали свои револьверы, выходили на улицу, выстраивались. Толпа черносотенцев тотчас же отступала, и порядок быстро восстанавливался.

Помню такой случай. Это было поздно ночью. Ночь была темная, фонари не горели или горели очень тускло. Воспользовавшись темнотой, группа черносотенцев решила сорвать наш митинг. Черносотенцы подошли вплотную к театру, ломали стекла и угрожали. Никакие наши уговоры на них не действовали, потому что они были пьяны. Тогда мы вышли вперед, направили в них револьверы и под команду дали залп вверх. Это их быстро отрезвило, шум прекратился.

Вообще наши митинги и собрания проходили в большом порядке. Внутри помещения порядок был исключительный. Даже местные буржуазные газеты указывали, что, несмотря на полное отсутствие на митингах полиции, порядок у социал-демократов образцовый. У других партий, в частности у эсеров, на собраниях стоял такой невообразимый шум, что собрания проводить было невозможно, в то время как на наших митингах стоило только председательствующему Я. М. Свердлову крикнуть: «Товарищи, тише!» — и водворялась абсолютная тишина.

Всего в нашей боевой дружине числилось человек 100—150, но на митинги для охраны приходило человек 40—50. Наиболее аккуратными были рабочие.

Нужно сказать, что после того, как была создана нами боевая дружина, черносотенцы очень сильно струхнули и старались не показываться. Если до этого они часто собирались в здании городской или ремесленной управы, то теперь эти собрания прекратились. Начавшая выходить черносотенная газета «Голос народа» под редакторством председателя екатеринбургского «Союза русского народа» Козицына никакого распространения не имела. Рабочие ее называли «Голос урода». Стоило только где-нибудь появиться этой газете, ее немедленно уничтожали, а владельца номера нередко подвергали избиению. Поэтому для открытого распространения ее охотников не находилось. Но тем не менее черносотенцев в городе было довольно много. У них была крепкая связь с полицией и охранкой. Они устраивали свои закрытые собрания, где поговаривали о повторении событий 19 октября.

При боевой дружине у нас была своя небольшая «разведка». В начале декабря стало известно, что черносотенцы собираются 6 декабря (в этот день был праздник Николы и именины царя) устроить погром.

С утра 6 декабря вся дружина была мобилизована. Главный штаб у нас находился в помещении «Общества уральских горных техников» на Тарасовской набережной [1]. Здесь были сосредоточены основные наши вооруженные силы и оружие. Там мы провели

[1] Ныне улица М. Горького, 13. *Ред.*

весь день и всю ночь. Руководил нами Ф. Ф. Сыромолотов (Федич). Мы были разделены на небольшие разведывательные отряды, которые ходили по определенным маршрутам по улицам и охраняли квартиры, где находились товарищи из партийного комитета.

Ночь прошла спокойно, никаких выступлений черносотенцев не было. К утру мы разошлись.

Примерно в декабре в Екатеринбурге были открыты нами два партийных клуба. В этих клубах происходили регулярные собрания и лекции. Лекции читали Свердлов, Замятин-Батурин (Константин) и другие. Эти собрания также охранялись нашей боевой дружиной.

В конце декабря начались аресты. Город был объявлен на положении чрезвычайной охраны. Прибывали ингуши и другие войска. Полиция и жандармерия, почувствовав свою силу, прилагали все меры, чтобы изловить ненавистную ей боевую дружину. Аресты стали носить массовый характер. Если при обыске у кого-нибудь находили револьвер, то его объявляли «дружинником» и жестоко избивали, требуя, чтобы он выдал других дружинников. Но из этого у царских опричников ничего не получилось. Нашу дружину они не раскрыли, и она, перестроившись, ушла в глубокое подполье.

Большевики Урала в революции 1905—1907 годов. Свердловск, 1956, с 228—231

В. Д. Чаплинский

ЧИТИНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1905 ГОДА [1]

ВНУТРИПАРТИЙНАЯ РАБОТА

Совет солдатских и военных депутатов и смешанный стачечный комитет начали усиленно готовиться к вооруженной борьбе.

В это время внутри Читинского комитета социал-демократов, между руководителями его, разгорелся принципиальный спор, не только о сущности содержания революции, но и о методах и способах борьбы с наступающей контрреволюцией, причем этот спор был перенесен в Совет военных депутатов. В этом вопросе не было полного единодушия и между намечавшимися фракциями меньшевиков и большевиков, благодаря чему не было выработано твердого плана борьбы, который был бы принят всеми фракциями и всеми революционными органами.

Социал-демократы (большевики) стояли за следующий план: 1) образовать забайкальское революционное временное правительство; 2) сконцентрировать в Чите всех революционных солдат и казаков; 3) укрепить читинские горы пушками и достаточным количеством снарядов к ним и превратить читинские мастерские в арсенал; 4) взорвать Хинганский мост; 5) подготовиться к позиционной войне, а если не удастся, то перейти на партизанский способ действий.

Социал-демократы (меньшевики), находясь под сильным давлением рабочих-большевиков, коих было большинство в организации, вынуждены были в лице Николая Маленького (Суслова) изложить такой план: 1) укрепить и минировать район и самые железнодорожные мастерские; 2) развить в городе партизанскую борьбу и 3) разоружить черносотенные части. Меньшевики стояли против организации временного правительства, ссылаясь на то, что до сего времени обошлись и без него, ибо имеются революционные органы, как смешанный стачечный комитет, Совет военных депутатов и т. д.

После горячих дебатов внутри комитета социал-демократов последними была принята следующая форма обороны: 1) сконцентрировать в Чите и других мастерских Забайкалья революционных солдат и казаков; 2) разоружить войсковые части, стоящие за поддержку царского самодержавия; 3) вооружить читинские

[1] Заголовок дан редакцией. *Ред.*

мастерские, превратить их в крепость, а окрестности минировать; 4) взорвать Хинганский мост; 5) взорвать поезда Меллера-Закомельского и Ренненкампфа и 6) вести партизанскую войну.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЕ

За весь период времени, с момента объявления всеобщей октябрьской стачки до средины января 1906 года, в городе Чите и его районах был образцовый революционный порядок.

Город находился под охраной боевых дружин и Совета военных депутатов. Полицейских, жандармов и шпиков не было видно нигде.

Дисциплина среди боевых дружин, солдат и казаков гарнизона была на должной высоте.

Как в самом городе, так и на станциях Чита II и Чита I не было ни одного убийства и грабежа в течение трех месяцев, несмотря на то что на путях станции Чита I и города жило более 1000 человек голодных сахалинцев-каторжан.

Но вот начали носиться тревожные слухи: разгон в Москве и Петербурге Советов рабочих депутатов, посылка карательных отрядов по России, движение на восток, через Сибирь Семеновского полка во главе с палачом Меллер-Закомельским, наступление карательного отряда Ренненкампфа с востока и т. д.

Рабочие Читинских мастерских и депо начали готовиться к бою с приближающимися врагами рабочих и крестьян — генералами-палачами — Ренненкампфом и Меллер-Закомельским.

В железнодорожных мастерских стали блиндировать окна, стены, начали минировать окрестность, а на прилегающих к Чите горах должны были быть поставлены орудия и т. д.

Во двор железнодорожных мастерских был доставлен провиант, был организован санитарный отряд во главе с железнодорожным фельдшером тов. Корениным и сестрами милосердия.

Были организованы две боевые группы для взрыва поездов Меллер-Закомельского и Ренненкампфа, причем одна группа должна была направиться на станцию Яблоновую, а другая в сторону станции Кручина. В состав последней были назначены товарищи Гайдуков, Силаев, Черменев и Чаплинский.

Боевые дружины под командой Костюшко-Валюжанича [1] стояли в выжидательно-боевом настроении.

Совет военных депутатов стал нервно готовиться к отражению карателей.

Среди нас, рядовых членов социал-демократической партии и беспартийных рабочих, была полная уверенность, что гарнизон,

---

[1] *А. А. Костюшко-Валюжанич* (Григорович) — один из активных руководителей Читинского вооруженного восстания 1905—1906 годов, член Читинского комитета РСДРП(б). 2 марта 1906 года в Чите расстрелян. *Ред.*

железнодорожный батальон и казаки, когда настанет момент решительной борьбы, нас поддержат.

Читинский комитет социал-демократов, смешанный стачечный комитет и Совет военных депутатов стали призывать рабочих, солдат, казаков и крестьян Забайкальской области к бою с царским самодержавием в лице наступающих карательных отрядов во главе с генералами Меллер-Закомельским и Ренненкампфом.

ПОЯВЛЕНИЕ КАРАТЕЛЕЙ

События шли своим чередом.

Карательные отряды генералов Меллер-Закомельского и Ренненкампфа приближались к очагу революции на Дальнем Востоке — к Чите.

Меллер-Закомельский из Иркутска начал продвижение в Забайкалье, останавливаясь почти на всех крупных станциях, ликвидируя революционные органы, производя аресты, порки и расстрелы на месте, а кого не расстреляли, теми заполняли свои вагоны в качестве пленных.

Из Верхнеудинска, где им был ликвидирован стачком и расстреляно пять человек, Меллер-Закомельский быстро двинулся на станцию Петровский Завод и Хилок, где также пожал богатую кровавую жатву.

К приезду Меллер-Закомельского на станцию Хилок 20 января (2 февраля) 1906 года жандармы уже успели арестовать многих активных участников местного революционного движения. Арестованы были следующие товарищи: 1) Цетнерский Осип Макарович, кладовщик Общества потребителей; 2) Королев Иван Иванович — машинист депо; 3) Цехмистер Алексей Федорович — телеграфист; 4) Беловицкий Николай Васильевич — телеграфист; 5) Тимсон Иван Антонович — телеграфист; 6) Соловский — слесарь депо; 7) Леонтьев — телеграфист. Эти товарищи были увезены на станцию Могзон, где расстреляны 22 января (4 февраля) 1906 года, причем многие из арестованных были подвергнуты жестокой порке.

Одновременно с востока приближался к Чите карательный отряд генерала Ренненкампфа. Отряд Ренненкампфа, выйдя со станции Маньчжурия, двигался довольно медленно и прибыл в Читу после того, как туда прибыл Меллер-Закомельский со своими карателями — солдатами гвардейского Семеновского полка.

Оба они подошли к Чите: один со стороны станции Песчанка, выставив пушки за городским кладбищем, против вокзала Чита I, а другой — прямо от озера Кенон, со стороны станции Чита II, и тоже выставил пушки. Каждый из них хотел быть победителем Читы, не дав пожать другому лавры, кои они не могли получить на полях Маньчжурии в боях с японцами...

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЧИТЫ

Боевым дружинам был дан приказ быть готовым к бою. Местом сбора боевых дружин были назначены железнодорожные мастерские. Сигналом для сбора должен был служить продолжительный гудок железнодорожных мастерских.

Члены боевых дружин, в коих состояли почти все члены читинской организации социал-демократов, были готовы к бою. Неутомимыми руководителями были товарищи Костюшко-Валюжанич, Николаев, Бархатов. Совет солдатских, казачьих и военных депутатов читинского гарнизона также стал готовиться к бою, несмотря на то что все чувствовали серьезную опасность окружения Читы карательными отрядами Меллер-Закомельского и Ренненкампфа и ожидали наступления со стороны так называемого «нейтрального» читинского полка генерала Румшевича.

Смешанный стачечный комитет следил за всеми движениями и приказами генерала Меллер-Закомельского и Ренненкампфа и выполнял все распоряжения Читинского комитета партии и Совета военных депутатов.

21 декабря 1905 года (3 января 1906 года), то есть за два дня до прибытия в Читу карательных отрядов, наши отряды, посланные для взрыва поездов Меллер-Закомельского и Ренненкампфа, вынуждены были возвратиться обратно, так как уже не представлялось возможности выполнить это боевое задание.

23 декабря (5 января) утром уже стало известно, что карательный отряд Меллер-Закомельского выехал со станции Могзон, а отряд Ренненкампфа — со станции Карымской и что они подъезжают к Чите.

Темная морозная ночь. Все в ожидании серьезного момента.

Наступило 12 часов ночи. Раздался протяжный, тревожный гудок железнодорожных мастерских: у-у-у-у...

Этот звук у всех, кто чувствовал серьезный момент борьбы с врагами, отразился в сердцах, как эхо, породил сознание необходимости идти и становиться в ряды...

Как сейчас, помнится эта тревожная и тяжелая ночь.

Ваня Силаев (Черменев), Вася Гайдуков (Таежный), Антонов, Вася Алексеев, Костя Хавский, Кеша Петров, вооружившись винтовками, патронами и бомбами, двинулись в железнодорожные мастерские.

В этот момент в помещении железнодорожных мастерских собралось около 150 человек, среди которых были товарищи Костюшко-Валюжанич, Парамонов, Кузнецов, Зозуля, Неометов, Качаев и многие другие, работающие и по настоящее время в рядах нашей партии.

В сборном цехе товарищи рассыпались по отдельным группам и взволнованно перебрасывались между собой отдельными фразами, обсуждая, что делать дальше.

Все поджидали, что вот-вот подойдет подмога со стороны чи-

тинского гарнизона, но этой подмоги не было, ибо военный совет уже учел, что борьба с вооруженными до зубов карательными отрядами будет бесполезной...

К концу третьего часа ночи тов. Костюшко-Валюжанич выступил и заявил, что в силу создавшихся условий борьба с карательными отрядами невозможна, и объявил постановление Читинского комитета партии и военного совета, гласящее:

«Вооруженное сопротивление не оказывать, революционную борьбу вести в подполье и готовиться к грядущим новым боям».

В четвертом часу ночи мимо маленькой группы членов партии и членов боевых дружин прошел боевой отряд тов. Николаева в числе 30 человек, известив всех рабочих, что враги рабочих уже вступили в Читу и что не желающие попасть в их руки должны заблаговременно скрыться.

Утром старая и новая колонии (рабочая слободка около станции Чита I) были окружены военными патрулями, которые обыскивали квартиры, стараясь найти оружие.

24 января (7 февраля) пала революционная Чита и Ренненкампф издал приказ жандармским чинам: «Прошу немедленно арестовать всех виновных в политических преступлениях и забастовках на линии, произвести о них подробные дознания, которые представлять мне в поезд, сообщив, кто арестован и в чем обвиняется».

Полиция, жандармы, охранка и провокаторы стали стараться вовсю, чтобы выполнить волю палача Ренненкампфа. Первой кровавой жертвой был тов. Лук, который был пойман на переезде около железнодорожных мастерских. Он был жестоко избит, до полной потери сознания, и брошен в тюрьму.

Днем и ночью до конца января 1906 года жандармы свирепствовали и арестовывали всех причастных к революционному движению. В течение одной недели было арестовано более 400 человек. В числе арестованных были товарищи Костюшко-Валюжанич, помначальника станции Эрнест Цуксман, Качаев, Кривоносенко, Вайнштейн, Столяров, Павел Кларк, его сын Борис Кларк, Алексей Кузнецов и много других активных участников как партийной организации, так и смешанного стачечного комитета. Из состава военного Совета военных депутатов было арестовано 27 товарищей: Чириков, Гантимуров, Перевалов, Рюмкин, Г. Шангин, Белоглазов, Ранжуров, Простокишин, Пятков, Андрей Петров, Лопатин, Тараканов, Голубцев, Федоров, Петрушев, Чистохин, Суворов, Беломестнов, Братеньков, Селяев, Шемыкин, Всеволод Чистохин, Андрей Андреевич Лопатин, Белякин, Полубояркин, Курнатовский. Из Совета офицеров и военнослужащих были арестованы: Окунцов, Изгородин, поручик Родионов, подпоручик Садовский, подпоручик Рыбальский, подпоручик Пирогов, подпоручик Солодовников, прапорщик Пирогов, врач Коварский, Золотухин, Волков и другие.

26 января (8 февраля) были арестованы руководители почтово-телеграфной забастовки: Костырев, Андриевский, Бергман, Замо-

шников, Рыбин, Розов Николай, Афанасьев, Греков, а также Сосновский, Богоявленский, двое Дмитриевских и другие, принимавшие участие в революционном движении.

Словом, аресты шли за арестами, и вскоре тюрьма наполнилась настолько, что не могла уже вместить арестованных.

Станция и город Чита представляли из себя вооруженный лагерь. Город был разбит на военные участки. Кварталы оцеплялись, а потом производились массовые обыски и аресты. Вечером никто не ходил, только казаки Ренненкампфа разъезжали по улицам.

1905. Революционное движение на Дальнем Востоке. Владивосток, 1925, с 66—71

М. К. Ветошкин

ПОДГОТОВКА ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ В 1905 ГОДУ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

В конце 1905 года пишущему эти строки пришлось в качестве партийного профессионала, работавшего в Читинском комитете РСДРП (большевиков), отправиться в Харбин для того, чтобы в непосредственной близости к фронту начать пропаганду и агитацию в войсках.

Читинский комитет, широко поставивший работу в местном гарнизоне, снабжал также революционной литературой и проходящие воинские эшелоны. Судя по отзывам солдат, приезжавших из Маньчжурии, было видно, что с большим успехом можно развернуть работу и непосредственно в маньчжурских армиях. На полях Маньчжурии тогда была сосредоточена основная масса вооруженных сил царского самодержавия. Понятно, что наши партийные организации, ближе всего находившиеся к армии, стремились всеми силами занести «революционную заразу» в войска.

Сибирский союз РСДРП уже с самого начала русско-японской войны повел большую работу в этом направлении. Но долгое время эта работа ограничивалась только печатной агитацией, так как до начала массового революционного движения партийные организации не располагали никакими подступами для более непосредственной революционной работы в прифронтовой полосе.

Всеобщая октябрьская забастовка 1905 года и те уступки, на которые царское правительство вынуждено было пойти под давлением революционного движения, резко изменили всю обстановку революционной работы в войсках. Пошатнулся режим в царской армии. После манифеста 17 октября сосредоточенные в Маньчжурии русские войска глухо заволновались. Известия из России — одно грандиознее другого — производили ошеломляющее впечатление на солдат и офицерство. Последнее было совершенно выбито из привычной колеи и первое время не знало, как себя держать по отношению к солдатам. Солдатская масса чувствовала по отдельным отрывочным сведениям, которые до нее доходили, что в России происходит что-то необыкновенное, но, предоставленная самой себе, она не могла достаточно отчетливо разобраться в событиях, которые к тому же начальство тщательно от нее скрывало. Солдаты жадно ловили всякие вести, идущие из России, и страстно хотели знать, что же у них на родине происходит.

Уловив эту «ситуацию», Читинский комитет командировал одного из своих членов в тыл маньчжурских армий для прощупыва-

ния возможности присоединения армии к рабочему движению. Мы понимали, конечно, всю важность этой задачи, но необходимо признать, что никто из нас, революционной партийной молодежи того времени, не отдавал себе ясного отчета о всей грандиозности задачи организационного и политического оформления стихийного недовольства армии.

Из всех партийных организаций Сибирского союза РСДРП определеннее других ставил задачу вооруженного восстания и захвата власти Читинский комитет большевиков. Здесь была поставлена широко работа в воинских частях местного гарнизона. После октябрьской забастовки комитет провел поголовное вооружение всех железнодорожных рабочих путем захвата винтовок на казенном складе. Здесь, как нигде в других сибирских организациях, была осуществлена организационная четкость во всей работе. Читинский комитет являлся фактическим руководителем всей работы не только в самой Чите, но и по всей линии Забайкальской железной дороги. В ноябре и декабре 1905 года партийный комитет, опираясь на вооруженную силу, фактически держал власть в своих руках. Недаром потом говорили о «Читинской республике». Это была «республика», во главе которой стоял вышедший из подполья большевистский партийный комитет. Справедливо гордясь хорошо поставленной работой, читинские подпольщики были большими патриотами своей организации. После наметившегося раскола с меньшевиками на второй конференции Сибирского союза Читинский комитет начал усиленно стягивать к себе всех большевистских работников союза. Здесь был также более сильный рабочий партийный актив, хорошо подготовленный в предшествующей подпольной работе. Надо сказать, что, не переоценивая революционного значения Читы, местный партийный комитет мог бы выделить из состава читинской организации несколько человек на восток для работы в войсках. Комитет ограничился, однако, посылкой только одного из своих членов. В этом сказалась, с одной стороны, недооценка всего значения и организационных трудностей работы в войсках, а с другой — несомненно и местническая боязнь оголить революционную Читу. Это была наша большая ошибка, если только можно в данном случае говорить об ошибке в условиях того времени...

* * *

По приезде в Харбин в начале ноября 1905 года я должен был начать свою работу с раскола местной социал-демократической организации, во главе которой стояли махровые меньшевики.

Из состава харбинской социал-демократической организации вскоре выделилась самостоятельная большевистская группа, которая в отличие от меньшевистского интеллигентского комитета стала именоваться *«Харбинская рабочая группа РСДРП»*.

Наша группа перенесла центр своей деятельности в рабочий район и поставила себе целью прежде всего ликвидировать всякое влияние меньшевиков среди рабочих.

Борьба с меньшевиками у нас завязалась на почве образования стачечного комитета Восточно-Китайской железной дороги во время ноябрьской забастовки 1905 года.

В состав этого комитета было избрано 67 человек, причем прошло много чиновников управления. С первых же шагов деятельности этого комитета стало очевидно, что пробравшиеся в него меньшевистски настроенные служащие и либеральные начальники управления неспособны ни на какие революционные действия.

Мы убедили рабочих покинуть это сборище либеральных болтунов и организовать самостоятельный стачечный комитет рабочих. В состав нового стачечного комитета вошли представители не только от железнодорожных рабочих, но и от всех городских предприятий. Вскоре к нему присоединились низшие служащие дороги и часть телеграфистов.

По существу, этот стачечный комитет представлял собою Совет рабочих депутатов, так как никакой стачки в собственном смысле этого слова не было, а так называемый стачечный комитет приводил в порядок железнодорожное движение для более успешной эвакуации войск.

Рабочий стачечный комитет с первых же шагов своей деятельности декретировал 8-часовой рабочий день во всех предприятиях Харбина. Его популярность росла. К нему шли обиженные с жалобами, обращались за разъяснениями, просили помощи, разрешения и т. д. Как видно по протоколам этого комитета, часть которых мне довелось сохранить (ныне они хранятся в Архиве революции), комитет рабочих отдавал распоряжения по всем депо и мастерским дороги, выписывал материалы, отправлял их и т. п. Комитет фактически заправлял всем движением на линии железной дороги и являлся зачаточным органом революционной власти.

Политическое руководство в рабочем стачечном комитете находилось целиком в руках большевистской группы. Через посредство этого комитета мы установили связь с рабочими по всей линии железной дороги и со всеми рабочими Харбина.

Получив таким образом опорную политическую базу, наша группа начала разрабатывать план вооруженного восстания и захвата власти по линии железной дороги при помощи армии для того, чтобы двинуть в Россию из Маньчжурии революционные вооруженные эшелоны на помощь борющимся там рабочим.

Подготовка эта началась с того, что группа организовала свою нелегальную типографию и приступила к изданию прокламаций к солдатам с призывом к вооруженному восстанию. Параллельно с этим наша группа с первых же дней своего существования занялась вооружением рабочих.

Дело это в Харбине было поставлено не так широко, как в Чите, где наша партийная организация поголовно вооружила не только местных железнодорожных рабочих, но целыми транспортами отправляла оружие для рабочих и по всем крупным станциям дороги. Такое массовое вооружение рабочих Читинский комитет в состоянии был поставить благодаря организованному захвату

рабочими под руководством комитета казенных винтовок на складах.

Мы вынуждены были действовать в Харбине, так сказать, более кустарно. Революционный захват оружия на казенных складах в районе тылового штаба армии без открытого восстания последней был невозможен. Группа организовала нелегальную покупку винтовок у солдат, военная дисциплина у которых была достаточно для этого расшатана, но которые еще не были достаточно подготовлены, чтобы самим воспользоваться этим оружием для революционных целей.

Военные власти хорошо знали, что рабочие вооружаются, но до поры до времени не могли ничего предпринять против нас. Они боялись настроения солдат. В городе также все знали о вооружении рабочих и сочувственно относились к этому. На то были тогда свои причины. Одна из основных причин широкого сочувствия в городе вооружению рабочих заключалась в том, что в Харбине все страшно боялись солдатского погрома. Весть об октябрьском солдатском бунте во Владивостоке, сопровождавшемся разграблением магазинов выпущенными из тюрьмы уголовными элементами, приводила в смертельный страх мародерскую буржуазию Харбина, нажившую капиталы на войне. Боялось погромов и многочисленное крупное чиновничество, опасаясь солдатской ненависти. Обывательской панике перед погромом поддались и местные меньшевики, которые отчасти поэтому и избегали в своих воззваниях каких бы то ни было призывов масс к действиям, опасаясь, что в специфических условиях Харбина всякое выступление масс выльется в погром подобно владивостокскому.

Пользуясь сочувствием населения делу вооружения рабочих, большевистская группа собирала по своим подписным листам крупные средства, на которые и закупались винтовки. Таким образом нам удалось вооружить около 1000 рабочих. Для инструктирования этой рабочей дружины из Читы был прислан партийным комитетом «романовец»[1] тов. Курнатовский, которого мы назначили начальником боевой рабочей дружины. Таким образом у нас была установлена связь с революционной Читой, где в то время власть фактически уже находилась в руках вооруженных рабочих и солдат во главе с комитетом нашей партии. Начальником читинских вооруженных рабочих дружин состоял также «романовец» *Костюшка-Волюжанин*[2], впоследствии расстрелянный Ренненкампфом.

Организация рабочей дружины должна была, по замыслам харбинской группы большевиков, лишь положить начало вооруженной силе, опираясь на которую группа рассчитывала на захват власти. Харбинские меньшевики изображали дело так, что боль-

---

[1] «Романовцами» называли участников вооруженного сопротивления политических ссыльных в 1904 году в Якутске, забаррикадировавшихся в доме купца Романова. *Ред.*

[2] Костюшко-Валюжанич. *Ред.*

шевики стремятся к вооруженному выступлению и захвату власти «при всяких и вопреки всяким условиям». Но, конечно, как харбинская группа, так и Читинский комитет большевиков отдавали себе совершенно ясный отчет в том, что вооруженное восстание с одними рабочими дружинами, без поддержки армии, совершенно невозможно...

Несмотря на всю медлительность подготовки из-за недостатка сил, наша группа не теряла надежды поднять восстание в войсках и двинуть революционные эшелоны из Маньчжурии на помощь русской революции. Таким путем харбинские пролетарии хотели помочь своим братьям в России в борьбе с царским самодержавием.

Заброшенные в силу капиталистической кабалы на далекую маньчжурскую окраину в тот момент, когда в России шла смертельная борьба с царским самодержавием, харбинские рабочие не могли не быть всеми своими помыслами вместе с рабочими, боровшимися в России. Вместе с тем лучшие представители харбинского пролетариата сознавали, что реальная помощь с их стороны российским рабочим была возможна только как помощь вооруженная. Здесь стояла огромная царская армия, основная сила и опора самодержавия. Рабочие видели, как на их глазах разлагалась эта вооруженная сила царизма. Естественно, что мысль даже рядовых рабочих устремилась в сторону армии, которую можно и должно было использовать как вооруженную силу для революции.

Большевистская группа только правильно выразила сокровенные чувства рабочих, когда призвала их к оружию и развернула перед ними план восстания в армии и вооруженной помощи рабочим в России.

Мы, конечно, не имели тогда совершенно ясного представления о том, как сложатся все обстоятельства восстания в войсках. Но одно было ясно, что надо прежде всего подготовить сеть наших революционных организаций по линиям дорог и захватить всю власть в руки этих организаций.

* * *

Среди мероприятий харбинской группы большевиков по подготовке вооруженного восстания и захвата власти наряду с агитационной кампанией и организацией вооруженной рабочей дружины чрезвычайно важное значение имел рабочий съезд, созванный группой в конце декабря 1905 года.

На этом съезде четко оформился тактический и организационный план группы.

Группа не решилась тогда прибегнуть к созыву формальной партийной конференции, так как местные парторганизации в Маньчжурии были еще слабы, многие из них были мало знакомы группе, а потому не было уверенности в их большевистской выдержанности. Вместе с тем было безусловно необходимо координировать революционные силы и установить единый план действий. Отсюда и родилась идея созыва рабочего съезда.

В печатном отчете группы об этом съезде задачи его сформулированы следующим образом:

«Съезд был необходим, чтобы собрать воедино все разрозненные силы рабочих, сплотить их организационно, наметить единообразную для всех тактику и *закрепить ту резко отличную позицию, которую рабочие заняли в революционной борьбе* в отличие от всех других групп и слоев общества.

Только силой оружия, силой вооруженного восстания, говорила харбинская группа, можно положить конец самодержавному произволу, только победа оружия над вооруженным царизмом и предоставит возможность передать власть из рук кучки лиц в руки всего народа.

Но съезду предстояло не только наметить для широких масс рабочих направление дальнейшей революционной борьбы и собрать их разрозненные силы,— ему необходимо было также дать определенный, точный ответ и на ближайший практический вопрос — что делать теперь и как. Силы наши страдали не только разрозненностью, но также при отсутствии опытных руководителей часто и незнанием, что практически предпринять в данный момент. Группа, естественно, не могла обслужить своей работой всю линию. Вот почему в резолюциях съезда нам и пришлось подробно остановиться на вопросе о революционном захвате власти и об образовании стачечных революционных комитетов».

Вопрос о захвате власти, об органах революционной власти был действительно центральным вопросом этого съезда. Но группа попутно преследовала цель проверить состояние железных дорог и их пропускную способность.

В телеграмме организационного бюро группы по созыву съезда мы читаем:

«..Особенно нам необходимо знать, какова провозоспособность дорог (в) настоящее время и до каких приблизительно норм можно ее довести при хорошей организации Группа тем более считает необходимым получить эти сведения, что она считает единственно благоприятным выходом (из) настоящего положения, в которое поставлены наши дороги, принужденные перевозить войска, полный революционный захват (власти), просим товарищей возможно скорей и обстоятельнее дать нам ответ [1]».

Вопрос о провозоспособности дорог был чрезвычайно важен потому, что от него зависел успех восстания в армии. Армия рвалась домой. Подняв ее на восстание, надо было прежде всего удовлетворить это желание, максимально усилив пропускную способность дорог. Это было необходимо и потому, что революционная армия нужна была в России, а не в Маньчжурии. Весь смысл революционизирования армии сводился к тому, чтобы революционные эшелоны помогли рабочим расправиться с царскими опричниками, помогли крестьянам отнять землю у помещиков.

---

[1] Цитированный выше отчет группы имеется в архиве Дальистпарта, один экземпляр его имеется также в моем личном архиве. *Прим. авт.*

На съезд собралось свыше 50 делегатов от 8 тысяч организованных маньчжурских рабочих...

Заседания съезда происходили полулегально в районе харбинских железнодорожных мастерских под охраной рабочей гвардии.

Ни местная полиция, ни военные власти тогда еще не смели открыто показываться в рабочем районе. У харбинских русских властей было до смешного преувеличенное представление о вооруженных силах рабочих. В тыловом штабе армии, например, были уверены, что улицы в районе железнодорожных мастерских рабочими минированы на случай столкновения с войсками. Но конечно, не преувеличенными представлениями о вооруженной силе рабочих объяснялось то обстоятельство, что военные власти не осмеливались предпринять против рабочих решительных мер. Их удерживала от этого неуверенность за армию и неопределенность положения в центре России. Русские военные власти в Харбине осмелели только после того, как получено было сообщение о подавлении московского вооруженного восстания.

В декабре 1905 года паралич нерешительности еще сковывал волю тылового армейского штаба, несмотря на наличие в самом Харбине огромных воинских сил, которые могли быть брошены на подавление рабочего движения.

Факт, что под носом у военного командования в Харбине почти открыто в декабре заседал рабочий съезд, обсуждавший вопрос о революционном захвате власти.

По этому основному вопросу рабочим съездом была принята по предложению нашей группы следующая резолюция, которую я привожу здесь полностью:

«О революционном захвате власти на линии.

Обсудив настоящее положение дел на линии Китайско-Восточной, Забайкальской и Сибирской железных дорог и принимая во внимание: 1) что дороги эти должны возможно успешнее выполнить доставку сконцентрированных теперь в Маньчжурии запасных и действительных войск на родину; 2) что военные власти и власти дороги, на обязанности которых все это лежит, не только не предпринимают никаких действительных мер, но еще всячески стараются противодействовать и даже совсем остановить движение; 3) что с этой целью военное начальство не останавливается даже перед таким возмутительным актом, как осада Красноярских мастерских, арест телеграфистов Иркутска и избиение служащих паровозных бригад на Забайкальской железной дороге; 4) что все эти и многие другие факты грубого насилия, гнусной провокации и лжи на рабочих и служащих со стороны военных властей и властей дорог водворяют общественную анархию, наводят панику на служащих, заставляя многих уезжать с дорог, лишь бы избавиться от произвола военной опричнины, принимая также во внимание 5) что правительственные власти заинтересованы в этой общественной анархии и кровавых репрессиях для подавления революционно-освободительного движения народа; 6) что они заинтересованы дольше удержать здесь войска и не допустить их в Россию на помощь избиваемым там рабочим и крестьянам; 7) что *войска эти в сильной степени уже революционизированы и, будучи перевезены революционными эшелонами в Россию,* соприкасаясь по пути с рабочими, знакомясь с ходом революционных событий, втягиваясь в их курс, *смогут сыграть, как организованная военная сила, огромную роль в деле окончательного освобождения страны,*— съезд находит единственно благоприятным для общереволюционного дела выходом из настоящего

положения наших дорог *полный революционный захват всей власти на линиях в руки стачечных революционных комитетов»*[1].

План большевистской группы был таков: стачечные комитеты на линиях железных дорог, будучи реорганизованы, должны были стать органами власти во главе с центральным стачечным комитетом рабочих в Харбине для маньчжурских железных дорог и соответственными центральными организациями для других дорог (Забайкальской и Сибирской). Основной задачей этих органов революционной железнодорожной власти должно было стать осуществление быстрейшей эвакуации армии вооруженными эшелонами в помощь революционному движению в России.

Вместе с тем, стоя перед фактом крайней организационной слабости на местах и отсутствия необходимых руководящих сил, учитывая грандиозность задачи и нашу неопытность в деле управления большим транспортным хозяйством, группа считала необходимым коллективным путем, совместно с лучшими представителями местных организованных рабочих, разработать организационную сторону дела. Съезд подробно обсудил поэтому вопрос об организации *стачечных комитетов* по линии, которые по плану группы должны были стать органами власти на дорогах.

Съезд принял по этому вопросу следующую резолюцию:

«Принимая во внимание, что с вопросом о захвате власти тесно связан и вопрос об образовании революционных работоспособных организаций, могущих успешно выполнить дело перевозки войск на родину, что от того или иного разрешения этого вопроса будет во многом зависеть и самый успех революционной борьбы,— съезд считает необходимым немедленно же приступить к организации стачечных комитетов.

Констатируя тот факт, что большие по своему составу комитеты прошлой забастовки не только не отличались работоспособностью, но именно благодаря своей многолюдности и не были способны правильно поставить дело перевозки войск, съезд находит, сообразуясь с условиями работы, вполне достаточным 10—15 человек в каждом комитете по следующему приблизительному расчету: 1 — представитель от телеграфа (для контроля телеграфа), 1 — дежурный по депо (лицо административное или выбранное из рабочих, но непременно хорошо знакомое с делом), 1 — дежурный по станции (лицо также административное или выбранное; ввиду важности этого поста на станции может дежурить еще один или два члена комитета из рабочих); от 3 до 8 человек рабочих депо, а в Харбине еще 4 и 5 от мастерских, 1 — от службы пути и 1 — от материальной службы.

Кроме того, для успеха работы, а также и для того, чтобы отнять всякое личное усмотрение отдельных начальствующих лиц в важных вопросах отдельных служб, съезд считает необходимым организовать при комитетах особые исполнительные комиссии.

Для общего руководства движением необходим Центральный стачечный комитет в Харбине. В нем должны быть представители от всех трех линий дороги: один представитель с Западной и по одному с Восточной и Южной.

Принимая во внимание, что на обязанности этих комитетов будет лежать серьезная и ответственная работа, что от их демократической выдержанности и революционной последовательности будет зависеть многое в деле общереволюционной борьбы,— съезд считает необходимым поставить комитеты под революционный контроль социал-демократических организаций, как единственно выдержанных в демократическом отношении и до конца последовательных. (Принята единогласно)».

---

[1] Отчет о рабочем съезде Китайско-Восточной ж. д. Изд. харб. группы РСДРП. *Прим. авт.*

Интересно отметить, что харбинская группа открыто проводила в этой резолюции *идею политической гегемонии партии* по отношению к органам революционной власти. Рабочие настолько доверяли политическому руководству группы, авторитет ее был настолько высок в их глазах, что они единогласно одобрили на съезде предложение бюро группы о «революционном контроле» над деятельностью стачечных комитетов со стороны парторганизаций.

Состав стачечных комитетов, как видно из резолюции съезда, мыслился строго деловым, с безусловным преобладанием в них рабочих. Последнее обстоятельство было намеренно подчеркнуто, так как опыт показал, что служащие представляют собою элемент, в революционном отношении мало устойчивый, способный к колебаниям, к соглашательству. Съезд рекомендовал также избегать *многолюдности* комитетов, которая шла бы в ущерб их революционной работоспособности и боевому характеру всей работы комитетов.

Что такое были эти своеобразные «стачечные комитеты»?

По существу, это были зародыши будущих *Советов рабочих депутатов*. «Стачечными» эти комитеты называются условно, так как, по существу, никакой *стачки* комитеты не осуществляли в обычном смысле прекращения работ и движения поездов на железных дорогах. Наоборот, в отношении движения поездов назначение комитетов заключалось в том, чтобы *максимально усилить его для вывоза войск*. Лишь с этой целью предполагалось частичное сокращение продвижения гражданских грузов и частных пассажиров. Таким образом, в задачу стачечных комитетов не входило осуществление рабочей стачки в обычном смысле этого слова; перед ними поставлена была *цель политического порядка — захват власти* и усиленная перевозка революционных солдат вооруженными эшелонами в Россию на помощь революции. Стачечные комитеты, по мысли харбинской группы большевиков,— это органы революционной власти, а не органы обычной стачки. В этом смысле они и являются зародышами Советов.

Обращает на себя внимание в приведенной резолюции съезда, что в составе стачечных комитетов нет представителей от революционных солдат, между тем из решений съезда совершенно отчетливо видно, что захват власти не мыслится без помощи армии. Казалось бы, при этом условии совершенно естественно, что в состав так называемых стачечных комитетов должны были входить и представители от солдат. Это, несомненно, было крупнейшей политической ошибкой во всей подготовке восстания и захвата власти.

Очень возможно, однако, что в дальнейшем ходе событий, если бы им суждено было развиваться в том направлении, как мы предполагали, ошибка группы была бы исправлена под влиянием опыта таких революционных центров Сибири и Забайкалья, как Чита и Красноярск, где из стачечных комитетов выросли уже *Советы рабочих и солдатских депутатов*.

Во всяком случае революционная роль армии в предполагав-

шемся захвате власти харбинской группой очерчена совершенно отчетливо. В специальной резолюции съезда о *пропаганде в войсках* говорится:

> «Признавая, что успешность революционной борьбы с правительством во многом зависит от большего или меньшего сочувствия солдатских масс восставшему народу вообще; что, в частности, революционное настроение маньчжурской армии должно решительным образом повлиять на весь ход политических событий в России, направляя их в сторону окончательной победы над царизмом; что проведение необходимых мер в этом направлении (революционный захват власти на линиях) будет прочным только при поддержке со стороны вооруженной силы войск,— съезд считает необходимым путем устройства митингов, собраний, путем листковой и устной агитации обнаружить перед войсками истинную причину замедления отправки их на родину и необходимость скорейшей перевозки их туда *с оружием в руках на защиту народа.* Пропагандируя революционные социал-демократические идеи вообще, съезд рекомендует харбинской группе РСДРП немедленно же приступить *к революционной организации солдатских масс*».

Как видно из этой резолюции, большевистская группа отдавала себе совершенно ясный отчет в том, что захват власти может осуществиться только при поддержке армии. При этом, естественно, казалось бы выдвинуть лозунг *«Советов рабочих и солдатских депутатов»*. Однако группа не включила представителей от солдат даже в так называемые стачечные комитеты, хотя ясно мыслила их органами революционной власти.

Это обстоятельство, несомненно, свидетельствует о слабости организационных и политических представлений нашей группы о том, в какие же формы должна вылиться та «революционная организация солдатских масс», о которой говорится в приведенной резолюции съезда.

* * *

Замыслам харбинской группы большевиков не суждено было претвориться в жизнь. Основная слабость всего революционного движения на Дальнем Востоке в 1905 году заключалась в том, что не хватало организаторских и пропагандистских кадров, не было в силу полной оторванности от партийного центра конкретной ясности форм этого движения, не было почти никакой связи между отдельными центрами. Во Владивостоке, в Харбине, в Чите, Иркутске, Красноярске движение шло разобщенно. Не было обмена живым опытом, взаимной поддержки людьми. В Харбине мы не знали, что творится в это время во Владивостоке, в Чите, в Красноярске, за исключением случайных отрывочных сведений. Даже с Читой связь была крайне слаба. Мы не умели пользоваться телеграфом, который, по существу, был в наших руках. Распространив большевистское влияние на Читу и Маньчжурию, наши организации не обратили внимания на Владивосток, в котором эсеровско-меньшевистское руководство связывало рабочим и солдатским массам руки. Читинский комитет нашей партии, более других располагавший людскими силами, удовольствовался захватом власти в Чите, позабыв об опасности, которая ему грозит с востока.

Узнав о мероприятиях харбинской группы (по вооружению рабочих), он удовлетворился присылкой к нам одного товарища —

Курнатовского. Захват телеграфа он не использовал для того, чтобы подробно узнать, что творится в Харбине, во Владивостоке. Мы в Харбине, в свою очередь, не использовали в должной мере телеграфа, не понимая еще того, какое огромное значение в деле «организации революции» имеют связь и хорошее знание всех событий для правильной ориентировки.

Слишком сложен был калейдоскоп событий для нас, слишком слабы были мы и неопытны, чтобы справиться с этими событиями и успеть овладеть ими без помощи нам партийного центра. А этой помощи нам не было дано. От общепартийного большевистского центра мы были совершенно оторваны, а наш областной партийный центр — Сибирский союз РСДРП — был не в состоянии руководить подготовкой вооруженного восстания. Меньшевистские лидеры, состоявшие в областном комитете Сибирского союза, о вооруженном восстании никогда всерьез не помышляли, а большевики были представлены тогда в этом комитете, кажется, одним только тов. Н. Баранским. Надо прямо сказать, что Сибирский союз дальше деклараций о вооруженном восстании не пошел. Наши большевистские организации в составе Сибирского союза должны были действовать в этом вопросе каждая в отдельности на свой страх и риск. Не было единого плана организации восстания. Харбинская группа большевиков первая сделала попытку выработать *план восстания и захвата власти, опираясь на армию,* но история не дала тогда нам времени для того, чтобы организационные идеи харбинских большевиков были подхвачены другими большевистскими организациями.

Здесь, на востоке, где в силу военной обстановки вопрос о вооруженном восстании и о вовлечении в это восстание армии *стоял ребром,* большевикам пришлось вступить в жестокую борьбу с меньшевиками, которые путались в ногах масс, дезориентировали их, ослабляли их волю к борьбе. Не случайно, что харбинская группа большевиков произвела резкий раскол с меньшевиками и вступила с ними в жестокую борьбу, как с врагами революции, тогда как во многих сибирских социал-демократических организациях большевики еще продолжали работать с меньшевиками.

Как я уже отметил выше, вопрос по отношению к армии стоял так: или в ней возобладает революционное настроение и она восстанет против военного начальства и всех царских властей, или военные власти восстановят пошатнувшуюся дисциплину и задушат революционный дух армии. С нашей стороны нужны были величайшая решительность и натиск, чтобы вырвать солдатскую массу из рук военных властей, поднять ее на восстание и обратить ее оружие против всего самодержавного строя. Сознание этого у нас было, но организационных возможностей не хватало. В силу крайней своей организационной слабости наши организации упускали драгоценное время.

А тем временем в центре России события складывались неблагоприятно для революционного движения.

В декабре в Москве было подавлено вооруженное восстание

московского пролетариата. Это сразу окрылило надеждами царское правительство на успешность дальнейшей борьбы с революцией.

На революционную Сибирь был брошен карательный поезд Меллер-Закомельского, главнокомандующему маньчжурскими армиями генералу Линевичу было приказано сформировать карательный поезд во главе с генералом Ренненкампфом для подавления революционного движения на востоке.

Харбинская группа оказалась настолько застигнутой врасплох внезапным прибытием в Харбин карательного поезда Ренненкампфа, что не могла воспрепятствовать выезду его на линию КВЖД и Забайкальскую железную дорогу. Ренненкампф с отборным отрядом оренбургских казаков и пулеметной командой прибыл в Харбин с позиций в начале января 1906 года поздно ночью и, не задерживаясь здесь, немедленно направился на станцию Маньчжурия и дальше в Читу. Расправа с харбинскими рабочими была поручена генералу Иванову, сменившему Надарова на посту начальника тыла маньчжурских армий.

Генерал Ренненкампф начал беспощадно громить наши организации по станциям КВЖД и Забайкальской железной дороги. На станции Маньчжурия ему удалось захватить работавшего там в качестве партийного профессионала члена Читинского комитета большевиков т. Попова-Коновалова, которого он расстрелял на станции Борзя.

Революционная Чита пыталась оказать сопротивление карателю, но, будучи с двух сторон атакована одновременно (Меллер-Закомельским, прибывшим из Сибири, и Ренненкампфом с востока), вынуждена была сдаться. Здесь Ренненкампф захватил и расстрелял члена Читинского комитета, начальника нашей рабочей дружины тов. Костюшко-Волюжанина.

Харбинская организация подверглась нападению вскоре после проезда Ренненкампфа в Забайкалье. Генерал Иванов стянул в Харбине многочисленный казачий отряд, с помощью которого окружил район железнодорожных мастерских и приступил к разоружению рабочих. Здесь в руки карателей попали три члена бюро нашей группы — товарищи Кузнецов, Оборин и Шабашев, которые, не будучи известны военным властям как руководители партийной организации, судились за забастовку и организацию нелегального профсоюза рабочих, за что получили несколько лет крепости.

В то время как генералы Ренненкампф и Меллер-Закомельский со своими казачьими карательными отрядами громили наши организации в Сибири и Забайкалье, революционные матросы и солдаты Владивостока еще держали в своих руках крепость с неприступными фортами. Мы узнали об этом только после того, как разгром был произведен.

Отсутствие связи между отдельными центрами революционного движения и полное отсутствие увязки революционного выступления масс в этих центрах роковым образом привело к поражению

всего движения. Подготовка вооруженного восстания была распылена. Такие решающие центры этой подготовки, как Красноярск, Иркутск, Чита, Харбин, Владивосток, действовали почти совершенно разобщенно, каждый на свой страх и риск, без взаимного обмена опытом движения, опытом организационной подготовки и поддержки друг друга силами. Огромность расстояния, разделяющего эти центры, неумение использовать телеграфную связь, отсутствие в таком важном и решающем пункте подготовки восстания, как Владивосток, сплоченной большевистской организации приводили к тому, что огромная революционная энергия рабочих и солдатских масс разбивалась об их собственную неорганизованность. Победа контрреволюционным генералам досталась фактически легко. Революционный Владивосток, во главе которого оказались расхлябанные народники и меньшевики, сам впустил в неприступную крепость генерала Мищенко, которому удалось обмануть революционную бдительность владивостокских матросов. Генерал Иванов громил маньчжурский штаб нашей организации, когда владивостокские матросы еще держали крепость в своих руках. Красноярские рабочие, героически пытавшиеся выдержать осаду в железнодорожных мастерских, будучи изолированы от других революционных центров, были разбиты раньше, чем пали революционная Чита и Владивосток. Инициатива нападения была выхвачена военными властями из наших рук. Мы не успели подготовиться к нападению, как на нас напали.

Остатки наших партийных организаций, уцелевшие от контрреволюционного разгрома, должны были в начале 1906 года после бурных дней революционной свободы 1905 года вновь вернуться к подпольным будням. Но великий революционный опыт 1905 года не пропал даром. Его использовала Великая Октябрьская революция 1917 года.

Старый большевик. Сборник № 2. М., 1932, с. 54—55, 73—84

III
СПАД РЕВОЛЮЦИИ

(1906 —
июнь
1907 года)

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА

I

Каково положение демократической революции в России: разбита ли она или мы переживаем лишь временное затишье? Было ли декабрьское восстание кульминационным пунктом революции и мы катимся теперь неудержимо к «шиповско-конституционному» режиму? [1] Или революционное движение в общем и целом идет не на убыль, а продолжает подниматься, подготовляя новый взрыв, копя в затишье новые силы, обещая за первым неудачным восстанием второе, имеющее несравненно больше шансов на успех?

Таковы коренные вопросы, которые стоят теперь перед социал-демократами России. Оставаясь верными марксизму, мы не можем и не должны уклоняться посредством общих фраз от анализа объективных условий, учет которых в последнем счете решает окончательно эти вопросы. А от решения их зависит вся тактика социал-демократии, и наши споры, например, о бойкоте Думы (подходящие, впрочем, уже к концу, ибо большинство организаций РСДРП высказалось за бойкот), являются лишь маленькой-маленькой частичкой этих больших вопросов.

Мы сказали сейчас, что марксисту неприлично общими фразами отделываться от этих вопросов. Такими общими фразами являются хотя бы ссылки на то, что мы никогда не понимали революции в смысле одних «рогатин и вил», что мы были революционерами и тогда, когда не выдвигали непосредственного призыва к восстанию, что мы останемся революционерами и в парламентский период, когда он наступит, и т. п. Такие речи были бы жалкими увертками, подменом конкретного исторического вопроса абстрактными соображениями, которые ровно ничего не выясняют и служат лишь прикрытием бедности или политической растерянности. Чтобы подтвердить нашу мысль примером, сошлемся на отношение Маркса к немецкой революции 1848 года. Такая ссылка тем более может быть полезна, что у нас наблюдается ряд признаков такого же и даже еще более резкого разделения буржуазии на реакционную и революционную,— разделения, отсутствовавшего, напр., в великой французской революции. В сущности говоря, и поставленные нами

[1] *«Шиповско-конституционный» режим*, или «шиповская» конституция,— проект государственного устройства, разработанный Д. Н. Шиповым, умеренным либералом, возглавлявшим правое крыло земцев. *Ред.*

выше коренные вопросы о положении русской революции можно формулировать, применительно к аналогии с Германией (разумеется, в том условном и ограниченном смысле, в каком только и допустима вообще историческая аналогия), такими словами: 1847 или 1849 год? Переживаем ли мы (как Германия в 1847 году, когда созывалась и была созвана немецкая госуд. дума, так назыв. соединенный ландтаг) концы высшего подъема революции, или мы переживаем (как Германия в 1849 году) концы окончательного истощения революции и начало серых будней куцей конституции?

Маркс именно в течение 1850 года ставил этот вопрос, разрешал его и разрешил, наконец, не уверткой, а прямым ответом, выведенным из анализа объективных условий. В 1849 году революция была подавлена, ряд восстаний окончился неудачей, фактически завоеванная народом свобода была отобрана, реакция свирепствовала против «революционеров». Открытое политическое выступление «Союза коммунистов»[1] (тогдашней социал-демократической организации, фактически руководимой Марксом) стало невозможным. «Повсюду выступала потребность,— говорит обращение ЦК Союза к членам его в июне 1850 г.,— в сильной *тайной* (курсив везде наш) организации революционной партии по всей Германии». ЦК посылает из-за границы эмиссара в Германию, который сосредоточивает «все пригодные силы в руках Союза». Маркс пишет («Обращение» от марта 1850 г.) о вероятности нового подъема, новой революции, советует рабочим самостоятельно организоваться, настаивает в особенности на необходимости вооружения всего пролетариата, на образовании пролетарской гвардии, на необходимости «расстреливать силой всякую попытку разоружения». Маркс требует образования «революционных рабочих правительств» и обсуждает поведение пролетариата «во время и после предстоящего восстания». Маркс ставит в образец германской демократии якобинскую Францию 1793 года (см. «Кельнский процесс коммунистов», русск. пер., стр. 115 и др.)[2]

Проходит полгода. Ожидаемый подъем не наступает. Усилия Союза не увенчиваются успехом. «Подъем революции,— писал Энгельс в 1885 г.,— в течение 1850 года становился все менее вероятным, даже невозможным»[3]. Промышленный кризис 1847 года миновал. Наступало процветание промышленности. И вот, учтя объективные условия, Маркс резко и определенно ставит вопрос. Осенью 1850 года он заявляет категорически, что теперь, при таком пышном развитии производительных сил буржуазного общества — *«о действительной революции не может быть и речи»*[4].

Как видит читатель, Маркс не увиливает от трудного вопроса.

---

[1] *Союз коммунистов* — первая международная коммунистическая организация пролетариата, существовавшая с начала 1847 до 17 ноября 1852 года. *Ред.*

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 257—267, 322—328. *Ред.*

[3] *Энгельс Ф.* К истории Союза коммунистов (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 229). *Ред.*

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Третий международный обзор. С мая по октябрь (см.: Соч., т. 7, с. 467). *Ред.*

Он не играет со словом революция, не подменивает насущного политического вопроса пустыми абстракциями. Он не забывает, что революция вообще идет во всяком случае вперед, ибо идет развитие буржуазного общества, а говорит прямо о невозможности демократической революции в непосредственном и узком значении слова. Маркс решает трудный вопрос, не ссылаясь на «настроение» упадка и усталости в тех или иных слоях пролетариата (как делают нередко впадающие в хвостизм социал-демократы). Нет, пока у него не было других данных, кроме факта пониженного настроения (в марте 1850 г.), он продолжал звать к вооружению и восстанию, готовить его, не понижая своим скептицизмом и растерянностью настроения рабочих. Лишь тогда, когда Маркс показал неизбежность «истощения» «действительной революции»,— лишь тогда он переменил взгляд. И, переменив взгляд, Маркс прямо и открыто потребовал коренной перемены тактики, полного прекращения подготовки восстания, ибо такая подготовка могла быть тогда лишь игрой. Лозунг восстания был прямо снят с очереди. Прямо и определенно признано было, что «форма движения изменилась».

Этот пример Маркса мы должны всегда иметь перед глазами в теперешний трудный момент. К вопросу о возможности «действительной революции» в ближайшем будущем, об основной «форме движения», о восстании и его подготовке мы должны отнестись с величайшей серьезностью, но борющаяся политическая партия обязана решить этот вопрос прямо и определенно, без уверток, без отговорок, без всяких недомолвок. Партия, которая не сумела бы составить себе ясного ответа на такой вопрос, не заслуживала бы названия партии.

II

Итак, какие же объективные данные имеются у нас для решения этого вопроса? В пользу мнения о полном истощении непосредственно революционной «формы движения», о невозможности нового восстания, о вступлении России в эру убогого буржуазного квазиконституционализма говорит целый ряд лежащих, так сказать, на поверхности и бросающихся всем в глаза фактов. Поворот в буржуазии несомненен. Помещик отошел от кадетов и ушел в Союз 17-го октября. Правительство даровало уже двухпалатную «конституцию». При помощи военных положений, экзекуций и арестов создается возможность созыва поддельной Думы. Городское восстание подавлено, и весеннее движение крестьян может оказаться одиноким, бессильным. Распродажа помещичьих земель идет, а следовательно, усиливается слой буржуазного, «спокойного» крестьянства. Понижение настроения после подавленного восстания есть налицо. Наконец, нельзя забывать и того, что предсказывать поражение революции вообще легче и дешевле, так сказать, чем предсказывать ее подъем, ибо сейчас власть на стороне реакции, и «большей частью» до сих пор революции кончались... неоконченными.

13 Заказ 4835

Каковы данные в пользу обратного мнения? Предоставим по этому вопросу слово К. Каутскому, трезвость взглядов которого и уменье самым спокойным, деловым и тщательным образом обсуждать злободневные и острые политические вопросы известны всем марксистам. Каутский высказал свой взгляд вскоре после подавления московского восстания в статье: «Шансы русской революции». Статья эта появилась в русском переводе,— конечно, не без цензурных искажений (вроде тех, от которых пострадал и русский перевод другой превосходной работы Каутского: «Аграрный вопрос в России»).

Каутский не увиливает от трудного вопроса. Он не пытается отделаться пустыми фразами о непобедимости революции вообще, о всегдашней и постоянной революционности класса пролетариев и т. п. Нет, он в упор ставит конкретный исторический вопрос о шансах современной, теперешней демократической революции в России. Он начинает свою статью без обиняков с того, что из России с начала 1906 г. приходят почти только одни печальные вести, которые *«могли бы вызвать мнение, что революция эта окончательно подавлена и находится при последнем издыхании»*. Не только реакционеры ликуют по этому поводу, но и русские либералы, говорит Каутский, осыпая этих последних героев «купона»[1] вполне заслуженными ими презрительными выражениями (Каутский не уверовал еще, как видно, в плехановскую теорию, будто русские социал-демократы должны «дорожить поддержкой непролетарских *оппозиционных* партий»).

И вот Каутский подробно разбирает это естественно напрашивающееся мнение. Внешнее сходство декабрьского поражения рабочих в Москве с июньским (1848 г.) поражением рабочих в Париже несомненно. И там и здесь вооруженное восстание рабочих было «провоцировано» правительством в такой момент, когда рабочий класс был еще недостаточно организован. И там и здесь, несмотря на геройское сопротивление рабочих, реакция победила. Что же выводит отсюда Каутский? Не заключает ли он, по образцу педантских назиданий Плеханова, что не нужно было и браться за оружие? Нет, Каутский не спешит перейти к близорукому и дешевенькому морализированию задним числом. Он *исследует* объективные данные, способные решить вопрос, является ли русская революция окончательно подавленною.

Четыре коренных различия усматривает Каутский между парижским (1848 г.) и московским (1905 г.) поражением пролетариата. Во-первых, поражение Парижа было поражением всей Франции. Ничего подобного нельзя сказать про Москву. Рабочие Петербурга, Киева, Одессы, Варшавы, Лодзи не разбиты. Они истощены страшно тяжелой, целый год уже тянущейся, борьбой, но их мужество не сломлено. Они собираются с силами, чтобы снова начать борьбу за свободу.

---

[1] *«Купон», «господин Купон»* — образное выражение, принятое в литературе 80-х и 90-х годов XIX века для обозначения капитала и капиталистов. *Ред.*

Во-вторых, еще более существенное различие состоит в том, что крестьяне в 1848 г. во Франции были на стороне реакции, а в 1905 г. в России стоят на стороне революции. Идут крестьянские восстания. Целые армии заняты их подавлением. Эти армии опустошают страну, как только Германия была опустошена в 30-летнюю войну [1]. Военные экзекуции на время запугивают крестьян, но они только усиливают их нищету, усиливают безвыходность их положения. Они неизбежно будут порождать, подобно опустошениям 30-летней войны, новые и новые массы людей, которые вынуждены будут объявить войну существующему порядку, которые не дадут водворить спокойствие в стране и будут примыкать ко всякому восстанию.

Третье, чрезвычайно важное, различие есть следующее. Революция 1848 г. была подготовлена кризисом и голодовкой 1847 г. Реакция опиралась на окончание кризиса и процветание промышленности. «Теперешний режим террора в России неизбежно должен вести, наоборот, к обострению того экономического кризиса, который годами тяготеет на всей стране». Голод 1905 года скажется еще в ближайшие месяцы во всех своих последствиях. Подавление революции есть величайшая гражданская война, война против целого народа. Эта война стоит не меньше внешней войны, причем разоряет она не чужую, а собственную страну. Надвигается финансовый крах. А кроме того новые торговые договоры грозят особенным потрясением для России и могут вызвать даже всемирный экономический кризис. Таким образом, чем дольше продержится реакционный террор, тем отчаяннее будет экономическое положение страны, тем более сильным будет возмущение против ненавистного режима. «Такая ситуация,— говорит Каутский,— делает непреодолимым всякое сильное движение против царизма. И в таком движении не будет недостатка. Об этом позаботится российский пролетариат, который дал уже столько великих доказательств своего геройства и своей самоотверженности».

Четвертое различие, указываемое Каутским, представляет для русских марксистов особый интерес. У нас очень распространено теперь, к сожалению, какое-то беззубое, чисто кадетское в сущности, хихиканье по поводу «браунингов» и «боевых дружин». Сказать, что восстание невозможно и нечего больше его готовить, ни у кого не хватает мужества и прямоты, образец которых дал Маркс. Но похихикать насчет военных действий революционеров мы очень любим. Мы называем себя марксистами, но от анализа *военной* стороны восстания (которой всегда придавали серьезное значение Маркс и Энгельс [2]) мы предпочитаем увертываться, заявляя с неподра-

---

[1] *Тридцатилетняя война 1618—1648 годов* — общеевропейская война, явившаяся результатом обострения противоречий между разными группировками европейских государств и принявшая форму борьбы между протестантами и католиками. *Ред.*

[2] См.: *Энгельс Ф.* Революция и контрреволюция в Германии (Соч., т. 8, с. 80—81, 100—101) и Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 529—548). *Ред.*

жаемо-величественным доктринерством: «не нужно было браться за оружие...». Каутский поступает иначе. Как ни мало еще у него было данных о восстании, все же он старается вдуматься и в военную сторону вопроса. Он старается оценить движение, как новую, выработанную массами, форму борьбы, а не так, как оценивают сражения наши революционные Куропаткины: дескать, коли дают, так бери; коли бьют, так беги; коли побили, значит нечего было и браться за оружие!

«И парижская июньская битва,— говорит Каутский,— и московская декабрьская были баррикадными сражениями. Но первая была катастрофой, была концом старой баррикадной тактики. Вторая была началом новой баррикадной тактики. И постольку мы должны пересмотреть тот взгляд, который изложил Энгельс в своем предисловии к «Классовой борьбе» Маркса, именно взгляд, будто эпоха баррикадных сражений окончательно миновала [1]. Миновала на самом деле только эпоха *старой* баррикадной тактики. Вот что доказало московское сражение, когда кучке повстанцев удалось в течение 2-х недель держаться против превосходных боевых сил, снабженных всеми орудиями современной артиллерии».

Так говорит Каутский. Он не поет отходной восстанию на основании неудачи первой попытки. Он не брюзжит по поводу неудачи, а *исследует* зарождение и рост новой, высшей формы борьбы, разбирает значение дезорганизации и недовольства в войске, помощи рабочим со стороны городского населения, сочетания массовой стачки с восстанием. Он исследует, как пролетариат *учится* восстанию. Он пересматривает устаревшие военные теории, приглашая тем самым к переработке и воспринятию всей партией опыта Москвы. Он смотрит на все движение, как на переход от стачки к восстанию, стараясь понять, каким образом надо рабочим сочетать то и другое для достижения успеха.

Каутский кончает свою статью словами: «Таковы уроки Москвы. Поскольку окажут они влияние на формы будущей борьбы, этого в настоящее время отсюда (т. е. из Германии) предвидеть невозможно. В самом деле, до сих пор мы видели во всех прежних проявлениях русской революции стихийные взрывы неорганизованных масс, ни одно из этих проявлений не было наперед намечено по плану и подготовлено. Вероятно, в течение известного времени, так будет и впредь.

Но если в настоящее время нельзя еще определенно предсказать грядущих форм борьбы, то все признаки свидетельствуют о том, что мы необходимо должны ждать дальнейших битв, что теперешнее мрачное (унхеймлихе) спокойствие есть лишь затишье перед бурей. Октябрьское движение показало массам в городах и деревнях, какую силу в состоянии они развернуть. Январская реакция столкнула их затем в пропасть, полную мучений. В этой пропасти все возбуждает их, толкает к возмущению, и нет такой цены, которую бы они сочли слишком дорогой для избавления из этой пропасти. Скоро поднимутся массы опять, скоро выступят они еще более могучими! Пусть контрреволюция празднует свое торжест-

[1] Речь идет о «Введении» Ф. Энгельса к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». *Ред.*

во над трупами героев борьбы за свободу: близится уже конец этого торжества, поднимается красная заря, грядет *пролетарская революция*».

III

Очерченный нами вопрос есть коренной вопрос всей социал-демократической тактики. Предстоящий партийный съезд должен в первую голову вырешить этот вопрос самым ясным и недвусмысленным образом, и все члены партии, все сознательные рабочие должны немедленно напрячь все свои силы для того, чтобы собрать всесторонний материал для решения вопроса, обсудить его и послать на съезд делегатов, вполне подготовленных к их серьезной и ответственной задаче.

Выборы на съезд должны происходить на основании полного выяснения тактических платформ. И, в сущности, тот или иной последовательный и цельный ответ на поставленный вопрос предрешает все частности социал-демократической тактической платформы.

Или — или.

Или мы признаем, что в настоящее время «о действительной революции не может быть и речи». Тогда мы должны прямо и самым решительным образом во всеуслышание заявить это, чтобы не вводить в заблуждение ни самих себя, ни пролетариат, ни народ. Тогда мы должны безусловно отвергнуть, как *непосредственную* задачу пролетариата, доведение до конца демократической революции. Тогда мы обязаны совершенно снять с очереди вопрос о восстании, прекратить всякие работы по вооружению и организации боевых дружин, ибо играть в восстание недостойно рабочей партии. Тогда мы должны признать исчерпанными силы революционной демократии и поставить своей непосредственной задачей поддержку тех или иных слоев либеральной демократии, как реальной оппозиционной силы при конституционном режиме. Тогда мы должны рассматривать Государственную думу как парламент, хотя бы и худой, участвовать не только в выборах, но и в самой Думе. Тогда мы должны на первый план выдвинуть легализацию партии, соответственное изменение партийной программы, приспособление к «законным» рамкам всей работы или, по крайней мере, отведение нелегальной работе минимального и подчиненного места. Тогда задачу организации профессиональных союзов мы можем признать такой же первостепенной партийной задачей, какой было в предыдущий исторический период вооруженное восстание. Тогда мы должны также снять с очереди и революционные лозунги крестьянского движения (вроде конфискации помещичьих земель), ибо такие лозунги суть практически лозунги восстания, а звать к восстанию, не готовясь к нему серьезно военным образом, не веря в него, было бы недостойной игрой в восстание. Тогда мы должны выбросить за борт всякие разговоры не только о временном революционном правительстве, но и о так наз. «революционном самоуправлении», ибо

опыт показал, что учреждения, правильно или неправильно обозначаемые этим термином, фактически превращаются силою вещей в органы восстания, в зародыши революционного правительства.

Или мы признаем, что в настоящее время о действительной революции может и должна быть речь. Мы признаем новые и высшие формы непосредственно-революционной борьбы неизбежными или, по крайней мере, наиболее вероятными. Тогда главной политической задачей пролетариата, нервом всей его работы, душой всей его организационной *классовой* деятельности должно быть *доведение до конца демократической революции*. Всякие отговорки от этой задачи были бы тогда лишь принижением понятия классовой борьбы до брентановского толкования ее [1], были бы превращением пролетариата в прихвостня либеральной монархической буржуазии. Тогда самой насущной и центральной политической задачей партии является подготовка сил и организация пролетариата к вооруженному восстанию, как высшей, достигнутой движением, формы борьбы. Тогда обязательно критически изучить в самых непосредственных практических целях весь опыт декабрьского восстания. Тогда надо удесятерить усилия по организации боевых дружин и вооружению их. Тогда надо готовиться к восстанию и посредством партизанских боевых выступлений, ибо смешно было бы «готовить» посредством одних только записей и регистраций. Тогда надо считать гражданскую войну объявленной и продолжающейся, причем *вся* деятельность партии должна быть подчинена принципу: «коль война, так по-военному». Тогда воспитание кадров пролетариата для *наступательных* военных действий безусловно необходимо. Тогда бросание революционных лозунгов в крестьянскую массу логично и последовательно. Задача боевых соглашений с революционной и только революционной демократией выдвигается на первый план: основой деления буржуазной демократии берется именно вопрос о восстании. Кто за восстание, с теми пролетариат «вместе бьет», хотя и «врозь идет»; кто против восстания, с теми мы боремся беспощадно, или отталкиваем от себя, как презренных лицемеров и иезуитов (кадеты). Во всей агитации мы выдвигаем тогда в первую голову критику и разоблачение конституционных иллюзий с точки зрения открытой гражданской войны, выдвигаем обстоятельства и условия, неуклонно подготовляющие стихийные революционные взрывы. Думу мы признаем тогда не парламентом, а полицейской канцелярией, и отвергаем какое бы то ни было участие в комедиантских выборах, как развращающее и дезорганизующее пролетариат. В основу организации партии рабочего класса мы ставим тогда (как Маркс ставил в 1849 году) «сильную тайную организацию», которая должна иметь особый аппарат «открытых выступлений», просовывать осо-

[1] *«Брентанизм»* — «либерально-буржуазное учение, признающее нереволюционную «классовую» борьбу пролетариата» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 237—238), проповедующее возможность разрешения рабочего вопроса в рамках капитализма путем фабричного законодательства и организации рабочих в профсоюзы. *Ред.*

бые щупальцы во все легальные общества и учреждения, начиная с профессиональных рабочих союзов и кончая подзаконной печатью.

Коротко говоря: либо мы должны признать демократическую революцию оконченной, снять с очереди вопрос о восстании и стать на «конституционный» путь. Либо мы признаем демократическую революцию продолжающейся, ставим на первый план задачу завершения ее, развиваем и применяем на деле лозунг восстания, провозглашаем гражданскую войну и клеймим беспощадно всякие конституционные иллюзии.

Нам вряд ли есть надобность заявлять читателям, что мы высказываемся решительно за *последнее* решение вопроса, стоящего перед нашей партией. Прилагаемая тактическая платформа должна резюмировать и систематически изложить наши взгляды, которые мы будем проводить на съезде и в течение всей работы по подготовке съезда. Платформа эта должна быть рассматриваема не как нечто законченное, а как конспект выяснения тактических вопросов и первый набросок тех резолюций и постановлений, которые мы будем отстаивать на партийном съезде. Платформа эта обсуждалась на частных собраниях единомышленников из бывших «большевиков» (в том числе редакторы и сотрудники «Пролетария») и является плодом коллективной работы.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 209—220

М. М. Литвинов

ТРАНСПОРТИРОВАНИЕ ОРУЖИЯ В РОССИЮ

Январь 1906 года. Разогнан первый Совет рабочих депутатов в Петербурге, подавлено вооруженное восстание в Москве, закрыты легальные социал-демократические газеты, в провинции охранка успешно устраивает антиеврейские и антиинтеллигентские погромы. Меньшевики поспешно сворачивают знамя, провозглашают конец первой революции, усердно занимаются угашением революционного духа пролетариата и подготовляют ликвидацию партии. Революционный авангард рабочего класса — большевистская партия — под руководством Ильича еще долго остается на боевом посту, не складывая оружия, призывая и подбадривая революционные отряды к новому штурму на самодержавие. «Мы еще повоюем». Особенно бурлит революционная энергия у рабочих Закавказья. Для них борьба еще только начинается, они готовятся к вооруженному восстанию в крупном масштабе. Раздобыв несколько сот тысяч рублей на революционные цели, они посылают с этими деньгами ходоков в Петербург, в ЦК партии, с просьбой закупить для них за границей и доставить оружие.

Я проживал в то время в Петербурге по паспорту Людвига Вильгельмовича Нитца. Под этим именем я состоял организатором и администратором первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь». Одновременно с закрытием газеты охранка раскрыла мое настоящее имя и стала за мной охотиться. Приходилось искать новой партийной работы, и я обратился за указаниями в ЦК партии.

От имени ЦК Никитич (Л. Б. Красин) предложил мне на выбор: либо сопровождать Максима Горького в Америку и организовать там для него лекции и выступления, сбор с которых шел для партии, или же заняться за границей организацией закупки и транспорта оружия для закавказских организаций. Я выбрал последнее.

Свое бюро, или «штаб-квартиру», я организовал в Париже, получив помощь нескольких кавказских товарищей, в том числе Камо.

С первых же шагов пришлось убедиться в колоссальных трудностях, которые предстояло одолеть при выполнении порученного мне дела.

Наступление реакции в России отразилось, конечно, на отношении к русским революционерам и эмигрантам буржуазного общест-

ва за границей и буржуазных правительств. В Англии еще свежа была память о неудавшейся попытке Гапона отправить в Россию оружие на пароходе «Джон Графтон». Царское правительство сделало английскому дипломатическое предостережение, и английская полиция была начеку. В союзной Франции подкупленная пресса вела кампанию в пользу царизма, подготовляя царский заем 1906 года. В Германии, где полиция Вильгельма всегда работала рука об руку с царской охранкой, преследования русских революционеров особенно усилились в 1906 году. При таких обстоятельствах тайная закупка больших партий оружия, переброска их через всю Европу и отправка из какого-либо порта являлась, по мнению западноевропейских социалистов, с которыми мне приходилось советоваться, совершенно невыполнимой задачей. Но Ильич нас учил с трудностями не считаться и невозможностей не признавать, и мы бодро, с полной надеждой на успех приступили к делу.

Нужно было раньше всего остановиться на выборе наиболее удобного для Закавказья рода оружия, составить первый «импортный план». О закупке винтовок русского образца не приходилось и думать, так как, заказывая специально русское оружие, мы выдали бы себя с головой. По обсуждении вопроса с кавказскими товарищами мы решили закупить несколько тысяч винтовок системы Маузера и Манлихера и соответственное количество патронов, а также несколько десятков пулеметов, затем, конечно, некоторое количество мелкого оружия.

При отъезде из Петербурга я получил от Никитича, между прочим, поручение ознакомиться со вновь изобретенным портативным пулеметом, над которым в то время работал Л. Мартенс (нынешний председатель комитета по изобретениям)[1]. Преимущество этого пулемета состояло в его чрезвычайно легком весе, который почти не превышал веса русской винтовки. Описание пулемета и чертежи были найдены Никитичем вполне удовлетворительными. Мартенс просил денежной помощи для доведения дела до конца, и мне было поручено финансировать это дело по своему усмотрению.

По приезде за границу я первым делом отправился к Мартенсу в Цюрих для производства испытания. Испытание, однако, дало результаты неудовлетворительные. В отношении веса и внешнего вида пулемет не оставлял желать ничего лучшего, но единственный недостаток состоял в том, что он... не стрелял. Смущенный Мартенс объяснил это незначительным дефектом конструкции и занялся устранением его. Когда я через некоторое время вторично приезжал в Цюрих, результаты испытания оказались, однако, не более удовлетворительными. Пулемет давал через каждые несколько выстрелов осечку. Навлекши на себя подозрение местной полиции, Мартенс вынужден был перевести свою мастерскую в Лондон.

[1] В 1934 г. *Ред.*

Продолжая финансировать это дело, я решил, что усовершенствование этого изобретения и массовое производство мартенсовских пулеметов потребует слишком много времени и что целесообразнее для транспорта оружия искать пулеметы другой системы.

Наиболее портативными из существовавших тогда пулеметов считались датские, изготовлявшиеся на датском правительственном заводе. Я снесся с этим заводом через гамбургскую фирму Франке, и через несколько дней датский офицер привез в Гамбург образцы пулеметов для испытания. Само собой, он не должен был подозревать о действительном назначении пулеметов, и в переговорах с ним я вместе с одним товарищем-латышом [1] фигурировал в качестве офицера армии республики Эквадор. Образцы были мною одобрены и дан маленький заказ.

Винтовки и патроны мною заказывались через фирму Шредер и $К^0$. К делу мною был привлечен учившийся тогда в Льеже Б. С. Стомоняков. Значительное содействие мне оказывали тогдашний секретарь Международного социалистического бюро Камилл Гюисманс и нынешний друг и соратник российских контрреволюционеров и тогдашний революционный социалист де-Брукер, от имени которого были даны все заказы. Маузеры были заказаны заводу в Бельгии же, а патроны к ним — на правительственном заводе «Дейтше Ваффен-Фабрик» в Карлсруэ. Существенным условием успеха дела мы считали возможность скорейшей доставки оружия и отправку его, во всяком случае, не позже лета того же, 1906 года. К сожалению, заводы не брались изготовить все намеченное нами количество в нужный срок. Пришлось поэтому наряду с маузерами заказать и некоторое количество винтовок другой системы, а именно Манлихера. К счастью, удалось напасть на готовую партию манлихеров, заказанную каким-то правительством, не выкупленную им и находившуюся на складах в Триесте. Партия досталась нам по сравнительно дешевой цене, хотя винтовки были совершенно новые, без всяких дефектов. Патроны к ним были заказаны на заводе Штейера (Австрия).

Так как заказы были даны через бельгийскую фирму, пользовавшуюся в оружейном мире солидной репутацией, то они никаких подозрений не вызывали. На заводах я являлся в качестве бельгийца, представителя этой же фирмы. Все заказы были выполнены к сроку, испытание и приемка были произведены мною лично вместе со специалистами.

Небезынтересный эпизод произошел при приемке патронов на заводе в Карлсруэ. Явившись к директору завода, отрекомендовавшись ему в качестве бельгийца и объяснив цель своего приезда, я получил от него малоутешительное сообщение, что в Карлсруэ находится также приемочная комиссия русского правительства. Директор предложил мне поехать с ним к этой комиссии, чтобы вместе отправиться на стрельбище для производства испытания. Пришлось принять это предложение, познакомиться с русскими

---

[1] И. Г. Лютером. *Ред.*

офицерами и на несколько часов даже подружиться с ними. Они дали мне весьма ценные авторитетные указания при испытании патронов, благодаря чему несколько ящиков патронов были мною забракованы.

Одновременно с закупкой оружия приходилось думать о гораздо более сложной задаче — о собирании заказанного оружия с разных заводов, из разных стран в одном порту и вывозе его оттуда. Об открытой доставке оружия в Батум или какой-либо другой черноморский порт не приходилось и думать. Мы рассчитывали произвести выгрузку в открытом море, недалеко от турецко-кавказского побережья, на небольшие фелюги — парусные лодки, на которых должны были выехать нам навстречу кавказские товарищи. Найдется ли капитан парохода для такого рискованного предприятия? Удастся ли законспирировать отправку в порту? Как укрыться от бдительного ока царских ищеек в портовых городах? Каким образом усыпить бдительность таможенных властей, которые должны знать порт назначения каждого парохода?

Я объехал почти все порты Голландии, Бельгии, Франции, Италии и Австро-Венгрии, советовался там с местными партийными товарищами, с синдикалистами и профсоюзами моряков, и все они в один голос уверяли в абсолютной неосуществимости нашей затеи. Встречали они меня, впрочем, чрезвычайно радушно, выслушивали меня с громаднейшим интересом и проявляли энтузиазм и готовность к максимальному содействию. В память врезался мне один курьез. Когда я явился к секретарю партийной организации в Роттердаме и изложил ему цель моего приезда, он мне спокойно предложил явиться на следующий день, так как «по воскресеньям он о делах не разговаривает».

Путем исключения западноевропейских портов пришлось остановиться на Болгарии, но это создавало новые затруднения. Поскольку отправка оружия из таких крупных портовых городов, как Роттердам, Антверпен или Марсель, может иметь своим назначением любую страну земного шара, и в частности южноамериканские республики и Марокко, обильно снабжавшиеся тогда оружием из Европы контрабандным путем, постольку Болгария может быть отправочным пунктом лишь для России, и наша конспирация, в таком случае, ничего не стоила бы. Я вступил в связь с македонскими революционерами и нашел весьма услужливого, хотя далеко не бескорыстного агента в лице представителя македонского комитета Наума Тюфекчиева (он был убит кем-то во время империалистической войны испытанным болгарским способом). Обсудив с ним положение, мы решили добиться разрешения болгарского правительства на доставку оружия в Варну, с тем чтобы оно было отправлено оттуда контрабандным путем якобы в Турецкую Армению. Дело должно было быть изображено болгарскому правительству в таком виде, будто македонские революционеры помогают армянам в их попытке организовать восстание против общего врага — Турции. Так как македонцы пользовались в то время поддержкой и полным содействием болгарского правительства, то Тюфек-

чиев в успехе не сомневался. И он не ошибся. Не берусь, однако, утверждать, оказались ли болгарские чиновники нашими соучастниками из чистого патриотизма и ненависти к Турции или же действовали по побуждениям менее благородного характера. Как бы то ни было, нам был обеспечен совершенно легальный пункт назначения для закупленного оружия; мы могли давать заводам и складам ордер на совершенно открытую отправку товара в Болгарию. Помнится, что мы натолкнулись на некоторые затруднения при транзитном провозе оружия из Бельгии и Германии через Австрию, но и эти затруднения благодаря «любезности» всемирной транспортной конторы Шенкер и К^0 были устранены. Поскольку, однако, мы не могли открыто говорить о транзитном характере груза в самой Болгарии, нам пришлось заплатить болгарские ввозные пошлины. Я подозреваю, однако, что болгарское казначейство от наших операций не обогатилось и что мнимые пошлины были ценой за любезность и услужливость самого Тюфекчиева и его высокопоставленных болгарских сообщников. Это подозрение у меня возникло впоследствии, когда я увидал вагоны с оружием в Варне запломбированными таким образом, как будто груз шел открыто транзитом и болгарской таможней не вскрывался. Я нисколько, однако, не жалел об уплаченной мзде, которую Тюфекчиев полностью заслужил.

На $^2/_3$ задача была выполнена. Оставалось организовать отправку из Варны. Большим тоннажем болгары не обладают, и те немногие пароходные линии, которые там существовали, наотрез отказались взяться за отправку оружия без легального назначения и за контрабандную выгрузку в открытом море, рискуя своими пароходами и жизнью команды. Призывы к патриотизму и необходимости оказать содействие союзным по борьбе с Турцией армянам не действовали. Я решил купить собственное суденышко и вызвать для него надежную команду из России. И мне действительно удалось купить в Фиуме за сравнительно небольшую плату в 30 000 франков небольшую яхту, сделавшую переход из Америки в Европу и по своей вместимости вполне годившуюся для наших целей. Купил я ее на свое имя, прописавшись в Фиуме по болгарскому паспорту брата Наума Тюфекчиева. Отремонтировав яхту на острове Люсин Пиколо и приспособив ее для товарных перевозок, я отправил ее в Варну со старой командой, обеспечив последней обратный железнодорожный билет до Фиуме. В Варне оружие должно было быть перегружено из вагонов на яхту, для которой была выписана из России команда, и затем отправлено в заранее условленное место, где приемку должны были организовать кавказские товарищи.

В Варне все было готово для отправки в июле или августе, и я не сомневаюсь, что все сошло бы благополучно, если бы мы могли тогда же произвести отправку. Произошла, однако, заминка финансового характера.

Дело в том, что поручение я получил в начале 1906 года от боль-

шевистского ЦК. Спустя несколько месяцев в Стокгольме имел место так называемый Объединительный съезд, на котором меньшевики выбрали в ЦК большинство своих сторонников. Узнав о перевыборах, я решил, что данное мне поручение будет аннулировано, и, как лояльный партиец, послал «прошение об отставке». Велико было мое изумление, когда новый ЦК, очевидно под давлением кавказской организации, подтвердил мой мандат и предложил мне продолжать и закончить начатое дело. Но, якобы благословив меня на продолжение дела на словах, новый ЦК на деле прекратил всякую поддержку. Я в самом начале не был достаточно предусмотрителен, чтобы перевести за границу всю предоставленную в мое распоряжение кавказскими товарищами сумму, выписывая деньги от ЦК по мере надобности. До стокгольмского съезда мои финансовые требования удовлетворялись Никитичем без всяких задержек, и я в свою очередь имел возможность аккуратно оплачивать счета, укрепляя свое положение и доверие к себе со стороны коммерсантов, с которыми приходилось мне иметь дело. С переходом же ЦК в руки меньшевиков в пересылке денег наступили серьезные перебои. На телеграммы и письма в ЦК я подолгу не получал ответов, просьбы о денежной помощи оставались гласом вопиющего в пустыне. Я протестовал, ругался, указывая, что успех дела зависит от своевременной отправки оружия в спокойную погоду, до наступления осенних штормов в Черном море и т. д. Деньги не присылались, не приезжала выписанная мною из России команда. Видя, что делу грозит несомненный крах и что письмами и телеграммами на меньшевистский ЦК не воздействуешь, я вынужден был отправиться в Петербург, где не без труда удалось вырвать от ЦК остаток закавказских денег, оказавшийся уже значительно урезанным. В Болгарию удалось вернуться лишь поздней осенью, и благоприятное время оказалось упущенным. Пришлось наскоро произвести погрузку, хотя присланная из Одессы команда большого доверия мне не внушала. Думать о замене малонадежного капитана другим товарищем не приходилось. Я возлагал свою надежду, главным образом, на своих собственных сотрудников по работе, посаженных мною на судно, среди которых находился такой испытанный революционер, как Камо. С облегченным сердцем я смотрел с берега на удалявшуюся яхту, и мне мерещилось уже полное осуществление революционного предприятия, над которым я работал десять месяцев.

Увы! — через 3 дня я узнал в Софии, что из-за шторма, а, может быть, неопытности и трусости капитана яхта села на мель недалеко от румынского берега, команда разбежалась, рискуя попасть в руки румынской полиции, а оружие растащено румынскими рыбаками. Я немедленно выехал в Бухарест, но спасти из оружия ничего не удалось, так как о происшествии стало известно российскому посольству, которое немедленно приняло свои меры. Я тогда же написал в ЦК энергичный протест, возложив на него ответственность за срыв предприятия.

Некоторое время спустя капитан яхты, вернувшись в Одессу,

был схвачен полицией и перевезен в Петропавловскую крепость. На допросе капитан (имени его я не помню) дал «чистосердечные показания» и сообщил о моей роли в этом деле. Если не ошибаюсь, это привело к дипломатическому конфликту между Россией и Болгарией. К делу, действительно, были причастны не только второстепенные болгарские чиновники, но и члены болгарского правительства. Личная встреча была у меня в Париже с тогдашним болгарским военным министром генералом Савовым, которому я, между прочим, предлагал купить мартенсовское изобретение.

Так кончилась... попытка массового ввоза оружия в царскую Россию для революционных целей...

Первая боевая организация большевиков. 1905—1907 гг. Статьи, воспоминания и документы М., 1934, с. 103—110

А. В. Луначарский

СТОКГОЛЬМСКИЙ СЪЕЗД [1]

...Идея о необходимости сближения в сущности окончательно разорвавшейся на две партии РСДРП возникла совершенно естественно. Правда, ко времени, когда переговоры между обеими фракциями усилились, уже наблюдалось два подводных течения в партии. Одно продолжало не только говорить, но и думать, что революция идет поступательно. Ведь и на самом съезде, даже после декабрьского поражения, вера в немедленную новую революционную волну была еще крепка...

Что же касается меньшевиков, часть которых позднее, как известно, допрыгалась до ликвидаторства, то они еще перед декабрем, осенью 1905 года, склонялись к мысли, что революция идет на убыль.

Однако и те, которые думали, будто нам предстоят новые победы, и те, кто полагал, что началось отступление, одинаково понимали, как важно сплотить и для продвижения вперед, и для организованной самообороны все рабочие ряды. Отсюда длинный ряд переговоров, в которых искали путей к объединению. Мне самому пришлось принимать участие в этих переговорах. Я председательствовал даже на большинстве таких собраний. Меньшевики, в том числе Мартов, Мартынов и Дан, как игравшие весьма значительную роль, произносили большие речи. Владимир Ильич, хитро улыбаясь, составлял в большинстве случаев маленькие резолюции на бумаге и требовал, чтобы меньшевики подписали их. Меньшевики уходили на отдельные фракционные заседания, долго совещались и начинали требовать разных поправок или отбалтывались в новых речах от категорической и совершенно ясной постановки вопроса у Владимира Ильича. Однако было заметно, что дело все же идет к объединению. Состав съезда, который выбрал бы объединенный и компетентный ЦК, казался делом предрешенным. Конференции выработали соглашение по части выборов на этот съезд и т. д. Декабрьское поражение сильно изменило обстановку. Как ни были потрясены большевики этой неудачей, они все же вместе с тем считали, что революция принимает формы вооруженного восстания, хотя бы и не победоносного, поднимаясь тем самым на

---

[1] IV (Объединительный) съезд РСДРП проходил в Стокгольме 10 (23) апреля — 25 апреля (8 мая) 1906 года. *Ред.*

следующую ступень. Меньшевики же, наоборот, вслед за Плехановым полагали, что декабрьское восстание явилось доказательством неправоты пути через вооруженное восстание.

Казалось, таким образом, что между обеими фракциями опять открылась зияющая бездна. Однако Плеханов продолжал говорить: нам необходимо единство. Как бы ни ссорились мы между собою, но если мы оглянемся, то станет ясно — сближать революционные силы приходится. И меньшевики, и большевики стоят друг к другу наиболее близко: меньшевик, ищущий союзника, прежде всего должен подумать о большевике, и наоборот.

Такого рода соображения я лично слышал из уст Плеханова. Может быть, отчасти под его влиянием так же думали руководящие меньшевики.

При этом надо, однако, сказать, что и у той, и у другой фракции была надежда на большинство на Стокгольмском съезде. Предполагалось, что съезд получит соответственную окраску, и тогда дело объединения сделается проще.

В конце марта я выехал вместе с целым рядом товарищей на пароходе, шедшем из Або в Стокгольм. Ехало человек 50 товарищей, в том числе Ярославский, Румянцев и Суворов...

Некоторое время нам пришлось поджидать приезда остальных товарищей. Когда все более или менее собрались, началась усиленная горячая работа по подсчету голосов. Все меры были приняты, чтобы выявить и наличность голосов, могущих поддержать меньшевиков или нас, и наличность шансов провести одних, отвести других через мандатную комиссию. Постепенно выяснилось, что большинство, хотя и не очень подавляющее, принадлежит меньшевикам. Это было неприятное открытие. Урал, правда, поднажал, и уральцы составляли своего рода железную когорту нашей фракции. Зато меньшевики привезли видимо-невидимо кавказцев. При обсуждении создавшегося таким образом положения поднялись голоса о возможности срыва съезда, но Владимир Ильич выступил решительно против этого. Больше всех бесновался Григорий Алексинский. Он заявлял, что ни на какое соглашательство не желает идти, что ему претит всякая дипломатия с этими явными врагами как большевику, что он хочет действовать напролом и что если вследствие этого единство сорвется, то тем лучше. Владимир Ильич стоял на позиции выяснения всех устоев как нашей, так и их политики, доведения точки зрения до предельной ясности, и не столько попытки работать вместе — насколько я помню, Владимир Ильич не очень верил в эту совместную работу,— сколько отклонения от себя ответственности за продолжение раскола.

В конце концов нам пришлось фигурировать в качестве меньшинства на съезде, в качестве, так сказать, своеобразной, пока весьма автономной оппозиции.

Важнейшими вопросами, стоявшими в порядке дня, были, как известно, пересмотр аграрной программы, вопрос о думе и о вооруженном восстании. На этих трех китах стояло все проблематическое здание объединения. Сильная борьба завязалась сразу по

вопросу о том, кто собственно имеет право голоса. Особенно остро обсуждалось это по отношению к национальным социал-демократическим организациям, желавшим вступить в партию. В связи с этим приобрела особенное значение мандатная комиссия. Но уже выборы президиума указали нам на то, что меньшевики будут иметь во всяком случае прочное большинство. Президиум был выбран по списку меньшевиков в составе Плеханова, Дана и Ленина. Помнится, мандатную комиссию выбрали паритетную, отыскавши в прибавку нейтрального человека, но обеспечили за каждым делегатом, мандат которого будет оспариваться, право апелляции к съезду. После ожесточеннейшей борьбы, по выходе мандатной комиссии в отставку, после ряда бурных инцидентов оказалось, что на съезде имеется 60 с лишним меньшевиков и около 50 большевиков. Было и несколько колеблющихся, которые, однако, можно сказать, не шли в расчет.

Первым вопросом поставлен был аграрный вопрос. Фигурировало несколько аграрных программ. Меньшевики соглашались, что исходить нужно во всяком случае из конфискации помещичьих земель без выкупа, но что делать с ними дальше? Для всех было ясно, что крестьянское хозяйство удержится и останется главным типом хозяйства на земле, по крайней мере, на некоторое время. Впрочем, вообще ни у кого, даже у Ленина, не было такого представления в то время, что республика, к которой мы стремимся, приобретает ярко социалистический характер, как это случилось после 1917 года. Революцию Ленин оценивал в то время как буржуазную, но хотел довести ее до самого предельного момента. Так, чтобы она закончила собою все возможные в пределах буржуазного строя революционные реформы и поставила страну, так сказать, на край социальной революции. При этом, однако, в дальнейшем надежды возлагались больше уже на заграничных пролетариев. Эта точка зрения была в то время единственно правильной. Междуклассовые отношения в 1905 году были еще таковы, что пролетариат, хотя и мог претендовать на положение гегемона, опирающегося на поддержку крестьянских масс, но должен был с величайшей осторожностью взвешивать каждый шаг, чтобы не потерять перспективы и не оказаться изолированным. В связи с таким представлением о вещах Ленин и группа большевиков, его поддерживавших, считали необходимым объявить в случае победы революции всю землю национализированной. На этой национализированной земле, разумеется, должно было развертываться в своем естественном развитии крестьянское хозяйство. Ленин не боялся усиления государственности, потому что твердо верил, что вышедшее из недр революции рабоче-крестьянское правительство сможет не допустить реакции. Национализация же земли была, по его мнению, естественным концом буржуазной революции как таковой, ибо частная собственность на землю, столь яростно осуждавшаяся Генри Джорджем, считалась им остатком феодальных порядков.

Меньшевики же в то время плохо верили в окончательную побе-

ду революции. Даже те из них, которые полагали, что революция будет идти перманентным ходом непосредственно в 1906—1907 годах, вычитали из книг и свято верили, что за этой революцией пойдет реакция и т. д. Поэтому царское правительство рисовалось им как нечто в высшей степени неопределенное, шаткое. Тут-де бабушка надвое и даже натрое сказала. Государство может остаться монархическим, революция, может быть, вырвет у монархии только более или менее широкую конституцию, государство может оказаться республиканско-буржуазным с преобладанием либеральных органов, оно может испытывать всякие превратности, на него-де нечего особенно надеяться, а при таких условиях усиливать его, делая его единственным юридическим хозяином всех земель гигантской страны, значит действовать опрометчиво. Поэтому меньшевики сразу же, в так называемой программе муниципализации, стали на какую-то половинчатую точку зрения. Это не была ни прямая передача земли крестьянам, как это произошло во время французской революции, ни национализация земли. Запутанная программа эта была потом, в ходе работы съезда, еще более запутана.

Но среди большевиков не было полного согласия; как это ни странно, и национализация земли, которую Ленин любил опирать на сознание крестьян, что земля божья, общая, казалась некоторым какой-то народнической отрыжкой. Суворов, фигурирующий под фамилией Борисова, формулировал программу с раздачей земли в полную собственность крестьянам. Он полагал, что это чисто марксистское разрешение вопроса, что в деревне произойдет потом естественное расслоение, вырастут крупные землевладельцы и беднота, а затем, когда-то, во втором акте революции,— может быть, очень нескоро, во всяком случае, после того, как дифференциация проделает весь свой путь,— произойдет социальная революция в тех же рамках и теми же путями, какими можно было ее ждать в западноевропейских странах. Аграрная программа Суворова, таким образом, стремилась создать предварительные условия, которые дали бы возможность принять потом для себя, так сказать, общеевропейскую аграрную программу с какими-нибудь легкими вариантами, каковыми вообще отличались друг от друга аграрные программы социал-демократических партий различных стран.

Таким образом, в постановке аграрного вопроса сказались весьма любопытные оттенки мысли, можно сказать, разного суждения о самом типе революции. У Владимира Ильича и его сторонников была заметна гораздо более серьезная оценка крестьянства (особенно, конечно, бедного), гораздо больше умения и желания считаться с теми элементами в крестьянстве, которые являлись прогрессивными по отношению к социализму. Марксизм Владимира Ильича не заставлял его выбрасывать из старых теорий народничества, как они были формулированы Черновым, решительно все. Владимир Ильич, конечно, не верил ни в социалистический инстинкт крестьянства, ни в общину как элемент будущего аграрного социализма, но он вeрил в возможность для деревни в значительной

мере миновать и болезненные явления дифференциации, которые должны были отдалить срок настоящей социальной революции в России на необозримое время. Уже тогда союз крестьянской бедноты (в том числе и беднейших середняков) с пролетариатом казался ему не только политическим союзом, но и союзом, ведущим дальше чисто политической цели и создающим известные базы для дальнейшего продвижения к социализму. При этих условиях национализация казалась Владимиру Ильичу, с одной стороны, вполне допустимой, с точки зрения самой радикальной и самой далеко идущей буржуазной революции, а с другой стороны — создающей почву для государства диктатуры пролетариата с сильным уклоном в сторону ускоренной эволюции всех частновладельческих элементов к огосударствлению, а затем к коммунистическому обобществлению.

Докладчиков выступало по аграрному вопросу много, но, в сущности говоря, центр тяжести сводился к борьбе Плеханова и Ленина. Ленин излагал свои идеи первым. Главная мысль его доклада заключалась в том, что в деревне надо, во-первых, уничтожить все следы помещичьего режима, для чего стремиться создать там революционные крестьянские комитеты, и этим он хотел втянуть как можно глубже крестьянство в революционную борьбу и творчество. Борясь, таким образом, реально за землю, крестьянин легче всего мог покинуть все свои монархические предрассудки и стойко стать за окончательную политическую революцию, за наиболее демократическую форму республики...

В своей речи Ленин несколько раз говорил о существующем в крестьянстве сознании принадлежности земли народу вообще. Для всякого было ясно, что Ленин держит курс своей речи на весьма последовательное революционное правительство, в котором будут преобладать фактически или иметь огромное влияние социалисты. Им, конечно, придется маневрировать, чтобы не потерять поддержки крестьянских масс, но все же это будет положительное, ведущее вперед правительство, и собственность на землю в его руках явится благотворной. Ленин в своей речи прямо упрекал Маслова в том, что смысл его муниципализации сводится как бы к недоверию революции и он как бы заранее мирится с тем, что это будет не наше правительство и что колоссальное усиление его, благодаря национализации земли, повернется против нас.

Доклад Ленина был ярок, горяч и убедителен, как всегда полон веры в революцию. Когда я вспоминаю его теперь и сравниваю его с гораздо более решительными позициями, занятыми Лениным после 1917 года, я вижу, что они органически сплетаются между собою. Только одиннадцатью годами позднее Ленин, уже при свете революции, сумел не только пойти вообще дальше, но и с необычайной классической ясностью осветить условия рабоче-крестьянской революции с ее проблемами завершителя аграрной революции мелкого крестьянства и зачинателя коммунистического строительства. При свете этих дальнейших событий становится ясно, какая огромная зоркость прогноза заключалась в позиции Ленина на Стокгольмском съезде.

Полной противоположностью даже в самой манере говорить, по всему стилю, как и по сущности являлся тов. Джон, он же Маслов [1]. П. П. Маслов — уважаемый человек и теоретик, написавший много хороших книг и сейчас с большой пользой работающий в области экономики и преподающий в учебных заведениях нашей Советской России. Но нельзя было придумать более невыгодной для меньшевиков фигуры, как этот самый товарищ Джон, после огневых речей Ленина.

Какой-то помятый, потертый, нерешительный и вялый взошел он на трибуну и стал буквально мямлить свою речь. При криках «громче» он чуть повышал свой голос, а потом опять впадал в бормотанье. От времени до времени он останавливался, словно у него завода не хватило, и довольно долго беспомощно висел на трибуне. Плеханов, сидевший неподалеку, суфлировал тогда сердитым шепотом, бросая ему несколько фраз, и Джон, получивши новый завод, опять некоторое время тянул свою канитель. Его речь, как она была произнесена, казалась мне не ответом Ленину, а инцидентом для ясного показания разницы самих темпераментов борющихся партий.

Меньшевики, конечно, не были так слабы, как Джон в его выступлении, ибо тотчас же вслед за этим явился во всем обаянии своего художественного слова и во всем блеске своего авторитета Г. В. Плеханов. Говорил он слегка по-актерски и нашу провинциальную публику даже несколько разочаровал. Плеханов долгое время жил во Франции и заразился у хороших французских ораторов декламационными приемами. Его решительный голос поднимался иногда в почти певческих модуляциях, и руки, в безукоризненных манжетах с золотыми запонками, пластической жестикуляцией поддерживали его артистическую проповедь. Был чрезвычайно знаменательный момент, когда Плеханов обратился к Ленину и, грозя ему пальцем, с почти пророческой строгостью возгласил: «В новизне твоей мне старина слышится». Это означало, что Плеханов усматривает в преувеличении крестьянских антисобственнических элементов остатки народнических отзвуков...

Таким образом, Ленин оставался, конечно, полностью марксистом, когда он не отвергал того здорового, что было в народничестве. Народничество, конечно, было полно иллюзий; его эпигоны, эсеры, представляли собою рыцарей всяческой конфузии; но сознание того, что революция во всяком случае будет носить глубочайшие черты крестьянской революции, что крестьянство при правильной политике может оказаться последовательно революционным, что для крестьянства могут открыться пути к социализму не только через расслоение от последующих экспроприаций разросшихся в чудовищных землевладельцев кулаков, а иными, более органическими быстрыми путями,— все это как раз и делало

[1] *П. П. Маслов* (Джон) — экономист, автор ряда работ по аграрному вопросу, ревизионист. В социал-демократическом движении участвовал с 90-х годов XIX века. После II съезда РСДРП примкнул к меньшевикам. *Ред.*

Владимира Ильича одновременно великим марксистом и замечательно чутким русским революционером, исходившим из тончайшего сознания, я бы сказал даже интуиции, особенностей нашего политического положения.

Плеханов к тому времени потерял уже всякую веру в крестьянство и в своей речи на Стокгольмском съезде, насколько я помню, доказывал, что крестьянин бунтарь, поскольку жжет помещичьи усадьбы, но затем сейчас же готов упасть на колени перед царем-батюшкой, что он раб и государственник, что мы ни за что об руку с ним не дойдем до действительно последовательно революционного правительства, что еще меньше можно надеяться на какие-то просветы в сторону социализма, если мы будем за национализацию, и только, по существу говоря, послужим на усиление государственности, которая ни в коем случае не будет нашей, может быть, даже будет прямо реакционной и создаст новые возможности превращения России в восточную деспотию, возвращения ее к китайщине...

Этот свой минимализм по отношению к революции Плеханов называл политикой «подковывания партии на все четыре ноги», то есть и на хороший, и на худой случай.

Но как своеобразны пути истории. По отношению к революции 1905—1906 годов даже Плеханов оказался оптимистом. Революция, от которой ожидали новых прыжков, на самом деле агонизировала, и скоро Плеханову, боровшемуся с ленинским максимализмом, пришлось обернуться с гневным лицом к своим недавним сотрудникам, которые, приняв этот длительный обморок революции за смерть, готовы были уже похоронить ее и поставить над нею ликвидаторский крест.

Я не буду останавливаться на дальнейших перипетиях речей об аграрной программе, менее яркие выступления к тому же улетучились из моей памяти. Но я помню, как в заключительном слове Ленин возражал, главным образом, против страха неминуемой реакции. Ленин считал, что такого закона о необходимости наступления реакции после победы революции вовсе нет. Правда в то время Ленин вряд ли ставил перед собою вопрос о возможности продвижения к социализму в одной стране, если эта страна не обладает такими ресурсами, как Россия...

Точно так же помню хорошо ту идею Ленина, которую я потом развил в своей речи в ответ Плеханову. Плеханову все рисовалось, будто Ленин под захватом власти разумеет чуть не личную диктатуру. Что вот-де удастся каким-то образом зацапать власть. Ленин с негодованием отвечал на это представление и ясно отмежевывался от всякого бланкизма. Он наставительно поучал Плеханова, что говорит о захвате власти широкими массами рабочих и крестьян. Но, по-видимому, для Плеханова это была какая-то незнакомая музыка. Он видел только две перспективы: если захват власти, то захват власти заговорщиками, если революция, то какое-нибудь учредительное собрание, из которого выплывает разношерстная фигура, в лучшем случае, буржуазно-демократического правительства.

В результате меньшевики, конечно, провели свою резолюцию, но внесли в нее разные поправки и поправочки. Программа получилась до такой степени пестрая, что Ленин безнадежно махнул рукой...

Затем съезд перешел к оценке общего состояния революции и в связи с этим к той тактике, которая предписывалась революционной партии моментом. Как я уже сказал, все в то время были чрезмерными оптимистами по части революции 1905 года. Но большевики нисколько не были чрезмерными оптимистами, если принимали революцию в ее целом, с ее дальнейшими перспективами после 1917 года. Когда вспомнишь нашу позицию на Стокгольмском съезде, так кажется, что история, так сказать, уснула на 11 лет, а потом все двинулось дальше и как раз по тому плану, который мы себе составили. При этом меньшевики ошибались в корне и их минимализм был опровергнут историей. Богдановцы объявляли, что наступил этот момент промежуточной спячки, а Ленин сумел и промежуток этот использовать наиболее рационально для наилучшей подготовки к новой революционной волне.

Но едва подошли мы к этому вопросу, как выяснилось то, что мы, впрочем, и раньше знали, то есть, что меньшевики уже успели, благодаря декабрьскому поражению в Москве, отшатнуться к самому исходному пункту своих полулиберальных ересей. Они вновь выдвинули лозунг поддержки оппозиционной буржуазии и даже стали подчеркивать, что-де либеральная буржуазия, хотя она и буржуазия, но все же либеральная, западническая, цивилизованная. Крестьянство же, с его неумытым рылом, может ежеминутно оказаться оплотом самодержавия. Это казалось им до такой степени очевидным, до такой степени одновременно марксистским и реальным, что можно было им кол на голове рубить, а сдвинуть их с этого нельзя было. По существу, дело объяснялось именно тем, что они были костью от кости этих либералов, они были реальной частью мелкой буржуазии. Для нас самих это не было совершенно ясно. Отдельные фигуры рабочих-меньшевиков заслоняли от нас эту неприглядную истину.

Насколько я помню, самое яркое выражение меньшевистского взгляда на революцию дал Ной Жордания, по съезду — Костров [1]. Как истинный книжник и фарисей, он старался вычитать будущее по прошлому, производил астрологические гадания. Революция, видите ли, всегда идет по ступеням, и потому сначала должны прийти к власти кадеты. После кадетов дело, естественно, будет леветь и леветь, и, до чего оно полевеет, это мы увидим. Кострову рисовалось, что кадетский период будет прочным и солидным, а дальше открываются новые этапы революции. Но опять-таки, как неисповедимы пути истории! В 1906 году дело не дошло до излюбленных Жорданией кадетов. Вместо постепенного полевения шло постепенное поправение...

---

[1] *Н. Н. Жордания* (Костров) — делегат от Тифлисской организации с решающим голосом, меньшевик. В социал-демократическом движении — с 90-х годов. После II съезда РСДРП — лидер грузинских меньшевиков. *Ред.*

Ленин в своем выступлении по этому вопросу в особенности бил пункт костровского иллюзионизма. Не важно, будет или не будет кадетский момент, а вот важно: приукрашиваем мы этот момент или вскрываем его пошлую половинчатую сущность и подготовляемся к прямой борьбе с ним. Вот тут-то действительно и был основной пункт расхождения. Меньшевики только головами покачивали, когда Ленин утверждал, что Советы являются зародышем новой власти.

Резолюцию по текущему моменту составлял Ленин, привлекший к этой работе меня и еще 2—3 товарищей. Под нашими именами она и была подана. Но она собрала одни только большевистские голоса.

Бой продолжался и по другой резолюции, которая должна была специально осветить вопрос вооруженного восстания. Докладчиком по этому вопросу выступил Красин (по съезду Винтер). Принимая во внимание обостренные отношения к вопросу вооруженного восстания со стороны меньшевиков, Красин весьма осторожно и тщательно указывал на отличие нашего взгляда на вооруженное восстание от всякого путчизма. Помню, что на речь Череванина, ссылавшегося на то, что мы не созрели к революции, и требовавшего чисто политической и даже психологической подготовки, блестяще отвечал Ярославский. Ярославский в то время был еще очень молод. Во всей его наружности было что-то крепкое, смелое, действительно воинствующее. Говорил он как человек, нюхавший подлинный порох, действительно близко стоящий к настоящей практике так называемого технического подготовления к восстанию, как и к той подготовительной работе в армии, о которой разглагольствовал Череванин. Мне пришлось именно по этому пункту выступить с моей основной речью на съезде...

Плеханов в общую резолюцию, где было сказано о необходимости для революционеров вырвать государственную власть из рук самодержавия, хотел вместо слов «государственная власть», поставить «народные права». Я указал, что это есть чистая кадетщина. Правда, в резолюции оставалось слово «вырвать», надо бы, пожалуй, заменить его выражением «выхлопотать», но смысл оставался тот же.

Плеханов становился на точку зрения сохранения государственной власти и за монархией, а смысл революции сводил к получению из монарших рук, хотя бы путем насильственного давления, народных прав. Это была классическая формула для минимальной революции. Здесь Плеханова настолько удалось прижать к стене, что он сам взял назад свою поправку...

Таким образом, съезд окончился ярким определением двух непримиримых позиций и все же была попытка организационного примирения. Владимир Ильич, Сталин, Красин и другие руководители нашей фракции, после чрезвычайно мучительных дебатов настояли все-таки на необходимости объединенного ЦК партии, хотя прекрасно понимали, что единой работы у нас не выйдет и что 99 на 100 процентов неизбежен новый раскол. Тем не менее настрое-

ние партии было такое, что брать на себя ответственность за разрыв было неудобно. Решено было на деле, в самой практике, показать, что меньшевики, в своих стараниях как можно скорее изжить большевизм, толкают нас неизбежно к объявлению собственной самостоятельности. Дан похвалялся, говоря, что теперь дело кончено и большевизм скоро вымрет. Было ясно, что он готов приложить к его «вымиранию» самое усердное содействие. Но это особенно страшно не было. Свою сплоченность и ясность своих идей мы сознавали великолепно и знали, что меньшевизм не проглотит нас и переварить не сможет. Мне и Таратуте были поручены переговоры о составе ЦК. Мы составили этот ЦК, конечно, с преобладанием меньшевиков, но с включением туда наиболее сильных представителей нашей фракции. Меньшевики потом пришли в ярость, когда мы воздержались от голосования при проведении этого ЦК. Им хотелось рассматривать его как коалиционный, и они думали провести демонстративно единогласные выборы, так сказать, торжественной церемонией скрасить горячую борьбу, проходившую красной нитью через весь съезд.

Наша же фракция этого не хотела, и вообще ЦК с включением большевистского меньшинства прошел только голосами меньшевиков.

Стокгольмский съезд уже выдвинул со стороны большевиков большую фалангу таких крепких, таких ясномыслящих людей, что, несмотря на весь культурный блеск плехановской аргументации, никакое большинство меньшевиков не могло, думается мне, заслонить от глаз внимательного наблюдателя бесконечно больший удельный вес революционеров-большевиков.

Со съезда мы уехали не разочарованные, не разбитые, а торжествующие. Хрюканье Дана вызывало с нашей стороны только улыбку. Мы знали, конечно, что нас ждет длительное углубление реакции, но это не пугало нас. Партия на самом деле сохранила всю свою цельность и стройность и направлялась навстречу новым боям, которые должны были привести ее на нынешнюю высоту.

Пролетарская революция, 1926, № 5(52), с. 94—110

И. М. Голубев

ПЕТЕРБУРГ В 1906 ГОДУ

Я приехал в Петербург в марте 1906 года, спустя восемь с половиной лет после первого приезда. За этот период времени я побывал во многих городах, работал во многих организациях, прошел большую школу революционной борьбы. Неоднократно я бывал в лапах жандармов, стал профессионалом-революционером, но Питер всегда оставался в моем сознании величественным городом.

Поэтому, прежде чем приступить к работе, мне захотелось побывать во всех районах, осмотреть город с внешней стороны, затем уже ознакомиться с настроением рабочих масс. На этот раз петербургская роскошь и нищета не поражали меня своим противоречием,— с внешней стороны он оставался все таким же, каким был в 1897 году. Но в его внутреннем содержании произошел великий сдвиг.

В 90-е годы даже об экономической борьбе рабочие могли говорить только шепотом, под большим секретом и в ограниченном кругу. Теперь я уже увидел, что почти открыто готовятся к решительному бою с царским самодержавием не какие-нибудь отдельные террористы, а рабочий класс в целом.

Тогда студенчество представляло собой застрельщиков революции, в них видели освободителей угнетенных, к ним жандармы старались создать неприязнь у рабочих. Теперь, наоборот, синяя блуза рабочего внушала надежду угнетенным и больше страха самодержавию, чем студенческая тужурка. Политический барометр показывал на рабочие фабрики и заводы, оттуда ждали грозу, там слышались громовые раскаты приближающихся боев.

Таким я нашел Петербург в марте 1906 года. Чувствовалось, что петербургские рабочие организации оправились от удара, нанесенного самодержавием в конце 1905 года (арест Совета рабочих депутатов, Петербургского комитета с.-д., закрытие партийных газет, разгром рабочих организаций и т. д.), успели окрепнуть, стали развертывать революционную работу во всю ширь [1].

[1] Царизм разгонял Советы рабочих депутатов, стачечные комитеты, профсоюзы и другие массовые организации рабочих, солдат, крестьян. В Петербурге только за один месяц — с 25 декабря 1905 года по 25 января 1906 года — было арестовано 1716 человек, до 7 тысяч «неблагонадежных» рабочих полиция выслала из столицы в административном порядке. *Ред.*

Меня, оставившего московскую организацию в феврале в разгромленном состоянии, это боевое настроение петербургского пролетариата очень обрадовало. Я видел, что петербургские рабочие, оправившись, продолжают готовиться к вооруженной борьбе.

Я отправился на явку Петербургского комитета (б) с намерением предложить себя в военную организацию. На явке я встретил Фому (А. П. Смирнова, моего старого знакомого по тверской организации в 1902 году), он работал организатором Городского района и предложил мне взять Резиновский подрайон того же района, мотивируя тем, что он находится в руках меньшевиков. Этот мотив был для меня убедительным, и я согласился.

В те времена подпольной работы появление новых людей в организации принимали с большой радостью, так как они вносили некоторый подъем, увеличивали самый масштаб работы. Но на этот раз нас, москвичей, встретили особенно тепло. Причиной этому были не личные качества приехавших работников, а главным образом исключительный интерес питерцев к вооруженному восстанию. Нас положительно бомбардировали вопросами, интересовались самыми мельчайшими подробностями техники и т. п.

В Петербурге я встретил московского работника Седого (Литвина) — героя Пресни; его показывали на собраниях во всех районах как историческую редкость. Седой был бодро настроен. Вскоре его отправили работать в военную организацию — Свеаборг.

На явке я встретил тов. Землячку. Она после вооруженного восстания работала в московской военной организации, успела участвовать на конференции, провалиться на ней и бежать от жандармов, а теперь снова переходила в петербургскую военную организацию.

Когда я встретился с другими участниками московского вооруженного восстания — Станиславом Вольским (Соколов) и Платоном, они произвели на меня менее отрадное впечатление, они выглядели какими-то опустевшими.

В Петербурге они работали в революционно-обывательской газете «Набат» (издательство Струйского). Струйский своим коммерческим нюхом учуял, что на рынке революционные идеи котируются выше «идей» «чего изволите», потому он пользовался нашими социал-демократическими товарищами, чтобы нажить на них себе капитал. Но тут же в этой газете про запас он имел газетчиков — литераторов другого толка, ими он балансировал свое коммерческое дельце...

Работая в Резиновском подрайоне, мне приходилось слышать на каждом собрании упреки со стороны меньшевиков в том, что мы, большевики, были якобы против организации Совета рабочих депутатов, а когда мы поняли роль Советов, то стали им навязывать (Советам) социал-демократическую программу. Что идея беспартийных рабочих Советов — это их идея, а что мы, большевики, ее искажали. И сейчас повторяется та же тактика — бойкот Государственной думы (первую думу мы действительно бойкотировали). Большевики, говорили они, всегда убеждаются задним числом, они

консервативны ко всякой новой идее. Более подробно они излагали наши «ошибки» позднее, подводя итоги революции 1905 года в своем пятитомнике «Общественное движение в России в начале XX века».

На это обвинение мы отвечали, что идея Советов принадлежит не им, меньшевикам, а рабочим массам, она выдвинута была еще иваново-вознесенскими рабочими в июньской стачке 1905 года, а петербургские рабочие ее развили. Мы признавали, что было ошибкой настаивать на принятии социал-демократической программы беспартийными Советами, но зато наша заслуга заключалась в том, что мы толкали Советы на революционный путь и что сопротивление меньшевиков, оказанное нам, привело к оборонительной роли Советов, и, может быть, это и погубило Петербургский Совет.

Меньшевики в данный момент отказывались от революционной борьбы и становились уже на путь ликвидации подпольной партии и необходимости приспособления к существующим политическим условиям. Плеханов и его сторонники заняли несколько другую позицию, они не были сторонниками ликвидации нелегальной партии и революционной борьбы, но они также выступили с осуждением вооруженного восстания. Плеханов, делая оценку вооруженному восстанию, сказал крылатую фразу, что «рабочим не следовало браться за оружие».

В конце марта в Петербург приехал В. И. Ленин. Помню, как по случаю приезда его и других партийных лидеров из эмиграции в Народном доме графини Паниной был организован большой митинг, на котором собственно впервые все революционные и оппозиционные партии дали оценку вооруженному восстанию. На этом собрании я впервые услышал Ленина. На нем кроме Ленина выступали: Дан, Мартов, Водовозов, Солнцев-Бунаков и другие. Представитель каждой партии начинал свою речь с оценки вооруженного восстания и намечал перспективы дальнейшей работы. До этого был разброд в оценке вооруженного восстания и причин его поражения даже в нашей большевистской среде.

Владимир Ильич не только не осудил московского восстания, но придавал ему большое историческое значение, его он считал первой репетицией предстоящих революционных боев. Он говорил, коли рабочий взялся за оружие, а не пошел с иконами к царю, то можно быть уверенным, что он доведет борьбу до конца. Он развивал ту точку зрения, что революция не закончилась: ни рабочие, ни крестьяне, как главные силы в революции, пока не получили удовлетворения. Революцию 1905 года он сравнивал с Германской революцией 1847 года, говорил, что бои еще впереди — надо изучить до мельчайших подробностей московское вооруженное восстание, учиться на нем.

Меньшевики считали, что революция уже кончилась, что теперь мы имеем не 1847, а 1849 год, который завершился конституционно-монархической системой правления. Поэтому, по их мнению, надо нам приспосабливаться к существующим политическим условиям, то есть работать в контакте с Государственной думой, тогда

в большинстве кадетской. Меньшевики словно забыли, как еще недавно они вслед за нами утверждали, что буржуазия перешла в лагерь контрреволюции, чтобы помочь самодержавию подавить рабочее восстание.

Но, несмотря на глубокое разногласие с меньшевиками, мы вынуждены были, под напором рабочих масс, объединиться с ними. Рабочие считали еще возможным бороться с врагом единым фронтом. Они определяли меньшевиков по концу 1905 года, когда они еще шли вместе с нами. Широкие массы не разобрались еще в отходе меньшевиков от революционной борьбы.

Поэтому мы начали готовиться к IV съезду (Объединительному).

Необходимо было развить предсъездовскую агитацию, чтобы при выборах на съезд провести больше своих кандидатов. Основными вопросами на повестке съезда были следующие: 1) об объединении большевиков с меньшевиками и создании единой социал-демократической партии; 2) отношение к вооруженному восстанию; 3) отношение к Государственной думе и 4) аграрный вопрос.

В Резиновском подрайоне работали одни меньшевики; у нас были связи только с фабрикой Воронина и мелкими предприятиями. По директиве Петербургского комитета и меньшевистской группы работу в районах мы обязаны были вести совместно, но разногласия наши были сильнее директив. Мы вместе обошли все рабочие связи на фабриках, устроили несколько совместных собраний, на которых убедились сами и убедили рабочих, что без группировок не обойтись. Нам, практическим работникам, перспектива единства была желательна, мы имели дело с рабочими, примыкавшими к разным партиям, но тем не менее не расходившимися в оценке основных вопросов революции; единство снизу было вполне возможно. Но во время предсъездовской кампании мы столкнулись с интеллигентами-меньшевиками, в руках которых находилась меньшевистская организация, и убедились, что интеллигенты-меньшевики уходят от революции. Нам стало тогда совершенно очевидно, что не может быть речи ни о каком объединении.

Меньшевики, в лице Череванина, поднимали вопрос о созыве так называемого рабочего съезда — этим они хотели подменить революционно-марксистский партийный съезд меньшевистско-оппортунистическим. Рабочие поняли эту махинацию и дали отпор.

Мартов произвел на меня очень хорошее впечатление. Бывая у него на квартире, на Загородном проспекте, я заметил, что его окружение составляет в значительной мере партийный суррогат, занимающийся не работой, а политическими сплетнями, от этого у меня остался нехороший осадок. Впрочем, мое знакомство с Мартовым было непродолжительно, хотя я его и ценил, но та среда, которая его окружала, была мне чужда.

Мы в то время дрались с меньшевиками из-за каждого рабочего, из-за каждой связи на заводе, пускали в ход различные средства. И на этой почве у нас, практиков, отношения между фракциями сильно обострялись, особенно в предсъездовскую кампанию.

Каждая организация стремилась послать большее количество делегатов на съезд и часто давала ложные цифры о количестве членов партии. Для того чтобы проверить эти цифры, мы установили контроль друг за другом — стали устраивать совместные собрания. Но и это не помогало, на собрания часто зазывались такие люди, которые не имели представления о партии, а приходили лишь для голосования.

У нас на фабрике «Треугольник» связей не было, но в результате совместных выступлений удалось наладить связи (отбить у меньшевиков) и организовать свой большевистский кружок. А это для того времени имело большое значение.

Партия со съезда вернулась официально «едина», но фракционная борьба продолжалась и не могла не продолжаться, поскольку решения на съезде были приняты определенно меньшевистского толка.

На съезде большинство делегатов оказалось у меньшевиков, они провели следующие резолюции:

1) компромиссное решение о вооруженном восстании, по существу, осуждение его; 2) по аграрному вопросу было принято масловское — меньшевистское — предложение о муниципализации, то есть распределение земель муниципалитетами, и 3) о поддержке кадетского министерства, ответственного перед Думой.

Очередной задачей после съезда были отчеты о нем. Наша фракция (большевики) оказалась в необычайно затруднительном положении. Не будучи согласны с основными решениями съезда, в то же время уступая настроению рабочих масс, мы взяли на себя обязательство проводить единство.

Из этого положения у нас был один выход: излагая решения съезда, противопоставлять им нашу точку зрения на съезде. В силу этого фракционная борьба стала еще более ожесточенной, чем до съезда. Меньшевики апеллировали к решениям съезда, мы же — к здравому смыслу и революционному сознанию рабочих масс. И мы одержали победу. В особенности меньшевики провалились на вопросе о поддержке так называемого ответственного министерства.

Результаты этой кампании не замедлили сказаться: не более чем через месяц на состоявшейся петербургской социал-демократической конференции вместо меньшевистского ПК был выбран большевистский комитет.

Соблюдая внешнюю сторону «единства», надо было проводить и свою линию. Это можно было сделать только посредством параллельной работы. Поэтому каждая фракция имела свои газеты, свои явки, собрания, другими словами — свою организацию.

В отличие от меньшевистского ЦК (в ЦК входили от большевиков 2 представителя, которых в шутку мы называли заложниками) у большевиков был свой центральный штаб, который назывался Бюро ЦК(б). Он помещался на Невском, недалеко от Литейного. Секретарем Бюро была Надежда Константиновна Крупская.

Тов. Крупскую можно было встретить там во всякое время; она

со своим немногочисленным персоналом, в числе которого были сестры Менжинские, Вера Рудольфовна и Людмила Рудольфовна, обслуживала всю большевистскую Россию литературой, работниками, паспортами и всевозможными справками.

Я жил тогда по соседству от большевистского штаба, на Надеждинской улице, по паспорту И. А. Королева, работал в организации под кличкой Василий Петрович. Я часто бывал в штабе. Надо ли было по какому-нибудь злободневному вопросу дать бой меньшевикам или социалистам-революционерам, я шел к Надежде Константиновне и всегда получал в помощь себе какого-нибудь товарища-агитатора.

Там я познакомился с В. И. Невским, работал он в Заневском районе, Григорием Зиновьевым из Московского района, Иннокентием (Дубровинским), Абрамом (Крыленко) — зажигательным агитатором — и многими другими. В штабе можно было встретить многих провинциальных работников, навести справку о товарищах; тов. Крупская знала положительно всех профессионалов. К ней обращались за всем: надо ли было получить изголодавшемуся на партийном пайке товарищу платную работу — обращались к тов. Крупской, и она всегда приходила на помощь. После съездовской кампании мы, социал-демократы (б), занялись другой кампанией — переписью среди безработных; хотя партия и была «едина», но инициатива и руководство этой кампанией находилось целиком в руках большевиков. Мы добились у городской думы согласия на производство переписи безработных и отпуска для этой цели средств.

После этого в каждом районе были наняты помещения, из самих безработных были организованы бюро. Для руководства этими бюро и переписью партия выделила работников, официально утвержденных представителем думы. Я был послан в Петербургское районное бюро, а затем, когда кампания приняла широкий размер, вовлечены были широкие слои безработных и руководство перешло к районным комитетам.

Помещение бюро (квартира из нескольких комнат) всегда было полно народом. В одних комнатах происходила перепись, давались справки, принимались наниматели рабочей силы, в других — происходили партийные заседания. Приходили на перепись в качестве безработных шпики, которых мы иногда разоблачали. Бюро безработных были и посредническими конторами, и агитационными пунктами в одно и то же время. Эта работа захватила не только безработных, но и работающих рабочих.

Когда перепись закончилась и количество безработных было подсчитано, началась кампания за организацию общественных работ для безработных. Малышев Сергей и Петров работали по организации общественных работ, и на этот раз удалось сломить сопротивление городской думы — средства были отпущены на эту цель, и работа закипела.

Я перешел работать в только что открывшуюся большевистскую газету «Волна» помощником экспедитора. Наша газета часто кон-

фисковывалась полицией, газетчики, не желая рисковать, отказывались ее распространять.

Пришлось организовать артели из безработных рабочих [1]. Несмотря на репрессии, безработные умудрялись распространять газету по фабрикам и заводам и тираж ее с каждым днем увеличивался. К моменту закрытия «Волны» и выпуска новой газеты под названием «Эхо» тираж ее доходил до 60 тысяч экземпляров.

В августе я перешел работать организатором в Песковский подрайон, тоже Городского района.

Там большевики и меньшевики работали объединенно, как и в Резиновском подрайоне.

В Песковском подрайоне, да и вообще в организации, у нас всегда было больше рабочих, а у меньшевиков — интеллигентов. Их базой был винный склад, нашей — ниточная фабрика.

У каждой фракции были свои кружки, отдельно устраивали митинги за городом, в лесу (в ночь под воскресенье), митинги-летучки у ворот фабрик после обеда или вечером после работы. У нас, большевиков, была организована боевая дружина из двадцати человек; инструктором ее был студент-медик. Меньшевики, пронюхав это, устроили скандал, требуя снять меня с работы. В особенности усердствовал в этом какой-то меньшевик по кличке Глеб.

Но совместно работать нам долго не пришлось. Во второй половине лета, примерно с августа, революционная волна быстро стала спадать, усилилась реакция: газеты закрывались, собрания разгонялись, с трудом можно было устраивать небольшие законспирированные собрания.

Пришлось спешно организовать печатание литературы в Финляндии и оттуда налаживать транспортирование. Помню, мы, участники большевистского совещания в Финляндии, ехали в Петербург, нагруженные литературой. Вспыхнувшее Кронштадтское восстание матросов, несмотря на призыв партии, рабочие не могли дружно поддержать. Кое-где забастовали, но это было недружное движение. Для нас было ясно, что революционная волна скатилась и не скоро поднимется следующий вал.

То же было и с разгоном Государственной думы. Выборгское воззвание, как его называли «выборгский крендель», не произвело никакого впечатления ни на рабочих, ни на крестьян.

Индифферентизм стал все глубже и шире захватывать рабочие массы. Меньшевики начали ликвидировать свою партийную работу. Мы уходили в подполье.

Вскоре после разгона Думы в Финляндии состоялось совещание социал-демократов (б), на котором я еще ближе познакомился с Лениным. До этого я встречался с ним несколько раз и в Петербурге, но не в столь тесном кругу, как это было в Финляндии.

[1] Царизм стремился голодом и безработицей сломить революционный дух пролетариата. К апрелю 1906 года в Петербурге было до 40 тысяч безработных, а в целом по стране их к этому времени насчитывалось несколько сотен тысяч. Около 60 процентов питерских безработных составляли рабочие, уволенные за активное участие в забастовочном движении. *Ред.*

На этом историческом совещании Владимир Ильич впервые поднял в партии вопрос о нашем участии как в предвыборной кампании Государственной думы, так и в самой Думе. И это неожиданное предложение Ленина так поразило присутствовавших на совещании, что его поддержало незначительное меньшинство. В то время, когда всем казалось, что существует еще революционный подъем, что есть возможность организовать боевые дружины и готовиться к открытому бою, Ленин вдруг заговорил о наступающей реакции, о необходимости использовать все легальные возможности, пролезать во все щели, разоблачать правительство и буржуазные партии через Думу. Вскоре после этого совещания вышла его брошюра, кажется под названием «За бойкот или против бойкота», и большинство партии встало на его точку зрения. Только незначительная группа так называемых «бойкотистов» и «отзовистов» продолжала вести агитацию против участия в Думе...

Голубев И. М. От стачек к восстанию. Воспоминания рабочего-большевика (1896—1907). М.-Л., 1931, с. 153—162

Н. К. Крупская

ПИТЕР И ФИНЛЯНДИЯ. 1906—1907 ГОДЫ

27 апреля открылась I Государственная дума, была демонстрация безработных, среди которых работал Войтинский, с большим подъемом прошло 1 Мая. В конце апреля открылась вместо «Новой жизни» газета «Волна», стал выходить большевистский журнальчик «Вестник жизни». Движение шло опять на подъем.

По возвращении со Стокгольмского съезда мы поселились на Забалканском, я — по паспорту Прасковьи Онегиной, Ильич — по паспорту Чхеидзе. Двор был проходной, жить там было удобно, если бы не сосед, какой-то военный, который смертным боем бил жену и таскал ее за косу по коридору, да нелюбезность хозяйки, которая усердно расспрашивала Ильича о его родных и уверяла, что знала его, когда он был четырехлетним мальчуганом, только тогда он был черненьким.

Ильич писал отчет питерским рабочим об Объединительном съезде, ярко освещая все разногласия по самым существенным вопросам. «Свобода обсуждения — единство действия,— вот чего мы должны добиться»,— писал Ильич в этом отчете.— «...В поддержке революционных выступлений крестьянства, в критике мелкобуржуазных утопий все с.-д. согласны между собой». «При выборах в Думу обязательно полное единство действий. Съезд решил — будем выбирать все, где предстоят выборы. Во время выборов никакой критики участия в выборах. Действие пролетариата должно быть едино»[1].

Отчет вышел в издательстве «Вперед» в мае месяце.

9 мая Владимир Ильич первый раз в России выступил открыто на громадном массовом собрании в доме Паниной под фамилией Карпов. Рабочие со всех районов наполняли зал. Поражало отсутствие полиции. Два пристава, повертевшись в начале собрания в зале, куда-то исчезли. «Как порошком их посыпало», шутил кто-то. После кадета Огородникова председатель предоставил слово Карпову. Я стояла в толпе. Ильич ужасно волновался. С минуту стоял молча, страшно бледный. Вся кровь прилила у него к сердцу. И сразу почувствовалось, как волнение оратора передается аудитории. И вдруг зал огласился громом рукоплесканий — то партийцы узнали Ильича. Запомнилось недоумевающее, взволнованное лицо стоявшего рядом со мной рабочего. Он спрашивал: кто, кто это? Ему никто не отвечал. Аудитория замерла. Необыкновенно подъем-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 64—65. *Ред.*

14 Заказ 4835

ное настроение охватило всех присутствовавших после речи Ильича, в эту минуту все думали о предстоящей борьбе до конца.

Красные рубахи разорвали на знамена и с пением революционных песен разошлись по районам.

Была белая майская возбуждающая питерская ночь. Полиции, которую ждали, не было. С собрания Ильич пошел пешком ночевать к Дмитрию Ильичу Лещенко.

Не удалось Ильичу больше выступать открыто на больших собраниях в ту революцию.

24 мая была закрыта «Волна». 26 мая она возобновилась под именем газеты «Вперед». «Вперед» просуществовала до 14 июня.

Только 22 июня удалось приступить к изданию новой большевистской газеты «Эхо», просуществовавшей до 7 июля. 8 июля была распущена Государственная дума.

В конце июня приезжала в Питер только что освободившаяся из варшавской тюрьмы Роза Люксембург. С ней виделись тогда Владимир Ильич и наша большевистская руководящая публика. Квартиру под свидание дал домовладелец «Папа Роде», старик, с дочерью которого я вместе учительствовала за Невской заставой, а потом одновременно с ней сидела в тюрьме. Старик старался помогать, чем мог, и на этот раз отвел под собрание большую пустую квартиру, в которой для конспирации велел замазать белой краской все окна, чем, конечно, привлек внимание всех дворников. На этом совещании говорили о создавшемся положении, о той тактике, которой надо было держаться. Из Питера Роза поехала в Финляндию, а оттуда за границу.

В мае, когда движение нарастало, когда Дума стала отражать крестьянские настроения, Ильич уделял ей очень большое внимание. За это время им написаны статьи: «Рабочая группа в Государственной думе», «Крестьянская или «Трудовая» группа в РСДРП», «Вопрос о земле в Думе», «Ни земли, ни воли», «Правительство, Дума и народ», «Кадеты мешают Думе обратиться к народу», «Горемычники, октябристы и кадеты», «Плохие советы», «Кадеты, трудовики и рабочая партия»; все эти статьи имеют в виду одно — смычку рабочего класса с крестьянством, необходимость поднять крестьян на борьбу за землю и волю, необходимость не дать кадетам возможности заключить сделки с правительством.

Ильич не раз выступал в это время с докладами по этому вопросу.

Выступал Ильич с докладом перед представителями Выборгского района в Союзе инженеров на Забалканском. Пришлось долго ждать. Один зал был занят безработными, в другом собрались катали — организатором их был Сергей Малышев,— в последний раз пытавшиеся договориться с предпринимателями, но и на этот раз не договорились. Только когда они ушли, можно было приступить к докладу.

Помню также выступление Ильича перед группой учителей. Среди учителей господствовали тогда эсеровские настроения, большевиков на учительский съезд не пустили, но было организовано

собеседование с несколькими десятками учителей. Дело происходило в какой-то школе. Из присутствовавших запомнилось лицо одной учительницы, небольшого роста, горбатенькой,— это была эсерка Кондратьева. На этом собеседовании выступал тов. Рязанов с докладом о профсоюзах. Владимир Ильич делал доклад по аграрному вопросу. Ему возражал эсер Бунаков, уличая его в противоречиях, стараясь цитатами из Ильина (тогдашний литературный псевдоним Ильича) побить Ленина. Владимир Ильич внимательно слушал, делал записи, а потом довольно сердито отвечал на эту эсеровскую демагогию.

Когда встали во весь рост вопросы о земле, когда открыто выявилось, говоря словами Ильича, «объединение чиновников и либералов против мужиков», колеблющаяся трудовая группа пошла за рабочими. Правительство почувствовало, что Дума не будет надежной опорой правительства, и перешло в наступление, начались избиения мирных демонстраций, поджоги домов с народными собраниями, начались еврейские погромы. 20 июня выпущено было правительственное сообщение по аграрному вопросу с резкими выпадами по адресу Государственной думы.

Наконец 8 июля Дума была распущена, социал-демократические газеты закрыты, начались всякие репрессии, аресты. В Кронштадте и в Свеаборге разразилось восстание. Наши принимали там самое активное участие. Иннокентий (Дубровинский) еле-еле выбрался из Кронштадта и выскользнул из рук полиции, притворившись вдрызг пьяным. Вскоре арестовали нашу военную организацию, в среде которой оказался провокатор. Это было как раз во время Свеаборгского восстания. В этот день мы безнадежно ждали телеграмм о ходе восстания.

Сидели в квартире Менжинских. Вера Рудольфовна и Людмила Рудольфовна Менжинские жили в то время в очень удобной, отдельной квартире. К ним часто приходили товарищи. Постоянно у них бывали товарищи Рожков, Юзеф, Гольденберг. На этот раз там также собралось несколько товарищей, в том числе Ильич. Ильич направил Веру Рудольфовну к Шлихтеру, чтобы сказать, что нужно немедля выехать в Свеаборг. Кто-то вспомнил, что в кадетской «Речи» служит корректором товарищ Харрик. Пошла я к нему узнавать, нет ли телеграмм. Его не застала, телеграммы получила от другого корректора, который посоветовал мне сговориться с Харриком, который живет неподалеку — в Гусевом переулке, даже адрес Харрика написал на гранках с телеграммами. Я пошла в Гусев переулок. Около дома под ручку ходили две женщины. Они остановили меня: «Если вы идете в такой-то номер, не ходите, там засада, всех хватают». Я поторопилась предупредить нашу публику. Как потом оказалось, там арестована была наша военная организация, в том числе и Вячеслав Рудольфович Менжинский. Восстания подавлялись. Реакция наглела. Большевики возобновили издание нелегального «Пролетария», ушли в подполье — меньшевики забили отбой, стали писать в буржуазной прессе, выкинули демагогический лозунг рабочего беспартийного съезда, который при данных

условиях означал ликвидацию партии. Большевики требовали экстренного съезда.

Ильичу пришлось перебраться в «ближнюю эмиграцию», в Финляндию. Он поселился там у Лейтейзенов на станции Куоккала, неподалеку от вокзала. Неуютная большая дача «Ваза» давно уже служила пристанищем для революционеров. Перед тем там жили эсеры, приготовлявшие бомбы, потом поселился там большевик Лейтейзен (Линдов) с семьей. Ильичу отвели комнату в сторонке, где он строчил свои статьи и брошюры и куда к нему приезжали и цекисты, и пекисты, и приезжие из провинции. Ильич из Куоккалы руководил фактически всей работой большевиков. Через некоторое время я тоже туда переселилась, уезжала ранним утром в Питер и возвращалась поздно вечером. Потом Лейтейзены уехали, мы заняли весь низ — приехала к нам моя мать, потом Марья Ильинична жила у нас одно время. Наверху поселились Богдановы, а в 1907 году и Дубровинский (Иннокентий). В то время русская полиция не решалась соваться в Финляндию, и мы жили очень свободно. Дверь дачи никогда не запиралась, в столовой на ночь ставилась кринка молока и хлеб, на диване стелилась на ночь постель, на случай, если кто приедет с ночным поездом, чтобы мог, никого не будя, подкрепиться и залечь спать. Утром часто в столовой мы заставали приехавших ночью товарищей.

К Ильичу каждый день приезжал специальный человек с материалами, газетами, письмами. Ильич, просмотрев присланное, садился сейчас же писать статью и отправлял ее с тем же посланным. Почти ежедневно приезжал на «Вазу» Дмитрий Ильич Лещенко. Вечером я привозила каждодневно всяческие питерские новости и поручения.

Конечно, Ильич рвался в Питер, и как ни старались держать с ним постоянную самую тесную связь, в другой раз нападало такое настроение, что хотелось чем-нибудь перебить мысли. И вот бывало так, что все обитатели дачи «Ваза» засаживались играть... в дурака. Расчетливо играл Богданов, расчетливо и с азартом играл Ильич, до крайности увлекался Лейтейзен. Иногда приезжал в это время кто-нибудь с поручением, какой-нибудь районщик, смущался и недоумевал: цекисты с азартом играют в дурака. Впрочем, это только полоса была такая.

Я редко видала в это время Ильича, проводя целые дни в Питере. Возвращаясь поздно, заставала Ильича всегда озабоченным и ни о чем его уже не спрашивала, больше рассказывала ему о том, что приходилось видеть и слышать.

Эту зиму мы с Верой Рудольфовной имели постоянную явку в столовой Технологического института. Это было очень удобно, так как через столовку за день проходила масса народу. В день перебывает другой раз больше десятка человек. Никто не обращал на нас внимания. Раз только пришел на явку Камо. В нарядном кавказском костюме,он нес в салфетке какой-то шарообразный предмет. Все в столовке бросили есть и принялись рассматривать необычайного посетителя. «Бомбу принес»,— мелькала, вероятно, у боль-

шинства мысль. Но это оказалась не бомба, а арбуз. Камо принес нам с Ильичем гостинцев — арбуз, какие-то засахаренные орехи. «Тетка прислала»,— пояснил как-то застенчиво Камо. Этот отчаянной смелости, непоколебимой силы воли бесстрашный боевик был в то же время каким-то чрезвычайно цельным человеком, немного наивным и нежным товарищем. Он страстно был привязан к Ильичу, Красину и Богданову. Бывал у нас в Куоккале. Камо часто ездил из Финляндии в Питер, всегда брал с собой оружие, и мама каждый раз особо заботливо увязывала ему револьверы на спине.

С осени стал выходить в Выборге нелегальный «Пролетарий»[1], которому Ильич уделял много времени и внимания. Сношения велись через тов. Шлихтера. Нелегальный «Пролетарий» привозился в Питер и распространялся там по районам. Перевозкой занималась тов. Ирина (Лидия Гоби). Хотя перевозка и распределение были налажены — литература шла через легальную большевистскую типографию «Дело», но все же надо было добывать адреса, куда переправлять литературу. Нам с Верой Рудольфовной понадобилась помощница. Один из районщиков — Комиссаров — предложил в качестве помощницы свою жену Катю. Пришла скромного вида стриженая женщина. Странное чувство в первую минуту овладело мной — чувство какого-то острого недоверия, откуда взялось это чувство — не осознала, скоро оно стерлось. Катя оказалась очень дельной помощницей, все делала очень аккуратно, конспирированно, быстро, не проявляла никакого любопытства, ни о чем не расспрашивала. Помню, только раз, когда я спросила ее о том, куда она едет на лето, ее как-то передернуло, и она посмотрела на меня злыми глазами. Потом оказалось, что Катя и ее муж — провокаторы. Катя, достав оружие в Питере, повезла его на Урал, и следом за ее появлением приходила полиция, отбирала привезенное Катей оружие, всех арестовывала. Об этом мы узнали много позже. А ее муж Комиссаров стал управляющим у Симонова, домовладельца дома № 9 по Загородному проспекту. Симонов помогал социал-демократам. У него жил одно время Владимир Ильич, потом в этом доме был устроен большевистский клуб, потом поселился Алексинский. В более позднее время — в годы реакции — Комиссаров устраивал в доме всяких нелегалов, снабжал их паспортами, и потом эти нелегалы очень быстро, «случайно» как-то проваливались на границе. В эту ловушку попал, например, однажды Иннокентий, вернувшись из-за границы на работу в Россию. Конечно, трудно установить момент, когда Комиссаров и его жена стали провокаторами. Во всяком случае, полиция не знала все же очень и очень многого, например местожительство Владимира Ильича. Полицейский аппарат был в 1905 и весь 1906 год еще порядочно дезорганизован. Созыв II Государственной думы назначен был на 20 февраля 1907 года.

---

[1] Первый номер «Пролетария» вышел 21 августа (3 сентября) 1906 года. *Ред.*

Еще на ноябрьской конференции 14 делегатов, в том числе и делегаты от Польши и Литвы, с Владимиром Ильичем во главе высказались за выборы в Государственную думу, но против всяких блоков с кадетами (за что были меньшевики). Под таким лозунгом и шла работа большевиков по выборам в Думу. Кадеты потерпели поражение на выборах. Во II Думу у них прошла лишь половина того количества депутатов, которые проходили в I Думу. Выборы прошли с большим опозданием. Казалось, поднимается новая революционная волна. В начале 1907 года Ильич писал:

«Как мизерны стали вдруг наши недавние «теоретические» споры, освещенные прорвавшимся теперь ярким лучом восходящего революционного солнца!»

Депутаты II Думы довольно часто приезжали в Куоккалу потолковать с Ильичем. Работой депутатов-большевиков непосредственно руководил Александр Александрович Богданов, но он жил в Куоккале на той же даче «Ваза» — там же, где и мы, и обо всем столковывался с Ильичем.

Я помню, как однажды, возвращаясь поздно вечером из Питера в Куоккалу, я встретилась в вагоне с Павлом Борисовичем Аксельродом. Он заговорил о том, что большевистские депутаты, в частности Алексинский, выступают в Думе совсем не плохо. Заговорил о рабочем съезде. Меньшевики вели довольно усиленную агитацию за рабочий съезд, надеясь, что широкий рабочий съезд поможет справиться со все растущим влиянием большевиков. Большевики настаивали на ускорении партийного съезда. Он назначен был наконец на апрель. Съезд получился очень многочисленный. Гуртом ехали на него делегаты, вереницей являлись на явку, где представителями от большевиков были я и Михаил Сергеевич, а от меньшевиков Крохмаль и жена Хинчука М. М. Шик. Полиция учинила слежку. На Финляндском вокзале арестовали Марата и еще нескольких делегатов. Пришлось принимать сугубые предосторожности. Ильич и Богданов уже уехали на съезд. В Куоккалу я не торопилась. Приезжаю в воскресенье только к вечеру и что же вижу? Сидят у нас 17 делегатов, холодные, голодные, не пивши, не евши! Домашняя работница, которая жила у нас, была финкой, социал-демократкой, по воскресеньям уходила на целый день — ставили они спектакль в нардоме и прочее,— пока я их напоила, накормила, прошло немало времени. Сама я на съезде не была. Не на кого было оставить секретарскую работу, а время было трудное. Полиция наглела, публика стала побаиваться пускать большевиков на ночевки и явки. Я встречалась иногда с публикой в «Вестнике жизни». Петр Петрович Румянцев, редактор журнала, постеснялся мне сказать сам, чтобы я явок в «Вестнике жизни» не устраивала, и напустил на меня сторожа — рабочего, с которым мы частенько говорили о делах. Досадно стало, зачем не сказал сам.

Со съезда Ильич приехал позже других. Вид у него был необыкновенный: подстриженные усы, сбритая борода, большая соломенная шляпа. 3 июня была разогнана II Дума. Вся большевистская фракция приехала поздно вечером в Куоккалу, просидели всю ночь

обсуждая создавшееся положение. От съезда Ильич устал до крайности, нервничал, не ел. Я снарядила его и отправила в Стирсудден, в глубь Финляндии, где жила семья Дяденьки, а сама спешно стала ликвидировать дела. Когда приехала в Стирсудден, Ильич уже отошел немного. Про него рассказывали: первые дни ежеминутно засыпал, сядет под ель и через минуту уже спит. Дети его «дрыхалкой» прозвали. В Стирсуддене мы чудесно провели время — лес, море, дичее дикого, рядом только была большая дача инженера Зябицкого, где жили Лещенко с женой и Алексинский. Ильич избегал разговоров с Алексинским — хотелось отдохнуть,— тот обижался. Иногда у Лещенко собирались послушать музыку. Ксения Ивановна — родственница Книповичей — обладала чудесным голосом, она была певица, и Ильич слушал с наслаждением ее пение. Добрую часть дня мы проводили с Ильичем у моря или ездили на велосипеде. Велосипеды были старые, их постоянно надо было чинить, то с помощью Лещенки, то без его помощи,— чинили старыми калошами и, кажется, больше «чинили», чем ездили. Но ездить было чудесно. Дяденька усиленно подкармливала Ильича яичницей да оленьим окороком. Ильич понемногу отошел, отдохнул, пришел в себя.

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1929, с. 29—31

Н. А. Рожков

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ. 1906 ГОД

I. ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ

Разгром Пресни, поражение московского восстания, массовые обыски — иногда целых домов — и аресты, расстрелы, вообще дикая вакханалия торжествующей реакции — все это производило, конечно, тягостное впечатление. Первое время, более чем на месяц: до конца января или начала февраля 1906 года, все в Москве притихло и притаилось. Завязавшиеся было в течение «дней свободы» многочисленные новые связи распались, выступления стали невозможны.

В это тяжелое время у меня было два утешения, позволивших его пережить. Первое заключалось в научной работе. Я уже в течение нескольких лет собирал материал, главным образом архивный, для предполагавшейся своей докторской диссертации под заглавием «Происхождение самодержавия в России». В голове вся книга у меня еще в 1904— 1905 годах окончательно сложилась, я читал и соответствующий курс в университете, отдельные ее части давно были написаны...

Другое утешение было еще важнее и относилось уже прямо к практике, к жизни и общественному действию. Мы, члены большевистской литературно-пропагандистской группы, отнюдь не впали в отчаяние после декабрьского поражения.

Нам казалось — ошибочно, как показала действительность,— что революция потерпела только один первый удар и что она может и должна возродиться и победить. Это настроение укреплялось также сознанием, что избирательный закон 11 декабря 1905 года не может удовлетворить пролетариат, крестьянство, городскую демократию, и встретило также прочную поддержку в лозунге участия в избирательной кампании в I Думу с целью активного бойкота выборов. Лозунг этот был выкинут Лениным и встретил горячее сочувствие у всех большевиков.

И вот нашей группой решено было издать сборник, посвященный обоснованию и пропаганде этой тактики активного бойкота и критике противоположной точки зрения, отстаивавшейся главным образом Плехановым. Сборник был быстро составлен и издан, причем получил название «Текущий момент», так же озаглавлена была и первая его статья, написанная мною.

Происхождение этой статьи было таково: в конце января или в начале февраля открылась наконец возможность первого мас-

сового собрания, предвыборного, при грядущих выборах в I Думу. Состоялось оно в реальном училище Мазинга, в первом переулке от Знаменки...

Выступали там кадеты, выступили и меньшевики со своей половинчатой и утопической, как показала жизнь, тактикой выбора уполномоченных и выборщиков с целью создания таким путем «революционного самоуправления», но отказа от выборов членов Думы: практика показала, что, раз выбраны выборщики, выбирались и члены Думы.

В этом-то собрании, под влиянием ярко вспыхнувшего настроения, с большим подъемом выступил я и сказал то, что потом вылилось на бумагу. Успех был большой, многие подходили и приветствовали. Сразу возобновились некоторые прежние, порванные было после восстания, связи.

Несколько времени спустя мне пришлось по вызову партийных товарищей поехать в Тверь и сделать там то же выступление в партийном собрании, с тем же успехом. Помню, как один молодой товарищ с горящими глазами и вспыхнувшим лицом горячо жал мне руку и говорил: «Спасибо, товарищ, вы ободрили нас и дали силы работать, а мы здесь уже начинали думать, что все кончено».

Эти факты и огромный успех сборника, который чрезвычайно быстро разошелся в количестве 10 тысяч экземпляров, убеждают нас, что хотя мы и ошибались в ближайших грядущих судьбах революции, но нельзя считать тактику бойкота ошибочной: она вселяла революционную бодрость, оживляла и возрождала работу, словом, достигала больших результатов, чем сама деятельность в Думе. К тому же необходимо было исчерпать революционные возможности до конца. Сдавать преждевременно революционные позиции было бы преступлением.

Помню одну частность составления сборника «Текущий момент». Мы, авторы статей, распределили между собой темы и редактировали статьи сообща, все вместе. На долю И. И. Степанова-Скворцова выпало написать полемическую статью против Плеханова. И. И. Степанов жил против моей квартиры в Большом Козихинском переулке. Мы виделись почти ежедневно. И вот, работая над статьей, он раза два не выдерживал, приходил ко мне и говорил: «Я не буду писать, не могу полемизировать с Плехановым, когда вспомню, какие прекрасные вещи он писал раньше». С большим трудом мне удалось убедить его продолжать и закончить работу: по-видимому, больше всего на него подействовал тот аргумент, что, чем авторитетнее Плеханов, вследствие его старых заслуг, тем опаснее его новые заблуждения и тем больше они нуждаются в опровержении. В результате явилась одна из лучших статей И. И. Степанова — «Издалека».

Февраль, март и апрель были для меня и для всей почти нашей группы временем, когда все наши силы поглощались двумя важными партийными делами: во-первых, бойкотистской кампанией на предвыборных собраниях, во-вторых, напряженной работой с кружками по подготовке пропагандистов и агитаторов из рабочих и интеллигенции.

Бойкотистскую кампанию мы развернули довольно широко — и в нелегальных изданиях, и особенно на предвыборных собраниях. Приходилось выступать чуть не ежедневно. Устраивали и свои, социал-демократические, точнее, большевистские собрания и участвовали в чужих собраниях, особенно кадетских. Должен сказать, что обыкновенно наши выступления имели значительный, иногда очень большой успех. И всегда, в каждом собрании бывало довольно значительное число нам сочувствующих. Наши собственные собрания давали нам всегда подавляющее большинство, и наши противники из кадетской партии, появляясь в них иногда — далеко не всегда,— не имели никакого успеха. Но, конечно, массовый обыватель мало ходил на собрания и в большинстве голосовал все-таки за кадетов. Бойкот в Москве имел только частичный успех среди рабочих.

С кружками работа шла горячо и энергично, и народ в них оказывался большею частью хороший. Я вел семь или восемь кружков разом и занимался с ними вопросами о капитализме и социализме и аграрным. Только один из этих кружков оказался неудачным, и занятия с ним (по реферативной системе) скоро прекратились вследствие недостаточной активности участников. В остальных кружках дело шло хорошо, и занятия были закончены по плану. Из этих занятий впоследствии и вышли мои книжки: «Капитализм и социализм», «К аграрному вопросу» и «Аграрный вопрос в программах разных партий».

II. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ЛЕНИНЫМ

Стоял яркий, солнечный, весенний день, когда ко мне на квартиру пришли и сообщили, чтобы я немедленно шел к И. И. Скворцову-Степанову — у него сейчас сидит приехавший из Петербурга В. И. Ульянов-Ленин. Нечего и говорить, что я немедленно взял шляпу и пошел познакомиться.

Я, конечно, давно уже знал Ленина по его легальным и нелегальным сочинениям, но как человека, как личность я тогда узнал его впервые.

Он сразу произвел на меня сильное и хорошее впечатление,— впечатление большого ума, сильной воли и необыкновенной простоты, отсутствия всякой рисовки и позы. Когда он глядел на меня своими серыми глазами, мне казалось, что он не только осматривает меня извне, но проникает вглубь, в самые сокровенные мои мысли и чувства, исследует, прощупывает меня, старается — и не без успеха — понять, что за человек его новый знакомый и товарищ по партии. А я испытывал большой интерес и удовольствие, и мне нечего было ни скрывать, ни притворяться: я шел прямо к избранной цели и ни останавливаться, ни тем более поворачивать в сторону или назад совершенно не имел в виду. Быть прислужником буржуазии мне было глубоко, органически противно, получать по-

дачки от щедрот ее было оскорбительно. Служить пролетариату и вместе с ним идти к великой цели — вот единственно достойный путь. Его предписывали мне и научный прогноз будущего, и чувство собственного достоинства. Я знал, что на этом пути будут опасности и несчастья, но не боялся их, готов был их встретить и перенести.

Ленин приехал тогда для того, чтобы перед Стокгольмским съездом обсудить с московскими товарищами проекты большевистских резолюций. Спустя дня два состоялось собрание московских работников-большевиков в одном доме на Остоженке, очень близко к Пречистенским воротам [1]. Мы там провели день безвыходно, там же ели и пили.

Ленин сделал живой и горячий доклад, захвативший всех нас. Помнится, всех было человек 70 или 80. Были оживленные прения. В общем, почти все предложенные резолюции были приняты, только резолюция о партизанских выступлениях не соединила большинства москвичей. Ленин доказывал ее необходимость в это время и потом, перед Лондонским съездом 1907 года, с большим, свойственным ему, искусством и остроумием. Главным его аргументом было то, что партизанские выступления, если бы за ними последовало восстание, были бы признаны несомненной его подготовкой, прецедентом его, и такое признание последовало бы не только от большевиков или вообще от революционеров, но и со стороны буржуазных историков, которые всюду в своих исследованиях ищут прецедентов. Этот аргумент неоспорим, но я указывал в ответ на него два соображения: во-первых, партизанщина вырождается на деле в весьма печальные явления: один экс влечет за собой другие, и те, кто этим занимается, превращаются чаще всего в безыдейных экспроприаторов, для которых их деятельность становится самоцелью; во-вторых, в крайности это делают, но об этом не говорят — не надо поэтому и специальной резолюции.

В тот день мы не закончили всей работы. Поэтому предполагалось закончить ее на другой день. Назначено было вторичное собрание в помещении Музея содействия труду, при Русском техническом обществе, на углу Рождественки и Третьяковского проезда. Мы собрались уже почти все, не было только Ленина, как вдруг явился околоточный надзиратель, запер на ключ двери, подошел к телефону и начал докладывать градоначальнику, что происходит или готовится неразрешенное собрание. По счастью, двое из наших в последнюю минуту проскользнули в дверь и вернули с лестницы на улицу подымавшегося уже по ней Ленина.

Мы, запертые, приготовились к самозащите: объявили, что заседает комиссия по рабочему вопросу при Музее содействия труду; я, как ученый, приват-доцент, занял председательское место, выбрали секретаря, стали составлять протокол заседания. Но все мы были

[1] В первой половине марта 1906 года В. И. Ленин выступил на совещании членов МК РСДРП, представителей московской окружной организации, группы агитаторов и пропагандистов, Московского бюро ЦК с докладом о тактической платформе большевиков к IV (Объединительному) съезду РСДРП. *Ред.*

уверены, что нас арестуют, немало было нелегальных, не со своими паспортами. Как вдруг узнаем, что околоточный ушел и отпер дверь. И мы, конечно, тотчас же разошлись по домам.

Понятно, Ленина тотчас же сплавили обратно в Петербург, рисковать его провалом в Москве не было никакого смысла. Мы все сочли бы такой провал величайшим несчастьем и позором для себя.

III. НАЧАЛО ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФУНКЦИЙ

По специальным своим занятиям я уделял много внимания аграрному вопросу и принял участие в обсуждении перемен в аграрной программе партии. Так как к тому же я почти все силы свои отдавал партийной работе, то мне предлагали ехать на съезд. Но по личным причинам я отклонил это предложение и, таким образом, на Стокгольмском съезде не присутствовал, оставался в Москве.

Но это привело к важной, можно сказать, во многом решающей перемене в моем партийном положении. До тех пор я был партийным литератором, лектором и пропагандистом. Ленин во время пребывания в Москве побывал, между прочим, на нашем литературно-редакционном собрании, когда мы подготовляли очередной номер нелегальной газеты, и одобрил нашу работу, но теперь, когда ряд выдающихся членов Московского комитета партии уехали на съезд, я был выбран членом комитета, и, таким образом, началась моя организационная работа в партии — та работа, которой в будущем предстояло довольно широкое развитие. В качестве члена Московского комитета я принимал участие и в конференциях московской социал-демократической организации. Помню особенно одну из них весной или летом в Измайловском зверинце.

Не скажу, чтобы я с особенной охотой пошел на это дело. Я знал всю трудность и ответственность выпадавшей на мою долю работы, понятно мне было и то, что многим покажется слишком поспешным выбор на ответственный пост человека, едва год тому назад формально вступившего в партию. Я по всем этим причинам отказывался, указывал и на свою неопытность, но в конце концов пришлось уступить, тем более, что обещали по окончании съезда освободить меня от обязанностей по комитету.

Этого, однако, не случилось. И после съезда я вновь был выбран членом комитета, причем «товарищу Никсу (такова была тогда моя партийная кличка) поручено организовать литературную группу», как значилось в протоколе заседания комитета...

Летом 1906 года я был выбран на конференции московской организации кандидатом в Московский комитет, но более фактическим его членом я уже не бывал. Этому помешали события, окончательно оторвавшие меня от Москвы на целые 20 месяцев.

Утром 9 июля 1906 года я был экстренно вызван в заседание Московского комитета партии: I Государственная дума была распущена, и надо было обсудить и решить, что делать.

Я предложил принять немедленно меры к тому, чтобы объявить и провести всеобщую забастовку. Мне казалось, что наступил решительный момент и что промедление окажется смерти подобным, понизит настроение, не даст возможности поднять революционную энергию.

Но комитет по предложению Б. П. Позерна (Степана) решил иначе: постановлено было послать в Петербург для осведомления и получения директив от центральных учреждений партии особое лицо, одного из членов комитета.

Едва я вернулся домой из заседания комитета, как был арестован и отвезен в Бутырскую тюрьму; этот арест был результатом распоряжения Столыпина об аресте всех известных полиции деятелей революционных партий.

В тюрьме моя камера оказалась соседней с камерой Гастева, с которым я свел тогда впервые знакомство. Одновременно со мной тогда были там и Рыков, и Шмидт, с которыми мы виделись иногда на прогулке. Мы ждали освобождения, ожидали забастовки и победы революции. Тюрьма тогда была свободная, и целыми часами мы вели дискуссию на политические темы, сидя на окнах одиночных камер, выходивших на двор, и не встречали сначала никакого запрета и противодействия со стороны тюремных властей.

Но после того как в августе забастовочные вспышки в разных местах России были подавлены, тюремный режим стал меняться. Запретили взлезать на окна и говорить через них. И в ответ на сопротивление политических заключенных, заключавшееся в фактическом нарушении этого запрета, в тюремный двор введены были войска с угрозой, что они будут стрелять, и в то же время надзиратели пошли по камерам вместе с солдатами с требованием сойти с окон и с угрозой револьверными выстрелами в случае сопротивления. Сошли с окон немногие, остальные остались. Я слышал, как надзиратель требовал от меня сойти, но я не сошел; он пробормотал себе под нос: «Не сходит»,— и ушел. Но нашелся один ярый исполнитель велений начальства: он выстрелил в одного из наших упорствовавших товарищей и застрелил его.

Мы не сразу узнали об этом, но скоро узнали. Решено было реагировать на это преступление трехдневной голодовкой протеста: пищи не принимать, чая не пить, пить только горячую воду. Так и сделали. Оповестили об этом и на волю. Но там сколько-нибудь серьезного отклика уже не было. То был один из признаков замирания революции. На время нас лишили свиданий, улучшенных обедов за особую плату, передачи и некоторых других маленьких тюремных утешений. Режим стал много строже, суровее.

В августе, когда еще продолжалось мое тюремное сидение, меня судили по 129 статье Уголовного уложения как редактора «Светоча» и осудили на год крепости. Этот приговор по закону лишал меня и избирательных прав. Я думал, что мне придется сразу же отсидеть этот год. Угрожала и опасность большего: арестованы были секретарь МК В. Н. Соколов и его жена, работавшая в качестве его помощницы, при них найдены были адреса, открыт

и взят архив комитета, где были некоторые следы моей партийной работы. Я не оценивал тогда полностью результатов этого события, но многие будущие мои товарищи по процессу 1909 года — между прочим, Н. Л. Мещеряков и В. Н. Соколов с женой,— так и высидели все это время до суда и ссылки в тюрьме. И мне грозило то же, но спасла случайность.

Мой приговор о крепости не вошел еще в законную силу — как оказалось, администрация и суд не сговорились между собой, и я, содержавшийся под арестом в административном порядке, был в двадцатых числах августа неожиданно освобожден.

Помню, был прекрасный летний солнечный вечер, вечерняя поверка уже прошла, я сидел в своей камере за какой-то книгой. Вдруг ко мне в камеру приходит старший надзиратель и объявляет: «Собирайтесь с вещами совсем».— «Куда?» — «На волю».

Можно себе представить мою радость. Я вскочил на окно и крикнул на всю одиночную тюрьму: «Меня освобождают!» Затем я быстро собрался, дорогой подбежал к двум-трем камерам, между прочим, к камере А. И. Рыкова, и успел сказать, что я, конечно, скроюсь, перейду на нелегальное положение, чтобы не сидеть год за газету и не подвергаться другим преследованиям. Он одобрил это...

Все вышло так, как мы и предполагали: переночевав у Покровского, я на другой день уехал в Петербург. Здесь на квартире В. Р. и Л. Р. Менжинских, с которыми я был знаком с 1905 года, с учительского съезда, и потом, со времени переезда в Петербург, у нас сложились настоящие дружеские и товарищеские отношения, продолжающиеся и до сих пор, я снова увидел Ленина и познакомился с Н. К. Крупской. Ленин попенял мне, что я взял на себя формальное редактирование газеты, и, узнав, что я перешел на нелегальное положение и намерен жить в Петербурге, сказал, что меня надо устроить в Петербургский комитет для работы. Посоветовал он мне также съездить на Иматру, отдохнуть немного после тюрьмы. Я так и сделал. Помню, Менжинские рассказывали мне, что Ленин жил в очень тяжелых условиях — в комнате, в которой о партийных делах нельзя было говорить громко — говорили шепотом.

1905 год в очерках и воспоминаниях участников. Сборник I. М., 1927, с. 52—61

А. С. Карпова

ЭПИЗОДЫ РАБОТЫ СРЕДИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ МОСКВЫ В 1906—1907 ГОДАХ

После шестимесячного (май—ноябрь 1905 года) заключения в Петропавловской крепости по обвинению в принадлежности к военной организации Петербургского комитета РСДРП(б) и нескольких месяцев отсидки в Литовском замке, откуда я была освобождена неопознанной, я не могла уже продолжать партийную работу в Петербурге. Мне предложили переехать в Москву. Там нужны были новые силы, так как после событий 1905 года многим партийным работникам, особенно профессиональным революционерам, пришлось покинуть Москву, где им угрожал арест.

Туда же, в Москву, направлен был секретарем Московского комитета партии мой муж, Л. Я. Карпов. Решено было, что Льву Яковлевичу в Москве, где его хорошо знала охранка, лучше всего легализоваться, восстановить свое студенческое звание, как якобы взявшемуся за ум и за книжку. После десятилетнего перерыва Карпов снова стал «студентом» Московского высшего технического училища (МВТУ). Эта мера вполне себя оправдала: МВТУ и его общежитие в Бригадирском переулке стали штаб-квартирой Московского комитета РСДРП и его боевой организации.

Мы поселились у Красных ворот на восьмом этаже единственного тогда в Москве восьмиэтажного дома — студент МВТУ Л. Я. Карпов и «Серафима Ивановна Новикова» — без определенных занятий.

На явке Московского комитета (на Арбате у зубного врача М. Я. Рабиновича) меня принял Виктор Таратута, который в то время заменял секретаря Московского комитета и был ответственным организатором Железнодорожного района.

— Не хотите ли поработать среди рабочих железнодорожных мастерских? — спросил он. У меня не было оснований возражать, и я согласилась.

Мне поручены были Ярославская и Николаевская железные дороги. Таким образом я и стала «Верой Железнодорожной» — организатором партийно-массовой работы и пропагандистом. В тот же день я встретилась с членом Московского комитета, рабочим Казанской железной дороги Гренадером (Андреем Горчилиным). Высокого роста, широкоплечий, с прямым, открытым взглядом, начитанный и культурный, острый и слегка с иронией в разговоре, он как-то сразу располагал к себе. Он свел меня с орга-

низаторами, активными рабочими Ярославской и Николаевской железных дорог.

Свидание состоялось в Домниковской вечерней школе. Надо сказать, что рабочие железнодорожных мастерских трех дорог, расположенных вокруг Каланчевской площади, жили преимущественно на Домниковской и Каланчевской улицах и в Сокольниках — на Красносельской, Краснопрудной и других улицах. Центром культурной и партийной жизни Железнодорожного района была Домниковская вечерняя школа...

Домниковской школой заведовала молодая интеллигентная девушка, дочь известного в Москве юриста, Мария Маврикиевна Гиршлан (впоследствии Айзенштат). С ее согласия и помощью в школе наряду с официальными вечерними занятиями по общеобразовательным предметам систематически велись занятия нелегальных кружков. Там же устраивались и массовые нелегальные собрания Железнодорожного района и даже общемосковские. Если полиция обращала внимание на большое количество народа, собравшегося в школе, спешно организовывалась видимость записи желающих посещать общеобразовательные занятия или слушать лекции, им выдавались билеты на посещение занятий вечерней школы. Так, в частности, было организовано общерайонное собрание с отчетом и выборами делегата на V съезд РСДРП.

Декабрьское вооруженное восстание воспитало новые революционные кадры. На предприятиях сложились крепкие группы сознательных и активных рабочих. Расширилось влияние партии, укреплялись новые методы революционной работы. После перенесенного удара, вызванного разгромом восстания, снова оживилась партийная жизнь. Шла большая внутренняя партийная работа — перегруппировка кадров (переезд профессиональных революционеров из других городов, перемещение партийных работников из района в район), развивался выработанный Декабрьским восстанием метод массовой агитации.

Московская партийная организация была большевистской. По всем принципиальным вопросам она сносилась непосредственно с В. И. Лениным, минуя ЦК (в тот период меньшевистский). Московский комитет посылал отчеты и корреспонденции в ленинскую газету «Пролетарий»[1]. К осени 1906 года наблюдалось заметное оживление партийно-политической работы. Экономические забастовки, с которыми всегда связывались политические требования, почти не прекращались. Районные и подрайонные организаторы связаны были со всеми предприятиями и крупными мастерскими. На каждом предприятии имелась группа членов партии, которые и проводили массовые мероприятия, распространяли литературу, организовывали кружки.

[1] *«Пролетарий»* — нелегальная газета, основанная большевиками после IV (Объединительного) съезда партии. Издавалась с 21 августа (3 сентября) 1906 года по ноябрь 1909 года. Редактор — В. И. Ленин. Газета была тесно связана с местными партийными организациями в России, направляла их борьбу против ликвидаторов и отзовистов. *Ред.*

В каждом районе был своей организатор, в большинстве случаев профессиональный революционер. Так, в Замоскворецком районе работал Савков (Тимофей), в Рогожско-Симоновском — Радус-Зенькович (Полтора Егора), в Железнодорожном — Таратута (Виктор). Районные организаторы, как правило, входили в состав Московского комитета РСДРП.

От Железнодорожного района кроме Виктора Таратуты в состав Московского комитета входил Андрей Горчилин (Гренадер). Он не был избран районной организацией, но рекомендовался ответственным организатором как активный работник, пользующийся влиянием среди рабочих железнодорожных мастерских Казанской дороги. В этих же мастерских выделялся своей активностью и другой рабочий — Иван Панкратов, заменивший впоследствии Горчилина.

На Ярославской дороге, где я начала работать, многие рабочие были связаны с деревней, где жили их семьи. Мы старались использовать эти связи для расширения пропаганды в деревне, посылали туда листовки, прокламации Московского комитета.

Занятия кружков проводились на квартире у кого-нибудь из кружковцев, живущих одиноко, без семьи. Квартиры эти, в большинстве случаев находившиеся в подвальном или полуподвальном помещении, были густо населены рабочими-железнодорожниками. Вопреки всякой конспирации о занятиях кружка знала вся квартира, иногда на занятия приходили и не члены кружка — соседи по квартире. Вся квартира охраняла кружок. Нередко предупреждали об опасности: «У ворот стоит чужой» или «Прошел по улице полицейский».

Со мною в Сокольниках произошел такой случай. Во время занятия кружка активистов, который я вела, прибежал стоявший в дозоре братишка хозяина комнаты и сообщил, что во двор зашли околоточный с городовым и ищут дворника. Пять кружковцев разошлись поодиночке по другим комнатам. Меня провели в отдаленную комнату, где жили две девушки-белошвейки, бравшие работу на дом. Одной из них не было дома. Мне повязали голову косынкой и усадили за швейную машину. Действительно, пришли околоточный, постовой городовой и дворник. Обошли все комнаты. В комнату девушек только заглянули. Переписали чужих и ушли. Последствий этот налет не имел. Но провалы, к сожалению, все же были частыми.

Один из организованных мною кружков рабочих той же мастерской Ярославской дороги, занимавшийся в Сокольниках на квартире рабочих, должен был принять от меня студент Аскинази. Я пришла, чтобы познакомить с ним кружковцев и условиться о регулярной работе кружка. Поручив кружок Аскинази, ушла. На другой день я узнала, что к концу занятий явилась полиция и всех арестовала. Но, несмотря на провалы, учащаяся молодежь — студенты, курсистки — очень охотно брались за пропагандистскую работу.

Часто у ворот мастерских Казанской железной дороги по окон-

чании работы удавалось организовывать летучки-митинги. Рабочие-активисты останавливали поток выходящих, окружали оратора. Всякое крупное событие в местной жизни, очередная общеполитическая кампания сопровождались такими митингами. На них выступали передовые рабочие. Запомнила я выступление агитатора Марты (фамилии ее я не помню). Это был темпераментный, боевой оратор. Она умела овладевать вниманием массы, направлять его на животрепещущие политические вопросы и события. Часто митинги заканчивались вызовом конной полиции, разгоном нагайками.

Изредка удавалось проводить митинги и на других железных дорогах, кроме Николаевской. Эта дорога, связывающая Москву с Петербургом и носящая имя царя, охранялась особенно рьяно специальной железнодорожной жандармерией.

Железнодорожный районный комитет, членом которого избрали и меня, организовывал на каждой дороге кружки для ведения политической работы. Занятия вели пропагандисты, чаще всего студенты, члены партии. Вели кружки и члены районного комитета. Читали и разъясняли «Коммунистический Манифест», иногда очередной номер «Пролетария», обязательно — листовки, выпускавшиеся Московским комитетом партии на какую-нибудь злободневную тему. Московский комитет в то время имел несколько типографий в разных концах города и выпускал большое количество листовок. Обсуждали мы листовки основательно, чтобы присутствующие умели ответить на вопросы, с которыми к ним могли обратиться рабочие.

Техническое хозяйство Московского комитета в то время находилось в руках О. А. Пятницкого. Он подробно писал об этом в своих воспоминаниях [1]. Я в это время знала только об одной типографии, помещавшейся на Рождественском бульваре в подвале лавки кавказских фруктов. Узнала я о ней при довольно забавных обстоятельствах. Это было в апреле 1907 года, перед пасхой. Рано утром, нарушая конспирацию, к нам домой явился Пятницкий, очень взволнованный, и рассказал, что в лавку-типографию на Рождественке утром явился околоточный, по-видимому за получением предпраздничной мзды. Пятницкий в это время находился в подвале, в типографии. Ни у кого, в том числе у Пятницкого, не оказалось нужных трех рублей. «Приказчик» пошел с околоточным в пивную завтракать, а Пятницкий помчался добывать нужную сумму.

Чтобы распространять листовки Московского комитета, выпускавшиеся значительными тиражами, по нескольку десятков тысяч, нужен был налаженный аппарат. Одним из путей распространения листовок были булочные Филиппова, имевшиеся во всех районах Москвы. Сын владельца булочных Василий и его сестра Евдокия были связаны с членами финансовой комиссии Москов-

[1] *Пятницкий О. А.* Большевистские тайные типографии Москвы и Московской области 1904—1910 гг. М., 1923. *Прим. авт.*

ского комитета и оказывали им разные услуги. С их помощью и через посредство надежных булочников литература попадала в районы.

В 1906 году Московский комитет организовал свой книжный магазин «Весна» в Газетном переулке (ныне улица Огарева). В нем заведующим и приказчиками были члены партии, специально для этого назначенные. Из работников магазина помню Василия Михайлова и его жену Зинаиду Ивановну Сарманову, в 1920-х годах работавшую учительницей на строительстве Каширской электростанции.

Кроме листовок Московский комитет с помощью членов партии печатников издавал брошюры. Они печатались в легальных типографиях, конечно минуя все официальные инстанции. Брошюры имели вполне легальный внешний вид, но без указания типографии. Так, зимой 1907 года издана была брошюра «Тактика уличного боя» Александра Алексеевича Ванновского, участника первых марксистских кружков в Москве, делегата I съезда РСДРП. Л. Я. Карпов и я знали его еще по Киеву, где он, бывший офицер, активно работал в военной организации Киевского комитета и был одним из руководителей восстания саперов в 1905 году. Эта брошюра и другая книжка Московского военно-технического бюро — «Сборник статей по огнестрельному оружию», напечатанная также в легальной типографии «Сокол», были перевезены в «магазин», не вызвав подозрений. Выпуск этих книжек, готовившаяся брошюра по изучению проходных дворов и переулков Москвы, усиленная деятельность военно-технического бюро — все это свидетельствовало о том, что московская организация большевиков усиленно готовилась к новому вооруженному восстанию.

До осени 1906 года Московское военно-техническое бюро находилось при областной организации. В тот период в областной комитет был заслан провокатор охранки (О. Ф. Путята), что приводило к систематическим провалам работников областной организации, в том числе и работников военно-технического бюро.

С переходом бюро в ведение Московского комитета, где ему уделялось большое внимание, его издательская деятельность значительно возросла. В работу бюро включилась значительная группа студентов Московского высшего технического училища, в основном химики. В общежитии МВТУ в Бригадирском переулке было организовано производство и даже испытание бомб. Совместными усилиями химиков и механиков создавались новые типы бомб. Возглавлял эту лабораторию студент Иосиф Владимирович Филиппович.

Надо сказать, что конспирация здесь была не на высоте. О существовании лаборатории знали многие и, когда здание сотрясалось от очередного взрыва, спокойно говорили: «Это наши боевики упражняются». В том же доме в студенческой столовой была явочная квартира Московского комитета.

При Московском комитете работала и военная организация, которой руководил в то время тоже студент МВТУ Петр Алексе-

евич Богданов (в начале 20-х годов — председатель ВСНХ). Организация имела широкие связи в Крутицких и Спасских казармах.

В начале 1907 года в Домниковской школе состоялось собрание Железнодорожного и еще одного, какого не помню, районов, где стоял доклад о повестке дня V съезда РСДРП, выработанной большевистским центром. Доклад делал приехавший из Петербурга Л. Б. Каменев. В аудитории было многолюдно. В разных местах внутри здания и снаружи были расставлены пикеты по два человека для охраны и предупреждения на случай появления полиции.

Доклад вызвал оживленные выступления, особенно по вопросам об отношении к буржуазным партиям и о профсоюзах. Выступили Гренадер (Горчилин) и Королев (Батышев) с Брестской дороги. Все выступавшие одобрили большевистскую позицию по вопросам повестки дня съезда и предложенную резолюцию. Делегатом на съезд выбрали Каменева. Долго еще после этого на занятиях кружков и специальных собраниях мы обсуждали вопросы, которые большевики предлагали поставить в порядок дня V съезда.

Запомнилась и общемосковская конференция, состоявшаяся в декабре 1906 года. На ней выступал с докладом о деятельности ЦК партии за отчетный период и о подготовке к V съезду член ЦК Л. М. Хинчук. Конференция состоялась в большой аудитории МВТУ. Для маскировки в смежном зале, сообщавшемся с большой аудиторией, были посажены студенты, вроде бы слушавшие «лекцию» Мандельштама (Одиссея). Охрана была расставлена как снаружи, начиная с Немецкой улицы (ныне Бауманская), так и внутри.

Л. М. Хинчук был меньшевиком-партийцем (была тогда такая разновидность). Среди вопросов, выдвигаемых на V съезд Центральным Комитетом, Л. М. Хинчук назвал вопрос о «рабочем съезде». По этому вопросу и об отношении к либеральным партиям выступили активисты-рабочие, в том числе и наши железнодорожники — Горчилин, Королев, Панкратов. С обобщением развернувшихся прений выступил В. П. Ногин. Не помню, кто предложил резолюцию. В ней были четко, по-ленински поставлены вопросы об отношении к буржуазным партиям, к «рабочему съезду» и к внутрипартийным делам. Конференция благополучно разошлась.

На другой день вопреки законам конспирации Л. М. Хинчук пришел на квартиру к секретарю Московского комитета Л. Я. Карпову, чтобы выразить свои обиды и возмущение поведением московского партийного актива. Так он, обиженный, и уехал обратно в Петербург.

Для заседаний, небольших совещаний и особо секретных явок Московский комитет использовал Комиссаровское училище в Благовещенском переулке. В нем работал инспектором и жил Павел Иванович Яшнов с женой Зинаидой Ивановной и тремя сыновьями. Это была семья русских интеллигентов, помогавших делом нашей партии. Изредка после заседаний Московского комитета в квартире Яшновых устраивались музыкальные вечера. В них прини-

мали участие члены Московского комитета Александр Павлович Голубков, врач по профессии, окончивший консерваторию по классу рояля, Марк (Любимов), прекрасно игравший на скрипке, хозяин квартиры П. И. Яшнов и его сын Владимир. Публикой в этих концертах были члены Московского комитета — любители музыки. Напряженная работа требовала разрядки.

Частым посетителем этого дома был Павел Карлович Штернберг. Он с группой товарищей занимался изучением проходных дворов, глухих переулков, чтобы дать возможность участникам готовящейся борьбы и ближайших первомайских демонстраций рассеяться и уйти от полиции и шпиков. Штернберг, в частности, дал такие сведения и по Сокольническому маршруту, по которому должна была пройти демонстрация рабочих трех дорог Железнодорожного района.

Демонстрация 1 Мая 1907 года должна была проходить в нескольких местах, объединяя группы близко расположенных двух-трех районов. В Сокольниках состоялась общемосковская маевка. Она прошла успешно. Когда стало известно, что район окружает полиция, участники маевки успели быстро разойтись. Только несколько десятков человек, уходивших последними, были арестованы. В их числе оказался и Лев Яковлевич Карпов. Это был его четвертый арест. Как опытный конспиратор, он не дал следствию никаких улик и был через три месяца выслан в Калугу, а оттуда в Тверь. В 1908 году он возвратился в Москву нелегально...

Московские большевики в огне революционных боев. (Воспоминания). М., 1976, с. 344—351

О. А. Пятницкий

ПАРТИЙНАЯ РАБОТА В МОСКВЕ. 1906—1908 ГОДЫ

(Из воспоминаний)

В Москву я приехал в начале сентября 1906 года. По приезде оказалось, что присланная тов. Гусевым явка провалена и самого Гусева в Москве уже нет (он был арестован). Все же мне удалось быстро связаться с комитетом: случайно на улице я встретил Бура и Нину Львовну Зверь (М. М. Розенберг-Эссен). От них я узнал, что меня вызвали для секретарской работы в МК ввиду того, что тов. Виктор (Таратута) переходит на другую работу. Они же мне дали явку МК, на которой я нашел Виктора. Последний передал мне решение МК о передаче в мое ведение всего конспиративного технического аппарата московской организации...

В Москве настроение руководящих кадров московской организации, с которыми мне приходилось сталкиваться ежедневно, было бодрое, боевое. Подавленности и уныния, охвативших одесских товарищей перед моим отъездом, не было и в помине.

Московская организация делилась на районы: Центральный (Городской), Замоскворецкий, Рогожский, Лефортовский, Сокольнический, Бутырский, Пресненско-Хамовнический и Железнодорожный.

Некоторые из районов еще делились на подрайоны. Районы и подрайоны были связаны с заводскими собраниями, заводскими комитетами или заводскими комиссиями (теперь парткомы). Представители заводских комитетов района заслушивали отчеты районного и Московского комитетов, избирали райком и посылали представителей на общегородские конференции, на которых в 1906 году и почти до конца 1907 года еще избирался Московский комитет.

Как районные, так и городские конференции собирались в то время периодически. Московский комитет и все райкомы обращали особое внимание на связь с рабочими фабрик и заводов, и связь действительно была очень крепка, ибо райкомы и подрайонные комитеты были тесно связаны с членами партии — рабочими заводов и фабрик, типографий и других промышленных заведений своего района и подрайонов.

Мне часто приходилось обращаться к членам партии, работавшим на различных заводах, фабриках, за инвентарем для типографии или каким-либо оборудованием технического характера. Стоило только обратиться к организации какого-нибудь из москов-

ских районов, и она сразу меня связывала с членами партии на любом заводе. При Московском комитете была еще военная организация, которая имела свой печатный орган — «Солдатская жизнь». Военная организация имела хорошую связь с солдатами почти всех частей, а во многих из них члены партии или сочувствующие были объединены в группы. Военная организация была совсем отделена от общегородской. Только руководящая головка военной организации была тесно связана с МК и в экстренных случаях связывалась с райкомами. Московским комитетом велась систематическая работа и среди немногочисленных московских профсоюзов текстильщиков, трамвайных служащих и т. д. Усилиями МК было создано в Москве Центральное бюро профсоюзов, которое объединило все существовавшие тогда профессиональные союзы. Влияние большевиков как в отдельных союзах, так и в Центральном бюро было очень велико.

При МК было еще военно-техническое бюро, на которое была возложена обязанность изобретать, испытывать и изготовлять в массовом количестве, когда будет нужно, несложные средства вооружения (бомбы), над которыми оно все время и работало. Военно-техническое бюро работало совершенно изолированно от московской организации и было связано с МК исключительно через секретаря Московского комитета.

При МК была еще центральная социал-демократическая студенческая организация, связанная со всеми высшими и многими средними учебными заведениями Москвы.

Наконец, при МК были лекторская и литературная коллегии, финансовая комиссия и центральный технический аппарат печатания, распространения литературы и изготовления паспортов для активных работников московской организации. Центральным техническим аппаратом я и должен был заведовать.

Московский комитет работал исключительно в Москве. В Московской же губернии работал Московский окружной комитет, который находился тоже в Москве. В Москве еще находилось областное бюро Центрально-промышленного района, которое объединяло кроме московской городской и окружной организаций еще целый ряд губернских организаций (ярославскую, костромскую, нижегородскую, иваново-вознесенскую, тамбовскую, воронежскую и пр.). Несмотря на то что областное бюро и окружной комитет работали вполне самостоятельно, деятельность всех трех организаций часто переплеталась [1]...

В процессе ознакомления с жизнью нашей московской организации мне бросилась в глаза тесная связь последней с деревней — с крестьянством, несмотря на то что Московский комитет работал исключительно в Москве. За короткий срок (8 месяцев) существования большой типографии МК было издано 4 листка в количестве

[1] Незадолго до Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года все вышеназванные организации вновь начали функционировать в таком же организационном виде. И только в 1919—1920 годах областное объединение было распущено, а окружная организация слилась с московской городской. *Прим. авт.*

140 тысяч экземпляров специально для крестьян и аграрная программа РСДРП в количестве 20 тысяч экземпляров. Кроме этих листков в деревню было отправлено и отвезено колоссальное по тогдашнему масштабу количество разной литературы и прокламаций по различным злободневным вопросам. Отправлялась и отвозилась она рабочими и работницами Москвы, которые массами уезжали в деревню на все большие праздники (перед такими праздниками МК специально издавал листки, а технический аппарат подбирал подходящую для крестьян литературу). Рабочие и работницы часто брали у нас литературу и тогда, когда кто-нибудь приезжал к ним из деревни. В Одессе за все время моего пребывания в комитете, насколько я припоминаю, ни разу вопрос о связи с крестьянством Одесской губернии не ставился.

В 1906 и первой половине 1907 года вся работа в московской организации проводилась под знаком приближающегося массового пролетарского и крестьянского революционного движения, которое должно превратиться в вооруженную борьбу с царизмом. Прокламации и резолюции МК, окружного комитета и областного бюро того времени были проникнуты боевым духом. В этом же направлении были проведены две кампании в конце 1906 и начале 1907 года — выборы во II Государственную думу и рекрутская кампания, в проведении которых я принял участие тотчас же после приезда в Москву. Рекрутская кампания заключалась в том, что МК выработал примерный приговор для отказа от рекрутчины, который должен был приниматься сельскими сходами. В нем говорилось, что царское правительство призывает в этом году солдат, чтобы направлять их против своих же братьев, что оно разорило всю Россию и не хочет дать землю и волю народу и т. д. Поэтому сход отказывается поставлять царскому правительству рекрутов. Если же последние будут взяты насильно, то сход приказывает им не стрелять в своих братьев, крестьян и рабочих, и переходить на сторону народа с оружием, а если они будут стрелять в народ, то по возвращении будут изгнаны из деревни. Этой кампании МК придавал очень большое значение. Насколько в деревнях тогда принимались такие приговоры, какой вообще результат дала эта кампания, у меня в памяти не сохранилось, но на фабриках и заводах Москвы рекруты, подлежавшие призыву в 1906 году, были подвергнуты усиленной и энергичной обработке районными и подрайонными комитетами московской организации. Из них составлялись кружки, где им выясняли сущность царизма и их роль как будущих солдат на случай, если не удастся коллективно отказаться от военной службы. Рекрутская кампания в городе среди рабочих-рекрутов, безусловно, имела большое практическое значение. Тогда в московской организации мало думали над вопросом — правилен ли лозунг: отказ поставлять рекрутов царскому правительству. Кампания же эта дала тот результат, что в Москве парторганизация усиленно работала с рекрутами.

Теперь перехожу к описанию работы, которую мне приходилось выполнять за время моего пребывания в Москве.

Первым делом мне пришлось ознакомиться с постановкой типографии Московского комитета. Связана с ней была тов. Елена — фамилии не помню. Последняя познакомила меня с «хозяином» типографии тов. Аршаком (Якубовым). (В 1919 году я был проездом в Челябинске как уполномоченный некоторых органов РСФСР, где я встретился с тов. Аршаком; он работал под именем Якубова как уполномоченный Народного комиссариата продовольствия.)

Тов. Аршак, тщательно проверив, годен ли я для поста заведующего всеми конспиративными техническими делами московской организации, свел меня с тов. Сандро (Яшвили) и тов. Г. Стуруа, которые были душой типографии и сами фактически в ней работали и как наборщики, и как печатники. Мы быстро сговорились, и между нами установились деловые товарищеские отношения. Прежде чем приступить к делу, я захотел убедиться, все ли обстоит благополучно в отношении конспирации.

Получив адрес, я отправился осмотреть месторасположение типографии и остался им не совсем доволен. Типография находилась в лавке дома Юрасова, № 23 (третий дом от угла), во внешнем проезде Рождественского бульвара (от Сретенки по правой стороне). Хотя с одной стороны и была бойкая Сретенка, но зато против лавки, на другой стороне, стоял дом, из окон которого было видно все, что делается в лавке, а наискось находился бульвар, откуда незаметно могло вестись наблюдение за лавкой. Ко всему этому как раз против лавки стоял на посту городовой.

После внешнего осмотра я зашел в фруктовую лавку как покупатель (вывеска была солиднее, чем внутреннее содержание — полки с товарами). Лавка носила название: «Магазин кавказских фруктов» (чуть ли не оптовой торговли). В магазине я нашел тов. Аршака за счетами и ткача К. А. Вульпе в качестве приказчика. Купив разных фруктов, я отправился за перегородку, откуда спустился в подвал. Насколько припоминаю, подвал был даже меньше, чем лавка. Внутри я нашел товарищей Сандро (Яшвили) и Стуруа. Подвал был заполнен ящиками, очевидно частью с типографскими принадлежностями, которые еще не были распакованы, частью с бумагой для печати. Станок и наборные кассы были вполне готовы для работы (возможно, что они уже были пущены в ход) [1].

В подвале был искусственный свет — электричество или керосиновые лампы. После осмотра подвала я поднялся в лавку. Наверху было слышно, как работает американка. Как только кто-либо входил в лавку, «хозяин» или «приказчик» давал знать вниз, что в лавке покупатель. Мы решили провести вниз звонок, который должен был давать сигнал о необходимости прекратить работу.

---

[1] Из статьи В. Соколова «Кавказский магазин» в журнале «Пролетарская революция» № 9 за 1923 год я узнал, что типография, о которой я рассказываю... работала до революции 1905 года как типография ЦК РСДРП. В 1906 году ЦК передал ее МК партии. Все, что тов. Соколов пишет в вышеназванной статье о типографии, о которой у меня идет речь, перепутано и неточно. *Прим. авт.*

Один, а иногда и два товарища часто работали в типографии и по ночам, когда бывала спешная работа.

После детального выяснения и ознакомления со всеми подробностями организации типографии я установил, что лавка снята по фальшивому паспорту (на имя Ласулидзе), по которому никто не жил, то есть документ не был заявлен в участке, значит, установить, что он фальшивый, нельзя было. Несмотря на то что документ не был заявлен, на указанное в нем имя были выправлены промысловые свидетельства, платились налоги и т. д. Тов. Аршак жил по другому паспорту.

В магазине за перегородкой жил «приказчик» — тов. Вульпе, который был прописан в полиции по фальшивому паспорту на имя П. В. Лапышева. Так как полиция могла установить подложность паспорта, то я предложил сейчас же выписать его и больше никого не прописывать как проживающих в лавке (типографии) и стал энергично искать подходящего товарища на место Вульпе.

Связь с типографией я имел исключительно через «хозяина» лавки тов. Аршака. В особо экстренных случаях, если нельзя было ждать до вечера, когда можно найти тов. Аршака на его квартире, я отправлялся в типографию, но с большими предосторожностями. Являлся я туда в качестве покупателя и выходил с пакетом фруктов или орехов.

До того как я знакомился с городом, мне пришлось заняться подысканием места для покупки нужной бумаги в большом количестве и подходящего размера. Это оказалось нелегким делом, ибо, закупив бумагу, нужно было вывезти ее с предосторожностями с места закупки, не вызвав подозрения...

Впоследствии мы получали ордера в конторе на какой-нибудь склад; ордер передавался в типографию, и «приказчик» последней уже отправлял его непосредственно на склад типографии. В этой конторе мы закупали нужную нам бумагу в течение всего времени существования описываемой типографии...

Типография работала очень интенсивно: всегда лежали 2—3 листовки в ожидании очереди. Каждая листовка в среднем печаталась в 35 тысячах экземпляров, а некоторые доходили до 40—50 тыс. Коротеньких обращений во время выборов в Думу и к 1 Мая было напечатано больше 100 тысяч экземпляров.

Самое трудное в нелегальной типографии — это не столько сама работа в ней, сколько доставка бумаги и вывоз напечатанного. Поэтому я хочу познакомить читателей с организацией вывоза из типографии, с распространением прокламаций. Печатный материал вывозился в плетеных корзинах (в которых вывозился из настоящих фруктовых магазинов товар) нашим «приказчиком» в булочные Филиппова (не Н. Д. Филиппова, а И. Филиппова). У последнего тоже было в Москве несколько булочных. В семье Филиппова два младших сына Александр и Василий и дочь Евдокия нам сочувствовали и активно помогали. Они-то нам предоставили свои булочные для доставки литературы, но откуда привозили литературу, они не знали. Из булочных, которыми мы пользова-

лись, запомнились мне булочные на Трубной площади, на Рождественке и в Большом Златоустинском переулке. Как только литература попадала в одну из этих булочных, товарищ, уполномоченный по распространению (одно время им являлся В. Филиппов), отправлял ее на квартиру, на которой уже ждали его курьеры-распространители всех районов Москвы. Таким образом, в течение 15 минут листовки забирались с квартиры и отправлялись в районы, а последние уже распространяли их по фабрикам и заводам Москвы.

Во время выборов во II Государственную думу московская организация РСДРП заключила соглашение с эсерами, народными социалистами, крестьянским союзом и еще какими-то революционными организациями того времени. Были составлены общие списки выборщиков по некоторым районам Москвы. Нам приходилось печатать не только то, что выпускала московская организация, но и весь материал, выпускаемый вышеназванными организациями совместно с Московским комитетом РСДРП. Наша типография не могла справиться со всей этой работой, поэтому пришлось рыскать по городу в поисках типографии, которая могла бы печатать нашу предвыборную литературу. Поиски мои увенчались успехом. Я набрел на небольшую легальную типографию на 1-й Брестской улице, которая напечатала нам несколько крупных вещей. Но так как они страшно дорого брали с нас, а денег в МК было немного, пришлось искать иные пути. Я разыскал партийных наборщиков в некоторых крупных типографиях: в типографии Яковлева в Салтыковском переулке, в типографии Сытина и типографии Кушнарева на Пименовской улице. В этих типографиях я комбинировал работу следующим образом: в одной из них набиралась листовка и отливался стереотип, а печаталась она в нашей нелегальной типографии; или же в одной типографии листовка набиралась, а в другой печаталась. Таким образом, МК вышел с честью из трудного положения.

Выборы в III Государственную думу прошли скромнее. Организация стала меньше, и печатать пришлось меньше, да и шансы на успех в выборах от городской курии были невелики. Все силы мы направили в рабочие районы на выборы от рабочей курии, а там, мы были уверены в нашей победе, и мы действительно победили.

Кроме той литературы, которую мы сами печатали для Москвы, нам прислал большевистский центр из Питера (перед выборами во II Государственную думу) много предвыборной и иной литературы.

Центральный комитет РСДРП состоял тогда главным образом из сторонников меньшевиков. Они были за соглашение с либералами (кадетами) на выборах во II Государственную думу. Созванная в ноябре 1906 года I Всероссийская конференция РСДРП 18 голосами меньшевиков и бундовцев против 14 голосов большевиков, СДПиЛ, социал-демократов Латышского края стала на сторону ЦК в этом вопросе. Большевики, польские и латышские

социал-демократы отстаивали самостоятельность ведения кампании нашей партией, но в экстренных, необходимых случаях допускали соглашение только с партиями и организациями, которые были за вооруженную борьбу с царизмом,— эсерами, крестьянским союзом и т. д. Так как между большевиками, которые остались в меньшинстве на Стокгольмском (Объединительном) IV съезде партии, и меньшевиками были серьезные разногласия по вопросам о значении Государственной думы, о вооруженном восстании, об отношении к буржуазным партиям, то руководители большевистского течения в РСДРП во главе с Лениным создали большевистский центр, издававший много предвыборной литературы, в которой разъяснялась большевистская точка зрения на Государственную думу. Большевистский центр выступил со своей предвыборной платформой, руководя проведением ее в жизнь местными парторганизациями, которые стояли на точке зрения большевиков. Петербургский и Московский комитеты отвергли блок с либералами на выборах во II Государственную думу. Московский комитет выставил совместные списки выборщиков в некоторых районах городской курии с эсерами, крестьянским союзом и народными социалистами.

Вначале литература из Питера привозилась отдельными товарищами. Но за последними почти всегда были «хвосты» охранки, и организация распространения литературы поплатилась несколькими арестами (Р. Шоломович привезла литературу уже проваленной, ибо за ней следили по пятам. Так как она слежки не заметила, то она провалила явку у В. Филиппова). Поэтому мы просили питерцев посылать литературу багажом как товар, упакованный в ящики, а нам присылать лишь багажные квитанции. Когда мы получали квитанции, то снаряжали двух товарищей. Один нанимал ломового извозчика, которому и передавали квитанцию на получение товара с вокзала. Извозчику давался вымышленный адрес, по которому нужно было везти товар. Другой товарищ издали следил за ломовиком, следуя за ним по пятам повсюду, куда он ходил с квитанцией. Если все обстояло благополучно, то товарищ, который следил за извозчиком, предупреждал об этом товарища, нанявшего его, и тогда последний встречал возчика по дороге и направлял его по тому адресу, куда действительно литература должна была попасть. Когда же мы не были уверены в том, что за товарищами не следят, то в такой операции принимали участие три товарища: один нанимал ломовика, другой следил за ним, третий же служил курьером у того, который следил за ломовиком. Он давал знать товарищу, который нанимал ломовика, нужно ли ему встречать извозчика или нет. В таких случаях принимались еще и такие предосторожности: даже тогда, когда два товарища не замечали никакого замешательства на вокзале, по дороге менялся адрес, но это опять-таки был фиктивный адрес (в таких случаях давался просто адрес какого-нибудь двора, в котором имелись знакомые; очень часто мы пользовались таким двором на 1-й Мещанской, от Сухаревой с левой стороны, в угловом доме). Извоз-

чика отпускали, и спустя некоторое время, если все было в порядке, литературу отправляли на склад, а оттуда по районам.

Иногда извозчика приглашали в жандармское управление на вокзале, после того как он предъявлял багажную квитанцию. В таком случае следивший за ним товарищ предупреждал, что извозчика встречать не надо, а сам наблюдал, что будет дальше. Нередко жандармы отпускали извозчика с товаром, а за ним снаряжали экспедицию из шпиков и жандармов, но вследствие вымышленного адреса, который давался извозчику, труды жандармов пропадали даром. Провалов литературы было несколько, но они проходили без ареста товарищей.

Я остановился подробно на организации связи нашей нелегальной типографии с «внешним миром» и на способах получения и распространения литературы потому, что многие коммунистические партии за границей впервые загнаны в подполье и опыт, приобретенный нашей партией во времена царской власти, может быть весьма и весьма полезен для наших товарищей из других стран.

Занимаясь исключительно конспиративной работой, я не принимал участия в повседневной работе ячеек и районов московской организации. Я имел дело и был связан исключительно с узким кругом руководящих товарищей из московской организации и с секретарем Московского комитета. Только один раз я принял участие в московской партийной конференции, которая состоялась осенью 1906 года в Высшем техническом училище, близ Немецкой улицы, теперь улица Баумана, на которой тов. Мирон (Хинчук) делал доклад от имени ЦК РСДРП (меньшевистского в своем большинстве). Конференция же состояла из большевиков. Только Пресня прислала нескольких меньшевиков. Дебаты были очень страстные, но бесполезные, ибо врага, в сущности, не было. Вся конференция, за исключением нескольких голосов, была против меньшевистского Центрального комитета.

С секретарем МК тов. Карповым, а позже с Марком (Любимовым) я встречался ежедневно на их явках. Если я почему-либо не мог явиться на явки МК, то в случае необходимости секретарь МК мог найти меня на явках, которые были у меня ежедневно. Очень часто МК только постановлял, какие листки и воззвания нужно выпускать; мне же нужно было реализовать эти постановления не только в смысле печатания их, но и в смысле раздобывания текста. Таким образом, я познакомился с М. Н. Покровским (он тогда жил на Долгоруковской улице), доктором Канелем, и таким же образом я набрел на Сильвина (Бродягу), которого я не видел с момента моего побега из киевской тюрьмы. Они и еще несколько товарищей (Лунц, И. И. Скворцов-Степанов и другие) состояли в литературной и лекторской группе при МК, и многочисленные листовки, которые печатались тогда, вышли из-под их пера. Так как легальной прессы у МК не было, то листовки издавались по всем важным вопросам политики и экономики того времени.

В начале 1907 года по соглашению или поручению МК Шклов-

ский при участии членов литературной и лекторской группы при МК — тов. Покровского и других — стал издавать еженедельник «Истина», который был закрыт при выходе четвертого номера [1].

Был так же быстро закрыт еженедельник, который стал выходить после закрытия «Истины» под другим названием, редактор его попал в ссылку. Насколько мне помнится, больше никаких попыток к изданию легального журнала тогда не было предпринято.

Работы было очень много, но внешние условия не благоприятствовали. Я приехал в Москву без паспорта и больше семи месяцев не мог найти себе подходящего вида на жительство. Мои друзья нанимали квартиру, которую приходилось менять чуть ли не каждый месяц только для того, чтобы я мог там жить непрописанным. Но это быстро обнаруживалось, несмотря на то что мы всегда нанимали квартиры или в больших домах, или с парадным ходом без швейцара. За короткий период мы переменили четыре квартиры. Это заставляло меня пользоваться случайными ночевками по 3—4 раза в неделю. Много времени и усилий приходилось тратить на нахождение и таких ночевок. На некоторые ночевки приходилось являться в 8—9 часов вечера и не выходить из дому уже до утра. Конечно, книги или какие-либо документы таскать с собой было неудобно, и поэтому пропадало зря много времени.

Я организовал небольшой аппарат из учащейся молодежи (студентов и курсисток университета, Института инженеров путей сообщения и Технического училища), членов партии и сочувствующих. Они доставляли мне квартиры для явок, для привоза и распределения литературы, а иногда и для ночевок. С ними можно было идти в огонь и воду. Фамилии некоторых из них я помню: Кичин, Шершаков, Шестаков (студенты Института инженеров путей сообщения), В. Филиппов (был арестован, но не надолго), Пурышев (был арестован и осужден на два года крепости), Лисицын, Малеев, П. Филиппов и Королев (были арестованы после провала типографии и судились вместе с арестованными по этому же делу). Для них эта работа была партийной нагрузкой...

Пятницкий О. Записки большевика. 1896—1917 гг. Изд. 4-е М., 1936, с. 116—130

---

[1] Еженедельник «Истина» издавался в Москве с 14 (27) января по 14 (27) марта 1907 года, вышло 5 номеров, большевистское издание. Журнал вскрывал антинародную сущность II Государственной думы, разоблачал кадетов. *Ред.*

И. П. Николаев

МАРКОВСКАЯ РЕСПУБЛИКА [1]

(Воспоминания о революционном крестьянском движении 1905—1907 годов)

Революционное движение Марковской волости, характеризуемое целым рядом массовых выступлений крестьянства на протяжении 1905—1907 годов, многие склонны были рассматривать как нечто стихийное, неорганизованное крестьянское движение, вызванное так называемыми «октябрьскими свободами» и Булыгинской думой.

Действительно, в большинстве волостей Волоколамского уезда крестьянское движение, давшее яркую вспышку в октябрьские дни, постепенно шло на убыль и с подавлением вооруженного восстания в Москве, под страхом надвигающейся черной реакции, потухло совсем.

Далеко не то было в Марковской волости. Наибольший революционный энтузиазм, готовность к борьбе с вековым врагом — полицейской властью самодержавия — был проявлен крестьянством именно на протяжении 1906 года, когда опричнина Николая Кровавого громила все, что напоминало протест, свободную мысль.

Марковская волость одна из первых в губернии открыто и властно заявила свой протест против насилия самодержавия и социальной несправедливости. Приговор-ультиматум с требованием отмены выкупных платежей, конфискации помещичьих земель и созыва Учредительного собрания, выпущенный издательством «Колокол» отдельной брошюрой, имел кроме агитационного значения чрезвычайно большие последствия на дальнейший ход событий в волости.

С появлением в печати этого важного по тому времени политического акта, исходящего от крестьянства, о роли которого в революции в среде революционных партий шли большие споры, в волость пошли пропагандисты, а затем и организаторы революционных партий. В волости появилась революционная литература —

[1] Воспомииаиия И. П. Николаева опубликоваиы в 1926 году в книге И. Н. Павлова о Марковской республике. Такая республика существовала во время первой российской революции в полутораста километрах от Москвы. Оиа образовалась в Волоколамском уезде в иебольшом селе Маркове. Осеиью 1905 года крестьяне Марковской волости провозгласили республику, избрали свое правительство и перестали исполиять царские закоиы, они вступили во Всероссийский крестьяиский союз — массовую революциоиио-демократическую оргаиизацию крестьяи. Крестьяиская республика просуществовала восемь месяцев. *Ред.*

от листовки до журнала революционной сатиры включительно. Волость настолько хорошо снабжена была литературой, что одно время она могла не только что снабжать революционные ячейки других волостей, но и прямо раздавать ее крестьянам на базарах и собраниях. В волости, при содействии революционеров-профессионалов московской организации Северного областного комитета, была создана волостная организация, которая, действуя вначале полулегально (волостной комитет крестьянского союза), а затем нелегально, держала связь с упомянутыми партийными организациями и направляла крестьянское движение сообразно директивам и интересам политических партий. Волостная организация, поддерживая массовое движение всего крестьянства, включала в себя наиболее активные элементы крестьянства.

До марта — апреля месяца 1906 года движение носило характер наступательный без видимого противника. Волость, будучи отдаленной от уездного центра и железных дорог, из представителей власти на месте имела одного урядника и пару стражников; помещиков в волости не было и все «военные действия 1905 года» «ограничивались изгнанием волостного начальства (старшины и писаря), церковного начальства и других мелких исполнителей сельской власти. Уездная власть бездействовала, ожидая благоприятного для себя момента, что давало возможность поддерживать массовость (поголовное участие) в движении и подготовить организованное сопротивление при неизбежном столкновении с полицейской властью, которого стали ожидать со дня на день после подавления вооруженного восстания и разгрома партийных и рабочих организаций в Москве [1].

В соприкосновение с полицейской властью волость пришла в апреле месяце 1906 года. Начало было положено постановлением уездного съезда земских начальников об отмене приговора-ультиматума и отстранении от должности волостного старшины Рыжова, избранного революционным волостным сходом 31 октября. Старшина Рыжов не подчинился этому постановлению и продолжал управлять волостью. Власти добились его замены, а крестьяне стойко защищали его — нарастал конфликт. В ожидании вмешательства в конфликт полицейской вооруженной силы лихорадочно велась агитация за организованное выступление всего крестьянства в защиту его революционных завоеваний, в защиту грубо попираемых прав свободного выбора волостного старшины, которая сплотила, как никогда, все население волости. Руководство этим движением принадлежало волостной организации, которая выработала план действий, сводящийся к тому, чтобы продержаться как можно дольше, не вызывая никаких эксцессов, могущих послужить поводом для применения вооруженной силы, демонстрировать перед властью, оказавшейся временной победительницей над революцией, стойкость крестьянских масс и тем

[1] На аресты и расправы крестьяне отвечали обычными способами: горели помещичьи усадьбы, амбары и т. д. Только за 2 месяца осенью 1906 года в уезде было 282 пожара. *Ред.*

самым поднять настроение в рабочих организациях, переживавших в то время все ужасы послереволюционной реакции. И это удалось как нельзя лучше. Власти, не имея формального повода применить грубую силу, пошли по линии наименьшего сопротивления. Различными уловками удалось арестовать Рыжова, который считался ими главарем движения и вдохновителем оказываемого волостью сопротивления. Одним из таких маневров была телеграмма губернатора Джунковского о вызове Рыжова в Волоколамск. На эту телеграмму от Рыжова последовал достойный ответ: «Жду губернатора в волости». И после этого власти не решались действовать полицейскими мерами, пытаясь ослабить сопротивление путем дезорганизации внутри волости, применяя угрозы прислать казаков для порки, причем присылались наряды на расквартирование казаков в волости и на воротах крестьянских дворов делались отметки числа предназначенных к постою казаков. Ничто не действовало: угрозы только усиливали движение. Тогда повелась агитация в среде зажиточного слоя наименее стойких крестьян за переизбрание старшины на волостном сходе. Такой сход был созван в мае месяце, на котором рассчитывали «убеждением» сломить сопротивление.

На сход сошлось почти все мужское население волости и много представителей смежных волостей, державших связь с Марковской волостью. Население шло на сход бодрое, уверенное в своей правоте и силе, с пением революционных песен. Вместо схода получилось огромнейшее народное собрание. На сход никто из властей не явился, хотя накануне и в день схода близ волости разъезжали конные полицейские. Наконец прибыл земской начальник Миллер, пользовавшийся популярностью в волости (полиция осталась где-то в тылу), который, увидев перед собой организованную стойкую массу, готовую на решительные действия, схода не открыл и быстро ретировался после того, как ему посоветовали не вмешиваться в конфликт царя с народом и встать на сторону не сильного, а правого.

Снова пошла охота за Рыжовым, и в один из маневров с вызовами он и два его родственника были арестованы на станции Шаховской, в 27 верстах от волости. Этим арестом власти думали, что сломили сопротивление, и хотели показать начальству, что все движение питалось «зловредной агитацией» Рыжова. Но вскоре пришлось убедиться в обратном. Приказ кандидату вступить в должность оказался невыполненным; созванный вторично волостной сход кандидату выразил недоверие, снова избрал старшиной Рыжова и потребовал его освобождения. После этого волость была закрыта. Закрытие волости создавало для крестьян много неудобств: суд не функционировал, выдача паспортов была прекращена, страховые операции не производились. Приходилось крестьянству пользоваться чужими паспортами, нелегально осуществлять свои права, связанные волостью, ездить для того, чтобы застраховать свой дом, в уездный город за 40 верст и т. д. Несмотря на эту тяжелую для крестьянства репрессию, борьба

15 Заказ 4835

продолжалась. Все предложения допустить кандидата к исполнению обязанностей старшины неизменно отвергались при настойчивом требовании освободить Рыжова, который содержался в Бутырской тюрьме, а затем был выслан в Сибирь на пять лет.

В процессе этой борьбы обнаружилось стремление властей во что бы то ни стало придать движению характер случайной вспышки на почве защиты старшины Рыжова. В этих целях стали через родственников арестованных агитировать за изъявление волостью покорности, обещая за это освободить Рыжова. Волость покорности не изъявила. В предложении добиться покорности в один из объездов губернатором уезда в июне месяце 1906 года был созван сход, на который ожидался сам губернатор. Снова собралось все население и представители смежных областей. Настроение было, несмотря на слабые голоса о нецелесообразности дальнейшей борьбы, приподнятое, боевое, готовились лично губернатору передать чаяния и справедливые требования крестьянства. В ожидании губернатора открыли митинг, где и поклялись не сдаваться. Выставили патрули в направлении, откуда должен был появиться губернатор...

Собрание избрало делегацию, которая и поехала вслед за губернатором, чтобы передать петицию с требованием освободить Рыжова. Делегация губернатором принята не была, но в результате обработки губернскими чиновниками привезла приказ подчиниться законным распоряжениям властей.

При обсуждении приказа под влиянием делегации, получившей внушение губернаторских чиновников и обещание освободить Рыжова, мнение собравшихся разделилось. Меньшая часть настаивала на избрании старшины взамен Рыжова, а большая решила не сдаваться. Единство, однако, было нарушено, впервые появились признаки разложения. На почве неудобств для крестьянства, вытекающих из факта закрытия волости, агитация за избрание старшины находила все больше сторонников. Учитывая это, кандидат в старшины, под угрозой репрессий со стороны властей, изъявил согласие вступить в должность. Во второй половине июля волость была открыта.

Перипетии борьбы, продолжавшейся пять месяцев, закончились капитуляцией не волости в целом, а отдельных его представителей при явной поддержке части населения.

В промежуток времени с начала борьбы за Рыжова, который являлся оселком, заострявшим борьбу в волости с властью, до открытия волости (около 3 месяцев) Марковская волость представляла собой революционный центр крестьянского движения Волоколамского и смежных с ним Старицкого и Зубцовского уездов, где открыто собирались массовые митинги, находили себе убежище «подпольники» городов, где производилась репетиция участия в революции широких крестьянских масс, делалась закалка для будущих грядущих боев.

Здесь обсуждались открыто политические вопросы, принимались наказы Государственной думе с требованием конфискации

помещичьих земель, созыва Учредительного собрания и т. д. Движение это было известно далеко за пределами уезда и являлось источником бодрости крестьянских масс при их столкновении с властью... В феврале месяце 1907 года волостной сход Марковской волости и бойкотировал выборы в Государственную думу, и требовал всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. В августе месяце были бойкотированы выборы в земские гласные с требованием пропорционального представительства.

Из попытки вырвать у населения «верноподданнические чувства» за освобождение Рыжова вышел один конфуз. Сход в меньшинстве согласился на это, что и было отражено в «верноподданнической телеграмме», посланной вопреки желанию властей непосредственно Николаю Кровавому в Царское Село. Вмешательство полиции приостановить отправку натолкнулось на сопротивление начальника телеграфа, который, чтобы убедить полицию в неприкосновенности своей личности при исполнении столь важного акта, как передача телеграммы самому «самодержцу», вынужден был облачиться в парадную форму и прочитать полиции соответствующий указ. Телеграмма гласила, что 26 крестьян, являющихся представителями волости, выражают свои верноподданнические чувства. Само собой разумеется, что старшина Рыжов не был освобожден и с большим трудом вернулся по отбытии пяти лет из Сибири.

Оценивая на расстоянии истекших с того времени двадцати лет крестьянское движение в Марковской волости, нельзя не отметить одной особенности, которой можно приписать ту организованность, стойкость и длительность в борьбе, с одной стороны, и с другой — чрезвычайно небольшие жертвы. Эта особенность заключалась в самом характере борьбы. Вызванное массовое движение повседневной осторожной работой умело поддерживалось и направлялось. Руководство организации было незаметно для широких масс, она действовала через рядовых активных крестьян, не выпячиваясь на первое место, давало видимость массового и непосредственного движения, обескураживающего властей. Оставаясь все время в строгой конспирации, более активные члены были вне подозрения. Выступлений на открытых собраниях члены организации не делали, выдвигая для этого или рядовых крестьян, или пропагандистов, наезжающих в волость, которые после собрания обычно бесследно исчезали даже в тех случаях, когда подолгу оставались в волости, и снова внезапно появлялись. Такая конспирация приводила в ужас тех людей, которые могли вольно или невольно предать организацию полиции. Ни одного случая предательства не было, хотя все, что делалось, становилось общеизвестным, ибо в действиях всегда участвовала масса, весь народ, с которым полиция бороться была бессильна.

Павлов И. Н. Марковская республика. Из истории крестьянского движения 1905 года в Московской губернии. М.—Л., 1926, с. 43—49

А. П. Машкин

ОКРУЖНАЯ ГРУППА ПРИ КАЗАНСКОМ КОМИТЕТЕ РСДРП

Зиму 1905/06 года крестьянство провело достаточно бурно. Повсюду организовывались митинги, нарасхват читались газеты. Крестьянство за правдивым словом, за студентом-агитатором отправлялось в уездные города, и теперь уже приезжих студентов деревня не выдавала, а, наоборот, на собственных телегах привозила, охраняла в пути, скрывала от зорких полицейских и жандармских глаз.

Та зима характеризуется подъемом политической грамотности среди крестьянства. В результате чего вместо прежних только экономических требований к помещикам, а потом к самому государству стали применяться требования политического характера, которые выражались обычно в ряде приговоров.

Эти приговоры были двоякого рода. Одни из них были общеполитического характера и говорили о необходимости созыва Учредительного собрания на основании прямого, всеобщего, равного и тайного голосования. Выставлялись требования политических свобод, передачи земли крестьянству, освобождения от податного ига. Эти общего характера приговоры обычно печатались в «Волжском листке»[1], а порой в виде трафарета распространялись среди крестьянства и в отдельных листках. Крестьяне уже в конце 1905 года перешли от экономических требований к требованиям политического свойства. В подкрепление своих постановлений они самовольно распоряжались частновладельческим и казенным лесом, производили на помещичьих землях запашки, громили помещичьи усадьбы. Порой происходили бои со стражниками, и кое-где крестьяне побеждали их... Понятно, что условия работы изменились, и это дало возможность широко развернуться деятельности окружной группы Казанского комитета.

Революционное слово в 1906 году стало для широких масс населения социальной необходимостью. И окружная организация со всей энергией пошла навстречу требованиям крестьянства. Почти прекратилась работа небольших кружков, по всему фронту

[1] *«Волжский листок»* — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета. Выходила в Казани с 1 (14) октября 1904 года по 1909 год. Вначале либерально-буржуазный орган, в период первой российской революции являлась большевистским изданием, редактор — И. И. Скворцов-Степанов, в газете принимал участие Я. М. Свердлов. *Ред.*

перешли к подготовке литературы для массового читателя, которому необходимо было растолковывать, что вокруг него происходит, какие требования пишет на своих знаменах рабочий класс в борьбе против самодержавного правительства, что должен сделать крестьянин, чтобы не отстать от рабочего и принять активное участие в общем революционном движении. Нужно было втянуть широкие крестьянские массы в общественно-политическое русло, и окружная организация делает это. Она, частью пользуясь типографией комитета, а потом и своей, выпускает листок за листком, все увеличивая и увеличивая тираж своих изданий. Если в 1905 году тот или другой листок выходил в 300—500 экземплярах, то теперь их тираж порой доходил до 10, а то и до 20 тысяч. Правда, по свидетельству секретаря казанской организации, во второй половине 1906 года эта цифра значительно преувеличена для устрашения полицейской власти.

Все издания носили общеполитический характер, все они составлялись на основании местных данных, хорошо знакомых крестьянству Казанской губернии, приводили его к мысли о необходимости участия в общеполитическом движении. Для более широких масс листок «окружки» носил несколько абстрактный характер, но тем не менее он был ценен, давая яркую картину происходящих событий, знакомя с движением рабочих и крестьян других местностей и, таким образом, втягивая массы в общереволюционное движение. От окружной группы периферия получала право на печатание листовок, песенников и даже брошюр политического характера. Право свое «места» использовали достаточно широко. Гектографический листок, а порой и регулярно выходящий бюллетень увязывал местные нужды крестьянства с нуждами общереволюционного движения, разъяснял позицию крестьян того или другого уезда и их роль в общем революционном потоке.

Несколько строк о распространении. Здесь нужно указать, что в 1906 году была достаточно прочная, живая связь с периферией, и не только с уездными группами, а порой и с группами, находящимися в отдельных крупных селениях. Литература, таким образом, распространялась через представителей периферии и в полицейские руки почти совсем не попадала.

Так продолжалось в течение всего 1906 года. Подобные условия имели место и в начале следующего, 1907 года, но с весны крестьянское движение идет сильно на убыль. Реакция, справившись с рабочим движением, все силы сконцентрировала на подавлении крестьянства. Карательные экспедиции ловили политически подозрительных лиц и почти полностью ликвидировали отдельные революционные ячейки в уездных городах губернии и в деревнях.

Подавление крестьянского движения не могло не отразиться и на деятельности окружной группы Казанского комитета. В 1907 году началось понижение ее революционной деятельности, а затем «окружка» была полностью ликвидирована вместе с Казанским комитетом.

Публикуется впервые — *ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 70, оп. 3, д. 125, л. 4—8*

Ц. С. Бобровская (Зеликсон)

ВТОРОЙ РАЗ В КОСТРОМЕ

В Кострому я приехала незадолго до 1 мая, застала организацию в большом затруднении по части заготовки первомайской литературы, там усиленно искали путей к оборудованию тайной типографии, и мне было предложено прежде всего этим заняться. После переговоров со старой приятельницей — Соней Загайной, которая до тонкости знала все, касающееся дела с типографией, мне стало ясно, что за короткий срок, остававшийся до 1 мая, нам ничего солидного не создать, а можно лишь на скорую руку оборудовать «летучку», напечатать в ней первомайские листки и уже после этого, не связывая себя сроком, наладить что-нибудь более фундаментальное.

В таком духе мною было внесено предложение, принятое Костромским комитетом, в состав которого я была с первых же дней вначале кооптирована, а на ближайшей конференции и избрана. В комитете тогда были следующие товарищи: Стопани Александр Митрофанович (кличка Наум), Квиткин Олимпий Аристархович (кличка Афанасий), чрезвычайно умный человек, очень крупная партийная величина в то время, ставший впоследствии, во время империалистической войны, оборонцем, а после Октябрьской революции 1917 года — обыкновенным ругателем большевиков. Из местных рабочих в комитете были: Александр Гусев и старик Симановский, далее там были профессионал Алексей Серговский (кличка Максим), Михеев Николай Михайлович (кличка Константин) и я — Ольга Петровна.

Работа между нами была распределена таким образом, что Квиткин был присяжным докладчиком по всем вопросам партийной тактики, Стопани руководил постановкой пропаганды и легальной нашей газетой «Костромской листок», подвергавшейся бесконечным конфискациям отдельных номеров, а впоследствии и вовсе прихлопнутой. Михеев был ответственным организатором фабричного района, нес руководящую работу в союзе текстильщиков, а также был ответственным и почти единственным для больших выступлений агитатором; Александр Гусев был председателем, а Симановский — товарищем председателя союза текстильщиков; Алексей Серговский — агитатором и разъездным по губернии работником, а я была секретарем комитета и ответственным организатором городского района.

Отдельные части типографии в Костроме имелись, хранились у некоего Горицкого — служащего у нотариуса, имевшего связи в самых глубинах мелкого чиновничества и мещанства.

Как-то раз, когда предполагалось устроить областную партийную конференцию в Костроме, так как в Москве все наши квартиры были провалены, и я обратилась за содействием к Конспиратору — кличка Горицкого, он очень просто сказал: «Надо мне сходить к ксендзу, быть может, даст костел». Областная конференция тогда была почему-то отложена, и тем отнята возможность у костромичей за год до V съезда нашей партии, который, как известно, состоялся в Лондоне в церкви, предвосхитить эту идею устроить нашу, богу неугодную конференцию в святом католическом костеле.

Шрифт и станок были извлечены Конспиратором из-под спуда и водворены на Пятницкой улице в квартиру Парийских, в светелку, бумага, краски и прочее были добыты, листок составлен не то Стопани, не то Квиткиным, печатать взялась Соня Загайная, которой помогал профессионал Виктор, вскоре от нас уехавший. Работа производилась день и ночь, причем Соня простояла на ногах от вторника до пятницы, за каковой срок было изготовлено несколько тысяч первомайских листков. В пятницу у Сони распухли ноги, больше стоять и работать она не могла, сменить ее полностью никто из нас не мог, не зная типографского дела.

Помимо усталости главного работника надо было вообще ликвидировать дело, так как выяснилось, что мы стали обращать на себя внимание черносотенного брата хозяйки квартиры, а также что в соседней квартире того же дома ютятся эсеры и что там хранится у них оружие.

Все это заставило нас спешно свернуть нашу «летучку», за вывозку ее из квартиры Парийских опять взялась Соня Загайная, которой помогал член комитета (Михеев). Когда они нагрузили на себя шрифт и, наняв извозчика, сели в пролетку, под ними погнулись рессоры, особенно с той стороны, где сел Константин, и все же они с этим грузом направились к Опариной, которая отвезла на хранение нашу типографию в фабричное селение Родники.

Таким образом первомайская листовка была нами своевременно заготовлена и распространена.

Костромская организация, как и вся наша партия в 1906 году, представляла собою очень сложное сочетание нелегальной и легальной организации; тогда приходилось всячески изворачиваться и лавировать, чтобы полностью использовать все еще оставшиеся в нашем распоряжении легальные возможности и одновременно зарываться поглубже в подполье.

Так, например, в начале лета мы еще имели свою газету «Костромской листок» [1], и в то же время нельзя было обходиться без

---

[1] *«Костромской листок»* — ежедневная политическая и литературная газета, издавалась с 1898 года. В 1906 году была запрещена, вместо нее выходила газета «Костромской голос», она разъясняла роль пролетариата как гегемона революции, писала о необходимости союза рабочего класса и крестьянства для успешного осуществления задач революции. *Ред.*

выпуска наших прокламаций и листовок; был у нас свой книжный склад на Русиной улице, в котором мы открыто торговали нашими брошюрами издания 1905 года, и надо было создавать подпольный распространительный аппарат наших прокламаций и листовок.

То же самое с собраниями — организовывали и проводили открытые митинги, которые в фабричном районе происходили у нас на пустыре за Зотовской фабрикой. Невдалеке от этих митингов появлялись частенько разъезды казаков, но до поры до времени держались на почтительном расстоянии, причем ни у кого из нас тогда не было уверенности, что вот-вот казаки не подъедут ближе и не будут пущены в ход столь хорошо всем нам известные тогда нагайки...

Широко пользуясь возможностью выступать открыто, мы одновременно устраивали конспиративные собрания в Посадском лесу, где, конечно, можно было говорить более откровенно, чем в присутствии хотя бы в отдалении гарцующих казаков у Зотовской фабрики или полицейского чина в зале «дворянского собрания».

Центр организации — Костромской комитет, районные и фабрично-заводские комитеты были, безусловно, законспирированы.

Глубоко законспирированы были также наши пропагандистские кружки, которые по внутреннему своему содержанию мало чем отличались от теперешних марксистско-ленинских кружков; таким кружкам и тогда наша партия уделяла много внимания...

Группа товарищей, работавших в профсоюзах, тоже была законспирирована, хотя ничего оформленного в виде фракции у нас там тогда еще не было.

Самый большой и влиятельный профсоюз текстильщиков был всецело в наших руках — как председатель его, Александр Гусев, так и товарищ председателя, старик Симановский, были, как уже сказано выше, членами Костромского комитета. Другой член комитета, Константин (Михеев), выступал на всех общих собраниях союза, проводя там нашу большевистскую линию. Вообще союз текстильщиков был тогда нашей твердыней, дававшей нам возможность держать тесную связь и проводить свое влияние в самой широкой беспартийной массе текстильщиков, которые составляют большинство костромского пролетариата. В этом же союзе мы под шумок иногда устраивали и наши комитетские собрания, но чаще эти собрания происходили в книжном складе, который имел незаметные задние комнаты, куда очень удобно было проходить через склад; ведь в склад идешь как покупатель, а прошмыгнешь в задние комнаты. Этой специфической особенностью склада я, как секретарь комитета, в круг обязанностей которого входила, между прочим, и поставка квартир под собрания во что бы то ни стало, особенно дорожила, помимо того, что потом и самой приходилось тоже жить в этих заповедных комнатах, примыкавших к складу.

Вначале, по приезде, за неимением паспорта и сколько-нибудь более подходящей квартиры, я вынуждена была поселиться в семье тов. Стопани, который жил тогда в Костроме легально, жандармам его квартира была хорошо известна, за нею, безусловно, была

слежка, и было совсем нецелесообразно жить мне там; кроме того, ужасно не хотелось своим возможным арестом в этой квартире осложнить и без того крайне тяжелую жизнь жены тов. Стопани Марии Михайловны, этого революционера по духу, вынужденного силою обстоятельств вместо активной партийной работы нести только тяжесть забот и хлопот о детях, которых у Стопани было тогда четверо, мал мала меньше, и из которых старший, Митя, впоследствии геройски сражался и погиб на одном из фронтов пролетарской революции. В течение долгих лет нелегальной работы мне приходилось в нашей партийной среде встречать многих женщин революционерок — жен революционеров, которые из-за детей с мукой в душе, с великим надломом вынуждены были ограничиваться незавидной ролью только матери и хозяйки дома, имея все данные быть настоящим партийным работником.

После 1 мая слежка за квартирой тов. Стопани усилилась, и я окончательно ушла оттуда, а так как идти больше было некуда, то поселилась в одной из комнат склада, рядом с Соней Загайной, которая теперь жила здесь в качестве заведующей складом. Соня была прописана, а я жила невидимкой. Моей задачей было во что бы то ни стало законспирировать эти наши комнаты, превратить их в приемную по делам Костромского комитета, но делу этому сильно мешали боевики, которые, имея свою собственную конспиративную квартиру-общежитие, тем не менее постоянно приходили через склад в наши комнаты и располагались там со своими бомбочками, как нежно называли они негодные домодельные, никогда не взрывавшиеся, никому уже в тот момент не нужные снаряды.

Наши дружины, сыгравшие столь крупную боевую роль в октябре — декабре 1905 года, к описываемому времени, летом 1906 года, будучи еще формально связанными с партийными организациями, стали от них постепенно отрываться, превращаться в дезорганизованные группы боевиков, действовавших на свой риск и страх, пробавляясь «эксами», вносившими яд разложения в ряды нашей партии.

Костромские боевики не составляли исключения, и все попытки комитета влиять на них кончались ничем: боевики были сами по себе, партийная организация — сама по себе.

С организацией постоянной типографии пришлось немало биться. После всевозможных планов, переговоров, специальных поездок в Москву за людьми удалось оборудовать типографию в четырех верстах от города на даче, где под чужим паспортом поселились: Алексей Загайный, Лидия Молчанова, специально для этого приехавшая из Москвы, и девица из Саратова — фамилии не помню.

Что именно успели мы напечатать в этой типографии, я не помню, но только помню, что просуществовала она недолго. Вскоре товарищи, работавшие там, заметили за собою слежку, пришлось экстренно ликвидировать с такими трудностями налаженное дело, причем для ликвидации было найдено наиболее безопасным запрятать типографию в кованый сундук и на канате спустить ночью

в пруд, а самим скрыться. Сейчас уже не помню, сколько времени плавал наш «Ноев ковчег», пока удалось его извлечь на свет для водворения на Павловской улице, где специально для этого устроились на квартире учитель с сестрой (фамилии не помню) и Мария Ханзинская, выписанная по рекомендации Константина (Михеева) из Орла для работы в нашей типографии.

Сколь долог был век этой новой типографии на Павловской улице, можно судить по тому, что к концу лета эта самая типография уже путешествовала на лошадях по направлению в «нашу вотчину» — в Жирославку, где вначале мы ее просто спрятали, не считая достаточно безопасным там пустить ее в ход. Однако через некоторое время, когда до зарезу нужно было напечатать листок, насколько помню, листок в связи с нашим отношением к предстоящей предвыборной кампании во II Государственную думу, мы расхрабрились и решили пустить наш станок на территории Жирославки. К этому времени мною был выписан из Москвы опытный товарищ, великолепный наборщик (он же, конечно, и печатник), которого мы все звали Васей, фамилия его Маеров. Вася приехал со своей женой в Кострому, и их сразу же отправили в Жирославку на работу...

Кроме интенсивной работы в фабричном районе была крепкая связь и с городскими ремесленниками — городским районом, организатором которого была я, но это дело считалось уже как бы вспомогательным, так как почти все силы и все внимание ухлопывалось у меня на секретарство. Основная группа рабочих городского района, которым приходилось уделять больше внимания, были, конечно, типографщики, которые помимо всяких других качеств отличались драгоценнейшим свойством — воровать в своих типографиях шрифт и передавать его в нашу тайную типографию. Организаторами типографщиков были тогда товарищи Смирнов и Петр Каганович, который был еще почти мальчиком, но очень энергичным и деятельным. Была в городском районе сплоченная группа портных, тесно связанная с нами, но ни одной фамилии этих товарищей я не запомнила.

Все лето 1906 года мы поддерживали самую интенсивную связь с партийными центрами, которые тогда были заняты вопросом, связанным с Государственной думой, поскольку назревало решение II Думу не бойкотировать, а также с борьбой за экстренный съезд.

Мы, костромичи, стояли всецело и безоговорочно за созыв экстренного съезда партии, на котором, по глубочайшему нашему тогдашнему убеждению, должно было получиться другое соотношение сил,— мы были уверены, что на этом новом съезде перевес будет на стороне большевиков. Такая наша уверенность базировалась на бодром настроении костромских рабочих, среди которых и намека не было на уныние и растерянность, свидетелем которых мне пришлось быть зимою в Замоскворецком районе.

Происходило это, вернее всего, оттого, что Кострома менее всего бурно пережила 1905 год, поэтому не могло быть там такого

резкого упадка, как в Москве, а также оттого, что полоса репрессий, посыпавшихся на головы пролетариата более боевых районов, еще не давала себя пока в достаточной степени чувствовать в сравнительно мирной Костроме; как бы там ни было, весною и летом 1906 года было в Костроме работать весело, и самая напряженная работа даже мало утомляла, что опять-таки объясняется ограниченностью пространства, на котором приходилось вертеться: Кострома город очень небольшой, и даже до Посадского леса, нашей главной и наиболее безопасной штаб-квартиры, ходить было недалеко.

По всяким делам общепартийного характера от Московского областного бюро к нам чаще других приезжал Данило — Сергей Васильевич Модестов. При имени Данилы предо мною, как живая, встает смеющаяся физиономия семинариста Сережи, которого впервые увидела на конспиративной квартире в Твери в 1903 году. Через два года столкнулись мы с ним в Москве, причем он с разными шуточками и прибауточками сообщил мне, что за это время успел посидеть в двух тюрьмах — ярославской и иваново-вознесенской. Еще через год в Костроме передо мною уже был вполне сформированный крупный партийный работник, член областного бюро тов. Данило, напоминавший прежнего Сережу лишь своими любимыми шуточками.

В один из приездов в Кострому Данилы пошла я с ним на собрание в Посадский лес, где он должен был сделать нам доклад о положении дел в партии, и по дороге он меня вдруг спрашивает: «Ольга, вам очень трудно было залезть обратно в подполье после 1905 года?». На мой ответ, что трудно, да не очень, Данило сказал: «Лично я бы этим делом совсем не затруднялся, кабы не ревматизм, кабы не больно было ходить по лесам, ведь нашему брату организатору при условиях подполья прежде всего нужны ноги, а потом уже голова, не правда ли?»

В 1907 году беспокойный Данило, исколесивший по собраниям своими больными ногами леса Костромской, Ярославской и Владимирской губерний, приехал с докладом в Москву в областное бюро, где и был арестован.

В 1908 году по болезни и ходатайству матери тов. Модестову предстояло отправиться вместо ссылки в Сибирь за границу, но, несмотря на серьезную болезнь, Данило не поехал за границу. Такие товарищи, как Данило, тогда слишком остро чувствовали громадный недостаток квалифицированных партийных сил вследствие уже массового в тот период бегства интеллигенции из рядов партии, и Сережа вместо заграницы переходит на нелегальное положение и идет работать раньше на Урал, потом в Екатеринослав, а оттуда в Николаев, где его арестовывают, судят по 102 статье и приговаривают к 6 годам каторги...

Наше костромское благополучие в смысле использования легальных возможностей частенько нарушалось все лето. Сначала была закрыта наша газета, потом добрались до нашего книжного склада, который я все время берегла как зеницу ока, ибо он был

великолепной ширмой, за которой можно было всякими конспирациями заниматься. Началось с того, что полиция участила свои обыски и выемки недозволенных к продаже книг, а в одно прекрасное утро догадалась обыскать все помещение, причем мне посчастливилось уйти оттуда в присутствии полиции. Дело было так: сижу у себя утром в запертой комнате склада, на столе горит свеча, чтобы в случае нашествия успеть спалить лежавшие передо мною обрывки бумаг с иероглифами — заметки, сделанные мною накануне во время заседания комитета, из которых надо составить протокол этого заседания.

Занятие прерывается стуком в дверь юноши Петра Кагановича, вошедшего не через склад, а черным ходом и сообщившего взволнованным голосом, что успел обогнать полицию, идущую большим нарядом в склад, очевидно для производства обыска во всей квартире. Каганович успел удалиться тем же черным ходом, а я спалила все бумаги, потушила свечу, накинула на себя пальто, приколола шляпу, успела забежать на секунду в склад, шепнуть заведующей «идут», схватить с полки две книжки и с видом покупательницы стала спускаться с главной лестницы навстречу идущей полиции, которая, взглянув на «купленные» мною книжки, без всякого подозрения пропустила меня к выходу. Наш склад тогда был тщательно обыскан и запечатан, а новая заведующая, некая Поля (фамилии которой я не знаю), арестована.

Закрытие склада было для нас вообще большим ударом, в частности, условия моей работы как секретаря очень затруднились, приходилось пуститься в поиски всяких квартир под собрания, совещания и прочее — одним словом, надо было отправляться на поклон к так называемым сочувствующим, что лично для меня всегда было самым тягостным делом. Второй наш приют, помещение союза текстильщиков, тоже стал подвергаться частым набегам полиции, а кроме того, казаки стали осмеливаться близко подходить к нашим митингам и самым бесцеремонным образом разгонять их, а за нами, работниками, к осени пошла усиленнейшая слежка.

За мною до того стали ходить по пятам, что я не только не могла продолжать работать в Костроме, но и выехать оттуда незамеченной было трудно. Для того чтобы выбраться безнаказанно из города, мне пришлось довольно долго укрываться в городской квартире Колодезниковых, совершенно не выходя из дома, покуда замела следы; и только после этих предосторожностей я решилась отправиться на вокзал.

Во время переправы через Волгу, когда ехала на вокзал, дул осенний ветер, было пасмурно, и с тоскою думалось, что торжествующая по всей линии реакция готовит свою ненастную осень и для невольно покидаемой мною костромской организации, с работой в которой было у меня связано столько светлых весенних и летних дней.

Зеликсон-Бобровская Ц. За первые 20 лет. Записки рядового подпольщика, М., 1932, с. 199—221

Н. Н. Накоряков

НА УРАЛЕ

Уфа была третьим местом моей партийной работы в 1905—1907 годах. Мы практиковали переезды из одного города в другой, чтобы сохранить себя, избежать преследований полиции. Так, за сравнительно короткий период я работал в Казани, Самаре и потом в Уфе, куда прибыл в конце декабря 1905 года. Местная социал-демократическая организация после Декабрьского вооруженного столкновения рабочих с полицией в железнодорожных мастерских хотя и сохранила основные свои силы, но переживала трудное время. Большая часть активных ее работников сидела в тюрьме, другая часть вынуждена была скрыться, а некоторые товарищи, известные полиции и жандармам, готовились к переезду в другие места.

Большевистская часть комитета сразу же кооптировала меня в его состав. Комитет направил меня на работу в железнодорожный район...

Однако социал-демократических сил в Уфе было еще слишком мало. Необходимо было пополнить организацию, главным образом пропагандистами и агитаторами. В связи с этим комитет постановил привлекать к работе возвращавшихся из сибирской ссылки подходящих товарищей, прежде всего для деятельности на южноуральских заводах. Таким путем через явки были вскоре оставлены в Уфе товарищи Влас (Крысин), Марк (Минкин), Азарий (Г. Н. Котов), Владимир (В. Новиков), а также проезжавший из Самары известный местным социал-демократам по прежней работе на Урале Михаил Заводской (Н. Вилонов), который, правда, пробыл у нас недолго и вскоре после агитационной поездки по южноуральским заводам из конспиративных соображений вынужден был уехать в Кыштым (там он был случайно арестован и отправлен в Екатеринбургскую тюрьму).

Благодаря притоку новых сил партийная работа значительно оживилась, особенно на местах, на заводах в Миньяре, Симе, Усть-Катаве, Катав-Ивановске, Златоусте и других.

Это оживление совпало с подготовкой Уральской областной конференции РСДРП и выборами на IV (Объединительный) съезд партии. Для участия в подготовке к конференции в Уфу в январе 1906 года приезжал из Екатеринбурга Я. М. Свердлов. Его посещение организаций ряда заводов весьма способствовало подъему партийной работы.

Конференция состоялась в феврале в Екатеринбурге под председательством Я. М. Свердлова[1]. Лука (Черепанов) и я (под псевдонимом Назар) представляли на ней уфимскую организацию. Конференция подвела итоги борьбы в 1905 году, сплотила уральские социал-демократические организации, нацелила их на продолжение революционной борьбы. Выборы на IV (Объединительный) съезд РСДРП проходили под знаком осуществления этих решений, способствовали росту партийных организаций и усилению борьбы с остатками еще кое-где имевшегося влияния меньшевиков (Пермь, Челябинск, Уфа).

Делегатами на съезд от Уфы были избраны В. М. Потоцкий (Алексей Иванович) и я под фамилией Назара Стодолина. Потоцкий, доехав до Петербурга, отказался дальше следовать на съезд, так как понял, что, склоняясь к меньшевикам, он не сможет представлять уфимскую большевистскую организацию, часть которой голосовала за его избрание на съезд на основе личных симпатий, в связи с его продолжительной работой в Уфе. После этого он вообще отошел от партийной деятельности и в Уфу не вернулся. В комитете его заменил старый уфимский работник Гарденин, вернувшийся из ссылки.

В январе по южноуральским заводам прокатилась волна кратковременных забастовок в связи с годовщиной расстрела рабочих в Петербурге 9 января 1905 года. Особенно массовый характер они носили в Миньяре, Симе, Златоусте. Демонстрации проходили под боевыми политическими лозунгами, рабочие массы объединялись вокруг партийных организаций. Ненависть к самодержавию, к царю-убийце, жажда новой, свободной жизни владели чувствами заводского населения. Полиция была бессильна остановить эти народные выступления.

Успеху забастовок содействовал выпуск Уфимским комитетом РСДРП значительного количества листков, широкое распространение легальных партийных газет, доставлявшихся из Петербурга и Москвы.

Хорошо были подготовлены и успешно прошли на большинстве заводов массовые демонстрации 1 Мая. Рабочие собирались на массовки неподалеку от своих поселков, а затем с красными флагами и революционными лозунгами проходили по их улицам, устраивали митинги. Созданные к тому времени боевые дружины из молодых рабочих охраняли собрания и шествия. Полиция в эти моменты предпочитала не показываться на улицах.

В самой Уфе знаменательные дни 9 Января и 1 Мая в 1906 году отмечались скромнее: здесь находились значительные силы полиции, жандармерии и карательных войск. Революционные выступления ограничивались собраниями по районам и массовками в окрестных лесах.

[1] Уральская областная партийная конференция, о которой идет речь, вынесла также решение об образовании общеуральской боевой дружины, был создан штаб боевых дружин Урала. Делегаты конференции избрали Уральский областной комитет РСДРП во главе с Я. М. Свердловым. *Ред.*

Но с весны и здесь был сломан лед подавленности после неудавшегося вооруженного выступления в железнодорожных мастерских в декабре 1905 года. Возобновилась деятельность кружков, чаще стали проходить собрания, началось массовое распространение листовок, легальных партийных газет, росли партийные организации. Все это говорило о том, что силы революции живы и способны к борьбе.

Весной 1906 года еще шире развернулась организация вооруженных дружин в Уфе. Душой этого дела были братья Кадомцевы — Эразм, Иван и Михаил. Боевая работа встречала горячее сочувствие и поддержку рабочей молодежи. Подготовка к вооруженным выступлениям и организация дружин велись по разработанным комитетом правилам и уставу. Во главе дружины стоял штаб. Основную массу дружинников составляли рабочие, преимущественно молодежь, прошедшая военное обучение. Оно широко проводилось и среди всех партийцев.

Обучение стрельбе, бросанию бомб, гранат и боевому строю проходило в прилегающих к Уфе лесах. С дружинниками проводились также политические занятия. Под руководством комитета была налажена связь городских дружин с такими же боевыми организациями на южноуральских заводах, выработаны единые методы военной подготовки рабочих. Усиление боевых организаций и было одной из главных причин завоевания, особенно на уральских заводах, относительной свободы для массовых выступлений: полиция боялась дружинников и, как правило, уклонялась от столкновений с ними.

Для поддержания более тесной и постоянной связи с боевой организацией комитет выделил меня своим представителем при штабе дружины. Кроме того, непосредственно в комитет входили Эразм и Иван Кадомцевы.

Помню, как однажды в ту весну 1906 года весь Южный Урал был взбудоражен новостью: в одно апрельское раннее утро около полустанка Воронки, близ Уфы, группа вооруженных людей остановила поезд и экспроприировала из его почтового вагона значительную сумму государственных денег. Экспроприация была проведена весьма организованно, ни один из пассажиров не пострадал. Ее участники скрылись, увозя с собой большие кожаные баулы с деньгами.

О подготовке этой экспроприации — первого боевого выступления уфимской рабочей дружины — я знал заранее, но из конспиративных соображений информировал комитет только в день ее совершения. Успех этого дела был очень важен как для уфимской организации, так и для партии в целом; поэтому нельзя было ни в коем случае допустить его провала. Большая часть захваченных денег через Ивана Адамовича Саммера была направлена в Центральный Комитет РСДРП, определенная сумма была выделена и Уфимскому комитету для ведения партийной работы. Эти средства пошли главным образом на приобретение оружия и боеприпасов (маузеров, браунингов и патронов к ним). Купленное оружие

составило потом основной фонд вооружения для дальнейшего развертывания боевых дружин на Урале. А уфимская боевая организация благодаря ее опыту и этой материальной базе стала их объединяющим центром.

Деятельность боевых дружин особенно активно была поддержана на уральских заводах, ибо она отвечала желанию рабочих масс готовиться к восстанию против ненавистного самодержавия, она сливалась с общепартийной работой и способствовала укреплению идейного влияния партии на массы, особенно в дни широких рабочих выступлений. Кроме того, конкретная работа по вооружению рабочих противостояла беспредметной болтовне эсеров о восстании, которые на практике ничего не делали для его реальной подготовки. Влияние эсеров по всему Уралу, ранее довольно распространенное, резко упало.

...На IV съезд РСДРП я отъезжал конспиративно, ночью. До ближайшей небольшой станции меня провожала охрана из нескольких членов боевой дружины. При прощании они обратились ко мне с горячими пожеланиями: рассказать о борьбе рабочих Урала В. И. Ленину.

И вот я в Петербурге. На явке в Технологическом институте я и другие делегаты, прибывшие из разных мест, встретили Надежду Константиновну Крупскую. Она тут же обрадовала сообщением, что нас, молодых делегатов-большевиков, хочет повидать В. И. Ленин. О времени и месте встречи Надежда Константиновна обещала сообщить в ближайшие дни. Она напомнила о необходимости особенно тщательно соблюдать конспирацию.

Через день или два на особой явке нам сообщили, что Ленин встретит нас на даче в Куоккала в Финляндии. Нам были даны подробные указания, как проехать туда.

По прибытии в Куоккала мы увидели, что приглашены были молодые делегаты, преимущественно рабочие, из крупных промышленных центров (Донбасс, Урал, Иваново-Вознесенск, Тула), в первый раз посланные на партийный съезд. Помню, среди нас были К. Е. Ворошилов, Ф. А. Сергеев (Артем), А. С. Бубнов, М. В. Фрунзе (Арсений), Вениаминов, С. И. Канатчиков, И. И. Неверов — молодежь, лишь недавно начавшая свою партийную деятельность. От Урала нас было трое: Вениаминов, Канатчиков и я.

В. И. Ленин и Н. К. Крупская встретили нас просто и радушно. Каждого из нас Владимир Ильич расспросил о партийной работе, настроении рабочих, об успехах и трудностях. В своих наводящих вопросах и репликах он как-то незаметно наметил цели нашей деятельности. Затем разговор зашел о предстоящем съезде, о его задачах, о борьбе с меньшевиками за развитие революции, против их тенденции спустить ее «на тормозах», свести к буржуазным реформам, к парламентской, мирной деятельности. Ленин наметил для нас и конкретный план широкой организаторской работы, заключавшийся в создании сильных большевистских организаций в крупных пролетарских центрах страны, воспитании вожаков из

рабочей среды, расширении связей и влияния среди крестьянства.

Ленин подробно расспрашивал нас и о боевых дружинах. Одобряя развернутую в этом направлении работу на Урале, он особенно указал на необходимость тесной связи дружин с партийными организациями, на важность широкой подготовки рабочих масс к вооруженным действиям во время восстания.

Владимир Ильич не забыл сделать замечания и насчет того, как важно соблюдать конспирацию, посоветовал сменить наши синие и черные косоворотки на манишки и котелки, чтобы походить на рабочих европейских стран и своим видом не выделяться за границей.

Беседа закончилась дружеским чаепитием с баранками за кухонным столом.

Эта встреча осталась незабываемой для каждого из нас на всю жизнь, и не однажды, вспоминая о ней, мы чувствовали прилив новых сил в трудные минуты жестокой борьбы.

Через несколько дней мы добрались до Стокгольма, где должен был работать съезд. Он открылся 10 апреля в здании Народного дома, предоставленном делегатам шведскими социал-демократами.

Нашу фракцию большевиков на съезде возглавлял Ленин. Его руководство отличалось демократичностью, все резолюции подготовлялись коллективно, все поправки к казуистически составленным резолюциям меньшевиков обсуждались на бюро фракции и ее общих собраниях. Владимир Ильич, сам выступавший по многим вопросам повестки дня съезда, выдвигал ораторов от большевиков, помогал им готовиться к выступлениям. Я помню, со мной произошел такой случай. В бюро фракции я предложил поправку к проекту резолюции об обязательной ответственности депутатов парламента перед партийными организациями, которые их выдвинули. В. И. Ленин сразу же поддержал поправку и дал совет, как лучше защитить ее.

При обсуждении проекта на меня обрушились меньшевики во главе с Плехановым. Последний едко высмеивал мое предложение, высокомерно называл его «требованием ответственности депутата парламента перед организацией Чухломы». Но Ленин не только поддержал поправку, но потребовал проведения поименного голосования по ней и права в случае необходимости занести особое мнение по этому вопросу. Этим правом он немедленно и воспользовался. Тут же на заседании он написал свое особое мнение, в котором принципиально обосновал одно из важнейших положений думской тактики большевиков — об ответственности парламентариев перед революционной партией рабочего класса. В. И. Ленин после окончания работы съезда напутствовал нас бодрыми словами: «Мы наверняка победим, ибо мы правы». Он настаивал, чтобы мы, вернувшись в Россию, в идейной борьбе отмежевывались от меньшевиков, сплачивали рабочий класс вокруг идей большевизма в крепкую армию. С этим ленинским напутствием мы, большевики, разъехались со съезда.

Большевики Уфы встретили полным одобрением нашу позицию на съезде. Комитет предложил мне представить письменный отчет делегата и быстро издал его в виде брошюры. Распространенная в заводских партийных организациях, она облегчила проведение кампании по отчету о съезде, широко развернувшейся в июле 1906 года.

К этому послесъездовскому периоду относится начало широкой работы большевиков среди татарского населения Южного Урала. Была выпущена серия листовок. Специальная листовка была обращена к грузчикам-татарам, которых много работало на железной дороге и в речных пароходствах. Из-за отсутствия татарского шрифта листовки первоначально печатались на гектографе. Активно вела эту работу группа учащихся Татарской учительской семинарии под руководством казанского партийного работника Хусаина Ямашева. Последнему удалось установить связь с татарской типографией в Оренбурге и наладить издание революционной литературы на татарском языке типографским способом. К концу года Ямашеву удалось организовать выпуск газеты «Урал»[1] и большевистских пропагандистских брошюр.

Летом 1906 года развернулась кампания по подготовке 2-й уральской областной конференции РСДРП. В ходе ее в партийных организациях горячо обсуждались вопросы об участии партии в выборах во II Государственную думу, предложения большевистских центров, Ленина о созыве экстренного партийного съезда.

В решении важных вопросов партийной тактики Уфимский комитет сыграл заметную роль. В значительной степени этому способствовало создание летом 1906 года подпольной типографии, которая могла печатать не только листовки, но и газету. Первый номер ее под названием «Уфимский рабочий» вышел 8 октября. Эта газета выходила потом довольно регулярно (иногда еженедельно) до начала 1908 года. Шрифт для нее был добыт членами боевых дружин в уфимских типографиях.

Из конспиративных соображений 2-я областная конференция была созвана в Вятке. И хотя на нее прибыли делегаты не от всех парторганизаций, тем не менее было представлено свыше 4 тысяч членов партии, что говорило о быстром росте численности членов РСДРП на Урале после Стокгольмского партийного съезда. На конференции присутствовали делегаты от Уфимской, Екатеринбургской, Пермской, Вятской, Челябинской, Тагильской, Ижевской и Воткинской организаций РСДРП. Я был избран на конференцию уфимской парторганизацией. Порядок дня ее свидетельствовал о новых задачах, вставших перед партийными организациями. Обсуждались вопросы тактики на выборах во II Государственную думу, борьбы за созыв экстренного партийного съезда, рекрутской кампании. Сразу же после окончания конференции

[1] *«Урал»* — первая легальная большевистская газета на татарском языке. Издавалась в Оренбурге с 4 (17) января по 2 апреля (10 мая) 1907 года. В № 2 перепечатана статья В. И. Ленина «Кого выбирать в Государственную думу?» *Ред.*

Уфимский комитет включился в работу по претворению в жизнь ее решений.

Уже в ноябре 1906 года в газете «Уфимский рабочий» появились статьи о подготовке к выборам во II Думу. При этом газета указывала, что большевики идут в Думу не для мирной деятельности, а для борьбы с самодержавием, разоблачения предательства либеральной буржуазии, стремившейся к соглашению с царем.

В Уфимской губернии, преимущественно крестьянской, выборы во II Государственную думу не принесли большого успеха большевикам. На губернском избирательном собрании РСДРП представляли всего 10—12 выборщиков (из 140 представителей всех партий). Но и при таком неблагоприятном соотношении сил благодаря популярности организаций нашей партии на Урале с помощью голосов выборщиков от крестьян депутатом Думы был избран И. Д. Серебряков — представитель социал-демократии Южного Урала по рабочей курии.

Успешнее прошли для РСДРП выборы в Думу в Пермской губернии. По рабочей курии социал-демократы имели абсолютное большинство выборщиков — 130 из 180. В Государственную думу были избраны от РСДРП три большевика: Е. А. Петров, А. А. Шпагин и В. А. Чащин.

Вскоре рабочие открыто провожали своих избранников в Петербург на заседания Думы. В городах Уфе, Перми, на заводах рабочие вышли на демонстрации с красными знаменами; депутатам давались наказы отстаивать интересы трудового люда, бороться за землю и свободу для народа.

Партийные организации Урала бурно росли и крепли. На 3-й уральской областной конференции РСДРП, проходившей в феврале 1907 года, было представлено уже свыше 7 тысяч членов партии. Причем ряд организаций, объединявших еще 2,5 тысячи членов, не смогли послать своих делегатов на конференцию вследствие арестов.

Еще в середине лета 1906 года к нам на Урал прибыли несколько опытных профессиональных партийных работников. Среди них были Ф. А. Сергеев (Артем), Д. Н. Бассалыго (Игнат), К. Н. Бассалыго (Иван), М. Н. Лядов, представитель большевистского центра. Такое подкрепление как-то компенсировало наши потери, выразившиеся в том, что в июле в Перми были арестованы Я. М. Свердлов, К. Т. Новгородцева и некоторые другие уральские руководящие работники. Партийные организации Урала в своей деятельности твердо следовали ленинским революционным принципам, в упорной повседневной борьбе закладывали основы большевистской крепости на Урале.

Областная конференция не только подвела итоги прошедшей борьбы, но и организовала такое важное общепартийное дело, как выборы делегатов на V (Лондонский) съезд РСДРП. Выборы прошли очень организованно. От Урала на съезд был избран 21 делегат-большевик (в Стокгольме было только 4 делегата). На верхнекамских заводах делегатом на съезд был избран В. И. Ленин.

В Уфимской губернии, в особенности на южноуральских заводах, для массовых выступлений нередко использовались местные праздники, ярмарки, сельские сходы, кооперативные собрания.

В этой связи вспоминается такой случай. В июле 1906 года я с группой молодых членов боевой дружины пришел на Белорецкий завод, когда в поселке отмечался престольный праздник, была ярмарка. Мы разделились на две группы. Одна из них неожиданно нагрянула на квартиру к уряднику. Его застали за обедом после недавно закончившегося «крестного хода» и предложили не мешать закончить праздник с пользой для народа... А в это время стражники были уже окружены другой группой в помещении пожарного депо.

С помощью местных членов партии и рабочих мы взяли под охрану контору завода, где находился телефон, а на площади, в самом центре базара, быстро соорудили трибуну. Народ повалил на площадь. Здесь состоялся митинг, разбрасывались листовки, пелись революционные песни. Один за другим сменялись наши ораторы. Народ внимательно слушал. Шло свободное двухчасовое обсуждение текущего момента, а в конце митинга приняли резолюцию с требованием свободы, установления демократических порядков.

Подобных собраний проходило немало.

Еще более часто превращались в революционные митинги поселковые и сельские сходы и собрания кооперативов. Как правило, на них приходили в большинстве своем заводские рабочие, уже не раз слушавшие речи социал-демократических пропагандистов. А присутствовавший иногда на собрании мелкий полицейский чин был бессилен нам воспрепятствовать.

Продолжали действовать и наши боевые дружины. Их деятельность встречала открытое одобрение и сочувствие широких масс уральских рабочих. Они выделили из своей среды в партию и в ее боевые дружины наиболее смелых, развитых и решительных людей, которые не останавливались ни перед какими препятствиями и показали подлинные образцы революционного героизма.

На уральских заводах в то время нередким явлением были целые революционные семьи, в которых отцы и сыновья, матери и дочери участвовали в революционном движении. Такие семьи, как Заикины в Миньяре, Гузоковы в Симском заводе, дали революции стойких и преданных подпольных работников, самоотверженно боровшихся за торжество дела революции, партии Ленина.

По ленинскому пути. Воспоминания старых большевиков. М., 1972, с. 10—20

А. Г. Шлихтер

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ИЛЬИЧА НА ОТКРЫТОМ МИТИНГЕ В РОССИИ

Впервые я увидел Ильича в конце мая 1906 года. Для нас, местных подпольщиков, не бывавших в эмиграции и не работавших под его непосредственным руководством за границей, товарищ Ленин и тогда уже был не только и не просто Ленин, а именно Ильич. Его авторитет и обаяние как нашего большевистского вождя и товарища в лучшем смысле этого слова уже тогда прочно закрепили в нашей партии отношение к товарищу Ленину как к близкому, родному, нашему Ильичу.

Это был как раз момент наибольшего опьянения кадетов, конституционно-демократической партии нашей либеральной буржуазии, победой на выборах в I Государственную думу [1]. Две трети депутатских мест в созданном как уступка массовым выступлениям пролетариата и крестьянства в революционные дни 1905 года законодательном органе России оказались в руках либеральной буржуазии. Интеллигенция и чиновничество, мелкая буржуазия и городское мещанство, сельское учительство и отчасти духовенство — все они отдали свои голоса кадетской партии, обещавшей реорганизовать нагаечно-самодержавную Россию в конституционный цветник «народной свободы», где каждому общественному классу Государственной думой будет отведена порция всяческих хозяйственных и политических благ соответственно «великим» принципам «социальной справедливости для всех»; со всевозможными политическими свободами (печати, слова, собраний, неприкосновенностью личности и жилищ) и лишь с одним ограничением этих свобод: неприкосновенностью «священного» принципа собственности капиталистов и помещиков на средства и орудия производства, на землю.

---

[1] *Государственная дума* (так называемая виттевская Дума) была созвана 27 апреля (10 мая) 1906 года по положению, разработанному председателем совета министров С. Ю. Витте. Более одной трети мест в Думе принадлежало кадетам.

В Думе обсуждались, в числе других, вопросы о неприкосновенности личности, отмене смертной казни, свободе совести и собраний, равноправии граждан и др. Однако законопроекты по этим вопросам, внесенные преимущественно кадетами, представляли собой, по существу, «каторжные законопроекты и *против* свободы слова, и *против* свободы собраний, и против других хороших вещей» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 285). Но и эта Государственная дума была неугодна царскому правительству и разогнана 8 (21) июля 1906 года. *Ред.*

Но еще бурлили волны революционного подъема пролетариата, вырвавшего у правительства Николая II манифест 17 октября о «свободах». Еще велика была вера рабочих масс в возможность закрепления «напостоянно» 8-часового рабочего дня, явочным порядком установленного самими рабочими в революционные дни конца 1905 года; еще гулял «красный петух» по селам и деревням; еще не совсем оправилась в тот момент самодержавная власть от революционной встряски великой российской всеобщей октябрьской забастовки и московского Декабрьского вооруженного восстания, и, наконец, еще не были закончены жандармерией и придворной кликой тактические и иные меры для разгрома революции.

Замышляя удар, царское правительство временно нуждалось в поддержке так называемых «общественных» кругов, то есть той либеральной буржуазии, идеологами и выразителями которой являлись главенствовавшие в Государственной думе кадеты. Последние не заставили себя долго просить. Буржуазная пресса во главе с официальным органом кадетской партии «Речь» на всяческие лады обсуждала и смаковала «неизбежность» сотрудничества правительства с «обществом» путем участия в министерстве представителей, пользующихся «общественным доверием». По Петербургу гуляла молва о знаменитой «чашке чая» кадетов у правительства: так был окрещен секретный визит лидера кадетской партии Милюкова к градоначальнику генералу Трепову, автору знаменитого приказа «патронов не жалеть» по адресу бастующих рабочих.

Готовясь к соглашению с придворной кликой, кадетская партия занялась усиленной обработкой общественного мнения через газетную кампанию и на открытых митингах и собраниях. На одном из таких собраний я и встретился с Ильичем. Это было в Народном доме Паниной [1]. Собрание было одним из самых многолюдных, какие мне довелось видеть в то время в Петербурге. Все места и подоконники были заняты. У стен и во всех проходах — плотно сгрудившиеся тела. Преобладала «чистая» публика: городская интеллигенция, петербургская «демократия», но было очень много и рабочих. Докладчиком выступал довольно известный в свое время кадет В. В. Водовозов.

Слушали его с напряженным вниманием.

Вдруг в среднем проходе началось какое-то движение: это пробирается поближе к трибуне небольшая группа слушателей, среди которых выделяется чей-то высокий лоб и большая лысина. До трибуны остается еще 10—15 шагов, но группа останавливается: дальше продвигаться не допускает сплошная масса тел. Я замечаю в группе кое-кого из знакомых товарищей. Помню, были там товарищи И. П. Гольденберг-Мешковский и В. Р. Менжин-

[1] Речь идет о митинге 9 (22) мая 1906 года, на котором В. И. Ленин под фамилией Карпова выступил по вопросу об отношении к Государственной думе. *Ред.*

ская. Меня тоже заметили, что-то говорят незнакомому мне товарищу и зовут к себе. Я с трудом пробираюсь к ним боковым проходом.

— Ильич,— шепчет мне на ухо кто-то из товарищей.

Я чувствую крепкое, энергичное рукопожатие, вижу чудесную, ласково-приветливую улыбку и искрящиеся, пронизывающие огоньком глаза.

— Записались?

Так умел спрашивать только Ильич: спрашивая, он сам же подсказывал ответ своими глазами, голосом, жестикуляцией.

— Нет,— был мой ответ.

— Запишитесь непременно, вот тезисы для выступления.

И опять только Ильич умел так организовывать всякое дело — большое или маленькое, за которое он лично брался: все взвешено, рассчитано, продумано, заранее подготовлено.

Точный текст этих тезисов в моей памяти не сохранился, но общий смысл тезисов сводился к разоблачению подготовляемого кадетами совместно с правящей бюрократией натиска на рабочий класс и крестьянство для ликвидации революции и для «конституционного» ограничения вырванных у царизма реформ рамками, которые обеспечивали бы лишь интересы буржуазии и помещиков, но отнюдь не трудящихся масс.

Доклад окончен. Открываются прения. Проходят два-три оратора; они рассказывают о кадетской «чашке чая» у Трепова и о состоявшемся тайном соглашении между кадетской партией и правительством.

Слово предоставляется члену Государственной думы от Костромской губернии Н. А. Огородникову. Это «левый» кадет, адвокат. Он взял слово для того, чтобы разъяснить «недоразумение». Никакого, дескать, соглашения с правительством не было, а были лишь переговоры частного, осведомительного характера с одним из представителей власти, и то по инициативе этого представителя. Усматривать политическое предательство в таких переговорах — это значит прибегать к «демагогическим выпадам» по отношению к противникам.

...Говорит Огородников красиво, без запиночки и с уверенностью, подкрепляя время от времени свою аргументацию нотками пафоса и задушевности.

Шум аплодисментов: «Браво, браво». Одна часть аудитории возбуждена и шумно торжествует. Другая часть смущена, обескуражена. «Ведь, пожалуй, и в самом деле Огородников прав: переговоры и соглашение — это разные вещи...»

Ильич — весь внимание и наблюдение. Слушая Огородникова, он улыбается своей особенной, хитроватой улыбкой; глаза смеются тем характерным затаенным смешком, каким нередко поглядывал Ильич на того, кому он собирался дать надлежащую отповедь.

Еще до выступления Огородникова Ильич под фамилией Карпова послал записку с просьбой о слове. Высказалось еще несколько ораторов, но Карпова не вызывают.

Ильич волнуется.

— Надо бы узнать, записали ли меня,— говорит он.

Кто-то из нашей группы пробирается к трибуне за справкой. Оказывается, что председатель затрудняется предоставить слово какому-то совершенно неведомому Карпову. Ему дали понять, что это виднейший представитель партии большевиков.

— Слово имеет Карпов.

И вот Ильич на трибуне. Аудитория вначале равнодушно смотрит на маленькую, приземистую фигуру Ильича. Она его не знает, он пока для нее только очередной оратор, не больше. Но вот Ильич заговорил:

— По словам Огородникова, не было соглашения, были лишь переговоры. Но что такое переговоры? Начало соглашения. А что такое соглашение? Конец переговоров.

Я хорошо помню то изумление от неожиданности, какое охватило всех, положительно всех слушателей от этой столь простой, но такой ясной, чеканной формулировки сущности спора. Еще несколько фраз, несколько исторических справок о переговорах, завершавшихся соглашением и сделками,— и в огромном зале наступила та характерная, особенная тишина, которая обыкновенно бывает лишь в тех случаях, когда слушатели замирают в напряженном внимании к тому, кто говорит. В кратких, но точных выражениях Ильич дал анализ классовых интересов буржуазии в данный момент, он доказал контрреволюционную сущность ее партии «народной свободы» и объективную неизбежность открытого поворота этой партии против пролетариата и крестьянства с того момента, когда буржуазии удастся сговориться с самодержавным правительством о разделе власти.

За чашкой чая у Трепова начался торг, направленный к скорейшему удушению революции 1905 года. Как только этот торг увенчается успехом, рабочему классу и крестьянству грозит не только потеря... достижений, осуществленных явочным порядком в дни революционного подъема, как, например, 8-часовой рабочий день, право на открытые собрания, организацию профсоюзов и т. д., но и свирепая расправа.

Вот почему, говорил Ленин, мы должны неустанно разоблачать перед трудящимися массами контрреволюционную сущность либеральной буржуазии и всяческих ее приспешников и внедрять в сознание рабочих мысль, что только рабочий класс в союзе с крестьянством, руководя его борьбой за землю, сможет предупредить контрреволюционные замыслы буржуазии и продолжать борьбу за доведение буржуазно-демократической революции 1905 года до победоносного конца.

Ильич не говорил как будто ничего нового сравнительно с тем, что можно было встретить в газете большевиков, выходившей в Петрограде. А между тем то, что говорил «неизвестный» Карпов, приковывало, захватывало новизной и неожиданностью не только массовых слушателей аудитории, которые наших газет или совсем не читали, или читали их от случая к случаю, но и меня.

Подвижность Ильича на трибуне, его умение удивительно просто, гениально просто выделить самое главное, самую суть вопроса, его жестикуляция, его глаза, светящиеся то добродушным юмором, то суровой сосредоточенностью, и, наконец, совершенно исключительное богатство и разнообразие его интонаций — все это захватывало слушателей, не сводивших с него глаз.

Прошло несколько минут, и тишина начала прерываться шумными аплодисментами, торжествующими возгласами. Среди слушателей произошел крутой перелом настроения: глаза тех, которые смущенно посматривали по сторонам после выступления Огородникова, горели огнем возбуждения, радости, надежды. «Накось выкуси!» — казалось, хотели сказать они тем, которые после выступления Огородникова чувствовали свою победу, а теперь конфузливо молчали.

Огромный митинг был завоеван большевистской аргументацией Ильича и с большим единодушием и громадным большинством голосов принял следующую резолюцию по докладу Карпова-Ленина:

«Собрание обращает внимание всех граждан на то, что, организуя погромы и непрестанно усиливая полицейский и военный произвол, самодержавное правительство явно глумится над народным представительством и готовится насилием ответить на всеобщее требование свободы, на требование земли крестьянством.

Собрание заявляет, что партия «народной свободы» (к.-д.) выражает лишь робко и неполно народные требования, не выполняет своего обещания объявить созыв всенародного учредительного собрания. Мы предостерегаем народ от этой партии, которая колеблется между народной свободой и угнетающей народ старой самодержавной властью.

Собрание призывает крестьянскую («Трудовую») и рабочую группу в Государственной думе выступать решительно, совершенно независимо от к.-д., каждая с своими самостоятельными требованиями, и заявлять полностью требования народа.

Собрание обращает внимание всех, ценящих дело свободы, на то, что поведение самодержавного правительства и полная неудовлетворенность крестьянских и общенародных нужд делают неизбежной решительную борьбу вне Думы, борьбу за полную власть народа, единственно способную обеспечить свободу и нужды народа.

Собрание выражает уверенность, что пролетариат по-прежнему будет стоять во главе всех революционных элементов народа»[1].

Великие, незабываемые дни. Сборник воспоминаний участников революции 1905—1907 годов. М., 1970, с. 208—213

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 93—94. *Ред.*

С. П. Тодрия

ВОСПОМИНАНИЯ РЯДОВОГО ПОДПОЛЬЩИКА

Память воскрешает эпизоды из жизни рядовых подпольщиков, которые под руководством В. И. Ленина вели свою скромную работу, чтобы из «Искры» возгорелось пламя.

Мне, рядовому подпольщику, посчастливилось видеть и слышать Ленина.

Впервые я увидела и услышала Владимира Ильича в 1906 году в Петербурге [1]. Он выступал с рефератом по одному из острейших вопросов нашей революции — по аграрному вопросу. На этом собрании присутствовали люди различных политических взглядов: кроме большевиков немало собралось и меньшевиков. Были эсеры. Но как ни различна была по своему составу аудитория, Ленин приковал внимание слушателей к основным вопросам аграрной программы социал-демократов большевиков [2]. Говорил Владимир Ильич обоснованно, убедительно. Каким обличением существующего строя прозвучали его доводы о неизбежности аграрной революции в России. Ленин доказывал, что аграрный вопрос составляет основу революции, ее национальную особенность.

Меня поразило его умение удивительно просто и ясно говорить о самых сложных вопросах. Держался он так непринужденно, что сразу же создавалась обстановка тесного контакта с аудиторией.

Владимир Ильич очень остро критиковал меньшевистскую аграрную программу — так называемую муниципализацию земли. Он показал ее основной порок и полную непригодность, охарактеризовал ее как «нечто среднее между настоящей аграрной революцией и кадетской аграрной реформой»[3]. Владимир Ильич приводил

[1] В. И. Ленин выступил на дискуссии с меньшевиками и эсерами по аграрному вопросу в марте 1906 года в правлении петербургского союза инженеров. *Ред.*

[2] В аграрной программе, разработанной В. И. Лениным, выдвигались требования конфискации всей помещичьей земли без выкупа, а при условии завоевания демократической республики — и национализации всей земли, которая, отменив частную собственность на землю, явилась бы на практике мощным ударом по частной собственности вообще. В. И. Ленин оценивал национализацию всей земли при условии свержения самодержавия и полной победы демократической революции «как естественный и необходимый шаг вперед от победы буржуазного демократизма к началу настоящей борьбы за социализм» (Полн. собр. соч., т. 12, с. 265). *Ред.*

[3] Меньшевистская аграрная программа муниципализации означала передачу помещичьей земли в распоряжение местных органов самоуправления (муниципалитетов), у которых крестьяне должны были арендовать землю. Меньшевики сеяли вредные иллюзии о возможности разрешить аграрный вопрос мирным путем, при сохранении самодержавия. *Примеч. авт.*

убедительные сравнения и данные об обострении классовой борьбы в деревне. Он находил очень меткие слова и народные поговорки, вызывая горячее одобрение слушателей. Большинство присутствовавших на реферате шумно выражало свое одобрение и согласие с теми положениями, которые выдвинул Владимир Ильич Ленин.

Одним из оппонентов по докладу Ленина выступал эсер И. И. Бунаков. Его попытки опровергнуть доводы Ленина успеха не имели. Характерна такая деталь: когда Бунаков стал нападать на отдельные положения, высказанные Лениным, большинство шумно выражало свое возмущение и протест. Владимир Ильич просил не мешать оратору и дать ему возможность высказать до конца все, что он считает нужным. Сам Ленин слушал его спокойно и очень внимательно. Мы поняли, что это правильно, так как выдержка и умение выслушать нападки идейных противников дает возможность с большим успехом разбить их. Так и вышло. Ленин до конца выслушал оратора, а затем спокойно и остроумно разбил доводы эсера.

Второй раз я встретилась с Владимиром Ильичем Лениным в начале лета 1907 года [1]. Это было трудное для партии время. Все больше и больше поднимала голову контрреволюция. Царское самодержавие обрушило все силы черной столыпинской реакции на партию и рабочий класс.

В этих труднейших условиях Владимир Ильич учил нас, большевиков, не падать духом, а еще упорнее идти к намеченной цели, сообразуясь с конкретной обстановкой. Возможности легальной работы для большевиков были в то время крайне ограниченны. И Ленин говорил, что надо, не отказываясь от использования легальных возможностей, уйти в глубокое подполье и продолжать революционную борьбу. Ленин вселял в нас веру в неизбежность нового революционного подъема, к которому партия должна готовиться, объяснял, как крепить связь с массами, воодушевлять их.

В это именно время группа большевиков была по указанию Петербургского комитета партии направлена из Петербурга в Выборг для работы в нелегальной типографии, где печаталась газета «Пролетарий». Газета выходила под редакцией Ленина. В группу вошли опытные большевики-подпольщики: Вано Стуруа, Вано Болквадзе, Караман (Ушанги) Дэаши, Макарий Гогуадзе, Сильвестр Тодрия и другие товарищи, работавшие в бакинских нелегальных типографиях. В составе группы была и я.

Мы приехали в Выборг поздно ночью: поезд опоздал. Соблюдая необходимые правила конспирации, пришли на явку — в квартиру Евгении Самойловны Шлихтер, которая работала корректором в подпольной типографии. Оказалось, что она нас ждала и, не дождавшись, отправилась куда-то по партийному заданию, поручив сыну принять нас. Сын Евгении Самойловны сказал, что мы

[1] В. И. Ленин находился в Выборге около двух недель в августе 1906 года в связи с организацией нелегальной большевистской газеты «Пролетарий», постоянно бывал в доме Шлихтера. *Ред.*

должны подождать прихода матери. Но мы хотели скорее добраться до типографии, тем более что привезли из Питера шрифт, в котором типография «Пролетария» очень нуждалась. Мы стали довольно громко выражать беспокойство.

В комнате кроме сына Шлихтера находился незнакомый нам мужчина средних лет. Он читал газету и только иногда отрывал глаза от нее и окидывал нас внимательным взглядом. Неожиданно незнакомый товарищ, видя наше беспокойство, заговорил и вызвался проводить нас до типографии. Мы насторожились, но сын Евгении Самойловны кивнул нам головой в знак того, что товарищ, мол, человек надежный и ему можно доверять. Мы согласились. Незнакомец предупредил нас о предосторожностях, которые нужно соблюдать по дороге в типографию. Мы были предупреждены также о том, что он пойдет от нас в отдалении и будет подавать сигналы. Время было позднее. Мы шли, внимательно следя за знаками своего провожатого. Вскоре мы благополучно добрались до места и на следующий день включились в работу типографии.

Систематически, два раза в неделю, к нам в типографию от Владимира Ильича приезжал товарищ, которого звали Михаилом Сергеевичем (фамилию его я забыла), и привозил его статьи для «Пролетария». Набирать и печатать эти материалы было большой радостью. Они ориентировали нас, первых читателей газеты, по сложнейшим вопросам политики партии.

Ленин очень заботился о работниках типографии, интересовался нашей жизнью и условиями работы.

Каждый раз, когда Михаил Сергеевич привозил от Ленина материал для газеты, он говорил: «Ильич вас приветствует, товарищи. Сердечный привет от Ильича». Нас очень трогало внимание Ленина. Все мы мечтали о том, чтобы повидать его лично, поговорить с ним. Когда я об этом заговорила с Евгенией Самойловной Шлихтер, она весело рассмеялась и сказала: «Да ведь вы здесь его видели и говорили с ним». Я ахнула — оказывается, незнакомец, который проводил нас в типографию, был Владимир Ильич Ленин. В целях конспирации он был так искусно загримирован, что я его не узнала...

О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы. М., 1963, с. 60—62

Е. М. Ярославский

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ РУКОВОДИТ БОЕВОЙ РАБОТОЙ ПАРТИИ

(Страничка из истории военных и боевых организаций нашей партии)

Осенью 1906 года перед нами, работниками военных организаций, остро встал вопрос о дальнейших формах работы. Мы чувствовали, что у некоторой части социал-демократов начинается поворот в сторону ликвидации этой работы: дескать, все равно ничего не выйдет. А с другой стороны, мы имели огромный стихийный рост революционных настроений в армии и во флоте. Была громадная опасность, что все это революционное кипение и брожение выльется в беспорядочные и бесплодные, растрачивающие силы революционные вспышки, бунты. Это и на самом деле в значительной степени было так. Нужно было во что бы то ни стало работникам военных организаций сговориться между собой, сговориться с руководящими органами нашей партии, наметить формы связи и объединения всей этой работы. В то же время необходимо было придать большую четкость тем попыткам создать боевые организации, которые мы наблюдали в разных местах.

Вопросы вооруженного восстания стояли перед нами еще во весь рост. Лозунгу меньшевиков: «Не надо было браться за оружие» — большевики противопоставляли другой лозунг: «Надо подготовиться лучше, чем это было, к новому восстанию». В городах велась огромная работа по созданию боевых дружин. Эти боевые дружины собирали наиболее смелых, наиболее революционных, рвущихся в бой, готовых на самую решительную борьбу рабочих. Но они искали живого дела, непосредственной борьбы. Во многих местах — на Урале, в Прибалтийском крае, на Кавказе, в больших городах — эти боевики, боевые дружины пробовали свои силы в нападениях на участки, в отдельных террористических актах, в захвате оружия, в экспроприациях. Необходимо было и здесь внести ясность в задачи боевых дружин, боевых организаций.

Естественно, у рабочих боевых организаций возникла мысль о том, что надо связать воедино всю подготовительную работу к восстанию, связать деятельность боевых организаций и военных. Многие товарищи усиленно изучали военное дело, минноподрывное, изучали химию взрывчатых веществ (в этом отношении большую помощь нам оказывал покойный товарищ Павел Карлович Штернберг, кажется, бывший тогда профессором астрономии). В отдельных городах, как в Москве например, возникли во второй

половине 1906 года такие объединяющие центры, как военно-техническое бюро.

Одновременно у разных товарищей возникла мысль о созыве всероссийской конференции военных и боевых организаций. Мы несколько раз собирались и после одного из совещаний наметили, что мы в конце 1906 года соберем конференцию военных и боевых организаций в Финляндии, в городе Таммерфорсе[1].

Всем известно, какую положительную оценку дал работам этой конференции Владимир Ильич, как он внимательно отнесся к вопросам, которые были подняты на этой конференции.

Прежде чем выехать на конференцию, я решил повидать Владимира Ильича. С большими предосторожностями, получив в столовой Технологического института, кажется у товарища Богдановой, указание о том, как и когда с ним встретиться, я приехал в Финляндию, где и встретил Владимира Ильича, который буквально засыпал меня вопросами. Я сразу почувствовал, что передо мной товарищ, который до тонкости знает всю нашу работу и серьезно ею интересуется. Владимир Ильич не довольствовался общими ответами, он хотел знать подробности, механику всей нашей работы, дальнейшие наши планы, наши связи. Он живо интересовался нашим опытом постановки военно-инструкторской школы, где мы обучали наших боевиков обращению с взрывчатыми снарядами, изготовлению взрывчатых снарядов, обращению с пулеметами и другими видами оружия, миннoподрывному делу, изучали тактику уличной борьбы — одним словом, готовили будущий командный состав наших боевых дружин для будущей революции. Чего больше всего боялся Владимир Ильич, это чтобы мы не бросились в какую-нибудь авантюру. Он самым тщательным образом расспрашивал меня, не затеваем ли мы какого-нибудь выступления, предупреждал, чтобы всякий сколько-нибудь серьезный шаг мы делали бы только с ведома большевистского центра; расспрашивал самым подробным образом о том, как мы организовали эту конференцию, нет ли опасности, что там будут проведены меньшевистские резолюции (так как мы предполагали, что на этой конференции будет и кое-кто из меньшевиков).

Я упрашивал Владимира Ильича побывать на этой конференции. Позднее мы написали даже ему письмо от имени Бюро военных и боевых организаций по созыву этой конференции[2]. Он ответил нам на наше приглашение письмом, которое, к сожалению,

---

[1] Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП состоялась в Таммерфорсе 16—22 ноября (29 ноября — 5 декабря) 1906 года. На конференции присутствовали 19 делегатов с решающим голосом и 9 — с совещательным от 11 военных и 8 боевых организаций. В своих решениях конференция подчеркнула необходимость установить тесную связь между общепролетарскими военными и боевыми организациями для подготовки и проведения вооруженного восстания. *Ред.*

[2] В январе 1906 года по инициативе ЦК РСДРП при Московском бюро ЦК было создано Военно-техническое бюро (МВТБ). Оно установило связь с боевыми дружинами, организовало военное обучение рабочих и подпольное производство боеприпасов. *Ред.*

не сохранилось, но содержание которого я отчетливо помню и сейчас. Он благодарил за приглашение, высказал свое положительное отношение к конференции, считая ее чрезвычайно важной, одобрил порядок дня конференции и вместе с тем очень осторожно, но очень настойчиво предостерегал нас от каких-либо решений, которые расходились бы со всей нашей принципиальной большевистской линией. Позднее на эту конференцию Владимир Ильич все-таки послал товарища, который должен был в случае чего одернуть нас,— это был покойный товарищ Любич (Саммер), которому, однако, не пришлось внести какие-нибудь существенные изменения в наши решения.

Эта встреча с Владимиром Ильичем рассеяла у меня то настроение, с которым я ехал к нему. И мне, и многим другим товарищам казалось, что мы все, боевики и военные работники, делаем какое-то дело, которое партия считает недостаточно серьезным, второстепенным, недостаточно серьезно к нему относится. Это объяснялось конспиративностью обстановки нашей работы. Разговор с Владимиром Ильичем убедил меня в том, что мы делаем дело, нужное партии, важное для партии. Я уехал от Владимира Ильича буквально окрыленный. Мы знали, что Центральный Комитет (меньшевистский) нам будет всячески препятствовать в созыве этой конференции, что он попытается сорвать ее, что ему не по душе наша работа. Заручившись поддержкой Ильича, мы чувствовали себя уверенно, твердо. Мы знали, что наши решения найдут поддержку у большевиков, и в то же самое время мы ехали на эту конференцию с мыслью о том, что всю нашу работу мы должны строить таким образом, чтобы согласовать ее со всей нашей большевистской линией.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. М., 1984, т. 2, с. 229—231

М. Н. Лядов

КОНФЕРЕНЦИЯ ВОЕННЫХ И БОЕВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РСДРП

По приглашению Московского и Петербургского комитетов я принимал участие в первой конференции военных и боевых организаций. Мне было поручено сделать на этой конференции доклад о текущем моменте. Конференция должна была состояться в Финляндии, в Таммерфорсе. Само собой разумеется, что она должна была быть созвана очень конспиративно. Ведь почти всем участникам конференции в случае ареста грозила петля. Особенно важно было соблюдать большую осторожность, так как вокруг проекта созыва такой конференции меньшевики подняли настоящий вой. Инициативу созыва такой конференции взяла на себя питерская военная организация, конечно с ведома ЦК и нашего большевистского центра. ЦК запретил созыв боевых организаций. Он считал вообще необходимым ликвидировать всякую боевую подготовку и все боевые организации. ЦК вел переговоры с легальнейшими кадетами, хотел всю партию прилизать на парламентский лад, а тут вдруг боевые организации, разговоры об эксах, о терроре, о партизанских выступлениях и прочей нечисти. За это хорошие господа по головке не погладят, того гляди, Милюков откажется входить в соглашение.

Чтобы сохранить видимость «революционности», ЦК согласился на, созыв конференции военных организаций, которые должны были обсудить исключительно вопрос о работе в войсках. На эту свою конференцию он собрал только 8 военных организаций. Ни одного вопроса, действительно связанного с учетом опыта нашей боевой деятельности во время пережитых восстаний, эта меньшевистская конференция не обсудила. Конечно, нас сердитые вопли меньшевистского ЦК остановить не могли. ПК и МК взяли на себя инициативу созыва конференции военных и боевых организаций. Было создано специальное организационное бюро, которому удалось добиться представительства от 11 военных и 8 боевых организаций, от МК и ПК, от нашего большевистского центра и от редакции газеты «Казарма». Всего на этой конференции участвовало 28 человек, кроме того, участвовали представители от финских красногвардейцев.

Когда я приехал в Таммерфорс, мне сразу бросились в глаза две подозрительные фигуры, которые при виде меня о чем-то пошептались. Один из них пошел за мной. В вагоне и при посадке

я очень осторожно и внимательно следил за всеми пассажирами и не замечал ничего подозрительного, а тут явно следят за мной. Я начал бродить по городу, чтобы отделаться от шпика, но, несмотря на то что исходил очень много, заходил даже за город, в лес, шпик не отставал от меня ни на шаг. Я решил, что делать нечего, надо идти предупредить на явке, что, очевидно, конференция прослежена, что надо переносить ее в другое место. Явка была назначена в местной социал-демократической редакции. Таким образом, зайдя на явку, я не рискую провалить ее. Но предупредить о слежке необходимо, тем более что подцепил шпика я именно здесь, а не привез его с собой.

Сказав пароль на явке и получив условленный ответ, я сейчас же сообщил финскому товарищу, что меня шпик проводил до самой редакции.

— Ну что же,— невозмутимо ответил он мне,— это хорошо, это так и должно быть.

Я вскипел и горячо начал убеждать товарища, что это совсем не хорошо, это значит — конференция выслежена.

— Нет, это только значит, что наши сыщики хорошо работают. Они должны встречать каждого приезжего русского и проследить, куда он идет. Если он пошел на явку, то его оставят в покое, если он не пошел на явку, то, значит, он шпион и за ним будут следить и, если нужно, арестуют или убьют. На этот счет у нас будет спокойно, у нас хорошо организовано: ни один русский шпион не попадет сюда, если только он не знает вашей явки и вашего пароля.

К моему удивлению, я узнал, что конференция наша организована с ведома и при содействии местной полиции, и в частности сыскного отделения. Слежка установлена, начиная от Гельсингфорса, за каждым русским, едущим по направлению к Таммерфорсу.

Была организована также слежка за передвижением войск из Гельсингфорса. Если б жандармы или войска направлялись в это время к Таммерфорсу, в определенном месте путь был бы взорван дежурившими во все время конференции финскими красногвардейцами, мы были бы предупреждены об опасности и имели бы время на заготовленной моторной лодке уйти в море и перебраться в Швецию. Так что в отношении безопасности конференция была организована прямо блестяще [1].

За время конференции в Таммерфорс прибыли трое подозрительных русских. Двое из них, как только поселились в гостинице, были арестованы полицией, так как их паспорта показались полиции подозрительными. Их выпустили из тюрьмы лишь через несколько дней после того, как уехал последний участник конфе-

[1] В 1906 году в Финляндии еще сохранялись отдельные элементы автономии, что было использовано большевиками. При посредстве финских и шведских социал-демократов осуществлялись нелегальная переправа через финскую территорию транспортов оружия, литературы, переезд за границу или возвращение русских политических эмигрантов, созыв конференций. *Ред.*

16 Заказ 4835

ренции. К третьему нельзя было придраться. Все документы у него были в порядке. Но, как только он устроился в гостинице, к нему ввалился здоровенный финн-рабочий и очень обстоятельно растолковал ему, что в Таммерфорсе живет 30 тысяч рабочих, все они социал-демократы и все они очень не любят русских шпиков. Если он не хочет сегодня же очутиться в море, то пусть лучше с первым же поездом, который уходит через два часа, едет назад, в Питер. «Я тебя сам провожу до Гельсингфорса». Понятно, субъект не стал упрямиться и уехал в сопровождении красногвардейца.

Чуть-чуть не попал в такую же переделку и член нашего большевистского центра Любич (Саммер). Он приехал поздно, когда уже началось заседание, и пошел туда, минуя явку. Через четверть часа после его прихода из зала заседания вызывают председателя (Лалаянца). Он возвращается очень смущенный и говорит, что начальник сыскной полиции просит разрешения войти в зал, он хочет показать нам одного русского шпиона, который пробрался к нам. Мы все очень встревожились, но в то же время было как-то странно допустить в зал начальника сыщиков, хоть и финляндских. Но присутствующие финны нас успокоили, заверив, что он вполне свой человек. Он вошел, подошел прямо к Любичу, кладет на него руку: «Пойдем, ты шпион, ты не был на явке». Мы, конечно, расхохотались и успокоили добросовестного служаку.

Работа военно-боевой конференции, несомненно, имела большое значение. В то время как меньшевики вместе с эсерами, спровоцировав отдельные частные выступления в Кронштадте, Свеаборге и Ревеле, с озлоблением начали говорить о неудачных вооруженных восстаниях, оплевывать всю боевую деятельность нашей партии, всячески открещиваться от боевиков, мы спокойно на этой конференции изучали опыт всех наших выступлений, подводили итоги всем нашим ошибкам и на основании этого изучения намечали дальнейшую работу партии по подготовке всероссийского вооруженного восстания. Надо иметь в виду, что как раз в это время значительная часть лучших, передовых рабочих, которая принимала активнейшее участие в боевой деятельности, теперь с трудом мирилась с будничной «мирной» работой. Примеры Кавказской боевой дружины во главе с Камо (Тер-Петросяном), Уральской, технического бюро при ЦК ясно показывали, что там, где партийная организация не открещивалась от боевой деятельности, боевые дружины оказывали громадные и важнейшие услуги всей партии.

Решение Стокгольмского съезда, запретившее экспроприацию казенного имущества, как бы признавало, что мы уже вышли из периода гражданской войны, что мы отказываемся от революционной борьбы с царским правительством. Это решение вызвало громадное недовольство среди большевиков, и в особенности среди боевиков, которым на деле приходилось продолжать борьбу с оружием в руках. Во многих местах партийные организации совершенно упустили из своих рук контроль над боевыми операциями, слагали с себя всякую ответственность за них, хотя нередко поль-

зовались услугами тех же боевиков. Вот это двусмысленное положение, в какое попали боевые организации, состоящие сплошь из партийцев, внесло страшный сумбур в их ряды. Рискуя постоянно своей жизнью, продолжая начатую в 1905 году партизанскую борьбу, нанося непрерывные чувствительные удары правительству, втягивая в боевую деятельность широкие массы рабочих и крестьян, они в то же время как бы извергались из рядов партии, отталкивались от родной для них среды партийных работников. Я глубоко убежден, что вот этот подход к боевикам больше всего повинен в разложении и деморализации, которые начали среди них наблюдаться.

Военно-боевая конференция наряду с учетом опыта наших восстаний и нашей работы среди войска нашла правильное решение вопроса о взаимоотношениях между партией и ее боевыми организациями. До тех пор, пока мы не считали революцию ликвидированной, пока мы, учитывая положение крестьян и рабочих, полагаем, что мы находимся еще накануне грандиозной вооруженной борьбы революционного народа с реакцией, партизанская война не может и не должна кончиться. Когда Ильич познакомился с протоколами нашей конференции, он решительно выступил в защиту ее от нелепых нападок со стороны меньшевистского ЦК.

Лядов М. Из жизни партии в 1903—1907 годах (Воспоминания). М., 1956, с. 188—192

В. Н. Соколов

ВОЕННОЕ ВОССТАНИЕ В СВЕАБОРГЕ В 1906 ГОДУ

...К лету 1906 года революционное брожение среди солдат Свеаборгской крепости и матросов с судов, базировавшихся на Свеаборгский порт [1], приняло такой сильный характер, что начальство ожидало новых волнений.

В этой связи большой интерес представляет следующее заявление коменданта крепости: «Я чувствовал, что на законной почве (дознания, следствия) бороться с пропагандой трудно, я чувствовал, что единственное, что может хоть отчасти вылечить крепость от этого зла,— это новый беспорядок (не скрою, я его ожидал)».

Эти слова коменданта крепости позволяют думать, что преждевременность восстаний не была случайностью: возможно, командование и непосредственно, и через провокаторов из эсеровской партии намеренно провоцировало их, понимая, что хорошо подготовленное и организованное восстание может представить серьезную угрозу.

«В конечном результате,— отмечает комиссия,— состояние крепости к лету было таково, что комендант ее постоянно ожидал беспорядков и считал положение тревожным»...

Трагедия Свеаборгского восстания заключалась в невозможности организационно охватить и сдержать стихийно и быстро нараставшее революционное настроение. Но, с другой стороны, в сознании вынужденности выступления, в готовности подчиниться с полным доверием решению партии, которая требовала «обождать», был уже залог того, что солдатская и матросская масса, почти целиком охваченная влиянием Финляндской военно-партийной организации РСДРП, готова выступить плечом к плечу с пролетариатом.

* * *

Крепость Свеаборг — это тринадцать маленьких укрепленных островов, расположенных полукругом и защищающих с моря столицу Финляндии Гельсингфорс. В последовательном порядке, с востока на запад, это острова: Дегерэ, Лагерный, Михайлов-

---

[1] *Свеаборг* — ныне город Суоменлинна в Финляндии. С 1809 по 1917 год входил в состав Российской империи, одна из баз русского Балтийского флота. *Ред.*

ский, Александровский и Артиллерийский, на которых находились главные форты крепости; далее, к северо-западу, острова Комендантский, Инженерный, Стрелковый, Госпитальный, Ключевой и Николаевский. Почти в центре этого полукруга расположены острова Опасный и Договорный, на которых находились погреба для хранения боеприпасов. Со стороны материка, почти от самого центра Гельсингфорса, выдается полуостров Скатудден. На нем были расположены порт, казармы морского ведомства и тюрьма...

Островные участки Свеаборга возглавляли коменданты островов и начальники лагерных сборов. Все управление войсками, крепостями и военными учреждениями Финляндии находилось в руках командира 22-го армейского корпуса генерал-лейтенанта барона Зальца, который одновременно был и начальником гарнизона в Гельсингфорсе.

В день восстания комендант и штаб крепости находились на Комендантском острове, а офицеры — по своим квартирам на разных островах.

Свеаборгскому восстанию предшествовал ряд событий, которые не могли не привлечь к себе внимания солдат и матросов. Так, например, в эти же дни в Гельсингфорсе проходил съезд Красной гвардии Финляндии, сопровождавшийся массовыми митингами, на которых выступали члены Государственной думы от Трудовой группы и от фракции социал-демократов.

16 июля минная рота Свеаборгской крепости пожаловалась командованию на то, что рота не получает денег, которые должны выдаваться за винную порцию. Претензия роты была отклонена. Минеры всю ночь митинговали, а утром следующего дня отказались выйти на занятия. Роту немедленно разоружили и приставили к ней для охраны две роты крепостного пехотного полка. Кроме того, комендант крепости собственной властью разжаловал всех унтер-офицеров, ефрейторов и фельдфебеля минной роты в рядовые.

Арестованные минеры обратились к артиллеристам за поддержкой. 16 и 17 июля во всех кружках артиллеристов состоялись собрания. Командование проведало об этих собраниях и в ночь на 18 июля решило расправиться с артиллеристами так же, как и с минерами,— обезоружить их и арестовать. Узнав о замысле командования, артиллеристы Лагерного, Михайловского, Артиллерийского и Инженерного островов в 11 часов вечера взялись за оружие и захватили острова, после чего потребовали немедленного освобождения минеров. Члены военно-боевого центра пытались удержать артиллеристов от выступления, но безуспешно. Тогда военная организация решила возглавить движение.

С самого начала восстания связь центральной крепости с островами была нарушена. Подступы к Александровскому и Лагерному островам находились под постоянной угрозой обстрела со стороны восстания. Телефонная связь работала с большими перебоями. Телеграф не действовал. Связь со штабом корпуса поддерживалась случайно. Неоднократные обращения штаба кре-

пости выделить миноносец, с помощью которого можно было бы установить регулярную связь с берегом, а также помешать сообщению с берегом восставших, штаб корпуса оставил без ответа.

Тем не менее командованию крепости удалось принять ряд мер.

По тревоге был поднят дежурный батальон пехоты и находившиеся на Комендантском острове части. Остров быстро был приведен в боевое состояние и начал обстрел близлежащих островов. В 2 часа ночи из Гельсингфорса на Комендантский остров были переброшены еще две роты пехоты под командой полковника Жданко. Таким образом, к утру 18 июля в распоряжении коменданта крепости имелось уже шесть рот пехоты, из которых одна занимала Госпитальный остров.

К 10 часам утра 18 июля в распоряжении коменданта Свеаборгской крепости находились острова Комендантский, Лагерный и Госпитальный. Острова Никольский и Стрелковый оставались нейтральными. Положение Александровского острова было неясным. Острова Михайловский, Артиллерийский и Инженерный находились в руках восставших.

Так начались события в Свеаборгской крепости в июле 1906 года.

Когда в Петербург поступили первые сообщения об обострении положения в Свеаборге и о возможности немедленного взрыва, В. И. Ленин внес на рассмотрение Исполнительной комиссии Петербургского комитета РСДРП следующее предложение:

«1) послать немедленно в Свеаборг делегацию из товарищей NNNN;

2) поручить этой делегации принять все меры для тщательного выяснения положения дел на месте;

3) поручить ей повлиять на местных членов партии, революционеров и население в том смысле, чтобы добиться отсрочки выступления, если только это возможно без крайних жертв со стороны населения в смысле ареста правительством уже намеченных лиц;

4) поручить той же делегации, в случае полной невозможности остановить взрыв, принять самое деятельное участие в руководстве движением, т. е. помочь выступившим на борьбу массам организоваться самостоятельно, разоружить и истребить реакцию, предпринять по надлежащей подготовке решительные наступательные действия и выступить с правильными и действительно революционными, способными увлечь весь народ, лозунгами»[1].

Это предложение В. И. Ленина было принято Исполнительной комиссией ЦК РСДРП как постановление, обязательное для всех членов партии.

Так реагировал руководящий партийный центр на события в Свеаборге.

Зная, как командование поступило с минерами, артиллеристы

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 328.

понимали, что мирные переговоры ни к чему не приведут и что поддержать минеров можно только с оружием в руках.

С таким решением утром 18 июля из Свеаборга в Гельсингфорс прибыли уполномоченные от восставших в центральную группу Финляндской военной организации РСДРП, чтобы доложить военной организации о ходе событий, выяснить ее отношение к выступлению и получить необходимые указания.

Руководство центральной группы военной организации, зная, что восстание еще не вполне подготовлено и несвоевременно, считало необходимым удержать солдат и матросов от преждевременного выступления, указав при этом, что в настоящее время Свеаборг совершенно изолирован, что нужно дождаться возвращения флота в свои базы, связаться с рабочими, в частности с рабочими Петербурга, и т. д. Но во время переговоров выяснилось, что локализовать начавшееся выступление уже невозможно. Здесь же выяснилось, что на преждевременное выступление в Свеаборге оказал сильное влияние пущенный эсерами слух, что кронштадтцы также готовы выступить, что восстание поддержат броненосцы «Цесаревич», «Богатырь» и «Слава», возвращения которых ожидали в Свеаборгском порту. Позже выяснилось, что эсеры распространяли ни на чем не основанные слухи. Так, команда броненосца «Слава» еще в начале июля подверглась чистке. Было арестовано 26 матросов и среди них в полном составе подпольный судовой революционный комитет. Но многие солдаты поверили тогда в эсеровскую легенду и не принимали во внимание трезвые доводы военной организации. Наконец, создавшееся положение практически исключало возможность оттяжки: командование спешно готовилось к разоружению артиллеристов. А в случае разоружения невозможно было бы не только поддержать матросов, но и обеспечить собственную безопасность. Сдаваться на милость командования никто не хотел, и на крепостных островах загремели орудия. В этих условиях руководство центральной группы Финляндской военной организации приняло правильное решение всеми средствами поддержать восстание и оказать возможную помощь восставшим солдатам.

Положение на отдельных островах в это время было следующее: 6, 8, 9-я роты, а также учебная команда, команда крепостной артиллерии, разобрав оружие и боеприпасы, дали сигнальный залп к восстанию и на шлюпках переправились на Михайловский остров, так как оттуда было удобнее напасть на другие укрепления крепости. Команда этого форта, состоявшая из артиллеристов, присоединилась к восстанию. Овладев батареями и артиллерийскими погребами, восставшие зарядили шестидюймовые орудия и одиннадцатидюймовые мортиры и ожидали команды начать бой.

Одновременно солдаты 2-й нестроевой роты, а также рабочей, специальной и лабораторной команд, услышав ружейный сигнал к восстанию, также взломали замки у складов и захватили винтовки, пулеметы и патроны. Затем солдаты направились к

гауптвахте и освободили своих товарищей, арестованных за агитацию. Вскоре и 2-я строевая рота разобрала оружие и присоединилась к восстанию. Первую и пятую роты артиллеристов, находившихся на Лагерном острове, правительственные части успели разоружить и арестовать. Восставшие части поспешили арестованным на выручку, однако у церковного сада были остановлены ружейным огнем пехоты, засевшей в саду. Завязалась перестрелка, во время которой восставшие потеряли двух человек убитыми и несколько ранеными. С наступлением темноты бой между восставшими и правительственными частями прекратился.

Тем временем командование крепости успело переправить арестованных артиллеристов на остров Дегерэ и перебросить на Лагерный остров два полевых орудия, из которых офицеры открыли огонь по восставшим. Вечером на Лагерный остров командование крепостью перебросило еще 1-й батальон Финляндского стрелкового полка с пулеметной ротой.

Из доклада представителя боевых организаций на Таммерфорсской конференции картина начала восстания выглядела так.

Часам к четырем утра 18 июля на квартиру штаба революционной военной организации явились тов. Емельянов и артиллерист с Михайловского острова. Их послали восставшие, которые хотели знать, что они должны делать дальше, и предлагали с помощью военных судов и флотской казармы обеспечить доставку провианта.

Тут же в штабе было созвано совещание, которое приняло следующее решение: так как в восстании активное участие приняли семь из десяти артиллерийских рот (три остальные были разоружены) и об отступлении думать уже поздно, развить энергичные наступательные действия, парализуя ближайшие к Михайловскому острову пункты (Инженерный и Лагерный острова, которые могли мешать планомерности наступления), затем, предъявив ультиматум, сосредоточить огонь на Комендантском острове, где засели правительственные войска с комендантом. Флоту, если бы он показался в водах Гельсингфорса, поскольку нет точных данных о его переходе на сторону восставших, дать приблизиться на расстояние обстрела и открыть по нему огонь, а затем предложить присоединиться...

Затем были распределены обязанности между членами Финляндской военной организации. Связались по телефону с морским комитетом той же организации и условились, что матросы выступят в 8 часов утра.

Положение сложилось так, что силы революционных солдат оказались разделенными. На Александровском острове сидела под арестом рота минеров, которую в начале восстания не освободили, а потом было уже невозможно освободить ее, как невозможно было освободить и две роты артиллеристов. В результате минная рота, которая дала толчок восстанию, оказалась отрезанной и не могла принять в нем участия. Но и в этих условиях минеры приковали к себе две роты, мешая им принять участие в подавле-

нии восстания. Но хотя минеры оказались лишь свидетелями восстания, тем не менее все они впоследствии предстали перед военным судом.

Центром восстания с самого начала оказался Михайловский остров, где были сосредоточены главные силы восставших. И отсюда, из штаба восставших, исходили все распоряжения.

18 июля восстание формально еще не было провозглашено. Восставшие собирались начать переговоры с гарнизоном Комендантского острова и предложить ему перейти на сторону восставших. Переговоры намечено было начать утром. В это же утро произошел такой случай. В 4 часа в заливе показался катер, который шел к Комендантскому острову. В катере находились командир артиллерии крепости генерал-майор Агеев и полковник Натора. Патрули потребовали, чтобы шлюпка пристала к Михайловскому острову, однако находившиеся в шлюпке сделали вид, что это к ним не относится, и продолжали свой путь. Их предупредили, что будут стрелять. В ответ полковник Натора разразился грубой бранью и угрозами. Солдаты дали залп по катеру и ранили полковника в ноги. Генерал же лег на дно катера и приказал команде исполнить приказание патруля. Когда катер пристал к берегу, генерала обезоружили и под конвоем отправили на гауптвахту. Полковника же решили отправить в лазарет. Однако он вел себя столь нагло и вызывающе, что солдаты, возмущенные его бранью, сбросили его с моста в воду. «Собаке — собачья смерть»,— напутствовали они его.

В 6 часов утра 18 июля на Комендантский остров была послана делегация с предложением гарнизону присоединиться. Делегаты были арестованы. Этот момент и следует считать началом боев восставших. На Михайловском острове был поднят красный флаг, а с батарей острова восставшие солдаты начали бомбардировку Комендантского острова, продолжавшуюся до 7 часов вечера. В это же утро на полуострове Скатудден, в портовом дворе, началось выступление матросов. Еще вечером 17-го они слышали ружейные выстрелы, но приняли их за учебную стрельбу и оставались на своих местах. В таком неведении матросы пребывали потому, что восстание началось преждевременно. Только в 6 часов утра 18-го они получили от военной организации извещение, что на фортах началось восстание. В 8 часов утра матросы получили приказ военной организации идти на помощь восставшим артиллеристам. Назначенный заранее руководитель приказал горнисту играть тревогу. Матросы, находившиеся в казармах, разобрали винтовки, подняли красное знамя, выстроились и залпом сигнализировали свое присоединение к восстанию. Повсюду немедленно были расставлены караулы. Явившиеся в казармы лейтенант Басов, капитан Карпов и фельдфебель Черников были арестованы и заключены в карцер.

Захватив казармы, руководители попытались поднять восстание на судах, стоявших в порту, в частности на минных крейсерах «Финн», «Эмир Бухарский» и др., где велась революционная

работа. Но командование своевременно приняло меры и на всякий случай заперло команды в трюмах. Вот почему в ответ на предложение о присоединении к восставшим с судов был открыт по берегу огонь из пулеметов. С крейсера «Финн» в порт к матросам на шлюпке прибыл мичман де Ливрон, который попытался спустить красный флаг, но тут же был убит матросами.

Имея только винтовки, матросы, понятно, не могли захватить суда и решили оставить порт и присоединиться к артиллеристам. Но и это сделать им не удалось: рота солдат преградила им выход из порта. Пехоту поддерживала финская белая гвардия. Матросы разделились на два отряда: один через Гельсингфорс пробился к Михайловскому острову, второй присоединился к Красной гвардии и вместе с нею вел партизанскую борьбу против финляндской белой гвардии.

Гельсингфорс в тот день представлял собой небывалое зрелище. Жители высыпали на улицы. Особое оживление царило среди рабочих. Повсюду появились воззвания, подписанные начальником Красной гвардии капитаном Коком, призывавшие рабочих к забастовке. Однако, какой бы популярностью ни пользовалось имя капитана Кока среди рабочих, его обращение к ним не достигло цели. Конечно, эффект был бы иным, если бы к рабочим обратилось правление финской социал-демократической партии. Если бы последнее призвало рабочих к забастовке, забастовка, несомненно, была бы всеобщей. Тем не менее 250 рабочих-красногвардейцев отправились вместе с матросами на Михайловский остров, чтобы поддержать артиллеристов. Вблизи Або, в Вильмонстранде и по обе стороны станции Рихимяки рабочие по указанию военной организации испортили железнодорожное полотно и взорвали мост, чтобы помешать властям подбрасывать подкрепления.

Но события показали, что Красная гвардия Финляндии проявила себя как организация, более приспособленная к охране митингов и к парадным выступлениям рабочих, нежели к боям с правительственными войсками.

Значительную активность проявила и финская буржуазия, выступившая против рабочих и их Красной гвардии. Боевые дружины финских капиталистов — белая гвардия — захватили трамваи и под угрозой расстрела принуждали служащих трамвая водить вагоны. В рабочих, пытавшихся нарушить трамвайное движение, белогвардейцы стреляли. Но лишь только появился десяток матросов с оружием, как 80 белогвардейцев разбежались, хотя были вооружены лучше, чем матросы.

18 июля вечером с Михайловского на Комендантский остров была послана новая делегация с требованием освободить арестованных утром делегатов и сдать крепость. Письмо было подписано генерал-майором Агеевым, который был захвачен восставшими. Однако условия восставших были отклонены, и в свою очередь комендант крепости предложил восставшим сложить оружие.

После отказа коменданта восставшие возобновили обстрел Комендантского острова и продолжали его до позднего вечера.

В ту ночь с 18 на 19 июля двенадцать человек отправились на захваченном пароходе «Выстрел» [1] в Гельсингфорс за продуктами. Пароход скоро возвратился и доставил не только продукты, но и около двухсот человек подкрепления. Прибывшие были вооружены и остались на Михайловском острове.

В этот же вечер ожидалось возвращение флота. У восставших была надежда, что матросы поднимут на судах восстание и присоединятся к ним. Поэтому генеральный штурм откладывался ими и бомбардировка носила скорее характер перестрелки, чем наступления. Но флот не пришел. Восставшие не знали, что властям удалось не допустить восстания на судах, где велась к этому подготовка. Не сдавались и форты, в которых засели оставшиеся верными правительству войска. Восставшие уже в течение полутора суток не уходили с позиций — тут обедали, тут и спали...

19-го восставшие решили не ждать прибытия флота и начать бомбардировку, чтобы выбить из крепости засевшую там пехоту. По казармам и по квартире коменданта из орудий всех калибров они открыли ураганный огонь.

Скоро из полуразрушенных бомбардировкой зданий начали выбегать люди в поисках укрытия. Комендант укрылся в казарме минной роты, которая оказалась более надежным укрытием от снарядов.

В 6 часов вечера казалось, что победа близка.

В это время на горизонте показались корабли. Утомленные боями и бессонницей люди оживились и усилили бомбардировку. Казалось, еще полчаса такой бомбардировки, и на Комендантском острове будет поднят белый флаг.

Но в это время на Михайловском острове раздался страшный взрыв. На воздух взлетел пороховой погреб, в котором находилось около 4500 пудов пороха. Взрывом было убито и ранено много артиллеристов, матросов и красногвардейцев, а также повреждены форт и орудия. Среди тяжело раненных был один из главных руководителей восстания, Емельянов.

После взрыва восставшие перешли на Александровский остров. Находившиеся здесь артиллеристы держались нейтрально, и только 2-я рота крепостного пехотного полка вела огонь по дамбе, соединявшей Александровский остров с Михайловским, препятствуя свободному передвижению восставших. Однако к полудню остров Александровский полностью перешел в руки восставших, так как 2-я рота крепостного пехотного полка, расстреляв все патроны, вынуждена была сдаться.

Во второй половине дня восставшие увидели на горизонте суда флота, на поддержку которого они так рассчитывали. Однако оказалось, что это подошли корабли для обстрела восставших. Вскоре с судов загремели орудия по фортам восставших, что

---

[1] Кроме «Выстрела» восставшими были захвачены пароходы «Пушкарь» и «Бомба», на которых они совершали рейсы в город. *Прим. авт.*

ухудшило положение последних. В 6 часов раздался новый взрыв: вражеский снаряд попал в передок со снарядами, находившийся вблизи стены, за которой укрылись готовившиеся к штурму артиллеристы. Взрыв этот оказался почти столь же губительным, как и первый. Несколько солдат было убито и много ранено. Этот взрыв внес новое замешательство в ряды восставших.

От штурма фортов решили отказаться и принялись наскоро укреплять свои позиции. А тем временем неприятель усилил огонь. Его снаряды причиняли большие разрушения. К вечеру обстрел прекратился. Прекратили орудийную стрельбу и восставшие артиллеристы. Но обстрел восставших из пулеметов и ружей продолжался. Артиллеристы вновь попытались выбить пехоту, которая вела обстрел Михайловского порта из казематов, но неудачно. К ночи бой окончился. Стрельба утихла и больше уже не возобновлялась.

Ночью артиллеристы обсудили свое положение и пришли к выводу, что шансов на победу у них нет. Решено было сдаться. В этот момент особенно отчетливо выявились недостатки в руководстве восстанием. Выявился и весь вред того, что восстание началось раньше времени и не было согласовано с Кронштадтом и флотом. Восставшие многому научились в эти дни. Но исправить допущенные ошибки было уже невозможно. Теперь перевес сил был на стороне врага.

Вынув замки из пушек, артиллеристы бросили их в море. Туда же пошла и часть оставшихся снарядов. Паники не было, все было рассчитано, обсуждено, хладнокровно взвешено.

Битва проиграна, но оружие нельзя отдавать врагу.

20 июля в 9 часов утра к коменданту был направлен задержанный артиллеристами капитан Власов с извещением о сдаче. Через час показались пехотинцы-стрелки, а за ними и офицеры. Некоторое время красный флаг восстания еще развевался над Михайловским островом, пока по приказанию офицеров солдаты не спустили его с флагштока...

Военные моряки в период первой русской революции 1905—1907 гг. М., 1955, с. 511—523

К. С. Жарновецкий

ВТОРОЕ КРОНШТАДТСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ В 1906 ГОДУ

Кронштадт входил в состав окружной организации РСДРП(б). Потом он был выделен в самостоятельную организацию, от которой представителем в ПК входил я. Предо мной вообще стояла трудная дилемма построить партийную организацию, не имея никаких связей в городе Кронштадте, при почти постоянном военном положении, после недавно бывшего восстания (1905 год).

Счастливый случай столкнул меня незадолго до московского вооруженного восстания со студентом Петербургского университета Токмачевым Сергеем, недавно вошедшим в партию. Я пригласил его в окружную организацию, и он начал работу в Колпине. Токмачев жил в городе Кронштадте, вместе с матерью, в собственном небольшом домике.

Он мне сообщил, что в Кронштадте после восстания, за отсутствием партийной организации, организовался беспартийный комитет из гимназистов и одного студента с двумя рабочими кружками. Я решил ликвидировать этот комитет и сколотить партийную организацию. С этой целью мы с тов. Токмачевым (партийная кличка — тов. Сидор; дальше я его буду так называть) решили организовать у него в доме, благо собственный, штаб-квартиру для нашей организации и приезжавших из Питера партийных товарищей. Затем я объяснил беспартийному комитету, что теперь будет строиться настоящая партийная большевистская организация. А так как члены комитета в партии не состояли, то лучше всего им превратиться в кружок для выработки из них партийных агитаторов. Они согласились. Из рабочих кружков, взятых у комитета, мы сорганизовали временный комитет.

Таким образом, мы поглотили беспартийную организацию и начали организовывать партийную. Вместе с ближайшим помощником, тов. Сидором, мы выработали план нашей работы. Мы хорошо понимали огромное значение для революции Кронштадта и флота с 28 000 матросов, имевших большую тягу к революции. Главной нашей задачей было организовать в Кронштадте восстание. Но связаться с матросами на кораблях и вовлечь их в нашу подпольную организацию можно исключительно через рабочих, которые работали в различных казенных мастерских и заводах, особенно по ремонту флота. Очень скоро наша организация

имела уже 8 рабочих кружков, через которые мы связались почти со всеми мастерскими Кронштадта. Вошли в кружки несколько старых рабочих, уже бывших ранее на политической работе. Через этих рабочих мы скоро связались прочно с матросами и другими частями. Связи наши скоро сделались так обширны, что нам удавалось нередко устраивать целые митинги на Лисьем Носу. Собиралось иногда до 500 человек, несмотря на все решительные меры начальства. Кроме меня и тов. Сидора для работы в кружках приезжали товарищи Михаил 2-й, Анатолий и третий, кличку которого запамятовал. Литература и прокламации развозились нами в большом количестве.

Месяца через два пришлось подумать об отделении военной организации от рабочей. В это время в Петербурге существовала уже Военная организация с.-д. (б). Ей-то и переданы были наши военные, весьма ценные связи; таким образом в Кронштадте возникла военная организация, представлявшая отделение общей Петербургской, но в то же время находившаяся с нами в самом тесном контакте. Где в маленьком городке могли собираться матросы, как не у рабочих?! Связи, встречи, явки — все происходило через рабочих и у рабочих. Впрочем, военная организация скоро обзавелась своей самостоятельной штаб-квартирой; в ней, под видом сапожника, поселили Лерберга, который впоследствии оказался провокатором. Надо подчеркнуть, что между рабочей и военной организацией существовала теснейшая связь. В случае восстания предполагалось, что военная организация будет подчинена партийному комитету. Из товарищей, работавших в военной организации, можно указать организатора тов. Михаила и двух весьма дельных эстонцев Сермуса и Макса (фамилии их не помню). В это время в Кронштадте существовала эстонская рабочая группа социал-демократов (большевиков). Она вела работу только среди эстонцев, но, по нашему почину, пошла нам навстречу и оказывала нередко ценные услуги. Некоторые же из эстонцев, говорившие по-русски, втянулись в работу среди русских.

Нам сильно помогало революционное брожение среди войск, которое продолжалось и после подавления октябрьского восстания. Уже в апреле месяце деятельность нашей социал-демократической организации в Кронштадте настолько расширилась, успехи были настолько очевидны, что сделалась ясной возможность вооруженного восстания. Чтобы не сорвать такое огромное дело, была необходима возможно тесная связь с ПК и ЦК нашей партии. Между тем выяснилось, что продолжительная работа в Кронштадте может легко окончиться моим арестом. Посему, по моим настояниям, в ПК были введены еще два товарища: Сидор и один рабочий. В случае восстания, два члена ПК и один ЦК должны были явиться в Кронштадт для руководства. Предполагалось, что восстание произойдет по заранее разработанному плану, в назначенное нами время, по соглашению с партией социалистов-революционеров, работа которых велась тоже в широком масш-

табе, чуть ли не больше нашего. Для этого решили начать переговоры с эсерами.

Уже в мае месяце кроме указанных раньше товарищей большую работу в Кронштадте повел тов. Мануильский, который выступал под кличками тов. Мишки и тов. Фомки. Особенным успехом он пользовался во время митингов на Лисьем Носу. Со свойственным ему малороссийским юмором Мануильский удивительно нравился широкой массе матросов. Кроме митингов среди матросов мы с тов. Сидором устраивали летучки на улицах Кронштадта, у пароходного завода и в других местах. Это было очень рискованно вследствие военного положения...

Нужно сказать, что в то время существовала наряду с военной боевая организация. Она сорганизовывала районные отделы боевой организации, которые в свою очередь создавали рабочие дружины, обучали их стрельбе, изыскивали вооружение, вообще знакомили рабочих с формами революционной вооруженной борьбы, возможной при революции. Мне хотелось организовать боевой отдел и при Кронштадтской организации; однажды несколько человек, в том числе я и боевой организатор (фамилии его не помню, знаю лишь, вскоре он был захвачен на крейсере «Память Азова» при попытке поднять восстание и расстрелян), захватили с собой побольше социал-демократической газеты «Волна» и отправились в Кронштадт. Приехав, мы разделились для осторожности на группы и пошли в город. Здесь ко мне подошел один из рабочих нашей организации и предупредил, что квартира военной организации провалилась. В ней сидит засада, а сапожник Лерберг арестован. Я немедленно позвал всех товарищей в сад, чтобы там посоветоваться, что делать. Только мы собрались, как нас известили, что сад окружает полиция. Мы решили разделиться и разными путями выйти из сада. Когда спустя два часа я зашел к тов. Сидору, оказалось, что несколько наших приезжих товарищей, из них тов. Сермус и наш боевик, и ряд местных рабочих арестованы. Но Сермус и боевик были одеты, как буржуа, и это, вероятно, их спасло. Они сослались на то, что приехали на экскурсию, и их выпустили. Приблизительно ночь на 24 мая 1906 года я провел в Петербурге у своего дяди, так как ожидал ареста. На другой день, часов в 10 утра, я отправился домой, причем один браунинг я положил в карман пальто, другой — в газету. Подойдя к окну комнаты, где я жил вместе со студентом немцем Тауриным (последний работал у меня в организации в Шлиссельбурге в динамитном заводе), я крикнул ему в форточку: «Довольно спать, немец! вставай!» Не ожидая ответа, я пошел к двери и постучал. Дверь отворилась. В передней на меня набросились охранники; я попятился назад, но в дверях попал в объятия дворника. Меня обыскали, нашли браунинг и бросились к столу протоколировать. Я воспользовался случаем, что не заметили второго браунинга, сунул его за шкаф и вошел в комнату. Оказывается, Таурин уже был арестован. На столе лежала пачка прокламаций в 110 штук — обращение к партии по поводу съезда

Российской социал-демократической партии. Откуда появились прокламации, мне неизвестно. Но я, как правило, никогда никаких документов не держал, зная хорошо, что по своей работе я каждую минуту должен ожидать ареста. Поэтому я отказался подписать протокол, где говорилось о том, что у меня найдены прокламации. После ареста меня отправили в охранное отделение, где написали бумажку о привлечении меня по 102 статье, а мерой пресечения явилось заключение в «Кресты».

После моего ареста ПК в качестве ответственного организатора назначил тов. Мануильского. В связи с наступающим летом открывались более широкие возможности для собраний. По воскресеньям на Сестрорецком и Ораниенбаумском берегах проводились митинги с участием рабочих, матросов и солдат. В городе, в целях использования легальных возможностей, удалось создать беспартийную организацию — «кассу безработных», находившуюся всецело в наших руках [1]. Тов. Митька (Мануильский) выступал там под видом рабочего, и его предложения проходили безотказно. «Касса безработных» была организована после широкого митинга в Морском манеже, где было выбрано и правление кассы — все кандидаты от нашей партии...

Брожение в войсках все усиливалось благодаря энергичной работе и руководству военной организации при ПК. Военная организация издавала прокламации и свою газету. Настроение солдатских и матросских масс было таково, что достаточно было и небольшого повода, чтобы сейчас же началось брожение.

26 июня сильно взволновало войска благодаря следующему событию: когда первый Кронштадтский крепостной батальон производил учебную стрельбу, возле вертелся мальчик, продавец кваса. Командир батальона, полковник Гулин, приказал ему удалиться. Мальчишка не послушался, и после вторичного приказания уйти Гулин нанес продавцу две раны шашкой, так что его унесли в госпиталь. Это зверство возмутило солдат. На кладбище собралось более 200 матросов и солдат, которые постановили обратиться с петицией в Государственную думу, а кроме того, если в двухнедельный срок Гулин не будет привлечен к ответственности, то убить его. Полковник Гулин получил от начальства лишь выговор.

В связи с широко разлившимся революционным движением правительство принимало меры для остановки его: обыски, аресты, высылки. И все-таки восстание вспыхнуло. Сначала в Свеаборге, затем в Кронштадте.

1905. Восстания в Балтийском флоте в 1905—06 гг. в Кронштадте, Свеаборге и на корабле «Память Азова». Сборник статей, воспоминаний, материалов и документов. Л., 1926, с. 94—98

---

[1] С весны 1906 года пролетариат использовал движение безработных как составную часть революционной борьбы. По инициативе Петербургского комитета РСДРП был создан демократический Совет безработных, подобные советы имелись также в Москве, Твери, Харькове, Баку и других городах. Безработные связывали экономическую борьбу с политическими требованиями. *Ред.*

А. Пискарев (Васильев)

КРОНШТАДТСКОЕ ВОССТАНИЕ 20 ИЮЛЯ 1906 ГОДА

Весна 1906 года не только для нас, заключенных в тюрьме бывших членов Петербургского Совета рабочих депутатов, а и для всех рабочих, бойкотировавших выборы в I Государственную думу, прошла в ожидании вооруженного восстания. За год борьбы эта мысль укоренилась настолько, что сторонников «экономической борьбы», одно время популярной среди рабочих, уже совершенно не осталось. Вооруженное восстание считалось единственным языком, на котором можно было разговаривать со лживым и реакционным правительством.

К восстанию готовились с самого московского восстания. В кружках читались даже лекции о тактике уличного боя, и на эту тему была выпущена специальная брошюра. Каждый считал своей революционной обязанностью завести связи с войсками. В пивнушках и кабачках рабочие радовались возможности угостить матроса и разагитировать его.

В июне мы были выпущены из тюрьмы на поруки. Большинство, не ожидая ничего путного от думской работы, отправилось в Кронштадт. Я отправился туда же вместе с рабочей дружиной Московского района, начальником которой я состоял до тюрьмы. Среди революционеров уже существовал план, разделяемый всеми — большевиками, меньшевиками и эсерами [1] (такое согласие наблюдалось редко): поднять матросов Свеаборга, Гельсингфорса и Кронштадта с судов, а главным образом, береговых частей, овладеть фортами и, угрожая с них, предъявить требование о созыве Учредительного собрания.

С весны все партии в Кронштадте заготовляли оружие. Но к роспуску I Государственной думы, то есть к моменту нашего прибытия туда, произошли большие аресты и вся подготовка была разрушена. О спрятанном оружии и бомбах знали немногие, да и они оказались арестованными. Организацию приходилось налаживать снова.

В поле, на окраинах Кронштадта и на кладбище, далеко за городом происходили большие массовые собрания. На них выступали и мы, рабочие, а главным образом, приезжавшие из Петрограда интеллигенты и члены Государственной думы. Особенной

[1] Автор воспоминаний тогда был эсером. *Ред.*

популярностью пользовался член Думы трудовик Онипко, чаще других бывавший в Кронштадте, всегда там выступавший. Бывал там и член Государственной думы социал-демократ Михайличенко.

Все моряки разделяли общее мнение о необходимости выступления их, как передового революционного элемента. На армейские части почти никакой надежды не было: старания завести с ними связи оказались безуспешны. Моряки же были удивительно серьезно настроены, их лица выражали твердую готовность принести себя в жертву.

Среди интеллигентов, даже в момент восстания, я часто видел нескольких курсисток, агитировавших среди матросов. Две из них (Мамаева и Венедиктова) были казнены при подавлении восстания. Матросы относились к ним внимательно, бережно.

Роспуск Государственной думы ускорил события. Все энергично готовились к восстанию. Было даже приступлено к организации боевого штаба из представителей партий. Конечно, партии не сговорились: никто на уступки не шел, каждый хотел быть главным руководителем и правильного руководства не было. Нас, рабочих и матросов всех партий, эта грызня страшно возмущала. Мы пробовали возражать, но интеллигенты обрушивались на нас с потоком блестящих речей, а мы не могли отвечать с такой же логикой, и наш голос замирал.

Тратились целые часы драгоценного времени на обсуждение вопроса, например, о том, что делать с офицерами: убить или только арестовать. Особенное человеколюбие при этом проявляли меньшевики. Своей энергичной и вдохновенной защитой они даже вызывали недовольство матросов и рабочих. В конце концов, кажется, постановили поступать с офицерами сообразно с обстоятельствами. Никто не озаботился выработать определенный план, а условные сигналы или не были переданы тем, кто их должен был давать, или о них забыли.

Вообще поведение интеллигенции было ниже всякой критики. Будь матросы предоставлены сами себе, они проявили бы больше организованности, а о самодеятельности и говорить нечего: ее и так было хоть отбавляй. Но моряков удалось убедить, что ими действительно руководят. Когда же в сознание проникла мысль, что никакого руководства нет, дело было уже проиграно.

Лучшим доказательством неорганизованности служит восстание на «Памяти Азова», происшедшее в ту же ночь, одновременно с Кронштадтским. Если бы на «Памяти Азова» знали о предполагающемся в Кронштадте выступлении, судну не к чему было бы идти в Ревель. А участие «Памяти Азова» в кронштадтских событиях могло иметь решающее значение, да и настроение команды не было бы таким подавленным.

17 июля произошло восстание в Свеаборге. Известия, приходившие оттуда, говорили, что вместе с фортами восстали корабли. Между тем потом оказалось, что «Цесаревич» и «Богатырь» участвовали в расстреле фортов и в усмирении вос-

ставших. Однако после свеаборгских событий медлить было нельзя. Переговоры о соглашении партий прервались, выступление стало необходимостью и произошло в ночь с 19 на 20 июля...

Было решено, что восстание начнется по сигналу. Но условленных четырех пушечных выстрелов никто не слышал. Между тем в разных местах неожиданно послышалась пальба. На улицах показались растерянные группы матросов с винтовками и безоружные. Мы спрашивали их, а они нас: куда идти и что делать? Никто ничего определенного не знал и узнать было негде. Циркулировали разнообразные слухи. Сообщали, что форт «Константин» восстал, другие опровергали. А стрельба слышалась всюду.

Мы, новички в Кронштадте, не знали города и были беспомощны. Один сообщал, что навстречу нам идут енисейцы для усмирения, другой передавал, что часть их, отказавшись стрелять, пристрелила офицеров. Неразбериха царила невообразимая. Рабочие и часть матросов бросились строить баррикады. Кажется, это послужило сигналом к погрому. Начали громить лавки, магазины; появилось вино. Винтовки бросали, чтобы принять участие в погроме. Это делалось не из корысти, а просто потому, что убедились в бестолковщине: овладело отчаяние, рассудок помутился, жажда деятельности искала выхода и находила его в разрушении.

Уже задолго до утра стало ясно, что восстание не удалось. Группы солдат, показавшиеся под командой офицеров, укрепляли ужасное сознание разрушенных надежд. Колотила досада, делалось горько и обидно. Приходилось думать о спасении. Арестовывали всюду.

Как выяснилось впоследствии, дело произошло так: матросы 1-й дивизии арестовали офицеров и, под предводительством члена Государственной думы Онипко, пошли к Енисейскому полку. По дороге они встретились с отрядом матросов 2-й дивизии, которые при выступлении перебили своих офицеров. Оба отряда соединились под предводительством матроса Егорова. Это было не нужно, ибо задача 2-й дивизии заключалась в том, чтобы взять один из фортов. Не взяв его, она, вместе с 1-й дивизией, была встречена залпами енисейцев, после чего рассыпалась.

Успех имели только минеры, овладевшие фортом «Константин». Вскоре, однако, и они, выбитые артиллерийским и пулеметным огнем, тоже сдались атаковавшему их отряду, не успев или забыв сделать четыре условленных выстрела, так спутавших все планы.

На другой день уже заседал суд. 20 июля многие восставшие матросы были приговорены к смертной казни и расстреляны. Расстреливали их солдаты, сзади которых были поставлены пулеметы, так что сами расстреливающие рисковали жизнью при малейшем колебании.

На одном из фортов был расстрелян Абрам Тер-Мкртчьянц, привлекавшийся по делу Петербургского Совета рабочих депутатов, но выпущенный на поруки. Он был не членом Совета,

а просто посетителем в момент ареста депутатов. Жандармы, старавшиеся изобразить Совет инородческой организацией, воспользовались его армянским происхождением и включили в список обвиняемых. Смертью своею он доказал, что был достойным представителем петербургского пролетариата. Предводительствовавший 2-й дивизией моряков матрос Егоров, как и все мы, уцелевшие от арестов, уехал в Петроград и вступил в боевую организацию социалистов-революционеров. 26 декабря 1906 года он, пробравшись к известному вешателю, военному прокурору Павлову, убил его несколькими выстрелами.

Вечная, славная память вам, боевые товарищи!

1905. Восстания в Балтийском флоте в 1905—06 гг. в Кронштадте, Свеаборге и на корабле «Память Азова». Сборник статей, воспоминаний, материалов и документов. Л., 1926, с. 114—118

А. А. Шпагин

ВЫБОРЫ В ДУМУ

Вскоре началась предвыборная кампания во II Государственную думу.

В рядах пермской социал-демократической организации поднялся спор: входить или не входить в блок с кадетами, а если входить, то по какой курии и с какой стадии выборов. Меньшевики, пугая нас опасностью победы черносотенцев, отстаивали идею блока с кадетами по городской курии, начиная с первой стадии и до последней. Мы были за полную самостоятельность на первых стадиях выборов не только по рабочей, но и по городской курии.

7 января 1907 года в мастерских было назначено общее собрание рабочих. Цель его — избрать одного уполномоченного. Из полутора тысяч рабочих мастерских и депо Пермь на собрание явилось не более трехсот. Многие рабочие в силу требований ценза не смогли принять участия в выборах своего представителя.

После того как начальник мастерских Шиманский объявил собрание открытым, я взял слово. Указывая на серьезность задачи, я сказал, что железнодорожники должны избрать такого представителя, который шел бы вместе с рабочим классом в развертывающейся борьбе против самодержавия и буржуазии. Изложив наши программные требования, я предложил голосовать за кандидатуру РСДРП. Закончил свою речь возгласом: «Долой самодержавие! Да здравствует Учредительное собрание и демократическая республика!»

Вслед за мной выступал еще один рабочий. Он внес предложение голосовать за меня, как за члена Российской социал-демократической рабочей партии.

После его речи приступили к заполнению записок с именами кандидатов. Комиссия подсчитала записки и объявила, что кандидатов намечено четыре. Поставлены были урны, и началась баллотировка шарами. В результате за члена «Союза русского народа» было положено 5 шаров, за двоих рабочих, принадлежавших к нашей партии, было подано примерно по 25 шаров. Остальные — около 250 — были положены за меня.

Возвратившись домой, я застал у себя Артема, расхаживающего взад и вперед по комнате. Он с нетерпением ждал моего прихода.

— Ну, Кувалда, как дела в ваших мастерских? — спросил он.

Вместо ответа я вынул из кармана клочок бумаги и, подав ему, сказал:

— Вот, смотри.

Прочитав бумажку, Артем даже запрыгал от радости. Ему не верилось, что кандидат от «Союза русского народа» мог получить только пять голосов. Затем, хлопая меня по плечу, Артем произнес:

— Ну, Кувалда, теперь готовься к губернскому съезду уполномоченных. В Мотовилихе тоже успех будет на нашей стороне,— добавил он.

Вскоре стали поступать благоприятные для нас сведения и с других заводов Урала.

В конце января должен был состояться съезд уполномоченных. Вся пермская организация была поставлена, что называется, на боевую ногу. Для делегатов подыскивались квартиры. Образовались так называемые землячества. Партийные и беспартийные рабочие выходили на станцию Пермь I и, встречая каждый приходящий поезд, спрашивали, нет ли земляков, приехавших на губернский съезд уполномоченных. Приехавших вели на заранее подысканные квартиры, беседовали о выборах и о выборщиках.

Для нас важно было иметь на съезде не только большинство — в нем мы не сомневались — мы думали и о том, чтобы по рабочей курии не дать ни одного места другим партиям.

В день собрания Артем с раннего утра находился в моей квартире. Мы приступили к выработке плана моих действий на съезде. Увлекшись, я опоздал к открытию.

Первым на трибуну вышел Чащин, рабочий из Надеждинского завода. Темою его речи была николаевская тюрьма, в те годы широко известная гнусными издевательствами, которые творились в ней над политическими заключенными.

Следующие ораторы, не менее двадцати, были все рабочие. Один мусульманин из Бикбарды со слезами на глазах говорил, что «хозяин Казэль-Паклевска (Козел-Поклевский — один из богатейших властителей Урала, бывший член Государственного совета) совсем мало дает кушать». Мусульманин говорил:

— Работаем много, а кушаем мало, нечем кормить жен и детей. Сами работаем, а детей посылаем по миру. Наша водка не пьет, а на хлеб не хватат.

В заключении своей речи он заявил:

— Хозяин богата, ему надо башка кончать.

Этот обутый в лапти, в лохмотьях, человек был награжден громом аплодисментов.

Под конец на трибуне появился прилично одетый господин в воротничке и с галстуком. Речь свою, не в пример другим ораторам, он начал спокойным тоном. Он отрекомендовался в качестве рабочего электрической станции города Екатеринбурга. Но вскоре стало ясно, что это самый закоренелый кадет.

По поручению группы пришлось вторично взять слово и отчитать кадета.

Выступил еще один большевик, после чего группа товарищей приступила к составлению списка кандидатов в выборщики. Собирались тут же, не выходя из зала, огласить его. В этот момент появился пристав и объявил, что время, данное нам на предвыборное собрание, истекло.

Переговоры оказались бесплодными. Мы получили только пять минут на закрытие собрания.

Не успел пристав захлопнуть дверь, как в зале произошел курьез. Председатель съезда Бараш, уполномоченный от нижнеуфалейских железнодорожников, объявив предвыборное собрание съезда закрытым, вдруг, ударяя себя в грудь кулаком, обратился к собранию со следующими словами:

— Товарищи, я тоже социал-демократ, а потому предлагаю всем голосовать за список РСДРП.

Нужно отметить, что поведение Бараша как председателя наводило многих товарищей на подозрение. Услышав такое заявление, мы еще более насторожились.

Мы попытались тут же устроить совещание. Полиция заявила нам, что собираться кучками не разрешается. Пришлось удалиться. Дорогою мы сговорились идти ко мне на квартиру и там столковаться о кандидатах в выборщики. Прошли не более ста сажен и заметили, что за нами идут агенты охранки.

Не останавливаясь, условились сейчас же разойтись попарно и, наняв извозчиков, ехать в Мотовилиху. Так удалось отделаться от шпиков. Через полчаса мы были в Мотовилихе. Недалеко от станции, в одной убогой лачужке, нашли Артема. Сделали ему подробный доклад о состоянии дел и представили список кандидатов. Артем просмотрел и внес в него две поправки. Список в окончательной форме немедленно был сдан для размножения и в ту же ночь отпечатан на гектографе в количестве 300 экземпляров. Утром у входа в избирательный зал мы уже раздавали свой список уполномоченным. Другого списка, кроме нашего, не оказалось.

Когда все уполномоченные были налицо, городской голова Рябинин, объявляя избирательное собрание открытым, начал объяснять порядок избрания. Каждый уполномоченный должен был составить список имен желаемых кандидатов и подать его в комиссию. Все намеченные этими списками кандидаты подвергались баллотировке шарами.

Кроме нашего списка, состоявшего из десяти товарищей, было намечено еще 25 кандидатов. Прошли восемь наших кандидатов и кроме них Бараш и Беляев, рабочий из Юго-Камского завода, баллотировавшийся с нашего согласия.

По окончании избирательной процедуры уполномоченные подходили к своим избранникам, поздравляли их.

— Если будете там, в Государственной думе, скажите нашим палачам, что мы не хотим дальше жить так, как жили,— произнес один и, вынув из кармана большой лист бумаги, подал его Чащину.— Вот вам наказ от нижнетагильцев.

За ним потянулись и другие. Развязывали бережно сложенные

тетрадки, содержащие наказы. В них были требования 8-часового рабочего дня, жалобы на беспощадную эксплуатацию рабочих владельцами уральских заводов. В редком наказе не заключалось требования Учредительного собрания и демократической республики.

Наконец городской голова, видя, что разговоры принимают характер митинга, обратился ко всем с просьбой удалиться из помещения. Мы, все десять выборщиков, вместе вышли из зала.

Будучи заинтересованы личностью Бараша, мы спросили его наконец, кто он — большевик или меньшевик. Бараш заявил самым невозмутимым тоном, что он не большевик и не меньшевик, а социалист-революционер. Думая, что Бараш пошутил, мы еще раз переспросили. Он подтвердил нам сказанное и второй раз тоном, далеко не шутливым.

— Но ведь это подло,— заметил кто-то из нас.

— Никакой подлости я в этом не признаю,— возразил Бараш.— Если я вижу, что под флагом социалистов-революционеров мне не пройти, то я, памятуя известное изречение: цель оправдывает средства,— взял и прошел под вашим флагом...

Конец января прошел в самой оживленной работе по подготовке к губернскому съезду выборщиков.

Наступил февраль. Со всех концов Урала в Пермь начинают съезжаться выборщики. Суетливые репортеры «Камского края», исполняя поручение своих господ, шныряют по гостиницам и по постоялым дворам, стараясь расположить крестьян к кадетской партии. Черносотенцы, находясь под покровительством полиции и жандармерии, свободно проникали повсюду.

Нам, несмотря на наше нелегальное положение, все же удалось связаться с крестьянами. Все выборщики, принадлежавшие к РСДРП, прибывая в Пермь, старались помещаться вместе с крестьянскими выборщиками и там вели свою работу. В силу своеобразных условий, существовавших на Урале, многие крестьяне были знакомы с рабочими заводов. Кроме того, имея землю в недостаточном количестве, они часто вынуждены были идти в эти заводы на заработки и подвергаться той же беспощадной эксплуатации. Неудивительно, что среди них мы нашли немало сторонников РСДРП.

Однажды вечером, за четыре дня до выборов, Артем пришел ко мне на квартиру и заявил, что мне надо оставить работу в мастерских и заняться проведением бесед с вновь прибывающими выборщиками. Потом Артем, глядя на меня в упор, вдруг задал мне вопрос:

— Кувалда, что ты скажешь, если мы выставим твою кандидатуру в члены Государственной думы? Хватит ли у тебя духу выдержать все то, что может последовать в случае разгона Думы?

Я был смущен и не сразу мог дать ему ответ

— Быть в роли депутата не так-то уж легко,— заметил я. К тому же, ты сам знаешь, у меня подготовка не велика.

— Ну, на этот счет не беспокойся,— возразил Артем.— А вот

насчет семьи, которая может остаться,— вопрос. Впрочем, оставим это до завтрашнего дня.

С этими словами Артем вышел от меня.

На следующий день почти все выборщики были уже в Перми. Устроили нечто вроде предварительного совещания, которое носило нелегальный характер. Совещание было собрано с целью ознакомления с физиономией съезда. Необходимо было, хотя бы приблизительно, выяснить вопрос о количестве депутатов от различных политических партий. Вершителями судеб съезда, несомненно, были крестьяне. Поэтому нам пришлось уделить чрезвычайно много внимания именно им. Социал-демократическая фракция съезда состояла из 35 человек. Кадетов насчитывалось до 45. Более 100 человек — эсерствующие крестьяне. Между ними были и сочувствующие социал-демократам.

На следующий день, то есть 6 февраля, в здании бывшей казенной палаты состоялось предвыборное собрание выборщиков. Если на съезде уполномоченных пролетарского Урала царило полное единодушие, то здесь этого единодушия, конечно, не было, да и нельзя его было ожидать. Заканчивая предвыборное собрание, мы решили сформировать нечто вроде бюро, в состав которого должны были войти представители крупных групп съезда. Задачей этого бюро было решить вопрос о количестве мест от каждой политической партии. Наша социал-демократическая фракция, несмотря на свою малочисленность даже в сравнении с кадетской, потребовала три места; кадетской (на десять человек больше нашей) соглашались дать только одно место. В данном случае мы опирались на крестьян, которые почти единогласно уверяли нас в том, что они согласятся лучше дать еще одно место нам, но не кадетам. После долгих прений кадеты наконец помирились, выпросив еще одно место для представителя от вновь зародившейся партии — народных социалистов. Места были разделены следующим образом: трудовикам — четыре места, эсерам — четыре, социал-демократам — три, кадетам — одно и народным социалистам — одно место. Всего 13 человек.

В этот же вечер в Центральных номерах, принадлежавших главарю пермских черносотенцев Шайдурову, наша фракция устроила совещание. Пришел сюда и Артем. Агентам охранки никак не могла прийти в голову мысль, что у Шайдурова состоится собрание «крамольников». Артем открыл собрание и, объявив повестку дня, предложил приступить к обсуждению кандидатур. Предварительно был поднят вопрос, следует ли принимать во внимание признак территориальности или руководствоваться личными качествами выдвигаемого кандидата. Решено было по возможности учитывать оба признака. В первую очередь был выставлен Петров — от Екатеринбурга, вторым — Чащин — от Надеждинского завода, третья кандидатура была моя — от пермских железнодорожников.

На следующий день, 7 февраля, в помещении губернского земства должно было состояться наконец последнее собрание.

Для руководства и наблюдения за выборами губернатором был откомандирован «чиновник особых поручений». Познакомив общее собрание со всеми формальностями, он предложил приступить к избранию представителей.

Кончилось тем, что весь заранее подготовленный фракциями список кандидатов в члены Государственной думы был проведен абсолютным большинством голосов. Голосовали дружно, но когда крестьяне увидели в общем списке Мамина, то подняли форменный бунт. Они заявляли, что за него голосовать не будут. Спрашиваем их:

— Почему вы не будете голосовать за него?

— Да какой же он кадет? — слышалось со всех сторон от людей, присутствовавших на его выступлении.— Ведь это сущий черносотенец!

Мы разъяснили крестьянам, кто такие кадеты.

— Если Мамин выступал как черносотенец, то это еще не значит, что он не кадет. Только мы вам рекомендуем не верить льстивым речам других кадетов, действующих умнее Мамина.

Мамин, находясь в избирательном зале, слышал все эти разговоры и, садясь во вторую очередь к избирательной урне, совершенно не был уверен в том, что будет избран. Он прошел в депутаты ничтожным большинством голосов.

Закон гласил, что народный представитель является личностью неприкосновенной. «Хорошая штука»,— подумал я на другой день после своего избрания и решил тотчас же использовать эту неприкосновенность применительно к потребностям тех, кто меня избрал. Пошел я на Любимовский завод и во время обеденного перерыва устроил там митинг. Поговорив 15—20 минут, предложил рабочим составить наказ. Предложение было принято. Решили, что в день моего отъезда вручат мне наказ. Полиция, узнав о митинге, не замедлила явиться на завод, но рабочие уже успели разойтись. Полиции ничего не оставалось делать, как только проводить меня почти до самой квартиры. Таким образом, неприкосновенность моя выразилась в том, что я не был взят за шиворот и притащен в участок, как это делалось с простыми смертными.

Возвратясь к себе, я заглянул в закон — проверить, имеет ли право полиция таким образом сопровождать меня. Читаю и нахожу разъяснение: каждый депутат, захваченный на месте преступления, может быть задержан и привлечен к ответственности. Принимая во внимание, что в России существует самодержавие, устройство митинга с революционными речами, несомненно, является актом преступным. В результате выходит, что никакой неприкосновенности нет.

Все же на следующий вечер я отправился в Заозерский затон для проведения митинга среди судовых команд. Пришлось предварительно сбить с толку следивших за мною шпиков.

Утром узнал, что кооптирован в Пермский комитет РСДРП и вечером должен явиться на заседание комитета. Собрались в квартире Марии Загуменных. Решали организационные вопросы.

На первом же заседании пришлось поставить вопрос о Матвееве, который, вопреки постановлению комитета РСДРП, вошел в блок с кадетами. Пермский комитет в составе Марии Загуменных, Артема и меня постановил удалить Матвеева из рядов РСДРП.

Рассматривали еще несколько вопросов текущего порядка. Это было мое первое и последнее заседание в Пермском комитете, последняя совместная работа с Артемом.

В этот же вечер за чашкой чая Артем с присущей ему веселостью рассказывал о своих столкновениях с полицией в бытность свою в Харькове. Затем он спросил:

— Кувалда, как ты думаешь, если бы полиция узнала, что мы сидим вот здесь, и захватила бы нас с протоколами в руках, что было бы?

— Ну что ж,— ответил я,— вас с Маней Загуменных, вероятно, отправят на новую квартиру немедленно, а меня на основании закона о неприкосновенности... туда же, но немного позднее.

В последние дни моего пребывания в Перми ко мне приехал Иванов, старший врач Александровской больницы. Он сообщил, что прогрессивная часть граждан избирателей города Перми решила устроить банкет в честь отъезжающих депутатов — Баскина и Колокольникова. Эти же граждане просят и меня прийти на чашку чая. Даю согласие и в 7 часов вечера являюсь в дом городского собрания.

Гости уже были за столами и ждали депутатов. В глубине коридора я встретил Баскина с Колокольниковым. Врач Иванов, находившийся тут же занялся определением порядка наших выступлений. Первым должен был выступать он сам, как организатор банкета и выборщик, вторым — Баскин, а за ним Колокольников.

При нашем появлении в общем зале многие гости встали со своих мест и зааплодировали. Яркое освещение, богато убранные столы, роскошно одетые дамы — все это указывало, что я здесь не свой человек. Немного освоившись с обстановкой, сажусь вместе с Баскиным и Колокольниковым.

Минуту спустя встает Иванов и от имени граждан избирателей города Перми провозглашает здравицу вновь избранной Думе. Потом выступали Баскин и Колокольников. После речи Колокольникова направился к трибуне и я. В этот момент я уже забыл, что являлся здесь гостем, думал не о том, что скажут «прогрессивные избиратели» о моей речи, а о том, что необходимо сейчас для рабочих.

Речь моя, очевидно, пришлась не по вкусу, так как присутствующие ответили на нее глубоким молчанием. Только группа молодых людей, стоявших в стороне, аплодируя, запела «Марсельезу». За «Марсельезой» последовала «Варшавянка». Я почувствовал, что и в этом кругу я не так уж одинок.

Условившись с Колокольниковым о дне нашего отъезда из Перми, я удалился с банкета.

Накануне отъезда в Думу я сообщил в мастерские о желании

устроить митинг. Не прошло и получаса, как рабочие всех цехов были уже на канаве сборочного цеха. Рассказав о Государственной думе, о ее значении в истории революционного движения, о ее задачах вообще и о задачах фракции РСДРП, я призвал рабочих быть готовыми к борьбе. Затем был прочитан наказ с неизменными требованиями Учредительного собрания, 8-часового рабочего дня и демократической республики. Рабочие один за другим стали подписывать свои имена под наказом.

Вдруг неожиданно появляется жандармский ротмистр Ружицкий. Я направляюсь к табуретке с намерением взять подписанные листы. Но поздно. Ружицкий одной рукой хватает листы, а другой направляет на меня револьвер. Я протестую. Но это только слова, а заряженный револьвер в руках жандарма является самым убедительным аргументом. Пришлось подчиниться семизарядному закону жандармского ротмистра. То там, то тут слышались возмущенные возгласы. Ружицкий встретил негодующие голоса злобной улыбкой и обратился ко мне:

— Если вам угодно получить эти листы, то будьте любезны зайти вместе со мной в жандармское отделение и там, вероятно, вам их отдадут. Теперь же нам необходимо составить протокол.

В жандармском отделении станции Пермь I меня встретил князь Путятин. Он встал со своего места и любезно пригласил сесть к столу. Ружицкий подал ему наказ, листы и удалился. Путятин, выслушав мое требование о возвращении наказа, ответил, что ему необходимо прежде всего с ним ознакомиться. Он быстро пробежал наказ и спросил меня, обязуюсь ли я отстаивать все выставленные в нем требования.

— Да, обязуюсь,— ответил я.

— Но каким путем вы хотите осуществить их? — последовал вопрос.

Отвечаю:

— Все эти требования будут предъявлены правительству с трибуны Государственной думы.

— Ну а если правительство не удовлетворит ваших требований, то каким путем вы думаете проводить их в жизнь? — произнес Путятин, пытливо уставив на меня злобно сверкающий взгляд.

Я ответил, что пока единственным средством у нас является предъявление требований, а что будет дальше, об этом я не считаю нужным сообщать.

На этом беседа с Путятиным закончилась. Наказ не был мне возвращен.

В день нашего отъезда — 14 февраля 1907 года — состоялась демонстрация пермского пролетариата. Она была одной из грандиозных демонстраций и, необходимо добавить, последней демонстрацией того периода, сверкнувшей, как луч заходящего солнца, на фоне черной реакции. Население города Перми и Мотовилихи было широко оповещено через «Камский край» об отъезде депутатов. Проверяя, насколько осведомлены рабочие, я пошел в Мотовилиху. Около ворот завода собралось несколько сот рабочих.

Я произнес короткую речь и просил их передать остальным товарищам о том, что сегодня в 12 часов ночи уезжают депутаты в Думу и необходимо поэтому всем собраться на вокзале для заслушивания наказа, вручаемого рабочими.

Уже в 8 часов вечера из города и Мотовилихи потянулись вереницы людей к станции Пермь I. Шли старые и молодые. Можно было заметить и учащуюся молодежь. Было много и женщин.

К 9 часам вечера обширный зал III класса оказался переполненным. Открыли двери зала I класса, но растущая толпа заполнила и его в каких-нибудь десять минут. Стало душно; потребовали открыть все входные двери вокзала.

Мы с Колокольниковым стояли почти в конце зала III класса, недалеко от выходной двери. Был поставлен стол, заменивший трибуну. Позади нас, у коридора, ведущего в телеграф и к начальнику станции, стояли жандармы. Кроме револьверов они были вооружены еще и винтовками. Жандармов было не менее 30. Во главе их находились полковник Петров, князь Путятин и ротмистр Ружицкий. Публика, видя, что жандармы, выстроившись в ряд, стоят смирно, стала успокаиваться.

— Пора приступить к делу! — крикнул кто-то.

— Пора! — как эхо, пронеслось в зале.

Товарищ Сащенко, из главных железнодорожных мастерских, избранный председателем, объявил собрание открытым и дал мне первое слово.

Присутствие жандармов создавало чрезвычайно сложное положение. Я решил не давать им, хотя бы вначале, повода для разгона аудитории. Но настроение аудитории повышалось. Достаточно было напомнить о 17 октября 1905 года, как в зале поднялась буря. Чувствовалось сознание рабочими своей силы. Говоря о самой Государственной думе, о ее составе, о ничтожности ее прав, я указал, что наилучший путь для решения социального вопроса — Учредительное собрание.

За мной выступил Колокольников.

Потом снова на трибуне появляется Сащенко. Держа в руках художественной работы папку, он обращается к аудитории с просьбой выслушать наказ.

Сащенко начал читать. Он старался делать ударение на особо важных требованиях. «Мы требуем предания народному суду всех палачей, расправлявшихся с народом, боровшимся за свое политическое и экономическое раскрепощение... Мы требуем созыва Учредительного собрания, избранного на основе всенародного права, и установления демократической республики».

Все чтение наказа, начиная с требования 8-часового рабочего дня и кончая требованием демократической республики, сопровождалось взрывами энтузиазма. Выслушав наказ до конца, аудитория выразила желание выслушать мое мнение по наказу.

Я заявил, что, состоя в рядах РСДРП, считаю защиту заявленных в наказе требований для себя обязательной, так как они выписаны из нашей программы. Затем я спросил:

— Клянетесь ли вы, что по первому зову революционной части Государственной думы восстанете, как один, и вырвете из рук самодержавия и буржуазии все то, о чем написано в этом наказе?

— Клянемся! — раздаются возгласы возбужденной толпы.

— Долой самодержавие! — кричат в задних рядах.

Дальше уже нельзя было говорить. Я спустился на пол. В зале понемногу стало затихать. Через минуту снова поднялись крики:

— Продолжай!

Напрасно Сащенко обращался к аудитории с призывом закончить митинг.

— Просим! — раздаются голоса снова, но уже слабее.

Многие были склонны разойтись. Но в этот момент с улицы послышались возгласы:

— Телеграмма, телеграмма.

— Передайте ее депутатам.

— Экстренный выпуск телеграмм «Камского края»!

Телеграмма наконец доходит до нас. Из нее мы узнаем, что в Красноуфимске вновь избранные депутаты II Государственной думы Сигов и Ершов, выходившие из Народного дома вместе с избирателями, были настигнуты конной полицией и избиты нагайками. Оба депутата принадлежали к партии социалистов-революционеров.

Известие об избиении депутатов вмиг разнеслось по залу и произвело действие искры, поднесенной к пороху. Со всех сторон раздались возгласы негодования и требование огласить телеграмму. Сообщив о событии в городе Красноуфимске, я решил сделать соответствующие выводы.

— Товарищи,— начал я,— избиение двух представителей народа еще раз показывает нам, насколько мы бесправны. Не нужно думать, что избиение наших представителей является простой случайностью. Нет, это один из штрихов общей политики самодержавия, взявшего курс на реакцию. Если сегодня ваших представителей бьют поодиночке, то нет гарантий, что завтра их не будут бить оптом. Самодержавие, чувствуя близость своей гибели, вступает в смертный бой с народом. Оно организует погромы и провокации против нас. Оно старается продолжить свои дни. Товарищи, идите за теми, кто смело зовет вас в последний бой с врагами угнетенного народа!

Когда я закончил, на другом столе появился Матвеев. Выступая от имени граждан, он продолжал клеймить политику царского правительства и призывал объединяться вокруг революционной части Думы.

Пермская жандармерия спустила выступление мне, посчитав, вероятно, неудобным создавать инцидент из-за депутата Думы. Но примириться с выступлением простого смертного она не могла. Я следил за полковником Петровым и князем Путятиным: достаточно было Матвееву произнести несколько слов, как представители жандармерии стали походить на пантер. А за Матвеевым

выступили выборщики от мотовилихинских рабочих Карелин и Тронин. Не успел Тронин произнести несколько слов, как полковник Петров пришел в бешенство. Он бросился к столу-трибуне и дико заорал:

— Замолчать! Довольно митинговать!

В ответ ему в десяти шагах от меня из толпы громко ответили:

— Долой жандармерию!

— Долой жандармерию! — подхватили со всех сторон.

В то же мгновение раздался выстрел из револьвера...

Выстрел был произведен с того же места, откуда раздался и возглас «Долой жандармерию!».

Не дожидаясь приказа, жандармы дали залп из винтовок, затем послышалось щелканье затворов и началась беспорядочная стрельба...

Аудитория вмиг превратилась в охваченную паникой толпу. Все устремляются к выходам, но выходы забиты... Создается невероятная давка, слышатся душераздирающие вопли женщин, призывы на помощь... Многие, упав на пол, не хотят вставать, прячут свои головы. Другие рвутся к выходам и спотыкаются об упавших.

Жандармы стояли и спокойно стреляли. Хотя стреляли они вверх, но пули, ударяясь в потолок, давали рикошет и угрожали смертью лежащим на полу. Ранено было два человека.

После первого залпа меня и Колокольникова схватила группа рабочих и спрятала за одну из скамей, стоявшую недалеко от трибуны. Кто-то, навалившись на меня, раздраженно произнес:

— Да ведь они тебя убьют!

Наконец выстрелы смолкли и раздался оклик полковника Петрова:

— Очистить зал!

Ко мне подошел князь Путятин.

— Поздравляю вас, господин Путятин, с великой победой,— сказал я.— Вот видите, сколько трофеев будет принесено вами на алтарь отечества,— и я указал на валявшиеся на полу галоши, шапки и другие предметы одежды.— За это благодарное потомство увековечит ваше имя постановкой памятника.

Возмущенный Путятин заявил, что на вокзалах митинги устраивать не полагается.

— Мало того, что незаконное сборище учинили, но еще и в жандармов стрелять начали,— при этом Путятин показал рукой на то место, откуда был произведен первый выстрел.

— Разрешите заявить, что выстрел из толпы, по моему мнению, был состряпан той же охранкой,— сказал я.

Путятин ответил:

— А вот мы расследуем и увидим, кто из нас прав — мы или вы.

После отъезда депутатов охранка сдержала свое обещание о расследовании беспорядков на Пермском вокзале. Виновником, как и следовало ожидать, оказался я. Выстрел охранка приписала толпе.

Между прочим, спустя 13 лет, в 1920 году, Пермская губчека, арестовав Фому Лебедева и выяснив его провокаторскую деятельность, установила со слов самого Фомы, что в 1907 году, при проводах депутатов Думы, провокационный выстрел из толпы был произведен им. Таким образом, наше давнишнее предположение о характере выстрела оказалось верным, так же как и предположение относительно самого Фомы, служившего в охранке. Мы выкинули его из партии еще летом 1906 года.

Вернусь к памятному дню.

Наши пререкания с Путятиным закончились тем, что он неожиданно любезно спросил, не ушибся ли я во время свалки.

«Что за черт, какое ему дело до моего состояния»,— подумал я. Глядя на его физиономию, говорю:

— Совершенно невредим, только одной галоши не хватает.

— Какой номер ваших галош? — справляется Путятин.

— 15-й,— отвечаю.

Он смотрит на меня и снова повторяет вопрос.

— Не верите? — спрашиваю и, сняв сохранившуюся галошу, показываю.

Путятин обращается к жандармам и отдает распоряжение найти мою галошу.

В это время вбегает в зал моя жена и, в изумлении глядя на меня, спрашивает:

— Ты жив?

— Вот видишь,— говорю я.— Жандармы ищут мою галошу.

— Ну, а наказ?

— И наказ невредим.

Жандармы, перебрав с сотню галош, моей так и не нашли. Слышу — второй звонок. Беру наказ под мышку и иду к поезду. На платформе, кроме жандармов, вооруженных винтовками, и кондукторов,— ни души. Лишь кое-где, вдали от вокзала, собравшись маленькими кучками, стояли рабочие. Я узнал от одного железнодорожника, что Карелин и Пирожков (тоже мотовилихинский рабочий) были схвачены жандармами и уведены.

Перед самым отходом поезда на помощь жандармам из города прискакали драгуны. Но «вооруженное восстание» уже закончилось.

Третий звонок. Поезд тронулся.

Когда вагон поравнялся с группой рабочих, кричу:

— Прощайте, товарищи! Долой самодержавие!

— Долой самодержавие! — кричат они в ответ.

Заметив движение жандармов по направлению к ним, рабочие быстро рассеялись.

Под красным знаменем. Сборник воспоминаний. Молотов, 1957, с. 94—107

В. А. Чащин

В. И. ЛЕНИН И ДЕПУТАТЫ II ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Мои встречи с Владимиром Ильичем относятся к 1907 году, к периоду работы II Государственной думы, депутатом которой я был от рабочих Урала.

Несмотря на поражение Декабрьского вооруженного восстания 1905 года, рабочий класс продолжал оказывать упорное сопротивление контрреволюции. Это показала избирательная кампания во II Государственную думу, в которой мы участвовали согласно разработанной В. И. Лениным тактике. На Урале предвыборная кампания проводилась под руководством большевистской организации и закончилась победой: от Урала были избраны три депутата-большевика [1].

Партийные организации использовали проводы депутатов-большевиков в Петербург для широкой пропаганды лозунгов партии. Проводы депутатов выливались в массовые революционные демонстрации. Так было в Надеждинске, где после митинга и демонстрации был прочитан наказ депутату от рабочих Надеждинского завода, так было в Кушве и Перми, через которые проезжали депутаты-большевики.

На другой день после приезда в Петербург я направился в Таврический дворец, где должна была заседать Дума. Войдя в здание, я встретил депутатов-большевиков А. П. Вагжанова, Н. А. Жиделева, И. Р. Романова и И. А. Петрова (петербургского). Они сообщили, что вечером социал-демократы собираются на Рождественке. Нужно явиться для регистрации в социал-демократическую фракцию.

За два дня до открытия Думы А. А. Богданов, который жил вместе с Лениным в Куоккала, предложил нам отправиться в первый раз к Владимиру Ильичу.

Утром 18 февраля 1907 года депутаты-большевики Н. А. Жиделев от Иваново-Вознесенска, Е. А. Петров от Пермской губернии, В. М. Серов от Саратовской губернии, И. А. Петров от Петербургской губернии, В. А. Чащин от Пермской губернии, А. П. Вагжанов от Твери, И. Р. Романов от Сормова — насколько мне помнится, человек 8—10 — выехали с Финляндского вокзала на станцию Куоккала. Дорогой я встретился с Н. А. Жиделевым, И. Р. Романовым и А. П. Вагжановым. Мы вышли из вагона и пошли направо

[1] Депутатами от Урала были Е. А. Петров, А. А. Шпагин и В. А. Чащин. *Ред.*

17 Заказ 4835

от вокзала на дачу «Ваза», где жил В. И. Ленин. Я очень волновался, думая, что Владимир Ильич строг, спросит что-нибудь вдруг, а я не буду знать, как ответить. Ведь я был молод и неискушен в политике. Товарищи, с которыми я шел, тоже заметно волновались.

Дача была с мезонином (башенкой), внизу жили Владимир Ильич и Надежда Константиновна. При входе был коридор, можно сказать коридорчик, по левую сторону — комната Владимира Ильича, направо — комната Надежды Константиновны.

Ехали мы к Владимиру Ильичу, как к вождю партии, поговорить и получить установки о тактике социал-демократической фракции в Государственной думе.

Владимир Ильич принял нас приветливо и тепло, по-товарищески поздоровался с каждым. Удивительная его простота меня, провинциала-новичка, расположила к нему бесконечно. Когда он ясно и убедительно говорил о работе ли в Думе или о разногласиях с меньшевиками, его живые, проницательные глаза как будто искрились, и это еще больше располагало к нему. Хорошо помню, как он расспрашивал меня о выборах на местах, о том, как и какое участие принимали рабочие в этих выборах, а главное, какую роль играла партийная организация.

Владимир Ильич говорил с нами о предстоящей работе социал-демократической фракции в Думе, определил отношение социал-демократов к буржуазным партиям, классовые задачи пролетариата в период буржуазно-демократической революции и подробно остановился на вопросах тактики социал-демократов в Государственной думе. Владимир Ильич подробно охарактеризовал отношение меньшевиков к Думе, называл их «кадетообразными», указывая на их измену рабочему классу.

20 февраля 1907 года открылась II Государственная дума.

Группа депутатов-большевиков несколько раз ездила в Куоккала к Владимиру Ильичу перед тем, как социал-демократическая фракция выступила в Думе с ответом на декларацию столыпинского правительства. Когда мы приезжали, Владимир Ильич чрезвычайно оживлялся. Он настоятельно требовал, чтобы мы вели непримиримую борьбу с меньшевистской частью фракции за большевистскую линию партии, советовал разоблачать в Думе и вне ее кадетско-меньшевистский лозунг «беречь Думу».

Во фракции вокруг ответа на декларацию правительства разгоралась сильная борьба. На ряде фракционных собраний, посвященных обсуждению этого вопроса, столкнулись две линии — большевиков-ленинцев и меньшевиков.

В большевистском ответе, который был составлен В. И. Лениным в виде проекта воззвания, разоблачалась антинародная сущность столыпинской декларации, выражавшей интересы помещиков, вскрывалась замаскированная угроза разгона II Государственной думы. С трибуны Государственной думы большевики призывали рабочих, крестьян, солдат и матросов в едином союзе

бороться за решение коренных вопросов — перехода земли в руки крестьянства, избавления рабочих и всех трудящихся от кабалы и гнета помещиков и капиталистов [1].

Меньшевистская же декларация заключала в себе только критику правительства Столыпина [2].

Приближалось 1 мая 1907 года. Столыпинская реакция свирепствовала вовсю: строго запрещались рабочие собрания, происходили массовые аресты, действовали военные суды, росла безработица.

Дня за два до 1 мая группа депутатов-большевиков снова побывала у Владимира Ильича. Он предложил нам непременно выступать на рабочих маевках. В. И. Ленина интересовало настроение рабочих.

Маевки 1907 года проводились в очень тяжелых условиях: казаки повсюду разгоняли рабочих. Депутат Н. А. Жиделев был арестован и ночевал в каталажке. На другой день его освободили; я и Романов избежали ареста только потому, что, перепрыгнув через забор, убежали от казаков.

Государственная дума приступила к обсуждению аграрного вопроса. Он очень волновал социал-демократическую фракцию. Депутаты-большевики несколько раз ездили советоваться в Куоккала к Владимиру Ильичу Ленину. Надо сказать, что аграрный вопрос нам, рабочим депутатам, казался очень сложным, и Владимир Ильич помог нам разобраться в нем, разъяснил существо аграрных программ разных партий.

Меньшевики для разъяснения аграрной программы приглашали во фракцию Петра Маслова, который агитировал за муниципализацию.

Большевики не верили в прочность существования II Государственной думы. В. И. Ленин еще 4 марта 1907 года писал в газете «Пролетарий»: «Разгон Думы более, чем вероятен: он неизбежен именно потому, что мы переживаем, по существу дела, вовсе не конституционный, а революционный кризис. И именно поэтому было бы самой вредной, смешной и жалкой политикой прятать себе голову под крыло, пытаться отговориться от неизбежных следствий данного политического положения, пытаться словами, фразами затушевать яркое, ослабить резкое, затемнить очевидное»[3].

С поразительной точностью предугадал Владимир Ильич государственный переворот 3 июня 1907 года.

2 июня закрылось последнее, 53-е, заседание Думы. Правительство торопилось. Утром следующего дня вышел «высочайший» указ о роспуске Думы.

После окончания последнего заседания группа депутатов-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 27—29. *Ред.*

[2] Так как в социал-демократической фракции преобладали меньшевики, фракция приняла меньшевистский проект воззвания, который был оглашен в Думе И. Г. Церетели. *Ред.*

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 70. *Ред.*

большевиков, человек восемь, решила сейчас же ехать к Владимиру Ильичу.

Приехали мы взволнованные, рассказали ему обо всем, что происходило в Думе на последних двух заседаниях. Владимир Ильич тоже был взволнован. Время было ответственное: от всех требовалась большая выдержка и стойкость.

Мы просидели у Владимира Ильича до глубокой ночи, обсуждая этот вопрос. Депутаты, заседавшие днем в Думе, были очень утомлены. Н. А. Жиделев, сидевший на корточках около печки, окончательно утомившись, неожиданно задремал. Владимир Ильич, быстро ходивший из угла в угол, остановился около него и, улыбаясь, заметил:

— Устал бедняга.

Обсудив создавшееся положение, Владимир Ильич предложил нам направиться на фабрики и заводы Петербурга и рассказать рабочим о происходивших событиях.

Между прочим, когда я заметил, что в момент нашего выступления на собраниях мы будем сейчас же арестованы, Владимир Ильич ответил:

— Так что же? Пусть берут на глазах у всех, пусть все видят, как царское правительство расправляется с депутатами от рабочих.

Поздно ночью, в 3 часа, распрощавшись с Владимиром Ильичем, мы поехали в Петербург, уговорившись назавтра отправиться по заводам и фабрикам. Но выступать нам не пришлось, так как мы были арестованы...

О Владимире Ильиче Ленине Воспоминания. 1900—1922 годы М., 1963, с. 80—84

Е. А. Киселев

НА ЛОНДОНСКОМ СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

В 1907 году, с февраля по апрель, в Москве в районных партийных организациях шла подготовка и выборы делегатов на V (Лондонский) съезд партии. Партийная организация Бутырского района избрала делегатом меня. Для каждого члена партии участие в работе съезда — большое событие, тем более важным это избрание было для меня, тогда молодого коммуниста. Доверие товарищей волновало и радовало.

На явке у секретаря Московского комитета товарища Марка (А. И. Любимова) я услышал хорошее напутствие:

— Смотри веди себя конспиративно, а то ведь будет потерян большевистский голос.

По намеченному плану при проезде через Финляндию мы, делегаты-большевики, должны были встретиться с Владимиром Ильичем, жившим в то время в Финляндии, недалеко от Выборга. На станции Куоккала нас встретил партийный патруль и направил на ночлег, приготовленный в одной из пустующих дач.

Здесь собралась большая часть московских и часть петербургских делегатов съезда. Вечером, как только стемнело, нас пригласили на квартиру В. И. Ленина. Задними ходами мы подошли к двухэтажному домику и вошли в небольшую квартиру, состоящую из двух маленьких комнат. В одной из них уже сидело несколько петербургских делегатов. К великому нашему огорчению, Владимира Ильича дома не оказалось: незадолго перед тем он выехал на съезд. Нас встретила Надежда Константиновна Крупская.

Она приняла нас с большим радушием: накрыла по-семейному стол и устроила ужин. Помню, Надежда Константиновна расспрашивала о настроениях рабочих и была очень довольна, что московская организация послала на съезд большевиков, по преимуществу рабочих от станка.

В квартире Владимира Ильича за дружеской беседой мы провели часа четыре и на следующий день выехали в Лондон, где собрался съезд. Мои впечатления о Лондонском съезде неразрывно связаны с воспоминаниями о Ленине, о той выдающейся роли, которую он играл на этом съезде.

Перед началом съезда состоялось совещание делегатов-большевиков под руководством В. И. Ленина. Мне было тогда 20 лет;

я знал Владимира Ильича только по литературе, и показалось мне: он должен быть каким-то особенным, недосягаемым и великим. Я очень удивился, когда увидел, что Ленин выглядит очень просто, одет в недорогой костюм, какие обычно носят квалифицированные рабочие. На съезде он всегда был окружен делегатами-большевиками, внимательно слушал каждого, кто к нему обращался, отвечал на все наши вопросы, шутил и смеялся, держался с подкупающей простотой. Владимир Ильич восхищал нас своими четкими и понятными рабочим выступлениями, ясными формулировками.

Осуществление большевистской линии на съезде требовало от В. И. Ленина исключительной выдержки. Резкое размежевание съезда на большевиков и меньшевиков и разногласия между ними проявились с самых первых шагов работы.

Большевики заняли в помещении съезда правую сторону, меньшевики — левую; в центре, ближе к большевикам, сели поляки и латыши, рядом с меньшевиками — бундовцы.

Острые и продолжительные прения по порядку дня в течение шести заседаний вызвали раздражение и утомление среди части делегатов, особенно среди рабочих. Делегаты разных фракций выражали недовольство перед опасностью затягивания съезда.

Группа рабочих подняла вопрос о регулировании и сокращении прений. В. И. Ленин одобрил эту здоровую заботу об экономии времени. Вместе с тем он разъяснил, что борьба за порядок дня имела большое принципиальное значение, ею определялись характер и значение съезда.

Некоторые доклады и выступления ораторов на съезде сохранились в памяти. Особенно запомнилось обсуждение вопроса «Отношение к буржуазным партиям». Первым докладчиком по этому вопросу был В. И. Ленин [1].

Вдохновенная, глубоко содержательная и простая речь Владимира Ильича отличалась необыкновенной убедительностью. В докладе Ленин не прибегал к внешним украшениям. Своей обоснованностью доклад произвел огромное впечатление на делегатов. Его внимательно слушали не только мы, большевики, и представители национальных центров, разделявшие наши позиции, но и весь съезд. Тишина в зале была такая, о которой говорят: муха пролетит, и то слышно.

Ленин развивал в своем докладе положение о том, что рабочий класс должен быть вождем буржуазно-демократической революции, должен идти своим путем, а не плестись за либеральной буржуазией, как предлагали меньшевики. В словах Ленина звучала глубокая вера в мощные революционные силы рабочего класса России.

Владимир Ильич был очень близок с делегатами-единомышленниками. Эта близость основывалась на общей работе, она была заметна и во многом другом. Нужно сказать, что делегатам на

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 330—349. *Ред.*

прожитие давали очень мало денег — два шиллинга и несколько пенсов в день, и жилось нам неважно. М. Ф. Андреева, жена М. Горького, и Н. Б. Богданова, жена делегата съезда А. А. Богданова, очень милые товарищи, видя наше недоедание, по указанию Владимира Ильича во время перерывов между заседаниями подкармливали делегатов-рабочих бутербродами и пивом.

Как-то в один из воскресных дней, когда съезд не работал, группа делегатов-москвичей отправилась в Гайд-парк, место прогулок, народных гуляний и собраний в Лондоне, где в то время под открытым небом тысячи людей слушали ораторов от разных партий.

Нам, приехавшим из царской России, было странно видеть, что народ свободно слушает политические речи. Невольно возникал вопрос:

— Почему же английские рабочие не свергают свою буржуазию, если они уже имеют такие завоевания? Да, видно, их вожди: Макдональд, Персель, Гендерсон — морочат и морочат им головы!

Мы долго ходили по парку, устали и сели отдохнуть. В это время к нам подошли В. И. Ленин, И. Ф. Дубровинский, М. Н. Покровский. Помню, Владимир Ильич сказал:

— Ну как, товарищи рабочие, скоро ли мы в России будем так же свободно митинговать?

Завязалась непринужденная товарищеская беседа, которая иногда запоминается лучше, чем обстоятельный доклад. Ленин умело направлял беседу, задавая нам вопросы. Сколько в районе предприятий? Сколько рабочих-партийцев? Сколько рабочих в районном комитете? Каково настроение рабочих? Как идет борьба с меньшевиками за влияние на рабочих?

Его интересовало все. С большим вниманием и интересом он слушал наши, подчас не совсем складные, ответы. Делал одобрительные замечания, когда мы говорили, что отвоевали у меньшевиков влияние на рабочих. В Москве на всех металлообрабатывающих заводах и на всех крупных фабриках действовали только большевистские организации. Это подтверждается тем, что на съезд от Москвы были выбраны семь большевиков-рабочих и только один меньшевик — от папиросной фабрики «Дукат»[1].

В конце беседы речь зашла о том, что многие попутчики революции, особенно интеллигенты, примкнувшие к ней в момент подъема, сейчас уходят из партии.

— Ну и пусть уходят! Теперь самим рабочим необходимо вести всю подпольную агитацию и пропаганду. Противники большевиков — меньшевики и эсеры будут использовать против нас все наши слабые стороны,— сказал Владимир Ильич.— Вы больше читайте, учитесь говорить таким языком, чтобы вас понимали

---

[1] В протоколах V съезда РСДРП отмечено, что на съезд от московской организации было выбрано 11 большевиков и 3 меньшевика, от московской окружной организации - 5 большевиков (см.: Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1963, с. 623- 624) *Ред.*

малосознательные рабочие. Особенно хорошо готовьтесь к пропагандистской работе.

Неизгладимое впечатление осталось у нас от этой беседы.

После трехнедельной работы, напряженных прений и борьбы вокруг решений съезд закончил работу. Мы, большевики, имели все основания радоваться итогам съезда. Настроение было приподнятое. Торжественно прозвучал «Интернационал». Раздался возглас:

— Да здравствует русская революция!

Этот возглас подхватили все делегаты, и мы разошлись.

После съезда в одном из небольших ресторанов состоялось последнее заседание фракции большевиков. Владимир Ильич по просьбе делегатов сделал общий краткий обзор работы съезда.

— Главное достижение,— сказал он,— состоит в том, что съезд закончился победой большевиков по всем принципиальным вопросам над оппортунистами-меньшевиками. Необходимо теперь на местах еще усиленнее развернуть работу и непримиримо драться с меньшевиками за влияние на рабочие массы.

Это было последнее собрание в Лондоне, где я слушал Владимира Ильича Ленина.

О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы. М., 1963, с. 85—88

Б. З. Шумяцкий

ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

После разгона II Государственной думы царизм начал и на Дальнем Востоке более серьезную подготовку к выборам III Государственной думы. Подготовка эта велась не только сужением избирательного закона и сокращением нормы представительства от рабочих и крестьян. Она велась также и путем насаждения черносотенной общественности и столыпинского парламентаризма, опирающегося на дворянскую, поповскую и купеческо-октябристскую курии.

В Приморье, как и в других окраинах, господствовали оппозиционные настроения. Сказывалось здесь и отсутствие помещиков. Вот почему на выборах имелись шансы провести депутата от «левых» партий, как тогда, сваливая в одну кучу большевиков, меньшевиков и эсеров, именовал их оппозиционный обыватель.

Вполне понятно поэтому, что на почве выборов возникла жестокая борьба партий.

Эсеры, указывая на свое первородство по отношению к крестьянству, тянули избирателя в сторону своего кандидата старого местного народника Н. Матвеева.

Меньшевики доказывали необходимость избрания вечного их кандидата Ф. Манаева.

Большевики же, перенося центр тяжести избирательной борьбы с личности кандидата на сам процесс предвыборной агитации и организации масс, хотя вначале и поддерживали Манаева, но затем выдвинули своим кандидатом рабочего мастерских Владивостокского порта И. Гвоздя. На почве избирательной борьбы часто происходили курьезы.

Например, эсеры внезапно сняли из списка своего кандидата Матвеева.

На большом, чуть ли не тысячном, избирательном собрании, зная, что снятие кандидатуры Матвеева имело какую-то не только личную, но и политическую причину, кто-то потребовал, чтобы эсеры назвали причины снятия кандидатуры Матвеева, ибо в городе уже говорили, что его снятия потребовали избиратели и сионисты, с которыми эсеры блокировались, якобы обвиняя его в антисемитизме.

Оратор от эсеров — Красавчик (профессионал) мялся, мялся, но под влиянием настойчивых вопросов взял да и выпалил:

— «Антерну» (французское слово, означающее «между нами говоря»), мы сняли его потому, что он пьет.

Смех всех присутствовавших был ответом на это «антерну», обращенное к тысячной аудитории.

Или был еще другой случай.

На предвыборном собрании в Никольске-Уссурийском (в здании, кажется, реального училища) шла ожесточенная полемика между эсерами и большевиками. В самый разгар спора, когда ораторы обеих партий, стоя на одной трибуне, старались друг друга перекричать, поднялся полицейский чин и, взяв их за полы, стал стаскивать с трибуны. «Чего вам спорить? Вы эсдек, а вы эсер. Как жаль, что я не могу прервать ваш спор арестом».

Первая стадия выборов прошла в словесной агитации.

Но во время второй — при выборах выборщиков — агитация приняла форму борьбы печатным словом. И вот тут-то большевики и почувствовали превосходство буржуазных партий, в руках которых были сосредоточены все типографии, к услугам которых была пресловутая «свобода слова».

Каждый день город забрасывался десятками тысяч воззваний буржуазных партий, тысячами экземпляров газет.

Мы решили ответить на этот поток печатной агитации установкой подпольной типографии, бездействовавшей у нас с момента закрытия ее вследствие ожидаемого провала — летом 1907 года, ожидавшегося вследствие похищения ее меньшевиками.

В домишке нашего кандидата в депутаты, тогда еще выборщика И. Гвоздя, находящегося в пригородном поселке Голубиная Падь, мы начали оборудовать помещение для нелегальной типографии. Над этим делом работали И. Юдин, Е. Ковальчук, Ел. и М. Тарлецкие и хозяин дома И. Гвоздь. Под полом была оборудована большая комната с деревянным, покрытым войлоком и линолеумом полом. Шрифт натаскали из местных типографий, станок изготовили в портовых мастерских. Прокламации печатали и днем и ночью. Набирали И. Юдин и Е. Тарлецкая (Л. Шумяцкая).

Через некоторое время поставили второй станок, так как нужда в листовках была огромная. Но и при этом условии типография выбрасывала в день около 2—3 тысяч экземпляров.

Когда определился результат первых стадий выборов и стало ясно, что кандидат большевиков рабочий И. Гвоздь имеет шансы пройти в Государственную думу, власти выступили с какими-то «разъяснениями», и И. Гвоздь был лишен избирательных прав. Таким же образом был «разъяснен» и кандидат меньшевиков Ф. Манаев.

После этого решено было, не входя в избирательное соглашение, отдать голоса наших выборщиков кандидату эсеров трудовику Шило.

Шумяцкий Б. В Сибирском подполье. Очерки 1903—1908 гг. М.— Л., 1926, с. 184—186

В. Д. Бонч-Бруевич

БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ДЕЛА В 1905—1907 ГОДАХ

(Из воспоминаний)

По возвращении из эмиграции в ноябре 1905 года, после того как я ликвидировал все порученные мне дела партии в Женеве, и присмотревшись в Петербурге ко всем партийным делам, мне скоро стало ясно, что нам, нашей партии, нельзя никак обойтись без книгоиздательского центра. К этому времени многие частные издательства стали особенно сильно интересоваться социал-демократической литературой и были не прочь напечатать те или другие наши брошюры и даже книги, так как литература этого рода сильно спрашивалась и хорошо распространялась... В Петербурге издательство «Знание», находившееся под руководством А. М. Горького, по предложению членов ЦК РСДРП большевиков Л. Б. Красина и П. П. Румянцева согласилось организовать у себя большой общественный отдел с главным редактором Петром Петровичем Румянцевым.

Несмотря на существование этих, а также и на ряд других подобных издательств, все это было не то, что действительно нужно было нашей партии. Мы хорошо знали, что большинство этих издательств сейчас же пойдут на попятный, как только реакция проявится с достаточной силой. Кроме того, мы хорошо знали, что ни одно из этих издательств не пожелает рисковать собой, своим коммерческим делом во имя издания тех или других партийных брошюр, которые нам, как партии, были очень необходимы, а им, как частным издателям, очень невыгодны и даже вредны.

Появление у них подобных партийных изданий должно было навлечь всяческие подозрения со стороны цензуры, охранного отделения и жандармских властей...

В поисках средств в конце 1905 года, в последних числах декабря, я вместе с нашим товарищем Н. Чужаком (Насимовичем) отправился к моей знакомой О. А. Мухиной, с которой я познакомился через социал-демократа И. Я. Львова, приехавшего из Великого Устюга. Через А. В. Луначарского, знавшего его еще со времени давнишней ссылки, он сблизился с нашей партией, заявив нам, что давно считал себя тайным социал-демократом и всегда, чем мог, помогал нам в провинции и что теперь хочет открыть в Петербурге типографию исключительно для того, чтобы под своим легальным именем дать возможность партии, и именно ее большевистской части, печатать все то, что она найдет нужным.

Это нам было очень на руку и было принято с удовлетворением. Посоветовавшись с Никитичем, который ведал в то время всей большевистской партийной практической и финансовой частью, а также осведомив обо всем Владимира Ильича, я получил директиву большевистской части Центрального Комитета присматривать за этим делом и стараться организовать его таким образом, чтобы оно могло быстро расшириться, раз в этом явится нужда. Вместе с тем я получил предупреждение от Красина, что денег в кассе у нас очень мало и что на это дело надо всемерно их раздобывать.

Прошу читателей помнить, что во всей этой моей работе, когда я говорю о «нашем ЦК», я подразумеваю ту большевистскую часть общего ЦК, бывшего тогда, в сущности, меньшевистским, которая вошла в объединенный ЦК, выбранный на IV, Объединительном (Стокгольмском) съезде. Надо здесь решительно отметить, что эти выборы «объединенного», а в сущности, по большинству голосов, меньшевистского ЦК на наши большевистские дела, как таковые, не имели почти никакого влияния. Мы отнюдь не разоружились как самостоятельная сильная революционная фракция. Наоборот, мы вновь насторожились, совершенно не доверяя меньшевикам. Вся наша практическая деятельность протекала под непосредственным контролем и руководством Владимира Ильича Ленина. Мы, большевики, везде и всюду вели свою революционную линию... Владимир Ильич ни на минуту не прекращал полемики с меньшевиками. То же самое было во всей нашей агитационно-пропагандистской деятельности. Само собой понятно, что и в партийных издательских делах мы твердо стояли на наших старых женевских позициях. Мы существовали отдельно, и вся наша деятельность была сопряжена с нашим большевистским центром, который продолжал для нас существовать беспрерывно, и этот центр был, конечно, вокруг Владимира Ильича. Большевистская часть Петербургского комитета также всегда собиралась отдельно, являясь на общее («объединенное») собрание комитета как компактное единое целое с определенными директивами от большевистской части ЦК, которая нередко собиралась у Владимира Ильича в Куоккала или в Петербурге, куда он приезжал.

Я бывал вместе с Львовым у О. А. Мухиной, которая держала на Мойке большой меблированный дом. Она оказывала уже нам неоднократно содействие в прописке наших нелегальных, в том числе и Надежды Константиновны Крупской, которая жила некоторое время в этих меблированных комнатах. Она также давала нам возможность скрывать в ее трехэтажном доме наши транспорты литературы и оружия. Зная все это, я решил откровенно поговорить с ней о нашей партийно-издательской нужде. [...] Я, в сущности, еще очень мало знал О. А. Мухину и был с ней знаком едва ли с месяц, в который несколько раз имел случай говорить о современном движении, а также об издательстве книг для широких масс. И мне было совершенно неизвестно, как отнесется она к этому новому делу. Вот почему я решил атаковать ее изо всех

сил и сейчас же, немедленно реализовать то предложение, которое я ей делал. К моему великому удовольствию, Ольга Александровна очень быстро усвоила все то, что я говорил ей, и выразила полное сочувствие и согласие на издание такого журнала.

В этот же день к вечеру я опять встретился с Львовым, который подтвердил мне полное желание Ольги Александровны сейчас же начать издание журнала и организацию типографии и сообщил, что она хочет, если это потребуется, выдать завтра же 5 тысяч рублей.

Нам вовсе не нужны были такие деньги, потому что мы наверное знали, что журнал окупит себя и покроет минимальные редакционные расходы: оплату авторам, а также расходы на бумагу и типографию. Мы сильно рассчитывали на розничную продажу номеров. Но нам нужно было создать свою собственную типографию, где бы мы могли распоряжаться так, как это было нам нужно, и большую часть этих денег было предложено затратить на организацию типографии под фирмой И. Я. Львова. Он быстро получил разрешение от градоначальника на открытие типографии. Мы приобрели в Петербурге небольшую старую типографию, да он привез свои старые машины из Великого Устюга. Дело, таким образом, быстро наладилось и закипело вовсю.

Когда Владимир Ильич узнал, что мы уже имеем здесь, в Петербурге, свою типографию и что мы хотим организовать журнал, он очень этому обрадовался, а я ему добавил, что как только журнал чуть станет на ноги, то мы сейчас же начнем издавать брошюры и книги, которые нужны будут нашему Центральному Комитету партии. Это еще более понравилось Владимиру Ильичу, так как в это время газета «Новая жизнь» уже дышала на ладан и совершенно было ясно, что дни ее сочтены. Повсюду стало веять все более и более надвигающейся реакцией.

Центральный Комитет партии назначил меня ответственным секретарем нового журнала «Наша мысль», и я вошел в его редакцию на правах редактора. Другими редакторами были назначены И. П. Гольденберг (Мешковский) и столь прославившийся впоследствии Григорий Алексинский. Кроме того, в редакцию входили М. Ольминский, П. Орловский и Н. Чужак. К нашей молодой редакции сейчас же примкнули Анна Ильинична Елизарова (Ульянова), Вера Михайловна Величкина (Бонч-Бруевич). Из беллетристов откликнулись Е. Н. Чириков и С. И. Гусев-Оренбургский, обещали также свое безусловное сотрудничество А. М. Горький и Скиталец. Эти имена давали нам полную надежду на то, что мы будем иметь достаточное количество хорошей беллетристики, которая привлечет к себе массового читателя. Нам нужно было сделать наш журнал иллюстрированным, и вот здесь мы встретили большое затруднение: у нас не было достаточных связей среди художников, да и оплачивать рисунки мы еще почти что не могли. Однако к нам пришел единственный в то время пролетарский художник, который нарисовал несколько прекрасных иллюстраций. Мы решили их печатать. Одну из них успели поместить в жур-

нале «Наша мысль». Называлась она «К свободе!». Кроме того, иллюстрированный материал мы стали извлекать из всевозможных иностранных журналов и репродукций. Особенно нам были полезны издания немецкого социал-демократа Дитца, который в своих каталогах помещал очень хорошие рисунки из жизни французской революции и Коммуны, а в его журналах постоянно мы находили нужные нам картины из жизни рабочего класса. Кроме того, я вывез с собой из-за границы прекрасные альбомы картин Великой французской революции и Парижской коммуны, которыми мы также решили пользоваться для перепечатки иллюстраций в нашем журнале. [...]

* * *

Когда закрыли журнал «Наша мысль», мы все-таки решили как-нибудь продолжать наше дело и подали заявку на издание нового журнала под названием «Библиотека наших читателей», редакция которого помещалась там же, на Литейном, 60, кв. 9, где раньше была редакция журнала «Наша мысль». Мы считали это наше издание как бы продолжением так скоро погибшего журнала, объявили на него подписку и опубликовали его программу. Редактором-издательницей этого журнала нами была приглашена В. Арнольд.

Мы уже тогда были достаточно предусмотрительны, если не по своему личному опыту, то по опыту других изданий, и решили сейчас же сделать заявки на целый ряд журналов, чтобы, как только закроют один, мы могли издавать другой. Мы изменили формат нашего журнала, перешли на брошюрный и предполагали в каждой книжечке давать те или другие статьи наших ближайших товарищей, отказавшись от иллюстраций или, во всяком случае, не считая это для себя обязательным. В то же время мы хотели продолжать издание наших картин.

В номер первый нашего нового журнала входили две статьи П. Орловского: первая — «Кадеты в Думе» и вторая — «Возникновение рабочего класса». В брошюре всего было 32 страницы, и стоила она 7 копеек. № 1 «Библиотеки наших читателей» вышел 26 апреля 1906 года.

К этому времени у нас на средства нашей партии была уже организована громадная типография «Дело», которая называлась «Электропечатная Т-ва «Дело», Фонтанка, 96, в Петербурге. Мы, конечно, отдавали все наши заказы в эту нашу собственную типографию, которая сослужила огромную службу делу пропаганды наших взглядов. В эту типографию влилась и типография И. Я. Львова.

Чтобы придать нашим книжечкам вид журнала, мы на последних двух страницах, 31-й и 32-й, помещали объявления, причем на 31-й странице мы давали объявление о нашем же журнале, а на 32-й — объявления тех журналов и газет, которые пожелали войти с нами в обмен объявлениями. Так, в № 1 мы поместили объявления о журнале «Вестник знания», «Приказчик» и «Сельскохозяйственный листок».

Этот новый наш журнал — «Библиотека наших читателей» — вышел в свет всего в двух номерах. [...] Сборник второй был посвящен московским событиям. Цена была 5 копеек. Это был один из первых литературных откликов на московское вооруженное восстание.

Вскоре мы сами перестали издавать этот наш новый журнал, а перешли на общий тип брошюр и книг, однако имея его всегда в запасе на случай, если нам пришлось бы возобновить такой тип издания. Кстати сказать, и в дальнейшем, когда у нас было уже издательство «Вперед»[1], мы держались такой же тактики и все время старались иметь несколько разрешений на издание журнала. Та же редактор-издательница Арнольд сделала в свое время для нас заявку на журнал «Жизнь», о котором мы стали печатать объявление в книжечках издания «Вперед».

В скором времени мы сделали заявку еще на новый подобный же журнал — «Отзвуки», но отметили, что этот журнал должен начать выходить в первой половине августа. Все остальное — состав сотрудников, подписная цена и пр. и тому подобные сведения остались стереотипными, то есть теми же самыми, что и при объявлении о журнале «Жизнь», которые в свою очередь были взяты из журнала «Наша мысль». Эти два последних журнала, то есть «Жизнь» и «Отзвуки», так никогда и не появлялись в свет.

Из всех этих анонсов видна одна общая тенденция: дать журнал массовый за наименьшую цену.

В той напряженной атмосфере, в которой нам приходилось работать, такая предусмотрительность с заявками на журналы была далеко не лишней, и проявление ее было не чем иным, как способом борьбы за издание нашей прессы в России в рамках тех легальных возможностей, которые были в 1906 году и которые еще в то время не были совершенно уничтожены циркулярами Столыпина.

* * *

На последнем хозяйственном заседании нашего закрытого журнала мы решили немедленно организовать другое, более обширное книгоиздательство и книгораспространительский партийный центр. Среди нас появился Михаил Иванович Левин, который заявил нам, что он охотно приложит свои силы и знания к этому делу и, кроме того, отдаст нам для начала свои сбережения, а именно 2 тысячи рублей. Я считал, что открывать книжный магазин и издательство можно не только с деньгами, но и без денег, и имел очень большой опыт в этом деле за границей с нашими нелегальными изданиями партии. Несмотря на то что мы получали очень мало пожертвований, мы там, за границей, на чужбине,

---

[1] *«Вперед»* (1906—1907) – большевистское легальное издательство в Петербурге, возникло в результате слияния издательств «Наша мысль», «Марксист» и «Утро». Выпустило 28 произведений В. И. Ленина, издавало социал-демократическую, революционную литературу. *Ред.*

все-таки довольно хорошо вели наше дело, никому не были должны и нам хватало средств для нашего издательства, хотя нередко чувствовали большие перебои в деньгах и испытывали довольно серьезное напряжение нашей кассы. Я знал, что здесь, в Петербурге, наши издания, конечно, пойдут среди рабочей массы через наши партийные организации. Нам, несомненно, удастся стянуть на комиссию в наш книжный склад издания других издательств. Видя, как успешно у нас распространяются книги, начнут присоединяться другие маленькие полупартийные издательства [1], а также издательства попутнических лиц и групп, в общем и целом сочувствовавших нашему новому предприятию. Я переговорил об этом с Владимиром Ильичем. Владимир Ильич самым внимательным образом отнесся к этому делу и сказал мне, что считает его чрезвычайно важным. Он знал, что я в это время работал среди рабочих в различных районах, и он сказал мне:

— К той работе, которую вы сейчас ведете, если прибавить эту организационную книгоиздательскую, то вряд ли справитесь с тем и с другим, а потому я считаю необходимым вам сказать, что работа по книгоиздательству настолько важна для партии и необходима именно теперь, когда наступает реакция, что вы смело можете поступиться своей деятельностью в том или другом районе, сократив ее, чтобы вплотную приняться за это в высшей степени важное партийное предприятие.

Он также сказал, что и сам желал бы выпустить ряд брошюр в этом издательстве и что он вообще будет именно нам отдавать все, что только напишет, а также предложит это и всем другим товарищам. [...] Мы подыскали помещение на Караванной улице в доме № 9 во дворе, в первом этаже. Нам казалось оно вполне подходящим, так как помещение занимало почти что целый этаж.

Мы сюда перевезли остатки изданий «Нашей мысли». В это же время к нам пришел И. Р. Белопольский, который заявил, что считает себя партийцем, что он имеет отдельное издательство «Утро», разрешенное ему нашим ЦК, и что издает он книги только потому, что желает быть полезным партии. Он предложил свои издания поместить у нас в складе на комиссию. Среди них было много хороших брошюр.

Мы также обратились за книжками в возникшее в то время меньшевистское издательство «Новый мир», во главе которого стоял Алексеев, брат нашего партийца-большевика Н. А. Алексеева. В издательстве «Новый мир» отнеслись к нам чрезвычайно враждебно. Мы предложили им обмениваться изданиями по обоюдному выбору. Но это наше предложение меньшевики

---

[1] В то время существовали многие мелкие издательства, которые не принадлежали партии, но на которые партия наша распространяла свое влияние и отчасти даже руководила их деятельностью, нередко вводя в их аппарат своих людей. Такие издательства мы называли тогда полупартийными, например издательство «Труд» (Скирмунта), издательство М. Малых, «Буревестник», «Знание» и пр. *Прим. авт.*

встретили весьма прохладно. С ними мы работали очень мало, выбрав у них на установленную сумму только те книги, которые для нас были подходящи. Также и они у нас взяли мало книг, но принцип обмена изданиями с ними все-таки был установлен. Мы стали заключать договоры с другими издательствами. [...]

Прекрасно к нам отнесся Глаголев, который издавал в это время очень много интересных книг, в том числе собрание сочинений Лассаля, «Процесс первого Совета рабочих депутатов» и много других книг, которые у нас шли великолепно. Небольшое, вполне дружественное нам издательство «Марксист» сначала поместило все свои издания к нам на склад, а потом через некоторое время оно, как и «Утро», совершенно слилось с нами, и мы стали печатать на наших новых изданиях: «Книгоиздательство «Вперед», а далее шел подзаголовок — «Соединенное издательство «Марксиста», «Нашей мысли» и «Утра».

Одним словом, наш склад быстро был совершенно завален книжным товаром, и мы должны были снять еще несколько сараев в том же доме.

Так как в то время наша партия существовала на объединенных началах меньшевиков и большевиков в силу решений полномочного Стокгольмского съезда и так как был выбран и объединенный ЦК партии, то мы, не желая ничем нарушать устав, как только устроили наше книгоиздательство, центральный книжный склад и магазин «Вперед», сейчас же обратились с письмом в Петербургский комитет, прося утвердить нас как партийную организацию согласно уставу нашей партии. Этот шаг не только одобрил Владимир Ильич, но энергично настаивал, чтобы мы это сделали как можно скорей...

Характерно, что мы должны были тогда в силу решения Стокгольмского съезда именовать себя «группой партийных товарищей из бывшей фракции «большинства». Тогда формально считалось, что фракции — и большевиков и меньшевиков — распущены, что партия едина и нераздельна, что время фракционной борьбы и разделения миновало раз и навсегда. Не знаю, верил ли в это кто всерьез. Я, по крайней мере, не принадлежал к их числу. Мне совершенно было ясно, что единства нет и не может быть никакого. Такое объединение как попытка, как политический шаг для того времени было необходимо. Так мыслилось в теории, но практика говорила совершенно другое. Принципиальные разногласия между обеими сторонами были столь глубоки, что для каждого деятельного и вдумчивого участника в этой борьбе, по крайней мере среди нас, большевиков, было совершенно ясно, что все это ненадолго, что «добрая ссора» здесь, несомненно, лучше «худого мира».

Приблизительно через полгода после открытия склада к нашему инвентарю прибавились книги издательства «Колокол», принадлежавшего радикально настроенному купцу Ефиму Дмитриевичу Мягкову, отвалившему 200 тысяч рублей на издание книг. Половину этих денег он распорядился отдать на издание книг

партии социалистов, а половину — на издание книг партии социалистов-революционеров. Во главе социал-демократического отделения «Колокола» стоял П. Я. Гуров, который входил в нашу социал-демократическую ячейку при издательстве «Вперед» и нередко бывал на наших партийных собраниях вплоть до того, как совсем закрыли наше предприятие, то есть до середины 1907 года. Это он и помог, чтобы огромное книжное имущество, выразившееся в номинальных цифрах около 100 тысяч рублей, перешло от «Колокола» во «Вперед», причем Мягков не пожелал за это имущество получать с нас деньги. Многие из этих книг были впоследствии конфискованы, и мы усиленно раздавали и рассылали их по нашим организациям бесплатно.

Наш распространительный аппарат был поставлен великолепно. Мы отправляли литературу по всей России, в первую очередь всем нашим партийным организациям, а также большому числу книжных магазинов и книжных артелей, которые от себя уже распространяли эти книги через газетчиков по городам, заводам, фабрикам и железным дорогам.

* * *

Помимо обсуждения издания брошюр, которые по большей части одобрялись к печати Владимиром Ильичем, мне пришлось в это время серьезно беседовать с ним об издании полного собрания его сочинений. Этот разговор я считаю второй попыткой к такому изданию, так как первая, как это ни странно сказать, была еще в Женеве, когда после выхода книжки Владимира Ильича «Шаг вперед, два шага назад» мне пришлось много говорить с ним — не пора ли его книги, его статьи и работы издать целиком и полностью, хотя бы за границей. Он тогда был очень изумлен этим моим предложением, которое я настойчиво делал и доказывал ему, что все это осуществить было бы вполне возможно, так как за границей имеется значительное число читателей на русском языке и что солидная книга в количестве двух-трех тысяч экземпляров могла бы вполне разойтись, а стало быть, и не обременить нашу кассу. Владимир Ильич одно время задумался над этим моим предложением и даже стал подсчитывать, в скольких томах можно было бы перепечатать его статьи из «Искры», «Зари», некоторые легальные издания и все те, которые были конфискованы в России в различных сборниках как под фамилией Ильин, так и под фамилией Тулин, а также и то, что выходило у него отдельными брошюрами за границей.

События 1905 года, отвлекшие нас всех на острую политическую борьбу, заставили отойти от этого очень важного и необходимого намерения. И вот теперь, когда у нас было организовано свое центральное издательство при большевистской части ЦК партии, я возобновил разговор с Владимиром Ильичем о необходимости печатать его полное собрание сочинений.

— Зачем же полное? — говорил он, возражая против моего максимализма.— Можно напечатать хотя бы избранное, только то,

что сейчас имело бы значение для теоретического освещения целого ряда наших партийных вопросов, а вот со многими газетными статьями можно было бы и повременить...

Я не стал с ним спорить и просил его составить список того, что он хотел бы переиздать в самое ближайшее время. Такой список он составил, который и является не чем иным, как оглавлением позже вышедшей книги его сочинений «За 12 лет».

Эту книгу мы должны были издавать в нашем книгоиздательстве «Вперед». Только тогда предполагали ее издавать не в одном томе, а в нескольких томах, причем к тому, что вошло в книгу «За 12 лет», должен был прибавиться еще целый ряд его статей. Мы полагали, что в шести томах нам удастся напечатать все самое важное, что пожелал бы видеть в этом собрании сам Владимир Ильич. В это собрание входил также его труд «Развитие капитализма в России», который потом был издан в издательстве «Паллада», во главе которого стоял тов. Енько, весьма друживший в то время с нами.

Владимир Ильич, как всегда, самым подробным образом расспрашивал меня о возможности осуществления этого издания его сочинений, подытоживал, не будет ли оно нам в убыток, выдержит ли наше издательство такой расход и т. д. Когда я убедил его, что об этом не стоит говорить и двух минут, так как наверное можно сказать, что его книги разойдутся великолепно, он перешел к обсуждению программы издания и принес мне список всего того, что он хотел бы в ней поместить.

Вскоре после закрытия «Вперед» в Петербурге организовались издательство и книжный магазин «Зерно», принадлежавшие М. С. Кедрову.

Одним из главных деятелей этого издательства был Н. С. Ангарский (Клестов), сначала нелегально живший по паспорту Арк. Ник. Шевтунова, а потом по паспорту А. В. Масленникова. Он обратился к Владимиру Ильичу с предложением издать его книгу статей «За двадцать лет», по примеру вышедшей тогда такой же книги статей Г. В. Плеханова в издательстве «Общественная польза» при главном участии социал-демократа меньшевика Салтыкова. Владимир Ильич не пожелал издавать том «За двадцать лет», а дал список статей, ранее им составленный для издательства «Вперед», где предполагалось издание сборника «За 12 лет».

Корректуру этого сборника читал сам Владимир Ильич (в конце 1907 г.), причем, по свидетельству тов. Ангарского, сильно ее правил, «целыми страницами» добавлял и пр... Книга «За 12 лет» вскоре была конфискована. Вероятней всего, о ней донес во время производства наборщик Шнеерсон, работавший в это время в типографии Безобразова. Когда-то он работал в Женеве в нашей партийной типографии, а потом оказался агентом-провокатором. Он также работал в типографии «Дело» и вообще был вхож в наши социал-демократические большевистские издательства и очень много напортил, освещая нашу деятельность в охранном отделе-

нии. К счастью, когда работала организация «Вперед», он ни разу к нам не являлся: его не было в Петербурге, где он появился несколько поздней, после закрытия «Вперед». Он хитро повел свое проклятое провокаторское дело, погубив весьма многое, пока не был окончательно разоблачен.

В издательстве «Зерно», но без его марки, как известно, появился первый том [1] Сочинений Владимира Ильича, соединенных в сборник «За 12 лет» под фамилией Вл. Ильин. О втором томе было объявлено, что он печатается. Это мы видим из объявления на 4-й странице обложки первого тома «За 12 лет». В него должны были войти статьи по аграрному вопросу, а именно:

Часть I. К характеристике экономического романтизма.

Часть II. Введение. О судьбах нашей аграрной программы.

1) Капитализм в сельском хозяйстве.
2) «Критики» Маркса в аграрном вопросе (четыре статьи).
3) Аграрная программа РСДРП.
4) Послесловие к проекту аграрной программы Икса.
5) К пересмотру аграрной программы (ст. из «Пролетария»).
6) Пересмотр аграрной программы.
7) Муниципализация и национализация на Стокгольмском съезде.
8) Газетные статьи и полемика.

Так как первый том сборника «За 12 лет» был очень вскоре конфискован [2], то второй, уже набиравшийся, так и не вышел в свет.

Было совершенно очевидно, что второй том будет задушен столыпинской цензурой немедленно. Реакция так сгустилась к началу 1908 года, что издательство «Зерно» не могло уже идти на риск, тем более что вокруг него уже вились агенты охранного отделения. Как известно, издательство «Зерно» вскоре было прикрыто распоряжением градоначальника, и Н. И. Подвойский, который должен был отвечать за него по суду, перешел на нелегальное положение и жил в ближайшей Финляндии, оттуда частенько ездил под чужим паспортом в Петербург. Клестов-Ангарский-Масленников переселился в Москву. М. С. Кедров вскоре был арестован.

* * *

Владимир Ильич нередко заходил к нам во «Вперед» под вечер, когда уже смеркалось. Прежде всего проходил он по двору, мимо окон, не обращая никакого внимания на парадный вход в наш

---

[1] В него вошли: Предисловие. 1. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. 2. Задачи русских социал-демократов. 3. Гонители земства и Аннибалы либерализма. 4. Что делать? 5. Шаг вперед, два шага назад 6. Земская кампания и план «Искры». 7. Две тактики социал-демократии в демократической революции. *Прим. авт.*

[2] В «Алфавитном указателе книгам и брошюрам», арест на которые утвержден судебными установлениями, эта книга Владимира Ильича значится на с. 52 как конфискованная. *Прим. авт.*

магазин, как бы идя в тот огромный второй каменный дом, который стоял перпендикулярно к нашему — в конце двора. И если он видел, что все окна были освещены и что мы спокойно там двигаемся и занимаемся, он как бы возвращался назад, заходил через парадное крыльцо к нам. Если же около парадного крыльца он замечал какое-нибудь подозрительное лицо, то, пройдя наш фасад, он входил в тот огромный флигель, стоявший в конце двора, который так был устроен, что с парадного его крыльца первого этажа был наш второй черный выход. Владимир Ильич проходил туда, звонил и заходил в дальнюю комнату.

Если в складе не было никого постороннего, то он через склад нередко приходил ко мне в кабинет, и здесь мы подолгу беседовали с ним об изданиях, причем я показывал ему корректуры, рукописи, планы. Он тут же их просматривал и правил чужие брошюры, также просматривал рукописи и вносил в них свои замечания и исправления. Подробным образом расспрашивал он о том, как мы распространяли нашу литературу, как идут дела, какие у нас связи с провинцией. Он также неоднократно бывал у нас на явке, когда собирались товарищи из Петербургского комитета для обсуждения тех или других вопросов. Он почти никогда не выходил из склада через парадное крыльцо, а проходя по комнатам, как бы незаметно подходил к черному ходу, выбирал такое время, когда никого вокруг не было, кроме меня или других близких ему товарищей, произносил тихо «до свиданья!» и мгновенно исчезал, выходя из нашего другого крыльца, так называемого черного хода, причем и здесь, выйдя на подъезд, он старался выждать, посмотрев во двор, каково там положение, и делал вид, что он выходит из этого дома, как бы спускаясь с верхнего этажа. Конспиративные привычки Владимира Ильича никогда его не покидали. И здесь он проявлял себя все тем же осторожным, спокойным, выдержанным конспиратором-революционером. Недаром он всегда советовал молодежи, приезжавшей в Женеву, изучать принципы конспирации старой «Народной воли», и в особенности деятельность и приемы конспиративной работы известного члена исполнительного комитета «Народной воли» революционера-боевика конспиратора А. Д. Михайлова.

* * *

История нашего центрального книжного склада «Вперед» была бы неполна, если бы мы, хотя бы вкратце, не познакомили наших читателей с нелегальной газетой «Казарма», редакция большинства номеров которой находилась у нас, где постоянно собирались ее сотрудники и распространители. Наша партийная книгораспространительная организация, работавшая под названием «Книжный склад и магазин «Вперед», эта наша центральная партийная экспедиция того времени, много потрудилась в деле распространения газеты «Казарма», принимала прямое участие в частичной перевозке ее номеров и матриц из Финляндии, причем это были почти единственные транспорты, благополучно

достигшие своего назначения. Огромное число экземпляров «Казармы», иногда нелегально печатавшейся в партийной типографии «Дело», поступало в наше ведение, и мы успешно распространяли эту боевую газету везде и всюду.

Мы полагаем, что ввиду всех этих обстоятельств вполне уместно дать здесь краткий очерк об этой газете и ее организационных началах.

Редакция нелегальной газеты «Казарма», издававшейся военной организацией нашей партии, находилась в книжном складе «Вперед». По своему содержанию газета «Казарма» целиком предназначалась для солдат и матросов. Статьи в ней писались популярным языком, затрагивались более всего вопросы самой насущной надобности из быта казарм. На злободневные политические события отвечали специальными статьями. Газета эта набиралась в Выборге по материалам, которые мы доставляли из нелегальной редакции на конспиративную квартиру в Финляндии в местечке Териоки, во главе которой стоял один из помощников Л. Б. Красина, П. Я. Вайнштейн, носивший кличку Калоша. Эти материалы оттуда пересылались дальше для набора в типографию, находившуюся в Выборге. Газета иногда печаталась целиком в Выборге и нелегально доставлялась в Россию. В нескольких же случаях нам удавалось переправить в Россию матрицы с набора и напечатать газету в петербургской легальной типографии нашей партии «Дело». Сама военная организация при газете, как и все военные петербургские организации того времени, не была достаточно проверена, и в ней с первых же шагов, несомненно, присутствовали провокаторы, которые принесли много вреда. Странно было видеть, что переправа газеты из Финляндии в Петербург была по большей части неудачна. Раз за разом транспорты, которые должны были переходить через финляндскую границу, проваливались, и их арестовывали, хотя условия для транспортировки литературы здесь были более легкие, чем, например, на западной границе царской России. Обстоятельства провалов транспортов нам, старым конспираторам, хорошо знавшим это дело, казались весьма подозрительными. Не однажды приходилось говорить, что надо обратить сугубое внимание на транспортную группу на финляндской границе, так как без провокации нельзя было объяснить все те провалы, которые там совершались. Проваливались не только транспорты литературы, но и матрицы, что было совсем плохо, так как это давало руководящую нить охранному отделению искать типографию в Петербурге, для которой эти матрицы предназначались.

Те номера «Казармы», которые удалось напечатать по удачно провезенным матрицам из Финляндии, каждый раз были доставлены случайными людьми, не входившими в военную организацию, мобилизованными на это дело нашим «Вперед». Это ясно показывало, что перевозить матрицы вполне было возможно. Эти номера были напечатаны в довольно значительном количестве на ротационных машинах нашей типографии, и, несмотря на то что в типо-

графии было много народа и, конечно, среди наборщиков и других мастеров были лица нам неизвестные и отнюдь не партийные, все-таки конспиративная работа велась настолько хорошо, что ни разу полиции не удалось нагрянуть в момент печатания нелегальной литературы или во время вывозки ее оттуда. Каждый раз газету «Казарма» и другие издания нашей партии нам удавалось вывезти целиком из типографии и распространить среди широких масс при помощи нашего книжного склада «Вперед». [...]

Последний раз упоминание о газете «Казарма» я слышал на военном суде, который разбирал дело петербургской военной организации, куда я был вызван тов. Чужаком в качестве свидетеля.

Должен здесь констатировать, что газета «Казарма» велась очень удачно, и когда нам удавалось ее распространить, то ее охотно читали рабочие и солдатские массы, и она, конечно, сделала свое большое просветительное, революционизирующее дело в замуштрованной, угнетенной, в полутемной солдатской массе. С арестом тов. Чужака и других находившихся около него товарищей, редактировавших «Казарму» с № 4 по № 9, издание газеты вскоре прекратилось. Вышло еще всего четыре номера. Три из них редактировал Ем. Ярославский и один — М. Ольминский...

На баррикадах. Воспоминания участников революции 1905—1907 гг. в Петербурге. Л., 1984, с. 240—257

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВОСПОМИНАНИЙ

АЛЛИЛУЕВ С. Я.— член партии с 1896 г. В годы первой российской революции вел революционную работу в Закавказье, Москве, Петербурге и других городах. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам.

АШУРОВ К.— рабочий Самаркандской областной типографии, участник революционных событий 1905—1907 гг. в Узбекистане.

БАССАЛЫГО Д. Н.— член партии с 1904 г. В 1905—1907 гг. вел революционную работу в Севастополе, Перми, был членом военно-боевого штаба в Харькове. Делегат V съезда партии. Подвергался репрессиям царского правительства.

БИРЗНЕК Я. Я.— активный участник революционных событий 1905 г. в Латвии.

БОБРОВСКАЯ (ЗЕЛИКСОН) Ц. С.— член партии с 1898 г., профессиональный революционер, агент «Искры». В 1905—1907 гг. вела партийную работу в Москве, Костроме и других городах. Неоднократно подвергалась арестам и ссылкам

БОНЧ-БРУЕВИЧ В. Д.— в революционном движении с 1892 г. Член партии с 1895 г. Сотрудничал в «Искре». В 1903—1905 гг. заведовал экспедицией ЦК РСДРП в Женеве, создал там Центральную библиотеку и архив ЦК РСДРП. В период революции 1905—1907 гг. в России участвовал в подготовке III съезда РСДРП, в создании газеты «Вперед», вел большую пропагандистскую работу, сотрудничал во многих большевистских изданиях

БРАНДЕНБУРГСКИЙ Я. Н.— член партии с 1903 г. В 1904 г.— член Екатеринославского, в 1905 г.— Рижского и в 1906 г.— Тверского комитетов РСДРП. Делегат IV (Объединительного) съезда партии. Неоднократно подвергался репрессиям царского правительства.

БУКАС А. И.— член партии с 1911 г. В 1905 г. был связным ревкома во время вооруженного восстания в Тукуме (Латвия).

БУРЕНИН Н. Е.— в революционном движении с начала 900-х годов, принимал участие в транспортировке нелегальной литературы в Петербург через Финляндию. В 1905—1907 гг. был членом Боевой технической группы при ЦК РСДРП, организовывал доставку оружия.

ВАСИЛЬЕВ-ЮЖИН М. И.— член партии с 1898 г. Активный участник революции 1905—1907 гг. Член МК РСДРП, Федеративного совета РСДРП и исполнительной комиссии МК по руководству вооруженным восстанием. Один из организаторов Московского Совета рабочих депутатов

ВЕТОШКИН М. К.— активный участник революционного движения. Член партии с 1904 г. В 1905 г. вел революционную пропаганду на Дальнем Востоке среди солдат.

ВИНОГРАДОВ М. П.— инжеиер Миусского трамвайного парка в Москве. В 1905 г. организатор и начальник большевистской боевой дружины рабочих. В 1906—1907 гг. принимал деятельное участие в работе Московского военно-технического бюро РСДРП. Неоднократио подвергался репрессиям царского правительства.

ГАВЕН Ю. П.— член партии с 1902 г. В 1905 г. принимал деятельное участие в забастовочном движении в Латвии. Член ЦК Латышской СДРП. Делегат V съезда РСДРП.

ГЕРЦМАН М. А.— член партии с 1904 г. В период революции 1905—1907 гг. был членом Екатеринбургского комитета РСДРП, заведовал боеприпасами местной боевой дружины. За революционную деятельность неодиократио арестовывался, сидел в тюрьмах, был в ссылках.

ГОЛУБЕВ И. М.— член партии с 1900 г. В годы первой российской революции вел революционную работу в Петербурге, Твери, Баку, Москве.

ГОРЬКИЙ М. (ПЕШКОВ А. М.) — великий пролетарский писатель. Принимал участие в событиях 9 января 1905 г., оказывал помощь первой легальной большевистской газете «Новая жизнь». В дни Декабрьского вооруженного восстания помогал рабочим дружинам деньгами, оружием. В начале 1906 г. по поручению партии выехал в Америку, чтобы познакомить американское общество с событиями революции в России и организовать сбор средств на революционную подпольную работу.

ГОРЧИЛИН (ГРЕНАДЕР) А. И — член партии с 1904 г., рабочий мастерских Московско-Казанской железной дороги, член комитета РСДРП Железнодорожного района г. Москвы. В 1905 г. кооптирован в состав Московского комитета партии. Активный участник Декабрьского вооруженного восстания в Москве.

ЖАРНОВЕЦКИЙ К. С.— участник второго Кронштадтского вооруженного восстания в 1906 г.

ЗАВОДОВСКИЙ С. Р.— член партии с 1904 г. В 1905 г. входил в боевую дружину, участвовал в революционном движении в Донбассе.

КАРАВАЕВ П. Н — член партии с 1903 г., член Костромского Совета рабочих депутатов. В годы первой российской революции вел подпольную работу в Москве, Воронеже, Иваново-Вознесенске. Неодиократно подвергался арестам н ссылкам.

КАРПОВА А С.— член партии с 1902 г. В мае 1905 г. заключена в Петропавловскую крепость по обвинению в приидлежности к военной организации Петербургского комитета РСДРП. После освобождения, в ноябре 1906 г., переехала в Москву, где была членом Железнодорожного райкома партии.

КАСЫМХОДЖАЕВ С.— член партии с 1919 г., один из деятелей революционного движения в Узбекистане. В период революции 1905—1907 гг. был рабочим железнодорожных мастерских.

КИСЕЛЕВ Е. А.— рабочий, член партии с 1904 г. В годы революции 1905—1907 гг. руководил боевой дружиной, был членом Московского Совета рабочих депутатов. Делегат V съезда РСДРП.

КОЛУЗАНОВ Н. М — член партии с 1919 г. Активный участник революции 1905—1907 гг. в Саратовской губернии.

КРАМАРОВ Г. М.— член партии с 1907 г. Участвовал в событиях 9 января 1905 г., арестован и выслан из Петербурга. Активный участник вооруженного восстания в Ростове-на-Дону в декабре 1905 г., затем перебрался в Одессу, где был арестован за принадлежность к РСДРП и вооруженное сопротивление полиции. В 1907 г. осужден на четыре года каторги.

КРАМОЛЬНИКОВ Г. И.— член партии с 1898 г. Делегат III съезда РСДРП. Вел партийную работу в Самаре, Твери, Казани, городах Сибири и юга России. Неоднократно подвергался арестам.

КРУПСКАЯ Н. К.— член партии с 1898 г., профессиональный революционер, жена В. И. Ленина. Была секретарем газет «Искра», «Вперед». В 1905—1907 гг. работала в секретариате ЦК партии. Участвовала во II и III съездах РСДРП.

ЛЕТОНМЯКИ Л.— участник революционных событий 1905—1907 гг. в Карелии.

ЛИТВИН-СЕДОЙ З. Я.— член партии с 1897 г., участник московского «Рабочего союза». Вел партийную работу в Москве, Коломне, Тамбове, Петербурге и других городах. В 1905 г. член МК РСДРП, в дни Декабрьского вооруженного восстания — начальник штаба боевых дружин на Пресне, сражался на баррикадах, был ранен. Принимал активное участие в Свеаборгском восстании 1906 г. Неоднократно подвергался арестам и высылке.

ЛИТВИНОВ М. М.— член партии с 1898 г., один из активных агентов «Искры». После II съезда РСДРП — большевик. В 1905 г.— член Рижского и Северо-Западного комитетов и Бюро комитетов большинства, осуществлял руководство нелегальной переправкой грузов, оружия, людей через границу. Делегат III съезда РСДРП. Работал в большевистской газете «Новая жизнь».

ЛУНАЧАРСКИЙ А. В.— член партии с 1895 г., профессиональный революционер. Входил в редакции газет «Вперед», «Пролетарий». В 1905 г. работал в легальной большевистской газете «Новая жизнь». Делегат III, IV (Объединительного), V съездов РСДРП.

ЛЫЧЕВ И. А.— член партии с 1904 г. Был активным участником восстания на броненосце «Потемкин», членом судового комитета.

ЛЯДОВ (МАНДЕЛЬШТАМ) М. Н.— профессиональный революционер, большевик. Революционную деятельность начал в 1891 г. После II съезда — агент ЦК, входил в Бюро комитетов большинства. В начале 1905 г. по заданию ЦК приехал в Петербург, где принимал участие в шествии рабочих к Зимнему дворцу. С октября 1905 по январь 1906 г.— член МК РСДРП. В дни октябрьской политической стачки вел агитационно-пропагандистскую работу среди рабочих и солдат. В 1906 г. работал в Сибири. Делегат IV (Объединительного) и V съездов РСДРП. В 1907 г.— член Екатеринбургского и Уральского комитетов РСДРП.

МАШКИН А. П.— член партии с 1902 г. В 1905 г. входил в окружную группу при Казанском комитете РСДРП.

МИЦКЕВИЧ С. И.— член партии с 1893 г., один из организаторов московского «Рабочего союза». Летом 1905 г.— член Подольского забастовочного комитета. Участвовал в организации и проведении октябрьской политической стачки и Декабрьского вооруженного восстания в Москве. С 1906 г. вел партийную работу в Нижнем Новгороде.

МОЧАЛОВ П. С.— член партии с 1903 г., рабочий, активный член большевистского подполья. В начале революции 1905—1907 гг. по поручению партийной организации занимался формированием сормовской боевой дружины. В декабре 1905 г. возглавил вооруженное восстание сормовских рабочих.

МУРАШЕВ П.— участник революционных событий 1905—1907 гг. на Урале.

НАКОРЯКОВ Н. Н.— революционную деятельность начал в 1899 г., после II съезда РСДРП — большевик. Работал в партийных комитетах Казани, Самары, Уфы, сотрудничал в нелегальной и легальной большевистской прессе. Делегат IV (Объединительного) и V съездов РСДРП.

НЕВСКИЙ В. И.— в революционном движении с 1895 г., член партии с 1897 г. Вел революционную работу в Москве, Воронеже. В 1905 г. агент Бюро комитетов большинства в России, делегат I Таммерфорсской конференции РСДРП.

НИКОЛАЕВ И. П.— бывший волостной писарь Марковской волости Московской губернии, в 1905—1907 гг. участник революционного движения среди крестьян.

ПЕТЕРС Я. Х.— член партии с 1904 г., участник революции 1905—1907 гг. в Латвии.

ПЕТРЕНКО А — участник революции 1905—1907 гг., вел социал-демократическую работу в воинских частях Варшавского округа.

ПЕТРОВ Ф. Н.— член партии с 1896 г., профессиональный революционер. В 1905—1907 гг.— один из организаторов и руководителей военной организации в Киеве. В ноябре 1905 г. участвовал в вооруженном восстании саперов, был ранен. После поражения восстания нелегально перебрался в Варшаву, принимал активное участие в создании военных организаций в Варшаве, Лодзи, Вильно, Гродно. В конце 1906 г. арестован.

ПЕЧЕ Я. Я.— член партии с 1903 г. В 1905 г.— член Лиепайского городского комитета, наладил связь с экипажами крейсера «Орел», броненосца «Рюрик», других кораблей, участвовал в подготовке Лиепайского восстания матросов военного флота. В 1906 г. один из участников освобождения политических заключенных из рижского полицейского управления.

ПИСКАРЕВ (ВАСИЛЬЕВ) А.— участник революционных событий 1905—1907 гг. на Балтийском флоте. В 1906 г.— член Петербургского Совета рабочих депутатов

ПОДВОЙСКИЙ Н. И.— член партии с 1901 г. В 1905 г. вел революционную пропаганду среди рабочих Главных железнодорожных мастерских в Ярославле. Был членом Ярославского комитета РСДРП. Создавал боевые рабочие дружины, вел революционную работу в Иваново-Вознесенске, на Украине, в Баку, Костроме, Петербурге и других городах. В 1906 г. эмигрировал в Германию, затем в Швейцарию. В ноябре 1907 г. вернулся в Россию, работал в петербургской большевистской организации.

ПОЗНЕР С. М.— член партии с 1903 г., большевик, активная участница первой российской революции. В начале 1905 г. вошла в Боевую организацию при ПК РСДРП, а затем — в Боевой комитет. Участвовала в организации боевых дружин и доставке для них оружия. В 1906 г. вела работу в частях петербургского гарнизона. Была членом Петербургского комитета военной организации РСДРП.

ПОПОВ И. В.— член партии с 1904 г., рабочий. Активный участник революции 1905—1907 гг. в Петербурге, член боевой дружины рабочих, депутат Петербургского Совета от рабочих главных вагонных мастерских, агитатор. Делегат V съезда РСДРП.

ПЫЖОВ Н.— рабочий-революционер. В 1905 г. по заданию партии выехал в Миргородский уезд Полтавской губернии для агитационной работы В декабре 1905 г. руководил восстанием крестьян в селе Великие Сорочинцы.

ПЯТНИЦКИЙ О. А.— член партии с 1898 г. Агент «Искры», участвовал в транспортировке нелегальных изданий, в подготовке III съезда партии. Затем переехал в Одессу, вошел в состав Одесского комитета РСДРП, был уполномоченным ЦК РСДРП.

РОЖКОВ Н. А.— член партии с 1905 г., редактор выходивших в годы первой российской революции в Москве большевистских газет «Борьба», «Светоч». В

1906—1907 гг.— член Московского, затем Петербургского комитетов РСДРП. Делегат IV (Объединительного) и V съездов РСДРП. На V съезде был избран членом ЦК РСДРП.

САМОЙЛОВ Ф. Н.— член партии с 1903 г., рабочий-текстильщик, активный участник революционного движения, член первого Совета рабочих депутатов в г. Иваново-Вознесенске (1905 г.).

СЕМАШКО Н. А.— член партии с 1893 г. Активный участник студенческого движения в Казани. В 1905 г. активно участвовал в подготовке вооруженного восстания в Нижнем Новгороде. Входил в состав Нижегородского комитета партии.

СОКОЛОВ В. Н.— один из активных участников восстания в Свеаборге в 1906 г.

СТУРУА Г. Ф.— член партии с 1901 г. В годы революции 1905—1907 гг. работал в большевистских нелегальных типографиях в Баку и Москве.

ТАРАТУТА В. К.— член партии с 1898 г. В годы революции 1905—1907 гг. вел пропагандистскую работу в Москве, а затем был секретарем Московского комитета РСДРП. Делегат IV (Объединительного) и V съездов РСДРП. Неоднократно подвергался арестам, дважды был в ссылке.

ТИМОФЕЕВА Н. И. (МАРУСЯ МАЛЕНЬКАЯ) — участница революции 1905—1907 гг. в Белоруссии, пропагандист, казначей минской организации РСДРП.

ТОДРИЯ С. П.— член партии с 1901 г. В 1906—1907 гг. работала в нелегальных типографиях Петербурга и Выборга.

ТРОЦКИЙ (БРОНШТЕЙН) Л. Д.— в революционном движении с конца 90-х годов, делегат II съезда РСДРП от Сибирского союза, искровец меньшинства, делегат V съезда РСДРП, центрист. Участник первой российской революции, член, затем председатель Петербургского Совета рабочих депутатов до ареста в декабре 1905 г. Принимал участие в издании меньшевистской газеты «Начало», «Рабочей газеты» — органа «Независимой социальной рабочей партии» («независимцы»).

УЛАНСКИЙ И. Е.— один из руководителей восстания в Севастополе в ноябре 1905 г.

ЧАПЛИНСКИЙ В. Д.— член партии с 1904 г., активный участник революционного движения в Забайкалье и на Дальнем Востоке. В 1904—1905 гг. работал слесарем на Забайкальской железной дороге, руководил марксистским кружком.

ЧАЩИН В. А.— член партии с 1906 г. В 1907 г. был избран депутатом II Государственной думы от рабочей курии Пермской губернии.

ЧЕРКУНОВ А. Н.— один из руководителей сельской организации Херсонской губернии, в 1905 г.— активный участник революционного движения крестьян на юге России.

ЧУВПИЛО Н. Н.— рабочий, в годы революции 1905—1907 гг. распространял прокламации среди рабочих, крестьян и солдат Воронежского полка, участвовал в горловском вооруженном восстании.

ШАУРОВ И. В.— член партии с 1904 г. В 1905 г.— агитатор большевистской организации Выборгского района Петербурга, затем член боевой дружины, ответственный секретарь Воронежского комитета РСДРП. Вице-председатель Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП. В 1906—1907 гг. — член Петербургского комитета РСДРП. Делегат V съезда партии.

ШЛИХТЕР А. Г.— член партии с 1891 г. Активный участник первой российской революции, партийную работу вел в Полтаве, Самаре, Киеве. Делегат V съезда РСДРП. Неоднократно подвергался репрессиям царского правительства.

ШЛЯПНИКОВ А. Г.— член партии с 1901 г. В годы революции 1905—1907 гг. вел партийную работу в Сормове, Муроме, Петербурге и Москве.

ШПАГИН А. А.— член партии с 1902 г. В 1905 г. участвовал в вооруженном восстании в Сормове. В 1907 г. избран депутатом II Государственной думы.

ШУМЯЦКИЙ Б. З.— член партии с 1903 г., рабочий, принимал активное участие в забастовочном движении, в распространении нелегальной литературы. В 1905 г.— член Красноярского комитета РСДРП и Красноярского объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов. В 1906 г. возглавил Центральное бюро харбинских профсоюзов, в 1907 г. избран секретарем владивостокской организации РСДРП.

ЭССЕН М. М.— в революционном движении с 90-х годов. Работала в подпольных организациях Екатеринослава, Одессы, Саратова, Киева, Екатеринбурга. В 1905 г. была членом ПК РСДРП.

ЯРОСЛАВСКИЙ Е. М.— член партии с 1898 г. В годы революции 1905—1907 гг. вел партийную пропаганду в Петербурге, Москве и других городах. Делегат IV (Объединительного) и V съездов РСДРП.

СОДЕРЖАНИЕ

III. СПАД РЕВОЛЮЦИИ
(1906 — июнь 1907 года)

ПЕРВЫЙ ШТУРМ
САМОДЕРЖАВИЯ

Заведующий редакцией *В М Подугольников*
Редакторы *Н. И. Коршакова, А В Качурина, Г. П. Шкаренкова*
Младший редактор *Л. Г Еремина*
Художник *Е А. Крылов*
Художественный редактор *Е А Андрусенко*
Технический редактор *Т. Н. Полунина*

На первой сторонке переплета
Баррикадный бой на Пресне
Декабрь 1905 г.
С картины худ. *И Владимарова*

На четвертой сторонке переплета
Восстание на броненосце «Потемкин».
14 июня 1905 г.
С картины худ. *Н. Шестопалова*

ИБ № 7258
ИБ № 7258
Сдано в набор 09.01.89. Подписано в печать 19.05.89. Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,0. Усл. кр.-отт. 38,25. Уч.-изд. л. 36,67. Тираж 75 000 экз. Заказ № 4835. Цена 1 р. 70 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография издательства «Горьковская правда», 603006, г. Горький, ул. Фигнер, 32.

1905
1907

1 р. 70 к.

В книгу вошли воспоминания современников российской революции 1905—1907 годов, ставшей первым штурмом самодержавия. Взятые во всем своем многообразии мемуары участников революционного движения, очевидцев событий позволяют создать картину прошлого.

Опубликованные в книге воспоминания, извлеченные из архивов, старых, забытых и полузабытых публикаций, становятся сегодня достоянием широкого круга читателей.